

АННА ИОАННОВНА

Игорь
Курукин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

И. Курукин

АННА ИОАННОВНА

ЖЗЛ

Annotation

В судьбе Анны Иоанновны было немало крутых поворотов: природную русскую царевну, племянницу Петра I, по его воле выдали замуж за иноземного принца, полжизни провела она бедной вдовствующей герцогиней в европейском захолустье, стала российской императрицей по приглашению вельмож, пытавшихся сделать её номинальной фигурой на троне, но вскоре сумела восстановить самодержавие. Анна не была великим полководцем, прозорливым законодателем или смелым реформатором, но по мере сил способствовала укреплению величия созданной Петром империи, раздвинула её границы и сформировала надёжную и работоспособную структуру управления. При необразованной государыне был основан кадетский корпус, открыто балетное училище и началось создание русского литературного языка.

Книга доктора исторических наук Игоря Курукина, написанная на основе документов, рассказывает о правлении единственной русской императрицы, по иронии судьбы традиционно называемом эпохой иностранного засилья.

-
- [Игорь Курукин](#)
 - [Предисловие.](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [Невидная царевна](#)
 - [Бедная вдова](#)
 - [Митавский любовный треугольник](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [Коварные письма](#)
 - [Московская «оттепель»](#)
 - [Заговор императрицы](#)

- [Победители и побеждённые](#)
- [Глава третья.](#)
 - [«Перебор людишек»](#)
 - [Суровая полковница](#)
 - [В стенах Тайной канцелярии](#)
 - [Царица за работой](#)
 - [Петербургские «распродажи»](#)
- [Глава четвёртая.](#)
 - [«Медный портрет»](#)
 - [Придворные и челядь](#)
 - [Государыня-хозяйка](#)
 - [Аннинские резиденции](#)
 - [Дворцовая кухня](#)
 - [Стиль жизни à la Anne](#)
 - [Охота, лошади, зверинцы...](#)
- [Глава пятая.](#)
 - [«Старосветские помещики»](#)
 - [«Благополучный случай», или Должность фаворита](#)
 - [Открытие России](#)
 - [Немцы и русские на службе империи](#)
 - [В боях и походах](#)
- [Глава шестая.](#)
 - [«Иное уже совершила, а иное совершит старается»](#)
 - [Финансовые «камфузии»](#)
 - [«Нихто в покое не живёт»](#)
 - [Незнаменитые победы](#)
 - [На окраинах империи](#)
 - [В ожидании сукцессора\[11\]](#)
 - [Дело Волынского](#)
- [Послесловие.](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)

- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)

- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)

- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)

- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)

- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)

- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)

- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)

- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)

- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)

- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)

- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)

- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)

- [691](#)
 - [692](#)
 - [693](#)
 - [694](#)
 - [695](#)
 - [696](#)
 - [697](#)
 - [698](#)
 - [699](#)
 - [700](#)
 - [701](#)
 - [702](#)
 - [703](#)
 - [704](#)
 - [705](#)
 - [706](#)
 - [707](#)
 - [708](#)
 - [709](#)
 - [710](#)
-

Игорь Курукин АННА ИОАННОВНА

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1703

(1503)

Предисловие.

ТЕНЬ БИРОНОВЩИНЫ

Императрица... совсем не занималась внутренней и внешней политикой России, потому что вела разгульный образ жизни. Зато её любовник интересовался политикой. Поэтому этот период русской истории называется бироновщиной.

Приведённое в эпиграфе суждение современного школьника отражает отношение к истории поколения XXI века, для которого уже времена Хрущёва или Брежнева представляются седой древностью. Ивана Грозного или Петра Великого ещё помнят — те воевали, казнили и воздвигали; а что взять с остальных правивших персонажей двухвековой давности, не отмеченных масштабными и наглядными деяниями? Времена племянницы Петра I, российской императрицы Анны Иоанновны, были не самыми гуманными (а когда они в России были иными?), однако властной яркостью или дамским шармом государыня не обладала, особо примечательных подвигов или злодейств не совершала. Помнятся разве что разорванные императрицей ограничивавшие её власть «кондиции», ружейная пальба по птичкам и зверюшкам и пресловутое «немецкое засилье». Вечным укором бедной вдове остался её сожитель (по современному — «гражданский муж») Эрнст Иоганн Вирой — как лицо немецкой национальности и непримерного поведения.

Незнаменитые преемники первого российского императора, угодившие в историческую яму (иначе — «эпоху дворцовых переворотов») между Петром и Екатериной Великими, создавали проблемы и прежним историописателям. В первом официальном учебнике истории для российских школ, изданном в 1799 году, правление Анны Иоанновны характеризовалось политкорректно и сдержанно — упоминалось о прибытии первого китайского посольства в Европу, «путешествии по Ледовитому морю вдоль сибирских берегов для открытия пути в восточный океан», основании кадетского корпуса и войне с турками^{1}. «В правление её, — писал автор другого учебника Т.С. Мальгин, — посредством известного честолюбивого и опасного вельможи Бирона великая и едва ли не превосходившая царя Иоанна

Васильевича Грозного употребляема была строгость с суровством, жестокостию и крайним подданных удручением... страх, уныние и отчаяние обладали душами всех; никто не был безопасен о свободе состояния и жизни своей».

А что ещё можно было сказать, если сами коронованные преемники Анны приложили руку к очернению предшественницы? Сначала окружение захватившей престол с помощью роты гренадеров Елизаветы Петровны убеждало сограждан, что министры Анны суть «эmissарии дьявольские», которые «тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных невинных, Бога и государство весьма любящих, втайную похищали, в смрадных узилищах и темницах заключали, пытали, мучали, кровь невинную потоками проливали», а несправедливо нажитые деньги «из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали»^[2]. Затем лично Екатерина II отмечала, что «от кончины Петра I до восшествия императрицы Анны царствовала невежества собственная корысть и борствовалась склонность к старинным обрядам с неведением и нежелательством новых, введенных^[1] Петром I»^[3], — то есть видела в недавней старине борьбу корыстных интересов и неприличную попытку ликвидации петровских новшеств. Застольные «поверенные» разговоры много знавшего министра Екатерины II Никиты Ивановича Панина в кругу друзей тоже не щадили минувшее царствование: «Шуты на яйцах сидели, куры Богу молились в образной. Тиранства её правления»^[4].

Однако так думали не все. Незвестный русский автор замечаний к содержательным «Запискам» аннинского современника немецкого офицера на русской службе Х. Г. Манштейна полагал: «Государыня сия была умна, судила о вещах здраво и сообразно с тем поступала во всех случаях, когда предубеждение и пагубная страсть к наперснику не препятствовали действиям ея. Красноречие украшало уста императрицы; разговор ея был приятен и весел». Она «щедро награждала заслуги», не только регулярно «слушала государственные дела, представляемые министрами, но даже всегда осведомлялась об отправлении и исполнении решённых ею» и «никогда не обременила народ новым налогом»; заботилась о строительстве новой столицы, поощряла науки и художества. Всё бы хорошо, но, писал автор, «с горестию должно сказать, что монархиня обширнейшего в свете и славного

государства, наделённая от природы многими добродетелями, чрез непомерное снисхождение и даже, можно сказать, подобострастие своенравному, злобному и кровожадному наперснику, помрачила всё сияние правления своего», а уж «алчное и ничем не обузданное лихоимство Бироново, неурожай хлебные в большей части России привели народ в крайнюю нищету»^{5}.

Оппозиционно настроенный к режиму Екатерины II министр и историк князь М.М. Щербатов считал: «Императрица Анна не имела блистательного разума, но имела сей здравый рассудок, который тщетной блистательности в разуме предпочтителен». Она «не имела жадности к славе, и потому новых узаконеней и учрежденей мало вымышляла, но старалась старое учреждённое в порядке содержать. Довольно для женщины прилежна к делам и любительница была порядку и благоустройства, ничего спешно и без совету искуснейших людей государства не начинала, отчего все её узаконения суть ясны и основательны». Просвещённый вельможа-интеллектуал отмечал тяжёлый нрав императрицы, но оправдывал его условиями времени: «Грубой её природный обычай не смягчён был ни воспитанием, ни обычаями того века; ибо родилась во время грубости России, а воспитана была и жила тогда, как многие строгости были оказуемы, а сие учинило, что она не щадила крови своих подданных и смертную мучительную казнь без содрагания подписывала...»^{6}.

Достаточно беспристрастно оценил императрицу Н.М. Карамзин в 1811 году в адресованной царю Александру I «Записке о древней и новой России»: «Сия государыня хотела правительствовать согласно с мыслями Петра Великого и спешила исправить многие упущения, сделанные с его времени. Преобразованная Россия казалась тогда величественным недостроенным зданием, уже ознаменованным некоторыми приметами близкого разрушения: часть судебная, воинская, внешняя политика находились в упадке. Остерман и Миних, одушевлённые честолюбием заслужить имя великих мужей в их втором Отечестве, действовали неутомимо и с успехом блестящим: первый возвратил России её знаменитость в государственной системе европейской — цель усилий Петровых; Миних исправил, оживил воинские учреждения и давал нам победы. К совершенной славе Аннина царствования не доставало третьего мудрого действователя для законодательства и внутреннего гражданского образования россиян. Но злосчастная

привязанность Анны к любимцу бездушному, низкому омрачила и жизнь, и память её в истории. Воскресла Тайная канцелярия Преображенская с пытками; в её вертепах и на площадях градских лились реки крови». В итоге не самая плохая государыня пала «жертвой неуважения» просвещённых россиян^{7}.

Однако «Записка» Карамзина не предназначалась для печати — слишком острые и злободневные вопросы в ней поднимались, а его знаменитая «История государства Российского» завершилась на царствовании Ивана Грозного. В доступных же для читателя исторических трудах ответственность за политическую борьбу и перевороты XVIII века возлагалась на действовавших «из личных видов» вельмож и обуреваемых «необузданными страстями» временщиков. Но при этом почти до середины XIX столетия отечественная историография не упоминала о каком-либо «господстве немцев» после смерти Петра I.^{8}

Зато это не преминули сделать исторические беллетристы. «Лицо его было бледно; глаза от беспокойного и не вовремя прерванного сна были мутны и красны; непричёсанные волосы уподоблялись змеям, вьющимся на голове Медузы. Ужасный вид его мог окаменить всякого... “Га, — воскликнул Вирой ужасным голосом, — колесовать его!”» — таким монстром, окружённым «толпой лазутчиков и телохранителей», представал Бирон в одном из подобных сочинений^{9}. Самый известный роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом» ввёл в русский язык и историю понятие «бироновщина» и воспел павшего в борьбе с корыстным и бездушным иноземцем русского патриота Артемия Волинского. Защита поправленного человеческого достоинства и неприятие деспотизма обеспечили роману успех (в XIX веке он выдержал полсотни изданий и благополучно переиздаётся по сей день) и привели к настоящему паломничеству к могиле забытого вельможи...^{10}

Затем популярный драматург, журналист и критик Н.А. Полевой сформулировал тезис о «падении партии иностранцев» с воцарением Елизаветы”. Но и маститый учёный С.М. Соловьёв в своей «Истории России с древнейших времён» подчеркнул, что борьба придворных «партий» после смерти Петра I привела к засилью иностранцев в правящих кругах, тем более что сами сподвижники Петра Великого «начинают истреблять друг друга». Историк патетически восклицал: «...какими глазами

православный русский мог теперь смотреть на торжествующего раскольника? Россия была подарена безнравственному и бездарному иноземцу как цена позорной связи! Этого переносить было нельзя». Анну Иоанновну он укорял за отступление от петровской традиции: «В указах часто говорится о великом дяде, о необходимости восстановить его полезные отечеству распоряжения, но главное правило великого дяди — не давать первенства иностранцам пред русскими, управлять посредством своих — это правило было забыто, а оно-то было всего дороже для русских». В упрёк императрице ставились «небывалое усердие» Тайной канцелярии, роскошь двора, траты «на фаворитов-немцев, на балы и маскарады», в то время как народ платил «слёзные и кровавые подати»^{11}.

В.О. Ключевский в блестящем «Курсе русской истории» завершил исторический портрет Анны убийственной характеристикой: «...она... привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточённой жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений. Выбравшись случайно из бедной митавской трущобы на широкий простор безотчётной русской власти, она отдалась празднествам и увеселениям, поражавшим иноземных наблюдателей мотовской роскошью и безвкусицей... Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезённых из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении»; последовали жестокие казни, «шпионство» и упадок «народного хозяйства», «доимочная облава на народ»^{12}. Нарисованный Ключевским образ оказал на распространение стереотипа о бироновщине не меньшее влияние, чем роман Лажечникова.

Однако в то же время появились основанные на архивных материалах объёмные труды^{13} и журнальные статьи^{14} о ещё недавно запретной эпохе, о самой императрице и её окружении. Стали публиковаться письма и указы Анны Иоанновны, бумаги Кабинета министров, императорского двора и обширных архивов Сената и Синода^{15}. К двухсотлетию Сената (1911) увидело свет многотомное исследование по его истории; затем была опубликована богато документированная история Императорского кабинета^{16}.

Зазвучали голоса учёных, пытавшихся более объективно подойти к изучению послепетровской России. Н.А. Попов полагал,

что «немецкие правители, сменившие русских, были осторожнее их, менее обременяли свою память позорными интригами, нежели их предшественники», более того, «покрыли имя русской императрицы и русской армии военной и дипломатической славою». Историк и писатель Е.П. Карнович первым предложил заменить «бироновщину» на «остермановщину», поскольку именно А.И. Остерман являлся главным государственным деятелем аннинской России. Н.И. Костомаров полагал, что «во многих отношениях царствование Анны Иоанновны может назваться продолжением славного царствования её великого дяди»^{17}.

Работы В.М. Строева и В.Н. Бондаренко^{18} поставили под сомнение оценку царствования Анны Иоанновны как времени господства иноземцев. Первый из авторов полагал, что «злой гений» императрицы Бирон действовал лишь в придворном кругу, в дела управления не вмешивался и не помышлял о захвате русского престола; при дворе, как и в бюрократическом аппарате, русских было гораздо больше, чем немцев; само же аннинское правление нельзя считать упадком: проводились «не широкие реформы, но вызванные насущными потребностями государства мероприятия». Второй, оценивая печальное состояние финансов страны, указал, что государственный бюджет был подорван ещё до вступления Анны на престол, и представил мероприятия Кабинета министров по оздоровлению экономики страны^{19}.

Таким образом, в начале XX века начался процесс преодоления сложившегося образа царствования Анны Иоанновны. Однако в советское время историки потеряли интерес к «эпохе дворцовых переворотов» — перипетии борьбы за власть между группировками свергнутого класса не заслуживали изучения. В учебниках и обобщающих трудах 1930–1970-х годов преимущество отдавалось освещению роли петровских преобразований в преодолении отсталости России. Любая оппозиция этим реформам (например, попытка в 1730 году ограничить монархию) оценивалась как усилия, направленные на реставрацию допетровских порядков. В итоге произошло возрождение охранительно-монархического восприятия развития послепетровской России, а штамп о господстве «немцев» оказался удобным для классовой оценки правящей верхушки и её «антинациональной политики». Бироновщина вновь стала представляться «кровавым

правлением шайки иноземных угнетателей», которые в лучшем случае выступали как жестокие и корыстные исполнители социальных требований русских дворян-крепостников^[20].

Казённые формулировки учебников расцветали в романах популярного в своё время сочинителя Валентина Пикуля с принципиально упрощённым до уровня анекдота восприятием прошлого. Под его пером государыня предстала бабищей, ни в чём не знавшей удержу:

«... — Колокол иметь на Москве желаю, — объявила однажды. — Чтобы он на весь мир славу моему величеству благовестил. Дабы всем колоколам в мире был он — как царь-колокол... — Баба ещё в самом соку была. Полногрудая. Телом крепкая. С мышцами сильными. На мужчин падкая. Чёрные, словно угли, глаза Анны Иоанновны сверкали молодо. Корявое лицо — в гневе и в страсти — оживлял бойкий румянец.

Не боялась она морозов, в свирепую стужу дворцы её настежь стояли. Платок царица повяжет на манер бабий, будто жена мужицкая, и ходит... бродит... подозревает... прислушивается. Иногда в ладоши хлопнет и гаркнет во фрейлинскую:

— Эй, девки! Чего умолкли? Пойте мне... Не то опять пошлю всех на портомойни — для зазору вашего портки стирать для кирасиров моих полка Миниха! Ну! Где веселье ваше девичье?..

Дралась же Анна Иоанновна вмах — кулаками больше, как мужики дерутся. И столь сильны были удары её, что солдата с ног кулаком валила. Зверья и дичи разной набивала она тысячами, удержу в охоте не ведая. Трах! — вылетали из дворца пули, разя мимолётную птицу. Фьють! — высвистывали стрелы, пущенные из окон (иногда и в человека прохожего).

— Ништо мне сдеется, — говорила Анна Иоанновна, собою довольная. — Эвон сколь здоровушша я, и промаха ни единого!»

Усилиями целого поколения учёных (Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова, Н.Н. Петрухинцева и др.) в последние два десятилетия состоялось новое прочтение аннинского царствования как этапа в общем направлении исторического развития России.

Е.В. Анисимов в статье «Анна Иоанновна» (1993) показал, что императрица (пусть и необразованная, мелочная, грубая) умела властвовать и даже проводить реформы — хотя и не слишком удачные; ей пришлось лавировать между группировками, искать почву для компромисса с дворянством, урегулировать отношения

с вчерашними противниками. Автор последовательно разоблачал миф о бироновщине как эпохе «засилья иностранцев», «торговли интересами страны», упадка экономики, массовых «правежей» недоимок и политических репрессий^{21}. На страницах опубликованной историком в серии «Жизнь замечательных людей» биографии (2004) императрица предстаёт своеобразным порождением петровских преобразований: «При Анне не произошло никаких из ряда вон выходящих перемен, которые бы нарушили внутреннее равновесие сословных и властных интересов. Все проявившиеся и усилившиеся ещё при Петре Великом процессы и явления экономической, политической, социальной, культурной жизни России развивались по своим внутренним законам и корректировались правительством Анны Иоанновны в разумных пределах». Что же касается мздоимства, присвоения государственной собственности и прочих проблем в работе государственного аппарата — «кто из преемников и наследников Анны Иоанновны мог похвастаться, что победил эти пороки русской власти»?^{22}.

Н.И. Павленко не обнаружил принципиальных расхождений в промышленной политике Петра I и Анны Иоанновны — решения в этой сфере диктовались стратегическим курсом меркантилизма и экономической конъюнктурой. Историк счёл возможным говорить о «немецкой партии» при дворе, но ведущую роль в ней отдал Остерману, в связи с чем вновь предложил в вузовском учебнике переименовать «бироновщину» в «остермановщину», под которой следовало понимать уже весь период 1725–1741 годов^{23}.

Н.Н. Петрухинцев впервые подробно исследовал намеченную в начале царствования Анны программу корректировки Петровских реформ, в том числе снижение налогов, либерализацию торговли, ослабление государственного пресса на национальных окраинах и расширение привилегий дворянского сословия. Т.В. Черникова осмыслила масштаб и направленность репрессивной деятельности Тайной канцелярии, явно преувеличенной современниками^{24}.

Единственная изданная на Западе биография Анны Иоанновны представляет собой добросовестное собрание известий о жизни и делах российской императрицы, сделанное по опубликованным источникам, прежде всего по запискам иностранцев; его автор особо выделяет увлечение Анны и её

придворных иностранными театральными постановками, музыкой и танцами.^{25}

К настоящему времени опубликовано законодательство Анны Иоанновны и документы, связанные с её восхождением на престол в 1730 году.^{26} Появились переиздания мемуаров современников Анны Иоанновны.^{27} и академическое собрание сделанных иностранцами описаний Петербурга 1730-х годов, расширяющих представление о повседневной жизни людей той эпохи.^{28} Стала изучаться культурная жизнь аннинского двора, отнюдь не ограничивавшаяся известными шутовскими развлечениями.^{29} Появились и диссертации молодых исследователей, посвященные проблемам правления Анны Иоанновны.^{30}

В итоге в «большой» академической науке десятилетие 1730–1740 годов уже давно не выглядит кровавой аномалией, а фигуры на троне и вокруг него — морально разложившимися извергами. Неформальные институты (такие, как фаворитизм, гвардия, императорский двор) признаются вполне эффективными и достойными исследования — в рамках изучения «культурных механизмов» функционирования власти, представлений о ней в обществе и форм политического поведения — всего того, что называют «политической антропологией».^{31}

Но тщетно ещё в позапрошлом и прошлом веках историки указывали, что литературный образ аннинского царствования не соответствует действительности, что управляли государственными делами совсем не иностранцы, к тому же не представлявшие единой «немецкой партии».^{32} Похоже, изменить освящённую именами Ключевского или Пикуля (в зависимости от запросов публики) оценку эпохи уже невозможно. Единственным утешением может служить осознание роли писателя в деле исторического просвещения сограждан.

В современных сочинениях на историческую тему грозная царица — уже не бой-баба, а, в духе думы К.Ф. Рылеева, жертва рокового увлечения «презренным злодеем»:

«О, где найду душе покой?» —
Она в раздумьи возопила
И, опершись на трон рукой,
Главу печально преклонила.

«И в шуме пиршеств, и в глуши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает!..»

Государыня, томимая «в плену своей страсти», не замечает «массовых арестов и разгула репрессий», хотя сама же возложила на Бирона «карательно-охранные функции», или предстаёт дочерью природы с «дивными очами из-под высоких бровей», наездницей-охотницей, изнемогшей под бременем непривычной власти^{33}.

Об этом же говорит и ещё один роман в стихах — его литературный стиль ясно проступает в нижеприведённых строках:

...Уж она не замечала,
Что творилось под началом
Ейным рядом и вдали,
Средь пространств родной земли
В подчинённой ей державе:
Упущеньи в части права,
Пьянство, взятки, грабежи,
Казни русских, правежи...

В итоге простодушная императрица за свою любовь заплатила жизнью, будучи отравлена Бироном и его сообщниками:

Только Анна пригубила
Из бокальчика вино,
Как в глазах её темно,
Как в кромешной ночи, стало
И она на пол упала^{34}.

Однако в псевдоисторических сочинениях можно встретить и другой, неприглядный образ царицы: «...тупая бабища царских кровей с интеллектом даже не деревенской бабы, а падшего создания из портового заведения». Один из авторов даже соглашается, что «партия иноземцев» — миф, но всё же считает,

что властвовали именно «немцы», поскольку русские вельможи «передрались между собой и уничтожили друг друга». Виной же всему — Пётр I, пытавшийся создать в России утопию «регулярного государства»; Анна лишь продолжала его политику, пытаясь войной прикрыть «убожество и жестокость своего правления»^{35}. В других трудах Бирон выступает злодеем, который «лелеял мечту о всероссийском троне», управлял Анной, «как своей собственной лошадью»; в свою очередь она, «полуголая, нечёсаная... валялась целыми днями на медвежьих шкурах», в то время как немцы и их российские подельники («наднациональная прослойка предателей своего народа») водворили в стране «татарское время» и творили грандиозную «распродажу России»^{36}.

Но что спрашивать с сочинителей, в чьих опусах, как справедливо замечено автором предисловия к одному из них, «грань между безграмотностью исследователя и фантазией автора очень тонка», если примерно то же написано в школьных учебниках, рекомендованных Министерством образования и науки? Один из самых массовых учебников по истории России всерьёз утверждает, что Бирон и прочие «немцы» принесли с собой «распущенность нравов и безвкусную роскошь, казнокрадство и взяточничество, беспардонную лесть и угодливость, пьянство и азартные игры, шпионство и доносительство»^{37} и заразили всем этим до того сплошь трезвых, неподкупных и чистосердечных россиян.

Другие учебники убеждают, что при Анне шёл пир во время чумы: «...оборотной же стороной этой развесёлой жизни стала деятельность Тайной розыскной канцелярии: доносы, аресты, изуверские пытки и казни, массовая ссылка в Сибирь (более 20 тысяч человек). С помощью этого Анна Иоанновна утверждала на престоле себя и обеспечивала немецкое засилье», которое, как всякая оккупационная власть, ставило перед собой задачу «обеспечить порядок и выжать из населения максимум возможного»; при этом Россия «обретала вид страны, опустошённой войной или мором»^{38}.

Третьи как-то неполиткорректно возлагают вину на саму императрицу. Что хорошего могла дать стране «толстая женщина с некрасивым лицом и грубоватыми манерами, дурно образованная и одержимая страстью к роскоши», «ограниченная, грубая, ленивая и мстительная», занимавшаяся лишь балами, стрельбой и шутами?^{39} Понятно, что при таком уровне

верховой власти «все высшие должности в государстве были розданы немцам» — кто-то ведь и работать был должен. Видимо, от огорчения авторы одного из довольно свежих учебников вообще устранили из числа исторических деятелей Анну Иоанновну после возвращения «самодержавства» в 1730 году — её портрет в тексте есть, а характеристики нет; известные же меры её царствования осуществляли безымянные «власти»^{40}. Другие учебные пособия говорят о «глухом времени иностранного засилья», которое «грозило довести страну до развала», о кровавом терроре и даже... об искоренении всех русских традиций. Вдохновителем же и организатором этого безобразия предстаёт «чудовищно жестокий тиран, позволявший себе всё, что взбредёт в голову»^{41}. В итоге, по словам тех же учебников, «тень бироновщины легла на страну» — и накрыла Анну Иоанновну и её царствование.

Автору этих строк уже доводилось писать о временах императрицы Анны и о самом Бироне — интересно было понять и проследить не вымышленно-злодейскую, а реальную работу фаворита как специфического института власти^{42}. Теперь настал черёд самой императрицы. После маститых предшественников трудно добавить что-либо принципиально новое о характере, привычках, пристрастиях, окружении и мировоззрении Анны Иоанновны или создать какой-либо иной «групповой портрет с дамой». Но остаётся неисследованной иная проблема.

Утверждение в XVIII столетии женщин на троне можно считать началом эволюции сурового «мужского» облика и стиля российской власти. Анна — впервые после царевны Софьи — совершила, можно сказать, революционную попытку обрести женское счастье в публичном пространстве, ни от кого особо не таясь. В то же время самодержавная власть ей досталась явно не по заслугам; к тому же сидящая на престоле «баба» со всеми присущими дамскому полу слабостями «снижала» в сознании подданных сложившийся в прошлые века образ «великого государя царя». Однако необразованной и не имевшей опыта большой политики царевне удалось, став императрицей, не только укрепить своё положение, но и создать надёжную и работоспособную структуру управления, обеспечить стабильность режима, пусть и несимпатичного с точки зрения современных представлений о правах человека. Об этом и пойдёт речь в нашей книге — на основании документов,

позволяющих судить о роли Анны Иоанновны в отечественной истории.

Глава первая.

**«ВЕЛИКАЯ ПРИНЦЕССА
РОССИЙСКАЯ, ТАКО Ж
ЛИФЛЯНДИИ, КУРЛЯНДИИ И
СЕМИГАЛИИ ГЕРЦОГИНЯ»**

*Не давай меня, дядюшка,
Царь государь Пётр Алексеевич,
В чужую землю нехристианскую,
бусурманскую.
Выдай меня, царь государь,
За своего генерала, князя, боярина.*

Народная песня

Невидная царевна

За исполнение процитированной в эпитафии песни жительница Шлиссельбурга Авдотья Львова в 1739 году угодила в Тайную канцелярию по доносу местной канцелярской крысы — копииста Алексея Колотошина. Бедная мешаночка уверяла, что пела «с самой простоты», как это делали «малые ребята» во времена её молодости в Старой Руссе. Но дело было признано важным. Сам начальник сыска империи, генерал-аншеф Андрей Иванович Ушаков, допрашивал Авдотью с пристрастием: «...не из злобы ли какой пела?» — и для удостоверения в истине приказал поднять её на дыбу. Судя по всему, о деле была извещена сама императрица, но сочувствия к «певице» не проявила, тем более что баба спроста поведала и о слухе, что у государыни будто бы был сын. От имени героини песни было приказано Авдотью «нещадно» наказать кнутом с последующим «свобождением» и вразумлением о пользе молчания^[43].

Похоже, государыне было не слишком приятно вспоминать о своей не очень счастливой молодости. Её мать Прасковья Салтыкова в браке с царём Иваном Алексеевичем, недееспособным и отодвинутым от власти энергичным Петром, родила пять дочерей, но две из них умерли в младенчестве. Три оставшиеся — Катя, Аня (родилась 28 января 1693 года) и Параша — рассчитывать на особо привилегированное положение не могли, тем более что родных братьев, возможных наследников трона, у них не было. Пётр сохранил двоецарствие и обещал старшему брату уважать его, как отца. Имя Ивана ставилось во всех царских грамотах и документах на первое место. Сам же «старший» государь делами не интересовался — выполнял церемониальные обязанности, а остальное время посвящал постам и молитвам. Он скончался в январе 1696 года, немного не дожив до тридцати лет, и был с положенными почестями погребён в Архангельском соборе Московского Кремля.

В былые московские времена жили бы девицы-царевны затворницами, изредка выезжали на богомолье и, вероятно, закончили свой век черницами. Детство Анны прошло в Измайлове — бывшей «ферме» и охотничьем хозяйстве её деда-царя Алексея Михайловича, где в 1702 году был выстроен новый деревянный дворец. Посетивший Измайлово в июле 1699 года

секретарь австрийского посольства Иоганн Корб изобразил его маленьким райским уголком:

«Замок окружает роща, замечательная тем, что в ней растут хотя и редко, но весьма высокие деревья; свежесть тенистых кустарников умеряет там палящий жар солнца. Господин посол, желая насладиться видом этих волшебных мест, отправился туда. За ним следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с приятным звуком тихого шелеста ветра, который медленно стекает с вершин деревьев. Царицы (Прасковья Фёдоровна и вдова Фёдора Алексеевича Марфа Матвеевна. — *И. К.*), царевич (Алексей Петрович. — *И. К.*) и незамужние царевны пребывали тогда в этом замке. Желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в сём волшебном убежище, они часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось так, что августейшие особы гуляли, когда вдруг долетели до их слуха приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя и возвращались уже в замок. Музыканты, видя, что их слушают и что их игра нравится, старались играть ещё приятнее, соперничая между собой в том, что игра заставит всепресветлейших слушателей долее оставаться на месте. Князя царской крови, с четверть часа слушая симфонию музыкальных инструментов, похвалили искусство всех артистов»^{44}.

У царицы в Измайлове был маленький двор со своими стольниками, стряпчими, ключниками, подьячими, конюхами, сторожами, истопниками; на «оклад» двум царственным вдовам выделялось от 12 до 30 тысяч рублей в год, к тому же у Прасковьи Фёдоровны имелись немалые вотчины — около 2,5 тысячи дворов в Нижегородском, Новгородском и Псковском уездах. Во главе штата и хозяйства стояли брат царицы кравчий Василий Салтыков и стольник Василий Юшков, но дела шли плохо: управители и приказчики безбожно обманывали хозяйку^{45}, а та в хлопотные дела не вникала. Эта нелюбовь к хозяйственным вопросам, как видно, передалась по наследству Анне и сестрам.

«Благоверная царица и великая княгиня», сестры Петра I царевны Наталья, Мария, Феодосия и Екатерина Алексеевны со своими придворными устраивали катания на лодках, качались на качелях, гуляли в роще или среди яблонь и слив в «Виноградном саду», кормили рыб в прудах, слушали голосистых украинских

певчих Льва Кирилловича Нарышкина; после увеселений следовали «стол и вечернее кушение». Время от времени там появлялся юный Пётр и всех домочадцев и гостей «жаловал питьями»^{46}. По праздникам царевны смотрели на хороводы крестьянских девок и жаловали их пряниками — не оттуда ли пошла привычка Анны к общению с бойкими и говорливыми простолюдинками?

В окружении царицы Прасковьи имелись калеки, гадалки, юродивые, в том числе подьячий Тимофей Архипыч, выдававший себя за пророка. Пётр подобную публику не любил, но на вдовую царицу не гневался, благо политических амбиций она не имела и ни в чём ему не перечила: одевалась (и одевала дочерей) по новой моде, ездила на празднества, покорно перебралась в Петербург, где для неё на Васильевском острове был выстроен дворец, — а большего от неё и не требовалось.

Голландский художник Корнелий де Бруин по повелению царя в марте 1702 года должен был писать портреты царевен, что и сделал «с возможной поспешностью, представив княжён в немецких платьях, в которых они обыкновенно являлись в общество, но причёску я дал им античную, что было предоставлено на моё усмотрение».

Де Бруин оставил первое известное нам свидетельство о невестке и племянницах Петра I: «Перехожу теперь к изображению царицы, или императрицы, Прасковьи Фёдоровны. Она была довольно дородна, что, впрочем, нисколько не безобразило её, потому что она имела очень стройный стан. Можно даже сказать, что она была красива, добродушна от природы и обращения чрезвычайно привлекательного. Ей около тридцати лет. По всему этому её очень уважает его величество царевич Алексей Петрович, часто посещает её и трёх молодых княжон, дочерей её, из коих старшая, Екатерина Ивановна, — двенадцати лет, вторая, Анна Ивановна, — десяти и младшая, Прасковья Ивановна, — восьми лет. Все они прекрасно сложены. Средняя белокура, имеет цвет лица чрезвычайно нежный и белый, остальные две — красивые смуглянки. Младшая отличалась особенною природною живостью, а все три вообще обходительностью и приветливостью очаровательною»^{47}.

Конечно, царевен чему-то учили, но едва ли их образование было достойным — им ведали ничем не прославившийся старший брат знаменитого дипломата Иоганн Христофор Остерман и заезжий француз Рамбур, учитель «танцевального искусства и

поступи немецких учтивств» — ни тем ни другим Анна в зрелом возрасте похвастаться не могла.

Видевший сестёр в январе 1710 года датский посланник Юст Юль отметил, что они усвоили кое-какие светские манеры: «Любопытно, что молодые царевны при встрече с кем-нибудь тотчас же протягивают руку, [подымая её] высоко вверх, чтоб к ним подошли и поцеловали оную. В общем они очень вежливы и благовоспитанны, собою ни хороши, ни дурны, говорят немного по-французски, по-немецки и по-итальянски»^{48}. Однако Анна иностранными языками, даже немецким, свободно не владела, а корявый, рубленый почерк в стиле «курица лапой» показывает, что письмо для неё было не самым привычным и лёгким занятием. Зато некоторые дедовские пристрастия передались внучке — правда, она, в отличие от Алексея Михайловича, увлекалась не «красной» соколиной охотой, а, что несколько необычно для дамы, ружейной пальбой. Вслед за упомянутым автором стихотворного романа можно предположить, что ей удалось

...так сдружить с роскошной флорой.
Провожала Анна дни
Среди милых ей просторов
Деревенской тишины.

Впрочем, юность будущей государыни едва ли была радостной — царица больше любила старшую дочь Екатерину; на младших нежности, видно, не хватало, и Анна даже много лет спустя боялась гнева матери. А что ещё она видела в юности? Переезды, неустроенный быт только что основанного Петербурга, случайных учителей, пальбу и фейерверки петровского двора, привычные жестокости, когда государь лично распоряжался повешением дезертиров или царские шуты получали пощёчины за червонцы. Развлечения, устраиваемые в царском дворце, не отличались изысканностью: «...много ели, пили и стреляли; и разгула, и шума было здесь столько же, сколько на любом крестьянском пиру». В резиденции Меншикова «все без различия пола и состояния вынуждены были прыгнуть в канал, вырытый князем на его счёт у его дома, и простоять там два часа кряду, выпивая чаши. Одни только царевны были пощажены»^{49}.

Но всё же благодаря петровским преобразованиям царевны начали выходить в свет. Английские дипломаты отмечали, что в ноябре 1707 и 1708 годов сестры Ивановны присутствовали на праздновании дня рождения Меншикова в его палатах, но их вместе с матерью «угощали в то же время в отдельных покоях»^{50}; видимо, они чувствовали себя неловко во время шумных петровских застолий.

Однако в покое их не оставили. Для Петра I, в огне баталий Северной войны строившего свою державу, дочери и племянницы служили стратегическим ресурсом в большой дипломатической игре. Анна Ивановна стала первой русской принцессой, которой предстояло отбыть в чужие края вопреки традициям московского двора. После победной Полтавской битвы (1709) Пётр I сначала решил выдать её за сына своего союзника, саксонского наследного принца. В марте 1710 года царицу с дочерьми вытребовали в только что основанный Петербург. Но вскоре грозный дядюшка изменил решение — теперь он планировал брак Анны с герцогом Курляндским. Согласия царевны никто и не думал спрашивать — она стала очередной и не самой важной ставкой в дипломатических планах царя.

После захвата шведских владений в Прибалтике Пётр всё сильнее вмешивался в дела германских княжеств. Своего сына Алексея он женил на принцессе Шарлотте Вольфенбюттельской, а руку старшей дочери, Анны, предложил герцогу Голштинии. Старшая царская племянница Екатерина предназначалась мекленбургскому герцогу Карлу Леопольду, известному подражанием шведскому королю-солдату Карлу XII (за что он получил прозвище королевской обезьяны) и вздорным характером, из-за которого в итоге был изгнан собственными дворянами. Серия династических браков закрепляла фактически установившееся влияние России на политику этих карликовых государств.

Маленькая прибалтийская Курляндия (южная часть современной Латвии) являлась вассальным владением польской короны и несколько лет подряд служила аренной боевых действий саксонских, шведских и русских войск. В довершение несчастий в 1703–1711 годах на страну обрушилась «великая чума»; смерть стала настолько обычной, что крестьяне даже не считали нужным собирать урожай. Полтавская битва положила конец могуществу Швеции и её господству в Прибалтике.

Отныне судьба Курляндии находилась в других руках. Договор России с Пруссией в октябре 1709 года разделял сферы влияния в пограничных территориях; его 3-й параграф предусматривал брак молодого курляндского герцога с племянницей Петра I. Возможно, царь сразу же обрадовал этим решением герцогскую фамилию — в ноябре по пути в Ригу он заехал в Митаву.

Так по воле дяди судьба Анны переплелась с историей крохотного государства. Вопрос был решён между делом — для встречи с курляндской делегацией Пётр прибыл на несколько дней из-под осаждённого Выборга, 21 июня 1710 года состоялась помолвка, а вечером царь уже умчался к своей армии. Церемония была несложная: «...штаб-офицер привёл присланных для этого дела герцоговых посланцев в дом князя Меншикова; тут князь принял их, разменялся с ними заключённым между сторонами соглашением и затем перевёз на ту сторону реки, в царский сад, где их ждала принцесса Анна. [Она] стояла между своею матерью и царём. После первых приветствий гофмаршал герцога, обратившись к царице, попросил от [имени] своего господина руки её дочери и, получив утвердительный ответ, тотчас передал [невесте] портрет герцога, украшенный драгоценными камнями, а равно и кольцо. Царь снял с пальца царевны другое кольцо и вручил его для передачи герцогу. Затем гофмаршалу и надворному советнику царь подарил по 2000 рублей, камер-юнкеру 600 рублей и секретарю 300 рублей; вдобавок обещал подарить гофмаршалу немедленно по возвращении из Выборга свой портрет, украшенный алмазами»^{51}.

Условия были не слишком выгодны для Курляндии, но как раз в это время русские войска закончили завоевание Прибалтики: в июне сдался Выборг, в июле — Рига, в августе — Пернов, в сентябре — Ревель. Долго уговаривать послов не пришлось: они пошли бы на любой брачный вариант, дававший Курляндии избавление от многолетней и разорительной войны «под рукой» могущественного соседа; к тому же Пётр милостиво согласился освободить герцогство от военных постоев и контрибуций.

Весной 1710 года Пётр I разрешил бежавшему от шведов в Пруссию Фридриху Вильгельму вступить в управление собственным герцогством, а его посла — прибыть в Петербург для завершения переговоров о браке. Надежду курляндских и прусских дипломатов на получение герцогом в управление «генерал-викариата» Лифляндии и материальной помощи царь

решительно разрушил. Приданое Анны составили 200 тысяч рублей, из которых 160 тысяч практичный Пётр сразу же направил на выкуп заложенных герцогских имений. Царь пообещал герцогу защищать его владения от внутренних и внешних врагов, взамен герцогство должно было соблюдать нейтралитет во всех войнах и пропускать через свою территорию русские войска.

Кроме того, были предусмотрены и печальные обстоятельства — возможно, потому, что здоровье герцога вызывало опасения. Одна из статей — к несчастью, оказавшаяся востребованной — предполагала: «Буде же светлейший герцох, князь по смерти детей по себе не оставит, а её высочество, супруга его, во вдовстве пребывати во весь живот свой соизволит, то обещает оный в засвидетельствование усердной своей ко оной любви и склонности княжеской особе достойное вдовское жилище и замок и по сороку тысяч рублёв на год на пропитание; против того же обещает светлейший герцох своей пресветлейшей супруге на её ручныя и одежныя денги по пятнатцати тысяч рублёв погодно из княжой казны во весь живот ея по четверти года выдавать и сверх того её двор и служителей (в которых учреждении, приёме и премене оный себе свободныя руки имети удерживает) всем и по особливо жалованье платить и содержание давать»^{52}. На том и порешили. 29 августа Петром и Анной была подписана «грамота» о бракосочетании.

Надо было и невесту показать. Увы, портрета Анны в юности нет, но в том же 1710 году секретарь датского посланника Расмус Эребо назвал её «очень красивой и умной девушкой, [отличавшейся] особенною кротостью и благожелательностью». В июле царь повелел катать Анну с сестрами по Неве на шлюпке, а в августе отправил её вместе с прибывшим герцогом на «экскурсию» в Шлиссельбург — с ночёвками в палатках, где «по русскому обычаю всю ночь шла жестокая попойка»; в сентябре жених с невестой и гостями присутствовали при представлении «картины морского сражения» (были сожжены два старых судна).

Фридрих Вильгельм прибыл в Петербург не в лучшей форме, и его министры заикнулись было о переносе свадьбы. Однако Пётр торопился в поход на турок и медлить не желал. 31 октября 1710 года бракосочетание состоялось; государь был и распорядителем — «обер-маршалом», и посажёным отцом

невесты. Петра не смутило нежелание местоблюстителя патриаршего престола митрополита Стефана Яворского венчать курляндского «лютора» с русской царевной по православному обряду — по приказу царя обряд совершил его духовник архимандрит Хутынского монастыря Феодосии Яновский, которому пришлось спешно заучивать фразы на латыни для обращения к герцогу.

Торжество прошло с надлежащей «магнифициенцией»: Пётр с компанией шаферов — гвардейских и морских офицеров — явился в резиденцию герцога на завтрак; кортеж лодок по Неве доставил жениха и невесту во дворец Меншикова. С пристани «свадьба направилась в таком порядке: впереди шла музыка со всевозможными инструментами; за [нею] шафера; потом жених между своим [посажённым] отцом и [наречённым] братом, [то есть] царём и вице-адмиралом Крейцем; далее невеста в белом бархатном одеянии с пышным венцом из драгоценных камней на непокрытой голове и с подбитою горностаем царскою бархатною мантией на плечах, подол которой с боков несли два офицера. Невесту вели генерал-адмирал и великий канцлер Головкин; первый держал её за правую, [второй] за левую руку. За невестою беспорядочной толпой шли дамы. Недалеко [от пристани], вправо от пути, которого держалась свадьба, были расставлены рядами фейерверочные рабочие в разнообразных весьма забавных шутовских нарядах, с палками и ракетами в руках».

Венчание состоялось, как говорит походный журнал царя, в «полотняной церкви», спешно поставленной в недостроенном дворце^{53}. Затем Пётр повёл молодых в зал и посадил их за стол под балдахин из алого бархата. Анонимный немецкий автор, издавший в 1713 году своё сочинение о путешествии в новую российскую столицу, описал торжество:

«Гостей угощал лично его царское величество, в качестве обер-маршала, вместе с 24-мя маршалами (или, как их называли, шаферами), которые все, равно как и он сам, ходили вокруг столов, имея навязанную на правой руке, в знак своего звания, кокарду из брабантского кружева с разноцветными лентами. Царь провозглашал тосты за здоровье стоя и был, как казалось, в очень весёлом расположении духа; кубки с вином подносили гостям, по русскому обычаю, шаферы (частью из флотских капитанов), а за свадебным столом кушанье подавал первый камергер его величества. При питии каждого здоровья стреляли

или из расставленных на плаце перед Меншиковскими палатами 15-ти чугунных шестифунтовых и 15-ти же медных пушек, залпом из 11-ти или 14-тью выстрелами с царской шаутсбенахтской яхты Лизеты, стоявшей тут же на реке и расцвеченной снизу до верха пёстрыми флагами и вымпелами.

После обеда до глубокой ночи продолжались польские и французские танцы; около же 2-х часов пополуночи его царское величество с знатнейшими из гостей отвёл новобрачных в спальный покой, где они, с кавалерами и дамами, сели за стол, на котором стояли конфеты, и выпили по несколько кубков вина. Спустя четверть часа все встали; новобрачные удалились в особо приготовленные для их раздевания комнаты, прочее же общество разъехалось по домам, после чего привели к брачному ложу сперва молодую вдовствующая царица с принцессами, а потом молодого сам царь»^{54}.

На следующий день торжество продолжалось. После семнадцати заздравных чаш под пушечную пальбу гостей ожидал сюрприз, «...по окончании [обеда], — поведал датский посланник Юст Юль, — в [залу] внесли два пирога... Когда [пироги] разрезали, то оказалось, что в каждом из них лежит по карлице. Обе были затянуты во французское платье и имели самую модную причёску. Та, что [была в пироге] на столе новобрачных, поднялась в пироге, сказала по-русски речь в стихах так же смело, как на сцене самая привычная и лучшая актриса. Затем, вылезши из пирога, она поздоровалась с новобрачными и прочими [лицами,] сидевшими [за их столом]. [Другую] карлицу — из пирога на нашем столе — царь сам перенёс и поставил на стол к молодым. Тут заиграли менуэт, и [карлицы] весьма изящно протанцевали этот танец на столе перед новобрачными».

Вечер завершился фейерверком, установленным на плотках на Неве: «Сперва на двух колоннах [загорелось] два княжеских венца; под одним стояла [буква] F, под другим A, а посредине, между венцами, V. Потом [появились] две пальмы со сплетшимися вершинами, над ними горели слова: “любовь соединяет”. Далее показался Купидон в рост человеческий с крыльями и колчаном на раменах; замахнувшись, он держал над головою большой кузнечный молот [и] сковывал вместе два сердца, лежащие перед ним на наковальне. Сверху горела надпись: “из двух едино сочиняю”»^{55}. Сам Пётр объяснял окружающим значение каждой аллегии и, как обычно, усердно

«трактовал» гостей — по его собственному выражению, «до состояния пьяного немца».

После свадьбы молодых ожидали новые пиршества — ответный приём герцога, устроенная царём 25 ноября свадьба придворного «карлы» Екима Волкова, где гостей развлекали необычным зрелищем гульбы свезённых на торжество семидесяти двух карликов и карлиц: «Тут собственно и началась настоящая потеха: [даже те карлики], которые не только не могли танцевать, но и едва могли ходить, всё же должны были танцевать во что бы то ни стало; они то и дело падали и так как по большей части были пьяны, что [упав] сами уже не могли встать и в напрасных усилиях подняться долго ползали по полу, [пока наконец] их не поднимали другие карлики. Так как часть карликов напилась, то происходило и много других смехотворных приключений: танцуя, они давали карлицам пощёчины, если те танцевали не по их вкусу, хватали друг друга за [волосы], бранились и ругались, так что трудно описать смех и шум, [происходивший на этой свадьбе]»^{56}. Судя по отзыву датского дипломата, петровский «бомонд» считал режиссёрскую задумку царя вполне удачной. Посему едва ли стоит сурово осуждать Анну Иоанновну за игры её собственных шутов — она хотя бы не заставляла их напиваться.

Затем последовали день рождения и именины Меншикова, праздник ордена Святого Андрея Первозванного, встреча Нового года — с соответствующими возлияниями. Датский посланник просил о милости, чтобы выпивать ему «было определено полтора литра — [цельный] за [здоровье] царя и пол [литра] за его любовницу»; Пётр же меньше чем на два литра не соглашался. Возможно, эти обстоятельства сыграли роковую роль в судьбе молодых; не случайно Анна Иоанновна, уже сделавшись императрицей, не терпела неумеренного пьянства. Однако секретарь английского посольства Вейсброд отметил, что перед отъездом в Курляндию герцог был «в добром здравии», а вот у его жены случились «приступы лихорадки». Но именно для несчастного Фридриха Вильгельма поездка стала роковой: на маленькой почтовой станции Дудергоф в 30 верстах от Петербурга он слёг и через три дня, 13 января 1711 года, скончался. Для Анны, выбравшейся было из-под опеки не любившей её матери и сурового дяди, это было крушение надежд — но кого это интересовало?

Бедная вдова

Погоревав короткое время у матери, Анна по воле Петра I отправилась в Курляндию. Прав на управление страной она не имела (герцогом по воле польского короля Августа II стал дядя её покойного мужа Фердинанд) — но Курляндия должна была оставаться в сфере влияния России, хотя юридически состояла под верховной властью Речи Посполитой и из неё надлежало вывести русские войска. Поэтому Пётр в 1713 году распорядился отправить неутешную герцогиню в Митаву «ради резиденции её». От курляндского дворянства он потребовал устроить ей «по достоинству замок» и выплатить причитавшиеся по брачному договору с покойным герцогом 40 тысяч рублей, которые разорённое герцогство ей задолжало с 1709 по 1713 год. При этом он категорически отказался возвратить захваченные его армией курляндские арсенал и государственный архив: «Что от неприятеля получено, то отдавать не должно».

Обер-гофмейстером герцогини и российским генерал-комиссаром был назначен отличившийся на военном-хозяйственном и дипломатическом поприще Пётр Михайлович Бестужев-Рюмин, недавно вернувшийся вместе с царём из Прутского похода. Курляндские власти вначале заупрямились: замок — имение Доблин — Анне отвели, но по поводу другой недвижимости и денег для герцогини заявили, что «без указу князя Фердинанда и без воли короля и Речи Посполитой ничего делать не смеют и без экзекуции они того чинить не будут». Затруднения преодолели в петровском духе — с помощью «экзекуций» отряда российских драгун под командой Бестужева. «А в протчем, — было заявлено послам Речи Посполитой, — его царское величество в Курляндию никаким образом не интересуется»^{57}.

С 1714 года началось противостояние курляндского рыцарства и герцога Фердинанда. Последний жаловался российскому и польскому монархам на разорение и захват его имений дворянами, а те заявляли, что герцог не имеет права управлять ими из-за границы (ещё в 1701 году он, генерал-интендант саксонской службы, одним из первых бежал с поля боя от шведов и с тех пор в свои владения не возвращался^{58}). На съезде «братской конфедерации» в 1715 году дворяне лишили было герцога власти за превышение полномочий, и их

претензии были поддержаны польскими властями. Но Фердинанд, опираясь на поддержку России, не желавшей расширения польского влияния в Курляндии, это решение опротестовал в суде.

Пока шли эти разборки, доходы со «спорных» имений успешно осваивали русская администрация и её драгуны. В 1716 году курляндские администраторы-оберраты выделили Анне Иоанновне 14 герцогских владений с годовым доходом свыше 12 тысяч талеров. Этими землями стал распоряжаться Бестужев, которому царь приказал «отставить» экзекуции. Пётр уже смотрел на эти территории как на собственные владения: в 1717 году, возвращаясь из Франции, он приказал рижскому губернатору заготовить для него подводы как в Лифляндии, так и в формально иностранной Курляндии. А Бестужев ставил на постой «роту или больше драгун, смотря по препорции деревень», в имения недовольных российским присутствием и «противных нашему интересу» дворян. Герцог Фердинанд не смел показываться в собственных владениях и управлял ими из Данцига. Анна же стремилась выбраться в родную Москву. Здесь она гостила у матери в 1714–1715 годах и долго болела — «горячкой» и приступами уже тогда обнаружившейся «каменной болезни», которая и сведёт её в могилу.^{59}.

В 1718 году она ненадолго приехала в Петербург, но вновь должна была вернуться в Курляндию. Положение Анны было нелёгким: на чужбине вдовствующая герцогиня оказалась бедной и никому не нужной родственницей, которой поначалу и жить-то было негде, так как герцогское семейство в начале войны вывезло из дворца в Пруссию наиболее ценные вещи, включая посуду и мебель. Иногда приходилось крохоборничать. В 1732 году московский купец Иван Андреев напомнил Анне, уже императрице, как семь лет назад в Митаве она заняла у него 41 талер 55 грошей, а затем ещё 53 рубля 2 алтына, и попросил вернуть долг.^{60} Анна вечно была без денег, но терпела. Сохранились её письма «дядюшке царю Петру Алексеевичу» и его супруге за 1717–1723 годы^{61}: поздравления с тезоименитством, Новым годом, днями рождения детей, годовщиной очередной победы. О себе же Анна почти ничего не сообщала, лишь иногда жаловалась:

«Всемилоостивейший государь батюшка-дядюшка!
Известно вашему величеству, что я в Митаву с собою

ничего не привезла, а в Митаве ж ничего не получила и стояла в пустом мещанском дворе, того ради, что надлежит в хоромы, до двора, поварни, конюшни, кареты и лошади и прочее — всё покупано и сделано вновь. А приход мой с данных мне в 1716 году деревень денгами и припасами — всего 12 680 талеров; ис того числа в расходе в год по самой крайней нужде к столу, поварне, конюшне, на жалованье и на либирею служителем и на содержание драгунской роты — всего 12 154 талера, а в остатке только 426 талеров. И таким остатком как себя платьем, бельём, круживами и, по возможности, алмазами и серебром, лошадми, так и прочим, в новом и пустом дворе не только по моей чести, но и противу прежних курляндских вдовствующих герцогинь веема содержать себя не могу. Также и партикулярные шляхетские жёны ювели и прочие уборы имеют не убогие, из чего мне в здешних краях не безподозрительно есть. И хотя я, по милости вашего величества, пожалованными мне в прошлом 1721 году денгами и управила некоторые самые нужные домовые и на себя уборы, однако ещё имею на себе долгу за крест и складень бралиантовой, за серебро и за убор камаор и за нынешнее чёрное платье — 10 000 талеров, которых мне ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашних нужных потреб принуждена в долг болше входить, а не имея чем платить, и кредиту нигде не буду иметь. А ныне есть в Курляндии выкупные ампты, за которые из казны вашего величества заплачено 87 370 талеров, которые по контрактам отданы от 1722 года июля месяца в аренду за 14 612 талеров в год и имеют окупиться в шесть лет. Я всепокорнейше прошу ваше величество сотворить со мною милость: на оплату вышеписанных долгов и на исправление домовых нужд пожаловать вышеписанные выкупные ампты мне в диспозицию на десять лет, в которые годы я в казну вашего величества заплачу все выданные за них деньги погодно; мне будет на вышеписанные мои нужды оставаться 5875 талеров на год». [{62}](#).

Нежностей, а особенно жалоб Пётр не любил, деньгами не баловал — лично утверждал расходы и поставки к маленькому двору; так, герцогине полагалось пять вёдер простого хлебного вина и шесть вёдер разных импортных водок. Царь смотрел на Анну как на фигуру в шахматной партии. Без его разрешения она не имела права выезжать из Курляндии. Но когда в герцогстве возникали проблемы — например недоразумения между Фердинандом и курляндским рыцарством или приезд польских официальных лиц, — то царь приказывал племяннице на время отъехать в Ригу (однажды она прожила там почти год, с августа 1720-го по май 1721 года), а потом возвращал обратно. Так и тянулись для неё год за годом в окружении маленького двора со столь же малыми заботами. Анна писала жене своего камер-юнкера Козодавлева по возвращении в Митаву из Москвы, куда ездила на коронацию Екатерины I:

«Анна Михайловна.

Поехал ваш муж к Москве по вас, так же и для покупки мне; и вы всё исправя приежайте в Митаву к моему ражденью; и я послала тебе на дарогу и на прагоны петдесят рублей, да еще Лиске десеть рублей на прагоны её и на праест; так же я тебе послала тритцать рублей на собали, купи себе собали две пары на шею; также послала деньги сорок рублей, купи мне шелков сучёных китайских и несучёных; а сколка купить, при сём роспись прилагаю. А будет у Лиски рабёнок жив, вели ево везть сабою. Е[смь] вам дображелательная

Анна.

Из Митавы, 1 день декабря 1724 году»^{63}.

При этом император и другие окрестные «потентаты» не оставляли брачных видов на Анну. В 1715–1719 годах кандидатами на её руку перебивали герцог Иоганн Адольф фон Саксен-Вейсенфельс, английский герцог Джеймс Батлер Ормонд, саксонский генерал-фельдмаршал граф Яков Генрих фон Флеминг, племянник прусского короля маркграф Фридрих Вильгельм фон Бранденбург, вюртембергский принц Карл Александр. Порой дело доходило даже до составления брачного договора, но в итоге все женихи так и остались ни с чем, поскольку не устраивали либо Петра, либо его соседей —

монархов Польши и Пруссии. В России она никому не была нужна — там при дворе блистала другая Анна, дочь Петра и Екатерины, которой в 1722 году восторгался французский посол Жан Жак Кампредон: «...красавица собой, прелестно сложена, умница, ни нравом, ни манерами не напоминающая русскую».

На мгновение мелькнул в Курляндии камер-юнкер жены Петра I Виллим Монс. Молодой красавец настолько привлёк внимание Анны, что очередная возлюбленная приревновала его к герцогине и ему пришлось оправдываться. «Не изволите за противное принять, — писал камер-юнкер своей знакомой, — что я не буду к вам ради некоторой причины, как вы вчера сами слёзы видели; она чаёт, что я амур с герцогинею курляндскою имею. И ежели я к вам приду, а ко двору не пойду, то она почает, что я для герцогини туда пришёл». Придворная красавица зря ревновала Монса к Анне — у него уже начался «амур» с особой куда более высокого положения — самой царицей^{64}. Но краткую поездку фаворит императрицы запомнил и даже впоследствии заказывал себе в Курляндии башмаки.

В 1719 году в гости к Анне приезжала сестра, мекленбургская герцогиня Екатерина — жаловалась на самодура-мужа, которого император лишил герцогства. Оставив Мекленбург, она с дочерью Анной Елизаветой Христиной летом 1722 года вернулась в Россию и больше не общалась с супругом, хотя официально их брак так и не был расторгнут. Она жила в старом Измайловском дворце. Дневник голштинского камер-юнкера Фридриха Берхгольца запечатлел её домашний обиход, сочетавший светские приёмы и старомосковские развлечения: «Герцогиня женщина чрезвычайно весёлая и всегда говорит прямо всё, что ей придёт в голову, а потому иногда выходили в самом деле преуморительные вещи... Когда мы побыли немного в приёмной комнате, герцогиня повела нас в спальню, где пол был устлан красным сукном, ещё довольно новым и чистым (вообще же убранство их комнат везде очень плохо), и показывала нам там свою собственную постель и постель маленькой своей дочери, стоявшие рядом в алькове; потом заставила какого-то полуслеплого, грязного и страшно вонявшего чесноком и пбтом бандурщика довольно долго играть и петь свои и сестры своей любимые песни, которые, кажется, все были сальны, потому что принцесса Прасковия уходила из комнаты, когда он начинал некоторые из них, и опять возвращалась, когда оканчивал. Но я ещё более удивился, увидев, что у них по

комнатам разгуливает босиком какая-то старая, слепая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кроме рубашки, и которой позволили стоять в углу около нас... Я никак не воображал, что герцогиня, которая так долго была в Германии и там жила сообразно своему званию, здесь может терпеть около себя такую бабу»^{65}.

Нравы петровского двора пришлись Екатерине Ивановне по душе. На вечеринках она плясала польский, выбирая себе кавалеров, спорила с немцами «за мекленбургское дело», посещала балы и маскарады, пиновала при спуске на воду новых кораблей, устраивала у себя во дворце любительские комедии, каталась на санях — в общем, жила в своё удовольствие. Пусть старый дворец был неудобным, спектакли убогими, дамы не говорили по-немецки, блюда были дурно приготовлены — зато танцы «продолжались более 10 часов», венгерское лилось рекой, а хозяйка от души стремилась веселить гостей.

Личная жизнь младшей сестры, Прасковьи, тоже устроилась, хотя и со скандалом: в 1724 году при дворе обнаружилась «амурная связь» майора гвардии Ивана Дмитриева-Мамонова с царевной, которая якобы родила в Москве мальчика^{66}. Император вспылал, даже отправил кого-то из слуг-пособников на дыбу, но в конце концов остыл. После смерти матери (она тихо скончалась в октябре 1723 года и была похоронена в новой столичной обители — Александро-Невском монастыре) Прасковье достались немалые владения, но бумаги царевны свидетельствуют, что жила она так же весело, как и сестра, занимая деньги (по 300–500 рублей) и закладывая драгоценности, чтобы содержать свой маленький двор, покупать новые туалеты, украшения, английское пиво, «бургонское» и «шампанское»^{67}.

Анна о сестрах помнила, регулярно посылала им безыскусные письма. Так, 20 ноября 1725 года она писала в Петербург: «Государыня матушка моя царевна Прасковья Ивановна, здравствуй свет мой на многие лета. Прошу, свет мой, не оставить меня в письмах ваших о здоровьи государыни матушки-тётушки, государынь сестриц и о герцоговом здоровьи и о своём, чего от сердца желаю слышать. О себе вам, свет, доношу — в добром здоровье и остаюсь вашего высочества сестра Анна»^{68}.

Сестры Ивановны, разменявшие третий десяток лет, в качестве политических фигур не рассматривались, своих «партий» не имели, а потому никому не мешали, и им не было

нужды притворяться и ловчить. Смерть Петра I, а затем и Екатерины I почти ничего не изменила в укладе измайловских обитателей — разве что жизнь старой столицы несколько оживило пребывание в ней в 1728–1729 годах двора юного императора Петра II. Здесь росла племянница Анны — полурусская-полунемецкая принцесса, не подозревавшая, что по воле тётки ей предстоит стать матерью императора, а затем и правительницей империи.

Анна же, как смогла, устроила своё женское счастье с помощью пожилого, но надёжного Бестужева. Поначалу обер-гофмейстер ей не понравился — он даже доложил царю, что «их высочествам не угоден» и Анна просит прислать вместо него её родственника Салтыкова. Однако постепенно отношения наладились. Бестужев вёл утомительные для вдовы хлопоты по имениям (удивительно, что герцогиня, на протяжении многих лет окружённая немцами, так и не выучила язык и впоследствии избегала на нём изъясняться), через него Пётр действовал при сношениях с курляндским дворянством и аккредитованными в Курляндии иностранными дипломатами. Бестужев ведал и доходами с имений — они направлялись в Петербург, а уже оттуда достаточная, по мнению царя, сумма передавалась тому же Бестужеву. Анна, в свою очередь, заботилась о семье своего управляющего, хлопотала перед императрицей Екатериной о его сыновьях и дочери, княгине Волконской.

Как и другие люди петровского двора, Анна старалась действовать через новую царицу Екатерину, называя её в письмах «тётушка-матушка», «свет мой», «радость моя», жаловалась ей на буйного дядю Василия Фёдоровича Салтыкова, рассказывала о размолвках с матерью. «Истенна, матушка моя, донашу: неснозна, как нами ругаютца! — писала она в июле 1719 года. — Если бы я таперь была при матушки, чаю, бы чуть была жива от их смутах; я думаю, и сестрица от них, чаю, сокрушилась. Не оставь, мои свет, сие в своей миласте!» У неё же искала сочувствия в одиночестве и бедности:

«Дарагая моя тётушка, покажи нада мною материнскую милась: попроси, свет мой, милости у дарагова государя нашева батюшки дядюшки оба мне, чтоб показал милась — моё супружественное дело ко окончанию привести, дабы я болше в сокрушении и терпении от моих зладеев, ссорою к матушке не была...

Вам, матушка моя, известна, што у меня ничево нет, кране што с воли вашей выписаны штофы; а ежели к чему случи позавёт, и я не имею нарочетых алмазов, ни кружев, ни полотен, ни платья нарочетава: и в том ко мне исволте учинить, матушка моя, по високаи своей милости из здешних пошленных денек; а деревенскими доходами насилу я магу дом и стол свой в гот содержать. Также определон по вашему указу Бестужев сын ка мне обар-камарам-юнкаром и живёт другой год бе[з] жалованья, и просит у меня жалованья; и вы, свет мои, как неволите? И прошу, матушка моя, не прогнева[й]ся на меня, шту утредила своим писмом, надеючи на милость вашу к себе. Ещё прошу, свет мои, штоб матушка не ведала ничево и кладусь [в] волю вашу: как, матушка моя, изволишь са мною. При сём племянница ваша Анна кланеюсь»^{69}.

Анна просила Екатерину походатайствовать, чтобы «батюшка-дядюшка» разрешил пользоваться частью денег, собранных с её же владений, или хотя бы оберегал средства, уже «определённые» на содержание курляндской герцогини, от растраты её матерью, самоуправной царицей Прасковьей.

Между тем, несмотря на бедность курляндского двора, через руки Бестужева проходили значительные суммы: с разных герцогских владений-«амптов» было получено почти 273 тысячи талеров «контрибуции». Через него российское правительство постепенно выкупало заложенные герцогские имения; таким образом, за несколько лет было за 87 370 талеров приобретено 13 хозяйств с ежегодным доходом не менее 14 тысяч талеров. Он ведал и расчётами с герцогскими заимодавцами, и отдачей этих имений в аренду местным дворянам, тем самым создавая партию «благожелательных» к российской короне.

Хозяйственные заботы Бестужева были, видимо, не совсем бескорыстными, но до поры это Анну не беспокоило, тем более что оборотистый обер-гофмейстер умел добывать для неё деньги. Сохранилась расписка от 25 апреля 1726 года с подписью и печатью герцогини в получении ею взаймы от Бестужева десяти тысяч «добрых альберцких талеров» под залог имения Альтбергфрид «с мужичеством и со всеми угоди». В 1723 году она повелела отпускать Бестужеву по 50 пудов ржи в месяц, дрова и свечи «ко двору его потребности»^{70}. Не

заботили Анну и утверждаемые ею расходы Бестужева — либо она не была рачительной хозяйкой, либо всецело доверяла ему. Явно при поддержке Анны Бестужев в 1725 году стал действительным статским советником, а в следующем году — тайным советником.

Однако можно утверждать, что в 1720-х годах доходы от сданных в аренду курляндских имений поступали в Петербург неравномерно. Возможно, разочарование в Бестужеве и заставило вдовствующую герцогиню резко и навсегда изменить к нему отношение. Тому виной могли быть не только банальные хищения, но и амурные похождения пожилого управляющего. В мае 1727 года в Петербург поступил донос, что «pan jeneral Bestuzew Rumyn... kradnie W. I. Mosey u wodzi do siebie frelin Bironowe i iey daie po tysioncu taliarzow, z magazina wengiersky wina, mienisa, monky», в то время как прочие дворцовые служители умирали с голоду; сообщалось, что он уже обокрал герцогиню на 20 тысяч рублей и завёл с фрейлинами побочных детей^{71}. Так в подмётном письме всплыла фамилия незнатного курляндского семейства, которое к тому времени оказалось связано с маленьким двором Анны Иоанновны.

Чем занимался юный Бирон до знакомства с Бестужевым, неизвестно. Манштейн в мемуарах указал, что будущий герцог якобы пытался, но не сумел попасть в служители царского двора, «по возвращении в Митаву он познакомился с г. Бестужевым... обер-гофмейстером двора герцогини Курляндской; он попал к нему в милость и пожалован камер-юнкером при этом дворе. Едва он встал таким образом на ноги, как начал подкапываться под своего благодетеля; он настолько в этом успел, что герцогиня не ограничилась удалением Бестужева от двора, но ещё всячески преследовала его и после»^{72}.

Место при бедной и безвластной герцогине не могло стать объектом большой конкуренции; к тому же и Бестужеву нужны были энергичные и исполнительные тамошние уроженцы для управления разбросанными по стране имениями. По-видимому, иного пути у сына бедного, да еще и имевшего сомнительное происхождение помещика не было — курляндское рыцарство не считало Бирона за своего (впоследствии это сказалось на его отношении к родовитым фамилиям).

Большинство историков считают, что знакомство Бирона с Анной произошло в 1718 году. Скорее всего, так оно и было; их

встреча состоялась, по-видимому, с помощью уже служившего герцогине камер-юнкера Германа Карла Кейзерлинга. Анна должна была рано или поздно столкнуться с Бироном у себя в замке: при маленьком дворе появление всякого нового лица — событие. Другое дело, что молодой человек едва ли сумел сразу произвести впечатление и тем более «подкопаться» под опытного и влиятельного Бестужева.

К 1720 году Бирон дослужился до управляющего имением Вирцава. Управителем он был исполнительным и энергичным — об этом свидетельствуют его донесения Бестужеву: «Докладываю, что за время моего отсутствия садовник посадил 300 лип. Я подбадривал садовника добросовестно работать, применяя все свои знания... Но этот парень весь день прогуливался по саду и ничего не делал, поэтому я велел его выпороть. В субботу и в понедельник тоже всё продвинулось настолько успешно, что посажено 700 лип и 200 вишен»^{73}. И всё же заботы сельского хозяина: учёт урожая, составление отчётов о проведённых полевых работах и описей конюшни и инвентаря — не предвещали взлёта карьеры и уж тем более его романтических подробностей.

Через два года он уже стал камер-юнкером и был обвенчан с придворной дамой герцогини Бенигной Готлибой Тротта фон Трейден 25 февраля 1723 года в митавском дворце. Однако предполагать наличие страстного романа с герцогиней, якобы лично подобравшей ему пару для маскировки, оснований пока нет. Молодая жена Бирона, судя по имеющимся портретам, была не слишком похожа на созданный в литературе образ горбатой, глупой и «совершенно неспособной к супружеской жизни» особы. Супруга английского резидента в Петербурге леди Джейн Рондо писала в 1730-х годах: «У неё прекрасный бюст, какого я никогда не видела ни у одной женщины», — хотя при этом и добавляла, что она «так испорчена оспой, что кажется узорчатой».

Что ж, оспины в XVIII столетии портили немало прелестных лиц, и многие портреты той эпохи льстили оригиналам.

Однако нам известны тёплые письма Бирона жене. «Целую своего сына, мой ангел, твой верный слуга Э.И. Бирон», — радовался молодой камер-юнкер 19 марта 1724 года рождению первенца. Старший сын Эрнста Иоганна Пётр (будущий последний герцог Курляндский) родился 15 февраля 1724 года в Елгаве; вопреки точке зрения некоторых исследователей, он не

может быть ребёнком Анны^{74}. Косвенным доказательством непричастности Анны к его рождению является предпринятая в 1739 году попытка фаворита сосватать за него племянницу императрицы, мекленбургскую принцессу Анну Леопольдовну. Возможно, для циничного и честолюбивого Бирона близкое родство и не являлось препятствием к свадьбе, но богобоязненная Анна Иоанновна едва ли согласилась бы на кровосмесительный брак.

Анне в это время опять подыскивали женихов — на этот раз уже «доброжелательные» курляндские дворяне представили в Петербург список из семнадцати кандидатов в возрасте от трёх месяцев до сорока лет. Но и этот манёвр остался безрезультатным: главный и реальный претендент, ландграф Георг Гессен-Кассельский, был младшим братом шведского короля и потому категорически не устраивал Петра I.

Бестужев отправился уговаривать Фердинанда вообще отказаться от трона и передать право «сукцессии» русскому царю; но герцог от такого варианта отказался да ещё выдвинул финансовые претензии по поводу взимания «контрибуций». «Вашей светлости дружественный дядя Пётр» послал герцога с его запросами к бессильному польскому монарху, а Бестужев — естественно, от имени Анны — представил ему счёт на 900 тысяч рублей, так и не выплаченных Анне по брачному договору, приплюсовав все прочие её расходы, включая покупку мебели и одежды.

Пока обер-гофмейстер был занят этими государственными делами (саму Анну, естественно, никто в расчёт не принимал), медленно, но верно проходило возвышение Бирона. Из обычного управляющего он постепенно превратился в доверенного придворного — камер-юнкера, ведь кто-то должен был добывать деньги на текущие расходы, улаживать бытовые проблемы, наконец, развлекать забытую герцогиню. Весной 1724 года он вместе с Анной прибыл на коронацию императрицы Екатерины; там он общался с коллегой, камер-юнкером голштинского герцога Берхгольцу. Его хвастливый рассказ о своей госпоже и делах курляндского двора передал Берхгольц: «Как рада должна быть добрая герцогиня, что наконец может опять возвратиться в свои владения, где ей совсем иначе живётся, чем здесь, легко себе представить, особенно если принять во внимание, что в последние годы она приобрела в Курляндии такую любовь, что её почитают там почти как полубогиню. У неё, говорят,

еженедельно бывают два куртага, именно по воскресеньям и средам, и она курляндскому дворянству при всех случаях оказывает много милости и доброты. Двор её, по словам камер-юнкера, состоит из обер-гофмейстерины Ренне, трёх немецких фрейлин и двух-трёх русских дам, из обер-гофмейстера Бестужева, одного шталмейстера, двух камер-юнкеров, одного русского гоф-юнкера и многих нижних придворных служителей»^{75}. — у нас, мол, не хуже, чем у больших!

На этот раз довольный Пётр был щедр — пожаловал герцогине три тысячи рублей и обещал навестить её в Митаве следующей весной. Но больше им не суждено было встретиться. Анна в сентябре отбыла в Курляндию и осталась в стороне от бурных петербургских событий во время предсмертной болезни Петра I. Впервые в России вопрос о престолонаследии решался в открытом, хотя и далеко не парламентском споре. Вначале речь шла о регентстве Екатерины при маленьком императоре Петре II. Но за её «самодержавство» выступила новая сила — старшие офицеры гвардии. Добрая, но неграмотная императрица управлять государством не могла. «Кто бы мог подумать, что он целую ночь проводит в ужасном пьянстве и расходится, это уж самое раннее, в пять или семь часов утра» — таковы впечатления саксонско-польского посланника Иоганна Лефорта от жизни петербургского двора. Поэтому в 1726 году пришлось создать Верховный тайный совет, который с тех пор фактически управлял страной. Для Анны и её двора смена фигуры на престоле обернулась к лучшему — Екатерина увеличила содержание покорной родственницы.

Бирон к тому времени дослужился уже до обер-камер-юнкера и прибыл в столицу с поздравлениями новой императрице от герцогини. Он же выполнял финансовые поручения Анны Иоанновны и её родни: «1725 года марта 22 дня по указу её высочества государыни царевны Прасковьи Иоанновны отдано в Санкт-Петербурге от дому её высочества денег её высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Иоанновны камер-юнкеру Бирону двести рублёв, которые деньги он, Бирон, повинен привезть в Митаву и подать её высочеству в хоромы. Того дня в приёме оных денег подписался своеручно Е. I. Biron»^{76}. По поводу курляндских дел Анна Иоанновна лично писала членам Верховного тайного совета Александру Даниловичу Меншикову и Андрею Ивановичу (Генриху Иоганну) Остерману, прося о содействии. С ними пришлось иметь дело и

её посланцу. Могущественный Меншиков в ту пору едва ли обратил внимание на скромного камер-юнкера — светлейший князь сам примерялся к курляндской короне. Но и опытный Остерман едва ли мог понимать, что имеет дело с будущим соперником в борьбе за власть и влияние.

Екатерина I пожаловала Бирону 500 рублей. Каким-то образом он сумел обратить на себя благосклонное внимание императрицы — правда, только как эксперт по лошадиной части. До нас дошёл указ Екатерины Бестужеву: «Немедленно отправить в Бреславль обер-камер-юнкера Бирона или другого, который бы знал силу в лошадях и охотник к тому был и добрый человек, для смотрения и покупки лошадей». Ответственное поручение было успешно исполнено: Бирон купил в Германии нужных коней и доставил в Митаву, аккуратно отчитавшись в трате 4556 талеров из пяти тысяч отпущенных ему^[77]. Для закрепления успеха надо было постараться угодить настоящему хозяину курляндского двора Бестужеву, что, видимо, Бирону удалось с помощью сестёр-фрейлин, сумевших произвести нужное впечатление на «пана генерала».

Если познания Бирона по конной части оценила даже императрица, то находившаяся рядом с ним Анна и подавно не могла их не заметить, выезжая из дворца и сравнивая свою упряжку с соседскими. В XVIII столетии, когда живая лошадиная сила определяла уровень благосостояния, возможности передвижения и престиж хозяина, такие вещи ценить умели. Одновременно Бирон постигал и самую важную придворную науку — умение быть необходимым и оказываться в нужном месте в нужное время. Позднее даже его противники признавали, что он «был умён, и хотя он никакого языка не знал порядочно, но от природы одарён был красноречием», весьма полезным при обращении с дамами. Там же стал складываться круг знакомых — камер-юнкеров Анны Иоанновны Германа Карла Кейзерлинга и Иоганна Альбрехта Корфа, чья карьера развернулась при петербургском дворе.

Настоящее же влияние при дворе и в сердце герцогини ему ещё предстояло завоевать. «Кредит» Бестужева оставался в полной силе, несмотря на недовольство поведением Анны со стороны её матери и московской родни — Салтыковых. Завхоз Анны и российский генерал-комиссар, как показывают повседневные записки А.Д. Меншикова, регулярно и подолгу находился в Петербурге среди приближённых князя. Бирон же в

1726 году стал камергером; сохранились выданные Анной «генеральные квитанции» по его отчётам об управлении Вирцавой за 1726–1728 годы, признанным хозяйкой «во всём верными»^{78}.

Тогда Анна ещё не оставила мечту о замужестве. Летом 1726 года она почти стала реальностью. Не дожидаясь кончины престарелого и бездетного Фердинанда, курляндское рыцарство с тайного согласия короля Августа II избрало своим герцогом его незаконного сына, офицера французской службы и неотразимого дамского угодника Морица Саксонского. Это избрание вполне устраивало и вдовствующую герцогиню.

Мориц поспешил в Курляндию, заняв денег у матери и любовницы, парижской актрисы. Бюргеры восторженно приветствовали его, а дворяне вручили грамоту, согласно которой глава государства обещал соблюдать и защищать рыцарские привилегии. Новый правитель Курляндии в июне 1726 года был уверен в успехе — ведь он явился спасти «нацию, которой угрожает потеря свободы». Польский сейм против? Пруссия защитит Курляндию от поляков. Россия будет недовольна? Но он женится на русской герцогине, а если надо — то и на цесаревне Елизавете Петровне, о чём поручил хлопотать саксонскому послу в Петербурге. Герцогство слабо и беззащитно? Он с помощью французских мастеров заведёт новые предприятия, устроит армию и флот в составе сорока боевых кораблей^{79}.

На герцогиню Мориц произвёл неотразимое впечатление. Сражённая наповал тридцатилетним галантным кавалером Анна слёзно просила Меншикова донести до императрицы её горячее желание выйти замуж: «Прилежно вашу светлость прошу в том моём деле по древней вашей ко мне склонности у её императорского величества предстательствовать и то моё полезное дело совершить», — признаваясь в конце письма: «И оной принц мне не противен». О том же она умоляла Остермана.

Но поиски дамского счастья в истории редко совпадают с политическими интересами. Польский сейм, вопреки планам своего короля, намеревался осуществить инкорпорацию полунезависимого герцогства в состав Речи Посполитой. Однако усиление позиций саксонского курфюрста, конфликт с Речью Посполитой и появление в Курляндии французского полковника не устраивали ни Пруссию, ни Россию, ни лично Меншикова, к тому времени желавшего стать коронованной особой. 29 июня

1726 года светлейший князь вместе с вызванным к нему Бестужевым двинулся в Курляндию, формально — инспектировать местные гарнизоны и полки, на деле — не допустить утверждения в Курляндии Морица и организовать собственное избрание в герцоги.

В Митаве 33-летняя вдова обратилась к князю «с великою слёзною просьбою, чтобы в утверждении герцогом Курляндским князя Морица и по её желанию о вступлении с ним в супружество мог... исходатайствовать у вашего величества (Екатерины I. — *И. К.*) милостивейшее позволение, представляя резоны: первое, что уже столько лет как вдовствует; второе, что блаженные и вечно достойные памяти государь император имел о ней попечение и уже о супруестве с некоторыми особами и трактаты были написаны, но не допустил того некоторый случай». Меншиков умерил её пыл: императрица никак не согласится на брак по причине «вредительства интересов российских». К тому же природной московской царевне с Морицем «в супружество... вступать неприлично, понеже он рождён от метресы». Напоследок светлейший князь выложил последний, неотразимый аргумент: если герцогом будет избран он сам, то гарантирует сохранение прав Анны Иоанновны на её курляндские владения; «ежели же другой кто избран будет, то она не может знать, ласково ль с ней поступать будет, и дабы не лишил её вдовствующего пропитания»^{80}.

Императрице же Меншиков сообщил, что разговаривал с герцогиней «со учтивостью», что на солдатском языке генералиссимуса могло означать разве что неприменение ненормативной лексики. Угрозой лишения «пропитания» он заставил Анну отказаться от брака с Морицем, а при встрече с ним по-купечески пообещал «знатную сумму» отступного. Изысканную любезность соперника он, по-видимому, искренне принял за согласие, после чего столь же «учтиво» сделал выговор курляндским рыцарям: «Он их Сибирью стращал и при том им сказывал: по их правам не довлеет им блядина сына в своё братство принимать а ныне оне блядина сына над собою в герцоги выбрали». Затем светлейший князь потребовал от полномочного органа формально независимого от России государства в десятидневный срок отменить прежнее решение и утвердить его кандидатуру как самую подходящую.

После стремительного наезда Меншиков спокойно отбыл восвояси. Но стоило ему покинуть Митаву, как представители

ландтага отказались вновь созывать депутатов, тем более не могло быть речи о выборе в немецкие герцоги православного русского выскочки. Разгневанный Меншиков испросил у императрицы разрешение «ввести в Курляндию полков три или четыре» для завершения дела. Однако новый международный конфликт никак не входил в намерения русского правительства, и князю было приказано немедленно возвращаться в Петербург^{81}. Туда же поспешила и Анна с жалобой на Меншикова и надеждой, что ей всё-таки разрешат выйти замуж за приглянувшегося кавалера.

Но в планы министров личное счастье вдовы не входило. Для устранения Морица и предотвращения инкорпорации Курляндии в состав Речи Посполитой в маленькое герцогство прибыли генерал-прокурор П.И. Ягужинский, действительный тайный советник В.Л. Долгоруков, генерал-адъютант и генерал-полицеймейстер А.М. Девиер. Бестужев послушно исполнял волю светлейшего князя и безуспешно пытался «возбранить» курляндскому ландтагу избрать Морица, то есть действовал вопреки пожеланиям своей герцогини.

Сам же Мориц, на своё несчастье, январской ночью попался на глаза герцогине во дворе замка, когда тащил на плечах в свои апартаменты очередную прелестницу-фрейлину, чтобы следы дамы на снегу её не скомпрометировали. Морица мало волновали упреки несостоявшейся жены, ведь в герцоги его уже избрали; но он, кажется, не понимал, что маленькой Курляндии такой «защитник», вызвавший неудовольствие всех соседних держав, не нужен. Сейм категорически отказался его признать; энтузиазм курляндцев сразу пропал, и вместо восемнадцатитысячной армии, на которую рассчитывал Мориц, он набрал из дезертиров из всех европейских стран едва ли тысячу солдат.

Пока герцог сидел в Митаве и читал «Дон Кихота», рыцарство больше всего было озабочено сохранением своих привилегий. Когда выяснились твёрдые намерения Польши осуществить инкорпорацию, оно стало склоняться к условиям русских дипломатов: отменить выборы Морица и выбрать того кандидата, «которого предложит её императорское величество», с сохранением их «древних прав, вольностей и привилегий»; в противном случае Россия угрожала лишить Курляндию своего покровительства и согласиться с её разделом.

Когда же для воспрепятствования польским планам, а заодно и поимки герцога явились драгуны русского генерала Лас-си, дворянство объявило избрание Морица «никогда не состоявшимся». Сам претендент с «армией» в 500 человек, будучи окружён русскими войсками, храбро отбивался, в конце концов ускользнул и отбыл обратно в Париж, увезя с собой акт об избрании. Спустя 20 лет он по-прежнему именовал себя «герцогом Курляндии и Семигалии». Герцогство он оставил навсегда, но больше всего сожалел не о нём, а о другой потере. Направлявшегося в Петербург испанского посла, своего старого знакомого герцога де Лириа, он просил «выхлопотать несколько любовных записочек, находившихся в сундуке, который взяли у него в Курляндии и который находится в русской канцелярии». Любезный посол старался помочь приятелю — вопрос о трофеях, «кои совершенно неважны для Русского государства», обсуждался на самом высоком дипломатическом уровне с участием российского вице-канцлера графа Остермана; но доказательства побед на любовном фронте так и не были возвращены владельцу.

Митавский любовный треугольник

Воцарение Петра II стало самым большим — и последним — успехом Меншикова. Вскоре Синод повелел во всех церквях России поминать рядом с двенадцатилетним императором дочь князя — «обручённую невесту его благоверную государыню Марию Александровну». Для неё был создан особый двор с бюджетом в 34 тысячи рублей для содержания камергеров, фрейлин, гайдуков, лакеев, пажей, поваров.

Анне торжество Меншикова не предвещало ничего хорошего; но ей, зависевшей от милости петербургского двора, приходилось слать поздравительные письма. Но через три месяца всё переменялось. Стоило Меншикову заболеть и на некоторое время выпустить юного самодержца из-под контроля, как у того появились новые любимцы — князя Долгоруковы, а доверенное лицо Меншикова барон Андрей Иванович Остерман подготовил дворцовый переворот.

Восьмого сентября 1727 года князю был объявлен именной указ о домашнем аресте. Под барабанный бой обывателям зачитывали другой указ — о том, что император «всемилоостивейшее намерение взяли от сего времени сами в Верховном тайном совете присутствовать и всем указам быть за подписанием собственныя нашей руки», и о «неслушании» любых распоряжений Меншикова. Сам же он 10 сентября отправился в ссылку в роскошной карете, с караваном имущества и прислуги. Через несколько месяцев пребывания в своём имении бывший «полудержавный властелин» был сослан в Берёзов — маленький сибирский посёлок в низовьях Оби у полярного круга.

Параллельно развивалась митавская интрига — в соответственно уменьшенном масштабе. Весной 1727 года на Бестужева был подан упоминавшийся уже анонимный донос, обвинявший его в хищениях, самовластных поступках и распутном образе жизни. «Управляющего» Курляндией затребовали в Петербург. Он медлил. Анна вновь умоляла пока ещё всевластного Меншикова, его жену, дочь и Остермана не отзывать Бестужева: «Умилосердись, Андрей Иванович, покажите милость в моём нижайшем и сиротском прошении, порадуйте и не ослезите меня, сирой. Помилуйте, как сам Бог!.. Воистину в великой горести, и пустоте, и в страхе! Не дайте мне

во веки плакать! Я к нему привыкла!»^{82}. Но расстаться всё же пришлось. В Верховном тайном совете от Бестужева потребовали отчёта о суммах, истраченных на выкуп заложенных герцогских земель.

Однако и на этот раз гроза миновала. Помогло то ли заступничество Анны, то ли — скорее — устранивший Меншикова переворот. При очередном переделе власти и собственности правителям было не до разбора личной жизни и прочих грехов пожилого генерала. Но, выиграв очередную придворную баталию, Бестужев не заметил, как проиграл другую, гораздо более важную. Как раз в это время было подготовлено его падение в глазах и в сердце его покровительницы. В октябрьских письмах 1727 года, когда Меншиков был уже низвергнут, Анна больше не упоминала имя Бестужева. Видимо, в эти печальные для неё дни и пробил час Бирона — кто ещё мог утешить и окружить вниманием несчастную вдову?

Как писал искренний автор стихотворного романа об Анне: «В общем был Эрнст Иоганн / Не совсем собой баран». Долгое знакомство переросло в большее: «Вот борьба двух сильных тел / Повела их в беспредел».

Вернувшись в конце 1727 года домой, Пётр Михайлович обнаружил, что получил отставку. Он тяжело переживал случившееся и писал своей дочери княгине Аграфене Волконской в Москву, куда как раз отправилась герцогиня: «Я в несносной печали: едва во мне дух держится, потому что чрез злых людей друг мой сердечный от меня отменился, а ваш друг (Бирон. — И. К.) более в кредите остался; но вы об этом не давайте знать, вы должны угождать и твёрдо поступать и служить во всём, чтоб в кредите быть и ничем нимало не раздражать, только утешать во всём и искусно смотреть, что о нас будет говорить, не в противность ли?.. Если вам станут говорить о фрейлине Бироновой, то делайте вид, что ничего не знаете. Поговорите у себя в доме со Всеволожским, чтоб между служителями её высочества было как можно более смуты и беспорядка, потому что я знаю жестокие поступки того господина. Я в такой печали нахожусь, что всегда жду смерти, ночей не сплю; знаешь ты, как я того человека (Анну. — И. К.) люблю, который теперь от меня отменился»^{83}.

Письмо свидетельствует о душевном состоянии автора: он явно был потрясён неожиданной «отменой» близкого человека, но грехи за собой чувствовал, хотя и пытался их спрятать

подальше: судя по всему, история с фрейлинами выплыла и стала для него роковой в глазах Анны. Однако надежда вернуть утраченное расположение ещё оставалась. Бестужев был уверен, что без него дела в герцогском хозяйстве не пойдут; можно было подстраховаться, организовав «смуты» (благо заносчивый характер соперника давал к тому поводы), и тогда Анне ничего не оставалось бы, как вернуться под его защиту. И ещё одно обстоятельство тревожило вельможу: началось новое царствование, перемены были неизбежны — а Бирон как раз находился в столице; мало ли чем могли обернуться его рассказы о курляндских делах.

Бирон больше не имел конкурента: вместо опытного генерала-хозяйственника и дипломата Верховный тайный совет прислал в Курляндию полковника П. Безобразова с гораздо менее широкими полномочиями. Потом там некоторое время подвизался перешедший на русскую службу курляндец Рацкий, пока не умер в 1728 году. Падение Бестужева как будто и впрямь несколько исправило финансовое положение Анны: Пётр II увеличил её содержание на 12 тысяч рублей. Как можно понять из оказавшихся в архиве Тайной канцелярии писем неизвестного корреспондента в Митаву, в 1729 году вдовая герцогиня забирала товары из Сибирского приказа, владела доставшейся ей после смерти матери-царицы Сомерской волостью в Новгородской губернии и желала закрыть там «вновь поставленный» по воле Камер-коллегии кабак^{84}. Тот же Рацкий отмечал увеличение должностей при её дворе: там появились гофмаршал, три камер-юнкера, шталмейстер, футермаршал, две камер-фрейлины, гофраты, переводчики, секретари — и все исправно получали жалованье^{85}. Своим камер-юнкерам, среди которых были и русские, Анна отдавала в аренду только что приобретённые на её имя «ампты».

Бирон со своими обязанностями справляться умел. Много лет спустя, в 1735 году, в ходе одного из расследований Тайной канцелярии по делу о служебных злоупотреблениях майора Ивана Бахметьева всплыла старая история. Майор жаловался сослуживцам, что в царствование Петра II отказался подарить Анне своих украинских певчих, а её «управители» подговорили их бежать и увезли в Курляндию. Анне запал в душу этот случай, и она уже в качестве императрицы напомнила о нём Бахметьеву: «А ныне бы де ты мне и с охотой отдал»^{86}.

Двадцать третьего июня 1727 года у Бирона родилась дочь Гедвига Елизавета, а 11 октября 1728-го — младший сын Карл Эрнст. Некоторые историки предполагают, что матерью младшего отпрыска Бирона являлась сама герцогиня Анна. Действительно, Карл Эрнст впоследствии пользовался особой милостью при дворе Анны Иоанновны и до самой её смерти спал в её комнате. В четыре года Карл Эрнст уже был капитан-бомбардиром Преображенского полка, в девять — камергером, в двенадцать — кавалером ордена Святого Андрея Первозванного.

Сюжет, что и говорить, романический, тем более что в XVIII столетии он не раз возникал в занимательной форме. В октябре 1777 года пожилой вельможа и бывший фаворит императрицы Елизаветы Иван Иванович Шувалов получил от явившегося к нему в дом бригадира Фёдора Аша письмо с признанием его отца барона Фридриха Аша, что он, Шувалов, является не кем иным, как сыном Анны Иоанновны и Бирона, а потому имеет право претендовать на трон, и «потребно будет освободить дворец от обретающихся в нём императрицы и их высочеств».

Отставной вельможа немедленно доложил императрице о странном визитёре, который был объявлен сумасшедшим и упрятан за стены монастырской тюрьмы. Но дело в том, что с 1712 по 1724 год подполковник Фридрих Аш служил секретарём Анны, а затем был переведён в столицу на должность почт-директора; таким образом, курляндские дела были ему знакомы. Сам старый барон Аш умер с убеждением в своей правоте, а его сын провёл в заключении почти всю оставшуюся жизнь, так и не признав законными государями ни Екатерину II, ни Павла I.^{87}

Особая любовь императрицы к шалопаю Карлу Эрнсту — факт несомненный. Но доказательств принадлежности к дому Романовых младшего сына Бирона, как и И.И. Шувалова, у нас нет. Дело даже не в отсутствии точных генетических данных — сейчас, наверное, такого рода исследования уже возможны. Но монаршие дворы — даже такие маленькие, как курляндский, — это всегда жизнь на людях, где скрыть такие происшествия, как беременность и роды, трудно, если не невозможно. Насколько нам известно, и в роду Биронов (все мужские потомки этой фамилии происходят от Карла Эрнста) не сохранилось предание об их царственном происхождении. Не приписывали Анне такого рода грехов и современники. С другой стороны, можно понять привязанность лишённой семьи и детей женщины к сыну близкого человека, тем более что женихов у неё больше не

предвиделось. Последним из них был старый герцог Фердинанд, неожиданно вознамерившийся стать мужем цесаревны Елизаветы Петровны; министры Верховного тайного совета предложили ему Анну, но и этот «марьяж» окончился ничем.

С другой стороны, положение Анны со сменой управляющего не так уж сильно изменилось. Она по-прежнему оставалась безвластной герцогиней в чужом краю и зависела от милостей петербургских родственников. Только теперь она адресовала просьбы не «батюшке-дядюшке» и «матушке-тётушке», а двоюродному племяннику, юному императору Петру II, его сестре Наталье или новым хозяевам двора — князьям Долгоруковым и Остерману. Она поздравляла, кланялась, умоляла не забывать о ней и выдавать положенное содержание. При этом сама Анна явно помнила о своих корнях — распоряжалась поминать за упокой («в придворной церкви петь») государей, от царя Фёдора Иоанновича до своей матери и «тётушки» Екатерины!^{88}. В то же время надо было раскошелиться на подарки с учётом новых придворных вкусов. Анна отправила юному императору, страстному охотнику, несколько «свор собачек». И тут без Бирона не обошлось; летом 1728 года он авторитетно заявил герцогине, что породистых щенков, достойных того, чтобы быть преподнесёнными царю, «прежде августа послать невозможно; охотники сказывают, что испортить можно, если в нынешнее время послать».

Пётр Михайлович Бестужев опасался не зря. Судя по письму дочери в марте 1728 года, надежду на возвращение «кредита» он утратил и опасался худшего: «От кого можно осведомиться, нет ли гнева на меня её высочества, потому что из писем вижу и опасаясь, чтоб наш приятель (Бирон. — *И. К.*) за наши многие к нему благодеяния не заплатил бы многим злом... они могут мне обиду сделать: хотя бы она и не хотела, да он принудит». Очевидно, что к этому времени Бестужев уже понял, кто теперь хозяин в его бывшем доме.

Дочь старалась через окружение цесаревны Елизаветы очернить семейного врага: «...Поговори известной персоне, чтоб, сколько ему возможно, того каналью хорошенько рекомендовал курляндца, а он уже от меня слышал и проведаль бы, нет ли от канальи каких происков к моему родителю, понеже ему легко можно знать от Александра (Бутурлина. — *И.К.*), и чтоб поразгласил о нём где пристойно, что он за человек». Однако княгиню-интриганку сослали в монастырь, а её друзей отправили

служить в провинциальные города и в Иран^{89}. Алексея Бестужева-Рюмина спасла его дипломатическая служба за границей. Но карьера его отца была окончательно сломана: летом 1728 года он «с опалою» был взят под стражу и отправлен в Москву, а бумаги его опечатаны. Известили ли доброжелатели об этом «каналью курляндца», неизвестно; но он сделал всё возможное, чтобы навсегда устранить соперника.

Интрига против Бестужева стала одним из важных уроков, усвоенных молодым придворным, пробивавшимся к власти — пока ещё в масштабах захудалого немецкого двора. О большем в ту пору он и не мечтал — Анна никем всерьёз не рассматривалась как претендентка на российскую корону. Что именно произошло в апартаментах герцогского дворца и какие слова нашёл Бирон, чтобы вычеркнуть из жизни Анны её многолетнего и близкого друга, мы не знаем. Может быть, молодой решительный дворянин своим участием вернул женщине молодость?

«О себе вам объявляю, в добром здоровьи; только вчера немогла боком, а сегодня кровь пускала, и благополучно пустили; а что я долго не писала, того ради, что великая печаль дошла: не стало государыни тётушки ея императорского величества, а Российской империи скипетр восприял великой князь его императорское величество, и тем меня ещё порадовало. А я ныне в Вирцаве очень хорошо...» — сообщила Анна подруге, камер-юнкерше Анне Козодавлевой, 5 июня 1727 года из имения, много лет остававшегося на попечении Бирона^{90}. В мае 1729-го Анна была столь довольна представленным ей «отчетом остаточных припасов», что личным письмом пожаловала любимое имение верному слуге «арендным образом»^{91}.

Можно предположить, что камергер с негодованием обличал Бестужева, безобразно обкрадывавшего бедную вдову. Анна Иоанновна, ещё недавно всеми силами защищавшая старого слугу, теперь жаловалась Петру II: «Я на верность его полагалась, а он меня неверно чрез злую диспозицию свою обманул и в великий убыток привёл».

В Москве была создана комиссия для расследования злоупотреблений Бестужева. Анна представила обвинительный акт из восьми пунктов, из которого следовало, что управитель ввёл её в «великие долги» на 50 тысяч талеров, похитил ещё 40 тысяч талеров, которые якобы были «внесены в хоромы мое»; не

проверял счета канцеляристов; пользуясь неискущённостью герцогини в делах, давал ей на подпись расходные ордера, а кроме того, «запись подсунул мне к подписи, како бы я у него несколько тысяч талеров в заим взяла» под залог имения Альтбергфрид. Но в пылу разоблачения герцогиня расписалась в финансовой безалаберности, признавшись, что «такие указы он мне подсунул к подписанию между другими письмами, и я, поверивая ему, ради многих писем не читала»^{92}. Похоже, она лукавила: упомянутая расписка о займе десяти тысяч талеров представляла собой не неразборчивую бумажку, а исполненный каллиграфическим почерком нарядный документ, на который трудно не обратить внимания. На нём красуется гордая подпись: «Анна, великая принцесса российская, тако ж Лифляндии, Курляндии и Семигалии герцогиня».

Призванный к ответу обер-гофмейстер обвинения отрицал и стоял на том, что заём делался «публично», расходы и покупки производились по распоряжениям герцогини, все имения она сама передала «в его диспозицию» в 1717 году; отчёты же по «шетам» «слушать не изволила». На помощь герцогине прибыл из Митавы камер-юнкер И.А. Корф — и в деле появились десятки счетов, долженствующих убедить правителей, что Бестужев недобросовестно вёл хозяйство. Кто-то вполне компетентный заранее заготовил и в нужное время подал сей «компромат». Оказывается, Бестужев самовольно раздавал «ампты» в аренду, забирал для себя хлеб и другие товары, а счета выставял на Анну, на похищенные деньги отгрохал в Москве каменный дом и пристройку к своим «апартаментам» в Митаве, а из любимой Анной Вирцавы увёл 20 коров.

Бывший обер-гофмейстер упрямо оправдывался: коров «собою не бирал», денег не присваивал, а если что и оказалось у него и его детей, так это сама герцогиня дарила наличными и разными вещами или разрешала брать в счёт жалованья. Были извлечены на свет другие долговые расписки Анны — на 2055 талеров, тысячу рублей и 600 червонцев. Теперь уже слабо разбиравшаяся в делах и подмахивавшая бумаги на тысячные суммы Анна Иоанновна была вынуждена объяснять комиссии, что «многих писем не читала и не рассуждала», и жаловаться, что неверный слуга воспользовался её дамской простотой. Дело затягивалось: как было определить, похищен или подарен дочери Бестужева драгоценный крест за 800 рублей, если нет никаких документов?

Бестужев однозначно винил в своих бедах именно Бирона и заявил официально, что тратил на Анну собственные деньги. Выяснение отношений затянулось долго. 8 января 1730 года Бестужев должен был в очередной раз явиться в комиссию для дачи показаний. Но внезапная смерть юного императора резко изменила расклад сил при дворе, и нудная работа по распутыванию финансовых дел курляндской вдовы и её отставленного любовника так и осталась незавершённой.

На свою беду, Бестужев вместе с другими дворянами слушал подписанные Анной «кондиции», участвовал в обсуждении шляхетских (дворянских) проектов будущего государственного устройства страны. После восстановления самодержавия он был немедленно отослан бывшей подругой с глаз долой губернатором в Нижний Новгород, но не успел он приступить к исполнению обязанностей, как последовала уже настоящая ссылка — «в дальние деревни». Только в 1737 году, да и то исключительно благодаря верной службе сыновей-дипломатов, императрица и герцог Курляндский разрешили старому Бестужеву жить «в Москве или в деревнях»^{93}.

Анна за два десятка лет выросла в курляндскую жизнь; сложились её вкусы и привычки властной хозяйки, какой она осталась и на российском троне. Герцогиня занималась, пусть и не слишком умело, своими «мызами» и маленьким двором, устраивала куртаги, пристрастилась к охотничьим досугам курляндских баронов и разделяла увлечение своего камергера лошадьми. К тому времени она, скорее всего, уже не напоминала бледную барышню, отданную замуж за незнакомого мальчика-принца, которому так и не суждено было стать ей настоящим мужем. Портреты 1730-х годов изображают её располневшей дамой с грубоватым и властным лицом и напоминают образы помещиц из музеев провинциальных российских городов, созданные крепостными художниками. Во многом её можно уподобить пушкинской бригадирше Лариной, оставившей увлечения молодости:

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь...

Но внезапно в провинциальный мир Митавы вихрем вторглась большая история.

Глава вторая.

ОБРЕТЕНИЕ «САМОДЕРЖАВСТВА»

Ея величество всемилостивейшая наша государыня императрица изволила... 25 дня сего месяца своё самодержавное правительство к общей радости при радостных восклицаниях народа всевысочайше принять.

Санкт-Петербургские ведомости. 26 февраля 1730 г.

Коварные письма

В ночь на 19 января 1730 года в московском Лефортовском дворце (он и поныне стоит на берегу Яузы) умер Пётр II — недолеченная оспа и воспаление лёгких оборвали жизнь последнего мужского представителя династии Романовых.

Члены Верховного тайного совета, высшего государственного органа страны, должны были решать судьбу монархии. Пятнадцатилетний император не оставил наследника и никакой воли по этому поводу выразить не успел. По завещанию же Екатерины I в случае смерти Петра II бездетным престол должны были унаследовать её дочери Анна и Елизавета. Но, во-первых, само это завещание было весьма сомнительным; во-вторых, в «эпоху дворцовых переворотов» такие вопросы решались не правом, а «силой персон» в ходе борьбы придворных группировок.

В январе 1730 года министрами Верховного тайного совета были князья Голицыны, чьи предки соперничали с Романовыми на «выборах» царя в 1613 году. Старший, Дмитрий Михайлович, был президентом Камер-коллегии; младший, фельдмаршал Михаил Михайлович, один из лучших российских полководцев Северной войны, командовал расположенной на Украине армией. Наиболее близкими к Петру II были князья Долгоруковы — ведавший царской охотой Алексей Григорьевич (его дочь только что стала царской невестой), опытный дипломат Василий Лукич и недавно вернувшийся из завоёванных персидских провинций фельдмаршал Василий Владимирович. Формальным главой этого «правительства» был пожилой канцлер (так называли в России президентов внешнеполитического ведомства — Коллегии иностранных дел) Гавриил Иванович Головкин, но истинным руководителем российской дипломатии был его заместитель — бывший немецкий студент, ставший российским бароном Андрей Иванович Остерман.

На ночном совещании князь Д.М. Голицын пресёк попытку клана Долгоруковых объявить о якобы подписанном Петром II завещании в пользу своей невесты. Вслед за тем отпали кандидатуры дочери Петра I Елизаветы и её племянника, сына умершей в 1728 году Анны Петровны Карла Петера Ульриха: первая была слишком молода, да и появилась на свет до брака родителей, а второй — младенец, от имени которого на власть

мог претендовать выпровожденный из России отец — герцог Голштинский. Тут-то и вспомнили о митавской затворнице. Голицын предложил избрать на российский престол природную московскую царевну и герцогиню Курляндскую Анну.

Выбор казался наилучшим. Старшая сестра Анны, Екатерина, отличалась решительным характером и состояла в браке с герцогом Мекленбургским — первым скандалистом среди германских государей, изгнанным из своего герцогства. Младшая, Прасковья, состояла в тайном браке с гвардейским подполковником И.И. Дмитриевым-Мамоновым. Бедная вдова, много лет просидевшая в провинциальной Митаве, не имела ни своей «партии» в Петербурге, ни заграничной поддержки. Официальный протокол заседания утвердил введение в состав совета фельдмаршалов В.В. Долгорукова и М.М. Голицына и зафиксировал: «Верховный тайный совет, генерал-фельдмаршалы, духовный Синод, тако ж из Сената и из генералитета, которые при том в доме его императорского величества быть случились, имели рассуждение о избрании кого на российский престол, и понеже императорское мужеского колена наследство пресеклось, того ради рассудили оной поручить рождённой от крови царской царевне Анне Иоанновне, герцогине курляндской».

Кандидатура Анны прошла единогласно. Но вслед за этим Голицын предложил собравшимся «воли себе прибавить». «Хотя де и зачнём, да не удержим этова», — откликнулся на его заявление В.Л. Долгоруков. «Право де, удержим», — настаивал Голицын и пояснял: «Буде воля ваша, толко де надобно, написав, послать к ея императорскому величеству пункты». Именно так, рассказывал Василий Лукич на следствии в 1739 году, была провозглашена идея ограничения самодержавной монархии и появились на свет «кондиции», менявшие вековую форму правления. В черновом журнале совета было указано, что «кондиции» (позднее названные императрицей «коварными письмами») были составлены «собранием» Верховного тайного совета «в присутствии генералов-фельдмаршалов». В течение ночи и утра 19 января документ подвергался правке и в окончательном виде состоял из следующих пунктов:

«...Того ради, чрез сие наикрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее моё попечение и старание будет не токмо о содержании, но и о крайнем и всевозможном

распространении православные наша веры греческого исповедания, та-кожде по принятии короны росиской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять. Ещё обещаемся, что понеже целость и благополучие всякаго государства от благих советов состоит, того ради, мы ныне уже учреждённый Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного тайного совета согласия:

ни с кем войны не всчинать;

миру не заключать;

верных наших подданных никакими новыми податми не отягощать;

в знатные чины, как в статцкие, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатым делам никого не определять, и гвардии и протчим войскам быть под ведением Верховного тайного совета;

у шляхетства живота и имения и чести без суда не отимать;

вотчины и деревни не жаловать;

в придворные чины как русских, так и иноземцов, без совета Верховного тайного совета не производить;

государственные доходы в расход не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать, а буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской»^{94}.

Официальный список этой окончательной редакции «кондиций» в журнале совета был подписан всеми его членами (в том числе и Остерманом), за исключением В.Л. Долгорукова, который должен был ехать в Митаву — в качестве «нейтральной» фигуры посла ему было удобнее уговаривать Анну принять эти условия. Те же шесть подписей стояли под сопроводительным письмом курляндской герцогине. Послание содержало и утверждение о её избрании не только Верховным тайным советом, но «и духовного и всякого чина свецкими людьми», однако «верховники» при объявлении имени Анны другим представителям знати, находившимся во дворце, о «кондициях» не сказали.

Составление необходимых документов затянулось до вечера 19 января, когда в обстановке секретности три представителя совета — В.Л. Долгоруков, сенатор М.М. Голицын-младший и генерал М.И. Леонтьев — отправились в Курляндию. Одновременно Москва была оцеплена заставами, и выехать из города можно было лишь по выданным правителями паспортам. Быстрые и решительные действия «верховников» позволили им выиграть время и не допустить дискуссий о порядке престолонаследия, но не могли не вызвать подозрений со стороны недовольных, по тем или иным причинам, решениями правителей.

Ещё ночью зять канцлера Головкина и генерал-прокурор П.И. Ягужинский заявлял: «Теперь время, чтоб самодержавию не быть», — и просил «прибавить нам как можно воли». Однако, оказавшись за пределами избранного круга правителей, быстро переменил позицию. 20 января он тайно отправил камер-юнкера Петра Сумарокова в Митаву — доложить Анне о подлинных обстоятельствах её избрания и посоветовать, «чтоб её величество просила от всех посланных трёх персон такого писма за подписанием рук их, что они от всего народу оное привезли». Ягужинский предостерегал герцогиню от подписания «кондиций» и поручал посланцу «донести её величеству, что де может быть, не во многих персонах оное учинено, однако чтоб её величество была благонадёжна, что мы все её величеству желаем прибытия в Москву»^{95}.

Посольство прискакало в Митаву в семь часов вечера 25 января. Забытой герцогине на 38-м году жизни предстоял важнейший выбор — принимать или не принимать корону Российской империи на предложенных условиях. Может быть, отказ был бы лучшим вариантом для её репутации, да и для всей отечественной истории — тогда в учебниках не было бы ни «засилья иноземцев», ни бироновщины... Но как было природной царевне отвергнуть такое предложение? И могли ли близкие ей люди удержаться от искушения стать придворными императрицы?

Немедленная аудиенция принесла успех — наутро Долгоруков отправил гонца обратно с доношением, где сообщал: Анне объявили, «что избрали её величество на росиский престол, и просили, чтоб изволила потписать посланные с нами кондиции. Её величество изволила печалитца о преставлении его величества, а потом по челобитью нашему повелела те кондиции

[illegible]

вызвать подозрения, что не всё так однозначно, как ей говорили официально.

Послы побоялись сразу отправить подписанные бумаги «за опасностью, чтоб каким нещастием в дороге не утратились», и передавали, что государыня выедет в Россию 28-го или 29-го числа. В Москве же «верховники», кажется, были уверены в исходе дела и 28 января отправили очередного гонца с наказом: «...когда её величество изволит подписать по прошению нашему отправленное с вами к подписи её величеству известное письмо, то оное, нимало у себя не удержав, изволите сюды прислать з генералом маеором Леонтьевым». Документы последних дней января свидетельствуют, что министры нервничали, собирались необычно часто: в черновом журнале указаны не отмеченные в издании протоколов заседания Верховного тайного совета 22, 30 и 31 января. За решением не слишком сложных вопросов текущего управления (о выделении денег на строительство крепостей, ссылке колодников в Сибирь, присвоении очередных воинских чинов) «верховники» напряжённо ждали известий из Курляндии.

Двадцать восьмого января из Митавы выехал генерал Леонтьев с подписанными «кондициями» и поскакал курьер с письмом самой Анны, скорее всего, продиктованным ей опытным Василием Лукичом. Императрица сообщала:

«...повинуясь той божеской воли и прося его, создателя, помощи и к тому ж не хотя оставить отечества моего и верных наших подданных, намерилась принять державу того государства и правительствовать, елико Бог мне поможет», — далее же как бы от себя поведала: «...пред вступлением моим на российский престол, по здоровом разсуждении, изобрели мы за потребно для пользы российского государства и ко удовольствованию верных наших подданных, дабы всяк могли мы видеть горячесть и правое наше намерение, которое мы имеем ко отечеству нашему и к верным нашим подданным, и для того, елико время нас допустило, написав, какими способы мы то правление вести хотим, и подписав нашею рукою, послали в Тайный верховный совет».

Этот документ был «изодран» Анной 25 февраля 1730 года вместе с «кондициями». Но пока он давал «верховникам» возможность публично объявить о согласии государыни принять престол, добровольно ограничив свою необъятную власть для блага державы и «ко удовольствованию верных наших подданных». 1 февраля подписанные Анной «кондиции» и закованный в кандалы Сумароков были доставлены генерал-майором М.И. Леонтьевым в Москву. На следующий же день «верховники» арестовали Ягужинского и всех, кто знал о миссии его посланца.

Василий Лукич остался в Митаве — ему предстояло не выпускать из-под контроля императрицу, пока новая форма правления не утвердится. Секретность и быстрота должны были обеспечить осуществление дерзкого замысла. Если бы в то время существовали современные транспортные возможности, то, пожалуй, немедленное прибытие растерянной Анны могло бы упрочить положение Верховного тайного совета. Подтверждение «кондиций», издание торжественного манифеста о новом порядке правления и проведение присяги поставили бы власти империи перед свершившимся фактом, а недовольные не успели бы организовать. Затем должны были последовать коронационные торжества, раздачи от имени новой императрицы чинов, наград и должностей и отправка подальше от столицы — в полки, в персидские провинции, на воеводства и губернаторства — противников «верховников». Сторонники других членов царского дома (Екатерины Мекленбургской, Елизаветы Петровны, «голштинского» принца, царицы Евдокии) не представляли реальной силы и не выступали самостоятельно. Всё это сулило извгстные шансы на успех — хотя бы на какой-то срок.

Но время работало против «верховников». Добиться ограничения самодержавной власти оказалось куда легче, чем организовать быструю доставку императрицы к «верным подданным» за 1124 версты — такой длины, по данным Ямской канцелярии, был путь от Митавы до Москвы через Псков и Новгород. Надо было срочно добыть деньги (Анна попросила на «подъём» десять тысяч рублей) — выручил богатый купец, президент рижского магистрата Илья Исаев; разыскать «сани крытые, в которых бы можно лежать». Лифляндский губернатор генерал П.П. Ласси докладывал, что собрать лошадей и 130 подвод для царского «поезда» раньше 29 января невозможно;

всего же для доставки Анны со свитой необходимо было по пути следования приготовить не менее 1500 подвод, что превышало возможности ямской службы^[96].

«Верховники» вынуждены были сами отдавать распоряжения об устройстве дополнительных подстав, подготовке подвод за счёт крестьян и «градских жителей» и назначении к ямам и подстам по унтер-офицеру и пяти рядовым из близрасположенных полков. К тому же российская императрица не могла путешествовать с курьерской скоростью: её ждали торжественные встречи с войсковыми «паратами» и молебнами. Кроме того, надо было обеспечить ей достойный ночлег — Долгоруков требовал найти в Новгороде «дом такой, чтоб в котором или очень давно жили, или недавно построен, чтоб тараканов не было». Срочно надо было организовать похороны бывшего самодержца — не могла же государыня въехать во дворец, где лежит тело её предшественника.

Только утром 29 января Анна Иоанновна тронулась в путь. Манштейн сообщал в мемуарах, что «верховники» потребовали от Анны оставить фаворита в Митаве^[97]. В сохранившейся переписке князя Василия Лукича упоминаний о Бироне нет, однако один из пунктов «кондиций» ясно предписывал императрице без согласия «верховников» «в придворные чины, как русских, так и иноземцев... не производить», что исключало появление каких-либо особо приближённых к ней «сильных персон» при дворе.

Новоиспечённая монархиня отправилась в путь со свитой из нескольких дам, мундкоха, мундшенка^[2], повара, лакеев, конюхов, гайдуков и солдат охраны. Среди шестидесяти трёх человек царского «поезда» ни Бирон, ни кто-либо из его семейства не значится. Однако уже в Москве при Анне каким-то образом оказался младший сын фаворита Карл Эрнст; можно предположить, что императрица не рискнула взять любимца с собой и он прибыл позднее.

«Журнал походу от Митавы в Москву её величества государыни Анны Иоанновны» фиксирует передвижение царского «поезда»:

«Генваря 29-го числа изволила её величество из Митавы пойти в 9-м часу пополуночи. <...>

В Ригу прибыть изволила во 2-м часу пополудни, где её величеству учинена церемониальная встреча, також ис

пушек и из мелкого ружья была палба.

Из Риги изволила пойти 30-го числа в 11-м часу пополуночи. <...>

На Ропскую почту изволила прибыть в 8-м часу пополудни; поужинав, изволила её величество почивать в своих санях, а в путь пошла в 5-м часу пополуночи. <...>

Февраля 1-го числа. <...>

В Печерской монастырь изволила её величество прибыть в 9-м часу пополудни. Встречал её величество того монастыря архимандрит в ризах с крестом. По прибытии своём изволила пойти в соборную того монастыря церковь и прикладывалась к образам, из церкви изволила пойти в кельи и в них кушать и потом изволила почивать в своих санях.

2-го числа из Печерского монастыря изволила пойти в 6-м часу пополуночи.

Во Псков изволила прибыть в 11-м часу пополуночи. Встречал её величество псковский архиерей Рафаил. Кушать изволила в доме архиерейском, а в вечеру пели навечерницу в хоромех, потом её величество изволила почивать.

3-го числа часу в 5-м пополуночи изволила слушать всеношную в тех же покоях и потом изволила быть в соборной церкви у обедни. Кушать изволила в доме воеводском.

Из Пскова пойтить изволила во 12-м часу пополуночи.

На Загорской ям изволила прибыть в 4-м часу пополудни и изволила кушать, а в путь пошли в 5-м часу.

4-го числа в 9-м часу пополуночи изволила прибыть в село Колёсное и тут кофий кушала. Ис того селца изволила пойти в 10-м часу пополуночи ж. В деревню Голени изволила прибыть во 12-м часу, в которой и кушали. Из Голени пошли в поход в 1-м часу пополудни.

В Новгород изволила прибыть в 6-м часу пополудни. Для прибытия её величества была ис пушек и от стоящих в строю полков из ружья стрельба. А по прибытии в Новгород изволила взехать на учреждённой для её величества двор вышневолоцка Сердюкова, и откушав, изволила почивать.

5-го числа поутру изволила её величество кушать кофий, обедать изволила в 11-м часу пополудни, а в 4-м часу пополудни изволила быть в соборе и в протчих церквах и при-кладыватца к святым мощам и оттуды изволила пойти в дом губернаторской, в котором откушав, изволила прибыть на двор Сердюкова и опочивать.

6-го числа пополудни в 8-м часу изволила из Новагоро-да пойти. <...>

8-го числа пополудни в 8-м часу изволила прибыть в Вышней Волочок, и побыв с час, изволила пойти в поход. <...>

В Торжок изволила прибыть в 5-м часу пополудни, и пе-ременя подводы, изволила пойти того ж часа в свой путь. <...>

9-го числа пополудни в 9-м часу изволила её величество прибыть во Тверь, и побыв с час, изволила пойти в путь.

В Клин изволила прибыть в 6-м часу пополудни, и в побыв в хоромах с час, изволила в своих санях почивать.

Из Клина изволила пойти в 11-м часу пополудни.

10-го числа в 7-м часу пополудни изволила прибыть в Чашниково и тут изволила кушать в 11-м часу, где встречали её величество синодалные члены.

Ис Чашникова изволила пойти во 12-м часу.

Во Всесвяцкое изволила прибыть в 3-м часу пополудни»^{98}.

Почти две недели добиралась Анна до Москвы. Дорога была ей знакома, но теперь она ехала в качестве российской императрицы, участвуя по пути в торжественных церемониях и молебнах и, конечно, принимая челобитные подданных, не подозревавших, что государыня лишена реальной власти. Может быть, как раз наблюдая поклонение чиновных и «подлых», она задумалась, насколько подписанные ею «кондиции» отвечают их представлениям о форме правления.

Стоит отметить, что путешествие царской особы в те времена были далеко не комфортным вояжем: медленный обоз из перепрягаемых крестьянских кляч, ухабы на дорогах, ямские дворы и крестьянские избёнки, где приходилось пить «кофий». «Журнал походу от Митавы» сообщает, что несколько раз

«изволила её величество почивать в своих санях» на морозе — видимо, домов без тараканов так и не нашли...

Московская «оттепель»

Второго февраля «верховники» получили долгожданные «кондиции» и сразу же объявили в Кремле о принятии Анной престола на их условиях. От таких новостей шляхетство пришло в смущение — с чего это государыня сама себя изволила ограничить? Князь Дмитрий Михайлович дискуссии не допустил, но предложил собравшимся самим разработать и подать в совет проекты нового государственного устройства.

Возможно, «верховники» ожидали встретить одобрение своим действиям, ведь они предложили гарантии от монаршего произвола — бессудной опалы и конфискации имущества, от чрезвычайных податей и взлёта временщиков. Пока Анна медленно двигалась к столице, в зимней Москве наступила небывалая политическая «оттепель». Недавно привыкшие к бритью бород и европейским камзолам дворяне, ещё помнившие дубинку императора и его грозные (по выражению Пушкина, «писанные кнутом») указы, приступили к сочинению новой формы правления.

Сами «верховники» в эти дни тоже составляли свою программу — «пункты присяги». «Пункты» гласили, что страной будут править восемь пожизненных министров, а в случае смерти кого-нибудь из них оставшиеся «обще с Сенатом» должны выбирать замену «ис первых фамилий, из генералитета и из шляхетства людей верных и обществу народному доброжелательных». Если же «случитца какое государственное новое и тайное дело, то для оногo в Верховной тайной совет имеют для совету и разсуждения собраны быть Сенат, генералитет, и калужские члены, и знатное шляхетство». Сенат и прочие центральные учреждения должны были формироваться путём выборов «из фамилных людей, из генералитета и из знатного шляхетства». Благодаря такому порядку, декларировали «верховники», «шляхетство содержано быть имеет так, как и в протчих европейских государствах, в надлежащем почтении и в ея императорского величества милости и консидерации».

Правители обещали «шляхетство в салдаты, в матрозы и протчие подлые и нижние чины неволею не определять», жалованье давать «сполна без задержания» и не отбирать движимое и недвижимое имущество даже у «сродников»

осуждённого преступника. «Приказных людей» надлежало «производить по знатым заслугам и по опыту верности всего общества, а людей боярских и крестьян не допускать ни к каким делам». Купечеству обещали оказывать «призрение» и «отвращать от них всякие обиды и неволи, и в торгах иметь им волю», а «крестьян податми сколько можно обলেখчить»^{99}.

С 5 по 7 февраля в совет были поданы семь дворянских проектов. Их авторы, как и «верховники», проявляли единодушие в стремлении расширить права дворян, но не доверяли правителям, тем более что многие знатные персоны рассчитывали на собственное вхождение в верховную власть.

Наибольшее значение имел самый представительный из проектов — «проект 364-х» (по числу подписей). Он, как и остальные, отражал чаяния пережившего годы войн и реформ служилого сословия: об отмене закона о единонаследии 1714 года, определении сроков дворянской службы, неназначении дворян рядовыми солдатами и матросами и «порядочном произвождении».

Но главным был вопрос о власти. «Проект 364-х» предлагал создать «Вышнее правительство» из двадцати одной «персоны». Это правительство, а также Сенат, губернаторов и президентов коллегий предлагалось «выбирать и балатировать генералитету и шляхетству... а при балатировании быть не меньше ста персон». Таким образом, проект предусматривал упразднение Верховного тайного совета в его прежнем качестве и, что не менее важно, устранение его членов от процедуры пополнения своих рядов. Кроме того, большинство проектов (проекты «364-х», «пятнадцати», «тринадцати» и «двадцати пяти») предлагали распространить принцип выборности не только на членов Верховного тайного совета, но также на сенаторов, президентов коллегий и губернаторов.

Принять такое устройство «верховники» вряд ли могли — оно означало бы их отстранение от власти. Они согласились лишь на увеличение своего состава («верховного правления») на пять человек, признали возможными выборы сенаторов — при условии, чтобы в обоих случаях в выборном «собрании» «было всегда одна половина из фамильных, а другая из шляхетства».

Они сделали и ещё один шаг — предложили, чтобы дворянство избрало «годных и верных отечеству людей от дватцати до тритцати человек и утвердили б их письменно так, что оне внизу написанным порядком к пользе отечества сочинят

и утверждают, и то имеет вечно твёрдо и нерушимо быть». При этом новые законы должны были бы последовательно и единогласно приниматься сначала депутатами, затем Сенатом и самим советом. Таким образом, «верховникам» была бы гарантирована решающая роль в управлении. Но идея созыва такого «учредительного собрания» была, возможно, даже слишком смелой и осталась погребена в бумагах совета; современники не знали о работе «верховников» над собственным вариантом «конституции».

Они молчали — видимо, не желая объявлять о своих планах, не совпадавших с самым массовым «оппозиционным» проектом. Но в Москве 1730 года уже всюду спорили о новой форме правления: «Одни хотят ограничить права престола властью парламента, как в Англии; другие — как в Швеции; иные думают сделать престол избирательным, по примеру Польши; иные же, наконец, высказывают мнение, что нужно разделить всю власть между вельможами, находящимися в государстве, и образовать аристократическую республику».

Вопрос о власти расколол «генералитет» (чины первых четырёх классов по Табели о рангах): одни склонялись к компромиссу с «верховниками»; другие (в том числе руководство Военной коллегии, трое из шести сенаторов, президенты и советники ряда коллегий) требовали ликвидации Верховного тайного совета. Но в спорах участвовало ещё около четырёхсот дворян низших рангов — они оставили свои подписи на проектах и засвидетельствовали знакомство с «кондициями».

Кто они были? Старые служивые, прошедшие огонь, воду и медные трубы Петровских реформ; посланные в своё время за границу «пенсионеры», капитаны и лейтенанты нового флота; боевые офицеры, заканчивавшие карьеру на должностях провинциальных воевод и комендантов, в Сенате, в полиции, в новых коллегиях. В центр событий попали бывшие денщики Петра I, вызванные на смотр армейские офицеры, ожидавшие новых постов бывшие прокуроры или «нарочные», назначенные Сенатом для сбора недоимок в провинциях. Уничтожавший императорскую власть проект подписали старшие чины московской полиции во главе с обер-полицмейстером, отрешённые от должности проворовавшиеся чиновники и молодые камергеры и камер-юнкеры двора. Рядом с носителями старинных чинов «стольников» и «жильцов» подписи ставили представители иного поколения — к примеру, обучавшийся в

Париже и прикомандированный к Академии наук (и одновременно являвшийся агентом французского посольства) Алексей Юров и «архитектурного и шлюзного дела мастер» Иван Мичурин.

Более половины из тех, кто подписывал оппозиционный «проект 364-х» и чьи чины нам известны (199 человек), являлись полковниками и коллежскими советниками (38), подполковниками (39), майорами и коллежскими асессорами (55), капитанами и соответствующими чинами прочих ведомств (67). Из 219 человек, чей возраст нам известен, почти три четверти составляли люди зрелые и пожилые (от сорока одного до шестидесяти лет). 93 человека из 210, данными о чьём землевладении мы располагаем, обладали имениями с количеством крепостных от 101 до пятисот душ, у сорока пяти человек было более полутысячи душ, у шестидесяти — менее ста. Только у двенадцати человек вотчин не было^{100}.

«Университеты» таких ветеранов описал в марте 1730 года 55-летний капитан Вятского драгунского полка Пётр Борисович Неелов: «В службу записан из недорослей; с 700 по 702 год служил в гусарех, а в 702 году написан в Вяцкой драгунской полк в драгуны и был капралом, ротным квартирмейстером и вахмейстером, потом произведён в 709 году от Меншикова в прапорщики, в 712 от генерал-адмирала графа Апраксина в порутчи-ки, в 725 от генерала-фельтмаршала и ковалера князя Михаила Михайловича Голицына в капитаны. И будучи в службе, был на баталиях на реках Ижоре и Тосне, под Шкудами, под Плоц-ким, под Гроднею, на Калишском, под Добрым, на Лесной, под Кропольским, под Апошнею, под Красным кутом, под Иваном городом, под Соколками, под Ахтыркою, на Полтавской, на реке Пасе, при Оборфорсе, под Пелкиной, под Пойкирками, под Борховым; при атаках Нарвы, Пернова, Риги, Ревеля...» Другой капитан, 45-летний Никита Иванович Ушаков, был «в службу взят из недорослей в 704 году и написан в лейб гвардии Преображенской полк в салдаты, и служил в том полку капралом и произведён в 709 году от Меншикова в порутчики в Ранинбургской драгунской шквадрон; в 711 от генерала-адмирала и ковалера графа Апраксина в капитаны в Воронежской гарнизон. И был при отаке и взятые Нарвы и при отаке и на выласке под Нитавою, в данском походе против воров булавинцов и на штурме под Есоуловым, на левенгобской и на

полтавской баталиях, при взятии города Вольного, на турецких комиссиях для разграничения земли...»^{101}.

Вместе с Нееловым и Ушаковым явились в Герольдмейстерскую контору на смотр другие офицеры, подписавшие «проект 364-х». Просили об отставке 52-летний капитан Вологодского драгунского полка И.С. Ушаков, 57-летний майор казанского гарнизона И.И. Болтин (отставлен «за головную и цынготную болезнью и дряхлостью»), 44-летний капитан Эстляндского полка И.А. Свищов, 58-летний квартирмейстер Ростовского полка О.В. Ларионов, капитан Астраханского полка В. Линёв, 58-летний майор Г.А. Лавров и шестидесятилетний капитан К.А. Ивашкин из гарнизона Выборгской крепости (отставлен «за старостью, за раной и почечуною болезнью» и по причине того, что «мало слышит»); прибывшие из находящегося в иранских провинциях Низового корпуса 57-летний беспоместный полковник Г. Маслов (в экспедициях против «горских татар» был «ранен в грудь и сквозь спину пулею») и 49-летний подполковник Б.А. Глазатой; 58-летний майор из московской полиции В.О. Губарев, состоявший при Адмиралтействе 55-летний поручик-инвалид Ф.И. Травин («стар и дряхл и ногу розогнуть не может»), 47-летний беспоместный капитан 2-го Московского полка Д.Д. Ознобишин, бывший гвардеец капитан Д.С. Ивашкин^{102}.

Смешение имён, чинов, карьер, поколений, знатности и «подлости» не даёт однозначного ответа на вопрос, что заставило этих людей вступить в «политику» и поддержать идею дворянской «демократии». Но результат известен — у них ничего не получилось. Смелые «прожектёры», недовольные конкретным выбором государыни генералы, наконец, просто захваченные волной политических споров провинциальные служивые — такой диапазон уровней политической культуры исключал возможность объединения тех, кого можно было бы назвать «конституционалистами». Однако Анна Иоанновна, похоже, никогда не забывала, что *против* «верховников», но *за* упразднение самодержавия выступила не кучка вельмож, а составлявшие стеновой хребет российской государственности опытные и зрелые (с осторожностью можно сказать, что и не самые бедные) офицеры и чиновники, занимавшие средние командные должности в армии и государственном аппарате. Без учёта этого обстоятельства трудно понять дух её царствования.

Редкие письма и следственные дела эпохи донесли до нас отзвуки дискуссий тех дней. Один из создателей коллежской системы, вице-президент Коммерц-коллегии Генрих Фик «был весел»: «...не будут иметь впредь фаворитов таких как Меншиков и Долгорукой», — и мечтал «о правительстве, как в Швеции». На это ассессор Рудаковский «ответствовал ему, что в России без самодержавства быть невозможно, понеже Россия кроме единого Бога и одного государя у многих под властью быть не пожелает».

Капитан-командор Иван Козлов полагал: «...теперь у нас прямое правление государства стало порядочное» и государыня не сможет «брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому, и не токмо того, ни последней табакерки из государевых сокровищ не может себе вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будет, то будут давать ей с росписками. А всего лучше положено, чтоб ей при дворе своём свойственников своих не держать и других ко двору никого не брать, кроме разве кого ей позволит Верховный тайный совет».

Нам посчастливилось найти в делах Тайной канцелярии интересный документ. Летом 1740 года власти брали под стражу всех, в ком подозревали сообщников кабинет-министра Артемия Волынского. В их число угодил и ещё один «птенец гнезда Петрова» Юрий Иванович Кологривов, изучавший в Италии «архитектуру цивилис» и работавший «художественным агентом» Петра I по приобретению книг, картин и скульптур для царских коллекций; в частности, именно ему удалось переправить из Италии в Петербург статую Венеры Таврической.

Знакомство с Волынским и братьями Платоном и Епафродитом Мусиными-Пушкиными привело архитектора под арест, хотя к числу «конфидентов» опального он не принадлежал. В его бумагах следователи обратили внимание на письмо некоего «пустынника». Подтекстом письма он нарисовал странную фигуру и сделал к рисунку приписку: «только одна голова»; против правой руки указал: «вся в пластырях, кроме двух», а против левой — «один палец владеет»^{103}.

Кологривов заявил было, что ничего не помнит, однако после соответствующего внушения в Тайной канцелярии поведал, что письмо ему написал коллежский советник и член Юстиц-коллегии Епафродит Иванович Мусин-Пушкин во время второй присяги в 1730 году Анне Иоанновне уже как самодержице. Е.И.

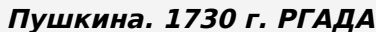
Мусин-Пушкин подписал вначале «проект 364-х», затем — челобитную 25 февраля о восстановлении самодержавия, но к новой присяге не спешил, полагая, что она может быть «отставлена», как и первая, поскольку сомневался: «...сильно ль де то будет, чтоб впредь Долгорукия не могли усилитца?»

На следующем допросе Кологривов признался, что «оная персона — ея императорского величества, и против той персоны надпись написана о ея императорском величестве, а оную персону и надпись написал Епафродит Мусин Пушкин и с тем означенное письмо к нему, Кологривову, прислал». По мнению адресата письма, Мусин-Пушкин «разумел тогда следующее, а имянно: в надписи объявлено, что “вся в пластырех”, и то значило, что самодержавию ея императорского величества не все ради (то есть рады. — *И.К.*), и потом оной Епафродит изъявлял на оной персоне тело, сиречь государство и общество России, что несогласно к самодержавию, толко вид показывал в руках ея императорского величества, чего ради и в надписи написано “кроме дву”, то есть окроме рук ея императорского величества, что соизволила уже принять императорской престол, а что в надписи написано “один палец владеет”, и то разумелось, что самодержавство ея императорское величество соизволила принять, Чего оному Епафродиту не хотелось, в надписи ж написано “толко одна голова, ни рук ни ног”, и то значит, и разумел он, Кологривов, что самодержавию некоторые головы ради, а протчим всем то неприятно было».

Архитектор добавил, что «при том оной Епафродит упоминал, что самодержавию не ради знатные, а имянно, Голицыны, Долгоруковы, тако ж и Михаила Матюшкин не очень то любит: он де италианец и мы де с фамилиею своею републику любим»^[3].^{104} С ним был согласен и сам автор письма с карикатурой: «Помянутой же де Епафродит до пришествия ея императорского величества в Москву говорил с ним, Кологривым, не худо б де, чтоб Верховной совет был, приводя всё, дабы была република. И говорил, хорошо б де, кабы баланс у нас был, а болше того ничего не говорили».

Просвещённым братьям Мусиным-Пушкиным (Платон ездил «для обучения политических дел» в Голландию, а Епафродит изучал в университетах Галле и Лейдена географию, историю, латинский, немецкий и французский языки, «мораль» и «политику»^{105}) пришлось в 1730 году делать нелёгкий выбор. Можно предположить, что они, как и другие представители

Карикатура на Анну Иоанновну в письме Епафродита Ивановича Мусина-Пушкина. 1730 г. РГАДА

Крамольная карикатура могла стоить Епафродиту головы, но он, на своё счастье, скончался ещё в 1733 году. Его брат, по словам Кологривова, хотел уничтожить опасную картинку, но забыл. Платон Мусин-Пушкин сумел сделать карьеру — стал при Анне тайным советником, сенатором, президентом Коммерц-коллегии, начальником Коллегии экономии и Канцелярии конфискации — но в 1740 году потерял всё.

«Самодержавство» могло бы пасть, если бы большинство дворян разделяло вышеприведённое мнение. Однако, например, помянутый выше Козлов хотя и радовался ограничению монаршего произвола, но подписать под проектами так и не поставил. Рисковать карьерой были готовы не все, как не все интересовались заморскими порядками. Многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства. Если для просвещённого Феофана Прокоповича голландский юрист Гуго Гроций был «славным законоучителем», то в дворянской массе скорее можно было услышать:

Гроциус и Пуфендорф и римские права —
О тех помнить нечего: не на наши нравы.

Депеши датского дипломата Ганса Георга Вестфалена дают возможность представить и другой уровень дискуссий в шляхетской среде. «В смысле укора неограниченной власти в России, — докладывал посланник 5 февраля 1730 года, — выставляют случай, бывший в правление царицы Екатерины. В кратковременное своё правление она израсходовала для своего двора венгерских вин на 700 000 рублей и на 16 000 рублей данцигских водок в то самое время, когда тысячи её подданных терпели недостаток в насущном хлебе»^{106}.

Отсюда следует, что просвещённые дворяне, подобные В.Н. Татищеву или «русскому немцу» Г. Фику, были способны усваивать европейские идеи и сочинять «прожекты» нового политического устройства, но для массового сознания дворян сравнение достоинств той или иной заграничной формы правления отступало на задний план перед простыми и понятными примерами.

К тому же не все подписанты ограничительных проектов были убеждёнными сторонниками более либеральной формы правления. Например, подполковник Преображенского полка

князь Григорий Юсупов поставил подпись под «проектом 364-х», а 25 февраля просил о восстановлении самодержавия; в том же году стал сенатором и генерал-аншефом. Его дочь Прасковья, как видно из следственного дела Тайной канцелярии, по доносу брата попала в монастырскую ссылку за то, что собиралась императрицу «склонить к себе на милость через волшебство». На допросе прислуга показала, что княжна считала началом своих бед события, в которых участвовал её отец. «Батюшка де мой з другими, а с кем не выговорила, — передавала речи Прасковьи её служанка, — не хотел было видеть, чтоб государыня на престоле была самодержавная. А генерал де Ушаков — перемётчик, сводня; он з другими захотел на престол ей, государыне, быть самодержавною. А батюшка де мой как о том услышал, то де занемог и в землю от того сошёл». Это показание — при всей особенности восприятия ситуации своенравной княжной — свидетельствует, что Юсупов и другие представители генералитета были не против ограничения власти новой императрицы, но едва ли являлись убеждёнными «конституционалистами». Прасковья Юсупова объясняла: её отец желал урезать власть Анны, поскольку «наперёд слышал, что она будет нам неблагодетельница»^{107}. Однако в результате изменения конъюнктуры не в пользу «верховников» князь стал одним из главных действующих лиц при восстановлении «самодержавства»; в этот день во дворце в числе гвардейцев были и его сыновья Сергей и Григорий, поручики Преображенского полка.

Для знатного генерала сравнение достоинств заграничных форм правления тоже отступало на задний план перед действиями Меншикова или недавним хозяйничаньем клана Долгоруковых. Примеры же эти работали как против «верховников», так и против «конституционалистов».

Интересно, что находившиеся на русской службе европейцы отнюдь не с восторгом, а скорее с сомнением отнеслись к неожиданным политическим «свободам». Они были искренне убеждены, что отказ от петровской формы правления был бы опасен для страны. Шотландец и генерал-майор русской службы Джеймс Кейт, вместо того чтобы радоваться возможности учреждения более демократической политической системы, считал замыслы ограничения монархии «пагубными» и совершенно неуместными для России с её «духом нации и огромной протяжённостью империи»^{108}.

К тому же отнюдь не все офицеры, находившиеся в январе — феврале 1730 года в столице и ознакомленные с «кондициями», интересовались политикой — иные никаких проектов и прошений не подписывали. По нашим подсчётам, таких оказалось довольно много — 236 человек (половина из расписавшихся 5–8 февраля в Кремле в ознакомлении с «кондициями»).

Некоторые дворяне во время пребывания в Москве вообще не отметились в Кремле, например сержант Д. Суходольский («за увечьем и за неумением грамоте и за пьянством никаких дел исправить не может») или 64-летний капитан Александр Македонский, который поступил на русскую службу «из Царяграда из шляхетства в 193 году и восприял веру греческую».

Обнаруженные нами на полях печатного календаря на 1730 год^{109} дневниковые записи свидетельствуют, что их анонимный автор тоже политикой не интересовался. Под 19 января он отметил смерть Петра II «от воспы». А 16 февраля, в самый разгар интересующих нас событий, автор выехал из Москвы сначала в Волхов, а потом в своё имение Баимово и даже не был у присяги. Вернулся он в столицу только 11 марта, 15-го «присягал в саборе в Успенском», а 17-го опять отбыл в деревню, где и жил до июня. И впоследствии никаких событий, кроме кратковременных наездов в столицу и визитов к тестю, автор не отмечал — разве что состоявшееся 4 июля «затмение солнечное». Подштурман Балтийского флота Иван Грязное в своей «записной книге» зафиксировал, что 16 января 1730 года был произведён в штурманы, затем получил годовой отпуск, но перед отъездом в своё калужское имение успел побывать на коронации императрицы и заложил 11 июня новые «хоромы» в Москве^{110} — какая уж тут политика...

Ни «верховники», ни их оппоненты не поднимались до принципиальной постановки вопроса о происхождении монаршей власти и её пределах: первые этого не желали намеренно; вторые, скорее всего, в массе не были к этому готовы. В этом смысле не стоит переоценивать роль князя Д.М. Голицына в качестве «отца русской демократии».

Он был фигурой незаурядной — но вместе с тем типичной для Петровской эпохи. Как многие его сверстники, Голицын начал службу в гвардии; получал назначения на дипломатические, военные, финансовые посты. В качестве киевского губернатора он стремился урезать гетманскую власть,

в качестве члена Верховного суда подписал приговор царевичу Алексею в 1718 году, а в 1723-м сам был лишён чинов по делу вице-канцлера Шафирова и прибегнул к заступничеству Екатерины. Он писал доносы на гетмана; но и на него в мае 1722 года дворецкий его брата-фельдмаршала заявил «слово и дело» (у князя якобы имелись «тайные царственные письма»). Характерно, что возглавляемая Голицыным комиссия по пересмотру налоговой системы не смогла предложить альтернативу петровской подушной подати^{111}.

Английский резидент Клавдий Рондо отзывался о князе в феврале 1730 года: «Это человек духа деятельного, глубокопредусмотрительный, проницательный, разума основательного, превосходящий всех знанием русских законов и мужественным красноречием. Он обладает характером живым, предприимчивым; исполнен честолюбия и хитрости, замечательно умерен в привычках, но высокомерен, жесток и неумолим»^{112}.

Это сочетание качеств помешало князю стать настоящим лидером, способным увлечь за собой других, в особенности тех, кого он превосходил по социальному или интеллектуальному уровню. С грустью отзывался о своём опыте делового знакомства с князем предприниматель и экономист-самоучка Иван Посошков: «На что добрее и разумнее господина князь Дмитрея Михайловича Голицына, а в прошлом 719 году подал я ему челобитную, чтоб мне завод построить винокурной и вотки взять на подряд, и, неведомо чево ради, велел меня за караул посадить. И я сидел целую неделю, и стало мне скушно быть, что сижу долго и за что сижу, не знаю... велел я уряднику доложить о себе, и он, князь Дмитрей Михайлович, сказал: “Давно ль де он под караулом сидит?” И урядник ему сказал: “Уж де он целую неделю сидит”. И тотчас велел меня выпустить. И я, кажетца, и не последней человек, и он, князь Дмитрей Михайлович, меня знает, а просидел целую неделю ни за что»^{113}.

Похоже, что не столько аристократические традиции, сколько дух Петровских реформ — внедрение полезных новшеств вместе с отправкой несогласных «под караул» — затруднял князю возможность компромисса и лавирования как в политической теории, так и на практике... Члены совета съезжались, решали текущие дела, но так и не обнародовали никакой новой формы правления. Остерман «заболел» и уже с 19 января не показывался в совете.

Рядовые дворяне вельможам-министрам не доверяли. Среди бумаг казанского губернатора Артемия Петровича Волынского сохранились его размышления по поводу, «чтоб быть у нас республике». Казалось бы, более демократичное устройство должно было выглядеть привлекательным в глазах энергичного, но отодвинутого на периферию деятеля. Однако, признавался автор, «я зело в том сумнителен»; он видел в таком варианте не столько расширение своих дворянских прав, сколько опасность утверждения олигархии нескольких «сильных фамилий». Себя он среди этих особ не числил и выступал от лица шляхетства, которое в таком случае вынуждено будет «горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да ещё и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными как бы согласно ни было, однако ж впредь, конечно, у них без раздоров не будет, и так, один будет миловать, а другие на того злобствуя, вредить и губить станут».

«Средний» российский дворянин Артемий Волынский слегка прибеднялся — он весьма гордился своим древним происхождением и родством с московской династией. Но всё же надеялся не зря — именно самодержавная Анна простила ему административные прегрешения и возвела в высшие придворные и государственные должности (правда, она же и дала санкцию на арест и казнь своего министра в зените его карьеры).

Вынужденный с юности сам прокладывать себе дорогу, Волынский не был склонен идеализировать сплочённость и нравственные достоинства своего сословия: «Народ наш наполнен трусостью и похлебством, для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или и страха ради, — и так, хотя б и вольные всего общества голоса требованы в правлении дел были, однако ж бездельные ласкатели всегда будут то говорить, что главным надобно. А кто будет правду говорить, те пропадать станут, понеже уже все советы тайны быть не могут; к тому же главные для своих интересов будут прибирать к себе из мелочи больше партизанов (сторонников. — *И.К.*), и в чьей партии будет больше голосов, тот что захочет, то и станет делать, и кого захотят, того выводить станут; а бессильный, хотя бы и достойный был, всегда назади оставаться будет».

К примеру, размышлял Волынский, если начнётся война и потребуются чрезвычайные сборы, «то будет на главных всегда в доимках, а мы, средние, одни будем оставаться в платежах и во

всех тягостях». Волынский признавал, что «в неволю служить зело тяжело», но освобождение от этого ярма считал ещё более опасным: «Ежели и вовсе волю дать, известно вам, что народ наш не вовсе честолюбив, но паче ленив и не трудолюбив; и для того, если некоторого принуждения не будет, то конечно, и такие, которые в своём доме едят один ржаной хлеб, не похотят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своём доме»; в таком случае на службу пойдут «одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и своей чести надлежащие места отдавать им; и таких на свою шею произведём и насажаем непотребных, от которых впредь самим нам места не будет; и весь воинский порядок у себя конечно потеряем».

Бывалый военный и администратор опасался, что отмена даже несовершенного порядка может обернуться губительным беспорядком, особенно в жёсткой военной иерархии. Если офицерские должности будут без разбора заполняться «солдатством», то «под властью таких командиров Боже сохрани: так испотворованы будут солдаты, что злее стрельцов будут. И как может команду содержать или от каких шалостей унять одному генералитету, если в полках не будет добрых офицеров!».

С другой стороны, предполагал он, освобождённые от службы беднейшие дворяне-рядовые не станут умелыми хозяевами, «большая часть разбоями и грабежами прибылей себе искать станут и воровские пристани у себя в домах держать будут; и для того хотя б и выпускать, однако ж, по моему мнению, разве с таким разсмотрением, чтоб за кем было 50, а по последней мере 30 дворов, да и то чтоб он несколько лет выслужил и молодые и шаткие свои лета пробыл под страхом, а не на своей воле прожил».

Устами Волынского будто говорил сам Пётр I, утверждавший: «Наш народ яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят». Внезапно охваченным политическими спорами служивым, с учётом давления «фамильных», корпоративных и карьерных интересов, открывшейся возможности смелой интригой обеспечить себе счастливый «случай», трудно было найти общий язык, чтобы выработать новое политическое устройство. Ведь им предстояло ломать созданную Петром Великим государственную

машину. Датский посланник Вестфален в донесении от 12 февраля отметил, что имя Петра I стало аргументом в шляхетских спорах, и из рядов «партии» князя Черкасского «расходятся громогласные обвинения, словесные и письменные, против Голицыных и Долгоруких за непримиримую их ненависть к памяти Петра Великого и к его несчастному потомству»^{114}.

Имиджмейкер петровской монархии архиепископ Феофан Прокопович организовывал общественное мнение: «Если по желанию оных господ сделается (от чего сохранил бы Бог!), то крайнее всему отечеству настоят бедство. Самим им господам нельзя быть долго с собою в согласии: сколько их есть человек, чуть ли не столько явится атаманов междоусобных браней, и Россия возымет скарёдное оное лице, каковое имела прежде, когда на многия княжения расторгнена, бедствовала»^{115}. Эти предостережения имели резонанс — Волынский именно так и оценивал доходившие из Москвы новости: «Боже сохрани, чтоб не сделалось вместо одного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадём и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать».

Оппозиция организовала агитационную кампанию (возможно, с рукописными «листовками»); «верховники» же своих планов не обнародовали — и тем самым проиграли в информационном плане, дали пищу слухам и подозрениям. Не привыкшие к учёным спорам служилые едва ли могли что-либо возразить апеллирующим к авторитету Петра I. Многим из них именно Петровские реформы дали возможность получать чины, ордена, имения, к примеру, из рядовых ставшему генералом А.И. Ушакову или подписавшему «проект 364-х» Кириллу Ивашкину, взятому в службу в 1700 году из дворовых людей князя Я.Н. Одоевского и за 19 лет дослужившемуся до капитана, но не имевшему ни вотчин, ни крестьян^{116}. Даже идейный «прожектёр» Василий Никитич Татищев в своей «Истории российской» превозносил Петра: «Всё, что имею, — чины, честь, имение и, главное над всем, разум — единственно всё по милости его величества имею, ибо если бы он меня в чужие края не посылал, к делам знатым не употреблял и милостию не ободрял, то бы я не мог ничего того получить».

Заговор императрицы

Второго марта 1730 года «Санкт-Петербургские ведомости» известили немногочисленных читателей, что 25 февраля государыня изволила «своё самодержавное правительство к общей радости и при радостных восклицаниях народа всевысочайше воспрять».

В начале XIX века, когда сведения о «затейке» Верховного тайного совета впервые появились в сочинениях, рассчитанных на «возбуждения младай души» читателя, итог событий 1730 года представлялся примером патриотичного поведения дворянства, дружно выступившего против властолюбивых вельмож и вручившего Анне Иоанновне самодержавную власть ради «любезной её простоты»: «Такой образ правления, который оставлял всю власть знатному дворянству, не нравился сельским дворянам и народу, кои неоднократно говорили: “Мы привыкли быть управляемы одним монархом, а не осмью, и теперь не можно знать, к кому обратиться”. По разных о том совещаниях пошли они в числе 600 человек прямо к государыне и просили её собрать Государственный совет для учинения нужных перемен в новоустановленном правлении. Совет по желанию их собрали, и тогда граф Матвеев подал государыне от имени всех вообще прошение, объявляя, что ему от всего дворянства поручено представить императрице, что она от уполномоченных членов Тайного совета обманута, и подписанные ею обязательства при избрании её на российский престол лукавством от неё вынуждены; что Россия с давних веков управлялась самодержавными государями, и посему просит её по желанию народа и ко благу отечества принять правление на таком основании, как было прежде. После того Анна Иоанновна разодрала подписанные ею статьи, но при том объявила, что хотя приемлет неограниченную власть, однако будет правительствовать с кротостию, и благоденствие подданных останется навсегда единственным предметом её попечения»^{117}.

Теперь мы знаем, что было не совсем так. Совет вплоть до рокового для него 25 февраля не оставлял попыток завершить работу над «конституцией». Между тем Анна в сопровождении В.Л. Долгорукова прибыла 10 февраля в подмосковное село Всехсвятское. Правители были заняты, кроме текущих дел,

организацией похорон Петра II (11 февраля), аудиенции у прибывшей государыни (14 февраля), её торжественного въезда в Москву (15 февраля) и трёхдневных празднеств по этому случаю. К первому после вынужденного перерыва заседанию 18 февраля «верховники» подготовили присягу, которую должны были принести все подданные новой императрицы.

В тексте присяги о «самодержавии» даже не упоминалось; Анна Иоанновна именовалась лишь «великой государыней императрицей», а от присягавшего требовалось быть «верным, добрым рабом и подданным» не только ей, но и «государству». Он должен был иметь в качестве главной заботы «пользу и благополучие» императрицы и «отечества» и «производить» их «без всяких страстей и лицемерия», «не ища в том своей отнюдь, партикулярной, только общей пользы». Прежние же присяги требовали хранить исключительно «все к высокому ея величества самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества»^{118}.

Утвердив текст присяги, «верховники» приступили к организации её процедуры, одновременно продолжая работу над «конституцией». Очевидно, им казалось, что всё идёт по плану. Иначе думал лишь возвратившийся В.Л. Долгоруков. Ознакомившись с ситуацией в Москве, опытный дипломат почуял неладное и предложил коллегам способ «убегнуть разногласия»: принять главное требование оппозиции — пополнить совет новыми членами путём их выборов с участием Сената и «несколько генералов и из статцких, которые в тех рангах». Более «демократичный», но и более сложный путь состоял в том, чтобы договориться с сенаторами, тут же от имени императрицы объявить о выборах и призвать выдвигать кандидатуры выборщиков «военным главным особам» и «главным человекам» от прочего шляхетства. Таким образом, разделённый на части «электорат» был бы занят спорами и соперничеством кандидатов, что затруднило бы образование широкой оппозиции Верховному тайному совету, который и руководил бы «избирательной кампанией»^{119}.

План был вполне разумным, но у нас нет известий о его обсуждении или попытке осуществления. Возможно, к тому времени сами «верховники» уже не были едины в своих намерениях — или не видели необходимости в организации сложной и хлопотной процедуры. Но время уже работало против них: пока одни размышляли и спорили — другие действовали.

Прибытие императрицы ускорило объединение «партии», враждебной планам Верховного тайного совета, ядро которой составили дядя Анны Иоанновны В.Ф. Салтыков, её двоюродный брат майор Преображенского полка С.А. Салтыков, фельдмаршал князь И.Ю. Трубецкой и придворные вроде камергера Р. Левенвольде. Другую группу представляли фигуры, всем обязанные Петровским реформам: генерал-прокурор П.И. Ягужинский и Феофан Прокопович. Демонстративно «заболел» опытный Остерман; он не участвовал в разработке и обсуждении каких-либо проектов, но именно его современники считали главным организатором переворота. Об остальных участниках этого заговора мы можем только догадываться. Едва ли они были сплочены, но зато отстаивали привычные и понятные ценности.

Правители же как будто не желали информировать «общество» о своих планах — и упускали инициативу. Прокопович умело вёл агитацию против них на разных уровнях. О средствах «антидолгоруковской» агитации рассказывали французский резидент Жан Маньян, саксонский посланник Иоганн Лефорт и сам Феофан, передавая слухи о том, что семейство пыталось украсть столовое серебро из дворца или что бывшая царская невеста Екатерина Долгорукова требовала себе «наряда и всей славы императорской» во время церемонии похорон Петра II. Испанский посол Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт герцог де Лириа-и-Херика сообщил в донесении от 20 января о попытке Долгоруковых обвенчать больного императора, а от 26 января — о скором истребовании у фамилии отчёта о судьбе царских драгоценностей и денег, «которые прошли чрез их руки»^{120}. Для более грамотных российских подданных новгородский архиепископ приводил историческую ссылку на эпоху раздробленности, позднее использованную Екатериной II: «Знайте же, если ваше правительство превратится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области станут добычей первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвой какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности?»^{121}. Все эти аргументы были созвучны давно сложившимся дворянским представлениям о «деспотической демократичности» самодержавной власти, которая только и может противостоять злоупотреблениям могущественных бояр^{122}.

Иной опыт государственности, похоже, шляхетству образца 1730 года не был доступен. Ни один из дворянских проектов не поминал Земские соборы XVI–XVII веков или попытку ограничения самодержавия в эпоху Смуты. Даже в концепции развития политической системы России учёного Василия Никитича Татищева главным стержнем явилась борьба монархии с аристократией. К опыту Смутного времени и избрания царей он относился отрицательно и только воцарение Михаила Романова считал «порядочно всенародным»^{123}. Кажется, такая избирательность исторической памяти явилась следствием Петровских реформ, представлявшихся прорывом из царства отсталости к цивилизации и культуре.

Гвардейские майоры и подполковники участвовали в обсуждении проектов, однако оно не затронуло основную массу их офицеров и солдат. 12 февраля при встрече Анны с батальоном Преображенского полка и кавалергардами гвардейцы «с криками радости» бросились в ноги своей «полковнице», а кавалергарды получили из рук царицы по стакану вина^{124}. Эта «агитация» была куда более доходчивой, чем мудрёные политические проекты.

Джеймс Кейт, единственный из мемуаристов, отметил появление Остермана, который, «будучи больным со дня смерти императора, нашёл в себе достаточно сил посетить её (Анну во Всехсвятском. — И.К.), и два дня спустя императрица объявила себя капитаном кавалергардов и полковником первого полка пешей гвардии»^{125}. Наблюдательный генерал, возможно, намеренно подчеркнул связь событий, в ходе которых Анна впервые рискнула нарушить принятые ею «кондиции». Ответным ходом правителей был их визит к Анне 14-го числа, во время которого князь Д.М. Голицын в приветственной речи напомнил Анне о взятых ею на себя обязательствах.

Но это были не более чем слова. Полковые документы показывают, что императрица стремилась завоевать симпатии гвардии. Уже 12 февраля она «именным повелением» произвела Преображенского сержанта Григория Обухова в прапорщики и трёх солдат — в капралы. На следующий день капитаны того же полка Александр Лукин и Дремонд Голенищев-Кутузов стали майорами. 16 февраля Анна пожаловала в новые чины целую группу преображенцев, а полкового адъютанта И. Чеботаева — «через линею» (то есть не по старшинству) сразу в капитан-

поручики, «дабы на то другие смотря, имели ревность к службе»^{126}.

Пятнадцатого февраля, как сообщал газетный репортаж тех дней, Анна «изволила пред полуднем зело преславно, при великих радостных восклицаниях народа в здешней город свой публичный въезд иметь». У крепостных ворот её торжественно встретили депутаты от дворянства, купечества и духовенства, а Феофан произнёс приличествующую случаю речь о том, что подданные получили «к заступлению отечества великодушную героину, искусом разных злоключений не унывшую, но и паче утверждённую. Получили к тихомиирю и беспечалию народному владительницу правосудную и вся оные царём должные свойства, которые царственной псалмопевец в псалме 100 показывает, изобильно содержащую».

Анна поклонилась праху предков в Архангельском соборе и проследовала под ружейную пальбу выстроенных в шеренги полков в свои новые «покои» в Кремлёвском дворце. В тот же день все гвардейские солдаты получили от императрицы по рублю; на следующий день началась раздача вина по ротам, а 19 февраля полкам выплатили жалованье. 21 февраля Анна даровала отставку 169 гвардейцам.

Француз Маньян в депеше от 16 февраля писал о непонятно откуда появившемся в те дни «весьма высоком мнении о личных достоинствах» Анны Иоанновны и «великих талантах, признававшихся за ней Петром», благодаря которым «она может оказаться весьма способной взять на себя бремя верховной власти»^{127}. Понятно, что списки наградений и производств были подготовлены и поданы полковым начальством, но эти милостивые «повеления» работали на создание у гвардейцев представлений о доброй матушке-государыне. Так буквально из ничего творилось в зимней Москве «общественное мнение». Недалёкая и несчастная Анна, ради политических планов дяди заброшенная в курляндскую глушь (ни о каком признании Петром I её «талантов» и речи быть не могло!), внезапно представала истинной преемницей великого императора.

Да и сами празднества, и лицезрение императрицы — освящённого традицией символа государственного величия — не могли не вызвать подъёма верноподданнических чувств. Даже в другую эпоху, в глазах просвещённого дворянина Андрея Болотова, «ничто не могло сравниться с тем прекрасным зрелищем, которое представилось нам при схождении

императрицы (Екатерины II. — *И.К.*) с Красного крыльца... во всём блеске и сиянии её славы». Рассудительный автор иронизировал по поводу наивных ожиданий провинциальных дворян, которые прогуливались перед лавками с дорогими товарами, «мечтательно надеясь, что товары сии приготовлены для оделения ими всего дворянства», в то время как у императрицы «того и в мыслях не было», однако считал время, проведённое в Кремле под звон колоколов, сопровождавший шествие Екатерины II, самым восхитительным в своей жизни и умилялся возможности созерцать императрицу на Ходынке, где она «провела... время в игрании с несколькими из знаменитейших вельмож в карты» и беспрепятственно допускала к столу всех желающих из «нашей братии»^{128}.

Двадцатого февраля в Москве началась присяга Анне Иоанновне. Без каких-либо происшествий она продолжалась неделю и была прекращена только спустя сутки после восстановления самодержавия. В течение 20–26 февраля новой императрице присягнули 50 775 человек разного звания. По нашим подсчётам, можно уверенно говорить о присутствии в Москве более трёх тысяч представителей шляхетства (из них примерно 700–800 человек были вовлечены в политические дебаты). В столицу съехались не затронутые «конституционными» новациями дворяне из ближнего и дальнего Подмосковья, а также офицеры 1-го и 2-го Московских, Воронежского, Бутырского, Вятского, Коломенского армейских полков. В подавляющем большинстве они едва ли были готовы к радикальным политическим изменениям, и для них Анна Иоанновна безусловно оставалась самодержицей^{129}.

Прусский посланник Аксель Мардефельд сообщал в Берлин 23 февраля 1730 года: «...народ недоволен многими пунктами формулы присяги, прилагаемой к этой реляции, отчасти оттого, что императрице не даны обыкновенные титулы, отчасти же оттого, что в ней находятся различные неудачные выражения и не объявлено, по чьему приказанию отбирается эта присяга. Между прочим, высказал некий офицер, что он, несмотря на настоящую присягу, готов по приказанию императрицы отсечь на площади головы всем господам Верховного тайного совета». Дипломат достаточно точно спрогнозировал развитие ситуации: «Известия, полученные мною, говорят, что императрица решилась подождать до свершения обряда коронации и потом уже присвоить себе прежнюю власть; весьма умные люди,

однако, полагают, что всякое замедление может только вредить делу и императрице следует воспользоваться настоящею нерешительностью верховного правления и добрым расположением остальных сословий»^{130}. Кстати, он единственный из дипломатического корпуса за две недели предсказал исход событий: «Если императрица сумеет хорошо войти в своё новое положение и послушается известных умных людей, то она возвратит себе в короткое время полное самодержавие, ибо русская нация, хотя много говорит о свободе, но не знает её и не сумеет воспользоваться ею», — тогда как Вестфален полагал, что «умы успокоились», а Маньян и Рондо были уверены в «добрых последствиях» нового государственного устройства^{131}.

Двадцать третьего февраля государыня отстояла службу в Успенском соборе и наградила свою сестру Екатерину Мекленбургскую орденом Святой Екатерины, после чего «публично кушала» во дворце. «Ведомости» отметили: «Дамские особы в преизрядном убранствии, а кавалеры в трауре явились». Дипломаты и мемуаристы свидетельствуют, что придворные дамы активно участвовали в действиях «партии» самодержавия. Прасковья Салтыкова (жена будущего фельдмаршала П.С. Салтыкова) и Мария Черкасская (жена А.М. Черкасского) — урождённые сестры Трубецкие; Евдокия Чернышёва (жена генерала Г.П. Чернышёва), Екатерина Головкина (двоюродная сестра Анны Иоанновны и сноха канцлера), дочь Головкина Анна Ягужинская — стали передаточным звеном между вождями «партии» и императрицей.

Дамская эмансипация и приобщение прекрасного пола к политике — тоже один из результатов Петровских реформ, сказавшийся в это бурное время. Именно Прасковья Салтыкова была послана ночью 24 февраля известить Анну, что наутро ей поднесут челобитную дворянства, недовольного действиями Верховного тайного совета. Для координации действий сторонников самодержавия использовались женские хитрости: записки находившейся под присмотром Анне передавали, спрятав «за пазухой» у младшего сына Бирона Карла Эрнста, неведомым образом всё-таки оказавшегося в Москве^{132}. Визиты дам и хлопоты с маленьким мальчиком не вызвали подозрений у Василия Лукича, караулившего Анну, «аки бы некий дракон».

В последние дни перед переворотом «верховники» активно работали, о чём свидетельствуют записи в черновом журнале

заседаний совета и опубликованные протоколы. Совет ежедневно требовал и получал рапорты о проведении присяги, менял сенаторов, «чтоб остановки не было в делах». 23 февраля совет распорядился уничтожить карантин в Царицыне и учредить такой же в Киеве; приказал выдать десять тысяч рублей на расходы императрице и послать инженеров для исправления Царицынской укрепленной линии. На следующий день «верховники» велели отпустить 35 тысяч рублей на ремонт пограничных крепостей; по просьбе М.М. Голицына произвели заслуженных подполковников в полковники, отдали распоряжения о выдаче «окладного провианта» офицерам гарнизонов в Прибалтике, поставке ружей в полки ландмилиции, заготовке провианта и фуража в «магазинах» (складах) Украинской армии и т. д.^{133} Похоже, они были уверены в прочности своего положения...

Развязка наступила 25 февраля 1730 года. Утром «верховники», за исключением Остермана и находившегося при Анне В.Л. Долгорукова, собрались во дворце и, согласно журналу, «перед делами имели секретные разговоры». О чём они совещались в последний день своего пребывания у власти, неизвестно, но «дела» были вполне рутинные: обсуждались донесение Адмиралтейства о строительстве гавани в Рогервике и предстоявший рекрутский набор; были подписаны протоколы об изготовлении новых полковых знамён, отправке в Иран инженеров для составления карт этих провинций. Затем в зале заседания появился князь Василий Лукич, и члены совета отправились к императрице.^{134}

Внезапно во дворец явилась депутация дворян во главе с генералами Г.П. Чернышёвым и Г.Д. Юсуповым и тайным советником А.М. Черкасским и подала императрице документ — но совсем не тот, который она надеялась увидеть. Мы не знаем, кто был автором «первой челобитной»; большинство исследователей считают её делом рук В.Н. Татищева. Составители жаловались, что правители оставили без внимания поданные им проекты «знатного шляхетства», и предлагали «соизволить собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два от фамилий, рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить».

Но, как свидетельствуют донесения дипломатов, механизм осуществления переворота был запущен раньше при прямом

участии императрицы. По донесению саксонца Лефорта, Анна вечером 24 февраля приказала С.А. Салтыкову «взять на себя обязанность принимать доклады» и командовать полком и караулами. Англичанин Рондо узнал, что в ночь перед описанным событием В.Л. Долгоруков покинул дворец, где до того «опекал» Анну Иоанновну^{135}. Мардефельд же сообщал, что Анна Иоанновна поручила Салтыкову охрану дворца утром 25 февраля: «...последний тотчас же удвоил караул, назначил туда надёжных офицеров и возможно увеличил число часовых. По собрании членов Верховного тайного совета её императорское величество государыня вошли на престол и отдали капитану от гвардии Альбрехту, по рождению пруссаку, повеление, чтобы он не слушался ничьих приказаний, кроме своего подполковника Салтыкова (ибо до сих пор дворцовый караул состоял под начальством князя Василия Лукича Долгорукого)»^{136}. По сведениям де Лириа, именно Салтыков первым провозгласил императрицу самодержавной^{137}.

Если эти известия соответствуют действительности, то утром 25 февраля «верховники» утратили контроль над охраной дворца, чем обеспечивался свободный доступ для дворянской делегации. Однако Анна неуверенно чувствовала себя в качестве императрицы; на помощь ей пришла старшая сестра Екатерина — она якобы сунула в руку заколебавшейся государыне перо, и та подписала прошение: «По сему рассмотреть». Потом оно таинственным образом исчезло и дошло до нас в неизвестно кем и когда сделанной копии — возможно, подписавшие его высокопоставленные лица не хотели сохранять свидетельство их сомнительной благонадёжности. После вручения прошения дворянская делегация осталась во дворце; ей была назначена на послеобеденное время ещё одна аудиенция — то ли по просьбе самих дворян, то ли по распоряжению императрицы.

Можно спорить, являлось ли это прошение «конституционалистским» или его авторы только желали выяснить, позволят ли «верховники» утвердить предложение, исключавшее Верховный тайный совет из процесса создания новой формы правления и передававшее главную роль в нём императрице. Но после его подачи ситуация изменилась. Обедавшие с государыней министры уже не могли повлиять на вышедших из-под контроля «верных подданных». В депеше Лефорта от 2 марта говорится, что якобы ещё 24 февраля они решили вернуть государыне самодержавную власть, но Анна

ответила, что «для неё недостаточно быть объявленной самодержицей только восемью лицами»^{138}. Но в черновом журнале совета за 24 февраля упоминаний о встрече его членов с Анной Иоанновной нет. Возможно, рассказ саксонского дипломата отразил попытку «верховников» выйти из отчаянной ситуации — но не 24-го, а 25-го числа, во время злополучного обеда.

Между тем шляхетство никакой новой формы правления не придумало и после обеда подало императрице вторую челобитную с просьбой «всемилоостивейше принять самодержавство»:

«Всепресветлейшая, державнейшая, великая государыня императрица Анна Иоанновна, самодержица всероссийская!

Когда ваше императорское величество всемилоостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лутчаго утверждения и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойных себе признаём к благодарению за так превосходную вашего императорского величества милость. Однако ж усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас, по возможности нашей, не показат[ь]ся неблагодарными, для того, в знак нашего благодарства, всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилоостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славныя и достохвалныя предки имели, а присланныя к вашему императорскому величеству от Верховного совета и подписанныя вашего величества рукою пункты уничтожить. Толко всеподданнейше ваше императорское величество просим, чтоб соизволили ваше императорское величество сочинить вместо Верховного совета и Высокого Сената один Правителствующий Сенат, как при его величестве блаженныя памяти дяде вашего императорского величества, Петре Первом, было, и исполнить ево доволным числом дватцати одною персоною, такожде ныне в члены и впредь на упалыя места во оный Правителствующий Сенат и в губернаторы и в президенты поведено б было шляхетству выбирать балатированьем, как то при дяде вашего величества, его

императорском величестве Петре Первом, уставлено было, и при том всеподданнейше просим, чтоб по вашему всемилостивейшему подписанию форму правительства государства для предбудущих времен ныне уставлять...»^{139}

Кто же вернул Анне Иоанновне право на неограниченную власть? Из 162 человек, приложивших руки ко второму прошению, 62 до того не подписывали ни проектов, ни первого прошения. Вместе с девятнадцатью офицерами и чиновниками, поставившими подписи только под первым прошением, они составляли почти половину пришедших во дворец представителей «верных подданных».

Бросается в глаза присутствие гвардейских офицеров (42 преображенца, три семёновца и 35 кавалергардов), которые явились защитить свою «полковницу» от происков «бояр». Как свидетельствуют испанский и французский дипломаты, brave офицеры в первую очередь потребовали возвращения императрице законных прав и бросились к её ногам с криками: «Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служили вашим предшественникам и готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потерпим ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!»^{140}

В 1730 году гвардия сохранила приверженность своей «полковнице», как и пятью годами ранее при возведении на престол Екатерины I. Но теперь она в первый раз выступила как самостоятельная политическая сила. Переворот обеспечили не командиры, а обер-офицеры, возглавлявшие дворцовые караулы: сочтя предъявленные императрице требования неприемлемыми, они добились нужного поворота событий. Символично, что среди «восстановителей» самодержавия оказался дед первого дворянина-революционера кавалергард Афанасий Прокофьевич Радищев...

Майор Преображенского полка С.А. Салтыков предложил «обуздать всякого, кто осмелится высказать противное мнение». Вместе с ним агитацию в пользу Анны освящали своим авторитетом престарелый боярин и фельдмаршал князь Иван Юрьевич Трубецкой и другой почтенный деятель петровского царствования Иван Михайлович Головин, генерал-лейтенант, генерал-кригскомиссар и «главный адмиральский помощник»

великого императора, его любимый денщик, умело игравший роль простосердечного и верного слуги.

Что чувствовали представители российской элиты, только что обсуждавшие программы реформ, а теперь просившие о восстановлении самодержавия? Мы не знаем, кто из них ставил свои подписи по убеждению, а кто по «конъектуре» или «за опасностью». Определённую роль сыграла и «великая трусость» знати, о которой с презрением отзывался Феофан Прокопович. Испытавший и взлёты, и опалы А.И. Ушаков и его осторожнейший тёзка Остерман выбрали проверенный вариант — самодержавие — и не прогадали, став предметом зависти и осуждения менее удачливых коллег. Рассказ Лефорта (в донесении от 2 марта) о бессильных угрозах фельдмаршала В.В. Долгорукова в адрес генерала Бярятинского показывает, что Ушаков был не единственным «перемётчиком».

Да и дело было не только в угрозах — само присутствие сплочённой группы офицеров служило достаточным аргументом для «добровольного» обращения к Анне о принятии «самодержавства». И не эти служаки составляли как первое, так и второе прошение — их инициировали, обдумывали и сочиняли более грамотные и старшие по чину персоны, в том числе и те, кто ещё недавно выдвигал «конституционные» проекты. Возможно, составители прошения ещё питали надежду, что императрица, отменив «кондиции» и власть «верховников», всё же разрешит шляхетству выбирать сенаторов, губернаторов и президентов коллегий. И уж совсем неопределённо звучало пожелание «форму правительства государства для предбудущих времен ныне уставлять».

Кроме гвардейцев, в числе «просителей» оказались армейские офицеры (неграмотный майор П. Коркачев, капитаны П. Васьков, Д. Сафонов, А. Брылкин, И. Анненков, поручик Я. Павлов), симбирский воевода Б. Толстой, обер-аудитор Ф. Дурасов, камер-паж С. Баклановский, незаконнорождённый сын И.Ю. Трубецкого И.И. Бецкой и прочие лица, не указавшие чина и звания и неизвестно как очутившиеся в составе депутации. Все они не имели отношения к предыдущим событиям; мы можем только предполагать, были ли они случайными людьми, примкнувшими к недовольным, или статистами, специально подобранными режиссёрами этого спектакля.

На первых строках подписей под обоими прошениями, поданными Анне Иоанновне 25 февраля, стоят имена одних и тех

же персон генеральского ранга: генерал-лейтенанта Г.П. Чернышёва, Г.Д. Юсупова и А.И. Ушакова, генерал-майоров С.И. Сукина и А.И. Тараканова, тайного советника А.М. Черкасского, действительных статских советников М.Г. Головкина и В.Я. Новосильцева. В этом же ряду в обоих случаях оказался молодой и малочинный камер-юнкер Н.Ю. Трубецкой. Все эти люди после переворота были благодетельствованы императрицей. Можно предположить, что они и являлись организаторами составления обеих челобитных.

Анна в этот тяжёлый для неё день держалась достойно и не делала ошибок. Она приняла как должное поднесённые ей вторым прошением монаршие права, но не стала его подписывать и, таким образом, брать на себя какие-либо обязательства. С этого момента («пополудни в четвёртом часу», согласно журналу Верховного тайного совета) начался процесс передачи власти. По приказу Анны в зал были доставлены подписанные ею «кондиции» и сопроводительное письмо Верховному тайному совету, которые она «при всём народе изволила, приняв, изодрать» (в таком виде уникальный документ хранится сейчас в особом сейфе в Российском государственном архиве древних актов). Затем сенаторы А.М. Черкасский и М.М. Голицын-младший отправились в Сенат с указанием остановить «несамодержавную» присягу и вернуть все использованные и неиспользованные присяжные листы. На следующий день «верховники» присягнули Анне Иоанновне уже как самодержице и официально «приказали» Сенату, Синоду и трём «первейшим» коллегиям сделать распоряжения об остановке старой присяги по всей стране.

Последним днём заседаний Верховного тайного совета стало 28 февраля. «Верховники» вынесли приговор своему правлению: составили манифест о «принятии самодержавства», который сами отнесли на подпись императрице вместе с черновиками «пунктов» — Анна явно интересовалась подробностями «затейки» своих противников; ей была отослана и «кабинетная печать»^{141}.

Но дело ещё не было завершено. Анна Иоанновна и те, кто стоял за её спиной, понимали, что формально императрица была обязана самодержавием 162 дворянам, пришедшим во дворец, что немногим отличалось от её выбора «верховниками». Для «природной» царевны подобное вхождение в «прародительскую» власть выглядело и сомнительным, и

унизительным. Поэтому начиная с 26 февраля окружение самодержицы предприняло масштабную политическую акцию по утверждению легитимности нового режима. В Столовой палате Кремлёвского дворца была положена копия второго прошения и началась процедура её подписания, к которой была привлечена «общественность».

Первыми документ подписали зять Анны И.И. Дмитриев-Мамонов и главные герои событий — Преображенские майоры В. Нейбуш, А. Лукин, Д. Голенищев-Кутузов и другие офицеры. С пятого листа начинаются подписи архиереев во главе со «смирненным Феофаном». Затем стоят подписи генералов, гвардейцев, флотских чинов, офицеров находившихся в Москве полков, чиновников центральных учреждений и контор, придворных от высших чинов до стряпчих, подключников и «дозорщиков конюшенного ведомства».

К прошению приложили руки ученики «московской академии» и «математической школы», представители смоленской шляхты, «не умевшие» по-русски и подписывавшиеся латинскими буквами. К подписанию были допущены «купецкие люди», содержатели и «компанейщики» мануфактур, мещане городских слобод (Хамовной, Кадашевской, Конюшенной и пр.) и даже случайные приезжие из Петербурга, Рязани, Устюга и других городов вроде серпуховского купца Ивана Кожевникова и «вологжанина посадского человека Дмитрия Сукина». Всего по 7 марта включительно прошение подписали 2246 человек, однако основная масса подписей (1182) была получена уже в первый день, 26 февраля.^{142}.

Инициаторы этой пропагандистской акции использовали — в отличие от своих противников — тактику «гласности» и старую традицию «земских» челобитных XVII века, хотя и с противоположными целями. Сотни подписей подданных разного чина придавали государственному перевороту легитимность и должны были продемонстрировать всенародную поддержку самодержавной Анны, чтобы не делать её «восшествие» излишне зависимым от той или иной группы вельмож или гвардейских офицеров.

Немедленно началась переприсяга всех служащих империи самодержавной Анне. Правда, на российских просторах полицейские порядки органично сочетались с неисполнением самых грозных указов; даже семь лет спустя ещё находились в

достаточном количестве «неприсяжные люди», каковых надлежало разыскивать и сдавать в солдаты как «изменников».

Победители и побеждённые

Утвердившись на троне, государыня решила всем показать: неуместное «шатание», а тем паче толкование формы правления закончено. Манифестом от 4 марта 1730 года Верховный тайный совет был упразднён, но одновременно, как и просило дворянство, восстановлен Сенат в составе двадцати одного человека. На первых порах туда вошли как вчерашние «верховники» (за исключением А.Г. Долгорукова), так и их противники — И.Ю. Трубецкой, П.И. Ягужинский, С.А. Салтыков. Остались на своих местах сенаторы В.Я. Новосильцев, И.Г. Головкин, А.М. Черкасский. Вскоре ряды сенаторов пополнили генералы А.И. Шаховской, А.И. Тараканов, Г.П. Чернышёв, Г.Д. Юсупов, А.И. Ушаков, С.И. Сукин, И.Ф. Барятинский, Г.А. Урусов (очевидно, они были обязаны назначением Остерману; сохранился его доклад, где он советовал императрице повысить названных лиц в чине за «особливую службу» даже не по старшинству^{143}, несмотря на то, что многие из них допускали установление ограниченной монархии). Предупреждением сенаторам звучали слова царского манифеста от 28 февраля: «И ежели оный Сенат чрез своё ныне пред Богом принесённое обещание и прежнюю в верности нам учинённую присягу несправедливо что поступят в каком государственном или партикулярном деле, и кто про то уведает, тот да возвестит нам, однако ж справясь с подлинным документом, понеже то будет пред нами суждено, и виноватой жестоко будет наказан».

Манифест гласил: «...верные ж наши подданные все единогласно нас просили, дабы мы самодержавство в нашей Российской империи, как издревле наши прародители имели, восприять изволили, по которому их всенижайшему прошению мы то самодержавство восприять и соизволили». Но уже через две недели Анна и её советники спохватились — получалось, что даже законный и «природный» государь может получить (или не получить) трон и корону по воле «общенародия». Новый манифест от 16 марта о предстоящем венчании Анны на царство уже не допускал и мысли о каком-либо ином источнике монаршей власти: «...От единого токмо всевышнего царя славы земнии монархи предержащую и крайне верховную власть имеют»^{144}.

Манифест от 17 марта повелевал Синоду бдиль, чтобы подданные «закон Божий сохраняли... и в праздники и в воскресные дни на службу Божию в церковь приходили со тщанием». Императрица напоминала архиереям о государственных обязанностях — создании школ и устройстве «нищепитательных домов»; «установленные же в нашей империи крестные ходы и благодарные моления во дни тезоименитства нашего и нашей фамилии и в прочие определённые дни» надлежало совершать с непременною участием церковных иерархов и сенаторов^{145}.

Двадцатого марта императрица после доклада Сената учредила в Москве Судный и Сыскной приказы для скорейшего решения массы судебных споров и уголовных дел и в тот же день объявила именным указом о перемене провинциальных и уездных воевод через два года, чтобы подведомственное им население меньше страдало от «великих обид и разорения» начальников^{146}. Установление чётких сроков пребывания в воеводской должности едва ли уменьшило стремление к «лакомству», но зато давало возможность правительству устраивать «перебор людишек» и держать администраторов под страхом «счёта», следствия и неназначения впредь, если в течение года на них найдутся челобитчики. Заключительным аккордом вхождения во власть стал указ от 25 марта о невзыскании с «подлых» подданных подушной подати за майскую треть года.

Первые повеления новой государыни, скорее грозные, нежели милостивые, завершал именной указ от 10 апреля, формулировавший понятие государственного преступления: «1) Ежели кто каким умыслом учнёт мыслить на наше императорское здоровье злое дело, или персону и честь нашего величества злыми и вредительными словами поносить. 2) О бунте и измене, сие разумеется: буде кто за кем подлинно уведает бунт или измену против нас или государства» (это определение оставалось неизменным до конца XVIII столетия).

Теперь можно было подумать и о себе. Указом от 2 апреля Анна Иоанновна распорядилась подтвердить запрет Петра II всем подданным охоту в окрестностях Москвы — она оставалась царской прерогативой; впрочем, и здесь была оказана милость: заповедное пространство сужено с 30 до 20 вёрст.

Последовала раздача «пряников», перемежаясь с пока умеренным применением «кнутов» — начинать царствование с

расправы было бы неуместно. В стихотворении «На день 25 февраля» Феофан Прокопович приветствовал императрицу по случаю уничтожения «кондиций»:

В сей день Августа наша свергла долг свой ложный,
Растерзавши на себе хирограф подложный,
И выняла скиптр свой от гражданского ада,
И тем стала Россия весела и рада.

Он же предложил созвать «великое собрание всех главных чинов», духовных и светских, для учинения суда над «верховниками» и одновременно для «лучшего о том рассуждения и учреждения и других нужд»^{147}. Похоже, Феофан всё же считал возможным привлечь дворянство к обсуждению важнейших задач и, таким образом, если не ограничить, то во всяком случае упорядочить самодержавное правление.

Однако его замысел был отвергнут. В манифесте от 28 февраля Анна была вынуждена признать, что избрана на престол «общим желанием и согласиём всего российского народа» с последующим восприятием самодержавия по «всенижайшему прошению» подданных. Публичное опровержение официальной позиции было нежелательно, ибо сомнение в законности действий совета ставило под вопрос и легитимность её собственного «призвания». Устроить судилище над «верховниками» по делу о «коварных письмах» было невозможно, но и прощать их императрица не собиралась.

Главных героев сопротивления «верховникам» нашли награды. А.И. Остерман стал российским графом и обладателем имений в Лифляндии. Попавший под арест П.И. Ягужинский получил дом в Москве. Кравчий В.Ф. Салтыков стал действительным тайным советником, майор гвардии С.А. Салтыков — генерал-аншефом и обер-гофмейстером нового двора. Н.Ю. Трубецкой сразу скакнул из камер-юнкеров в майоры гвардии и генерал-майоры. Важную должность генерал-адъютанта императрицы накануне коронации получили С.А. Салтыков, А.И. Ушаков (он стал и подполковником Семёновского полка) и лифляндский ландрат, бывший генерал-адъютант Петра I граф Карл Густав Левенвольде (вместе с чином генерал-майора)^{148}.

В чём выражались заслуги последнего, видно из мемуаров сына аннинского фельдмаршала Эрнста Миниха. Рейнгольд Левенвольде, узнав о «кондициях», «не нашёл... иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему (брату Карлу Густаву. — *И.К.*) с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении её и уведомил о том, что брат к нему писал в отношении ограничения самодержавия. При том он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни»^{149}.

Анна применила проверенный принцип «разделяй и властвуй», чтобы поссорить влиятельные фамилии. Молодой фаворит Петра II Иван Долгоруков уже 27 февраля был «выключен» из майоров гвардии, а 5 марта его посадили под домашний арест и потребовали вернуть вещи «из казны нашей»^{150}. В течение одной недели, с 8 по 14 апреля, последовали ещё несколько указов касательно семейства Долгоруковых. Хитроумный Василий Лукич сначала был отправлен в почётную ссылку губернатором в Сибирь, но уже через несколько дней лишён чинов и сослан в свои вотчины. М.В. Долгоруков направлен губернатором в Астрахань, И.Г. Долгоруков — воеводой в Вологду; «верховник» Алексей Григорьевич с братом Сергеем — в деревни. Царский манифест во всеуслышание объявил о причинах опалы: Долгоруковы «заграбили» казённые деньги и вещи на несколько сотен тысяч рублей, намеренно отвлекали юного императора «от доброго и честного обхождения», заставили его обручиться с девицей из своей фамилии, поездками на охоту расстроили здоровье государя и способствовали его смерти. «Бессовестные и противные поступки» Василия Лукича обозначались намёками: «...дерзнул нас весьма вымышленными и от себя самого токмо составными делами безбожно оболгать и многих наших верных подданных в неверство и подозрение привести»^{151}. Старый дипломат, своим надзором и внушениями сильно

разочаровавший вверенную его попечению императрицу, был надолго заперт в монастырской тюрьме, откуда мог выходить только в церковь. Единственным утешением узника стало келейное застолье с сочувствующей братией под возгласы нетрезвого иеродиакона: «Спаси Христе Боже князя Василия Лукича на многие лета»^{152}.

Однако «верховники»-фельдмаршалы В.В. Долгоруков и М.М. Голицын получили от Анны по семь тысяч рублей. Кроме того, последнего императрица назначила обер-маршалом собственной коронации и пожаловала четырьмя волостями в Можайском уезде; жена князя стала первой дамой двора — обер-гофмейстериной, а сам он — президентом Военной коллегии^{153}.

Не означали ли царские милости, что боевые генералы в решающий момент дрогнули? 25 февраля оба фельдмаршала никак себя не проявили, а армейские полки столичного гарнизона не оказали «верховникам» никакой поддержки, тогда как во время чтения утверждённых Анной «кондиций» войска охраняли правителей в Кремлёвском дворце. Датский посланник Вестфален рассказывал, как М.М. Голицын у ног Анны просил её о прощении и оправдывался, что «хотел защитить наше несчастное потомство от такого произвола, назначив благоразумные границы их (монархов. — *И.К.*) непомерной власти и власти фаворитов, которые немилосердно нас мучили»^{154}. М.М. Голицын скончался в самом конце 1730 года при не вполне понятных обстоятельствах; его старший брат прожил ещё несколько лет вдалеке от двора, прежде чем его обвинили в не слишком значительных по нормам той эпохи служебных злоупотреблениях (покровительство зятю при получении наследства) и заключили в каземат Шлиссельбургской крепости.

Торжества по случаю коронации государыни проходили с 28 апреля по 5 мая. Ради них был временно снят траур по Петру II — 27-го числа «объявлено всем, чтоб по полудни печальное платье сложили, а надели цветное, как при дворе ея величества, так и протчие», кому предстояло присутствовать на торжестве «со всякими радостными забавы».

В девятом часу утра 28 апреля 37-летняя московская царевна и вдовая курляндская герцогиня вышла из «чертогов» Кремлёвского дворца навстречу главному событию в своей жизни. Пройдя сквозь строй гвардейцев с ружьями «на караул» и склонёнными знамёнами, она вступила в Успенский собор. Там

под балдахином красного бархата на устланном дорогими коврами помосте был водружён «алмазный» трон царя Алексея Михайловича работы персидских мастеров из сандалового дерева, покрытого золотыми и серебряными пластинами, украшенными драгоценными камнями. На специально огороженных «галереях» государыню ожидали впущенные по «билетам» иностранные посланники, отечественный генералитет, представители «знатного шляхетства», дамы и девицы первых четырёх классов.

Шествие открывал отличившийся во время переворота подпоручик кавалергардов и генерал-майор князь Никита Трубецкой. Императорские регалии (изготовленную к церемонии ювелиром Готфридом Дункелем корону, державу, скипетр и мантию) несли главные герои недавних событий, становившиеся первыми фигурами нового царствования: фельдмаршал И.Ю. Трубецкой, князь А.М. Черкасский, новоиспечённый граф вице-канцлер А.И. Остерман, дядя царицы В.Ф. Салтыков и генерал-кригскомиссар Г.П. Чернышёв. Тяжёлый шлейф держали в руках камергеры во главе с обер-гофмейстером С.А. Салтыковым; в этой группе скромно присутствовал пока ещё мало кому знакомый Эрнст Иоганн Бирон^{155}.

Постановщиком и главным исполнителем церемонии стал новгородский архиепископ Феофан Прокопович. Он попросил Анну прочитать Символ веры, надел на неё тяжёлую мантию-«порфиру» с аграфом из алмазов, возложил на склонённую голову государыни корону и вручил ей державу и скипетр из «большого наряда» московских царей. Поверх порфиры впервые была возложена бриллиантовая цепь ордена Святого Андрея Первозванного. Также впервые в чин коронации была включена особая молитва, прочитанная коленопреклонённой императрицей — она благодарила за «сохранение от всех скорбей и напастей» и просила «вразумить и управить мя в великом служении сём». Грядущее многолетие было заглушено пушечной пальбой и беглым огнём выстроенных полков...

В поздравительном слове Прокопович посочувствовал государыне, риторически вопрошая: «Кому не известны бывшая твоя доселе скорби?» — имея в виду её вдовство в европейском захолустье, смерть державного дяди, бесчестье и гонение. Неожиданное восшествие на престол — «по долгом из утра туманном помрачении, как стала пора к славному сему шествию

всечистым сиянием просветилось». Далее можно было говорить только о Божьей милости — не мог же архиепископ изобразить реальные условия воцарения императрицы с подписанием и последующим «изодранием» «кондичий».

После миропомазания Анна причастилась в алтаре по священническому чину. По окончании литургии она поклонилась «прародительским гробам» в Архангельском соборе, посетила царскую домовую церковь Благовещения и медленно удалилась во дворец, объявив перед этим о новых пожалованиях в чины и раздав памятные золотые медали: на лицевой стороне была изображена императрица в профиль, на оборотной — скипетр, корону и державу ей вручали Вера, Надежда и Любовь под девизом «Богом, родом и сими»; подразумевалось, что царским венцом Анна была обязана воле Всевышнего, происхождению и собственным добродетелям — никому и ничему более.

Затем последовал парадный обед в Грановитой палате. Во время «стола» «при игрании на трубах и литаврах» провозглашались тосты за здоровье её величества, членов императорского дома, членов Синода, всех верноподданных. На площади же были выставлены два жареных быка и фонтаны с белым и красным вином; впрочем, они были предоставлены «в вольное употребление» только после окончания императорского пира, дабы не оскорбить двор и гостей неизящной гульбой простолюдинов. Анна милостиво изволила бросать из окна памятные коронационные жетоны. Под занавес, возвращаясь в «чертоги», она пожаловала камергера Бирона в обер-камергеры (начальники придворного штата) — на этой должности он будет находиться до конца её царствования.^{156}.

Екатерина I в 1724 году принимала поздравления один день; для Анны церемонию растянули на три дня, чтобы подчеркнуть торжество легитимной власти. В первый день поздравления государыне приносили придворные чины, генералитет и дипломатический корпус; во второй — гвардейские офицеры и прочее шляхетство, офицеры трёх старейших пехотных полков, профессора Академии наук и члены московского магистрата; в третий — кавалергарды и придворные служители. Ритуал включал шествие императрицы из своих апартаментов в Грановитую палату, восседание на троне и вереницу подходивших с поздравлениями подданных; к высочайшей руке допускались лишь «чужестранные министры», генералитет и дамы первых трёх классов.

Портрет Анны Иоанновны в короне, мантии, со скипетром и державой из коронационного альбома.

Гравюра Х. Вортмана по оригиналу И. Ведекинда. 1731 г.

Второго мая Анна во главе пышной процессии отбыла в Лефортово, где в «летнем доме» (Головинском дворце) были разбиты шатры с «конфектами» и питьями; затем был устроен обед на 300 персон. 3 мая императрица в Кремле угощала

«знатнейших мужеских и женских персон» и дипломатический корпус, а на следующий день — придворных дам кавалеров. Приглашённые восхищались украшением огромного круглого стола, за которым сидела Анна: «...в середине того стола были 2 фонтаны с серебряными статуями, из которых в полную высоту вода поднималась, падала в басены, в которых было доволство разных родов рыб. Оной стол так хорошо и видению приятен был, что описать не мочно». «Гвоздём программы» стал персидский комедиант, ходивший по канату, натянутому от Красного крыльца «до болшого колокола» на колокольне Ивана Великого.

Пятого мая, в завершение коронационных торжеств, в Грановитой и соседних кремлёвских палатах состоялся бал, на который были приглашены чины I-VIII классов; среди семисот гостей на праздник к императрице явились отечественные «мануфактуристы шёлковых, суконных и полотняных мануфактур с подносами их ремёсел», купцы, представители донских и яицких казаков. Гости опять любовались «танцеванием» персидского канатоходца и зрелищем народного ликования с жареными быками и винными фонтанами. В заключение бала был зажжён фейерверк, изображавший Анну с рогом изобилия, откуда сыпались короны, скипетры, а также «фрукты и разные листы».

Торжество коронации включало в себя неперменные пожалования и «производства», в том числе и за помощь при восхождении на трон. На обеде 28 апреля Анна Иоанновна удостоила повышения в чинах и должностях 17 военных, 23 статских и двух придворных. Чин «полного» генерала получили И.М. Головин, И.И. Дмитриев-Мамонов, Г.П. Чернышёв, Г.Д. Юсупов и «перемётчик» А.И. Ушаков; И.Ф. Барятинский пожалован в генерал-лейтенанты, а дальние родственники императрицы Василий и Александр Салтыковы — соответственно в генерал-майоры и бригадиры. Сын канцлера И.Г. Головкин стал действительным тайным советником, В.Я. Новосильцев — тайным, В.Н. Татищев — действительным статским. Последним получил новый чин коллежского советника Михаил Павлов — 25 февраля он присутствовал во дворце и от усердия дважды расписался на прошении о принятии «самодержавства».

После коронационных празднований настало время для царской «грозы». В мае бывший посол в Речи Посполитой Сергей Григорьевич Долгоруков должен был сдать все служебные

документы и отчитаться в расходовании выданных ему на подкуп депутатов сейма шести тысяч червонцев и мехов на три тысячи рублей^{157}. Василий Лукич был заточён в Соловках, а Алексей Григорьевич и его сын Иван отправились по следам Меншикова в Берёзов^{158}. С собой они увозили, в память о прошлом величии, рукописную книгу о коронации Петра II (где изображалась «персона, сидящая на престоле, да Россия, стоящая на коленях перед престолом его императорского величества девою в русском одеянии») и его миниатюрный портрет — подарок невесте. Анна желала избежать любых неожиданностей и бесцеремонно приказала обследовать Екатерину Долгорукову в связи со слухами о её беременности. Слухи, к облегчению императрицы, не подтвердились; но это несколько не повлияло на судьбу девушки. Через несколько лет мстительная императрица повелела отобрать у неё драгоценности и даже подаренный Петром II портрет^{159}.

В июле капитаны гвардии произвели обыски в домах Василия Лукича, Сергея и Ивана Григорьевичей Долгоруковых и изъяли все бумаги «о делах ея императорского величества», а заодно и библиотеку, переданную в Коллегию иностранных дел, где её следы теряются^{160}. У опальных были конфискованы вотчины, дома, загородные дворы и, как сообщал указ от имени Анны, «многий наш скарб, состоящий в драгих вещах на несколько сот тысяч рублей»^{161}. Анна особо приказала собрать всех принадлежавших Долгоруковым лошадей в их подмосковном имении Горенки. Из всех вотчин и заводов гвардейцы доставили туда 918 голов, из которых императрица распорядилась отдать в Преображенский полк 39 лошадей, к своей охоте — 34, в зверинец — 90 и «на конюшню её императорского величества» 191^{162} — видимо, сыграло свою роль всем известное увлечение лошадьми Бирона и перенявшей его пристрастие императрицы.

В ведомство Дворцовой канцелярии перешло почти 25 тысяч крепостных душ «бывших князей»^{163}. За ними тут же выстроилась очередь, многие владения Долгоруковых перешли в руки новых владельцев — Нарышкиных, А.И. Шаховского, А.Б. Куракина, генерала Х. Урбановича, С.А. Салтыкова; даже знаменитому шуту Анны отставному прапорщику Балакиреву достался дом в Касимове^{164}. Челобитчики (Г.П. Чернышёв, А.И. Шаховской и др.) прямо просили об «отписных» имениях

Долгоруковых и Меншикова; некоторые, как В.Н. Татищев, даже точно указывали желаемое количество душ в конкретных уездах.

Смена властей и придворных «кумиров» в очередной раз вызвала волну ожиданий и попыток разными средствами укрепить или улучшить своё положение. На рассмотрение верховной власти хлынул поток челобитных и прошений. В архивной подшивке таких бумаг «о пожалованиях» то и дело встречаются знакомые имена участников недавних событий. Старый генерал-лейтенант Ф.Г. Чекин просил об отставке, бригадиры И.М. Волынский и П. Лачинов — о чине генерал-майора, а фельдмаршал И.Ю. Трубецкой умолял дать ему соответствующую чину «команду». Но особенно много было гвардейских прошений. О чинах, дворах и «деревнях» били челом поручики С.Г. и Г.Г. Юсуповы, фендрик Н.Ю. Трубецкой, капитан-поручик Замыцкий, поручик Ханыков, подпоручики Дубровин и Шестаков и другие обер- и унтер-офицеры.^{165}

Далеко не все прошения удовлетворялись. 23 апреля даже вышел манифест о неподаче императрице челобитных, которые «во всяком месте нас беспокоивают и утруждают». Но как можно было отказать гвардии? Всем офицерам гвардейских полков императрица дала великолепный обед. Затем, в отличие от прошлых дворцовых «революций», Анна решила наградить не отдельных лиц, а весь офицерский состав гвардии. До нас дошли черновики этого дела, зафиксировавшие, что «лейб-гвардии офицеры просят о пожаловании им за службы в награждение деревень». В ответ власти потребовали собрать точные сведения о службе и имущественном положении гвардейцев, на основании которых и решался вопрос о награде. Милости последовали, как только были конфискованы имения виновных.

Из заготовленных в Преображенском полку списков следует, что новоиспечённые майоры получили от пятидесяти до ста душ, капитаны — по 40, капитан-поручики — по 30; поручики — по 25; подпоручики и прапорщики — по 20 душ из «отписных» владений А.Г. и В.Л. Долгоруковых и Меншикова. Поскольку именно преображенцы сыграли основную роль в недавних событиях, награды семёновцам были скромнее: лишь майору С.А. Шепелеву пожаловали 100 душ, а только что получившим чины майору М.С. Хрущову и капитану С.Ф. Апраксину — по 50; остальные капитаны и капитан-поручики получили по 30 душ, нижестоящие чины — ещё меньше. При раздаче, очевидно, учитывались конкретные заслуги каждого. К примеру, Преображенским

капитанам А.Т. Раевскому, С. Кишкину и Н. Румянцеву пожалования увеличили с сорока до пятидесяти душ, а их сослуживцам капитанам С. Пырскому и Ф. Полонскому уменьшили соответственно до двадцати и пятнадцати.^{166}

Награды ожидали и рядовых. 26 февраля Анна повелела выдать 141 рубль гвардейцам-именинникам и 38 рублей новорождённым солдатским детям. В марте дворяне-рядовые получили возможность отправиться в долгосрочный отпуск до конца года; в одном только Преображенском полку этой милостью поспешили воспользоваться 400 человек.^{167}

Особо отличившихся награждали в индивидуальном порядке. Преображенскому капитану И. Альбрехту, в памятный день 25 февраля выказавшему личную преданность императрице, достались 92 двора в Лифляндии, а капитану И. Посникову за неизвестные нам заслуги — 90 дворов. Больше всего, конечно, получили главные участники событий: С.А. Салтыкову были пожалованы 800 дворов, а «перемётчику» А.И. Ушакову — 500.^{168} В среднем же восстановление самодержавия обошлось казне примерно по 30 душ на каждого офицера — это была не слишком большая цена за ликвидацию российской «конституции». Но полковые документы показывают, что для многих гвардейцев, остававшихся беспоместными после двадцати-тридцати лет выслуги, даже 30 душ являлись немалой наградой.

Глава третья.

«БАБА» НА ТРОНЕ

*Ни кий тя закон, ниже устав обязует,
Свободна на престоле своём ты седиши...*

*Поздравительные стихи Академии наук.
1733 г.*

Государыня у нас дура...

А.П. Волынский

«Перебор людишек»

В 1730 году Анне за месяц пришлось пережить больше, чем за два десятка лет тихой жизни в Курляндии. Неожданное призвание на царство, подписание «кондиций», спешное путешествие в Москву, торжественные церемонии, общение с правителями и столичной знатью, участие в заговоре, государственный переворот — бедной вдове было отчего волноваться.

Но и триумфальное возвращение «самодержавства» облегчения не принесло — скорее наоборот. Безвластная царица могла спокойно пребывать в любимом Измайлове и вести привычный образ жизни с охотой, обедами и ужинами в избранном кругу и немудрёными придворными развлечениями. Лишь изредка приходилось бы исполнять церемониальные обязанности: подписать очередной указ или манифест, принять иноземного посла, открыть бал или праздник. Надо полагать, «верховники» не поскупились бы на буженину с венгерским вином для стола, зверинец для развлечения и туалеты и бриллианты для украшения живого символа имперского величия.

Но вместе с неограниченной властью на Анну свалился тяжкий груз проблем. Что делать с вчерашними правителями? Как наладить работу высшего этажа государственной машины — не самой же браться за административную текучку. Самодержицей её провозгласили те же люди, которые только что обсуждали и подписывали «конституционные» проекты и даже разглагольствовали о «республике». Теперь передней заискивали; но как решить, на кого можно опираться, а кого отодвинуть подальше? Как отнестись к «наследству» грозного «батюшки-дядюшки» и изменениям, внесённым его преемниками? Можно ли спокойно править, не удовлетворив пожелания «верноподданных рабов» — дворян? Что хотят от неё иностранные дворы и что надлежит сделать для упрочения положения империи?

О повседневных делах государыни в два первых, «московских» года её правления известно не очень много — новый двор только формировался. Единственная российская газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала, что в мае 1730 года Анна вновь отметила Рейнгольда Левенвольде наградой — прусским орденом Чёрного орла и устраивала браки своих

придворных: дочь П.И. Ягужинского была выдана замуж за капитана гвардии Лопухина, а новый камергер А.Б. Куракин обвенчался с «фрейлиною Паниковою». 18 мая государыня гуляла на банкете у дяди — московского генерал-губернатора В.В. Салтыкова. 24 мая она приняла нового шведского посланника Дитмара и на следующий день отбыла в любимое Измайлово.

Там она провела лето и первую половину осени. Заметки «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщают, что Анна давала аудиенции прусскому, голландскому, саксонскому и австрийскому посланникам; дипломаты и придворные имели «свободное допущение» к императрице, так что в царской резиденции обреталось «великое собрание» публики.

Для императрицы и её гостей устраивались войсковые учения: «...под селом Измайловым поставлен был лагерь кавалергардский и убран по воинскому порядку. Гвардии полки Преображенский и Семёновский по другую сторону дворца в лагере стояли и непрестанно в экзерциции были. Армейские полки Бутырский, первый и второй Московские по полку привожены были перед дворец и чинили экзерцицию». Государыня «с удовольствием смотреть изволила» джигитовку конных «георгианцев» (грузинских кавалеристов на русской службе) и навестила Феофана Прокоповича в его селе Владыкине. Теперь можно было не думать, откуда брать средства: императрица просто повелевала оплатить выставленные курляндским купцом Давидом Ферманом счета на 50 тысяч рублей, доставить к ней в «комнату» 15 тысяч рублей на текущие расходы, изыскать 30 тысяч рублей для Главной дворцовой канцелярии, заплатить 45 тысяч рублей за «алмазные вещи» придворному гофкомиссару Исааку Липману, увеличить содержание сестрам.

Празднества сменялись богомольем — в июле Анна отправилась в Троице-Сергиев монастырь, а 19 августа, в день почитания Донской иконы Богоматери, участвовала в крестном ходе в Донском монастыре. Затем следовали новые увеселения: бал у польского посла Потоцкого, тезоименитство юной императорской племянницы Елизаветы Екатерины Христины, которая перед тем получила от тётки обещанный при воцарении дамский орден Святой Екатерины. 26 июля Анна повелела отлить заново большой колокол для кремлёвской звонницы, ныне известный как Царь-колокол.

Государыня прощала штрафы и заменяла смертную казнь за уголовные преступления сибирской каторгой (манифестом от 27 июня); производила в чины, увольняла со службы, жаловала верным слугам «деревни» и дворы — такие подарки получили обер-камергер Бирон и обер-гофмаршал Р. Левенвольде, Ягужинский, камерцалмейстер Кайсаров, кофишенк Леонтьев, гофинтендант Мошков, камергер Куракин, камер-юнкер Древник, придворная дама Анна Юшкова.

В августе в Москве объявился странствовавший по Европе португальский принц дон инфант Эммануэль. Знатный вояжёр рассчитывал с австрийской помощью заключить выгодный брак — безразлично с кем, — но даже по меркам не отличавшегося особой утончённостью российского двора вёл себя неуклюже. Анне с Бироном залётный жених был совсем не нужен; как только он это понял, тут же предложил руку её сестре. Неразведённая Екатерина Ивановна убежала от гостя в слезах, а не слишком стеснительный принц уже был готов удовольствоваться её дочерью, благо в ней видели наследницу престола. Остерман и влиятельный генерал-адъютант Карл Густав Левенвольде выступили против этого брака; сватовство удалось предотвратить, о чём сам Бирон много лет спустя писал Елизавете Петровне в оправдательной записке о своей службе при русском дворе. В итоге надоедливого жениха спланировали из России, подарив золотую шпагу.

Двор же продолжал веселье: новые «экзерциции» армейских полков, праздник ордена Святого Александра Невского, тезоименитство принцессы Елизаветы Петровны, парадный обед у П.И. Ягужинского, день рождения сестры императрицы, царевны Прасковьи. 18 октября Анна Иоанновна вернулась в Кремль, где уже был готов новый деревянный зимний дворец — Анненгоф. Там отпраздновали дни рождения герцогини Екатерины Ивановны, её дочери и цесаревны Елизаветы. Внимательная императрица нашла время отметить (или кто-то подсказал?), что предназначенные для печати гравюры коронационных торжеств «в лицах и телах весьма неискусны»^{169}.

Так же неторопливо и внешне беспечно протекала жизнь государыни и её двора в 1731 году. Придворные события запечатлены в дневнике царского секретаря Авраама Полубояринова:

«1731 февраль

7 начался маскарад во дворце в 4-м часу по полудни; ея императорское величество и весь двор был в персидском платье, прочие же иностранные и здешние министры и генералитет и знатное шляхетство в розных;

9 дня у царевны Екатерины Иоанновны;

11 катались в линейях по Тверской и ввечеру были у царевны Парасковьи Ивановны;

14 во дворце ея императорского величества, и двор в гишпанском, прочие тако ж в розных;

16 у цесаревны;

18 у генерала Ягушинского;

в 21 день во дворце, кто в каком хотел;

в 23 у графа Головкина и у фелтмаршалка Долгорукого;

в 25 день у Куракина и у Остермана;

в 26 день начались во дворце в сале итальянские комедии, и каждую неделю были по два раза даже до вербного воскресения, то есть до 11 апреля»[{170}](#).

Однако за кулисами придворных торжеств создавалась опора нового режима — издавались первые указы о назначениях на руководящие посты в центральном и местном управлении.[{171}](#) Анна Иоанновна сравнительно легко переиграла куда более опытных «верховников». Но теперь ей предстояло не только царствовать, но и править, то есть реально возглавить механизм власти — а ведь многие его ключевые фигуры обсуждали ограничительные «прожекты» или по разным причинам не являлись её сторонниками. Да и дворцовые перевороты 1725 и 1730 годов показали персональную неустойчивость верховной власти, так что царице нужно было создать относительно стабильную и лояльную властную структуру.

«Андрей Иванович. Для самого Бога как возможно ободрись и завтра приезжай ко мне к вечеру: мне есть великая нужда с вами поговорить, а я вас николи не оставлю; не опасайся ни в чём, и будешь во всём от меня доволен. Анна. Марта 1 дня», — писала только что получившая желанное «самодержавство» государыня вице-канцлеру, который все годы её правления оставался незаменимым и надёжным министром-советчиком. Эрнст Иоганн Бирон вместе с чином и должностью обер-камергера получил осенью 1730 года высшую награду России — орден Святого

Андрея Первозванного и польский орден Белого орла и вошёл в число первых вельмож империи, но превращение царского любимца во влиятельного фаворита было ещё впереди. Пока же рядом с ним и как будто даже впереди стояла фигура лифляндца Карла Густава Левенвольде, которого государыня в 1730–1732 годах последовательно сделала генерал-адъютантом, полковником нового гвардейского полка, генерал-лейтенантом и обер-шталмейстером своего двора.

Перспективу царствования подрывало отсутствие у Анны детей-наследников; да и сама она по предыдущим актам значилась избранной на российский престол. Даже если признать, что младший сын Бирона Карл Эрнст, родившийся в 1728 году и уже с четырёх лет «служивший» капитаном Преображенского полка, был на самом деле её ребёнком, то объявить мальчика наследником было немыслимо, а почти сорокалетней императрице не за кого было выходить замуж.

Анна Иоанновна, в общем-то случайно занявшая трон, должна была закрепить его за линией царя Ивана Алексеевича; но две её сестры — неразведённая с буйным мекленбургским герцогом Екатерина и горбатая Прасковья, состоявшая в тайном браке с генералом И.И. Дмитриевым-Мамоновым, — на престол претендовать не могли. В это же время имелись потомки Петра I: дочь Елизавета и внук, голштинский принц Карл Пётр Ульрих. Оба были указаны как наследники в завещании Екатерины I, и этот «виртуальный» документ (объявленный в 1727 году, но молчаливо обойдённый при «выборах» Анны в 1730-м) необходимо было лишить юридической силы.

Современники сразу же обратили внимание на племянницу императрицы — дочь герцога Мекленбургского и сестры царицы Екатерины Ивановны. Весёлая герцогиня развлекалась по полной программе. «Сестра относится к ней с большим уважением и предоставляет ей всё то, в чём она нуждается. Это женщина толковая, но совершенно безрассудная. Ей 40 лет, она очень толста и противна, имеет склонность к вину и к любви и никому не хранит верности», — писал в «Донесении о Московии в 1731 году» испанский посланник при русском дворе де Лириа.

Он же отметил появление в свете юной мекленбургской принцессы: «13-ти лет от роду, родилась в 1718 году и, кажется, наделена восхитительными качествами. Царица любит её, словно свою собственную дочь, и никто не сомневается в том, что ей предназначено наследовать престол». Однако де Лириа

упомянул и принцессу Елизавету как достойную конкурентку: «Она очень красива, наделена разумом, манерами и фацией. Она великолепно говорит по-французски и по-немецки. Царь Пётр II, её племянник, был влюблён в неё, но она не дала места ни малейшему подозрению в том, что она ответила на его чувство... Если бы принцесса Елизавета вела бы себя с благоразумием и рассудительностью, как это подобает принцессе крови, и если бы она не была дочерью царицы Екатерины, то всё складывалось бы в пользу того, чтобы ей стать царицей после смерти Петра II. Но позорный обмен любезностями с человеком простого происхождения лишил её чести короны»^{172}. Елизавета до воцарения Анны жила в подмосковной Александровской слободе: в простом сарафане водила хороводы и каталась на лодках; осенью под звуки рога гонялась с псовой охотой за зайцами, зимой носилась в санях на тройках; вернувшись, устраивала песни и пляски с участием слободских молодцов и девок. Денег порой не хватало, но веселье било ключом: к столу цесаревны на месяц требовалось 17 вёдер водки, 26 вёдер вина и 263 ведра пива — и это «окроме банкетов»^{173}. Двадцатилетняя царевна жила широко и любила много — по словам биографа, «роскошная её натура страстно ринулась предвкусить прелестей брачной жизни». От того времени осталась песня, приписанная народной памятью Елизавете:

Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно;
Легче б ты не знати, нежель так страдати.

Анна Иоанновна вызвала цесаревну ко двору, чтобы была на глазах; её возлюбленный камер-паж Алексей Шубин был отправлен прапорщиком в ревельский гарнизон, а в декабре 1731 года арестован за «злосмысленные намерения» по делу фельдмаршала В.В. Долгорукова и «тайно» сослан в Сибирь^{174}. Обе принцессы прожили десятилетие царствования Анны под её строгим контролем.

По-видимому, царица поначалу хотела сделать наследницей свою племянницу, «благоверную государыню принцессу» Анну (так стали называть Елизавету Екатерину Христину после принятия православия в 1733 году); во всяком случае, дипломаты

в 1730 году именно так оценивали её положение при дворе. Но то ли Анна-старшая не желала девочке испытанного ею самой одиночества на троне, то ли не увидела в племяннице необходимых для правления качеств. Эрнст Иоганн Бирон много лет спустя в оправдательной записке императрице Елизавете о своей службе при русском дворе вспоминал: «С этого времени вице-канцлер граф Остерман и обер-гофмаршал граф Левенвольд часто начали заговаривать с императрицею о порядке престолонаследия в России, вкрадчиво изъясняясь, что необходимо было бы принять надлежащие к тому меры. Императрица, настроенная подобными внушениями, поручила Остерману и Левенвольду обсудить этот вопрос вдвоём и доложить ей о результатах своих совещаний». По его словам, в 1730 году А.И. Остерман и К.Г. Левенвольде посоветовали Анне Иоанновне не назначать наследницей племянницу, а поскорее выдать её замуж за «иностранного принца», чтобы выбрать из детей от этого брака наследника мужского пола, «не стесняясь правом первородства».

Логика в этом предложении была: мужчина-наследник с безупречно породистой родословной выглядел бы предпочтительнее незаконнорождённой дочери Петра I и голштинского «чёртушки» — сына её сестры Анны, будущего голштинского герцога Карла Петра Ульриха. Заодно стоило заблаговременно умерить возможные претензии на трон самой мекленбургской принцессы — кто знает, как она поведёт себя, когда подрастёт? — и, конечно, исключить влияние её беспокойного отца, «который не упустил бы случая внушать дочери гибельные покушения на спокойствие императрицы»^{175}.

Остерман подготовил доклад о возможных женихах для племянницы Анны, больше походивший на обзор внешнеполитических связей России^{176}. Тринадцатилетняя девочка оказалась в центре внимания придворных группировок и на перекрестье дипломатических интриг. Как после ареста в 1741 году признал Остерман, в кругу приближённых Анны Иоанновны обсуждался вопрос об устранении от наследия престола линии Петра I, прежде всего Елизаветы, которую планировали выдать замуж «за отдалённого чужестранного принца». Но вопрос так и не был окончательно решён — министры Анны ничего не могли поделать с наличием «ребёнка

из Киля» — сына Анны Петровны и голштинского герцога Карла Фридриха.

Как писал Бирон, Остерман склонил на свою сторону новгородского архиепископа, члена Синода Прокоповича: «Феофан, представив всю необходимость меры, задуманной Остерманом, подействовал на государыню. Чрез два или три дня по учреждении кабинета, Остерман втайне составил манифест о присяге будущему наследнику. Труд Остермана удостоился высочайшего утверждения. Придворная типография перемещена в дом Феофана, туда же заперты наборщики, и форму присяги велено печатать во многих тысячах экземпляров. Затем назначен день и час, когда высшие сановники, духовные и светские, должны были собраться во дворец. Во время выхода императрица объявила присутствующим, что она признала за благо потребовать от них и всех верных подданных присягу, которую они должны принести в соборе»^{177}.

Таким образом, манифестом от 17 декабря Анна восстановила петровский закон о престолонаследии; подданные вновь обязаны были присягать самой государыне «и по ней её величества высоким наследникам, которые по изволению и самодержавной ей от Бога данной императорской власти определены, и впредь определяемы, и к восприятию самодержавного российского престола удостоены будут»^{178}. Подданные, почесав затылки, присягнули — с не сделавшими это разбиралась восстановленная Тайная розыскных дел канцелярия. Но конкретного имени преемника императрица назвать ещё не могла; власть не получила прочного юридического основания, и претензии на трон могли заявить различные претенденты.

«Восстановление» Сената стало определённым компромиссом новой императрицы и её ближайшего окружения с генералитетом. Но при этом Анна «не заметила» в челобитной, поданной ей 25 февраля 1730 года, просьбу о выборе сенаторов шляхетством — все они были назначены её указом. Без внимания остался и проект Феофана Прокоповича о созыве «великого собрания всех главных чинов» не только для суда над «верховниками», но и для «лучшего о том рассуждения и учреждения и других нужд». Феофан радовался избавлению страны от «гражданского ада» аристократического правления, но всё же считал возможным привлечь дворянство к обсуждению

важнейших задач и таким образом если не ограничить, то упорядочить самодержавное правление^{179}.

Сенат же и при Петре I был не органом верховной власти, а скорее огромной, заваленной текущей работой канцелярией. 1 июня 1730 года именным указом государыни он «по примеру других государств» был разделён на пять экспедиций-департаментов; другой указ повелевал сенаторам еженедельно докладывать императрице о делах^{180}. В октябре Анна восстановила должность генерал-прокурора и подчинённых ему прокуроров в коллегиях и канцеляриях.

Новый многочисленный и «разнопартийный» Сенат, где большинство составляли вчерашние «соавторы» ограничивавших самодержавие проектов, в первоначальном составе просуществовал недолго. В том же году умерли четыре сенатора (Г.Д. Юсупов, И.И. Дмитриев-Мамонов, М.М. Голицын-старший и И.Ф. Ромодановский) — похоже, «конституционные» волнения и споры не прошли даром для представителей российской элиты. Затем последовали назначения его членов в Кабинет министров (Г.И. Головкин, А.М. Черкасский и А.И. Остерман), в армию (А.И. Тараканов, И.Ф. Барятинский), на дипломатическую службу за границу (П.И. Ягужинский), на губернаторство (Г.П. Чернышёв). В итоге Сенат уже к 1731 году уменьшился до двенадцати человек. К моменту отъезда императрицы с двором в Петербург он был разделён на петербургскую и московскую половины; последняя называлась Сенатской конторой и работала под командой преданного С.А. Салтыкова.

А.И. Шаховской отправился на армейскую службу, а затем на Украину; А.И. Ушаков стал начальником Тайной канцелярии, С.И. Сукин — губернатором; М.Г. Головкин возглавил Монетную контору, а В.Я. Новосильцев вошёл в состав Военной коллегии и получил пост директора Кригскомиссариата. Сенат пришлось несколько раз пополнять: в 1733 году в него вошли А.Л. Нарышкин и П.П. Шафиров, в 1736-м — Б.Г. Юсупов, в 1739-м — П.И. Мусин-Пушкин; в 1740 году — М.И. Леонтьев, М.С. Хрушов, И.И. Бахметев, М.И. Философов, П.М. Шипов и А.И. Румянцев^{181}.

Текущее состояние и опалы подозрительных персон (Д.М. Голицына в 1736 году, П.И. Мусина-Пушкина в 1740-м) исключали возможность сделать Сенат органом оппозиции. Ограничивалась и компетенция сенаторов: в 1734 году им было запрещено производить в «асессорский» VIII класс Табели о рангах без высочайшей конфирмации. Императрица делала сенаторам

выговоры за нерадивость и даже запрещала выплачивать им жалованье до получения его военными и моряками^{182}. К тому же с 1731 года Сенат был поставлен под контроль нового высшего государственного органа — Кабинета министров. Подчинённое положение Сената вызвало к концу правления Анны даже появление проекта его уничтожения — точнее, превращения в большую «Штац-коллегию», которая должна была ведать преимущественно финансовыми вопросами; руководство же тремя «первейшими» коллегиями, Тайной канцелярией, дворцовым ведомством, Синодом, Соляной конторой, Канцелярией от строений и полицией официально передавалось Кабинету^{183}. Перетасовка Сената завершилась к 1737 году: к этому времени в нём преобладали представители фамилий, поддержавших Анну в 1730 году: Салтыковы, Трубецкие, Нарышкины^{184}.

Из трёх «первейших» коллегий только Коллегия иностранных дел не испытала потрясений — её курировал вице-канцлер и ближайший советник государыни Остерман. Туда был направлен барон Христиан Вильгельм Миних, родной брат фельдмаршала, который стал тайным советником и к концу царствования Анны первым членом коллегии. На дипломатические посты были поставлены курляндцы К. Х. Бракель (посол в Дании и Пруссии), Г.К. Кейзерлинг (посол в Речи Посполитой), И.А. Корф (посол в Дании). Два последних по очереди руководили Академией наук.

Военную коллегию в сентябре 1730 года возглавил князь М.М. Голицын-старший, в помощь ему был назначен вызванный с Украины генерал-лейтенант Г.И. Бон. Но в самом конце года фельдмаршал скончался при не вполне ясных обстоятельствах. 26 декабря французский резидент Маньян отправил в Париж копию донесения голландского дипломата-очевидца. Согласно ему, на пути из Измайлова в Москву карета князя внезапно провалилась под землю в результате покушения. Однако сам Маньян в последующих депешах ни словом о нём не упоминал. Ничего не сообщают об этом происшествии опубликованные донесения присутствовавших в Москве Лефорта и Рондо. Испанский посол де Лириа в ноябре 1730 года уже покинул Москву; голландские, австрийские и датские депеши за этот период не публиковались, так что пока трудно сказать, откуда появился подобный рассказ и насколько он соответствует действительности. Не говорят об этом событии современники-

мемуаристы В. Нащокин и Манштейн, а последующие биографы фельдмаршала объясняют его смерть «душевной скорбью»^{185}.

После смерти М.М. Голицына Военную коллегию возглавил другой бывший «верховник» — фельдмаршал князь В.В. Долгоруков, несмотря на опалу его клана. Отправленного в отставку Бона заменил герцог и генерал русской службы Людвиг Гессен-Гомбургский. Очередь фельдмаршала настала в декабре 1731 года, после изданного от имени Анны манифеста, требовавшего от подданных принести новую присягу государыне и «определяемым от неё» наследникам. В нём были осуждены «древним государства нашего уставам противные неурядки и замешания, каковые недавно при вступлении нашем на престол происходили»^{186}.

Состоящие под началом князя майоры Преображенского полка Л. Гессен-Гомбургский и И. Альбрехт донесли о «непочтительных словах» своего командира, дерзнувшего «не токмо наши государству полезные учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». За не названные вслух «жестокие государственные преступления» князь Василий Владимирович был приговорён к смертной казни, заменённой заключением в Шлиссельбургской крепости, а затем в Ивангороде. Старого фельдмаршала держали «под крепким караулом» из одиннадцати человек — даже врача к нему пускали только по получении разрешения из Петербурга. Из заточения он вышел уже после смерти Анны.

Опала фельдмаршала повлекла за собой ссылку его брата М.В. Долгорукова, недавно назначенного казанским губернатором, и стала звеном в цепи начавшихся репрессий. Вместе с фельдмаршалом пострадали гвардейские офицеры: капитан Ю. Долгоруков, адъютант Н. Чемодуров и генерал-аудитор-лейтенант Ф. Эмме; в Сибирь отправился полковник Нарвского полка Ф. Вейдинг^{187}. В следующем году командиры Ингерманландского полка полковник Мартин Пейч и майор Самуил Каркетель были обвинены в финансовых злоупотреблениях; а капитаны Ламздорф, Дрентельн и другие офицеры подверглись позорному наказанию — были прогнаны сквозь строй солдат и сосланы в Сибирь за то, что называли русских людей «подложными слугами»^{188}. Мы не знаем, связано ли было это дело с оценкой виновными событий 1730

года; но очевидно, что новые власти не жаловали любую оппозицию, в том числе и со стороны «немцев».

Похожая ситуация была и в морском ведомстве. Вице-президент Адмиралтейств-коллегий адмирал П.И. Сиверс был в феврале 1732 года отрешён от должности и сослан в свои деревни. В вину ему ставили замедление с проведением второй присяги в 1730 году и хранение списков с «кондиций»^{189}. С 1732 года армию возглавил новый, уже аннинский, фельдмаршал Б. Х. Миних, а флот — адмирал Н.Ф. Головин, сохранившие высочайшее доверие до самого конца царствования.

Руководитель Камер-коллегии и бывший кабинет-секретарь А.В. Макаров беспрерывно находился под следствием начиная с 1731 года до самой смерти в 1740-м^{190}. После отказа генерал-лейтенанта А.И. Румянцева стать президентом коллегии (за который он поплатился ссылкой) на эту должность был назначен сначала сын «верховника» С.Д. Голицын, а когда в 1733 году его отправили послом в Иран, на освободившееся место поставили С.Л. Вельяминова. Последний через два года попал под суд по делу Д.М. Голицына^{191}. Новым президентом коллегии стал И.И. Бибииков, который и продержался на этом посту до конца царствования. Складывается впечатление, что на неблагодарную работу последовательно ставились люди, не пользовавшиеся особым доверием императрицы: вышеперечисленные лица подписывали в 1730 году проекты и при Анне карьеры не сделали.

Был сменён и глава Берг-коллегии, моряк и горный инженер А.К. Зыбин, который также подписывал «проект 364-х». Его поставили судьёй в Сыскной приказ и вскоре за «неправедное» решение лишили генеральского чина и отправили строить суда на Днепре^{192}. Сама же коллегия была ликвидирована как самостоятельное учреждение и только через несколько лет восстановлена под названием Генерал-берг-директориум во главе с саксонцем К. Шембергом.

Во главе Коммерц-коллегии (теперь она выполняла и функции прежних Берг- и Мануфактур-коллегий) был поставлен возвращённый из ссылки А.Л. Нарышкин; после его назначения в Сенат президентом стал другой прежний опальный, барон П.П. Шафиров. Здесь немилость коснулась «немца» — вице-президента Г. Фика, одного из участников разработки Петровской реформы центрального управления и хорошего знакомого Д.М. Голицына. Ему были предъявлены обвинения в

участии в сочинении предосудительных «пунктов» и «прожектов». Следствие установило, что хотя Фик и не сочинял ничего сам, но был уличён сослуживцами в предосудительных рассуждениях^{193} и «ко уничтожению самодержавства российского был склонен»; за эту «склонность» учёный вице-президент был лишён чинов и имения и отправился на десять лет в Сибирь.

Ревизион-коллегия долгое время оставалась без руководства, пока в 1734 году во главе её не был поставлен генерал-майор А.И. Панин. Перемены не обошли и остальные учреждения. Брат Д.М. и М.М. Голицыных М.М. Голицын-младший сначала был выведен из состава Сената, а в 1732 году оставил пост президента Юстиц-коллегии, который занял родственник Остермана И.А. Щербатов.

На должность президента Вотчинной коллегии вместо снятого в декабре 1731 года М.А. Сухотина был назначен генерал-майор И.И. Кропотков; он, в свою очередь, был сменён А.Т. Ржевским; последний через несколько лет попал под следствие по делу Д.М. Голицына, но сумел сохранить свой пост. В 1731 году бывший сенатор И.П. Шереметев был отправлен в Сибирский приказ вместо отрешённого от должности судьи И. Давыдова; С.Г. Нарышкин — министром к гетману Украины. Новыми начальниками Канцелярии конфискации и Ямской канцелярии стали бригадиры И.Г. Безобразов и Н. Козлов. Наконец, в том же году был уволен архиатер (глава медицинского ведомства) Иоганн Блюментрост. Его брат Лаврентий, лейб-медик и президент Академии наук, потерял свои посты несколько позже — летом 1733 года^{194}, но уже в сентябре 1730-го сенатор и будущий кабинет-министр князь А.М. Черкасский повелел ему передать новому «лейб-медикусу» Иоганну Христиану Ригеру походную аптеку, медицинские инструменты и «сосуды» Петра I, которые надлежало прислать в Измайлово^{195}.

В декабре 1731 года новым начальником Конюшенного приказа вместо Д. Потёмкина стал подполковник И. Анненков, а в марте 1732-го гофинтендант А. Кармедон сменил У.А. Сенявина на посту начальника Канцелярии от строений; от прежнего руководства был потребован финансовый отчёт начиная с 1720 года^{196}.

Некоторым администраторам не нашлось подходящего места, и они были отрешены от дел. Такая судьба постигла обер-

секретаря Сената Матвея Воейкова, его коллегу из Синода А.П. Баскакова, братьев Блюментростов, А.В. Макарова; на войну в заморские провинции отправились Д.Ф. Еропкин и А.Б. Бутурлин; строить Закамскую линию укреплений — Ф.В. Наумов.

В 1730–1732 годах произошла смена кадров и на уровне высшей провинциальной администрации — губернаторов и вице-губернаторов. В 1730 году на губернаторство были назначены М.А. Матюшкин (в Киев с последующей отставкой в марте 1731-го), А.И. Тараканов (в Смоленск, а затем в том же году в армию на юг), П.М. Бестужев-Рюмин (в Нижний Новгород, а оттуда в ссылку в свои деревни), П.И. Мусин-Пушкин (в Смоленск), М.В. Долгоруков (в Астрахань, затем в Казань, а оттуда — в ссылку), А.Л. Плещеев (в Сибирь), В.Ф. Салтыков (в Москву), И.М. Волынский (вице-губернатором в Нижний Новгород).

В 1731 году к новому месту службы отправились Г.П. Чернышёв (генерал-губернатором в Москву), И.И. Бибииков (в Белгород), И.П. Измайлов (в Астрахань), П.И. Мусин-Пушкин (в Казань), генерал-лейтенант И.Б. Вейсбах (в Киев), бригадиры П. Бутурлин и А. Арсеньев (оба — вице-губернаторами в Сибирь вместо отрешённого от должности И. Болтина).

В следующем году последовали назначения И.М. Шувалова (в Архангельск), генерал-майора М.Ю. Щербатова (сменил отправленного в армию И.М. Шувалова в Архангельске), генерал-лейтенанта В. фон Дельдена (в Москву в помощь Чернышёву губернатором, в следующем году отставлен), И.В. Стрекалова (в Белгород), камергера А.А. Черкасского (в Смоленск), А.Ф. Бредихина (вице-губернатором в Новгород), стольника С.М. Козловского (вице-губернатором в Смоленск), бригадира И. Караулова (вице-губернатором в Казань).

Напомним, что 14 из 23 перечисленных провинциальных начальников подписывали различные проекты и прошения. Императрица и её советники стремились убрать из столиц или из Сената неугодные или подозрительные фигуры, которых отправляли в армию или отрешали от должности. Некоторые назначения явно делались второпях. А.П. Волынского отправили было в Иран, но затем назначение отменили. Генерал Чернышёв оказался бездарным генерал-губернатором, получал от Анны выговоры и в 1733 году возвратился в Сенат; Афанасий Арсеньев был уже «весьма дряхл» для командировки в Сибирь; ветеран фон Дельден за время полувековой службы «пришёл в глубокие тяжкие болезни и безсилие» и даже не был способен

самостоятельно передвигаться. Больной М.А. Матюшкин не смог немедленно отправиться на губернаторство в Киев, и его отправили на медицинское освидетельствование, подтвердившее, что «надежда к конечному его исцелению весьма мала»^{197}. Некоторых перебрасывали из губернии в губернию (как П.И. Мусина-Пушкина) или на другие должности (как И.И. Бибикова и А.И. Тараканова), пока не сочли возможным предоставить им посты в столице.

Другие сами сумели выделиться. Отданный под следствие за взяточничество Артемий Волинский мог бы отговариваться, тянуть время, выискивать юридические зацепки и кляузничать на обвинителей. Но генерал-майор вызвал огонь на себя — в личном письме императрице признался в сборе с «ясашных иноверцев» трёх тысяч рублей и просил «милосердного прощения». Анна поступок оценила — 28 сентября 1731 года был подписан именной указ: «Понеже генерал мазор Артемей Волинской её императорскому величеству всеподданнейше подал на письме повинную в разных взятках, которые он брал в бытность его в Казани губернатором и в чём от её императорского величества всемилостивейше прощения просил. И того ради, в тех от него самого объявленных взятках он, Волинской, всемилостивейше прощён, и её императорское величество указала его из-под аресту освободить. А что по продолжающемуся о нём в Казанской губернии следствию ещё впредь показано будет, о том донести её императорскому величеству, для всемилостивейшего рассмотрения»^{198}.

Милостивый указ прощал не до конца и предполагал продолжение следствия. Но пухлое дело о губернаторских злоупотреблениях так и осталось пылиться в архиве. Колесо Фортуны сделало оборот — видимо, бравый и обходительный генерал чем-то понравился Анне Иоанновне. К тому же и С.А. Салтыков явно замолвил слово за дальнего родственника, напомнив, что тот не поддержал попытку ограничения самодержавия — а такие вещи императрица не забывала.

Волна перемещений накрыла не только генералитет; в сентябре 1730 года последовали массовые назначения многих участников недавних событий на воеводские посты. Они проходили спешно; некоторые из намеченных в списках кандидатур вдруг в последний момент заменялись другими «по нынешней разметке». Воеводами стали В. Губарев, В. Лихарев, С.

Хлопов, А Плещеев, С. Телепнёв, В. Вяземский, А. Киселёв, И. Мещерский и другие подписанты «проекта 364-х»^{199}.

Кадровая перетряска завершилась в 1732 году; последующие назначения уже не носили такого массового и хаотического характера, хотя замены должностных лиц имели место и в 1736-м, и особенно в 1740 году. Для одних «подозрительных» фигур пребывание в провинции стало своеобразным испытательным сроком — к примеру, для опального А.И. Румянцева или бывшего генерал-фискала А.А. Мякина; для других — ступенькой в карьере, как для будущего елизаветинского фельдмаршала А.Б. Бутурлина.

Последним всплеском опал стало дело смоленского губернатора Александра Андреевича Черкасского. Дворянин Фёдор Красный-Милашевич в 1733 году донёс, что тот якобы стремился передать русский престол «голштинскому принцу», состоял в переписке с голштинским герцогом и привёл в верность ему многих смолян. Сам Ушаков поскакал в Смоленск арестовывать Черкасского. На допросах губернатор со страху оговорил себя и был приговорён к смертной казни, заменённой ссылкой в Сибирь с лишением всех прав и имущества. В 1739 году Милашевич, арестованный по другому делу, перед казнью сознался, что оклеветал Черкасского, который послал его в Голштинию только для того, чтобы удалить из Смоленска, так как ревновал его к девице Анне Корсак, в которую был влюблён и на которой позже женился.

Итак, за десять лет состоялось 68 назначений на руководящие посты в центральном аппарате и 62 назначения губернаторов — при Анне смена начальников происходила чаще, чем в любое другое царствование в XVIII веке. При этом 22 процента руководителей учреждений и 13 процентов губернаторов за это же время было репрессировано; с учетом уволенных и оказавшихся «не у дел» эти цифры составят соответственно 29 и 16 процентов. По нашим подсчётам, аннинское царствование оказалось самым беспокойным для правящей элиты. За двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны репрессии в адрес руководителей учреждений применялись почти в два раза реже; в обратной пропорции возросло количество должностных лиц, скончавшихся на своём посту; соответственно увеличилось количество «нормальных» отставок и уменьшилось количество переводов на другую

работу. Для российского генералитета времена Анны должны были вспоминаться как нелёгкое испытание...

Суровая полковница

Перестройка системы управления не обошла стороной и такое специфическое государственное учреждение, как гвардия. С самого своего основания гвардейские части стали школой кадров для новой армии и государственного аппарата; их солдаты и офицеры формировали новые полки, проводили перепись-ревизию, посылались на места для «понуждения» губернаторов в сборе налогов, подавляли народные выступления, назначались ревизорами и следователями по особо важным делам.

В течение 1730–1731 годов из полков были «выключены» все младшие Долгоруковы^{200}. Обновился и высший командный состав. Преданного Семёна Салтыкова Анна сделала подполковником Преображенского полка, а А.И. Ушаков наряду с Тайной канцелярией возглавил Семёновский полк. Впрочем, в то время эти «службы» были тесно связаны: именно гвардейские солдаты и офицеры доставляли в ведомство Ушакова, охраняли и отправляли в Сибирь арестантов. Преображенские майоры Василий Нейбуш, Александр Лукин и Дремонт Голенищев-Кутузов были пожалованы в бригадиры и назначены комендантами в Киев, Ригу и Нарву. Новыми майорами первого полка гвардии стали придворный Н.Ю. Трубецкой, Л. Гессен-Гомбургский и запомнившийся Анне в день 25 февраля пруссак капитан И. Альбрехт; в Семёновском полку — отличившиеся тогда же С.Ф. Апраксин и М.С. Хрущов.

Двенадцатого декабря 1731 года кабинет-министры дважды посещали государыню. Анна рассматривала списки гвардейских офицеров и указывала, кто, согласно только что утверждённым штатам, «определены быть в комплекте в тех же полках, и коих для определения в армейские и в гарнизонные и в ландмилицкие полки велено отослать в военную коллегию», при этом «изволила отмечать о каждом имянно, кого куда и каким рангом определить»^{201}.

Колебания высших гвардейских чинов в феврале 1730 года заставили Анну и её окружение принять более решительные меры. Уже в сентябре того же года стал формироваться новый гвардейский Измайловский полк, и императрица лично подбирала кандидатов на командные должности. Командиром полка был назначен лифляндец, обер-шталмейстер Карл Густав

Левенвольде, а его заместителем — выезджий шотландский генерал Джеймс Кейт. Офицерский состав формировался отчасти из прибалтийских немцев (в их числе был брат фаворита майор Густав Бирон), отчасти — из наиболее надёжных кавалергардов и армейских офицеров. Таким путём туда попали Василий Нащокин и поручик Тимофей Болотов. Рядовых набирали из украинских («ландмилицких») полков^{202}. Кавалергарды же, хотя и сыграли значительную роль в восстановлении «самодержавства», отчего-то не пользовались доверием. Они получили от императрицы месячное жалованье «не в зачёт», но уже в июне 1731 года рота была расформирована, отборные кони, казна и амуниция были переданы Конной гвардии. В неё перешли лишь восемь кавалергардов; остальные получили назначение в полевую армию или в гражданскую администрацию, с приказом немедленно отправляться к месту службы, «дабы они в Москве праздно не шатались»^{203}.

В декабре 1730 года началось формирование ещё одного соединения — полка Конной гвардии из десяти рот. Формально шефом полка считался П.И. Ягужинский, но с его отъездом в Пруссию подполковником стал обласканный Анной князь А.И. Шаховской; «младшим подполковником» был назначен Б.Э. фон Траутфеттер, майорами — Карл Бирон (другой брат фаворита) и Р. фон Фрейман. В апреле 1733 года государыня пожаловала в ротмистры девятилетнего Петра Бирона, а через пять лет в день рождения царицы Бирон-младший был произведён сразу в подполковники, но по причине юных лет на деле покомандовать так и не успел. В полку числились не только брат и сын Бирона, но и целая группа Шаховских: будущий вельможа и мемуарист Яков Петрович и несколько его родственников. Примерно треть офицеров принадлежала к прибалтийскому дворянству; в рядовые Анна указала брать из украинских однодворцев и «взрачных» представителей «лифляндского шляхетства и мещанства»^{204}. В итоге 42 из 120 офицеров двух новых полков являлись прибалтийскими выходцами или иностранцами.

В январе 1732 года гвардия вместе с двором переехала в Петербург. Как и прежде, гвардейцы размещались на постой по домам обывателей, но офицеры предпочитали жить на съёмных квартирах. До государыни дошло, что хозяева требуют с гвардейцев неумеренную плату, и повелела объявить: «покои» тех, кто заломил цену, «посторонним внаймы допущены не будут»^{205}. Только осенью 1735 года Конную гвардию

поместили в казармы на берегу Невы, недалеко от Смольного двора цесаревны Елизаветы. Для пехоты строительство слобод началось в конце 1739 года — на роту по 20 солдатских домов с четырьмя «покоями» каждый и по одному офицерскому дому с огородами, скотиной и хозяйственными постройками; женатые гвардейцы жили вместе с семейством. Преображенскому и Семёновскому полкам отвели места на левом берегу Фонтанки, Измайловскому — за рекой, «по обе стороны пространства, составлявшего за Фонтанкою продолжение Вознесенской улицы». Полки, по воспоминаниям Манштейна, «так усердно принялись за постройку, что на следующий год они уже могли занять новые дома. Так как в такой казарме полк был весь собран в одном месте, а офицеры, по милости дурной дисциплины, не были обязаны жить тут все в одно время, то этот порядок значительно облегчил предпринятую царевною Елисаветою революцию, окончившуюся для неё так удачно...»[{206}](#).

Бывшє лейб-ре^гименте
 назва^т
 конная гвардия
 а в ранге быт против^в,
 гвардии
 а в полку ундер офицером
 и с редовыми тысячу человек

Записка императрицы Анны Иоанновны об учреждении лейб-гвардии Конного полка:

«бывшей лейб-регимент назват конная гвардия а в ранге быт против гвардии а быт в полку ундер афицером и с редовыми тысячу человек».

Не позднее 18 декабря 1730 г.

Доклады и приказы по полкам свидетельствуют, что новая «полковница» оценила роль гвардии и старалась держать её под контролем. Императрица регулярно устраивала во дворце

«трактования» гвардейских офицеров. Поручик Семёновского полка Александр Благово в 1739 году отмечал в дневнике: «Восшествие на престол российской государыни императрицы] Анны Иоановны в 1730-м году. В строе были и обедали во дворце» (19 января); «Поздравляли г. императрице и жаловала к руке» (2 февраля); «Тезоименитство государыни императрицы. Строю не было за стужей. Обедали во дворце» (3 февраля)^{207}. Но она же установила еженедельные (по средам) доклады командиров полков и лично контролировала перемещения и назначения в полках. Оставшимся в комплекте по новому штатному расписанию было поднято жалованье: штаб-офицерам на 300 рублей, самой императрице-полковнице — с 1380 до 2160 рублей в год; увеличила она и число повышенных («старших») окладов для нижних чинов.

Послужной список офицеров и солдат Преображенского полка 1733 года (с указанием количества душ в имении) показывает, что беспоместных обер-офицеров в полку уже не было и даже у многих дворян-рядовых имелось по 20–30 душ^{208}. Сами же полки стали более «шляхетскими»: дворяне составляли больше половины рядовых; в 1740 году только два процента дворян-преображенцев не имели крепостных и жили на одно жалованье. В 1731 году в Преображенском полку 952 из 2504 солдат (38 процентов) являлись дворянами; в 1737-м их доля составила уже 49,1 процента, а среди унтер-офицеров — 85,7 процента. Также обстояло дело у семёновцев: в 1731 году 1126 из 1968 солдат принадлежали к шляхетству.

Указы императрицы требовали являться в Петербург дворянским «недорослям», имевшим не менее двадцати душ (остальным предписывалось поступать в «ближние армейские полки»), а в унтер-офицеры производить тех, которые «достаток имели, чем себя, будучи в гвардии содержать», поскольку «часто случается, что из гвардии нашей употребляемы бывают в разные посылки за нужнейшими государственными, а иногда и секретные дела вверены им бывают». «Произвождение» и на самом деле было отличием не для большинства. Среди 171 преображенца, уволенных в отставку в январе 1739 года, были 67-летний Пантелей Батраков, 64-летний Тихон Захаров, 63-летний Иван Лодыгин и многие другие ветераны-рядовые лет пятидесяти-шестидесяти, отслужившие в строю по 30–35 лет^{209}.

Господа офицеры должны были приобретать строевых немецких лошадей «масти вороной или карей» на собственные средства. Императрица требовала, чтобы для парадного строя одна из пяти лошадей подполковника непременно была ценой в 200 червонных, а у майора одна из четырёх — в 150. Ротмистру предписывалось иметь трёх лошадей, в том числе одну за 100 золотых, прочим офицерам — две, из которых одну ценой в 60 золотых; на более дешёвых лошадях быть на параде в высочайшем присутствии считалось «непристойным»^{210}.

«Накануне больших праздников, — вспоминал адъютант фельдмаршала Миниха Манштейн, — придворные особы и гвардейские офицеры имели честь поздравлять императрицу и целовать ей руку, а её величество подносила каждому из них на большой тарелке по рюмке вина...» За отсутствие в эти дни во дворце без уважительных причин наказывали: в первый раз вычитали месячное жалованье, во второй — призывали к ответу. В последний год царствования Анны было разрешено семейным офицерам представлять ко двору жён, которые также приглашались на придворные праздники. В домашних увеселениях государыни императрицы участвовали иногда и нижние чины: Анна Иоанновна вызывала к себе гвардейских солдат с их жёнами и приказывала им плясать по-русски и водить хороводы.

«Приказ был в полк: по имянному ея императорского величества изустному указу велено чтоб господа гвардии обер афицеры в дом ея императорского величества на куртаки и на балы извоили конечно приезжать в каждое воскресенье и в четверток, не дожидаясь никаких повесток, а приезжали б в собственном богатом платье и в чулках шёлковых, а ежели у кого собственного богатого платья не имеетца, то в строевых богатых мундирах и в щиблетах всегда пополудни в 4-м часу», — записал поручик Благово содержание императорского приказа от 2 декабря 1739 года^{211}.

Для не слишком знатного офицера — честь высокая, но она требовала немалых расходов на шёлковые чулки, шляпу, парики, «богатый» парадный мундир, лошадей. Под 25 сентября 1739 года поручик Благово записал, что у него вычи за «богатый» мундир «28 ру[блей] 58 копеек 3 четверти, да заданной же на богатой мундир позумент широкой и узкой 30 ру[блей] 51 копейка с четвертью» — в результате он получил «квитанцию вместо денежного жалования майской трети 739-го году, а денег

за оную треть ни копейки не дано, служил без жалования». 11 января 1740 года он подвёл невесёлый итог своим доходам: «Получил денежного жалованья прошлого 1739 года сентябрьской трети 59 ру[блей] 3 ал[тына] 2 де[нги]. Из оных вычтено за позумент на богатой мундир 48 рублей 95 копеек, а всех вычтено денег за мундиры в прошлом 1739-м году 106 Рублёв 12 копеек 3 четверти, кроме сукна и протчего приклада на богатой мундир»^{212}. А попробуй явиться к государыне без мундира — полковой командир укажет: «...ежели оное впредь усмотрено будет, то будут публично высланы из дворца».

Гвардейцев выручали только деньги и «припасы» из собственных имений, которые прибывали обычно по зимнему пути. В январе 1739 года поручик Благово получил «из двора 115 рублей», а затем «муки пшенишной 2 мешка 4 чет[верти], муки ситной 3 чет[верти], муки ячной мешок, овса 7 четвертей, ячменя 6 чет. 4 лёгких евины. Вотки персиковой бочёнок 2 ведра, анисовой полведра бочёнок, вина простова 4 бочёнка 9 вёдер, свиного мяса свежего 10 полтей (половин туш. — *И.К.*), говядины свежей целый бык, 4 печени свиных, говядины солёной кадка, целой бык посолен, ветчины 6 полот, козёл солёной целой, сала 3 коровая, желудков 5, гусей 12, с потрохами уток 8, с потрохами кур индейских 15, русских 30, 3 головы свиних солёных, 3 свежих, поросят 30...»^{213}. С тем же обозом пришли «серое сукно», «шуйское мыло», солёные рыжики и грузди, яйца, квашеная капуста, пуд сметаны.

Анна «изволила довольно жалеть» вдов офицеров, особенно погибших на войне. В январе 1738 года она с неудовольствием узнала, что племянники павшего под стенами Очакова Преображенского капитана Ф. Лаврова не пускают его вдову в деревню и на московский двор, и повелела ей «владеть по смерть» именем мужа. Государыня повелела не вчинять вдове капитана Толстого «до возраста детей его никаких исковых по деревням дел»^{214}.

В декабре 1736 года гвардейским офицерам было позволено записывать в полки своих детей «лет несовершеннолетних от семи до двенадцати», что прежде разрешалось только самым знатным. Детишки зачислялись солдатами сверх комплекта, без жалованья и жили у родителей, которые обязались «до совершенного состояния, как могут нести службу солдатскую, содержа на коште своём, обучать иностранным языкам и

инженерству; особливо же наукам инженерной части нужнейшим, также и солдатской экзерциции»^{215}.

Солдатских сыновей с восьми лет записывали в полки и определяли учиться грамоте в полковую школу, а также отдавали в учение к искусным ремесленникам, чтобы иметь в полках собственных мастеровых. Портные Семёновского полка оказались самыми способными к шитью мундиров из лучшего английского сукна и получали за труды подённую плату; Военная коллегия поручала им шить образцовые мундиры для армии, а Придворная контора заказывала у них театральные костюмы. Но в то же время императрица приказала полковым командирам не употреблять солдат «ни в какие партикулярные командирские и офицерские работы» под страхом «жестокоего штрафа». Те же гвардейцы, которые «без всякого принуждения» «в свободное им время похотят что на командиров своих сработать», должны были получать «достойную им плату».

Из армейских полков в гвардию переводили отличившихся или просто видных собой солдат — порой даже отправляли офицеров «высматривать» великанов в полевых полках и гарнизонах. При Анне Иоанновне в старые гвардейские полки впервые «зачали рекрут брать в солдаты». Приём таких новых солдат отметил в записной книжке поручик Благово.

При Анне гвардия оставалась чрезвычайным и универсальным инструментом верховной власти. Обер- и унтер-офицеры и даже рядовые из дворян, «способные к делам», выполняли всевозможные ответственные поручения: описывали конфискованные владения, собирали недоимки, набирали рекрутов, надзирали за мастерами на горных и оружейных заводах, участвовали в «счётных» и следственных комиссиях; они же под командой начальника Тайной розыскных дел канцелярии и гвардейского подполковника А.И. Ушакова арестовывали и охраняли политических преступников, а затем конвоировали бывших высоких особ в ссылку.

По традиции гвардейцы периодически «выпускались» в армию на должности, соответствовавшие их двукратному «старшинству» в чине. В годы войны «выпуски» увеличились: из Семёновского полка в 1738 году были переведены обер-офицерами в полевые полки 49 лучших нижних чинов, а три обер-офицера были определены в армейские штаб-офицеры. Из Конной гвардии стали армейскими обер-офицерами 14 человек. Всего же при Анне Иоанновне только из Семёновского полка

вышли в армейские полки обер-офицерами 195 нижних чинов, а 30 обер-офицеров стали армейскими штаб-офицерами^{216}.

При Анне гвардейцы после пятнадцати лет столичной жизни отправились на поля сражений Русско-турецкой войны 1735–1739 годов. В 1737 году на юг двинулись сводные батальоны (по одному от каждого полка) и три роты Конной гвардии, составившие трёхтысячный гвардейский отряд под командой генерал-адъютанта и подполковника Измайловского полка Густава Бирона. Гвардейцы отличились во время взятия в 1737 году крепости Очаков: Измайловский батальон первым штурмовал крепостные ворота; во главе шёл сам командующий фельдмаршал Миних. За боевые отличия измайловцы получили две серебряные трубы.

В 1739 году в сражении под крепостью Хотин три батальона отбили атаку тринадцати тысяч янычар, а затем перешли в наступление и выбили турок из лагеря. «Ежели бы вы, благосклонный читатель, ещё с собою таких okazji не видали, то от ваших друзей, в сих случаях бывалых, удостовериться можете, сколь таковые обстоятельства благородную амбицию имеющим чувствительны бывают; а мне ещё тем лестнее казалось, что сия была первая от недавно сочинённого тогда лейб-гвардии Конного полка, против неприятеля употреблённая, состоящая из благородных дворян команда, кою я усчастливился во все три кампании многократно употреблять самым делом и окурить порохом новые и также до того в таких случаях небывалые, при той бывшие три штандарта без наималейших в должности моей проступков», — вспоминал боевую молодость генерал-прокурор империи и бывший конногвардеец князь Я.П. Шаховской^{217}. В маршах по безводной степи отряд потерял больше людей от болезней, чем от неприятельского огня, но гвардейцы вновь подтвердили славу «добрых и храбрых солдат».

Двадцать седьмого января 1740 года гвардейский отряд под музыку, с развёрнутыми знамёнами вступил в Петербург. Участник парада офицер-измайловец Василий Нащокин вспоминал, как встречали их столица и государыня:

«Штаб- и обер-офицеры, так как были в войне, шли с ружьём, с примкнутыми штыками; шарфы имели подпоясаны; у шляп сверх бантов за поля были заткнуты кукарды лаврового листа, чего ради было прислано из дворца довольно лаврового листа для делания кукардов к шляпам, ибо в древние времена римляне с победы входили в Рим с лавровыми венцами, и то было учинено

в знак того древнего обыкновения, что с знатной победой над турками возвратились... и, обойдя по берегу Невы-реки кругом дворца, у дворцовых ворот свернули знамёна и распустили по квартирам, а штаб- и обер-офицеры позваны ко двору и как пришли во дворец, при зажжении свеч, ибо целый день в той церемонии продолжались, тогда её императорское величество, наша всемилостивейшая государыня, в середине галереи изволила ожидать, и как подполковник со всеми в галерею вошёл, нижайший поклон учинили. Её императорское величество изволила говорить сими словами: “Удовольствие имею благодарить лейб-гвардию, что, будучи в турецкой войне в надлежащих диспозициях, господа штаб- и обер-офицеры тверды и прилежны находились, о чём я чрез генерал-фельдмаршала графа Миниха и подполковника Густава Бирона известна, и будете за свои службы не оставлены”.

Выслушав то монаршеское слово, паки нижайше поклонились и жалованы к руке, и государыня из рук своих изволила жаловать каждого венгерским вином по бокалу, и с тем высокомонаршеским пожалованием отпущены. И того же ген-варя 27 дня объявлен был ввечеру турецкий мир и палили из пушек, а 28 и 29 числа все походные штаб- и обер-офицеры трактваны во дворце богато за убранными столами, и по два дни обедали и потчиваны довольно; в 30 же число соизволила государыня всемилостивейше указать всем прибывшим из похода турецкого гвардии унтер-офицерам и капралам ко двору быть и жалованы к руке, и оные за ту военную службу от своего государя монарха получили благодарение и указано оных потчивать гофмаршалу Шепелеву».[{218}](#).

Всем побывавшим в походе гвардейцам в награду выдали третное жалованье. Отличившимся офицерам, отправленным в губернии с объявлением мира, позволялось принимать подарки: «...кого сколько подарят, то во удовольствие за службу»; капитан Нащокин таким образом «заработал» в Нижегородской губернии 1350 рублей. А вернувшиеся из похода унтер-офицеры «в знак особливой за службу милости» получили следующий чин.

Но и в мирное время Анна Иоанновна занималась гвардейскими делами: решала вопросы об обеспечении полков сукном и провиантом, рассматривала рапорты командования и индивидуальные прошения об увольнениях, переводах, отпусках и повышениях в чине. Солдатам запрещалось «иметь между собой ссоры и драки», а полковому начальству — отправлять в

1736 году в отпуски и «посылки» гвардейцев без разрешения императрицы. Она же определяла меру наказания провинившимся даже по не самым «важным» делам; так, загулявший в первый раз сержант Иван Рагозин в качестве штрафа «стоял под 12 фузеями».

Непорядки в гвардии полковница воспринимала болезненно. Некоторые из господ офицеров стремились получить отпуск, следующий чин или выгодную должность не заслугами, а более привычными средствами. «Известно нам учинилось, — извещал именной указ Анны от 15 декабря 1738 года, — что в некоторых полках нашей пехотной лейб-гвардии ротные командиры, також полковые адъютанты и секретари с унтер-офицеров, капралов и солдат, как при отпуске в дома их и при выпуске в другие полки в обер-офицеры, так и при повышении чинов в лейб-гвардии, берут немалые взятки деньгами и другими вещами, и для таких взятков иных и без всяких заслуг, к тому ж и недостойных, по таким страстям и по свойству аттестуют и своим полковым командирам представляют, а чрез такие их происки чести достойные люди в нестерпимой обиде остаются и охоту к службе теряют, понеже многие из шляхетства лет по 15 и по 20 будучи в солдатах, приходят в крайнюю слабость и нерадение...»

Государыня повелела штаб-офицерам всех полков допросить подчинённых, получивших отпуски и чины, на предмет дачи взятки. В случае признания взяткодателям даровалось прощение, но «ежели они неправду покажут или заператься будут, а после в том обличены будут, тогда они яко преступники наших указов судимы и истязаны быть имеют»^{219}. Особого результата эта акция, кажется, не имела. Государыня была весьма огорчена растратой и похищением полковых средств секретарём Преображенского полка Иваном Булгаковым (он забрал более десяти тысяч рублей) и тем, что конфискованное имущество виновного даже не было продано, и приказала взыскать утраченную сумму со всех офицеров полка, для чего раздать им «пожитки» Булгакова для продажи^{220}.

Судить же полковница старалась по справедливости. В августе 1736 года Преображенский солдат Еремей Олонский утащил с пожарища чей-то котёл, но был пойман измайловцами. Военный суд решил, что вор достоин казни, но обер-аудитор признал, что украденное «малой цены», и предложил иное наказание — «жестокое гонение спицрутен». Анна согласилась: «Учинить по ревизии». На том же большом столичном пожаре

преображенцы из дворян Евстигней Санков и Захар Заболоцкий увидели, что в то время, как «горел Мытный двор» на Мойке, купцы стали прятать деньги и товары в воду, и стащили у них мешок со 100 рублями, но попались с похищенным конногвардейскому патрулю. Государыня согласилась со строгим наказанием дворян-воришек: «гонять спицрутен» шесть раз через батальон и сослать в оренбургский гарнизон.

В башкирские степи отправились Преображенские гренадеры Панкрат Смагин и Герасим Пожидаев, продавшие юному гардемарину Никите Пушкину не принадлежавшего им солдатского сына Дмитрия Онофриева за 13 рублей да ещё и в купчей указавшие цену в пять рублей, чтобы уменьшить пошлину. Судя по судебным делам, мошенническая продажа подставных лиц «по общему с ними согласию» являлась фирменной проделкой столичных гвардейцев; покупатель терял деньги, когда купленный «хлопец» бежал или оказывался не тем, кого продали по документам. Следствие установило, что Смагин однажды уже продавал своего дворового, которого сам же подговорил бежать и спрятал у себя в деревне. Полковница решила наказать и незадачливого пострадавшего: Пушкин получил с виновных не 13, а пять рублей — ту сумму, которую согласился написать в купчей.

В январе 1740 года началось следствие по делу о взятке в два ведра вина и двух гусей, будто бы данной тремя служивыми Московского батальона капитану Ивану Изъединову, чтобы избежать штрафа за драку. Капитан отрицал приношение и был готов «очиститься присягою», но государыня не стала позорить ветеранов-гвардейцев и велела «уничтожить» дело^{221}. Однако с неисправимыми преступниками она поступала сурово. В 1736 году солдат Фёдор Дирин, возвращаясь с караула в Адмиралтействе, ухитрился украсть пудовую свинцовую плиту и спрятал её, «завертев в постелю». Он оказался рецидивистом — в прошлом году украл рубашку у товарища, клещи и молот с наковальней из кузницы, а до того загулял в отпуске на целых пять лет! Суд не нашёл смягчающих обстоятельств, и государыня не пожалела гвардейца-вора: 14 июля он был повешен^{222}. Приговорила Анна к казни и взяточника поручика Матвея Дубровина, но в качестве милости разрешила его «от бесчестной смерти уволить, а вместо того расстрелять»^{223}. Но зато она вошла в положение Преображенского штаб-лекаря,

убившего напавшего на него грабителя, и признала невольного убийцу невиновным.

С годами Анна стала менее прилежна к делам, и вопросы стали решать уже кабинет-министры — так, в 1738 году они произвели в подпоручики обиженного своим неповышением при отставке Преображенского каптенармуса Адриана Кузнецова, отпускали гвардейских солдат и унтер-офицеров «в дома» и представили в подпоручики трёх капралов. Члены Кабинета решали, кого из гвардейцев определить в рижские гарнизонные полки «на вакансии в штаб- и обер-офицеры»^{224}. Подписи Остермана и Черкасского стоят под резолюцией о битье кнутом и отправке в Выборгский гарнизон Семёновского солдата Ивана Семёнова за попытку побега и изготовление фальшивого паспорта. Они же 15 октября 1740 года — Анна Иоанновна уже находилась на смертном одре — приказали повесить неисправимого ворюгу, солдата из ямщиков Сидора Шалина^{225}.

Конечно, доклады по полкам и соответствующие предложения сочинялись министрами или гвардейским начальством, которое при пополнении частей рядовыми иногда могло обходиться и без высочайшей санкции. Но Анна властно вмешивалась в эти дела: на докладе А.И. Ушакова от 25 апреля 1740 года о количестве мушкетёров и гренадеров в Семёновском полку она начертала резолюцию: «Без доклада впредь на убылые места не записывать»^{226}. Государыня не всегда подмахивала поданные ей бумаги — в августе 1740 года она повелела в том же полку произвести в прапорщики побывавшего на войне Михаила Сабурова, а не представленного к повышению начальством сержанта Василия Соковнина.

«...на Обухова место произвести Николая Самарина, на место князь Александра Голицына Григорья Темирязева», — без объяснения причин написала Анна 31 января 1739 года на приказе о переводе на «убылые места» по Преображенскому полку^{227}. Списки приёма новых солдат по итогам дворянских смотров министры Кабинета несли ей на утверждение; так, императрица лично определила в солдаты гвардии будущего знаменитого полководца П.А. Румянцева. В августе 1740 года, вернувшись из Петергофа, Анна обратила внимание, что солдаты небрежно очищают от коры брёвна, пригнанные по Неве для строительства казарм, и распорядилась не «засаривать» реку^{228}.

Порой государыня интересовалась даже судьбой отдельных солдат, особенно «отличившихся» какими-то нарушениями. Так, в июле 1735 года она повелела министрам срочно заняться делом «плута Василия Одинцова». Проворовавшегося артиллериста, «не ведая о том его худом состоянии», приняли в Конную гвардию, но «когда в том полку о том его воровстве известно учинилось, тогда отослан он, для определения в полки, в Военную коллегию и определён был в Ингерманландский пехотный полк, где явился паки в воровстве и из-под караула бежал». Императрица потребовала от новых командиров непутёвого солдата «оное дело розыскать и исследовать обо всём обстоятельно»^{229}. Не раз звучало в полках и грозное «слово и дело» — с последующим «розыском» и наказанием виновных в оскорблении величества или другом государственном преступлении по «первым двум пунктам» (о «злом умысле против персоны его величества» и «о возмущении или бунте»).

При Анне гвардейцы, как и прежде, стояли на караулах в Адмиралтействе, Петропавловской крепости, Сенате, Военной коллегии и Тайной канцелярии, а также у полковых изб и на квартирах у генералов, гвардейских штаб-офицеров и иностранных посланников. «В неделю по дважды» полкам было приказано обучаться строевым «экзерцициям», чтобы «солдаты оказывали приёмы и делали вдруг и бодро, и стояли прямо, а не согнувшись... чтобы шли плечом к плечу и ружья несли круче, ступая разом и головы держали прямо». Конногвардейцы, помимо того, должны были «прямо и бодро» сидеть в седле и ехать «человек за человеком ровно, примкнув колено с коленом».

Полки регулярно проводили учения, на которых порой присутствовала сама государыня. Дневниковые записи, сделанные поручиком Благово в 1739 году, гласят:

«12 [июня]. Вторник предивная погода. Полковой строй был, палили по 7 патронов. <...>

15 [июня]. Пяток, изрядно ввечеру дождик. Полковой строй был, палили по 11 патронов. <...>

28 [июля]. Субота ветрено. Полк учил маэор наш герцок Брауншвейнской, палили изрядно по 15 патронов. <...>

11 [сентября]. Вторник студёно. Полковой строй был, палили по 25 патронов, принц учил изрядно.

12 [сентября]. Среда хорошая погода, а холодно. Полк наш государыня императрица изволила смотреть; палили хорошо по 29 патронов, жаловала к руке и вином»^{230}.

Побывавшие в 1730-х годах в аннинском Петербурге и наблюдавшие за учениями отборных полков иноземцы отмечали, что гвардейцы «выполняют приёмы почти так же хорошо, как пруссаки», и выглядят «превосходными солдатами»^{231}.

Императрица держала гвардию под контролем и сумела обрести надёжную опору в новых полках. Офицеры сохранили сплочённость и верность своей законной «полковнице», а унтеры и солдаты пока ещё находились вне политики и исполняли их приказы. Но при Анне уходили со службы петровские ветераны — например, так и оставшийся неграмотным капитан Семёновского полка Григорий Девясилов. Начав службу солдатом в 1690 году, он «при полку везде был безотлучно», дрался на суше и на море, прошёл с царём все кампании его войн от Азовских походов до «Низового (Персидского. — *И.К.*) похода» 1722 года. При Анне шестидесятилетний гвардеец был «выключен» полковником в Смоленский пехотный полк, но в 1732 году по причине ран и болезней попросился в отставку «на своё пропитание»^{232}.

На смену не задумывавшимся о политике старым служакам приходило новое поколение, которое видело, как решалась судьба трона после кончины великого императора. Со временем гвардейцы усвоили опыт дворцовых «революций» и осознали себя «делателями королей». Менялся и круг их интересов: поручика Благово занимали не только «постройка» мундира, учения, куртаги и домашний «припас», но и покупка картин и книг, в том числе и известное политическое сочинение: «Пуфендорфия в десть дана 2 ру[блей]»^{233}. В последующих участвовали и предприимчивые одиночки, и младшие офицеры, и даже солдаты.

Как только грозная Анна Иоанновна умерла, оставив регентство при младенце-императоре Иване Антоновиче герцогу Бирону, недовольство в полках прорвалось. Преображенский поручик Пётр Ханыков через два дня после присяги новому императору заявил приятелю-сержанту Ивану Алфимову: «Что де

мы зделали, что государева отца и мать оставили, они де, надеясь на нас, плачютца, а отдали де всё государство какому человеку регенту, что де он за человек?» Бравый офицер уже осознал, что он с однополчанами может изменить ситуацию: «Учинили бы тревогу барабанным боем и гренадерскую б свою роту привёл к тому, чтоб вся та рота пошла с ним, Хоныковым, а к тому б де пристали и другие салдаты, и мы б де регента и сообщников его, Остермана, Бестужева, князь Никиту Трубецкова убрали». А отставной капитан Пётр Калачёв считал, что законной наследницей «по линии» является Елизавета, но не отрицал и прав Анны Леопольдовны, которая могла вступить в правление после Елизаветы, «а при её императорском высочестве быть и государю императору Иоанну Антоновичу»^{234}. Пётр Великий, наверное, перевернулся в гробу, когда в созданной им «регулярной» империи поручики и капитаны гвардии стали решать, кому «отдать государство» и как «убрать» его первых лиц...

В стенах Тайной канцелярии

«Повсюду рыскали шпионы, ложные доносы губили любого, кто попадал в стены Тайной канцелярии. Тысячи людей гибли от жесточайших пыток» — подобные оценки бироновщины можно встретить в десятках книг. Им трудно не верить: для нашей социальной памяти террор государства против своих подданных представляется делом возможным не только для недавнего прошлого.

Уже цитировавшийся именной указ от 10 апреля 1730 года вводил обязательный и очень короткий срок подачи доноса, несоблюдение коего грозило превратить благонамеренного извещика в соучастника со всеми вытекающими последствиями.

«И понеже сии оба пункты в великих делах состоят и времени терпеть не могут, того ради всяких чинов людям, ежели кто о тех вышеписанных двух великих делах подлинно уведает и доказать может, тем самым доносить на Москве письменно или словесно в нашем Правительствующем Сенате, как скоро уведает, без всякого опасения и боязни, а именно того ж дни. А ежели в тот день за каким препятствием донести не успеет, то конечно (то есть в крайнем случае. — *И.К.*) в другой день. И ежели подлинно на кого докажут, и за такую их верную службу учинена им будет от нас милость и награждение. А буде кто о тех же двух великих делах уведает в городах, тем доносить в такое ж скорое время, а которые будут в уезде, тем как возможно в самом скором времени, и приходить безо всякого опасения к нашим губернаторам, а где губернаторов нет, к воеводам... Кто такие великие дела сам сведает, или от кого услышит, и доказать бы мог, а нигде не донесёт, а потом от кого обличён будет, что он про такое великое дело ведал и доказательство имел, а нигде не донёс, а хотя и доносить будет, да поздно, и тем время опустит, а сыщется про то до-пряма, и тем людям за то чинить смертную казнь, без всякие пощады»^{235}.

Послабление было сделано только для уездной глубинки с разъяснением Сената: «...буде станут сказывать, что не

доносили за дальным расстоянием, или за каким от кого препятствием, о том рассматривать и свидетельствовать, как о расстоянии дальности места, так и о препятствии. И буде то замедление учинилось не от него, а по расстоянию места, или за каким препятствием прежде того доносить было ему не можно, то по тем их доношениям чинить, как о том в 1-м пункте напечатано. А буде по свидетельству и по рассуждению явится, что препятствия к доношению никакого не было, и по расстоянию места доносить было прежде можно, о таких, освидетельствовав подлинно, писать в Сенат; а их, до получения указа, держать под караулом»^{236}. На практике строгий закон приводил к своеобразному соревнованию — кто из очевидцев успеет донести раньше.

С текстом указа нужно было как можно шире ознакомить подданных, поэтому его дважды (первый случай!) опубликовали в единственной тогдашней газете — «Санкт-Петербургских ведомостях» (в 37-м и 38-м номерах).

Обстоятельства восшествия на престол Анны Иоанновны ускорили возрождение карательного органа. Поэтому Анна Иоанновна повелела: «Помянутые важные дела ведать господину генералу нашему Ушакову» с придачей ему канцелярских служителей^{237}. Таким образом, основанная Петром I в связи с делом царевича Алексея специализированная служба политического сыска возродилась — сначала на «историческом» месте, под Москвой на «генеральном дворе» Преображенского приказа. Но уже в январе следующего года вместе с царским двором и другими центральными учреждениями Тайная розыскных дел канцелярия переехала в Петербург, в Петропавловскую крепость.

В 1732 году она была размещена в помещении бывшей Главной аптеки, в 1738-м переехала в деревянный дом на северном берегу крепостного канала неподалёку от собора, а в 1748-м — в специально для неё выстроенное вблизи Меншикова бастиона каменное здание; ей же принадлежали Смирительный и «комисский» («комиссии проекта нового уложения») дома, места расположения которых не установлены^{238}. При Анне Иоанновне для прикрытия куртины между западными бастионами Зотова и Трубецкого был построен Алексеевский рavelин — треугольное фортификационное сооружение, названное в честь деда императрицы, царя Алексея Михайловича. Отделённое от основной части крепости ровом с

водой (засыпанным в конце XIX века), оно на долгие годы стало скрытой от глаз посетителей тюремной частью крепости.

Вершители судеб были люди богобоязненные: хозяев и «гостей» встречала в сенях икона святого Василия Великого; в «секретарской» висел «образ распятия Господня», в «подъяческой светлице» — икона Пресвятой Богородицы. На стене «судейской светлицы» в три окна рядом с ликом Богоматери висело зеркало; из предметов обстановки в документах называются большая «ценинная» (изразцовая) печь и столы «дубовый» и «каменный». В других помещениях располагались «конторки», «чюлан» и тёплый «нужник»^{239}.

В этой обстановке трудился немногочисленный штат Тайной канцелярии. Как и прежде, она подчинялась непосредственно императрице. Ни с каким другим учреждением (кроме, пожалуй, Кабинета министров) у Анны не было таких тесных отношений. Ушаков имел право личного доклада императрице о делах канцелярии; кроме того, он являлся генералом по штатам Военной коллегии и сенатором, и в докладах Сената императрице его подпись стояла первой.

Несмотря на обилие дел, Андрей Иванович до самого конца аннинского царствования находил время вести допросы, присутствовать при «пристрастии» и пытках в застенке, выносить приговоры и постановления по делам канцелярии. Он без потерь пережил пресловутую бироновщину (едва ли он её заметил — в его ведомстве работа была всегда) и принял участие во всех громких следственных делах и судебных процессах — фельдмаршала В.В. Долгорукова, бывшего лидера «верховников» князя Д.М. Голицына, князей Долгоруковых и Артемия Волынского. После смерти Анны Иоанновны новая правительница Анна Леопольдовна сделала Ушакова кавалером ордена Святого Андрея Первозванного. Через несколько дней после её свержения Преображенскими солдатами, в прямом смысле слова принёсшими во дворец на царство Елизавету Петровну, Ушаков получил бриллиантовую цепь к Андреевскому ордену; новая императрица повелела ему состоять при ней «безотлучно» и назначила «следовать» преступления арестованных бывших министров — Миниха и Остермана. Все эти политические катаклизмы не отразились на ведомстве Андрея Ивановича — всё так же «следовались» и карались «непристойные слова» и помышления против каждой на данный момент правящей персоны и её окружения.

Однако тайная полиция Анны Иоанновны мало походила на аппарат современных спецслужб с разветвлённой структурой, штатными сотрудниками и нештатными осведомителями. В этом смысле она заметно уступала и современным ей органам за границей. Так, в ведении лейтенанта полиции Парижа находились не только штат центрального офиса, но и 22 инспектора с помощниками, каждый из которых имел свою сферу деятельности: уголовные преступления, проституция, надзор за иностранцами и т. д. Чины полиции были в курсе всех событий дневной и ночной жизни французской столицы — у них на службе состояли 500 информаторов из всех слоев общества: благородные шевалье, слуги и служанки аристократических фамилий, рыночные торговцы, адвокаты, литераторы, мелкие жулики и содержательницы публичных домов^{240}. Специальные сыщики наблюдали за деятельностью дипломатов и подозрительных иностранцев. Отдельно существовал «чёрный кабинет» для перлюстрации писем. Обходилась такая организация недёшево (100 тысяч ливров в год), зато король уже наутро знал о том, что вчера сказал такой-то вельможа в таком-то салоне; сколько стоят бриллианты, подаренные загулявшим русским «бояром» любовнице-актрисе, и с какой барышней провёл ночь нунций его святейшества папы римского.

Тайной канцелярии было далеко до подобного размаха — она оставалась скромной конторой с небольшим «трудовым коллективом» и бюджетом в три с небольшим тысячи рублей. В 1737 году в петербургской канцелярии состояли, помимо самого Ушакова, секретарь Николай Хрущов, два канцеляриста, пять подканцеляристов и шесть копиистов — всего 14 человек. Кроме них, в штате числился палач Фёдор Пушников — он был вытребован из Москвы в 1734 году после того, как «штатный» палач Максим Окунев сломал ногу, когда боролся с профосом Санкт-Петербургского гарнизонного полка Наумом Лепестовым (можно представить, каким захватывающим было состязание двух атлетов-кнутобойцев). Имелся и лекарь — эту обязанность исполнял в 1734 году Мартин Линдвурм, а после — Прокофий Серебряков до своей смерти в 1747 году. В московской конторе под «дирекцией» главнокомандующего и генерал-адъютанта графа С.А. Салтыкова работали ещё 14 чиновников, три сторожа и «запечный мастер». Других филиалов, как и сети платных «шпионов», не было.

Во времена Анны Иоанновны каждый зачисленный в Тайную канцелярию давал подписку о неразглашении государственной тайны: «Под страхом смертной казни, что он, будучи в Тайной канцелярии у дел, содержал себя во всякой твёрдости и порядке и о имеющихся в Тайной канцелярии делах, а имянно, в какой они материи состоят, и ни о чём к тому приличном не токмо с кем разговоры имел, но и ни под каким бы видом никогда о том не упоминал и содержал бы то всё в вышшем секрете», — и обещание служить бескорыстно: «Ни х каким бы взяткам отнюдь ни под каким видом он не касался»^{241}. Её сотрудники, за редким исключением, не только не стремились сменить место работы, несмотря на тяжесть их «тайной» службы, но и приводили себе на смену детей и младших родственников. Остаётся предположить, что в данном случае решающую роль играли не столько деньги (не очень большие), сколько престиж и статус охранителей государевой жизни и чести.

Доставленные в Петербург подследственные и их охрана размещались в «казаматах» и «казармах» Петропавловской крепости. Число невольных «гостей» сысского ведомства по годам разнилось незначительно, а среднегодовые показатели за девять лет (с 1732 года по 1740-й включительно) составили 349 человек. Книга «колодников» свидетельствует, что в 1732 году сюда поступили 277 человек («колодники» московской конторы Тайной канцелярии учитывались отдельно). Пик активности пришёлся на 1737 год — тогда в Тайную канцелярию попали 580 человек^{242}.

Согласно «Книге о поступивших колодниках» 1732 года, среди подследственных и свидетелей большую часть составляли военные — в основном унтер-офицеры и солдаты (71 человек — 25,6 процента). Затем следуют мелкие чиновники — канцеляристы, копиисты, подьячие, писари, стряпчие (43 человека — 15,5 процента); духовенство — преимущественно низшее: священники, дьяконы и монахи (28 человек — 10,1 процента); крестьян же всего 12 человек (4,3 процента) — даже меньше, чем дворян (16 человек — 5,7 процента)^{243}. Среди прочей публики преобладали горожане — «купецкие и торговые люди», «служители», приказчики, мастеровые (каменщики, плотники, столяры, портные, повара), ямщики и лица без определённых профессий и сословных рамок.

По подсчётам за девять лет царствования (1732-1740), солдаты составили в среднем 26 процентов арестантов в год;

если же учесть, что из 10,5 процента подследственных-дворян (в иные годы их количество доходило до 15 процентов) многие были офицерами, то военные составляли около трети всех «клиентов» Тайной канцелярии. Вряд ли служивые были больше других российских подданных склонны к политическому протесту — просто в казарменно-походных условиях было труднее скрыть «непристойные» толки и поступки, да и начальство в полку стояло куда ближе к «народу», чем в провинциальной глуши.

Крестьяне (более 90 процентов населения страны) среди «колодников» составляли всего 13,1 процента — немногим больше, чем чиновники (9,9 процента) и работные (6,9 процента). Ведь мужики попадали под следствие большей частью вследствие доноса тех соседей, кто имел возможность (и желание) доехать до провинциального воеводы. Заводские люди, живя скученно в городах или фабричных посёлках, становились более склонными к всевозможным «продерзостям», особенно после посещения кабака. А «крапивного семени» — подьячих — во всей аннинской России едва ли набиралось больше шести-семи тысяч человек, но они, как и армейцы, были на виду и под контролем, а потому и сами доносили, и служили объектом чужих доносов.

Довольно большое количество — 6,1 процента клиентов тайного сыска — составляли «колодники», пытавшиеся путём объявления «слова и дела» достучаться до властей, добиться истины, смягчить своё наказание или отомстить недоброжелателям. Все остальные слои населения давали гораздо меньше подследственных: купцы (2,8 процента), посадские (4,5 процента), духовенство (2,4 процента), что примерно соответствует удельному весу этих групп в структуре российского общества того времени. Остальные дела касались неустановленных «прочих», большую часть которых составляли люди без роду-племени, городские «жёнки», бродяги, нищие, отставные солдаты, беглые рекруты, скитавшиеся «меж двор» и кормившиеся «чёрной работой»^{244}.

Поначалу заключённые Тайной канцелярии содержались за свой счёт — деньги на питание, одежду и другие нужды им передавали родственники, а в случае их отсутствия столичных колодников под караулом выводили скованными в город просить подаяния. При Анне Иоанновне режим содержания в Петропавловской крепости стал несколько мягче — по крайней

мере с голоду не умирали. Среди охранников попадались люди добрые, исполнявшие — правда, не всегда бескорыстно — просьбы заключённых. Священники Петропавловского собора исповедовали и причащали узников, а при необходимости приглашались попы из других городских церквей. Больных осматривал немец-лекарь и прописывал лекарства, вроде «теплова лехкова пива с деревянным маслом». Заключённым разрешалось держать при себе ножи и вилки; им могли даже «бритца позволить» самостоятельно^{245}.

Малочисленный штат Тайной канцелярии был занят преимущественно бумажной работой — составлением и перепиской протоколов допросов и докладов. Доставку подозреваемых осуществляли местные военные и гражданские власти. Но и они выявлением преступников не занимались. Настоящей основой кажущегося всемогущества Тайной канцелярии являлось освященное царским именем доноительство. На заре создания современных европейских государств донос был призван выполнять важную социальную роль — разрушать средневековые корпоративные связи и замкнутость сословных групп, над которыми возвышалась власть.

Была у доноса и другая, не менее важная функция: сочетая в себе заботу об общественном благе и личную корысть, он открывал для любого, даже самого «подлого» (с точки зрения социального положения, а не нравственности) подданного возможность сотрудничать с государством. Для власти же донос становился средством получения информации о реальном положении вещей в центральных учреждениях или провинции, а для подданных — часто единственным доступным способом восстановить справедливость, свести счёты со знатным и влиятельным обидчиком. Можно представить, с каким чувством «глубокого удовлетворения» безвестный подьячий, солдат или посадский сочинял бумагу (или по неграмотности устно объявлял в «присутствии» «слово и дело»), в результате чего грозный воевода или штаб-офицер мог угодить под следствие.

«По самой своей чистой совести, и по присяжной должности, и по всеусердной душевной жалости... дабы впредь то Россия знала и неутешные слёзы изливала» — так в 1734 году был воодушевлён своей патриотической миссией бывший подьячий Монастырского приказа Павел Окуньков, донося на соседа-дьякона, который «живёт неистово» и «служить ленитца»^{246}. В поисках правды таким «ходакам» приходилось нелегко. В 1740

году дьячок из села Орехов Погост Владимирского уезда Алексей Афанасьев безуспешно пытался жаловаться в местное духовное правление на попов, ради хорошей отчётности преувеличивавших число ходивших к исповеди прихожан, — там его слушать не хотели. Он отправился в Синод, где для солидности объявил, что на доношение его подвигло видение «Пресвятой Богородицы, святителя Николая и преподобного отца Сергия», известивших, что страну ждут «глад и мор велик». Члены Синода не поверили, но дьячок пригрозил: «Я де пойду и к самой её императорскому величеству», — и в итоге попал-таки в Тайную канцелярию. Там Афанасьев обличил своего попана-начальника: «...сидит корчемное вино» в ближнем лесу. Следствие не обнаружило искомый самогонный аппарат, но доноситель стоял на своём, вытерпел полагавшиеся пытки и был сослан в Сибирь^{247}.

В неграмотной стране письменные доносы в основном подавали мелкие чиновники и горожане. По части живописности подобных обращений редко кто мог соперничать с представителями духовного сословия — видимо, замкнутое пространство церковного или монастырского обихода способствовало экспрессивности выражений и яркости проявления не самых лучших чувств. Не случайно в 1733 году правительство обратило внимание: представители духовенства, вместо того чтобы «упражняться в благочинии», безмерно упиваются, «чинят ссоры и драки» и часто объявляют друг на друга «слово и дело»^{248}.

Доносы солдат на офицеров можно объяснить протестом против муштры и дисциплины, но служивые столь же исправно доносили и на своего брата рядового. Можно полагать, что это было вызвано не только верностью присяге и знанием законов, но и честолюбием — ведь именно в армии или гвардии вчерашний мужик мог реально стать если не обер-офицером, то хотя бы «господином подпрапорщиком». Донос подрывал полковое братство, но давал возможность командирам знать настроения в полку и не позволять существовать круговой поруке нижних чинов роты или батальона.

Отличиться в государственном рдении спешили и молодые, и старые. Почтенный коллежский асессор Коммерц-коллегии Игнатий Рудаковский не поленился обвинить в оскорблении величества простого адмиралтейского столяра, заявившего, что будет жаловаться на обиды самой «Анне Ивановне», не указав

надлежащего титула. Тринадцатилетний ученик Академии наук Савка Никитин донёс на караульного солдата, укравшего стаканы из адмиралтейского «гофшпиталя», — какое-никакое, а всё же государственное имущество^{249}.

Порой жажда мести или славы заставляла доносчиков идти на поступки, в буквальном смысле дурно пахнущие. Октябрьским утром 1732 года на дворе Максаковского Преображенского монастыря объявился иеродьякон Самуил Ломиковский. «Вышед из нужника», учёный монах держал в руках две «картой, помаранные гноем человеческим, на которых написано было рукою его, Ломиковского, сугубая эктения, по которой де воспоминается титул её императорского величества и её величества фамилии, а признавает он, Ломиковский, что теми картками в нужнике подтирался помянутой иеромонах Лаврентий». Можно себе представить, каких усилий стоило узреть злополучные «картки» в выгребной яме и вытащить их оттуда. После проделанной операции торжествующий иеродьякон продемонстрировал инокам пахучие доказательства преступления.

Иеродьякон решил сжить врага любой ценой. «Я де знаю, как донесу; то де мне кнут, а тебе голова долой!» — кричал он. Но угрозы не сбылись — Петров наглухо «заперся», а доказать его вину в осквернении выисканных в сортире «карток» Ломиковский не смог, ибо его оппонент не был уличён непосредственно в процессе их преступного употребления. Для доносчика вендетта закончилась лишением сана, поркой кнутом и ссылкой «в Сибирь на серебряные заводы в работу вечно». От непримиримой вражды осталось только дело «о подтирке зада указом с титулом её императорского величества» с пресловутыми вещественными доказательствами^{250}.

А подьяческой жене, «чухонке» из Петербурга Дарье Михайловой настолько запал в душу образ великого дяди государыни, что она рассказывала квартирным постояльцам: «Такой видела я сон... кабы де я с первым императором гребусь». Бабёнка не скрывала незабываемых ощущений от виртуального контакта — скорее наоборот; но от серьёзного наказания её спасла беременность — явно не от императора, поскольку дело «следовалось» в 1733 году. Ушаков принял гуманное решение: дабы «не учинилось имеющемуся во утробе её младенцу повреждения», наказать впечатлительную даму плетью позже; с её мужа была взята расписка с обязательством «представить»

супругу для порки в Тайную канцелярию после рождения ребёнка^{251}.

Перечислять подобные смешные и горькие казусы можно до бесконечности; в документах Тайной канцелярии их было так много, что чиновники стали отдельно группировать дела «о лицах, суждённых за бранные выражения против титула», за оскорбления указов, учреждений, монет — вплоть до обвинений в «непитии здоровья» императрицы. Состоят эти дела из типовых ситуаций, когда у кого-то в раздражении — а бывало, и с радости — в неподходящий момент с уст срывалось неприличное слово, соседствуя с упоминанием царствующей особы. Но иногда для появления повода для доноса даже ругани не требовалось. В 1737 году петербургский воевода Федосей Мануков, не приняв очередное сутяжное челобитье отставного поручика Николая Дябринского, имел неосторожность бросить бумагу на пол — и тут же был обвинён просителем в неуважении к «высокому её императорского величества титулу». Воеводе пришлось доказывать, что злополучную бумагу он всего лишь «тихо подвинул», а она возьми и упади^{252}.

Порой и явное «умопомешательство» носило политический характер. Майор Сергей Владыкин в 1733 году написал Анне Иоанновне послание, в котором называл её «тёткой», а себя — «Божией милостью Петром Третьим»; просил определить его в гвардию и дать «полную мочь кому голову отсечь». Честолюбивый магазейн-вахтер Адмиралтейства князь Дмитрий Мещерский поведал, что офицеры подговаривали его поближе познакомиться с принцессой Елизаветой: «Она таких хватов любит — так будешь Гришка Рострига». Отставной профос Дмитрий Попрыгаев в 1736 году отправил письмо бывшему лидеру Верховного тайного совета князю Д.М. Голицыну с обещанием: «Великим монархом будеши!»^{253}.

Суровое правление Анны Иоанновны пресекло попытки изменения политической системы, но репрессии против одних представителей знати и перетряска кадров порождали неуверенность в завтрашнем дне. Да и «женское правление» «снижало» в массовом сознании подданных сложившийся в прошлые века образ «великого государя царя». В не слишком изысканном обществе «земной бог» порой — особенно с досады — представал в обыденном варианте бабы, которая, как и все, «серет» и «мочитца».

Народным откликом на большую политику стало дело посадского человека московской Басманной слободы Ивана Маслова. В 1732 году, за какую-то провинность сидя под следствием в Камер-коллегии, он вдруг заявил, что в конце прошлого года другой «колодник», «артиллерской столяр» Герасим Фёдоров, рассуждал о придворных событиях: «А государыня императрица соизволила наследником быть графу Левольде (очевидно, имелся в виду один из братьев Левенвольде — обер-шталмейстер Карл или обер-гофмаршал Рейнгольд. — *И.К.*), да она же де, государыня, и на сносах, и ныне де междоусобной брани быть». На следствии Фёдоров показал, что такой анализ внутривластной ситуации стал ему известен со слов Никиты Артемьева — дворового человека капитана Алексея Воейкова. Артемьев объяснил ему, что фельдмаршала Долгорукова отправили в ссылку «за то, что государыня брюхата, а прижила де с иноземцем з графом Леволдою, и что де Леволда и наследником учинила, и князь Долгорукой в том ей, государыне императрице, оспорил»^{254}. После такого признания за Фёдорова взялись всерьёз. Он сначала заявил, что оклеветал Артемьева «с пьянства», потом вернулся к прежним показаниям — и поменял их ещё раз. Следствие затянулось; по крайней мере в 1738 году все фигуранты ещё сидели «под караулом».

Беспечный матрос Парфён Фролов на исповеди у попа «морского полкового двора» Ивана Иванова покался в неприличном «греховном помысле» о самой императрице Анне Иоанновне, а батюшка донёс куда следует. Другой матрос, Семён Котельников, увидя в трактире пьющих за здоровье императрицы гвардейцев, неодобрительно брякнул: «Зачем ты бабу поздравляешь?» Преображенцы не обиделись (за что были прогнаны «спицрутен» и переведены в армию), но разъяснили, что государыня их уважает и допускает «к ручке», что и подавно возмутило грубого матроса: «Приходя к бабе, ручку целуете!» Возжелавший государыню Фролов получил плетей и три года каторги за то, что «мыслил непристойно», а неполиткорректный Котельников — кнут, вырезание ноздрей и ссылку «в Оренбурх в шахты вечно»^{255}.

Канцелярист Андрей Лякин в 1736 году ляпнул во время застолья прямо на рабочем месте в «палате» Коммерц-коллегии, что государыня «на престоле серет». Собутельники-копиисты заложили сослуживца, тот сразу признался, а потому отделался всего лишь батогами — по современным меркам, строгим

выговором.^{256} Порка оказала на него благотворное действие в смысле воздержания от хмельного и даже подвигла к государственному мышлению. Через 15 лет Лякин осмелился подать в Тайную канцелярию проект «О избавлении российского народа от мучения и разорения в питейном сборе», где сожалел, что нельзя «вовсе пьянственное питье яко государственной вред искоренить», так как народ к нему «по воздуху природный и склонный», однако полагал, что злоупотребления откупщиков можно пресечь переходом к свободе винокурения с уплатой в казну налога, ибо «где запрещение — там больше преступления».

На следствии по делу секунд-майора Афанасия Протасьева, бывшего молодую жену за измену и хранение приворотного зелья, открылись его резкие слова в адрес царственной особы («государство у нас безглавое», «её ли дело войну начинать»), за что в 1737 году офицер поплатился головой.^{257}

В следственных делах того времени порой всплывают неожиданные подробности частной жизни Анны Иоанновны. Так, летним вечером 1732 года один из служивых Новгородского полка в казарме пересказал историю, услышанную от солдат соседнего Ладожского полка: находясь на работах в Петергофе, они и стали свидетелями того, как сама императрица, стоя у раскрытого окна, подозвала проходившего мимо мужика: «Чего де для у тебя шляпа худа, а кафтан хорошей?» — после чего «её императорское величество пожаловала тому мужику на шляпу денег два рубли». Рассказчик умилялся, до чего государыня «до народу всякого звания милостива», но не все слушатели с ним согласились — солдат Иван Седов в сердцах брякнул: «Кирпичом бы её сверху ушиб, лутче де те денги салдатом пожаловала!»^{258} Едва ли однополчане Седова считали, что жаловать надо не находившихся на тяжёлых работах солдат, а шлявшихся без дела «штатских» мужиков, но всё же донесли. Седов не стал «запираться» — только утверждал, что говорил «простою» и в обиде: «Изволит её величество, кроме салдат, жаловать денгами мужиков». Бедняга был приговорён к казни, заменённой вечной ссылкой в Охотск, а доносителям вышла награда: трое солдат получили по пять рублей, а капрал Пасынков — целых десять.^{259}

Солдат Кексгольмского полка Прохор Якунин в 1734 году объявил «слово и дело» на собрата-рядового Ивана Лощило — тот, пока доносчик молился «о здравии её императорского

величества», «по-соромски» указал: «Она де гребетца (у нас этот термин обычно используют без первых двух букв. — *И.К.*) ...и водитца з боярами за руки». Лощило вначале отпирался, но после трёх подъёмов на дыбе сознался, что источником информации являлся дворовый человек майора Егора Милюкова, который к тому же говорил, что его хозяин терпел нападения «генерала Бирона» — брата императрицына фаворита. Слуга Фёдор Фокин сослался на других «людей», а те выдали хозяина-майора — неудачливого искателя милости императрицы: «Вечор я был пьян и вошёл было я к государыне в спальню, и государыня была тогда раздевшись в одной сорочке, и увидя де государыня сожелела ево, что он пьян, и приказала ево из спальни вывести». Похоже, надежды майора были не совсем безосновательны — в 1732 году ему, тогда гвардии капитану, за неизвестные заслуги Анна пожаловала имение с 422 душами^{260}. И горевал, кажется, только о том, что сильно перебрал, прежде чем ввалился в царскую спальню, — а то бы, глядишь, государыня вывести и не приказала...

«Я бы розст[р]елял государыню императрицу, что де бояр жалует из мазоров в капитаны», — публично переживал юный «камардин» капитана Михаила Чебышева. Его хозяин в конце 1729 года сумел подступиться к фавориту Петра II Ивану Долгорукову и выпросить у него назначение плац-майором в Ригу. Но после смерти императора и опалы Долгоруковых новоиспеченного майора вместо весёлой жизни в Риге ждала отправка в полк. Отказавшись от назначения, он был разжалован обратно в капитаны и отправлен под конвоем на Украину в полевую армию^{261}.

В 1735 году сын лифляндского мужика и племянник императрицы Екатерины I, обласканный судьбой кадет Мартин Скавронский размечтался: «Нынешней де государыне, надеюсь, не долго жить, а после де её как буду я императором, то де разошлю тогда по всем городам указы, чтоб всякого чина у людей освидетельствовать и переписать, сколько у кого денег». Царствовать с отъёмом денег у населения беспутному кадету не пришлось, но он был везунчиком — после порки плетью и отсидки в тюрьме Тайной канцелярии вышел на свободу, а впоследствии дослужился до действительного тайного советника I класса и обер-гофмейстера двора Елизаветы Петровны^{262}.

Для менее удачливых цена «непристойных слов» могла быть непомерно высока. В ноябре 1732 года солдат Владимирского полка Макар Погуляев поделился с приятелем Василием Воронковым соображением, что императрица Анна «живёт з генералом фелтмаршалом графом фон Минихиным» и оттого «оной фон Миних во всём волю взял», заставляет солдат работать на строительстве Петергофа. Пьяненький Воронков где-то эти слова повторил, за что и был взят под стражу. На следствии Погуляев признал, что произносил неприличные «слова», но перевёл стрелки на другого солдата, Илью Вершинина, а тот всё отрицал. Дело дошло до «розыска» — и под пыткой Погуляев сознался в оговоре. Поскольку солдат ранее уже уличался в краже, 13 февраля 1733 года он сложил голову на плахе^{263}.

Наряду с искателями шальной удачи при дворе в застенки попадали люди с более твёрдыми убеждениями: осенью 1734 году был казнён бывший капитан гвардии, полковник Ульян Шишкин. Угодил он под следствие по вполне уголовному делу об убийстве соседа, солдата Семёновского полка Максима Баженова и захвате его мельницы, но на допросах сначала обвинил в преступлениях судью Сыского приказа А.К. Зыбина, затем стал хулить отечественные порядки («ни в варварех такова беззакония не творят, как в России»), а под конец объявил «по совести своей», что «ныне императором Елисавет», а Анну Иоанновну «изобрали погреша в сём пред Богом». От своих слов бывший гвардеец не отказался, за что лишился головы^{264}.

Дела канцелярии примерно раз в неделю представлялись Ушаковым на высочайшее рассмотрение вместе с «определениями» или «мнениями» канцелярии: «...по оной выписке докладывал он... её императорскому величеству, и её императорское величество соизволила оную выписку слушать». Замечания государыни и её резолюции Ушаков записывал в особые книги именных указов. Изредка — при расследовании наиболее важных дел или решении принципиальных для канцелярии вопросов — императрице подавались письменные доклады в виде изложения вопроса или краткого «экстракта» дела; Анна в таких случаях обычно ставила своеручную резолюцию: «апробуэтца», «быть по сему докладу» или «учинить по сему». Как правило, она утверждала определения Тайной канцелярии. Но были случаи — к примеру, дело по обвинению

солдата Седова, — когда государыня изменяла приговор: «Её императорское величество соизволила оную выписку слушать, и по слушании соизволила указать оного Седова вместо смерти послать в Охоцк».

После того как в 1735 году кабинет-министры получили право издавать указы, приравненные к царским, многие дела Тайной канцелярии докладывались не императрице, а Кабинету, из которого уже шла докладная записка государыне; по некоторым не очень важным делам (например, о не присягнувших Анне в 1731 году людях) министры принимали решения. Но почти всегда в таких случаях вызывался Ушаков, вместе и наравне с министрами он подписывал доклады (особенно большое количество таких совместных докладов было составлено в 1738 году), которые после этого обычно утверждались собственноручной резолюцией Анны.

Однако государыня могла сама давать Ушакову поручения — например расследовать хищения во дворце («о дачах дворцовых наших съестных припасов в партикулярные дома») чиновником Придворной конторы Михаилом Бохиным. У Андрея Ивановича сохранялось право личного доклада Анне, а следовательно, и возможность спорить с министерскими решениями; и он ею иногда пользовался — например, в 1736 году добился увеличения штата своего ведомства на шесть канцеляристов (министры согласились лишь на троих).

Канцелярия тайных розыскных дел иногда исполняла роль доверенного исполнительного органа при императрице. 7 августа 1736 года Анна из Петергофа прислала Ушакову с ездowym сержантом мундшенка Алексея Самсонова с распоряжением: «...для его непотребных и невоздержанных поступок прикажите высечь батожем безщадно и потом представить нашему кабинету, чтоб сослать ево в Азов в тамошней гарнизон прапорщиком». Канцелярии ничего не было известно о преступлении придворного служителя, но определённое самой Анной «батожье» было употреблено немедленно «в присутствии его превосходительства Андрея Ивановича Ушакова»^{265}.

Исполнительному «генералу и кавалеру» приходилось выполнять и другие поручения, не имевшие прямого отношения к сыску. Однажды летом 1735 года Анна потребовала узнать, «где и отчего идёт дым», замеченный ею из окна дворца. Ушакову пришлось выяснять, что на Выборгской стороне в 12

верстах от столицы «горят мхи», поскольку несознательные грибники «раскладывают для варения оных грибов в ночь огни», и посылать туда солдат для тушения пожара. Затем императрица приказала доставить ей ведомость о количестве судов, прошедших Ладожским каналом с начала навигации, и срочно отправить на военную службу отпущенных было в отставку с «абшидами» дворцовых служителей — лакеев, мундшенков, гайдуков. Андрей Иванович по указанию Анны распорядился о починке обветшавшей псковской Покровской церкви «у пролому», в которую делала вклады её мать, царица Прасковья^{266}.

Анна поручала Ушакову расследование не только политических, но и уголовных дел, имевших, как теперь принято говорить, общественный резонанс в среде придворной знати. Так, в марте 1732 года у князя Никиты Юрьевича Трубецкого, только что назначенного майором Преображенского полка, пропали «алмазные вещи» (запонка, кольцо и отдельные неоправленные «камни»). Императрица приняла эту историю близко к сердцу и повелела Андрею Ивановичу разыскать пропажу. Он быстро установил, что поручик Бутырского полка Карташов проиграл в карты какие-то драгоценности лекарю цесаревны Елизаветы Арману Лестоку. Арестованный поручик сразу же сознался в краже, после чего Ушаков лично отправился к Лестоку и изъял у него четыре «камня» и «перстень золотой с бриллиантом». На раскрытие преступления ему понадобилось две недели^{267}.

Ушаков, докладывавший императрице о ходе следствия и фиксировавший её указания, иногда записывал разговоры, которые вела с ним государыня. Одна из таких записей зафиксировала, что Анна приказала для производства обыска у неких колодников послать в Кириллов и Иверский монастыри офицера с солдатами, а по их возвращении доложить ей о результатах. Дело о непристойных высказываниях псковского воеводы Плещеева государыня распорядилась не расследовать — «токмо соизволила её величество указать онного Плещеева из Пскова с воеводства переменить и о перемене его сообщить в Сенат». Если Анна проявляла к делу интерес, она могла после заслушивания экстракта повелеть, чтобы обвиняемый своеручно записал показания и они были ей представлены в подлиннике^{268}.

В особо важных случаях императрица сама участвовала в процессе. В 1730 году Анна лично допрашивала в Измайловском саду строптивую княжну Прасковью Юсупову, а в сентябре 1732-го читала дело «ростриги Осипа»; она поручила Ушакову выяснить, в каких именно «роскошах» обреталась в нижегородском монастыре княжна Александра Долгорукова и кто навещал её в ссылке^{269}. 14 марта того же года государыня «пред собой» допрашивала Афанасия Татищева — свидетеля по делу приказчика Ивана Суханова, обвинявшего «в важном деле» генерал-прокурора Ягужинского^{270}. Иногда она самостоятельно решала вопрос о наказании — кого отправить в Охотск или «на галеры».

Начало правления Анны Иоанновны сопровождалось созданием не только «вверху», но и «внизу» политических проектов, дошедших до нас в делах Тайной канцелярии. 18 июля 1733 года явившийся в «летний дом» государыни в Петергофе сенатский секретарь Григорий Баскаков потребовал вручить императрице его сочинение, где автор сокрушался об «умножении различных противных Богу вер» и для их искоренения призывал «идти с войною в Царьград». Но далее речь шла уже о конкретных непорядках: «несходстве» финансовых документов, «неправом вершении дел» и «страждущей юстиции». Секретарь предлагал приучать молодых дворян к «доброму подьяческому труду», для чего следовало завести при коллегиях 60 «юнкоров» под началом опытного приказного, который учил бы шляхтичей на примере конкретных дел^{271}. После рассмотрения дела в Кабинете министров секретарь был освобождён без наказания.

Иная судьба ожидала вызвавшего интерес императрицы бывшего священника из породы вечных правдолюбцев Саввы Дугина. Угодив на каторгу за разоблачение управляющего Липецким заводом, «распопа» не успокоился. Отважный прожектёр «дерзнул донести, в какой бедности, гонении, и непостоянстве, и во гресех, и в небрежении указов и повелений находитца Россия» от лихоимства больших и малых властей, неблагочестия, воровства и чрезмерно тяжёлых наказаний за «малые вины». Для борьбы с этим злом он считал необходимым, чтобы «едва бы не во всяком граде был свой епископ» для просвещения как духовенства, так и паствы. Прокуроров следовало, по его мнению, «отставить» по причине их бесполезности; воевод же не надлежало оставлять в должности

более двух-трёх лет, а администрация при них должна быть выборная: «по 10 человек для розсылок и наряду по неделе по очереди». Дугин требовал введения принципа неприкосновенности личности («без вины под караул не брать»); наблюдать за охраной прав граждан должен был местный протопоп. «Распопа» предлагал вообще отменить телесные наказания — «батожьём бить отнюдь воспретить во всей империи»; сократить подушную подать до 50 копеек с души, а с безземельных дворовых, стариков после шестидесяти лет и детей до семи лет её не брать вовсе, как и с умерших. Однако выступавший за личную неприкосновенность и другие права человека расстриженный и сечёный каторжник считал крепостное право вполне естественным явлением и даже предлагал за выдачу и привод беглых учредить пятирублёвую премию, а им самим в качестве наказания отсекал большой палец на ноге и «провертеть» ухо; пойманным же во второй раз рубить ноги, «а руками будет на помещика работать свободно».

В застенке Дугин ни в чём не винулся — напротив, собирался продолжить работу над трактатом: объяснить императрице, «каким образом в рекруты брать и как в чины жаловать, и каких лет в службе быть», но не успел — 4 апреля 1732 года был казнён на петербургском Сытном рынке^{272}. Изложенные в его проекте идеи касались проблем, которые волновали шляхетское общество в 1730 году. Но новая власть не была намерена поощрять подобную инициативу ни «сверху», ни «снизу».

Неменьшее беспокойство доставляли самозванцы. Манифест 1731 года требовал присягать неизвестному «наследнику», что вызывало в народе множество слухов и толкований. В 1732 году восемнадцатилетний «гулящий человек» из-под Арзамаса Андрей Холщевников назвал себя царевичем Алексеем Петровичем. Будучи арестован, он своё царское достоинство не отстаивал, признавшись, что не раз слышал, будто «лицом похож» на покойного сына Петра I, а взять его имя уговаривали местные крестьяне и «раскольница» Марья. Кажется, это и вправду были юношеская бравада и глупость. Но в Тайной канцелярии такими вещами не шутили — 13 мая 1732 года императорский указ повелел: самозванца «казнить и тело сжечь», а на месте преступления, в Арзамасе, выставить на колу его голову и прибить на столбе «публичной лист» с указанием вины^{273}.

В декабре того же года в Москву был доставлен другой «царевич Алексей Петрович», о ходе следствия над которым Анна Иоанновна требовала регулярно сообщать ей. Самозванцем оказался беглый крестьянин московского Новодевичьего монастыря Тимофей Труженик. Человек экзальтированный, он сначала призывал крестьян идти с ним в мифический «Открывонь-город»; потом объявил, что манифест о присяге издан для него, так как он и есть чудом спасшийся царевич Алексей Петрович. По донским казачьим станицам он рассылал воззвания: «И вы, голытьба, бурлаки, босяки бесприютные, где нашего гласа не слышите, идите до нас денно и ночно!» Должно быть, мужикам интересно было слушать его поэтические обещания уничтожить бедность на земле, одарить их «златом и серебром и золотыми каретами. И хлеба-де столько не будет, сколько золота и серебра», но попытка пламенной риторикой поднять их на выступление не удалась {274}.

На следствии арестант требовал отвезти его во дворец к «сестре» Анне Иоанновне, однако под пытками стал давать показания, назвав восемь человек в Тамбовском уезде, помогавших ему агитировать. От них следователи узнали, что у самозванца был «брат», «царевич Пётр Петрович», который оказался беглым драгуном Ларионом Стародубцевым. Труженик убедил Стародубцева назваться царевичем, а тот сумел собрать в самарских степях несколько десятков бурлаков, беглых крестьян и казаков. От имени Петра Петровича Стародубцев издал свой «манифест»:

«Благословен еси Боже наш! Проявился Пётр Петрович старого царя и не императорский, пошёл свои законы искать отцовские и дедовские, и тако же отцовские и дедовские законы были; при законе их были стрельцы московские и рейторы, и копейщики, и потешные; и были любимые казаки, верные слуги жалованные, и тако же цари государи наши покладались на них, якобы на каменную стену. Тако и мы, Пётр Петрович, покладаемся на казаков, дабы постояли за старую веру и за чернь, ка[к] бывало при отце нашем и при деду нашем. И вы, голетвенные люди, бесприютные бурлаки, где наш глас не слышится, идите со старого закону денно и ночно. Яко я, Пётр Петрович, в новом законе не поступал, от императора в темнице за старую веру сидел два раза и о ево законе не пошёл, понеже он поступал своими законами: много часовни поломал, церкви опоко свешал, каменю веровать пригонял, красу с человека

снимал, волею и неволею по своему закону на колена ставливал и платья обрезывал...»{275}.

«Пётр Петрович» и его друзья пытались выручить арестованного Тимофея, а затем решили готовить поход на Москву, но были схвачены при попытке вербовки «подданных». Следствие тянулось до осени 1733 года. Стародубцеву и Труженику отрубили головы и насадили на железный кол, а тела сожгли, их товарищи также лишились голов, а встречавшиеся с ними крестьяне были биты кнутом и после «урезания» языков сосланы к вечным работам в дальние сибирские города.

Крестьянский сын из-под Воронежа Филипп Дюков однажды «увидел перед собою на полу небольшое сверкание... и потому мыслил, что оное сверкание чинилось для ево. Дюкова, и надеялся простотою своею, что возьметца он в цари в ыное государство». В ожидании блестящего будущего претендент бродяжничал, кормясь милостыней и «портным мастерством», пока в 1734 году не был схвачен за убийство «жонки» и навечно заперт в монастыре. Другому крестьянину, Алексею Костюнину, было видение святых Сергия и Ивана Воина, которые обещали ему: «...будет де тебе государыня Анна Иоанновна обручницею», — с последующим обращением турецкого «салтана» в православие и сбавкой подушной подати. За обещанным Костюнин явился в Петербург, где был взят и как «повреждённый в уме» заточён в Кирилло-Белозерском монастыре{276}.

Послушнику Киево-Печерской лавры шляхетскому сыну Ивану Миницкому якобы явился сам Христос и объявил: «Будешь правителем великороссийским!» Монастырские власти Ивана не выдали и даже не наказали, он же воспринял это как благословение, ушёл из обители, примкнул к «партии» работных людей и в январе 1738 года во дворе казака Петра Малмеги в селе Ярославце Киевского полка объявил себя царевичем Алексеем Петровичем. Самозванец обещал: «Я де вашу нужду знаю. Будет вам вскоре радость — с турком заключу мир вечно, а вас де в мае месяце нынешнего году все полки пошлю и казаков в Польшу и велю всю землю огнём сжечь и мечем рубить». Ему поверили казаки, местный атаман, несколько солдат Новгородского полка и поп Гавриил, который уже возгласил молитву «о благоверном нашем государе царе Алексее Петровиче»; но в этот момент Миницкого схватил сотник с верными казаками. По делу проходили более шести десятков

человек; в сентябре 1738 года Анна утвердила приговор: Миницкого и «роспопу Гаврила посадить живых на колья, солдата Стрелкова и наказного сотника Полозка четвертовать, у Павла Малмеги сперва отсечь ногу, а потом голову; и те головы, руки и ноги взоткнуть на колья, а тела их положить на колёса»^{277}. Похоже, жестокость была вызвана реальными опасениями: на Украине было неспокойно — гетманскую власть только что упразднили, а крестьяне и казаки несли службу и терпели поборы во время тяжёлой войны с Турцией.

Беспокоили государыню и анонимные «подмётные письма». Одно из них, адресованное ей, осуждало практику отдачи на откуп богатым купцам кабацкой торговли и сбора таможенных пошлин и ставило в пример «немецкие земли», где продажа вина находилась не в казённой монополии, а «в вольности». Судя по знакомству с заграничными порядками, автор хорошо знал уловки сборщиков пошлин. В России, по его мнению, произвол откупщиков приводил к «великому разграблению всего народу»: от насаждения кабаков одни от пьянства «умирают безвременно», другие «вступают в блуд, во всякую нечистоту, в тадбы, в убивство, в великие разбои». Кроме того, из-за чрезмерного усердия хозяев питейных заведений их клиенты попадали под «слово и дело»: «Наливают покалы великие и пьют смертно; а других, которые не пьют, тех заставляют силно, и мнози во пьянстве своём проговариваютца, и к тем праздным словам приметываютца приказныя и протчия чины, и оттого становятся великие изъяны»^{278}. Интересно, что сочинивший это послание в эпоху бироновщины автор не видит здесь вины иностранцев — по его мнению, это внутренняя российская проблема.

В мае 1732 года объявилось «подмётное письмо» с обвинениями в адрес архиепископа Феофана Прокоповича и самих венценосных особ: Петру I ставились в укор народные «тягости» и увлечение «немцами», а Анне Иоанновне — продолжение его политики, в том числе разрешение браков православных с иностранцами и возвышение «господ немец», которые «всем государством завладели». Неизвестный автор сожалел: российская церковь утесняется еретиками, отложены посты и введён табак, архиереи в гонении, народ разоряется непосильными сборами; всё это приведёт к тому, что гнев Божий обрушится на государыню, а страну ожидают «глад» и «недород»^{279}. Феофан не поленился исследовать текст

«пасквиля» и заподозрил в авторстве иеромонаха Иосифа Решилова из числа доверенных людей тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского.

Развернулось масштабное следствие, к которому Прокопович привлёк своих давних противников — бывшего архимандрита Маркелла Родышевского и расстриженного иеродьякона Иону («ростригу Осипа»). Первый написал ядовитый памфлет на своего гонителя — «Житие новгородского архиепископа еретика Феофана Прокоповича», а второй занимался его распространением и сам немало добавлял в текст из своих «тетрадей». Новгородский архиерей показал себя мастером политической интриги — доказывал, что его недоброжелатели выступают не против него лично, а против самой Российской империи, действуя заодно с её внешними противниками. Тайная канцелярия не могла не вмешаться в богословскую дискуссию с политическим подтекстом, тем более что к тому времени следователи выяснили, что нищими из московской богадельни были переписаны десятки копий с «тетрадей» Осипа.

По этому делу в застенки попали директор Московской синодальной типографии Алексей Барсов, придворные служители, монахи Троице-Сергиева монастыря. «Рострига Осип», выдав многих читателей своих тетрадей, умер в тюрьме в 1734 году. Множество людей находилось под следствием по делу об этих «подмётных письмах» до самой кончины Феофана Прокоповича 8 сентября 1736 года. Сам учёный архиерей выступал вдохновителем следствия и лично инструктировал чинов Тайной канцелярии: «Всем вопрошающим наблюдать на глаза и на всё лице его: не явится ли на нём какво изменение; и для того поставить его лицом к окошкам. Не допускать говорить ему лишнего и к допросам не надлежащего, но говорил бы то, о чём его спрашивают. Сказать ему, что всё станет говорить “не упомяну”, то сказуемое непамятство причтётся ему в знание. Как измену, на лице его усмотренную, так и все речи его записывать»^{280}.

Среди обвинённых в хранении и распространении пасквиля на Феофана оказался один из лучших художников России Иван Никитин вместе с братьями — живописцем Романом и протопопом Архангельского собора Кремля Родионом. Они не только читали «тетрати» Осипа, но и являлись его двоюродными братьями. Кроме того, обучавшийся в Италии Иван Никитин вполне мог рассматриваться в качестве католического «агента».

Из Москвы братьев отправили в Петербург и поместили в канцелярскую тюрьму в Петропавловской крепости. Следствие длилось более пяти лет (считается, что в это время Иван Никитин написал портрет самого Андрея Ивановича Ушакова, хранящийся ныне в Третьяковской галерее). За неуместное чтение Никитиных приговорили к битью плетьюми и отправке «в Сибирь на житьё вечное за караулом». Тобольская ссылка закончилась только в январе 1742 года, после прихода к власти Елизаветы Петровны; но из Сибири художник так и не вернулся, умерев по дороге.

Куда большую известность получили громкие дела, в результате которых в заключение или на плаху попали представители высшей знати. Выше уже говорилось об опале фельдмаршала В.В. Долгорукова и расправе со смоленским губернатором А.А. Черкасским. За отказ принять хлопотную должность президента Камер-коллегии угодил в опалу и ссылку в мае 1731 года генерал и дипломат А.И. Румянцев. Обвинённый в не слишком значительных по нормам той эпохи служебных злоупотреблениях (покровительство зятю при получении наследства), ненавистный Анне «верховник» князь Дмитрий Михайлович Голицын был навечно заточён в каземате Шлиссельбургской крепости, где и окончил свои дни в 1737 году.

Страшной была смерть бывшего баловня судьбы — фаворита Петра II, обер-камергера и майора гвардии Ивана Долгорукова. Именно он в январе 1730 года подделал подпись на составленном отцом и дядьями подложном завещании государя. С воцарением Анны Иоанновны Иван был сослан в сибирский Берёзов. Тобольский подьячий Осип Тишин донёс (и получил в награду 600 рублей) о «непорядочных» поступках Долгоруковых: несдержанный на язык Иван говорил «важные злодейственные непристойные слова» о Бироне и самой императрице: «Наша фамилия и род наш весь пропал. Всё де это курва, растакая мать, нынешняя ваша императрица разорила, а всё де послушала такой же курвы, ростакрой матери, цесаревны Елизаветки за то, что де я хотел её за непотребство сослат[ь] в монастырь»^{281}. На следствии под пытками Иван поведал и роли своих родственников в составлении поддельного завещания Петра II.

Казнь последовала 8 ноября 1739 года под Новгородом. Процедура колесования предусматривала раздробление костей рук и ног путём переезда тяжёлым колесом или разбивания дубиной, после чего преступнику отрубали голову или

укладывали ещё живого на колесо, которое поднималось на врытый на месте казни столб. Иван, по семейному преданию, на этот раз проявил самообладание и читал молитву, не позволив себе даже крика; хотя, возможно, его поведение приукрасили потомки^{282}. Мучения на колесе истекавших кровью людей иногда растягивались на сутки и дольше, но младший Долгоруков страдал недолго — ему отрубили голову. Следом были обезглавлены его дядья Сергей и Иван Григорьевичи и бывший член Верховного тайного совета Василий Лукич. Несчастную «разрушенную невесту блаженных и вечно достойная памяти императора Петра II девку Катерину» заточили в Томский Рождественский монастырь «под накрепчайшим караулом»^{283}.

Утром 27 июня 1740 года, в годовщину полтавской победы, состоялась казнь обер-егермейстера и кабинет-министра Артемия Волынского. По прочтении высочайшего указа бывшему министру отрубили правую руку и голову, а его товарищам архитектору Петру Еропкину и советнику адмиралтейской конторы Андрею Хрущеву — только головы.

Подобные показательные жестокости составили недобрую славу царствованию Анны Иоанновны, об ужасах которого спустя полвека в просвещённом дворянском обществе ходили легенды. Современник Анны и Бирона Манштейн писал о двадцати тысячах ссыльных; в 1787 году заезжий латиноамериканец, испанский «государственный преступник» Франсиско де Миранда услышал от петербургских знакомых ещё более ужасные цифры: «Ужинали с господином Бецким, и он, помимо прочего, рассказал, что в крепости, находившейся прямо перед нами, во времена императрицы Анны по приказу Бирона казнили более 30 тысяч человек»^{284}.

Но подлинные документы столичной Тайной канцелярии зафиксировали в «имянных списках» с 1732 по 1740 год поступление 3141 человека: в 1732 году в ведомство Ушакова попали 277 подследственных, в 1733-м — 325, в 1734-м — 269, в 1735-м — 343, в 1736-м — 335, в 1737-м — 580, в 1738-м — 361, в 1739-м — 364 и в 1740 году — 287 человек^{285}. Учёт был не очень точным, поэтому данные нужно корректировать с помощью других источников — например комплекса дел «о лицах, суждённых в Тайной канцелярии за ложное оказывание слова и дела». Но в целом число пропущенных «колодников» невелико, хотя записные книги не содержали имён

подследственных, которые не присылались в Тайную канцелярию, а допрашивались на местах^{286}. Всего за царствование Анны Иоанновны к политическим делам оказались прикосновенными (в разном качестве) 10 512 человек, осуждены 4827, а в ссылку отправились 820 преступников^{287}.

Цифры достаточно скромные, особенно по сравнению с карательным размахом более поздних времён. Мрачная социальная репутация правления Анны Иоанновны в немалой степени была вызвана не столько масштабом репрессий, сколько тем, что под них нередко попадали представители благородного сословия, которых прежде всего и подозревали в неблагонадёжности. Не случайно Феофан Прокопович в похвальном слове на годовщину коронации Анны в 1734 году предельно ясно напомнил, как «вострепетали домашние злодеи»; привёл доходчивый пример: когда в Смуту неразумные подданные «понудили» царя Василия Шуйского «несамодержавным быть», в стране начались «разорение» и иностранное вторжение — и тут же помянул «недавние годы, когда неким похотелось правительства Шуйского»^{288}.

Из 128 важнейших судебных процессов царствования Анны 126 были «дворянские», почти треть приговорённых Тайной канцелярией принадлежала к шляхетству, в том числе самому знатному^{289}. Расправа с кланом Долгоруковых и прочие громкие дела показали, что государыня всё помнит и не спускает даже малейших проявлений своеволия.

Но порой Анна умела быть и великодушной. Жена сосланного Петра Бестужева-Рюмина не стеснялась произносить «непристойные слова к чести её императорского величества», о чём донесли её крестьяне. Но государыня вместо расследования повелела отписать мужу виновной, что отправляет жену к нему, «милосердя к ней, Авдотье», чтобы впредь не болтала^{290}. В 1735 году баронесса Степанида Соловьёва лично доложила С.А. Салтыкову, что узнала из письма своей дочери Мавры о крамольных словах её мужа, тайного советника В.В. Степанова: «Обер каморгер с ея императорским величеством любитца». Супруги попали в казематы. Следствие выяснило, что эмансипированная Мавра своим поведением («и день и ночь в гостях») сильно огорчала тайного советника («Никакой её стыд не берёт», — жаловался он теще), но на мужа «не показала», а улика в виде упомянутого письма не отыскалась. Отвечать пришлось доносчице: Анна распорядилась Степановых

освободить, а баронессу выпороть и постричь в сибирском Долматовом Введенском монастыре^{291}.

Доставалось при Анне Иоанновне и представителям рядового шляхетства (они фигурировали в 520 из 646 дел в отношении «благородных») — в основном за «непристойные» бранные слова.

«В 737-м: отставного секунд майора Протасьева жена Анисья Матвеева кнутом, в Сибирь; ссыльной в Сибирь бывшей аудитор Афонасей Кастамаров кнутом с вырезанием ноздрей, в Оренбург; бывшей инзарской воевода Пётр Арбенев плетми, в Оренбург; бывшей советник Тимофей Тарбеев плетми, в Камчатку» — так выглядят списки осуждённых «клиентов» Тайной канцелярии в 1737 году. Другим повезло больше — они отправились в ссылку «без наказания»: «бывшей советник Иван Анненков в Сибирь к делам; ассессор Костянтин Скороходов в Азов к делам же; бывшего советника Тарбеева дети: Пётр в Сибирь в тамошние полки капитаном, Иван в Оренбурх порутчиком». В оренбургские степи, в Сибирь или на Камчатку отправились «пошехонский дворянин» Василий Толоухин, отставные прапорщики Пётр Епифанов и Степан Бочкарёв, «недоросли» Иван Буровцев и Григорий Украинцев, драгун князь Сергей Ухтомский, отставной поручик Ларион Мозолевский, подпоручик Иван Новицкий, капитан Терентий Мазовский, майор Иван Бахметьев и многие другие российские дворяне^{292}.

Некоторых подследственных ожидали жестокие пытки и казнь — к примеру, проворовавшегося иркутского вице-губернатора Алексея Жолобова или Егора Столетова, на свою беду в подробностях рассказывавшего, как сестра царицы Екатерина Иоанновна сожительствовала с его приятелем князем Михаилом Белосельским. Но в целом приговоры Тайной канцелярии особой жестокостью не отличались: в 1732 году были казнены два человека — бывший чудовский архимандрит Евфимий и «каторжной невольник распоп» Савва Дугин.

Однако случались и более «урожайные» времена. Летом 1737 года в Петербурге пожар обратил в пепелище более тысячи домов, погибло несколько сотен человек; позднее в том же году горели дома на Адмиралтейском острове от Невского проспекта до Крюкова канала. На одном чердаке был найден горшок с зажигательной смесью. В результате прочёсывания всего города войсками были задержаны пришлые люди, которые на следствии сознались в поджогах. Последовал указ о «наижесточайшем наказании» виновных: 8 августа крестьянин Владимир

Перфильев был «кажнён смертью, созжён»; солдатская жена Степанида Козмина «кажнена смертью, отсечена голова»; гулящий человек Пётр Петров «кажнён смертью, созжён». Спустя несколько дней «кажнён смертью, повешен за шею» огородник Антип Афонасьев; бурлаки Егор Герасимов, Фёдор Гусев повешены за рёбра; Александр Козмин, колодник Иван Арбацкой колесованы и обезглавлены; Андрей Парыгин «повешен за шею», Карп Наумов колесован и обезглавлен. В ноябре Дмитрий Михайлов и Арина Никитина «кажнены смертью, залиты горла оловом», а Егору Климову отрубили голову.^{293}.

Согласно книге указов Тайной канцелярии, в 1738 году были казнены бывший екатеринбургский протопоп Иван Федосеев (за «непристойные богомерзкие слова»), секретарь Яков Алексеев (ругавший государыню «курвой» и осуждавший Бирона), самозванец Иван Миницкий и шесть его товарищей. В 1739 году сложили головы на плахе четверо князей Долгоруковых и не донёсший. на них майор Семён Петров, помянутый выше клеветник Фёдор Милашевич, посадский Даниил Остафьев и бывший иеромонах Смоленского Авраамиева монастыря Козьма Ярошевич за некие «злые неправедные слова».^{294}.

Всего же от эпохи бироновщины до нас дошло 1450 дел Тайной канцелярии, то есть рассматривалось в среднем 160 дел в год. От времени же «национального» правления «доброй» Елизаветы Петровны сохранилось 6692 дела; следовательно, интенсивность работы карательного ведомства не уменьшилась, а выросла более чем в два раза — в среднем 349 дел в год.^{295}.

Дворяне были недовольны неудачной войной, тяжёлой службой, ответственностью за выплату их крепостными казённых податей. Но эти сугубо российские проблемы появились не при Анне. Нельзя сказать, что все подследственные дворяне или чиновники являлись политическими преступниками или страдальцами за свои убеждения. Протоколы Канцелярии конфискации показывают вполне рутинную деятельность по «штрафованию» нерадивых воевод и чиновников, наложению взысканий на недобросовестных или прогоревших подрядчиков казны, разоблачению «похищений» казённых средств, взиманию недоимок — и не только с бедных крестьян. Дела из описи Канцелярии конфискации за 1740 год озаглавлены: «Об описи имения присутствующих Вотчинной коллегии за неправоe решение по делу комиссарши Бартеневой», «Об описи имения подпорутчика Петра Вердеревского за неплатёж штрафных

денег», «Об описи двора стольника Ивана Сытина за неплатёж штрафных денег», «Об описи дворов лейб-гвардии Московского батальона капитана Рычкова за начёт в бытность его в Семёновском полку у приходу и расходу денежной казны», «Об описи пожитков у присутствующих Юстиц-конторы за неплатёж штрафа», «Об описи двора кадета графа Сергея Шереметева за неплатёж доимки», «Об описи имения у действительного статского советника Вельяминова-Зернова за неплатёж штрафных денег».

Имения и дворы отбирались у таких же купчин, воевод, секретарей, приставленных к казённому добру офицеров и подрядчиков и по тем же причинам, что и ранее, и впоследствии: за невыполнение обязательств по отношению к государству, долги по векселям, «похищение казны». К примеру, майор Фёдор Ляпунов, находясь «у смотрения у адмиралтейских служителей мундира», допустил «начёт» на 1170 рублей 24 копейки; белозерский провинциальный воевода полковник Григорий Фустов отправил в центр «неходячую монету» на 228 рублей, его коллега из Ельца безнадёжно запустил взимание недоимки, а дворянин и ассессор Степан Меженинов в 1739 году угодил под конфискацию за нежелание платить штраф за «учинённое им крестьянину Григорию Бугримову безчестье». Трудно считать жертвами бироновщины и московского канонира Петра Семёнова, продавшего «налево» четыре гарнизонные пушки, или разбойничавшего на муромской дороге помещика Ивана Чиркова.

За грехи приходилось расплачиваться собственными дворами и «деревнями», но впечатляющие размеры конфискаций относятся лишь к немногим государственным преступникам из числа бывших «верховников» и их родственников: Василий Лукич Долгоруков потерял 3848 душ, братья Алексей и Сергей Григорьевичи — соответственно 12 109 и 4544 души, фельдмаршал Василий Владимирович и его брат Михаил Владимирович — 5382 и 4858 душ, Дмитрий Михайлович Голицын с сыном Алексеем — 10 094 души ^[296].

В «эпоху дворцовых переворотов» подспудная, но непрерывная борьба в правящей элите заставляла монарха быть настороже и повсюду видеть попытки покушения на престол со стороны очередной группы недовольных. Другое дело, что реагировать на полупьяные разговоры о «перемене» власти или очередные «непристойные слова» в адрес государыни или её

министров было легче, чем предотвратить очередной переворот...

Царица за работой

Слухи о появлении совета ближайших к императрице лиц, или Кабинета министров, появились уже весной 1730 года; на деле его формирование растянулось на полтора года — пока проходило ограничение состава и влияния Сената. Новый орган должен был взять на себя многие функции бывшего Верховного тайного совета, но при этом не иметь поползновений на замену собой монарха. В 1730–1732 годах депеши иностранных дипломатов полны сообщений о возникновении и распаде различных придворных «партий». «Я прежде сказал, что люди, обретшие влияние и соединённые общими интересами, были граф Бирон, Ягужинский и старший Левенвольд. Теперь это переменялось: Ягужинский, видя, что последний старается руководить его намерениями в свою пользу и управлять всем, отделился от этой партии и составил себе другую, чтобы умерить влияние первой; эта партия — фельдмаршала Долгорукого. Она во многих случаях ограничивает влияние первой и препятствует ей в чём только может. Вследствие такого противодействия Бирон и Левенвольд начинают, по-видимому, избегать их и говорить, что они не в состоянии ничего провести, в особенности что касается до противной партии, хотя они пользуются благосклонностью царицы, но страх заставляет их быть осторожными. Бирон действует робко, советуясь со своим ментором, тем более что он не любим. Вследствие такого антагонизма всё страдает и откладывается в долгий ящик» — такую картину закулисных столкновений при дворе Анны Иоанновны нарисовал в мае 1731 года саксонский посланник Иоганн Лефорт в донесении своему королю^{297}.

Однако едва ли стоит считать итогом этой борьбы победу «немецкой» придворной группировки. «Немцы», прежде всего Бирон и клан Левенвольде, действительно оказывали сильное влияние на Анну, но не стоит преувеличивать их сплочённость. С ними объединялись исконно русские вельможи М.М. Голицын, А.М. Черкасский, П.И. Ягужинский, Н.Ф. Головин, а сами «немцы», борясь за царские милости, интриговали друг против друга. Дипломаты докладывали и о конфликтах Бирона с Остерманом, а Остермана — с Минихом^{298}. К тому же выдвигались не только иноземцы. Так, в начале царствования Анны карьеру сделал князь Алексей Иванович Шаховской: в 1730 году стал сенатором

и генерал-адъютантом; в 1731-м — подполковником нового гвардейского полка; в 1732-м получил тысячу душ и дом в Петербурге; в 1733-м — чин генерал-лейтенанта.

Летом и осенью 1730 года Рондо и Лефорт докладывали об объединении Бирона, Ягужинского и Левенвольде для борьбы с Остерманом. Успех казался несомненным; английский консул докладывал в Лондон о настроениях «всего старого российского дворянства», «с нетерпением ожидающего свержения фаворитов». Но как только Ягужинский, назначенный в октябре 1730 года генерал-прокурором Сената, попробовал вернуть себе прежнее влияние и стать кем-то вроде первого министра, его недавние союзники тут же объединились с Остерманом. В результате вошедший было в «силу» министр (к началу 1731 года он стал графом, шефом нового Конногвардейского полка и начальником Сибирского приказа) начал терять «кредит». К концу года «шумного» и невозддержанного на язык Ягужинского отправили подальше от двора и Сената — послом в Берлин. Из круга претендентов на роль ближайших советчиков императрицы выбыл и С.А. Салтыков.

№ 4.

Указъ нашего Сената.

[illegible]

Анна

~~FE~~⁰:111

ΠΙΟΛΥΣΕΝ³ - ΠΙΟΛΟ² ΤΙΣΑΙ

Нотбѣря .6. дня
1731

1731 #3

**Указ Анны Иоанновны Сенату об учреждении Кабинета министров с
собственноручной подписью императрицы. 6 ноября 1731 г. РГИА**

В ноябре 1731 года Кабинет министров был создан. В него вошёл престарелый канцлер Гавриил Иванович Головкин, олицетворявший преемственность с эпохой Петра Великого, но никогда не претендовавший на самостоятельную роль. Вторым его членом стал князь Алексей Михайлович Черкасский, «человек доброй, да не смелой, особливо в судебных и земских делах», по характеристике генерала В. де Геннина, хорошо знавшего

бывшего сибирского губернатора по совместной работе. Знатный вельможа, хозяин огромных владений и родового двора в Кремле, канцлер и андреевский кавалер отныне ни в каких политических «партиях» замечен не был. Эти качества обеспечили князю политическое долголетие: он благополучно пережил царствование Анны, два последующих переворота и скончался в почёте уже во времена Елизаветы.^{299}.

«Душой» же Кабинета и реальным министром иностранных дел империи стал Андрей Иванович Остерман. Над его «дипломатическими» болезнями и скупостью посмеивались, но обойтись без высококвалифицированного администратора, умевшего грамотно проанализировать и изложить суть проблемы и предложить пути её решения, не могли. Для противовеса Остерману после смерти Головкина в состав Кабинета последовательно вводились его оппоненты из русской знати: сначала возвращённый из почётной ссылки Ягужинский (1735), затем деятельный и честолюбивый А.П. Волынский (1738) и, наконец, будущий канцлер А.П. Бестужев-Рюмин (1740).

В «Слове в день коронации... Анны Иоанновны», посвященном первой годовщине царствования, Феофан привёл показательное сравнение: обретшей самодержавную власть императрице выпали «беспокойство, тягота, труды», а её подданным — «сладкия плоды, покой, облегчение, беспечалие». Корона не только даёт честь и славу, но и «уязвляет» «главу» монархини, поскольку требует «бесчисленных попечений», «чтобы главы подданных... в тишине и веселии пребывали».^{300}.

Х. Манштейн писал в мемуарах о желании Анны Иоанновны «вникать во все дела»; о стремлении государыни «во всё вникать и всё видеть» сообщал своему двору и Лефорт. Журнал Кабинета министров перечислил дела, решавшиеся с участием государыни 13 ноября 1731 года:

«... Потом изволила в Кабинет прибыть её императорское величество.

В то прибытие, во-первых, чтены принесённые из Коллегии иностранных дел реляции, отправленные из Царяграда.

Потом чтены пункты, учинённые о кадетском корпусе, где оному и каким порядком быть.

Ея императорское величество изволила подписать следующие указы: 1) в Соляную контору — об отпуске в

комнату государыни принцессы денег 3000 рублёв; 2) в Сенат — о счислении воинских чинов пред гражданскими и прочими по прежней табели в рангах старшее, кроме первых двух классов; 3) в Сенат же — о неназывании придворным и гражданским чином, против рангу своего военными чинами, а военным, кои чинами ниже генерала, просто генералами;

4) к генералу фон Вейсбаху — о выборе и о присылке, против меры, великанов от 15 до 20 человек и о посылке с ханского письма перевода и о переводчике.

Потом чтён доклад господ министров о даче жалованья, против прежних окладов вдвое, определённым в Кабинет: секретарю Козлову по тысяче, камериру Пташкову по пятисот по сорока рублёв на год, который доклад её императорское величество всемилостивейше подтвердить и собственною своею рукою подписать соизволила.

Изволила её величество отдать поданное прошение новгородского архиепископа Феофана о даче синодальным членам жалованья, которое по отбытии её величества из Кабинета приказано сообщить к учинённой о жалованьи их выписке, и как справка взята будет, в то время доложить»^{301}.

Как видим, рабочий день государыни был довольно напряжённым: надо было вникнуть в «чтённые» ей доклады по разным делам, которые явно требовали размышления, обсуждения и не всегда могли быть решены тотчас же; надлежало подписать указы — одни (например, о выдаче денег на содержание племянницы) были инициированы ею; другие же требовали заблаговременного согласования или, по крайней мере, внимательного прочтения перед подписанием. Наконец, сама императрица давала поручения министрам — или, как в данном случае, передавала им для решения полученное ею прошение.

В другой день, 11 декабря, она составляла резолюции на сенатских докладах и прочих документах и «слушала» челобитные:

«...3) о бытии ландмилицким офицерам против армейских рангою ниже; 4) о позволении продажею

деревень на расплату долгов князь Александровой жене Долгорукого;

5) о позволении в Риге печатать немецкие учебные книги;

6) на челобитной бригадира Сойманова — о увольнении на год; 7) на счёте агента Симона о выдаче ему из Монетной конторы задело 14 кавалерии 5878 рублёв 80 коп., а остаточного золота — о принятии в тою контору.

И при том её императорскому величеству докладывано по прочим же сенатским докладам и по челобитным, которых, слушав, изволила указать следующее:

По 1-му — о даче жалованья вдовам, коих мужья из службы отставлены, против тех же жён, которых в службе убиты и померли, — и в том им отказать; по 2-му — о повышении чином артиллерии обер-кригс-комиссара Унковского — отложить до конфирмации артиллерского парка; по 3-му — о даче Гессен-Гомбургскому князю столовых и пансионных денег — оной доклад её императорское величество изволила взять к себе.

По челобитным:

По 1-ой — о даче жалованья генералу Чернышёву — изволила к себе же взять, а справка оставлена; по 2-ой — о пожаловании генерал-майора князя Шаховского, из меншиковских, Домашневой мызой — отставить.

Да по 4-м челобитным: 1) генеральского сына Григория Чернышёва об определении в службу; 2) Богдана Родионова о награждении рангом; 3) камер-лакея Якова Масальского о награждении лавками; 4) Василия Татищева о пожаловании деревнями — изволила указать отложить»^{302}.

Резолюции на докладах могли быть предельно краткими: «Опробуэца», «Отставить», «Выдать», «Быть», «Учинить по сему», — но их начертание должно было предваряться прочтением документа или хотя бы некоторым пониманием сути предложения, каковое надлежало утвердить «собственной её императорского величества рукой». Какие-то решения можно было принять на основе житейского здравого смысла: не очень справедливо, если жёны покойных отставников будут получать

такое же жалованье, как супруги павших в бою или умерших на действительной службе. Но относительно простой вопрос о чине обер-кригс-комиссара Унковского оказался увязан со штатом «артиллерского парка»; едва ли Анна была в нём компетентна, и скорее всего, решение было подсказано более сведущими министрами.

Просьбы о «деревнях» или прочих «награждениях» трудностей понимания не вызывали, но зато требовали знакомства с просителем или по крайней мере осведомлённости о его заслугах; к тому же нужно было учитывать уже сделанные пожалования и реакцию столь же достойных, но по каким-то причинам обойдённых претендентов. Награды и «произведения» являлись важнейшим рычагом власти, и окончательное решение этих вопросов нельзя было передать даже доверенным министрам — это означало бы фактическое ограничение «самодержавства». Да и высочайшие милости надлежало дозировать — иначе все начнут просить.

Поэтому какие-то прошения Анна указывает «отложить», другие берёт «к себе», хотя, например, справка о службе и, соответственно, выплате жалованья Чернышёву уже подготовлена и решение в принципе можно принять сразу. Но Анна решила подумать — и не зря. Через три дня она известила министров: в 1726–1729 годах, будучи губернатором в Риге, Чернышёв «сверх ассигнации перебрал» — и повелела подсчитать, «сколько с зачётом перебранного имеет быть в даче».

Заслуженного бригадира Леонтия Соймонова после девятилетней службы в новоприсоединённых прикаспийских провинциях она отпустила на год, но отказала в просимой «деревне»^{303}. А награждать генерал-адъютанта Шаховского, по её мнению, ещё не время — и вопрос был «отставлен». Но это не знак немилости — на него у Анны имелись иные виды: 15 декабря князь был назначен на завидный пост подполковника ново-учреждённого полка Конной гвардии с личным подчинением государыне-полковнице. Шаховской пришёлся к месту — и награждение последовало: в июле 1732 года он получил немалые «деревни» (1023 души) из конфискованных владений фельдмаршала В.В. Долгорукова, а в сентябре — отписанный в казну петербургский двор секретаря Романа Хрисанфова^{304}.

Императрица могла и проявлять инициативу. Так, на заседании 6 декабря 1731 года она предложила министрам сочинить указы, которые не были кабинетскими «заготовками»:

«...Да сверх того изволила её императорское величество указать написать в Сенат указы:

1) по прошению действительного тайного советника графа Ивана Головкина об увольнении его лейб-гвардии из Конного полку, а вместо того о присутствовании в Сенате; 2) по доношению Соляной конторы о посылке указов в коллегии и губернии, чтобы по промемориям и указам из той конторы исполняли без продолжения; 3) в Военную коллегию — о непереводе из полку в полк по прошению офицеров; о посылке по прошению греческих патриархов денег, а именно в Иерусалим ко гробу Господню 2000 рублёв да к иерусалимскому и антиохийскому патриархам по 1000 рублёв.

Чтена краткая выписка о князь Алексее Долгоруком с детьми в показанных на них от приставленного к ним капитана Шарыгина ссорах, из которых некоторые слова они подлинно говорили, а других по следствию не явилось; и её императорское величество изволила указать: оным Долгоруким сказать указ, чтоб они впредь от таких ссор и непристойных слов имели воздержание и жили смирно под опасением наихудшего содержания, а сибирскому губернатору велеть к ним офицеров определять самых добрых и верных людей»^{305}.

Челобитные графа Головкина и восточных патриархов вполне могли попасть ей в руки не через Кабинет министров. А доходы, которыми ведала Соляная контора, являлись источником поступления собственных («комнатных») средств государыни, и её указы должны были исполняться незамедлительно. Понятно, что Анну интересовали сведения об опальных Долгоруковых — и её реакция последовала незамедлительно. На следующий день все требуемые указы были изготовлены и подписаны царицей.

В последний день декабря 1731 года государыня поспешила с заменой российского представителя при украинском гетмане: «...Её императорское величество изустно изволила указать: 1) генерала Семёна Нарышкина от министров при гетмане уволить,

а вместо него отправить туда камергера князя Александра Черкасского, а на его место в Митаву послать действительного камергера князь Петра Голицына...» Как следует из журнала, в тот же день она изменила решение: Нарышкин остался на Украине, а князь Черкасский был назначен губернатором в Смоленск. Сумели ли члены Кабинета убедить императрицу или на то были иные причины, остаётся неизвестным.

Тогда же последовало высочайшее распоряжение: «...по извету лейб-гвардии Измайловского полку фурьера Александра Колычева о показанном — о непристойных словах в бытность его в Симбирску — деле исследовать генералу Ушакову, и для взятия показанного дела и принадлежащих к тому следствию людей послать нарочного офицера, а симбирского воеводу князь Василия Вяземского переменить из Сената, а что оной изветчик Колычев о том изветном деле, пришед ко двору её императорского величества, извещал необычайно, яко бы о неизвестном деле, и за то, по учинению указа, отослать его в полк...»^{306}. Донос Колычева, скорее всего, поступил по команде — через гвардейское начальство, потому Анна и дала распоряжение «следовать» его начальнику Тайной канцелярии. При этом пытавшийся выслужиться доносчик вызвал монаршее неодобрение, а потому и был отослан в полк — вероятно, без полагавшейся за уместное «доношение» награды.

Как видим, в начале царствования императрица явно старалась прилежно трудиться. С 3 ноября по 31 декабря 1731 года она встречалась с министрами 31 раз — практически каждый день: либо сама «изволила присутствие иметь» в Кабинете, как во время вершения дела фельдмаршала В.В. Долгорукова, либо министры «ходили вверх к её императорскому величеству (иногда, как 12 и 31 декабря 1731 года, дважды в день).

Взятый темп государственных трудов, видимо, оказался для государыни непосильным. В 1732 году она появилась в Кабинете министров только два раза, при этом 2 июня явно экспромтом, поскольку никого не обнаружила: министры заседали в порученных им комиссиях^{307}. С 8 по 15 января Анна Иоанновна была занята переездом из Москвы в Петербург, и министры посетили императрицу всего восемь раз. В феврале таких посещений тоже было восемь, в марте — 17, в апреле — 14, в мае — 12; на этом уровне интенсивность общения Анны со своими министрами осталась и в дальнейшем.

С 1734 года в журналах заседаний Кабинета министров указания на «хождение» к государыне исчезли, но остались подписанные как министрами, так и императрицей указы и резолюции. Министры взвалили на себя значительную часть проходящих через Кабинет дел. Не случайно А.П. Волынский в сердцах сетовал на перегруженность: «Мы, министры, хотим всю верность на себя принять, будто мы одни дела делаем и верно служим. Напрасно нам о себе так много думать: есть много верных рабов, а мы только что пишем и в конфиденции приводим, тем ревность в других пресекаем, и натащили мы на себя много дел и не надлежащих нам, а что делать, и сами не знаем».

Приведённая ниже запись в журнале только об одном дне из жизни Кабинета (от 9 сентября 1735 года) подтверждает обилие решаемых министрами самых разных вопросов:

«На реестре поданным из Сената доношениям подписано рукою генерала графа П.И. Ягужинского: отослать в Сенат 1) по челобитью Есипова жены племянника родного Алексея Кушникова, да оного Есипова сестры родной Ульяны Травиной об отдаче им по наследству оставшихся после оного Есипова и жены его денег 12 511 руб., которые употребляются к корабельным делам; 2) о противностях дворцового села Софь-ина в недаче межевщику межевать спорных с графом Мусиным-Пушкиным земель — в Дворцовую канцелярию; 3) о выдаче иноземцу купцу Эверсу за поставленную в Санкт-Петербург соль невыданных денег — отказать и послать в Сенат; 4) об отставном майоре Якове Свечине, что он составил на недвижимое умершего Батюшкова имение купчую и именем того Батюшкова сам руку приложил — отослать к решению, куда надлежит по указам; 5) по доношению генерала фельдмаршала графа фон Миниха о определении вновь пошлины на проезжих из Москвы в Санкт-Петербург и от Санкт-Петербурга в Москву дорогах — отказать; 6) во известие о требовании в артиллерию заимной суммы 300 тысяч руб. — тоже;

7) о невзыскании со вдовы Сабины фон Графеновой с отданной на аренду мужу её мызы арендных денег — отказать;

8) о рижских дорогах — по-прежнему ль в Штатс-контору отсылать или как указом поведено будет — определение имеется; 9) о делании у города Архангельского промышленникам староманерных водяных судов — отказать»[{308}](#).

Теперь сами министры распоряжались порой весьма значительными денежными суммами (15 тысяч рублей резиденту в Стамбуле Вешнякову или 150 тысяч рублей на полки «команды» генерала Вейсбаха); принимали на службу, в том числе и в гвардию, иноземных офицеров; своими указами разрешали в гвардейских полках отпуска и производили в чины; даже освободили от смертной казни нескольких убийц-малороссиян и отказали в выдаче ста тысяч рублей («оставить до будущего определения») на строительство императорского «ягд-гардена» в Екатерингофе.[{309}](#).

По нашим подсчётам за три года царствования (1732, 1735 и 1738) можно составить представление о количестве выходивших за подписями Анны и министров указов и резолюций, помещённых в приложении к журналам.[{310}](#).

Количество подписанных указов и резолюций						
Месяц	1732 г.		1735 г.		1738 г.	
	Анной министрами		Анной министрами		Анной министрами	
январь	57	2	3	16	9	22
февраль	43	5	22	16	3	28
март	71	5	14	8	12	40
апрель	21	5	15	22	17	22
май	44	1	13	30	10	26
июнь	38	6	18	38.	8	20
июль	33	2	18	37	6	36
август	28	3	8	35	4	30
сентябрь	42	4	1	41	0	33
октябрь	94	6	5	70	0	24
ноябрь	64	11	7	56	3	21
декабрь	71	5	5	30	4	24
Итого	606	55	129	399	76	326
Всего	661		528		402	

Сохранившийся в бумагах Кабинета подсчёт результатов его работы за 1736 год впечатляет: на 724 указа министров приходится 135 именных указов Анны, а на 584 министерских резолюции на докладах и «доношениях» — 108 высочайших^{311}. За январь — июнь последнего года царствования за подписью императрицы состоялось 57 указов и резолюций; за подписью министров — 177.

На первый взгляд очевидно ослабление роли императрицы в системе управления. Если в начале царствования подавляющее большинство решений (551 из 606–91 процент) шло за её подписью, то в 1735 году, когда именной указ от 9 июня приравнял подписи трёх кабинет-министров к автографу государыни^{312}, она подписала 129 документов (24,4 процента, а в 1738-м и того меньше — 76 (18,9 процента). Конечно, Анна не любила вникать в рутину повседневной административной работы. «А ныне мы живём в летнем доме, и лето у нас изрядное, и огород очень хорош», — радовалась она в июне 1732 года и требовала, чтобы её не беспокоили делами «малой важности». Однако приведённые цифры не так однозначны.

Во-первых, как до, так и после указа от 9 июня не все документы с царской «апробацией» отражены в бумагах Кабинета — что-то передавалось напрямую в Сенат или другие учреждения (дворцовое ведомство или Тайную канцелярию), исполнителям и просителям. Так, в июне 1735 года Анна издала именной указ о подчинении Сестрорецких заводов генералу де Геннину, распорядилась не бросать «сор» в реки Мью (Мойку) и Фонтанку, дважды запретила частным лицам вывозить из страны ремень и резолюцией на сенатском докладе разрешила отвести землю у Гжатской пристани «купецким людям». В июле она утвердила два доклада Сената (о печатании Библии и о строительстве гостиного двора в Петербурге) и «мнение» Кабинета о создании нового производства на Сестрорецких заводах, повелела дворцовым учреждениям исполнять её устные распоряжения, переданные через обер-гофмаршала и гофмаршала. В августе — приказала Военной коллегии принимать обратно на службу уволившихся с повышением ранга офицеров-иностранцев с теми чинами, которые они имели до отставки, и выдала жалованную грамоту «иллирийскому графу» Савве Рагузинскому о «вольной торговле» в России^{313}. Эти повеления, за исключением «мнения» министров, в журналах Кабинета не значатся.

Во-вторых, Анна получала информацию не только от министров — на её имя шли и другие потоки корреспонденции. Сборник именных указов по Военной коллегии за 1734 год показывает, что государыня «работала с документами»: утверждала пожалования в чины и отставки, распределение гвардейцев в полевые полки, приём фельдмаршалом Минихом иноземных офицеров на русскую службу; решала вопрос о содержании пленных поляков в Риге, назначала полковых командиров в Низовой корпус. Доходили до неё и некоторые челобитные — например полковника Невского полка Ивана Кудачева, просившего «наградить меня пропитанием». 53-летний боевой офицер был сражён «параличной болезнью» и в 1731 году «отрешён» от командования, но не уволен, однако жалованья не получал; все имевшиеся средства ушли на лечение, и жить стало не на что — из девятнадцати его крепостных душ половина померли или разбежались. Анна повелела: «Оного Кудачева по представлении Военной коллегии от службы отставит[ь] и для ево убожества выдат[ь] ему жалование и за рационы по день отставки без вычета, что он был на лечении»^{314}. Как и кабинет-министры, чиновники Военной коллегии готовили для императрицы доклады и представления и предлагали резолюции, которые государыня утверждала собственноручной подписью.

Отдельно государыня вела переписку с камергером А.А. Черкасским, ведавшим её имениями в Курляндии. По дворцовым делам она сносилась непосредственно с обер-гофмаршалом Р. Левенвольде. Известна книга её указов московскому главнокомандующему и обер-гофмейстеру С.А. Салтыкову. Посылала она указы и в Сенат, и в Комиссию по составлению нового Уложения^{315}. Очевидно, она получала аналогичные документы из других ведомств и отвечала на них.

Бумаги приходили к ней и с мест. На их основании Анна ставила задачу: «Господа кабинет министры. При сём прилагаются присланные реляции из Цариченки от генерала майора князя Трубецкого, по которым, рассмотрев, учинить что потребно и послать с тем же присланным куриэром надлежащие в подтверждение указы. По сему нашему указу вы неотменно поступать имеете. Анна. Петергоф. 3 августа 1736»^{316}.

В-третьих, и в 1731-1732 годах, и позднее императрица подписывала уже заготовленные для неё указы и решения («...да на семи докладах приказано подписать резолюции» —

зафиксировал журнал заседаний Кабинета министров 4 декабря 1732 года); подготавливали такие резолюции и члены Кабинета, и компетентные руководители ведомств — например фельдмаршал и президент Военной коллегии Б. Х. Миних^{317}. Корявый, рубленый почерк царицы хорошо узнаваем; часто она только подписывалась: «Анна»; сами же резолюции на докладах были написаны разными, но профессиональными почерками кабинетских чиновников.

Однако государыня не просто подмахивала заготовленные документы; «реестр докладом» 1731 года из делопроизводства Кабинета с пометками на полях свидетельствует: она «изустно» указывала, что именно должно быть в резолюции:

«Реестр докладом»

Велено отпускать из Штатс-конторы ... Кронштацкую гавань велеть строить каменную, а на строение на нынешней год 31614 рублёв 38 копеек отпустить из Штате конторы, а впредь чтоб по толикому ж числу на год отпу скать из соляной суммы

К разеуждению оставлено ... О определении в Манетную контору главным судьёю кого её императорское величество ука жет, и о представлении в прибавку к прежним в члены Богдана Аладьина, Юрья Кологризова

Велела определить ... По требованию Военной коллегии о определении в ту коллегию за недоволством членом статского советника Володимера Борзово, которой был в Военной комиссии, а ныне за определе нием той комиссии в Санкт-Питербурхе остал ся без определения

Обождать велела ... По челобитной царя Грузинского о пожаловании ему и фамилии ево и протчим при нём обретающимся, кроме царевича Бакара, вместо определения ему годовой денежной и хлебной дачи, деревень, с которых бы могло доходов денежных и хлебных сходить, сколько ныне им даётся, и о росписании тех вотчин в дачю ему, царю, и фамилии ево мужескому полу».^{318}

Даже по опубликованным журналам Кабинета видно, что императрица перед принятием решения как минимум пыталась разобраться в представляемых ей бумагах и указывала министрам:

«...1) по челобитью рижского жителя Велса, который был от купцов стряпчим, писать из Кабинета к губернатору, ежели об нём купцы в стряпчие требовать будут и в том никакого препятствия и подозрения не явится, то его определить по рассмотрению; 2) о взятой ко дворцу ревельской мызы Гроссаус, которую требует наследник Шаренберг о возвращении — учинить договор с челобитчиком, что возьмёт; и на чём поставлено будет, о том представить. При чём быть и обер-гоф-маршалу; 3) о Тимофее Кутузове — по взятой из Военной коллегии справке и по репорту генерала графа фон Вейсбаха — писать генералу-фельдмаршалу из Военной коллегии к помянутому генералу графу фон Вейсбаху, чтоб прислал подлинную справку, в какой ранг он, Кутузов, в ландмилицкие полки прислан, и потом в которых годах и от кого и по каким указам в повышение чинов определён, и ныне в каком ранге состоит и в котором полку; 4) по доношению из Москвы генерала графа Салтыкова о выигрышных князь Юрия Долгорукого на лекаря Лештока деньгах 500 рублях — его, лекаря, допросить»^{319}.

Порой она сама сочиняла нужную резолюцию, демонстрируя, что внимательно читала бумагу и уяснила суть дела. Так, 19 июля 1734 года императрица из Петергофа давала указания по случаю окончания военной кампании в Польше:

«Резолюция на доклад из Кабинета:

1) Что надлежит до Понятовского, в том мы довольны, ежели он из детей своих одного пришлёт сюда в аманаты.

2) Пленным солдатам денег по 3 копейки в прибавок к провианту давать позволяется.

3) Шведских офицеров отпустить в их отечество, токмо со взятием с них такого под присягою реверсу письменно, чтоб они впредь ни противу нас, ни против наших союзников ни у кого в войсках служить не имели, и, посадя их на один галиот, отослать прямо в Стокгольм.

4) С артиллериею обождать до тех пор можно, покуда мы получим ведомость от Зунда.

И оное всё написав, подписать вам, министрам, и отправить.

Анна»^{320}.

Для неё же готовились и были «читаны» расписанные «по пунктам» выписки из реляций российских дипломатов (А.Г. Головкина из Гааги, К. Бракеля из Копенгагена, П.И. Ягужинского из Берлина и др.) «с малыми ремарками, что разсуждается в ответ написать», а также экстракты доношении отправленного к австрийскому двору обер-шталмейстера К.Г. Левенвольде с мнениями, «что на оные ответствовать можно». Таким же образом подавались выжимки из донесений командующих армиями Миниха и Ласси с отметками, «что исполнено и какие указы посланы»^{321}.

В 1730-е годы Россия после паузы вновь начинала проявлять внешнеполитическую активность: успешно вмешалась в Войну за польское наследство (1733–1735), посадила на трон Речи Посполитой своего ставленника — саксонского курфюрста, начала большую войну с Турцией, чтобы «уничтожить» позорный для России Прутский мир 1711 года.

Документы Кабинета показывают, что при выработке плана решающей кампании 1739 года императрица переправляла подаваемые ей доклады и «пункты» фельдмаршала Миниха аккуратному и осторожному Остерману — именно его рукой написаны черновые резолюции. Остерман отнюдь не был противником войны, но и одобрять все распоряжения Миниха и, соответственно, разделять с ним ответственность не спешил, часто оставляя решение «на его генерала фельдмаршала собственное рассуждение» — и ответственность^{322}.

Немногие известные письменные распоряжения Анны по поводу военных действий и внешней политики показывают, что и в этой сфере императрица здраво оценивала обстановку:

«Андрей Иванович, из посланных вчерашних к вам репортов и челобитной и в письмах, в которых он (фельдмаршал Миних. — *И.К.*) пишет к обер-камергеру, довольно усмотрите, какое несогласие в нашем генералитету имеется, чрез что не можно инако быть, как великой вред в наших интересах при таких нынешних великих конъюктурах. Я вам объявляю, что война турецкая и сила их меня николи не покоит; только такие кондувиты, как ныне главные командиры имеют, мне уже много печали делают; потому надобно и впредь

того же ждать, как бездушны и не резонабель они поступают, что весь свет может знать. От меня они награждены не только великими рангами и богатством, и вперёд их я своею милостию обнадёжила, только всё не так, их поступки не сходны с моею милостию, того ради принуждена буду другие меры взять и через сие вам объявляю:

1. Нам одним Турецкое государство вовсе разорять или сгубить невозможно будет, и нынешнего года довольно это показало наше войско, как люди и лошади пропали; хотя на будущей год она (армия. — *И.К.*) и будет комплектована, только это все люди молодые будут.

2. По всем ведомостям Персия мир с ними хочет делать.

3. Цесарь (австрийский император. — *И.К.*) до сих пор чрез своего министра Талмона больше наше дело испортил, им как помогал, и видится по всем делам, что они своим обнадеживанием нас довольствовать хотят. В июне месяце Остейн деклеровал, что в половине сентября подлинно цесарское войско в действие вступит против Порты, после того отложило до первого октября. Сентябрь и октябрь по новому прошли, а ничего не сделали, и по ведомостям они своё войско по винтер-квартирам распускают.

4. Теперь надобно разсудить, и требую вашего совета:

— Что при таком несогласии наших генералитету делать и как им знать дать о их поступках, которые не только касаются до наших интересов, но и до чести нашей.

— Прусской (Прутский. — *И.К.*) трактат был великой вред и безчестье нашему государству, которой в ту пору из нужды был делан, и ежели такой способ найдётся, чтобы этот трактат уничтожен был, также старые наши границы присовокупить, не лучше ли войну прекратить, как при таких обстоятельствах, как выше сего помянуто, продолжить? Только как в том деле зачинать, то мы на ваше искусство и верность надеемся; вы можете обнадёжены быть, что я вас и фамилию вашу николи в своей милости не оставлю и желаем вам скорого здоровья и пребываю в милости.

Анна»^{323}.

Это недатированное письмо Остерману написано, скорее всего, в конце 1736 года. После удачного начала Турецкой кампании армия с большими потерями отступила из Крыма, генералы перессорились, а союзники-австрийцы не помогли. Анну волновала не столько военная мощь Турции (хотя она и понимала, что в одиночку Россия воевать не может), сколько бесталанность «генералитета», отсутствие поддержки со стороны Ирана и Австрии.

Даже уменьшение количества высочайших подписей не означало самоустранение императрицы от участия в государственных делах — скорее свидетельствовало об освобождении её от утомительного знакомства с растущим объёмом входящих в Кабинет бумаг. В январе, феврале и марте 1735 года, согласно кабинетским журналам, туда поступило 287 документов (98 + 76 + 113), а за те же три месяца 1738 года — уже 1165 (соответственно 330 + 395 + 440). Бывали совсем горячие дни — так, 14 октября 1738 года министры должны были наложить 28 резолюций.

Опубликованные журналы Кабинета за десять лет поражают разнообразием проходивших через него дел и высокой степенью «ручного» управления государством, когда ни Сенат, ни отраслевые органы не рисковали брать на себя ответственность за решение не столь уж и сложных вопросов и оно передавалось на самый верх. Например, когда в июле 1735 года обнаружилось «умедление» с доставкой из Риги провианта для солдат и моряков Кронштадта из-за отсутствия кулей и рогож, соответствующие указания петербургскому обер-коменданту пришлось давать министрам Кабинета. А в марте 1738 года, когда новгородский вице-губернатор Бредихин признал свою неспособность определить «к делам» местных дворян — одни не были годны «за ранами и другими неудобностями», другие «не служили и живут в домах своих» или «паспортов и указов в губернскую канцелярию не подают», — кабинет-министры отправили дело в Сенат с повелением (едва ли, впрочем, действенным) «учинить постоянное определение... к каким делам именно и кого из живущих в домах взять позволить»^{324}. Анна Иоанновна лично решала участь «закомплектных кобылиц» в гвардейских полках и одобряла образцы обер-офицерских

палаток; к ней же министры носили на апробацию новый «адмиралтейский мундир» — как же не оценить покрой и шитьё?

Огромное количество времени (порой министры заседали «с утра до ночи») отнимали всевозможные дела финансового управления: проверка счетов, отпуск средств на разные нужды, рассмотрение просьб о выдаче жалованья. Позднее на первый план выдвинулись вопросы организации и снабжения армии в условиях непрерывных военных действий в 1733–1739 годах. Наряду с принятием важнейших политических решений (о вводе русских войск в Польшу, строительстве флота, проведении рекрутских наборов и сборе лошадей для армии, борьбе с эпидемией, составлении «окладной книги» государственных доходов) Кабинет отдавал множество частных административных распоряжений: об экзаменах кадетов, «приискании удобных мест для погребания умерших», распределении сенных покосов под Петербургом, разрешении спорных судебных дел и рассмотрении бесконечных челобитных о повышении в чине, отставке, снятии штрафа и т. д. Первые вельможи империи разрешали постричься в монахи однодворцу из города Новосила Алексею Леонтьеву, обсуждали челобитную украинского казака Троцкого о передаче ему имения тестя, лично рассматривали план и чертёж фасада каменного «питейного дома» и образцы армейских пистолетов и кирас; определяли, сколько дров и свечей в сутки должны выдавать хозяева находящимся у них на постое военным...

Сохранившиеся среди бумаг Кабинета перечни распоряжений Анны показывают, что даже во время летнего «отпуска» в Петергофе она занималась делами. В 1736 году государыня требовала от Кабинета исполнения различных поручений: «сочинить» патент принятому на русскую службу полковнику Даниилу Кумингу; наградить присланного от фельдмаршала Ласси поручика Минха 500 рублями и чином капитан-поручика Инженерного корпуса; перебросить людей, «мундир и амуницию» из армии Ласси в армию Миниха и выяснить, «за чем оный провиант к армии нашей заблаговременно не отправлен».

Летом следующего года Анна приказала выдать польским магнатам (по приложенному списку) деньги за взятый у них русской армией провиант; отправить союзному австрийскому двору присланные ей реляции о победах русских войск под Очаковым, а известие о взятии австрийцами сербской крепости

Ниш доставить в армии Миниха и Ласси. Она предписала, чтобы Ласси в Крыму «знатной поиск учинил», но при этом во избежание стремительных татарских атак войска «в малые корпуса не разделял»; потребовала срочно отправить к ней фон Вилдемана, адъютанта Миниха, для «всемилостного пожалования».

Порой государственным мужам приходилось исполнять личные поручения государыни: А.И. Шаховскому — срочно отыскать на Украине «хороших голосов, дышкантистых и тенаристых», а кабинет-министрам — доставить ко двору Анне Иоанновне двух мартышек, прибывших с караваном из Китая, и послать людей в Псков и Новгород для ловли «около тех мест русаков сто и более зайцев»^{325}. В июле — августе 1738 года она приказывала продемонстрировать пленному турецкому «сераскиру» (главнокомандующему) русскую эскадру, устроить салют в честь очередного взятия Перекопа, молебн с пальбой по случаю сомнительной победы австрийцев, отыскать «двух больших мужиков» для отсылки в подарок прусскому королю^{326}.

Однако кроме этих сугубо частных распоряжений в мае того же года она дала Сенату весьма важное поручение: составить «немедленно именной список о всех, обретающихся в нашем государстве, как в коллегиях и канцеляриях, здесь и в Москве, судьях и членах и прокурорах, також в губерниях о губернаторах, вице-губернаторах и о провинциальных воеводах и прокурорах же и о товарищах при воеводах, кто именно и в котором году в те места из каких чинов, и кто и по каким указам определены из дворян и не из дворян, и кто действительно в армии служил или у гражданских дел был, и по скольку кто в год нашего жалованья получают»^{327}. Была учреждена комиссия о горных заводах; изданы манифесты о рекрутском наборе и сборе лошадей для армии, указы о взимании недоимок и помощи жителям Выборга, пострадавшим от сильного пожара^{328}.

Если даже «на даче» Анна занималась государственными делами, что уж говорить про остальное время. Судя по записке дежурного генерал-адъютанта В.Ф. Салтыкова, за неделю с 29 января по 4 февраля 1733 года она дважды выслушала выписки из «иностранных курантов» (газет. — *И.К.*), один раз приняла парад, устроила приём для штаб- и обер-офицеров всех четырёх гвардейских полков, совершила «выход» к сестре Екатерине; приказала Салтыкову допросить «служителя» своего шута-графа А.П. Апраксина Александра Тишина, «как он из Москвы ехал

дорогою и как сказывал о себе»; разбирала поданные ей челобитные. 30 января она отправила один указ в Сенат и два в Синод, на следующий день распорядилась сменить гвардейцев на карауле в Адмиралтействе ради празднования собственного «тезоименитства», «выключила» из Семёновского полка подпоручика Андреяна Шувалова; затем вызвала к себе бригадира Григория Наумова из Кригско-миссариатской конторы — его доставил во дворец «ездовой сержант». Другой сержант получил задание «сыскать» подрядчика, поставлявшего сено в Конную гвардию; должно быть, государыня была обеспокоена качеством фуража... На следующий день «ездовой сержант» отправился уже за Остерманом, срочно понадобившимся государыне^{329}.

Иногда министры пытались подсказать императрице оптимальное решение. Например, 23 декабря 1735 года они уговаривали её величество отменить указ о расположении трёх кирасирских полков в Эстляндии, Лифляндии и Пскове, где «содержать их веема убыточно» по причине дороговизны фуража, тогда как на Украине есть много «угодных мест» для «заготовления сен». Анна согласилась: «Учинить по сему»^{330}.

Но и сама императрица вмешивалась в работу Кабинета. Так, 29 июля 1732 года гонец привёз из Петергофа её повеление отдать под суд отца и сына Мещерских:

«Указ нашим кабинет-министрам.

Князь Семён Фёдоров сын да князь Иван Мещерские учинили такое коварство над бедным гардемаринном Иваном Большим Кикиным, как то всякой христианской совести противно быть может, и уповаем, что не токмо по правам, но и самому Богу ответ дать могут в том, как они его так совсем хотели разорить, что он, бедный, и дневной пищи лишён бы был, ежели бы нам то вскоре не известно учинено было. А именно оный Кикин и не у них токмо искал, нужды своей ради, несколько занять денег, а они, коварные люди, о том уведомились и, ведая, что ему в том крайняя есть нужда, призвав его, стали ему говорить, якобы по дружбе отца его не хотят его оставить, и дали ему некоторую сумму, оговорясь, что без всякого закладу и проценту. А потом лукавством своим умыслили взять с него крепостные письма, приписав раз слишком вдвое, которые б заплатить ему их

чрез один день. Но и тем не удовольствуясь, написав фальшивые закладные почти на всё его недвижимое имение в такой сумме, которой он от них почти и половины не получил, принудили его, держав несколько дней у себя в доме, приложить руку. И оный Кикин, как бедности своей ради, к тому ж и от недостатка в том разумения, не зная их лукавства, паче ж они его принуждали, принуждён был подписаться...»^{331}.

Как видно, у государыни были свои источники информации. Сиятельные мошенники были арестованы и допрошены. Боевой генерал-лейтенант и бывший архангельский губернатор князь С.Ф. Мещерский умер под следствием, и Анна не разрешила родне отвезти тело покойного в Москву.

Двенадцатого марта 1735 года она с неменьшим возмущением потребовала от сенаторов:

«Понеже известно нам учинилось, что офицеры и комиссары и канцелярские служители городской канцелярии, которые приличились в похищении припасов и в неправильных денежных выдачах, допросами своими показали, что бывший в городской нашей канцелярии у строения городских и прочих наших дел генерал-майор Ульян Синявин построил себе на Санкт-Петербургском острове на Малой Невереке двор с деревянным строением из наших казённых материалов, того ради указали мы оный двор взять на нас и пожаловали нашему казанскому архиепископу Иллариону в вечное владение...»^{332}.

А в сентябре Анна приказала министрам немедленно выяснить причину ссоры между тайным советником Шафировым и статским советником Ржевским: «кто той ссоры зачинщик, и какие слова... происходили, и как та ссора окончалась»; видимо, кем-то доложенная информация была неполна.

Иногда Анна срочно требовала к себе чем-то заинтересовавшего её подданного. Так, в декабре 1738 года было велено доставить во дворец и сдать на руки генерал-адъютанту дворянина Люткина, сидевшего под караулом в Сенате. Очевидно, «доноситель» Люткин произвёл впечатление, поскольку немедленно получил свободу и даже охрану^{333}.

Обер-секретарь Сената А.С. Маслов по повелению государыни лично докладывал ей о сборе недоимок^{334}. 11 декабря 1738 года Анна вызвала сенатского обер-прокурора Ф.И. Соймонова и устроила выволочку: ей «известно учинилось, что господа сенаторы в присутствии своём в Правительствующем Сенате неблагочинно сидят и, когда читают дела, они тогда об них не внимают для того, что имеют между собою партикулярные разговоры и при том крики и шумы чинят, а потом велят те дела читать вновь, от чего в делах продолжение и остановка чинится; тако ж в Сенат приезжают поздно и не дела слушают, но едят сухие снятки, крендели и рябчики и указных часов не просиживают, а обер-прокурор Соймонов в том им по должности своей не воспрещает, и ежели б кто из сенаторей предложения его не послушал, на них не протестует. Того ради её императорское величество указала объявить ему со гневом, и дабы впредь никому в том не упущал и о скорейшем исправлении дел труд и радение имел...»^{335}.

Свои «словесные указы» государыня передавала через самих министров и других лиц — Миниха, дежурных генерал-адъютантов, а в последние годы — через «тайного секретаря» Ивана Эйхлера.

Бывало, ради решения государственных дел Анна Иоанновна жертвовала собственной выгодой. Когда летом 1735 года оказалось, что сдавшийся после долгой осады Данциг (Гданьск) не в состоянии выплатить в назначенный срок положенную контрибуцию, а российские войска в Польше «терпят нужду», императрица не согласилась посылать обоз с деньгами из Москвы или переводить их «на вексель» по невыгодному курсу — «очинь будет убыточно», а приказала заплатить войскам «из собранных с наших курляндских маэтностей собственных доходов пятьдесят тысяч таляров»^{336}.

«Записная книга именных указов» 1740 года показывает, что даже в последний год царствования Анна не устранилась от дел. В январе она присылала в Кабинет (письменно и «изустно» — через Эйхлера и Волынского) повеления: о заведении черепичных предприятий в Москве, о непринятии челобитных о «деревнях» от эстляндцев и лифляндцев, об отпуске адмирала Сиверса для лечения, о предоставлении дома Феофана Прокоповича прибывающему из Польши пану Огиньскому, об отправке майора гвардии Апраксина в «команду» генерал-лейтенанта Бирона, о расположении прибывших с фронта

гвардейцев в Ямской слободе, о проведении 27-го числа парада с точным расположением участвующих в нём частей.

Только за один день 11 января Анна поручила министрам «взять известие», сколько «ружья» принято Адмиралтейством с Сестрорецких заводов, куда определены 400 олонечских плотников и отпущены ли плотники из «донской и днепровской экспедиций»; назначила астраханским губернатором М.М. Голицына, дала «апшид» У. Спаррейтору с производством его в генерал-лейтенанты, распорядилась отправить «сюда» изготовленное в Туле оружие, представить ей кандидата на пост выборгского обер-коменданта и купить лошадей для Конной гвардии при посредничестве обер-гофкомиссара Липмана^{337}.

В сентябре, накануне последней болезни, императрица занималась выбором кандидатур (в сибирские губернаторы, президенты Вотчинной коллегии, судей Сыскного приказа, Ямской канцелярии, Канцелярии конфискации и Доимочной конторы), интересовалась продажей конфискованных «пожитков» А.П. Волынского и П.И. Мусина-Пушкина (вырученные деньги она приказала «не употреблять в расход») и китайских товаров с прибывшего каравана; повелела закончить следствие по делу В.Н. Татищева и «счёт» ведомства покойного гофинтенданта А. Кармедона, укрепить кремль в Астрахани, завершить строительство в столице казарм для гвардии^{338}.

Что же из «административной жизни» было прерогативой Анны Иоанновны? Понятно, что от её имени выходили императорские манифесты и важнейшие законодательные акты, повеления о создании новых государственных «мест» (Тайной канцелярии, Канцелярии конфискации, Сухопутного шляхетского кадетского корпуса и пр.) или законы об условиях службы российских дворян^{339}.

Ей же принадлежало право утверждать смертные приговоры политическим и уголовным преступникам. Не без удовольствия памятливая императрица помиловала приговорённого к смерти бывшего главного «верховника» князя Дмитрия Михайловича Голицына, отправив его в тяжкое заключение, но была искренне возмущена предложением Сената о смягчении наказания чинам городской канцелярии, уличённым во взяточничестве и растрате: «А представленный от Военной коллегии и от Сената резон для облегчения приговорённого им штрафа, а именно, будто оные впервые сию продерзость учинили, не токмо неприличный, но и удивительный. Оные впервые в воровстве пойманы, а не впервые

и не один раз, но сие своё воровство чрез многие годы, не престаючи, продолжали. А что по конфирмации Сената, сверх от одного апробованного облегчения, и полученных взятков с них не взыскивать, и то ещё удивительнее того — разве нагло нашу казну разворовать не в воровство вменяется?»^{340}.

В руках государыни оставалась кадровая политика, начиная с подбора кабинет-министров. Их соперничество обеспечивало работоспособность и устойчивость нового органа, хотя порой и создавало проблемы. Так, в 1739 году Остерман уступил Волынскому право «всеподданнейших докладов» императрице. На заседаниях Кабинета тот часто отдавал приказы совместно с третьим министром А.М. Черкасским. Разногласия кабинет-министров привели к тому, что осторожный вице-канцлер перестал являться в присутствие^{341}. Однако многоопытный Андрей Иванович не сдался под напором деятельного и честолюбивого соперника. Даже не появляясь на заседаниях, он часто подавал свои «мнения» по обсуждаемым вопросам, критиковал те или иные предложения, требовал изменить формулировки, советовал испросить «всемилоостивейшую резолюцию» императрицы или указывал на необходимость согласования решения: «Его сиятельство граф Андрей Иванович Остерман приказал кабинет-министрам донести, чтоб по сообщении из Сената, о произведении смоленского шляхтича Станкевича к тамошней шляхте в генеральные поручики изволили, не докладывая её императорскому величеству, прежде посоветовать с его сиятельством»^{342}. При этом он использовал промахи оппонентов — например, отмечал в журнале, что не обнаружил присланных из Сената бумаг, а «понеже те оба сообщения мне не объявлены, того ради и моего мнения объявить не могу». Волынского эта уклончивая манера раздражала, но с влиятельным соперником приходилось считаться, выслушивать его замечания и учитывать их. Анна же могла сравнивать позиции — и выбирать; не случайно нетерпеливый Артемий Петрович обижался: «Государыня у нас дура, и как докладываешь, резолюции от неё никакой не добьёшься».

Анна также утверждала назначения на ответственные должности в армии и на гражданской службе. Здесь императрица иногда отвергала предложенные кандидатуры. К примеру, в январе 1732 года она назначила вице-губернатором в Казань бригадира И. Караулова, не значившегося в списке

кандидатов от Сената, а присутствовавшего в этом списке стольника князя С.М. Козловского определила вице-губернатором в Смоленск; в марте сделала сибирским вице-губернатором также не названного среди претендентов статского советника К. Сытина^{343}. В некоторых случаях она требовала у Кабинета и Сената предложить кандидатов на должности и даже «прибавить ещё несколько персон», в других сменяла и назначала по представлению министров; в третьих следовал её указ с назначением избранного ею лица^{344}. Высочайшие назначения касались не только генералитета — Анна лично решала, кто станет «товарищем» (заместителем) воеводы Ярославской провинции, советниками Камер-коллегии и Полицмейстерской канцелярии, кто из офицеров будет определён «к строению» Александро-Невского монастыря^{345}. Порой она даже лично назначала придворного конюха.

Императрица следила не только за составом центральных органов и губернаторского корпуса, но и за занятием должностей куда меньшего масштаба. Назначение на Украине Василия Томары переяславским полковником вызвало её неодобрение: в указе генерал-лейтенанту А.И. Шаховскому она назвала Томару человеком «беспокойным», который «разное старое подымает», и повелела подыскать иную кандидатуру. Генерал Вейсбах получил выговор за то, что поставил «наказным командиром» над слободскими и украинскими казаками С. Галецкого — государыня помнила его по пребыванию в Петербурге и считала «к такой великой команде неспособным»^{346}.

Только она, находясь на самом верху властной пирамиды, могла даровать милости — чины, «деревни», жалованье (о выдаче которого в то время надлежало нижайше просить само «императорское величество») и прочие «награждения» и умалять или вовсе отменять наложенные на подданных наказания и штрафы. Куда бы ни пошла императрица — везде её ожидали неизбежные челобитчики с прошениями. Тщетно на протяжении всего XVIII столетия грозные указы запрещали их подавать мимо надлежащих государственных «мест» в руки монарху. Но как быть, если канцелярии не отвечали, судебные дела тянулись десятилетиями, а вышестоящие начальники попирали законы? Простоватая княгиня Прасковья Борисовна Голицына по-родственному одолжила у князя Василия Петровича Голицына 300 рублей под залог дорогого складня с алмазами.

Деньги отдала, но фамильную драгоценность так и не вернула; в суд обращаться было бессмысленно, поскольку заклад княгиня отдала жадному родственнику «бесписменно». Оставалась одна надежда — на монаршую справедливость.^{347}...

Понятно, как попадали к императрице прошения генералов, придворных или гвардейских офицеров. Конечно, сиятельному кабинет-министру князю Алексею Михайловичу Черкасскому было нетрудно выпросить себе бесхозный «отписной двор» покойного генерал-майора Корчмина «со всяким каменным и деревянным строением». Но как же надо было исхитриться, чтобы во время очередного «выхода» царицы подать ей в руки спорное дело ямщика хотиловского яма Ивана Ульянова с прапорщиком Иваном Лопухиным или прошение крестьян приписной Ферапонтовой пустыни из-под Мосальска «о бытии одного монастыря по-прежнему особливо»!^{348}

Ещё труднее было добиться, чтобы всемилостивейшая государыня заинтересовалась оказавшейся в её руках бумагой. 22 ноября 1732 года Анна передала на усмотрение Кабинета сразу 22 поданные ей челобитные — по одним ожидалось поиска справок в Сенате, по другим — в Москве. Но даже если императрица проявляла интерес, он ещё не был гарантией достижения искомого результата — здесь начиналось таинство самодержавной воли. К примеру, челобитную адмирала Н.Ф. Головина о выплате задержанного жалованья Анна вручила министрам, приказав «рассмотрение учинить», а челобитную придворного «метердотеля» Лейера об отдаче ему двора бывшего кухмистра Халябли сопровождала «изустным своим указом» о положительном решении дела.^{349} — разница существенная! Перемена монаршего настроения могла в одночасье осчастливить уже отчаявшегося просителя — или разочаровать уверенного в успехе.

Многое зависело от того, в добрый ли час попало прошение в руки государыни, хорошо ли она знала о заслугах подателя, нашёлся ли придворный доброхот, способный вовремя обратить внимание императрицы на челобитчика. Вот камер-юнкер и шут граф Алексей Апраксин просил отменить взыскание с него доимки в 892 рубля — и императрица милостиво простила злостного неплательщика. Невозможно было в радостные дни празднования мира с турками отказать ближайшей подруге Анне Юшковой — с её мужа государыня повелела не взыскивать недоимку по подушной подати аж с 1724 по 1738 год. А вдове

известного петровского промышленника Ивана Тамеса оставалось лишь ждать — её челобитную по тому же поводу «рассмотреть велено и после указ будет». Камергер, барон и соляной магнат Александр Строганов имел доступ к её величеству — и предъявил в Кабинете свою челобитную с высочайшей резолюцией; министрам оставалось только принять к сведению, что необходимо заплатить ему за поставленную соль и предоставить его подрядчикам привилегию судиться исключительно в Соляной конторе.

Фельдмаршал Миних таким же образом получил указ о выдаче ему «на экипаж» десяти тысяч рублей. Но когда он же попросил перевести пехотного прапорщика Александра Кушакова в драгуны, Анна не стала нарушать указ, запрещавший переводы из полка в полк по прошению самих офицеров: «Оставляэца при прежнем указе». Севскому Спасскому монастырю не досталась просимая Колодежская волость в Путивльском уезде, зато в далёкий Троицкий девичий монастырь в Шенкурске Анна через Ушакова послала 500 рублей на строительство соборного храма.^{350}.

Полковник Троицкого полка фон Ведель добился выплаты причитавшегося ему годового жалованья в 300 рублей (в связи с тратами на проезд к месту службы), а контр-адмирал Дуффус получил не только оклад на два года вперёд, но ещё и двухтысячную компенсацию расходов на покупку дома в Петербурге — до того лорд-морьяк маялся на съёмных квартирах.^{351}. А вот Акулине Нееловой, племяннице колоритной придворной «тётки» Петра I Анисьи Толстой, не повезло. В своё время император подарил Анисье 25 дворов; на деле же «деревня» оказалась много больше — 200 дворов. После смерти тётки Акулина, очевидно, решила «справить» имение за собой, но императрица разгневалась и отобрала его в казну: «Довольно будет и того, что ей за те 25 дворов... из нашей казны выданы будут деньги». Зато безвестное лицо «кавказской национальности», покинувшее отечество в юности и не имевшее никаких документов о своём «природном шляхетстве», получило диплом на дворянство и стало «горских черкес шляхтичем Иваном Фёдоровым сыном Черкесовым» — скорее всего потому, что состояло «в услугах» при духовнике императрицы, троицком архимандрите Варлааме. В марте 1740 года Анна пожаловала дворянство комнатному истопнику Алексею Яковлевичу Милютину — тот ещё в 1714 году завёл в Москве «шёлковую,

лентную и позументную фабрику», мастера которой умели делать атлас, бархат и тафту «противу иностранных не хуже»^{352}.

Предпринятая перетряска государственных структур была проведена успешно, хотя и не исключала появления недовольства. Новая императрица и ее советники сумели навести порядок в высших эшелонах власти и получить реальную военно-политическую опору в лице «новой» гвардии. Не пресловутое «засилье иноземцев», а именно эта «работа с кадрами» обеспечила правлению Анны Иоанновны стабильность.

Но эта стабильность не обеспечивала прочного положения конкретных фигур. Заслуги и милости не гарантировали генералитету спокойной жизни. Даже не совершая очевидных преступлений по «первым двум пунктам», вельможа или представитель среднего шляхетства мог подвергнуться царскому гневу; тогда рушилась карьера, отбирались имения, с молотка шло имущество. Борьба придворных «партий» в царствование Анны Иоанновны часто заканчивалась «падением» той или иной вельможной фигуры с последующей конфискацией имущества, за которым тут же выстраивалась очередь. Яркий тому пример — судьба Платона Ивановича Мусина-Пушкина.

Петербургские «распродажи»

Платон Мусин-Пушкин — потомок старинного рода, сын первого российского графа и члена «всешутейшего и всепьянейшего собора». Согласно семейным преданиям, граф Иван Алексеевич (1661–1730) являлся побочным сыном самого царя Алексея Михайловича; во всяком случае, Пётр I называл его «братом», а Платона — «племянником»^{353}.

Младший Мусин-Пушкин начал карьеру в качестве заграничного «пенсионера». По возвращении он был зачислен в Преображенский полк, но строевой службой не занимался; молодой офицер выполнял дипломатические поручения в Гааге, Копенгагене и Париже, затем в качестве тюремщика заточил (фактически замуровал) в келье Николо-Корельского монастыря бывшего новгородского архиепископа и вице-президента Синода Феодосия Яновского, дерзнувшего «изблевать» неодобрение в адрес императрицы и отказавшегося посещать дворец. Затем приводил в порядок хозяйство монетных дворов и в 1728 году получил генеральский чин действительного статского советника, чем намного обогнал старшего брата Епафродита — автора злой карикатуры на Анну Иоанновну. В январе — феврале 1730 года отец и сыновья обсуждали «кондиции», но вовремя сориентировались и 25 февраля подписали прошение о восстановлении самодержавия.

Явной немилости по отношению к Мусиным-Пушкиным не было, но замеченные в излишней активности фигуры отправлялись на губернаторство подальше от столицы. Граф Платон отбыл сначала в Смоленск, затем в Казань, потом в Ревель, пока, наконец, его не решили вернуть в Петербург. В 1736 году ему вышла милость — чин тайного советника и место президента Коммерц-коллегии. Спустя три года он стал сенатором и получил ответственное поручение — возглавить Коллегию экономии синодального ведомства, созданную для изъятия из рук духовенства управления церковными и монастырскими вотчинами. Граф был знатен, богат и чужд «искательности»; нам неизвестно, что он, подобно С.А. Салтыкову, А.И. Ушакову, В.Н. Татищеву и другим представителям генералитета, обращался за помощью к Бирону. Он подготовил проект секуляризации церковных имений, но тут

стало раскручиваться дело Волынского — и Платон Иванович попал под следствие.

Он не был доверенным «конфидентом», даже не участвовал в сочинении и обсуждении проекта Волынского (о нём речь пойдёт ниже). На допросе в Тайной канцелярии Мусин-Пушкин отрицал участие в «противных делах»: с Волынским встречался, но разговоры вращались вокруг «награждений» и текущих дел. Проект же он «видел и слышал», но к его составлению отношения не имел и содержания «не упомянул». Но в процессе следствия он шаг за шагом признавал, что предоставлял Волынскому документы своей коллегии; вспоминал критические высказывания кабинет-министра в адрес фаворита императрицы: «...его высококняжеская светлость владеющей герцог Курляндской в сём государстве правит, и чрез правление де его светлости в государстве нашем худо происходит»; «...великие денежные расходы стали и роскоши в платье, и в государстве бедность стала, а государыня во всём ему (Бирону. — *И.К.*) волю дала, а сама ничего не смотрит». Граф вытерпел дыбу с четырнадцатью ударами кнутом, но ничего нового не «показал».

Главной его виной были признаны присутствие при обсуждении проекта, «притакание» «злодеиственным рассуждениям» Волынского и недонесение о них. Старавшиеся отличиться судьи приговорили членов кружка Волынского к четвертованию, но при высочайшей «конфирмации» Мусину-Пушкину оно было заменено ссылкой в Соловецкий монастырь «в наикрепчайшей тамо тюрьме под крепким караулом». По меркам аннинского царствования он был наказан легко и даже не бит кнутом; конфискация не распространялась на родовые владения, которые отходили детям^{354}. Его наказание с символическим «урезанием языка» — основного «орудия преступления» — должно было послужить показательным примером.

В старомосковские времена опала далеко не всегда влекла за собой «конечное разорение» (за исключением, пожалуй, знаменитых опричных казней Ивана Грозного). Подпавший под высочайший гнев изгонялся с «государевых очей», но, как правило, не лишался имущества; впоследствии его и родню возвращали, пусть и с местническими «потерьками», в круг служилых фамилий. Теперь же опальные вычёркивались из жизни: теряли не только положение, но и всё имущество, а порой даже собственное имя, как это случилось с самим

Бироном, которого было велено именовать Бирингом; появились официальные формулы вроде «бывший дом бывшего Бирона».

С графом Платоном поступили милостиво: из четырнадцати с лишним тысяч душ в казну поступило чуть больше половины — 8207^{355}, а также шесть дворов в Москве и четыре (из них два каменных) в Петербурге да ещё приморская дача. В его большой петербургский дом на Мойке сразу перебрался генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой — он подал челобитную на улучшение жилищных условий, поскольку жил в отцовском доме с семьёй и братьями. Дача «близ Петергофа» отошла фельдмаршалу Миниху; часть имений — брату фаворита, командиру Измайловского полка Густаву Бирону.

«Пожитки» нестеснительно выгребались из домов арестованных и свозились для оценки и распродажи в «Итальянский дом» — загородный дворец Екатерины I на Фонтанке, где при Анне Иоанновне был устроен театр. Золотые монеты и слитки отправили в Монетную контору; только после воцарения Елизаветы наследникам — племянникам графа Платона — отдали семь пудов и 12 фунтов графского серебра. Жене Мусина-Пушкина оставили не только родовые владения мужа, но и каменный дом в Москве на Арбате, но зато подчистую отобрали гардероб; бедная Марфа Петровна безуспешно пыталась отстоять свои платья, «бельё и прочие уборы женские».

К дележу пожитков опальных в первую очередь допускались избранные. К себе в «комнату» императрица взяла четырёх попугаев, в Кабинет были переданы два ордена Александра Невского; в Конюшенную контору переехали «карета голландская», «берлин ревельской», две «полуберлины» и четыре коляски. Породистые «ревельские» коровы удостоились чести попасть на императорский «скотский двор», а дворцовая кухня получила целую барку с обитавшими на ней 216 живыми стерлядями. Бирон не смог удержаться от личного осмотра конюшни Мусина-Пушкина, однако не обнаружил ничего для себя интересного и распорядился передать 13 лошадей графа в Конную гвардию^{356}. Елизавета Петровна отобрала для себя оранжерейные («винные» и «помаранцевые») деревья, кусты «розанов» и «розмаринов». А вот библиотека Мусина-Пушкина в эпоху, когда чтение являлось подозрительным занятием, осталась невостребованной и в 1742 году по-прежнему хранилась в Канцелярии конфискации.

Остальная гора вещей (по оценке, на 14 539 рублей 74¹/₂ копейки) была продана с публичных торгов, в результате чего казна до нового переворота успела выручить 6552 рубля да ещё получила 1061 рубль 24 копейки «наддачи». Такие распродажи привлекали столичную публику: знатные и «подлые» обыватели демократично торговались за право владения имуществом опальных. Гвардейский сержант Алексей Трусов приобрёл за 95 рублей «часы золотые с репетицией», семёновский солдат князь Пётр Щербатов основательно потратился на золотую готовальню (335 рублей при стартовой цене в 200 рублей). Капитан князь Алексей Волконский заинтересовался комплектом из двенадцати стульев с «плетёными подушками» (12 рублей 70 копеек), а статский советник Фёдор Сухово-Кобылин приобрёл другой комплект, подешевле, с креслом в придачу. Тайный советник Василий Никитич Татищев пополнил свой винный погреб 370 бутылками «секта» (по 30 копеек за штуку), а гвардии прапорщик Пётр Воейков скупил 370 бутылок красного вина (на 81 рубль 40 копеек), 73 бутылки шампанского (по рублю за бутылку), 71 бутылку венгерского (по полтине), а заодно уж 105 бутылок английского пива (по 15 копеек). Кабинет-министр Алексей Петрович Бестужев-Рюмин выказал более изысканные запросы: он купил четыре больших зеркала в «позолоченных рамах (за 122 рубля) и ещё два «средних» (30 рублей)^[357]. Приобретения имели смысл: те же товары в обычной продаже стоили дороже.

Менее утончённая публика разбирала предметы повседневного обихода и столовые припасы, вплоть до заплесневелых солёных огурцов и рыжиков. Никого не заинтересовали картины графа («женщина старообразная», «птицы петухи», «персона короля швецкого», «птицы и дерева» и прочие по три рубля за штуку). Нераскупленным остался зелёный и чёрный чай в «склянках» — он ещё не стал у россиян популярным напитком. Зато соль, свечи, платки, салфетки, перчатки, одеяла, барская (фарфоровая и серебряная) и «людская» (деревянная) посуда, котлы, сковородки, стаканы, кофейники, ножи расходились лучше. Нашли новых владельцев «немецкие лужёные» перегонные кубы, «медная посуда английской работы», «меха, чем огонь раздувать», «четверо желез ножных и два стула с чепьми» (актуальная вещь для наказания дворовых) и даже господский ночной горшок — «уринник с ложкой и крышкой».

На распродаже можно было и приодеться — гардероб Мусиных-Пушкиных расходился быстрее прочей обстановки. В.Н. Татищев купил суконный «коришневой» подбитый гро-детуром кафтан с камзолом из золотой парчи «с шёлковыми травами по пунцовой земле» (50 рублей), а другой, похожий, уступил майору гвардии Никите Соковнину. Купцы приобретали костюмы попроще и подешевле — за 10-15 рублей. Особо отличился лекарь Елизаветы Петровны Арман Лесток: он скупал дорогие парчовые кафтаны по 80 рублей, «серебряные» штаны, поношенные беличьи меха, галуны, бумажные чулки, полотняные рубахи (оптом — 60 штук за 60 рублей). Капитаны и поручики гвардии расхватывали платья, юбки, шлафроки, кофты, фижмы, «шальки» и бельё — надо полагать, на подарки своим дамам; капрал-гвардеец Тютчев торговал даже «ношенные» и «ветхие женские рубахи». Судя по именам и фамилиям светских людей, столичный бомонд вполне мог встречаться в бывших графских палатах в одежде с его плеча.

В мимолётное регентство Анны Леопольдовны графа было разрешено одним из первых возвратить из ссылки; после следующего переворота Елизавета Петровна повелела в июле 1742 года «Платону Мусину-Пушкину по известному об нём делу вину отпустить и, одобря ево, прикрыв знамен, шпагу ему отдать и быть в отставке, а к делам ево ни х каким не определять»^{358}. В сентябре того же года граф Мусин-Пушкин «при роте Кабардинского полка и при собравшемся народе знамен прикрыт и шпага ему отдана». По-видимому, он скончался в том же году, а его вдове и наследникам предстояла долгая тяжба за возвращение перешедших в чужие руки имений и частично проданной, частично разбросанной по подвалам казённых учреждений обстановки. Желающих расстаться с «деревнями» и прочим пожалованным или приобретённым по дешёвке имуществом не было — не возвращать же императрице оранжерею! Поэтому только в 1748 году последовал указ о выдаче наследникам оставшихся «пожитков», многие из которых уже стали «тленными». Вернуть же имения опальной семье так и не удалось — из восьми с лишним тысяч конфискованных душ 4854 оказались розданными, теперь уже приближённым Елизаветы: гардеробмейстеру В. Шкурину, шталмейстеру П.М. Голицыну. Новый канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, когда-то уже прибравший к рукам зеркала из дома Мусина-Пушкина, теперь добился пожалования себе нескольких подмосковных сёл графа

(Образцова, Горетова, Новорожествина и др.) с 3141 душой, несмотря на все предыдущие указы^{359}.

Такой же процедуре подверглось движимое и недвижимое имение главного преступника — Артемия Петровича Волынского. В июле 1740 года родственник Остермана камергер Василий Стрешнев выпросил себе его «двор с каменными палатами на Неве; барон и вице-президент Камер-коллегии лифляндских и эстляндских дел Карл Людвиг Менгден получил «двор деревянного строения» на Мойке, но без обслуги — государыня решила отправить «всех имеющихся в доме Артемия Волынского девок в дом генерала, гвардии подполковника и генерал-адъютанта фон Бирона»^{360}. Московский дом Волынского на Рождественке регент Бирон пожаловал новому кабинет-министру А.П. Бестужеву-Рюмину, но тот воспользоваться им не успел, потому что сам вместе со своим покровителем попал под следствие. В итоге дом остался в дворцовом ведомстве, как и большинство «отписных» земель и душ опальных. Туда же отошла загородная усадьба Волынского — в ней расположился «егерский двор», и покои были переделаны для размещения придворной псовой охоты в составе 195 собак и 63 служителей.

Опись имущества Волынского упоминала неловкие попытки его дочерей скрыть некоторые ценности, которые тут же были пресечены: «По объявлению девки Авдотьи Палкиной сыскано у дочери Волынского Анны, которое она от описи утаила»; далее шёл перечень бриллиантовых серёг, перстней и колец. Затем «по объявлении девки калмычки» в сундуке Прасковьи Волынской нашлись алмазные и другие вещи, которые «положены были для утайки меньшою Волынского дочерью Марьею», в том числе «трясило» с яхонтом и семнадцатью бриллиантовыми искрами, серьги, старинная золотая пуговица с финифтью, 13 жемчужин «бурмицких», золотая медаль «о мире с турками», портрет за стеклом в золоте, три золотых кольца и перстень.

Тридцать первого июля 1740 года Анна Иоанновна приказала оценить имущество опальных, что и было сделано с помощью опытных «ценовщиков» из Канцелярии конфискации. Цена движимого имущества Волынского составила 27 540 рублей; его «конфиденты» Соймонов и Хрущов выглядели бедняками — их вещи стоили соответственно 565 и 496 рублей^{361}.

Публичные торги имуществом бывшего кабинет-министра велись «аукционным обыкновением при присяжном маклере», которым стал «аукционист» из Коммерц-коллегии Генрих Сутов

за гонорар в две копейки с каждого полученного рубля. Распродажа имущества проходила в несколько приёмов в сентябре — декабре 1740 года и привлекла множество покупателей, как свидетельствует «Счетная выписка пожиткам Артемья Волынского, которые имелись в оценке»^{362}.

Вице-президент Коммерц-коллегии Иван Мелиссино приобрёл яхонтовый перстень за 76 рублей, сенатор и генерал-майор И.И. Бахметев — 15 лалов (рубинов) за 227 рублей, тайный советник В.Н. Татищев — серебряные подсвечники за 88 рублей и щипцы за 45 рублей. Бриллиантовый перстень и серьги соответственно за 150 и 234 рубля достались обер-гофкомиссару Исааку Липману, а купцы Корнила Красильников, Афанасий Марков, Потап Бирюлин предпочли жемчуга.

Фельдмаршал Миних деньгами не сорил — брал по мелочи: три «цветника синих с каровками» за 4 рубля 40 копеек, две «польские чашки» за 2 рубля 80 копеек; чайник, сахарницу и две чашки за 3 рубля 20 копеек — но всё же и он потратился на приобретение «китайского идола» за 12 рублей 50 копеек. А Лесток опять покупал всё, что нравилось: две трости, тарелки, «детскую шпагу», кортик, два ружейных ствола, серебряные часы, хотя и не самые дорогие — за 15 рублей 25 копеек. Генерал-лейтенант Карл Бирон купил пять чашек за 30 рублей, а камердинер герцога Бирона Фабиан просто шиковал — взял (по заказу хозяина?) шесть зеркал, английский и зеркальный шкафы и кабинет — всего на 226 рублей с полтиной.

Вслед за важными персонами отовариться на распродаже старались офицеры, профессиональные ювелиры и торговцы-иноземцы. Последние интересовались драгоценностями и всякими дорогими вещами; первые же охотно скупали обстановку, посуду, оружие, «конские уборы» и «съестные припасы». Капитан князь Волконский за 15 рублей стал обладателем дубовой кровати министра, семь бочек английского пива за 14 рублей приобрёл бывший подчинённый Волынского по егермейстерской части полковник фон Трескау; мичман Хомутов за восемь рублей взял клавикорды, а капитан Тютчев — весь запас кофе (пять пудов 31 фунт за 29 рублей 74 копейки; более дорогой чай (десять фунтов за 15 рублей 50 копеек) купил ценитель экзотического китайского напитка прапорщик Насакин.

Императрица и здесь делала поблажку верным слугам. Без наценки и торга шут Пьетро Мира получил большой кубок за 105 рублей 45 копеек, а обер-директор таможни Сергей Меженинов

— самый дорогой парчовый кафтан министра за 160 рублей и ещё один, с золотым шитьём, за 120 рублей. Но найти нужные вещи можно было на любой вкус и цену — артиллерийский капитан Глебов разжился парчовым серебряным камзолом за 31 рубль, а капитан Выборгского гарнизона Филимон Вейцын — всего за четыре с половиной рубля стал донашивать за Волынским зелёные «штаны суконные». Господа офицеры скупали для своих дам робы и самары, юбки, «исподницы» и «балахоны» дочерей министра, а священник Никифор Никифоров приобрёл за 121 рубль дорогую «парчовую робу с юпкою и шнурованьем» — неужели для попадьи?

Продавались нужные в хозяйстве инструменты, вёдра, ножницы, чубуки; разошлась провизия — даже бочонок тухлых лимонов и «негодной» виноград. Полотно с изображением «жеребца Волынского буланого, грива стрижена» досталось «торговому иноземцу» Ивану Гроссу; иностранцы купили и остальные картины. За распроданное имущество Артемия Петровича казна выручила 33 524 рубля.

Однако на торги поступало не всё. Значительная часть золотых и серебряных вещей из «пожитков Волынского и Мусина-Пушкина» общим весом 11 фунтов 58,5 золотника в ноябре 1740 года была отправлена в Монетную канцелярию, в том числе конфискованные у графа Платона золотые монеты (638 рублей) и слитки, а также золото и серебро на 5294 рубля 97 копеек из «алмазных вещей» (оценённых в 19 300 рублей). Иностранные и допетровские отечественные монеты императрица распорядилась отдать — почему-то вместе с дешёвыми медными табакерками — в Академию наук, где нумизматическая коллекция Мусина-Пушкина помогла выработать научную классификацию древних русских монет. Ещё одна графская «коллекция» — «святые мощи (двадцати подвижников. — *И.К.*) в сорока двух бумажках с надписями, которые в Святейший Правительствующий Синод сообщены», — поступила на хранение в Петропавловский собор.^{363}.

Глава четвёртая. **ВЫСОЧАЙШИЙ ДВОР**

*Анна над Россиею воцарилась всею!
То-то есть прямая царица!
То-то бодра императрица!*

В.К. Тредиаковский

«Медный портрет»

В студёный день 16 января 1732 года Анна Иоанновна торжественно вступила в град Петров. Карета государыни (по бокам ехали верхом ближайшие люди — обер-камергер Бирон и обер-гофмаршал Левенвольде) и дворцовый «поезд» медленно двигались по «Большой перспективной дороге» (Невскому проспекту) под барабанный бой и музыку выстроившихся по пути следования трёх гвардейских и пяти полевых полков. Грянул «генеральный залп» из ружей, ему ответили 200 пушек Петропавловской крепости. У Исаакиевской церкви императрицу встретили члены Синода, «статские министры», профессора Академии наук и «иностранное купечество каждой нации». Под приветственный возглас «Виват Анна, великая императрица» государыня вступила в Зимний дворец Петра I, где приняла поздравления от правительственных «департаментов» и купечества^{364}.

Какой же увидели новую государыню жители Петербурга — и как нам спустя почти триста лет представить её? Судьба Анну не баловала. «Природная» царевна по воле могущественного дяди была выдана замуж и 20 лет провела в европейском захолустье, не став ни женой, ни матерью, ни даже настоящей правительницей собственного герцогства. Чтобы получить средства, приходилось заискивать перед императором и его родней. Одна за другой провалились попытки вступить в законный брак. Даже приглашение занять российский трон сопровождалось унижительными «кондициями», а в появившихся следом проектах государственного устройства ей, императрице, места не нашлось. На всю оставшуюся жизнь Анна сохранила недоверие к шляхетству; пресловутая бироновщина стала защитной реакцией, попыткой окружить себя надёжными людьми.

Ей платили «непристойными» словами и нелюбезными отзывами для потомков. Немало страдавшая по вине императрицы жена фаворита Петра II князя Ивана Долгорукова и дочь фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева изображает её настоящим пугалом: «Престрашного была взору. Отвратное лицо имела. Так была велика, когда между кавалеров идёт, всех головой выше, и чрезвычайно толста». Представительница древнего боярского рода отказывала Анне не только в женской

привлекательности, но и в праве на трон: «Выбрана была на престол одна принцесса крови, которая никакова следу не имела к короне»^{365}.

Однако есть и другой дамский отзыв о внешности императрицы, данный не имевшей к ней претензий женой английского резидента леди Рондо: «Она примерно моего роста, но очень крупная женщина, с очень хорошей для её сложения фигурой, движения её легки и изящны. Кожа её смугла, волосы чёрные, глаза тёмно-голубые. В выражении её лица есть величавость, поражающая с первого взгляда, но когда она говорит, на губах появляется невыразимо милая улыбка. Она много разговаривает со всеми, и обращение её так приветливо, что кажется, будто говоришь с равным; в то же время она ни на минуту не утрачивает достоинства государыни. Она, по-видимому, очень человеколюбива, и будь она частным лицом, то, я думаю, её бы называли очень приятной женщиной». Её соотечественник врач Джон Кук, впервые увидев государыню во время «экзерциции» Преображенского полка, удивился: «... императрица Анна не была красавицей, но обладала каким-то столь явным изяществом и была столь исполнена величия, что это оказало на меня странное воздействие: я одновременно испытывал благоговейный страх пред ней и глубоко почитал её»^{366}.

Атакой словесный портрет российской государыни в начале царствования оставил испанский посол герцог де Лириа: «Царица Анна очень высока ростом и темноволоса, её глаза красивы, руки восхитительны, а осанка величественна. Она очень полна, но в то же время подвижна. Вовсе нельзя сказать, чтобы она была красива, но она приятна во всём, очень щедра ко всем и милосердна к бедным, щедро награждает тех, кто этого заслуживает, и сурово наказывает тех, кто совершил какое-либо преступление. Она очень страшится пороков, в особенности содомии, её размышления и идеи очень возвышенны, и она ничем так не занята, как тем, чтобы следовать тем же правилам, что и её дядя Пётр I. Одним словом, это совершенная государыня. Но при том она женщина, и несколько мстительная»^{367}.

Наконец, подробно описал облик и образ жизни царицы хорошо её знавший придворный, сын фельдмаршала Эрнст Миних: «В торжественные и праздничные дни одевалась она весьма великолепно, а впрочем ходила просто, но всегда чисто и

опрятно. Придворные чины и служители не могли лучшего сделать ей уважения, как если в дни её рождения, тезоименитства и коронования, которые каждый год с великим торжеством празднованы, приедут в новых и богатых платьях во дворец... Она была богомольна и притом несколько суеверна, однако духовенству никаких вольностей не позволяла, но по сей части держалась точных правил Петра Великого. Станом была она велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были тёмные, лицо рябоватое и голос сильной и проницательной. Сложением тела была она крепка и могла сносить многие удручения. Судя по умеренному образу жития её, могла бы она долговременного и здоровою наслаждаться жизнью, если б токмо каменная болезнь, подагра и хирагра, наследованные скорби, не прекратили дней её»^{368}.

Официальные же издания традиционно приукрашивали внешность, черты характера и деяния венценосных особ. В дополнительный том первой немецкой энциклопедии — изданного в Лейпциге «Универсального лексикона всех наук и искусств» — вошло описание правительницы «одной из самых суровых европейских монархий»: «Чёрные глаза и волосы нашей Анны излучали такую красоту, что ей — поскольку помимо этого, она обладала и особой бодростью духа, большим радушием и представительной осанкой — нельзя было отказать в славе совершенной принцессы»^{369}.

При исключении из этих характеристик лести, симпатий или антипатий авторов в остатке получается высокая темноволосая дама, не слишком изящно скроенная, но крепко сшитая, с длинным носом и выразительными карими глазами на рябоватом лице, обладавшая воспитанным с детства умением держать себя с должным величием, но способная при случае быть приветливой. Пожалуй, всё, кроме последнего, можно увидеть на известном парадном портрете императрицы, выполненном её придворным портретистом Луи Караваком: монументальную фигуру в массивной короне, тяжёлом парчовом платье и ещё более тяжёлой мантии, с руками, как будто уставшими сжимать скипетр и державу. Художник не льстит портретируемой — у кряжистой Анны невыразительное лицо, пухлые руки, почти отсутствует шея, зато отчётливо виден двойной подбородок.

Заносчивый француз великим мастером не был — но и портретируемая особа как будто не возражала против такой трактовки своего образа; похоже она будет выглядеть и на других известных портретах. Конечно, молодость, прошедшую в курляндской глуши, уже не вернуть, зато теперь можно с лихвой наверстать упущенное. Даже по профилям императрицы на монетах видно, что за десятилетие правления она неоднократно меняла фасоны причёсок и одежды. Государыня носила «фантанжные кружевные уборы», «покупные локоны» и парики по тогдашней моде; она распорядилась заплатить «парукмахеру Петру Лебруну за издержание к делу им про собственную нашу персону шти (шести. — *И.К.*) перучков» 33 рубля с полтиной и ещё 100 рублей в награду.

Пленный французский офицер Агей де Мион был представлен Анне Иоанновне в 1734 году: «Мы нашли, что императрица отличалась величественным видом, прекрасной фигурой, смуглым цветом лица, чёрными волосами и бровями, большими навывкате глазами такого же цвета и многочисленными рябинами на лице; она была причёсана по-французски, и в волосах её было много драгоценных камней. На ней было золотое парчовое платье с огненным оттенком и сшитое по французской моде, на роскошной ея груди виднелась большая бриллиантовая корона. Через несколько минут царица вернулась в шёлковом платье, которое она, вероятно, надела по той причине, что было очень жарко»^{370}.

Но в парадном портрете кисти Каравака на первом месте — державность. Живописец скрупулёзно изобразил атрибуты царской власти: парадное платье с шитьём, цепь и орден Святого Андрея Первозванного, усеянную драгоценными камнями корону, скипетр, державу, горностаевую мантию. Зрители смотрели на фигуру императрицы снизу вверх, как и подобало верноподданным; она же как будто застыла в своём величии, и неизвестно, то ли в следующий момент одарит милостивой улыбкой, толи прогневается... Возможно, так и было задумано — не отразить конкретную личность, но прославить могущество? Что же касается внешности, то Анна на портрете, конечно, не красавица, но и не чудовище — обычная дама средних лет.

Пожалуй, настоящим символом нового стиля стал не живописный, а скульптурный портрет — «Анна Иоанновна с арапчонком», который должен был красоваться на площади

перед Зимним дворцом. Работа над статуей была начата Растрелли-отцом в 1732 году и шла очень быстро, так что уже в конце года скульптор закончил модель. Однако её отливка была завершена только в 1739 году, а затем ещё два года длилась чеканка — Анна так и не дождалась этого памятника. Пришедшая к власти Елизавета Петровна постаралась ослабить деяния предшественников, якобы незаконно отстранивших её от трона. «Медный портрет» был сослан в Академию наук и не удостоился известности другого столичного монумента — Медного всадника. Но если бы он стоял на предназначенном месте, то довольно точно отразил бы дух и стиль аннинского правления.

Скульптор представил императрицу в момент торжественного выхода. Анна будто закована в броню парчового платья с негнущимися складками, множеством драгоценных камней и полным парадным набором — горностаевой мантией на плечах, орденой звездой на груди, малой короной, нитями крупных жемчужин с подвесками в причёске, колье и браслетами. Протянутый скипетр и фигурка арапчонка, по мановению императорской руки подающего державу, создают впечатление, что статуя вот-вот начнёт тяжёлую неумолимую поступь — именно такой увидел её впервые автор этих строк, а тогда московский студент в зале Русского музея. У скульптурного портрета Анны, в отличие от живописного, лица как бы и нет — вместо него маска величия... Наверное, государыня была довольна работой скульптора: статуя воплотила дух её эпохи — растущей военной мощи, суровой службы, неизысканной роскоши, пришедшей на смену петровской простоте и динамике. Думается, такой она и видела себя, ибо, по свидетельству Миниха-младшего, «упоена была честолюбием и во всех предприятиях своих стремилась к славе».

Но нести такое бремя на деле — не всем по силам. Анну хватало на то, чтобы «в публичных церемониях... показать себя с превеличайшею важностью и приличием» — сохранять царственную осанку и «величественное лицерасположение». Она, как мы видели, никогда не отстранялась от нудных и порой раздражавших её дел, особенно когда исполнители её предначертаний оказывались неразумными и корыстными. У неё были «хороший разум» и «беспримерная память»; её письма и указы отнюдь не свидетельствуют о её беспомощности в делах управления. Но у племянницы Петра Великого не было ни его

разносторонних знаний, ни приобретённого с годами опыта управления огромной страной, ни широты взгляда и видения перспективы. Да и невозможно в повседневной жизни постоянно выглядеть подобно статуе — памятнику величию её державы.

Тогда Анна выходила из образа и становилась той, какой на самом деле и была — простоватой, а то и просто грубой помещицей, повелительницей маленького двора (где все про всех всё знают) и безответных мужиков, любительницей охоты и нехитрых развлечений вроде карт и шутовских забав.

Под флёром европейских нравов и мод дворцового обихода скрывались ещё не преодолённые следы московской патриархальности. Государыня была богомольна и как-то нетолерантна к «светским» порокам. Она рано вставала; ходила по дворцу одетой просто, хотя «чисто и опрятно», слушала народные песни, которые пели ей «девки» и даже фрейлины. Любила пышность — но, как отмечал Миних-младший, когда расходы становились слишком велики, наводила экономию, так что «расходы её никогда не превышали обыкновенных доходов двора, но ещё нарочитая сумма оставалась в запасе». Игра в карты уже вошла в моду. «Я видел, как проигрывали до 20 000 рублей в один присест за квинтичем или за банком. Императрица не была охотница до игры: если она играла, то не иначе как с целью проиграть. Она тогда держала банк, но только тому позволялось понтировать, кого она называла; выигравший тотчас же получал деньги, но так как игра происходила на марки, то императрица никогда не брала денег от тех, кто ей проигрывал».

Парадная открытость большого двора маскировала замкнутость частной жизни. Тот же Миних вспоминал: «...домашние услуги не от каждого без различия она принимала, но токмо от немногих, к которым привыкла. Я был один из тех, кои пользовались честью ей прислуживать, и никогда не имел сверх одного или двух товарищей. Как однажды отец мой просил герцога о назначении меня министром к датскому двору, то он получил в ответ, что императрица такую сделала ко мне привычку, что трудно будет склонить, дабы она отпустила меня от себя».

Анна не могла, подобно дяде, быть великим полководцем, прозорливым законодателем или смелым реформатором. На её долю выпало оформление величия новой европейской державы, и средоточием её блеска стал императорский двор.

Придворные и челядь

Пётр I большую часть жизни провёл в поездках, останавливаясь то во дворцах и замках, то в крестьянских избах и походных шатрах, мог с аппетитом закусить и за королевским столом, и в придорожном трактире. Он строил новые резиденции, но не любил просторных дворцовых залов и официальных церемоний, не нуждался в толпе придворных — скорее воспринимал их как бездельников. Однако вступление России в круг великих держав требовало соответствующего антуража, тем более что отечественные дипломаты добивались признания её высшего, имперского статуса. Императорскому титулу должен был соответствовать и двор.

Составленный сразу после смерти Петра Великого в январе 1725 года список включал более четырёхсот всевозможных «служителей» (лакеев, гайдуков, «арапов», «карлов», музыкантов, поваров, «портомоек», рыболовов, пиво- и браговаров, мастеров-ремесленников, конюхов)^[371]. Однако собственно придворных чинов было около тридцати, ещё не сложилась их иерархия, к тому же придворные особой роли в управлении не играли.

При Екатерине I были составлены проекты нового штата «по примеру Римского цесарского двора» с расписанием новых чинов, их функций и окладов. Расширился круг придворных дам и комнатных служительниц — камер-юнгфер и камер-медхен^[4]; появились чины, подведомственные гофмаршалу (камердинеры, камер-пажи, пажи, камер-лакеи и лакеи, футер-маршалы, скороходы, гайдуки, «арапы», «карлы», музыканты, служители кухни и погребов) и интендантам (дворцовые мастеровые, служители зверинцев и садов). Свои соображения по поводу придворного штата имелись и у всемогущего А.Д. Меншикова. В начале правления Петра II он метил на должность обер-маршала — руководителя дворцового ведомства, а на важнейший с точки зрения близости к императору пост обер-камергера (главы придворных чинов, ведавших покоями и повседневным царским обиходом) поставил своего сына Александра.

После падения временщика эту работу продолжил А.И. Остерман, и в декабре 1727 года император утвердил несколько указов, ведомостей и перечней, которые можно называть первым штатом российского императорского двора. Согласно

«Ведомости обретающимся при дворе его императорского величества в рангах и не в рангах служителям, которым определено на сей 1728 год и впредь выдавать денежного жалованья», в штате Петра II и его сестры Натальи (без маленьких дворов цесаревны Елизаветы, старой царицы Евдокии Фёдоровны, царевен Прасковьи и Екатерины) числилось 489 человек^{372}. Из составленной в царствование Елизаветы ведомости следует, что расходы на жалованье придворным в 1719 году составляли 52 094 рубля, в 1726-м — 66 788 рублей, а в 1728-м — уже 90 025 рублей^{373}. Появилось мощное конюшенное ведомство, возродилась царская псовая и птичья охота. Из сохранившейся «Росписи охоты царской» следует, что в Измайлове для императора были заготовлены 50 саней, 224 лошади, сотни собак и «для походов 12 верблюдов»; охотничий «поезд» обслуживали 114 охотников, сокольников, доезжачих, лакеев и конюхов.

Молодой князь Иван Долгоруков стал обер-камергером и близким другом юного государя; через его руки стали проходить доклады и приказы по гвардии; именно к нему обращался её командующий В.В. Долгоруков (фельдмаршал — к капитану!) для решения вопроса о выдаче полкам задержанного «хлебного жалованья». В 1729 году Долгоруков уже не только отдавал императорские указы по полкам, но и требовал подавать ему ежедневные рапорты^{374}. А его отец, гофмейстер Алексей Григорьевич, не жалел сил для устройства новых развлечений, чтобы сохранить привязанность царя. Этому замыслу как нельзя лучше соответствовали охотничьи экспедиции в подмосковных лесах.

Но именно при Анне Иоанновне «высочайший двор» стал важнейшим элементом новой структуры власти и главным полем деятельности государыни. Из незатейливой петровской «кумпании» он превратился в символ имперской пышности и величия с целой системой должностей и центрами притяжения. Не очень уверенная в своих правах на трон и проведшая много лет вдали от родины, она стремилась окружить себя преданными людьми — родственниками, поддержавшими её сторонниками «самодержавства» и «немцами» из Лифляндии и Курляндии.

Место сосланных Долгоруковых занял назначенный обер-гофмейстером С.А. Салтыков — именно он готовил для императрицы списки оставляемых при дворе и вновь принимаемых лиц и увольнял неугодных. Но скоро рядом с ним

выдвинулись обер-камергер Э.И. Бирон и обер-гофмаршал (чин, не предусмотренный Табелью о рангах 1722 года) Р. Левенвольде; обер-шталмейстером стал сначала П.И. Ягужинский, а затем — К.Г. Левенвольде. В ноябре 1730 года были отправлены в отставку прежний обер-гофмейстер М.Д. Олсуфьев и весь штат Главной дворцовой канцелярии во главе с начальником А.Н. Елагиным (оба участвовали в шляхетских проектах). В числе новых «командиров» был отличившийся при восстановлении самодержавия 25 февраля 1730 года капитан гвардии А. Раевский^{375}.

Появление новых высших придворных чинов вызвало борьбу за влияние между обер-камергером, обер-гофмаршалом и обер-гофмейстером. С.А. Салтыков сохранил пост начальника Главной дворцовой канцелярии и управление 400 тысячами дворцовых крестьян, но потерял власть непосредственно во дворце — в 1730 году возникла особая Придворная контора во главе с обер-гофмаршалом. Для обер-гофмейстера и обер-гофмаршала в 1730 году были составлены специальные инструкции. В ведение первого перешли охрана и эксплуатация императорских дворцов, назначение аудиенций у государыни и суд над дворцовыми служителями. Второй обеспечивал повседневный стол и ведал заготовками и закупками. Только эти высшие дворцовые чины имели право передавать словесные повеления императрицы.

Отныне придворная служба стала регламентироваться, происходило размежевание функций между её подразделениями и налаживалось делопроизводство. По приказу императрицы было составлено «клятвенное обещание дворцовых служителей» — придворная челядь (лакеи, «арапы», истопники и даже неопределённых занятий «бабы») обязывалась службу «со всякой молчаливостью тайно содержать»: говорить «о том, что при дворе происходит и я слышу и вижу, токмо тому, кто об оном ведать должен», а в других случаях «ничего не сказывать и не открывать»; «тщательно доносить» о всех подозрительных вещах^{376}.

Переписка Главной дворцовой канцелярии с Придворной конторой показывает, что к отбору претендентов на службу в «дом её императорского величества» подходили серьёзно, даже если дело касалось просившегося в «кузнечную работу» сына дворцового сторожа Ивана Алексеева или сына сокольничего Григория Муравьёва. Но даже придворная должность не спасала

от кары за неблагонадёжность. К примеру, гоф-юнкер Иван Наумов не был у присяги, поскольку отъехал в деревню, а по возвращении в 1733 году не удосужился её принести «по недознанию» — и отправился рядовым солдатом в гиблые прикаспийские провинции.

Придворное окружение новой императрицы — камергеры и камер-юнкеры — было заменено почти полностью, как и служители её личных покоев от камердинеров и камер-юнгфер до портомой^{377}. Лично государыню обслуживали камер-фрау и две камер-юнгферы, кабинетный канцелярист, шесть пажей и 13 камер-пажей, три карлицы и четыре «карла»; под ведением трёх гоффурьеров в комнатах сохраняли порядок пять камер-лакеев и 52 лакея (из них трое служили у фрейлин). При государыне состояли три «арапа», 13 гайдуков и четыре скорохода.

В высшем придворном кругу «немцев» было не так много: среди камергеров — барон И.А. Корф (будущий «командир» Академии наук), сын фельдмаршала Миниха, его родственник К.Л. Менгден и ничем не выдающиеся де ла Серра и барон Кетлер; среди камер-юнкеров — шурин Бирона Тротта фон Трейден. Команда пажей была более интернациональной — здесь имелись «Жан француз», «Пётр Петров арап», лифляндцы И. Бенкендорф и И. Будберг, французский выходец из Швеции А. Скалой, В. Бринк^{378}; остальные представляли известные русские фамилии.

Жена фельдмаршала-«верховника» М.М. Голицына княгиня Татьяна Борисовна была пожалована в обер-гофмейстерины. Бенигна Бирон стала статс-дамой — после избрания мужа герцогом Курляндии в 1737 году она получила «первенство» перед всеми дамами двора, включая обер-гофмейстерину. Вместе с ней чин статс-дамы носили двоюродная сестра императрицы графиня Е.И. Головкина, Н.Ф. Лопухина, П.Ю. Салтыкова, Е.И. Чернышёва, баронесса М.И. Остерман и княгиня М.Ю. Черкасская. Среди фрейлин были Христина Вилдеман (впоследствии супруга К.Л. Менгдена) и две представительницы фамилии Кейзерлинг. Помимо них, при дворе находились возвращённая из ссылки и выданная за брата Бирона княжна А.А. Меншикова, дочь А.И. Ушакова и две Салтыковы; впоследствии к ним прибавились княжна Одоевская и Татищева.

Очевидно, больше «немцев» и не требовалось. Во-первых, придворная служба была исконным почётным правом русской знати; во-вторых, Бирону не нужны были конкуренты. Он

старался отдалить от трона все более или менее яркие фигуры безотносительно национальности — например слишком активного фельдмаршала Б. Х. Миниха. После отправки К.Г. Левенвольде полномочным послом сначала в Варшаву, а затем в Вену серьёзных соперников у Бирона не осталось, и он старался заместить руководящие придворные посты своими «креатурами» — не обязательно «немцами»; так, обер-шталмейстером стал преданный ему А.Б. Куракин, а обер-егермейстером — тогда ещё пользовавшийся доверием фаворита А.П. Волынский.

Повышение роли и престижа дворцовой службы отражалось в изменении чиновного статуса придворных. При Петре I камергер был приравнен к полковнику, а камер-юнкер — к капитану. При Анне ранг этих придворных должностей был повышен соответственно до генерал-майора и полковника, а высшие чины двора из IV класса по Табели о рангах перешли во II класс. Эту же тенденцию продолжало сменившее эпоху «немецкого засилья» «национальное» правление Елизаветы: камер-юнкеры были приравнены к бригадирам^{379}. Положение придворных определялось и неформальными поощрениями. В декабре 1738 года Анна Иоанновна распорядилась освободить от постоя столичные дома камергеров и камер-юнкеров, а в феврале 1740-го выдала фрейлинам 600 рублей на платье, чтобы было в чём появиться на праздничном маскараде.

В послепетровскую эпоху именно придворный чин становится трамплином для будущей карьеры. Б.Г. Юсупов, М.Г. Головкин, Н.Ю. Трубецкой, М.Н. Волконский, П.С. Салтыков при Петре II и Анне, братья Шуваловы, Н.И. Панин, З.Г. Чернышёв при Елизавете — все они начинали службу в качестве камер-юнкеров и камергеров. Даже не удержавшийся при дворе молодой дворянчик получал солидную фору по сравнению с непридворными молодцами: камер-пажи «выходили» на иную службу поручиками, а пажи — прапорщиками. Даже самые мелкие придворные сошки имели возможность сделать карьеру: простой «арап» Пётр Петров сумел стать камер-пажом, а затем выйти в гоффуры.

Камергерами Анны Иоанновны стали представители молодого поколения русской знати — как правило, родственники вельмож, поддержавших восстановление самодержавия в 1730 году: Б.Г. Юсупов, А.Б. Куракин, П.С. Салтыков (сын С.А. Салтыкова), П.М. Голицын (сын фельдмаршала), В.И. Стрешнев (родственник Остермана), Ф.А. Апраксин; к концу её

царствования — П.Б. Шереметев, А.Д. Кантемир, И.А. Щербатов (зять Остермана), П.Г. Чернышёв.

В число камер-юнкеров вошли состоявшие при Анне ещё в Курляндии И.О. Брылкин, И.А. Корф, а также П.Г. Чернышёв, А.П. Апраксин, А.М. Пушкин, М.Н. Волконский, П.М. Салтыков. Рядом с ними служили пожалованные до 1730 года отпрыски московской знати: И.В. Одоевский, Н.Ю. Трубецкой, П.И. Стрешнев, Ф.А. и В.А. Лопухины. Не менее знатными были и юные пажи А. Волконский, И. Нарышкин, И. Ляпунов, Н. Лихачёв, П. Кошелев, И. Вяземский, Ф. Вадковский, И. Путятин.

Строптивцы, подобные фельдмаршалу В.В. Долгорукову или генералу А.И. Румянцеву, получали показательный урок со смертным приговором, заменённым на заключение или ссылку. Другие отправлялись в дальние «командировки». Оставались те, кто был готов признать первенство и власть фаворита и соответствовать не слишком взыскательным вкусам императрицы.

Никита Юрьевич Трубецкой (1700–1767), майор гвардии, никогда не служивший в строю, и камергер, сумел проявить редкостную способность угождать любой «сильной персоне» с полной отдачей, включая собственных жён: первая пользовалась расположением обер-камергера Ивана Долгорукова, вторую предпочитал фельдмаршал Миних. Он участвовал во всех «судных» расправах аннинского царствования (над Д.М. Голицыным, Долгоруковыми, Волынским), сумел ускользнуть от отправки на губернаторство в Сибирь, получил в 1740 году должность генерал-прокурора — и остался «непотопляемым» на протяжении семи царствований.

Сын знаменитого петровского дипломата Александр Борисович Куракин (1697–1749) получил блестящее образование за границей, владел немецким, французским и латинским языками. Начав службу при отце, молодой Куракин в 25 лет стал послом России в Париже и представлял её интересы на Суассонском международном конгрессе. За возвращением на родину последовало камергерство с участием в празднествах и забавах и почётным дозволением (единственному из придворных) напиваться до положения риз: «обершталмейстер угождал ему (Бирону. — *И.К.*) лошадьми, яко умной человек льстил ему словами и яко весёлой веселил иногда и государыню своими шутками, и часто соделанные им в пьянстве продерзости, к чему он склонен был, ему прощались».

Бывший гардемарин Тулонской морской школы во Франции Борис Григорьевич Юсупов (1695–1759) также в высшей степени успешно усвоил дух нового царствования и стал верным клевретом Бирона. Правда, князь Юсупов сумел показать себя не только в придворных развлечениях, но и на губернаторстве и даже, как увидим, иногда имел смелость думать.

Для вельмож Петра Шереметева, Николая Строганова, купца и дипломата Саввы Владиславича-Рагузинского новые чины стали почётной приставкой к богатству или карьере, для других — князей Никиты Волконского, Алексея Апраксина, Михаила Голицына — вершиной придворной службы в должности императорского шута. Некоторые аристократы не стали шутами по профессии, но приноравливались к стилю двора и демонстрировали соответствующие таланты. Камергер Павел Фёдорович Балк «шутками своими веселил государыню и льстил герцогу, но ни в какие дела впущен не был»; граф Пётр Семёнович Салтыков (будущий главнокомандующий русской армией в Семилетней войне) делал из пальцев разные смешные фигуры и чрезвычайно искусно вертел в одну сторону правой рукой, а в другую правой ногой.

Их судьбы кажутся нам не случайными. Уровень личности царицы и её запросы удачно совпали с настроениями послепетровской элиты. Эпоха бурных реформ сменилась для высшего круга российского общества относительной «разрядкой». При Петре верхи дворянства быстро и без особого разбора переняли иной образ жизни со всеми его достоинствами и недостатками. Пока был жив император, он направлял их интерес в сторону освоения прикладных знаний: математики, механики, военно-морского дела. После смерти царя-реформатора новое поколение дворянских недорослей предпочло иной путь сближения с «во нравах обученными народами» — увлеклось «шумством», «огненными потехами», показной роскошью, атмосферой праздника, что запечатлели сатиры Антиоха Кантемира:

Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает:
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга — на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?

...

Медор тужит, что чресчур бумага исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры.

При дворе с размахом праздновались тезоименитства, дни рождения и годовщины коронации. Дамы осваивали европейские моды, танцы и язык мушек: «На правой груди — отдаётся в любовь к ковалеру; под глазом — печаль; промеж грудей — любовь нелицемерная». На роскошных приемах не жалели средств на иллюминацию и фейерверки, вина текли рекой, гремела музыка и гостей ожидали десятки блюд. «Я бывал при многих дворах, но могу вас уверить: здешний двор своею роскошью и великолепием превосходит даже самые богатейшие, потому что здесь всё богаче, чем даже в Париже», — констатировал испанский посол де Лириа.

В состав двора входили не только собственно придворные, чьи фигуры и действия в первую очередь бросаются в глаза, но и те, кого можно назвать организаторами повседневной жизни. Здесь влияние иноземцев было заметным. Дворцовая служба представляла собой настоящий интернационал, где русские сталкивались с иноземцами, соперничали с ними и учились у них. Анну обслуживали немецкие фрейлины (Трейден, Вильман, Швенхен, Шмитсек); её племянницу воспитывали гофмейстерина Адеркас с мадам Бельман и «мадемозель» Блезиндорф. Две русские камер-юнгферы и карлицы были подчинены камер-фрау Алёне Сандерше. Стиркой и починкой белья, в том числе столового, а также чисткой кружев и одежды занимались две команды немок-кастелянш Барбары Юстины Габиленстинг и Софьи Бак. Лейб-шнейдером — личным портным императрицы — служил И.Б. Шефлер, пажеским гофмейстером — «цесарец» Адам Гинкель, а танцевать пажей и прочих придворных учил английский танцмейстер Видим Хиггинс.

Придворное общество потешали императорские «карлы» Яков Подчёртков, Пётр Локтев, Юрий и Артемий Валевачевы и три карлицы. Гостей обслуживали русские кофишенки Осип Никифоров и Алексей Леонтьев, гофинтендант Пётр Мошков, камерцалмейстер Александр Кайсаров, вагенмейстер Иван Редриков, ведавший казёнными помещениями гоф-штабквартирмейстер Михаил Марков. Рядом со знатоками

импортных вин работали «водочные мастера», медоставы и пивовары.

По штату 1733 года большой (императрицын) и малый (принцессы Анны) дворы обслуживали соответственно 817 и 19 человек. Резко выросли расходы на императорский стол: в 1718 году они составляли 52 тысячи рублей, в 1728-м — уже более 90 тысяч, а при Анне достигли 160 тысяч рублей, поступавших из Главной дворцовой канцелярии, и ещё 67 тысяч из Штатс-конторы. Всего же собственноручно подписанным указом Сенату от 21 марта 1733 года Анна повелела отпускать из Штатс-конторы в Придворную контору «на содержание двора её императорского величества» 260 тысяч рублей в год^{380}. Можно бы и упрекнуть царицу в расточительности, но блеск и престиж двора становится нормой в Европе «старого режима». Содержание венского двора Габсбургов в первой половине XVIII столетия обходилось примерно в два миллиона гульденов, а двора Людовика XV — в 180 миллионов ливров^{381}; что по тогдашнему курсу равнялось соответственно 1,2 и 36 миллионам рублей!

Когда в 1734 году жалованье служителей двора, разросшегося к тому времени до 1082 единиц, возросло до 133 607 рублей, Анна решила, что это уже слишком, и повелела лишних «от двора уволить», а «впредь более 100 000 в дачю жалованья придворным служителям не прибавлять и не производить». В последующие годы её царствования эти расходы колебались в пределах 100–110 тысяч рублей — даже с учётом создания в 1739 году нового штата принцессы Анны Леопольдовны, которая вышла замуж и готовилась стать матерью будущего императора^{382}.

Придворная контора почти каждый год пересматривала штаты дворцовой obsługi, и Анна собственноручно утверждала список чинов с соответствующими окладами. Созданные при ней состав придворных чинов и служб и их иерархия сохранялись и в следующие царствования. «Она имела ясный, проницательный ум, знала свойства окружающих её лиц, любила порядок и великолепии, и никогда двор не был так хорошо устроен, как при ней», — отмечал в мемуарах фельдмаршал Миних — и, похоже, был недалёк от истины.

Государыня-хозяйка

В придворном мире Анна чувствовала себя уверенно, как властная помещица в кругу своей дворни. Здесь не надо было решать вопросов, требующих специальных знаний, — например какие военные корабли лучше строить, содержать ли питейные дома на откупе или «на вере», какой именно должна быть фуражная порция драгунским лошадям. Ей больше нравилась роль вершительницы судеб, источника благ и милостей. Она предпочитала обходиться без скучных бумаг. В июне 1735 года государыня повелела учреждениям не исполнять никаких устных распоряжений от её имени, а принимать только письменные указы за её подписью или «рукоприкладством» трёх кабинет-министров, но касательно придворных дел сочла эту формальность излишней и приказала Придворной конторе подчиняться устным повелениям, переданным через обер-гофмаршала или гофмаршала^{383}.

Проведя полжизни в бедности, Анна стремилась наверстать упущенное «пышностью в строениях, домашних уборах, экипажах и одеждах». Вкусы государыни совпали с господствовавшим тогда стилем барокко с его пышностью, парадностью, декоративностью. Сочинение Юлиуса Бернгарда фон Рора «Введение к науке церемониала важных господ» (1733) — настольная книга немецких княжеских дворов — предписывало: «Величайшей роскошью, которую лица высочайшего ранга демонстрируют во время праздничных торжеств, являются исключительно платье из бархата, затканного золотом или серебром, и гарнитуры, усыпанные алмазами, стоимостью в несколько тонн золота, равных миллионам».

Памятником аннинского царствования остался в Бриллиантовой кладовой Эрмитажа сделанный мастерами из Аугсбурга золотой туалетный прибор из сорока шести предметов (чайников, кофейников, коробочек, шкатулок, умывальника, грелки с углями, подсвечников, подносов и пр.), орнаментированных в стиле Людовика XIV^{384}. В XIX веке установилась традиция: все невесты дома Романовых перед венчанием причёсывались за туалетным столиком, на котором стоял этот прибор, и гляделись в роскошное зеркало со

скульптурным обрамлением и короной с вензелем Анны Иоанновны.

При Анне в России бриллианты вошли в моду и стали играть роль официальных «представительских» камней. В 1732 году Анна купила «алмазных вещей» на 263 685 рублей, в 17 756 рублей обошёлся сервиз для Бирона, 14 646 рублей было потрачено на золотые украшения и золотой же ночной столик («нахтыш») — всего на 296 087 рублей. В следующем году на бриллианты для императрицы ушло 85 100 рублей; в 1734-м — 134 424 рубля; в 1740 году — 181 506 рублей. Счета её «комнатных» денег постоянно фиксируют расходы на золотую, серебряную и фарфоровую посуду, бриллианты, драгоценные «уборы на платье», жемчуг, кружева — общая сумма которых за время царствования составила 1 374 466 рублей.^{385} Однако по указанию императрицы деньги на приобретение «алмазных вещей» брались и из прочих государственных доходов.^{386}

Эти деньги и вещи проходили через руки придворного «фактора» Исаака Липмана, которого Анна Иоанновна 8 марта 1731 года особым патентом «в наши обер гофкомиссары всемилостивейше пожаловала».^{387} Его порой представляют неким «серым кардиналом» Бирона и чуть ли не закулисным правителем страны. «Герцог... следует только тем советам, которые одобрит жид, по имени Липман, достаточно хитрый, чтобы разгадывать и вести интриги. Он один только посвящается в тайны герцога, своего господина, и всегда присутствует на его совещаниях с кем бы то ни было. Можно сказать, что этот жид управляет Россией», — докладывал из Петербурга саксонский посланник Зум в 1738 году.

На самом деле всё было несколько проще: процесс «европеизации» царского двора, проходивший по «образцам» германских дворов, привёл к появлению в России типичной для них фигуры «придворного еврея». «Обер-гоф-фактор», «кабинет-фактор» или «финансовый агент» в XVIII столетии выступал в качестве влиятельного банкира, расторопного комиссионера, поставщика армии, дипломата.

«Императорский придворный фактор» и богатейший еврей Германии Самсон Вертгеймер (его называли даже «еврейским императором») с честью служил трём поколениям Габсбургов; это он оплатил переговоры и заключение Утрехтского мира, завершившего Войну за испанское наследство. Придворный еврей саксонского курфюрста Августа II Бернд Лехман в 1697

году собрал десять миллионов талеров, с помощью которых обошёл французского принца на «выборах» короля Речи Посполитой. Подвизавшиеся при прусском дворе Моисей и Элиас Гумперты взяли на откуп всю торговлю табаком. Такие советники и агенты на все руки имелись при дворах в Мекленбурге, Ганновере, Байрейте, Баварии, Майнце, Вюртемберге, Ансбахе, Брауншвейге и десятках других больших и малых княжеств. Они давали сильным мира сего ссуды, переводили из страны в страну крупные суммы, доставляли с ярмарок в Лейпциге и Франкфурте парчу, бархат, кружева, драгоценные камни и любые другие дорогие и престижные товары. Порой они достигали высокого положения, как «резидент в Верхней Силезии» Лехман или тайный советник герцога Вюртемберг-ского Йозеф Оппенгеймер. Но и цена успеха была высока — Лехман разорился, а Оппенгеймер («еврей Зюсс» из романа Л. Фейхтвангера) был повешен в 1737 году в Штутгарте по обвинению в государственной измене.^{388}.

Такой же фигурой при русском дворе был Липман. Появился он там раньше Бирона — ещё при Петре II одалживал деньги иностранным дипломатам. Во времена Анны Иоанновны он стал доверенным комиссионером и «поставщиком двора» по части ювелирных изделий и дорогой посуды. Он обеспечивал перевод денег русским дипломатам для чрезвычайных нужд, как это было во время миссии К.Г. Левенвольде в Варшаве в 1733 году; через него получали российские «пенсии» польские магнаты. В 1739-м Липман заказал (за семь тысяч рублей) изготовление Андреевского ордена для маркиза Вильнёва, которого решили наградить за посредничество на переговорах с турками, а в 1740-м — доставил (за четыре тысячи рублей) к русскому двору немецкую театральную труппу. Одновременно он выступал в качестве крупного подрядчика, поставлявшего вино и поташ, сукно и лошадей для армии, соль для Адмиралтейства.^{389} Бирон, постоянно испытывавший нехватку денег, занимал их где придётся, даже у своего камердинера, и тоже прибегал к услугам Липмана. Расплатиться же так и не успел: в описи бумаг сосланного герцога значится «щёт Липмана з бывшим регентом на двести на дватцать четыре тысячи восемьот девяносто три рубля».^{390}.

Помимо Липмана, царица заказывала различные товары у курляндского купца, «гоф и камер-фактора» Даниэля Фермана, заплатив за них в 1732–1740 годах 465 181 рубль. Анна

Иоанновна любила не только бриллианты, но и другие драгоценные камни. Записи о «комнатных» расходах императрицы говорят, что она указывала «выдать двора нашего нижеписанным людям за взятые у них в комнату нашу красные камни: камер-пажу Ивану Самарину 70 руб., тафельдекеру Ивану Сидорову 20 руб.», «записать в расход 2249 руб. 50 коп., отданные ей светлости герцогине Курляндской на заплату за взятые в комнату нашу яхонтовые камни да за крест и серьги бриллиантовые». В 1738 году, узнав, что граф П.Б. Шереметев получил от П.М. Салтыкова под пятисотрублёвый залог «камение яхонт красный», государыня потребовала прислать драгоценность ей и обещала, что деньги «отданы быть имеют неотменно»^{391}.

Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов прибыл для доклада ко двору с «изрядными камнями» (порфиром, яшмой, агатами), которые, по сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей» в январе 1736 года, императрица изволила «милостиво принять». Особо интересовалась Анна драгоценностями опальных и «изуственным приказом» потребовала в декабре 1739 года доставить ей из Тайной канцелярии «алмазные камни» и «искры», изумруды, бриллиантовые перстни, золотые часы и табакерки из «пожитков» казнённого князя И.Г. Долгорукова^{392}.

Государыня лично посещала придворного ювелира француза Бенуа Граверо. «В то время, — вспоминал ученик Граверо швейцарец Иеремия Позье, сам ставший впоследствии придворным «брильянтщиком», — пришёл караван из Китая, и императрица Анна получила с Востока множество драгоценных камней, рубинов и т. п. Ей любопытно было посмотреть, как их режут и шлифуют, и она дала знать моему хозяину, чтобы тот перенёс аппарат ко двору в комнаты, находившиеся недалеко от её покоев. Там мы проработали месяца два или три. Она приходила туда каждый день два, три раза, смотрела, как мы работаем, и приказывала моему хозяину являться в мастерскую рано утром, потому что она рано вставала»^{393}. В апреле 1738 года российский посланник в Гааге граф А.Г. Головкин получил указание: «Вы старатся имеете в Голандии сыскать таких величин красных яхонтов, которые обыкновенно по-французски называются “rubin oriental”». Императрица заказала восемь круглых и 22 овальных камня и указала их желаемые размеры, разрешив, впрочем, приобрести «немного поменше и покруглее».

Покупку належало произвести немедленно, но как бы для себя — бережливая Анна Иоанновна опасалась, что, узнав об истинном покупателе, купцы «дорожится будут»^{394}.

Удивлявшая современников роскошь требовала немалых расходов. При Анне даже такой вельможа, как А.П. Волынский, которого трудно считать малообеспеченным, тяготился «несносными долгами» и искренне считал возможным «себя подлинно нищим назвать». В таких случаях включался важный механизм самодержавной власти — раздача пособий и ссуд, порой намного превосходивших официальное жалованье.

Это понятие применительно к тем временам не было похоже на современную зарплату: министры, генералы и прочие «управители» не получали положенное содержание регулярно, а должны были просить у монархини. Она же отнюдь не всегда считала выплату жалованья обязанностью государства. В декабре 1738 года Анна «с великим неудовольствием» обнаружила, что «по определениям сенатским, из государственных доходов, которые чрез Штатс-канцелярию в расход употребляются, издержано на заплату жалованья сенаторам и другим чинам на прошлые годы и прочие чрезвычайные дачи 51 321 рубль», и потребовала от Сената немедленного ответа. Рассмотревший его Остерман признал, что иные сенаторы годами «без жалованья присутствовали»^{395}.

Камергер Миних особо отмечал: «Предшественников её подарки состояли большею частью из земель, но наличными деньгами никто не жаловал столь великие суммы, как она»^{396}. Именные указы Анны Соляной канцелярии (её доходы составляли основной источник личных средств монарха) показывают, что она постоянно требовала «вносить» в её «комнату» денежные суммы серебром и червонцами: в 1734 году они, по нашим подсчётам, составили 246 297 рублей, а в 1735-м и 1736-м — по 175 000.

Это только часть расходов государыни, точную же их сумму установить вряд ли когда-нибудь удастся. Анна, как и другие правители той эпохи, не очень стесняла себя финансовой дисциплиной и разделением средств на личные и казённые. Она не раз предписывала оплачивать «алмазные вещи» и прочие надобности деньгами Коллегии иностранных дел (пенсии родственникам императрицы, покупка за границей драгоценностей, вин, туалетов, приглашение артистов), Канцелярии от строений и Сената (ремонт и строительство

дворцов), Коммерц-коллегии (покупка товаров за границей)^{397}. Поступавшие в Доимочный приказ или Канцелярию конфискации недоимки по соляным сборам государыня также требовала сдавать ей. Распоряжения о выплате можно обнаружить в самых различных государственных «местах»; к примеру, указ от 26 февраля 1733 года рижскому губернатору Ласси предусматривал выдачу из местной рентереи «обер-камергеру графу фон Бирону 4651 червонных» либо такой же суммы ефимками «взамен денег, принятых у него в посольскую казну в Варшаве».

Из «комнаты» Анна направляла поток милостей в виде постоянных «пенсионов» и разовых выдач (последние безусловно преобладали):

«Августа. Пожаловано 100 иностранных червонных на крестины камергеру князю Юсупову...

Августа 26. Пожаловано 150 рублёв в Невской монастырь для праздника Св. Александра Невского, то есть Августа 30 дня...

Сентября. Пожаловано 100 рублёв пастору Ягану Леон-гардту Шатнеру на строение люторской кирки, которая строится за Литейным двором...

Сентября. Пожаловано 100 р. бывшей княгине Голицыной...

Сентября. Пожаловано 50 червонных полковнику Петру Соковнину на крестины младенца...

Сентября. Пожаловано 500 р. на крестины калмыцкого владельца Петра Тайшина...

Октября. Пожаловано 100 червонных иностранных на крестины младенца камергера Апраксина...»^{398}.

А ещё Анна платила пажам за «издержанные» ею колоды карт (похоже, это была чуть ли не постоянная «статья дохода» придворных), лично выбирала для себя ткани («выдано гостиного двора купцу Леонтию Горбылёву за взятые у него в комнату нашу товары, а именно объярей: малиновой за 20 аршин 8 вершков; голубой 19 аршин 15 вершков; померанцовой 22 аршина 9 вершков по 2 руб. 20 коп. за аршин; гродитуру серогорючего 58 аршин 12 вершков по 1 руб. 50 коп. за аршин — всего 226 руб. 72½ коп.»); жаловала по 100–200 рублей на приданое «придворным девицам». Некий умелый «иноземец

Гилбрант» заработал 240 рублей «за шитьё платья принцу Курляндскому Карлу» — младшему сыну Бирона, любимцу Анны.

Заезжий француз Винарель получил 100 рублей «за показывание им пред нами вощаных персон короля французского с его фамилиею»; камердинер польского посланника — 400 рублей за «взятые в комнату нашу кружева и за золотыя собачки (?)», а фрейлина княжна Софья Одоевская — 300 рублей «за взятую у нея робу, которую мы пожаловали курляндского шляхтича жене Катерине Петровой дочери». То есть можно полагать, что государыня милостиво подарила платье своей фрейлины какой-то курляндской дворянке — хорошо хоть изволила заплатить раздетой княжне...

Летом 1739 года во время пребывания «на даче» денежные хлопоты не прекращались: «В бытность в Петергофе императрицы гоф-фурьером Симоновым израсходовано комнатной суммы 2961 руб., в том числе: курляндскому шляхтичу Госу 500 руб., курляндскому принцу Карлу на покупку зонтиков 50 руб.; обер-берейтору Шидору 400 руб., герцогине Курляндской 400 руб.; капитану Зигейну на строение зверинца к прежде данным из комнаты 300 руб. еще 700 руб.; камергеру Балку на раздачу конюхам и псарям 44 человеком по 3 руб., да работникам, которые уток гоняли, 26 человеком по 50 коп. человеку».

Однако всё вышеперечисленное — бытовые мелочи. Изличных средств императрица выдала на помощь погорельцам после пожара 1737 года 40 тысяч рублей, на устройство фонтанов в Петергофе — 10 тысяч, пожертвовала тысячу рублей богадельне в доме царевны Натальи Алексеевны. В 1733 году она назначила ежегодную трёхсотрублёвую пенсию «на пропитание для старости и дряхлости» бывшему придворному живописцу Петра I Иоганну Таннауэру, автору известных портретов самого царя и его сподвижников Ф.М. Апраксина, П.А. Толстого, А.Д. Меншикова (правда, уже в следующем году пенсию за умершего мужа получала его вдова Марта).

Значительные суммы доставались приближённым чинам двора или находящимся в милости должностным лицам. Судя по тем же указам Соляной конторе, фаворитами здесь являлись братья Левенвольде: обер-шталмейстер Карл Густав в 1732 году получил восемь тысяч рублей, в 1733-м — две тысячи в прибавку к жалованью; в 1734-м — десять тысяч и ещё столько же на лечение; обер-гофмаршалу Рейнгольду в 1732 году было выдано

14 тысяч рублей на покупку двора, в 1733-м — четыре тысячи к жалованью, в 1734-м — 8800 рублей просто так.

После взятия Гданьска в 1734 году из полученной с богатого города контрибуции было роздано 73 800 талеров — получателями которых стали Миних, Остерман, Черкасский, Карл Левенвольде^{399}. Генералу-бергдиректору барону Шембергу в

1739 году было ассигновано 50 тысяч рублей на основание новой «берг-компании». Генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гомбургский удостоился ежемесячного «пенсiona» в 500 рублей. Единовременно же тайный советник Кейзерлинг получил десять тысяч рублей, генералы Левендаль и Кейт — по пять тысяч, кабинет-министр и вице-канцлер Остерман в 1740 году — пятитысячную прибавку к окладу, а лейб-медик Фишер довольствовался тысячей. Однако милости получали не только «немцы». Богатейшего вельможу и кабинет-министра князя А.М. Черкасского Анна поощрила в 1731 году семью тысячами рублей, фельдмаршала князя И.Ю. Трубецкого в 1734-м семью тысячами «на строение двора», дипломата А.П. Бестужева-Рюмина — тысячей в 1733 году и десятью тысячами в следующем «в награждение». Ежегодно получал по две-три тысячи рублей московский главнокомандующий граф С.А. Салтыков.

Обычными были денежные пожалования придворным чинам, фрейлинам на приданое или офицерам гвардии — но и здесь можно было подчеркнуть особую милость. К примеру, фрейлины Мария Салтыкова, Екатерина Ушакова (дочь начальника Тайной канцелярии) и Анна Менгден (невеста Эрнста Миниха) получили «обычные» четыре тысячи рублей, а фрейлина Вильман — целых 11 тысяч. Генерал-майор А.И. Румянцев сначала попал в опалу и ссылку, но сумел заслужить высочайшее доверие, руководил подавлением башкирского восстания — и награда нашла героя: в 1740 году Румянцев получил в подарок конфискованный московский дом опального князя А.Г. Долгорукова, а его супруга — пособие в две тысячи рублей.

«Подарок» в десять тысяч рублей порадовал в 1737 году генерал-майора Н.Ю. Трубецкого, вроде бы ничем не прославившегося на войне; но через пару лет именно ему Анна доверила пост генерал-прокурора. Такую же сумму получил в 1733 году незнатный и нечиновный статский советник Андрей Боев, но он-то и командовал Соляной конторой, из которой поступали деньги на личные расходы императрицы, — как не поощрить «кормильца»! Придворное счастье по-разному

улыбалось камер-юнкерам Алексею Татищеву и Алексею Пушкину. Первый получил 3300 рублей на двор в столице, а затем ещё три тысячи на строительство у себя в имении церкви; второй в 1733 году был рад и 500 рублям, а в 1736-м ему выделили — не в пожалование, а в долг на три года — восемь тысяч рублей. Обер-егермейстер Волынский в 1736 году также получил в долг пять тысяч рублей на пять лет. Вряд ли вечно жаловавшийся на бедность Артемий Петрович смог бы долг вернуть, но и не пришлось — за год до истечения срока он угодил на эшафот.

Царские милости достались и менее привилегированным слугам. Придворный «моляр» Луи Каравак удостоился подарка в тысячу рублей за «усердные труды»; столько же досталось балетмейстеру Ланде и дантисту Жироли. Композитор Франческо Арайя получил 500 рублей, а чудаковатый знаток восточных языков Георг Кер всего 100 рублей — столько же, сколько паж Иоганн Бенкендорф или новокрещёный «арап» Василий Дмитриев, да и то, скорее всего, потому что служил переводчиком при Коллегии иностранных дел.

Миниху-младшему императрица выдала две тысячи рублей на заграничное путешествие, а его отцу — ещё более щедрое пособие при отправлении в Польшу. Другим придворным также достались деньги на лечение, «за проезд за моря» или «для удовольствия экипажу», в то время как иные из направленных к императрице челобитных оставались без рассмотрения и ответа. Практика денежных раздач заставляла придворных искать способы показать свою преданность, соперничать за милостивое внимание государыни и, конечно, всякими образами «топить» конкурента. «Подарки» привязывали их получателей к властной «хозяйке», тем более что иногда превосходили размерами их служебные оклады. Но обратной стороной этого явления была зависимость от воли монархини, которая могла обернуться взлётом-«случаем» или ссылкой с конфискацией имущества, а то и эшафотом.

Сколько больших и малых «персон» мечтали хотя бы на короткое время приблизиться к «особе её императорского величества»! Удостоенные этой чести боялись происков соперников и внезапной «отмены» милости. И те и другие пристально следили за малейшими переменами при дворе. Из сохранившихся писем зимы 1738 года, адресованных Волынскому его «секретным другом», кабинет-секретарём

императрицы Эйхлером, следует, что последний читал Анне Иоанновне вслух письма Артемия Петровича, которые «весьма милостиво принимались». Он же следил за действиями представителей «противной партии» — те разглашали, что возвращения Волынского, отправившегося на очередную инспекцию конских заводов, в столице не очень-то и ждут; но секретарь точно знал: «Подлинно вас скоро сюда ожидают, как из всех дискурсов понять можно», — и советовал прибыть к дню рождения императрицы. Он же регулярно извещал «патрона» о событиях при дворе: Неплюеву велено «быть в Киеве»; фельдмаршал Миних «скоро к армии возвратиться имеет»; Черкасский заболел и не выезжает, но уже может подписывать документы, а герцог Бирон «горлом заболел» и «непрестанно полоскание употребляет»^{400}.

В те времена властные помещицы по своей воле женили крепостных. Анна любила устраивать амурные дела подданных и нередко выступала в роли свахи. «Здесь играючи женила я князя Никиту Волконского на Голицыной», — сообщала она Салтыкову.

«Семён Андреевич. При сём прилагается записка, по которой вы имеете сыскать помянутую в той записке воеводскую жену Кологривую и, призвав её к себе, объявить, чтобы она отдала дочь свою за Дмитрея Симонова, которой при дворе нашем служит, понеже он человек доброй, и мы его нашею милостию не оставим; однакож объявите ей о том не с принуждением, но как возможно резонами склонять...»

«Семён Андреевич. Поговори князь Василью Гагарину, чтоб он дочь свою отдал за нашего камер-юнкера Алексея Татищева; однакож мы его к тому не приневолим, а приятно нам будет, ежели он то по изволению нашему учинит без принуждения, и пребываю в милости...»

«Семён Андреевич. Пишите вы к нам, что докладывается Шереметев, выдавать ли сестру свою за Фёдора Лопухина. Ежели между ими согласие имеется, и она за ним быть желает, то дать им позволение. И пребываю неотменна в милости»^{401}.

В те времена при наличии хорошей «партии» не было принято спрашивать знатных барышень о их чувствах. Однако

стоит отметить, что всемилостивая государыня интересуется «согласием» невесты.

Аннинские резиденции

Анна больше никогда не возвращалась в прежнюю московскую жизнь, новую же предстояло обустроить: скромное жилище дяди уже не подходило для обитания двора «великой императрицы». В том же году началось возведение новой резиденции, объединившей в один ансамбль несколько зданий (дома Ф.М. Апраксина, П.И. Ягужинского, С.Л. Рагузинского, Г.П. Чернышёва) и обращенной главным фасадом на Адмиралтейство. Совместная работа придворного архитектора Бартоломео Карло Растрелли и его талантливого сына Франческо Бартоломео была завершена в 1736 году: императрица получила новый четырёхэтажный Зимний дворец с двумя сотнями комнат^{402}. В центре здания находился двусветный тронный зал площадью около тысячи квадратных метров. Его описание оставил живший в Петербурге в 1735–1736 годах шведский учёный Карл Рейнгольд Берк:

«Большой зал — самый просторный, какой я когда-либо видел, и богато украшен зеркалами, мраморированным гипсом, а также многочисленными позолоченными барельефами и иным декором... Плафон покрыт живописью по холсту — без сомнения, чтобы ускорить его создание, однако неизвестно, сколько он продержится. Роспись выполнена придворным художником Караваком — самовлюблённым французом, который всё критикует, и почти никто не хвалит его работу.

Сюжет на середине потолка — вступление её в[еличест]ва на престол. Религия и Добродетель представляют её России, которая, на коленях приветствуя её, вручает ей корону. Духовное сословие и царства Казань, Астрахань, Сибирь, а также многие татарские и калмыцкие народы, признающие власть России, стоят рядом, выражая свою радость. На четырёх больших живописных изображениях, расположенных вокруг этого среднего и спускающихся к карнизу, представлено много деяний, способных особенно прославить правление Анны Иоанновны, а именно: могущество империи, милосердие к преступникам, высокая щедрость и победа над врагами; сверху эти слова написаны [кроме латыни] ещё и по-русски...

Трон, или место для императорского престола, великолепен и на несколько ступеней поднят над полом, выложенным

дубовым паркетом. На самом верху виден государственный герб, а рядом с ним возлежат Марс и Паллада»^{403}.

В 1734 году в южной части нового здания по проекту Франческо Растрелли был построен придворный театр — первое в России театральное помещение на европейский манер, с партером, ложами (в том числе большой царской ложей) и ярусами, куда надо было подниматься по лестницам. Интерьер был богато украшен колоннами и пилястрами с деревянной резьбой.

В новых апартаментах государыня проводила большую часть года. Она вела довольно размеренный образ жизни. Камергер Эрнст Миних свидетельствовал: «Часы, в которые она из комнат своих в публику выходила, во весь круглый год регулярно определены были. Если дела не удерживали, то выходила она обыкновенно пред полуднем от одиннадцати до двенадцати часов, а после полудня от четырёх до половины девятого часа. В десять часов вечера ложилась она опочивать, а утром вставала около шести или семи часов»^{404}. «В 9 она начинала заниматься со своим секретарём и с министрами, обедала в полдень у себя в комнатах только с семейством Бирон... Летом императрица любила гулять пешком; зимою же упражнялась на бильярде. Слегка поужинав, она постоянно ложилась спать в 12-м часу», — отмечал в мемуарах Манштейн.

Обычно в середине мая императрица перебиралась из Зимнего дворца в Летний — по Неве, под гром пушечных выстрелов, на роскошной шестнадцативёсельной яхте. Одноэтажный деревянный дворец был построен младшим Растрелли в 1732 году в Летнем саду на набережной Невы в рекордный срок: «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что 18 мая государыня изволила «водою в летний дом ездить и новопостроенные там... палаты осмотреть, которые его императорское величество совершяя своя апробации удостоила», а в июне Анна Иоанновна уже поселилась там. В числе двадцати восьми апартаментов имелись тронный зал, парадная и повседневная спальни, «антикамора» для приёма послов, кабинет, где работали министры, десять покоев Бирона и его сына Петра, помещения фрейлин; контора для письмоводства, казённые и оружейная палаты. В восточном крыле дворца находился самый большой зал-«комедия» для театральных представлений^{405}.

Барочное здание со спусками к воде от боковых крыльев, нарядной балюстрадой с фигурными резными украшениями и декоративной скульптурой полюбилось Анне. Каждое лето она приезжала сюда, здесь и умерла в октябре 1740 года. В Летнем дворце было оглашено её завещание; министры и знать присягнули малолетнему императору Иоанну Антоновичу, здесь же её фаворит стал регентом империи — и был арестован гвардейцами в ночь на 9 ноября 1740 года. Опустевший дворец был разобран в 1747 году.

В 1734 году в Летнем саду по проекту того же Франческо Растрелли началось сооружение амфитеатра с каскадом и фонтаном; его окружала стена стриженной зелени, перед которой были расставлены бюсты римских императоров. «Под смотрением» садового инспектора Стеллиха в 1737 году находился целый зоопарк: «лвица одна, бабёр один, медведей белых пять, разсамаха одна, песцов шесть, лисица одна, куница одна, таксов или барсуков два». Ещё с петровских времён там имелся вольер для певчих птиц. «Весьма приятны маленькие беседки и птичники орлами, журавлями, аистами, цаплями, павлинами и т. д., и т. п. Также и большой пруд для водоплавающих птиц с гнёздами у берегов и беседкой посередине. Белые лисы, соболя и тому подобные небольшие звери тоже имеют в этом саду свои отгороженные места» — таким увидел Летний сад в 1736 году Берк. В этом и в других дворцовых садах в больших клетках-менажереях содержались певчие птицы, а также тетерева и куропатки, предназначенные для охот императрицы. В 1737 году в Летнем саду гуляла экзотическая «птица строус», имевшая в птичнике особые «покои».

Птичник Симон Шталь рапортовал в Канцелярию от строений: «Потребно для увеселения ея императорскому величеству в болшую птичную клетку которая имеется при Летнем доме в первом саду разные птицы, а имянно соловьи, перепёлки, чеглята, чижи, снigiри, овсянки, скворцы, дрозды, клесты, щуры, подорожники, реполовы, свиристели, а прежде сего оных птиц имелось в показанной клетке до тысячи». Канцелярия же распоряжалась доставлять «из Москвы нынешняго 737 года в нижеписанных месяцах, а именно соловьев сто в мае, щеглят от ста до двухсот, чижей от двухсот до пятисот, зяблиц от пятидесяти до двухсот, снигирей тож число, подорожников от ста до трёхсот, чечёток от ста до четырёхсот,

всего от шестисот до тысячи осмисот»^{406}. Можно полагать, что не всем пернатым удавалось пережить летний сезон — императрица любила стрелять из выходявших в сад окон дворца по выпущенным из клеток птичкам...

В июле Анна Иоанновна на несколько недель переезжала за город — в Петергоф. В то время переезд занимал целый день с непременно отдыхом и «кушаньем» в Стрельне или на одной из дач кого-то из придворных. В 1735 году Анна решила разнообразить маршрут: добралась в шлюпке до Екатерингофа «и чрез всю перспективу до большой питергофской дороги полчетверты версты изволила итти пеш, и вышед на болшую дорогу, сели по каретам»^{407}. За нарядной процессией экипажей с дамами и кавалерами двигался целый «поезд» с грузчиками и ломовыми извозчиками, доставлявшими из одного дворца в другой мебель, посуду и всю обстановку. Только в октябре 1739 года Анна указала Придворной конторе, чтобы в Петергофе заранее было подготовлено «всё, что ко двору на месте потребно, а именно столы, стулье, кровать, оловянная и поваренная посуда и прочия потребности, дабы впредь отсюды ничего не возить»^{408}.

В Петергофе Анна охотилась, иногда выезжала оттуда в соседний Ораниенбаум, плавала в Кронштадт. В главной императорской резиденции в это время продолжалось благоустройство паркового ансамбля. Растрелли-старший проектировал и сооружал фонтаны с позолоченными свинцовыми фигурами — «Самсон, раздирающий пасть льва», «Триумф Нептуна», «Персей и Андромеда». Здесь Анна отдыхала и требовала не беспокоить её по маловажным делам. Однако совсем «уйти в отпуск» не получалось: кабинет-министры хотя бы раз (а бывало и чаще) появлялись в загородной резиденции с докладами, доношениями и бесконечными челобитными, стремились припасть к источнику благ и другие чиновники и царедворцы.

Пришлось Анне в июне 1735 года отдать приказ о регламентации потока гостей: «Приезжать всем волно в воскресенье и в четверк, а кроме тех дней никому не быть; разве самая крайняя кому до нас будет нужда, тем и в протчие дни позволяем»; только не было разъяснено, как определить меру «самой крайней нужды», заставлявшей искать случай предстать пред очи её императорского величества. Прибывавших государыня велела «кормить при дворе, а людем их никакой

порции, тако ж на собственных их лошадей фуражу не давать» — лишние рты ни к чему. Гостям приказано было селиться по двое в две комнаты и больше двух слуг с собой не брать. Они не получали «ни кушанья, ни вина, ни кофе, ни чаю, одним словом, ничего, а кофе пить поутру и после обеда кто хочет при дворе»^{409}.

Во второй половине августа императрица с придворными возвращалась в Летний дворец, а в октябре — в Зимний.

При аннинском дворе складывается свой календарь праздников. «Церемониальные журналы» второй половины 1730-х годов говорят нам, что наступление Нового года отмечалось во дворце молебном, парадным обедом для генералитета, офицеров гвардии, духовных особ, дипломатического корпуса и придворных с обязательными пятью тостами и вечерним балом с фейерверком. Государыня, как и её великий дядя, «огненные потехи» любила и не скупилась на них — на фейерверк в начале 1736 года она повелела отпустить десять тысяч рублей.

Девятнадцатого января отмечалась годовщина её восшествия на престол (25 февраля, когда императрицу попросили «принять самодержавство», никогда не праздновалось!) с молебном и «кушаньем». Анна Иоанновна — возможно, памятуя об умершем муже — пьяных терпеть не могла, но этот день ежегодно отмечался по особому ритуалу с выражением чувств в духе национальной традиции. Гостям во дворце надлежало пить «по большому бокалу с надписанием речи: “Кто её величеству верен, тот сей бокал полон выпьет”». «Так как это единственный день в году, в который при дворе разрешено пить открыто и много, — пояснял этот обычай Клавдий Рондо в 1736 году, — на людей, пьющих умеренно, смотрят неблагосклонно; поэтому многие из русской знати, желая показать своё усердие, напились до того, что их пришлось удалить с глаз её величества с помощью дворцового гренадера»^{410}.

В радостный день дозволялось выражать патриотические чувства. Карл Рейнгольд Берк засвидетельствовал: «Нынче какой-то господинчик, подойдя ко мне, привязался с разговорами о том, как здорово он напился, а на мой ответ, мол, в столь замечательный день и следует веселиться, он вскричал, что я прав, тем более что сохранены права дворянства сравнительно с князьями. При этом он употреблял неприличные слова, наверняка слышные нескольким сидевшим рядом господам».

Скорее всего, «неприличные слова» были высказаны от радости по поводу отмены петровского закона о престолонаследии, который «господинчик» по простоте путал с «восстановлением» самодержавия...

Затем следовали празднования дня рождения государыни (28 января), её тезоименитства (3 февраля), коронации (28 апреля). Столь же регулярно отмечались «банкетами» дни празднования императорских орденов с участием их кавалеров, даты рождения и тезоименитства принцесс Анны и Елизаветы.

В правление Анны Иоанновны утвердилась традиция отмечать при дворе праздники гвардейских полков, каждого в отдельности, и день объявления её Преображенским и Измайловским полковником; офицеры в эти дни «трактовались столом», а солдаты — выдачей вина и пива. Особые торжества устраивались по случаю побед в Русско-турецкой войне; государыня совершала «выходы» в Адмиралтейство по случаю спуска на воду кораблей или более продолжительные поездки — на Сестрорецкие заводы или Ладожский канал. Она регулярно присутствовала на «экзерцициях» гвардейских полков (наблюдала их из шатра «у летнего дома») с последующим угощением офицеров. В 1733 году секретарь Анны отметил в дневнике новые придворные торжества по случаю дней рождения и именин герцога Курляндского и членов его семьи — они утверждали высокий статус фаворита. А вот годовщина Полтавской битвы, отмеченная в официальном календаре, при дворе не праздновалась и в «Церемониальный журнал» внесена не была. «Церемониальный журнал» 1739 года отразил итог развития организации придворной жизни при Анне: главные торжества (праздники «императорской фамилии», кавалерские и полковые дни) теперь отмечались в пределах дворца, и даже количество ежегодных фейерверков к концу царствования уменьшилось до трёх. В эти дни Анна присутствовала на богослужении в придворной церкви, где для узкого круга лиц, допущенных ко двору, произносились праздничные проповеди, более не публиковавшиеся для народа. По мнению исследователя придворного распорядка Анны Иоанновны Е.И. Погосян, отмеченные новшества отражали «корпоративную структуру общества»^{411}; но нам кажется, что они, скорее, демонстрировали возросшую роль двора и связанных с ним структур (орденских корпораций, гвардии) как особого мира, центром которого являлась императрица.

Дворцовая кухня

По московской привычке Анна просыпалась рано, но завтракала уже по-европейски — пила «кофий» у «мадам Бирон». По-видимому, она не любила помпезных трапез в окружении толпы придворных. По свидетельству Манштейна, «только в большие торжественные дни она кушала в публичке; когда это случалось, она садилась на трон под балдахином, имея около себя обеих царевен, Елизавету... и Анну Мекленбургскую. В таких случаях ей прислуживал обер-камергер. Обыкновенно в той же зале накрывался большой стол для первых чинов империи, для придворных дам, духовенства и иностранного посольства. В последние годы императрица не кушала на публичке и иностранные послы не были угощаемы при дворе. В большие праздники им давал обед граф Остерман».

Камергер Эрнст Миних сообщал, что обедала государыня рано, а ужинала не слишком поздно: «Она кушала немного и самую простую пищу; обыкновенной её напиток был не другое что, как пиво, ибо за столом пила она токмо одну или много что две рюмки старого венгерского вина. За стол садилась не позже как в двенадцать часов пополудни и в девять часов ввечеру».

Императорский двор становился придирчивым потребителем качественных продуктов. Архивные «ведомости о провизии» говорят о масштабных заготовках: в 1736–1737 годах для обитателей и гостей дворца было закуплено 5929 «ситных хлебов», 661 мясная туша, 1011 «провесных» (по 24,5 копейки) и копчёных (по 29 копеек) окороков, копчёные языки (по восемь копеек), «солонина бочешная» (по рублю с пятаком за пуд), сёмга солёная (по 1 рублю 93 копейки за пуд) и копчёная (по 2 рубля 75 копеек за пуд), осетрина свежая просольная (по 1 рублю 13 копеек за пуд), сметки псковские (по 2 рубля 88 копеек за четверть), сотни ведер солёных огурцов (по 7 копеек за ведро), 400 уток, 300 гусей. «Каплуншица» Анна Романова готовила для кухни каплунов и пулярок^{412}.

Придворной кухней с целой сотней служителей командовали «метердотель» — приглашённый в 1730 году по контракту цесарец Иоганн Максимилиан Лейер. Армией поваров и поварят руководил кухмистер в генеральском чине Матвей Субплан. Путь постижения «поваренных наук» был долг; в конце его сын мундкоха Юрий Эрнст получил аттестат от «метердотеля» за

подписями пяти заслуженных кухмистеров и мундкохов и был принят на службу на «верхней кухне» с окладом в 200 рублей. Дворцовую скотобойню возглавлял императорский мясник Иоганн Вагнер. Казённой сервизной, в том числе столовым серебром, ведала команда зильбердинера Эрика Мусса — девять работников чинили и чистили серебряную посуду. Сервировкой стола скатертями и салфетками, посудой, столовыми приборами, специями ведали четыре тафельдекера^[5].

Европеизация российского двора сделала винные погреба одним из важнейших отделов дворцового хозяйства. Основные запасы напитков, а также стеклянная и хрустальная посуда, свечи и пряности хранились в запасных погребах в хозяйственной постройке на берегу Невы. Повседневные же погреба располагались непосредственно в Летнем и Зимнем дворцах. При погребах служили шесть келлермейстеров, купор Самойло Фигнер и подкупоры, три писаря и 20 служителей; для изготовления традиционных русских напитков имелись пивовары, медоставы, кислошники и квасники, все с учениками (24 служителя), бочары, оловянишник и медник.

Келлермейстеры обязаны были «питья, водки, посуду и прочее содержать в погребах, а которым припасам где способнее, в других удобных, а паче принимаемый на подделку водок и вин сахар, корицу, анис и другие тому подобные, которые к безвредному содержанию потребно в сухих местах и смотреть прилежно, чтобы тем питьям и протчему траты и повреждения и от несмотрения нечаянной утечки не учинилось», для чего полагалось осматривать бочки «по вся дни неотменно». Здесь же водочные мастера «сидели» крепкие напитки, перегоняя виноградное вино или «французскую водку» с добавлением аниса, корицы и импортного сахара — получались «приказная», «коричная», «поддельная», «гданьская здешнего сиденья», «боярская» водки, ликёры-«ратафии». «Подделывали» и импортные сухие вина, чтобы они более соответствовали вкусам российских дам и кавалеров. Впрочем, на «кавалерский и офицерский столы» подавался и спирт.

Виноградное вино при дворе Анны Иоанновны было преимущественно венгерское, закупаемое на месте особой «комиссией» подполковника Фёдора Вишневого. Хранили его в бочках, но «про обиход её императорского величества» подавали в бутылках. Пришлось содержать целую службу для разливки вина, мытья посуды и «содержания в чистоте порожних

бутылок»; келлермейстеры были обязаны следить, чтобы их подчинённые напитков «не похищали и не пьянствовали под опасением штрафа». Для ценителей имелись шампанское и бургонское, сект, рейнвейн, «шпанское» (испанское), португальское... Менее изысканной публике подавались «простое» хлебное вино (низкоградусная водка), пиво, полпиво, мёд, квас и кислые щи, сделанные мастерами Сытного дворца.

Анне Фёдоровне Юшковой на день полагались кружка «боярской» водки, по бутылке секта и красного вина, два ведра кислых щей, 14 бутылок пива и две бутылки мёда — многовато, даже если большая часть перечисленного уходила слугам. Впрочем, возможно, Анна Фёдоровна часто принимала гостей, обязанных, в соответствии с «Прикладами, како пишутся комплименты разные» (петровским руководством по правилам хорошего тона), немало «изрядных рюмок за здоровье прекрасных дам опорожнить». Камер-юнгфере Аксиные Подчертковой и карлицам Анне и Наталье Ивановым на троих выдавалось поменьше: пять чарок «поддельной» водки, бутылка красного вина, четыре бутылки полпива, по бутылке мёда и кислых щей. А дежурным камер-лакеям и лакеям выставлялось в «переднюю» ведро пива, и полтора ведра кислых щей на пять-шесть человек — чтобы хватило утолить жажду, но не мешало исполнять обязанности.

Сквозь толщу лет от двора Анны Иоанновны дошло до нас сугубо частное, но тревожное письмо Федосьи Алексеевны Полубояриновой любимому, но непутёвому сыну — кабинет-секретарю самой императрицы от 14 июля 1735 года: «Прошу тебя, свет мой, пожалуй, послушай ты меня, не ходи к Воину на судно и не трать своего здоровья, а меня не умори, свет мой, безвременно. И как я тебя здесь видела, свет мой, с Воином в подгуле, я было и в те числа немного себя тем не уморила»^{413}.

Материнское сердце чужало беду — в том же году сделавший завидную карьеру и только что женившийся тридцатилетний чиновник скончался.

Запасы кофе, чая, сахара, шоколада и «порцелиновая» (фарфоровая) посуда хранились в овощной и «конфектурной» палатах под надзором особых комиссаров. Напитки готовились в «кофишенкских» дворцовых апартаментах под командой двух кофишенков и семи мундшенков. «Конфектурными» делами занимались десять человек, в том числе три мастера. Они делали конфеты-«цукерброты» из муки, сахара и миндаля и

прохладительные, но, по-видимому, довольно сладкие напитки — лимонад и оршад. Прочие сласти делались из плодов московских дворцовых садов — ягодные «шалей» (желе), яблочная пастила, сливовый мармелад, варенье малиновое, смородиновое, грушевое, вишнёвое — и из заморских померанцев. Наряду с импортным миндалём придворные грызли отечественные кедровые орешки — их подавали прямо в шишках.

Основная же еда готовилась на верхней, средней и нижней кухнях; первая обслуживала особ императорской фамилии и важнейших придворных, прочие — всех остальных. Кухнями заведовали мундкохи; в их подчинении находились мясник-«шлахтер» (отвечавший в том числе за изготовление колбас и копчение окороков на дворцовой «коптелке»), 29 поваров первой, второй и третьей «статей» с шестнадцатью учениками и десятью поваренными работниками, двадцатью двумя скатертниками и столькими же хлебниками.

Ежемесячно составляемый мундкохами «наряд» на провизию передавался в Придворную контору, а она требовала соответствующих поставок от Дворцовой канцелярии и ведавшей дворцовыми садами Канцелярии от строений. Судя по этим «нарядам», императорский стол был не слишком изысканным, но обильным. В нём преобладали мясо — говядина, телятина, баранина, окорока, ветчина, языки; птица — гуси, индейки, утки, тетерева, рябчики, куропатки. На кухню же попадали застреленные императрицей и её придворными олени, кабаны, дикие козы; поскольку царская охота бывала не каждый день, дичь добывала команда придворных стрелков.

В меньшем объёме поставляли рыбу: стерлядей, осетров, белуг, щук, хариусов, судаков, сигов, налимов, окуней и — должно быть, для ухи — ершей. К столу подавались непременно икра — зернистая и паюсная, сухие снетки (корюшка) и раки. В Голландии закупалась селёдка; оттуда же поставлялся и сыр.

Из круп преобладали овсянка и гречка. Овощной набор был невелик: репчатый лук, капуста, сельдерей, редька; в постные дни хорошо шли «свежепросольные» огурчики из Владимира и Нижнего Новгорода и квашеная «сечёная» и шинкованная капуста, сухие белые грибы, солёные грузди и рыжики, горох простой и «грецкий». Из фруктов чаще всего упоминаются отечественные яблоки; отдельно на десерт подавались «стручья сахарные», турецкие бобы, сливы, груши, дыни из дворцовых садов (в том числе из Петергофа), астраханские арбузы и

доставленный оттуда же в коробах с песком или залитый патокой виноград. Всё это заедалось большим количеством ситных хлебов (по шесть фунтов каждый), испечённых на Хлебном дворе из самой лучшей просеянной («пеклеванной») муки^{414}.

Из овощной палаты поставлялись пряности: корица, гвоздика, кардамон, мускатный орех, шафран, перец, горчица; оттуда же шли привезённые со всего мира деликатесы — оливки и оливковое масло, изюм, «кенарский» сахар, миндаль, солёные лимоны, шоколад, кофе в бочках ливанский и «ординарный», китайский чай сортов «жулан», «уй» и «моних», инжир, устрицы, анчоусы, артишоки, итальянские макароны и «тартуфли», или «земляные яблоки» — картошка, которую в то время подавали на царский стол как экзотический фрукт, поштучно. Высокий стандарт поддерживала сама государыня — в 1736 году она приказывала «генерал экономии директору» дворцовых владений в Прибалтике Фелькерзаму: «Груши чтоб к нам доходили не порченые, и того ради укладывать их в ящики с перегородками, каждую порознь»^{415}.

Помимо придворной кухни, припасы поставлялись и придворным чинам. Так, обер-шталмейстеру А.Б. Куракину на месяц полагались телятина с бараниной (по четверть пуда), четыре курицы, по две пары тетеревов и рябчиков, 20 фунтов муки и 20 яблок. Судя по учётным документам, аппетит у придворных был неплохой, к тому же важные особы редко принимали пищу в одиночестве. Когда принцесса Анна стала правительницей, ей подавались два каплуна ежедневно и шесть свинных копчёных окороков в неделю; из рыбы она предпочитала стерлядей, карпов и форель, а по весне любила полакомиться свежей редиской, огурцами и молодыми «гороховыми стручьями». Дворцовый стол при Анне Иоанновне соответствовал общему стилю императорской резиденции — смеси «французского с нижегородским».

Стиль жизни à la Anne

В юности Анна не получила ни приличного образования, ни воспитания, и её вкусы трудно назвать изысканными. «В досужное время не имела она ни к чему определённой склонности. В первые годы своего правления играла она почти каждый день в карты. Потом провожала целые полдни, не вставая со стула, в разговорах или слушая крик шутов и дураков», — отмечал Эрнст Миних.

Среди шутов были иностранцы (португалец Ян Лакоста, неаполитанский скрипач и актёр Пьетро Мира по прозвищу Педрилло), отставной прапорщик Преображенского полка Иван Балакирев и представители знатнейших фамилий — граф Алексей Апраксин, князя Никита Волконский и Михаил Голицын. Они, к удовольствию государыни, дурачились и «порядочным образом дрались между собой». Но у них были свои возможности воздействия на императрицу и придворное общество. Много лет спустя советник Екатерины II и министр иностранных дел Никита Иванович Панин вспоминал Балакирева добрым словом: «Шутки его никогда никого не язвили, но ещё многих часто и рекомендовали»; Апраксин, напротив, «обижал часто других и за это бит бывал»^{416}.

Пристрастие императрицы к грубым развлечениям соответствовало тогдашней европейской дворцовой моде: «карлы»-шуты имелись у саксонского курфюрста, короля Баварии, императора Австрии; обзавестись смешными живыми игрушками стремились и другие государи, а некоторые создавали рядом со своими замками настоящие «карликовые» деревни с маленькими домиками, мебелью и прочими предметами обихода. Да и сами шуты нередко были иноземцами. Кроме вышеназванных Лакосты и Педрилло, в этом качестве подвизался странствовавший по королевским дворам литератор и комик Иоганн Христиан Тремер. После Дрездена он больше года провёл в Северной Пальмире, участвовал в придворных развлечениях вместе с другими шутами, которых описал в своей книге «Прощание с Петербургом».

Возможно, общение с шутами было своего рода отдушиной в насыщенной интригами и корыстными интересами атмосфере двора. К тому же персонажи, не принимаемые всерьёз, могли быть доверенными лицами, которым можно было поручить

щекотливое дело. Современник и «брат» Анны Иоанновны император Карл VI (кстати, как и она, большой любитель охоты) также имел доверенных карликов — «барона Кляйна» и «Хансля», постоянных участников его охотничьих экспедиций^[417]. А вышеназванный шут Анны Педрилло, прославившийся «женитьбой» на козе (при дворе его «супругу» называли «мадам Капра»), достойно исполнил ответственное поручение императрицы — набрав и доставил в 1735 году в Петербург итальянских актёров, музыкантов, танцоров и композитора Франческо Арайю. Спустя три года он отбыл из России и прожил долгую жизнь, умерев в 1780-х годах содержателем отеля в Венеции^[418].

В конце XVIII века выходки «дураков» петровских и аннинских времён уже не соответствовали атмосфере и казались непристойными. Однако так ли далеко ушли от них потомки? При екатерининском дворе пьяных драк и матерщины уже не было, но умеренное шутовство почтенных вельмож принималось благосклонно — вспомним хотя бы фамусовского дядю Максима Петровича из «Горя от ума» Грибоедова:

На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик захохотал, голос хрипкой;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.

Вот как описывал бывший паж Екатерины II один из вечеров императрицы в узком кругу: «Фанты вынимала Анна Степановна Протасова, и достался фант “le docteur et le malade”^[6]: больной был А.П. Нащокин, а лекарь — граф Эльмпт. Сняли белые чахлы с кресел, устлали бильярд, положили Нащокина, оборотили стул вместо подушки, повязали голову салфеткой, убрали тело чахлами белыми, и сделался халат. Пошли перед царицею кругом бильярда; все шли по два в ряд, а граф Эльмпт сзади шёл. Привязали к петлице несколько пустых бутылок, длинные бумажные ярлыки, каминная кочерга коротенькая вместо

клистирной трубки; положили Нащокина и — ну ему ставить клистир. Государыня так хохотала, что почти до слёз»^{419}.

При Анне же шутовство было делом государственным, поэтому она строго следила за поведением своих «дураков» и их родни. Иван Балакирев получал 200 рублей придворного жалованья. По указу императрицы 1732 года ему отпускалось «в каждый день вина по бутылке, один день красного, а на другой день рентвеину по бутылке, пива три бутылки, квасу и кислых штей по полуведру, свеч налепов жолтых по одной, сальных маканых две... сахару кенарского в неделю по одной голове... в полгода чаю зелёного по одному фунту», а также выдавались деньги на «строевое платье», угощение на именины и различные припасы из дворца — мука, крупа, утки, куры, поросята, масло, водка.

Анна распорядилась перенести судебное дело отца шута из Шацка в Судный приказ в Москве, а самому Балакиреву пожаловала двор в Касимове и два сельца в уезде. Поданная в 1732 году челобитная княжны Мавры Куракиной — та жаловалась, что Балакирев «подговорил» её крепостную Анну Морозову к бегству «и женился на ней неволею и потом де брал её в Санкт-Питербурх и оттуду, невзлюбя, сослал в касимовские деревни ко отцу»^{420}, — была оставлена без внимания.

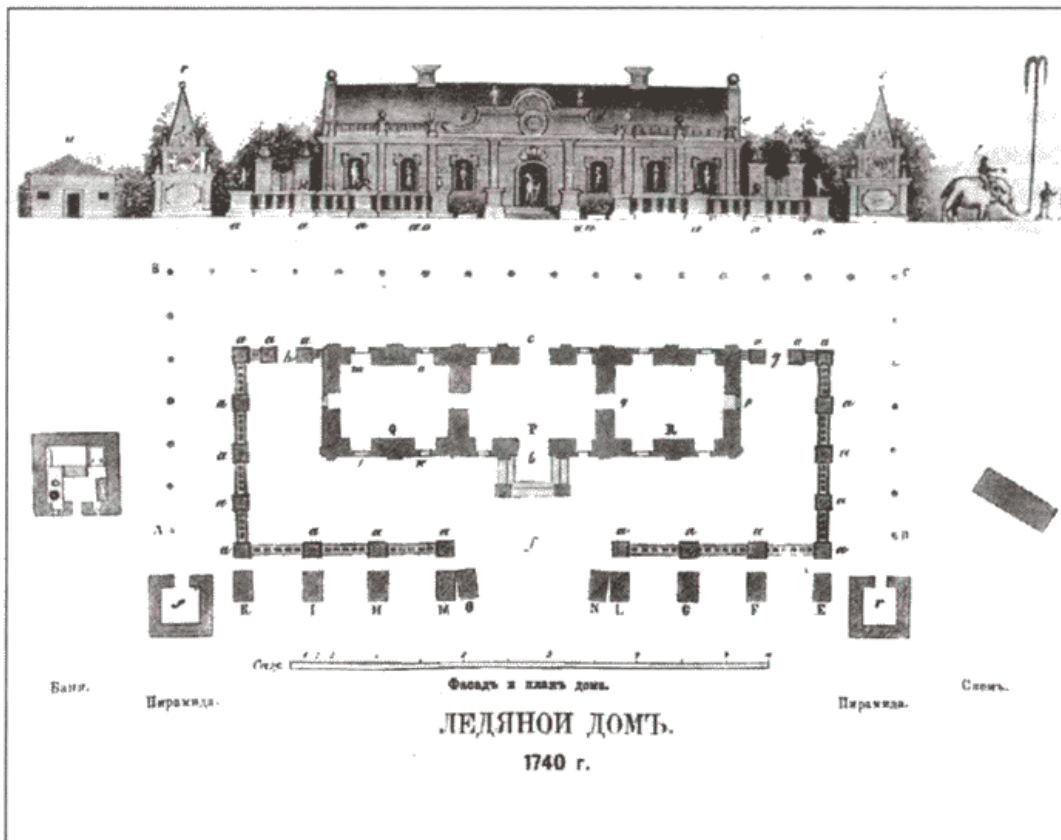
Но, видно, милости вкупе с дармовым питьём впрок не пошли. В апреле 1735 года рассерженная государыня своим указом запретила всем жителям столицы посещать и принимать у себя Балакирева под страхом заключения в крепость и отправки на каторгу; правда, через месяц запрет был милостиво отменён с трудновыполнимым условием — не пить вместе с шутом. Нелады в балакиревской семье она уладила в октябре того же года, после чего «именным своим императорского величества указом повелела Святейшему Синоду объявить, что де отставной лейб-гвардии Преображенского полку прапорщик Иван Балакирев с женою своею Анною между собою согласились, что им жить друг с другом по-прежнему, как должно мужу с женою и жене с мужем; и дабы он, Балакирев, содержал её, Анну, как надлежит содержать мужу жену свою, а она, Анна, имела б его так же, как должно законной жене мужа иметь, и была б пред ним в должном послушании»^{421}.

Намереваясь принять в придворные шуты знакомого ей ещё по Митаве князя Никиту Волконского, государыня велела Салтыкову разузнать о жизни кандидата в его подмосковном

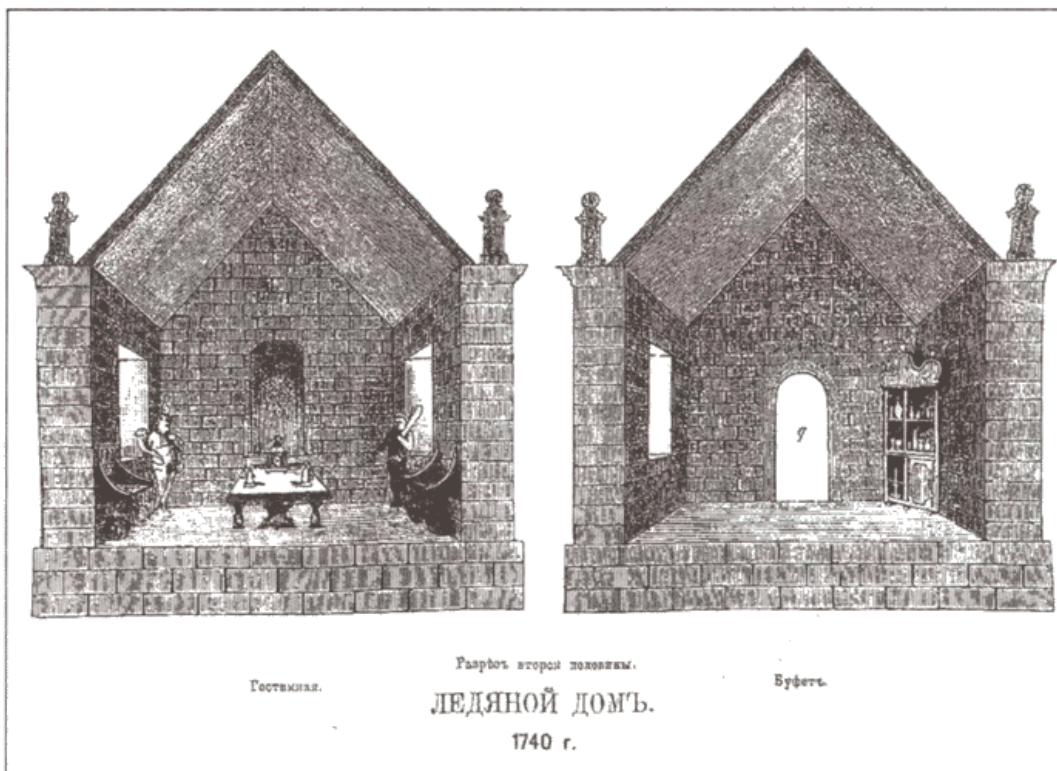
имении: «Чисто ли в хоромах у него было и какова была у него пища... Чем забавлялся? З сабаками ездил или другую какую имел забаву и сабак много ль держал?»^{422}.

Своеобразной «визитной карточкой» аннинского правления стала свадьба шута, князя Михаила Голицына, и придворной калмычки Евдокии Бужениновой, устроенная кабинет-министром А.П. Волынским в «Ледяном доме», специально сооружённом по этому случаю на Неве. Можно посочувствовать несчастному жениху (внуку боярина князя Василия Васильевича Голицына — начальника Посольского приказа и фаворита царевны Софьи) и посетовать на грубость шутовских развлечений, но нельзя не признать, что Волынский оказался хорошим шоумейкером.

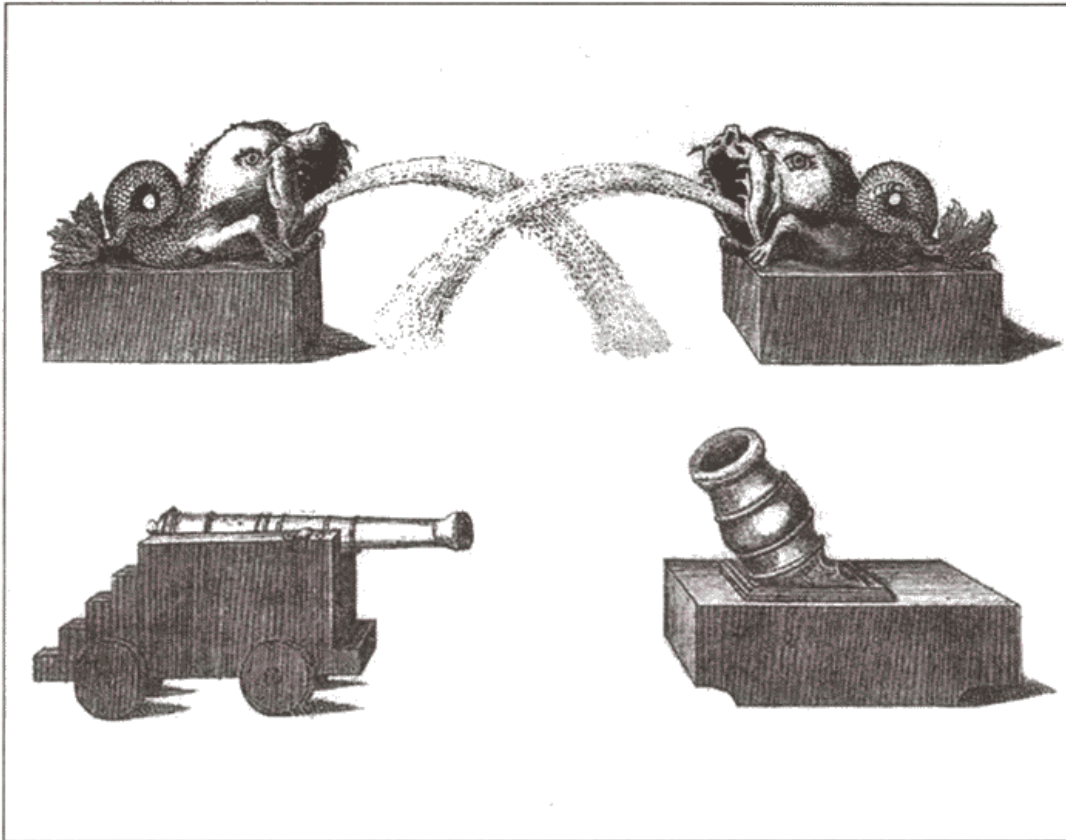
В столичные и местные учреждения империи полетели указы, подобные тому, что получила Канцелярия от строений: «Повелели мы учинить нашему кабинет министру и обер егермейстеру Волынскому некоторые приуготовлении, потребные к маскараду. Того ради прислать к нему от оной Канцелярии архитектора Бланка, тако ж, сколько к тому потребно будет, мастеровых и протчих людей, лесных и других материалов; то всё по требованию его отправлять немедленно». Закипела работа, и в короткое время рядом с царским дворцом вырос причудливый дом из ледяных плит с ледяными окнами.

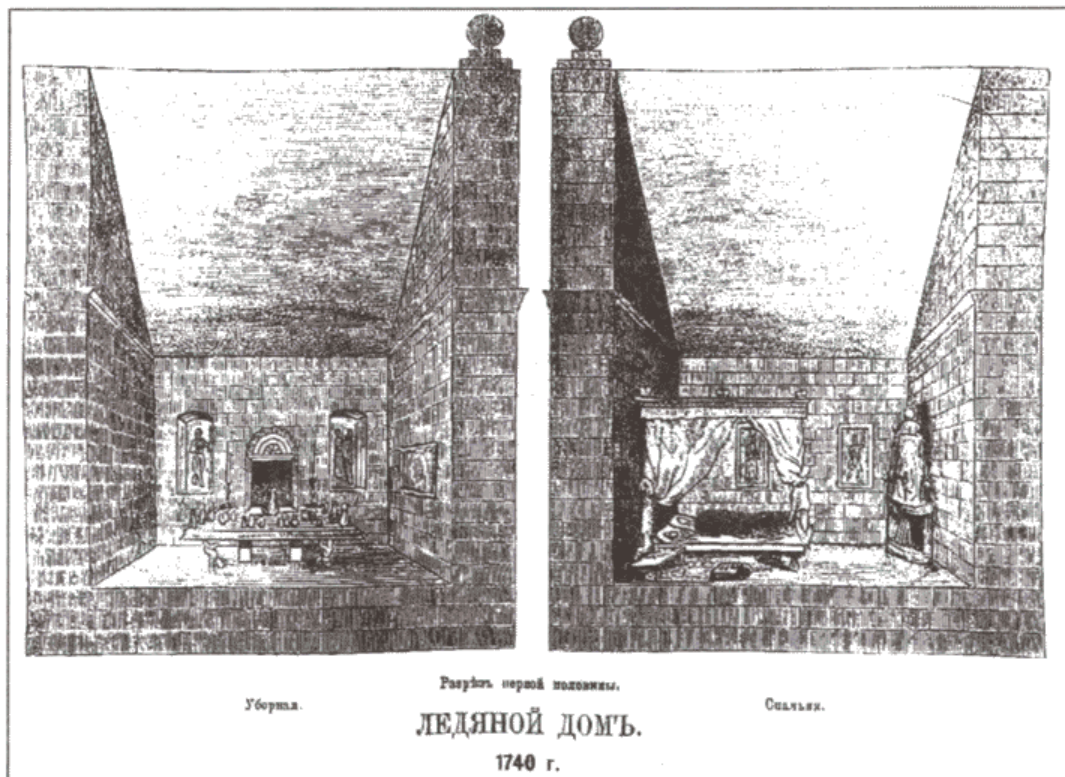
Фасад и план «Ледяного дома»

Интерьер гостиной с буфетом

Ледяные дельфины и пушки

Интерьер спальни с уборной

Кругом всей крыши тянулась галерея, украшенная столбами и статуями. Крыльцо с резным фронтоном разделяло здание на половины, по две комнаты в каждой. В одной комнате размещались два зеркала, туалетный стол, шандалы со свечами, большая кровать, табурет и камин с ледяными дровами; во второй — стол, два дивана, два кресла и резной поставец со стаканами, рюмками и блюдами, на столе стояли часы и лежали карты. Все эти вещи были сделаны из льда и «выкрашены приличными натуральными красками». Ледяные дрова и свечи, намазанные нефтью, горели. Имелась даже ледяная баня, которая несколько раз топилась, и желающие могли в ней попариться.

Перед домом стояли шесть ледяных пушек и две мортиры, которые могли стрелять. На ледяных воротах были укреплены горшки с ледяными ветками, на которых сидели ледяные птицы. У ворот красовались два ледяных дельфина, с помощью насосов выбрасывавшие из челюстей огонь из зажжённой нефти. Неподалеку находился ледяной слон в натуральную величину с

фигурой персиянина-погонщика. «Сей слон внутри был пусть и так хитро сделан, что днём воду, вышиною на 24 фута, пускал, которая из близко находившегося канала Адмиралтейской крепости трубами приведена была, а ночью, с великим удивлением всех зрителей, горящую нефть выбрасывал. Сверх же того мог он, как живой слон, кричать, который голос потаённый в нём человек трубою производил», — описывал чудесное зрелище профессор Академии наук Георг Крафт.

Свадьба состоялась на фоне грандиозного маскарада, главную роль в котором играли представители разных земель бескрайней империи. Царский указ потребовал от Академии наук «подлинное известие учинить о азиатских народах, подданных её императорского величества, и о соседях, сколько оных всех есть, и которые из них самовладельцы были, и как их владельцы назывались, со описанием платья, в чём ходят, гербов на печатях или на других, на чем и на каких скотах ездят, и что здесь в натуре есть платья и таких гербов, и например: мордва, чуваша, черемиса (марийцы. — *И.К.*), вотяки (удмурты. — *И.К.*), тунгусы, якуты, чапчадалы (камчадалы. — *И.К.*), отяки (вероятно, остяки — ханты. — *И.К.*), мунгалы (одна из территориально-родовых групп бурятов. — *И.К.*), башкирцы, киргизы, лопани, кантыши, каракалпаки, арапы белые (арабы. — *И.К.*) и чёрные (негры. — *И.К.*), и протчие, какие есть, подданные российские и четырёх частей земли: Европы, Азии, Америки, Африки, генеральное их описание народа и скота, на чём ездят, герба и платья».

Рекомендации академиков пришлось выполнять местным властям. Так, посланный в Казань указ требовал в спешном порядке выбрать «из татарского, черемисского и чувашского народов каждого по три пары мужеска и женска помы пополам и смотреть того, чтобы они собою были не гнусные, и убрать их в наилучшее платье со всеми приборами по их обыкновению, и чтоб при мужеском поле были луки и прочее их оружие и музыка, какая у них употребляется».^{[423](#)}.

Не были забыты и великорусские мужики — в подмосковных дворцовых волостях, ямских сёлах, Калужской провинции местные власти срочно отыскивали игравших на рожках пастухов и «баб молодых и столько ж мужей их, умеющих плясать, для отсылки в Санкт Питер Бурх ко двору её императорского величества». Перепуганных крестьян конвоировали в Московскую губернскую канцелярию, где

сортировали на «годных» и «негодных». В итоге нашли шесть пастухов-рожечников и отобрали восемь пар плясунов, которых за казённый счёт одели, обули и отправили в Северную столицу^{424}.

Шутовская свадьба с этнографическим парадом состоялась 6 февраля 1740 года. Под руководством Волынского был разработан церемониал маскарадного шествия и нарисованы эскизы маскарадных костюмов. Торжество удалось на славу. В день свадьбы участники церемонии собрались на дворе министра — главного распорядителя праздника; оттуда процессия прошла мимо императорского дворца и по главным улицам города.

Открывал шествие римский бог Сатурн на колеснице, запряжённой четырьмя оленями с позолоченными рогами. Вслед за ним двигались играющие на рожках пастухи верхом на коровах, три колдуна с накладными носами, сказочный богатырь, потешная «гвардия» жениха — 24 воина в вывороченных заячьих шубах верхом на козлах, музыканты с гудками, волынками, «рылями» (лирами), балалайками и рожками, за ними линейки и сани, запряжённые быками или собаками, на которых ехали вотяки, лопари (саамы), камчадалы, просто ряженные «под видами разных диких народов», Бахус верхом на винной бочке с двумя сатирами и Нептун, в роли которого выступал шут Иван Балакирев.

За «жениховой конюшней» — осёдланными ослом, козлом и бараном — ехал в санях, запряжённых шестью оленями, сам жених — «дурак самоедской ханской сын Кваснин» князь Голицын, далее свахи, управитель маскарадного поезда верхом на слоне, 12 арапов на верблюдах, главный жрец торжества с изображением солнца, «которого идолопоклонники за бога почитают», и, наконец, в «качалке» на двух верблюдах «невеста блядь Буженинова» со свитой из мордвинов, чувашей и черемисов на санях, запряжённых свиньями. Веселье на маскараде было обеспечено 76 вёдрами водки и 132 вёдрами пива^{425}.

По воспоминаниям Манштейна, после устроенных в манеже Бирона обеда, где каждый ел своё национальное кушанье, и бала, «на котором тоже всякий танцевал под свою музыку и свой народный танец», «новобрачных повезли в Ледяной дом и положили в самую холодную постель. К дверям дома приставлен караул, который должен был не выпускать молодых ранее утра».

Представление имело успех как раз потому, что отвечало вкусам императрицы и прочей публики. «Поезд странным убранством ехал так, что весь народ мог видеть и веселиться довольно, а поезжане каждый показывал своё веселье, где у которого народа какие веселья употребляются, в том числе ямщики города Твери оказывали весну разными высвистами поптичьи. И весьма то было во удивление, что в поезде при великом от поезжан крике слон, верблюды и весь упоминаемый выше сего необыкновенный к езде зверь и скот так хорошо служили той свадьбе, что нимало во установленном порядке помешательства не было», — вместе с народом искренне радовался забаве капитан гвардии Василий Нащокин^{426}.

Одним из главных участников шутовского действия был поэт и секретарь Академии наук Василий Тредиаковский — в маске и потешном платье он читал написанное им шутовское приветствие, или «срамное казанье»:

Здравствуйте, женившись дурак и дура,
ещё и блядочка, то-та и фигура.
Теперь-то прямое время вам повеселит[ь]ся,
теперь-то всячески поезжанам должно бесит[ь]ся,
Кваснин дурак и Буженинова блядка
сошлись любовно, но любовь их гадка.
Ну мордва, ну чуваша, ну самоеды,
Начните весёлые молоды деды.
Балалайки, гудки, рошки и волынки,
Сверите и вы бурлацки рынки,
Плешницы, волочайки и скверные бляди,
Ах вижу, как вы теперь ради,
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите,
Свищи весна, свищи красна...

Одиннадцатого февраля «народы» были приглашены во дворец для прощальной аудиенции, где снова танцевали перед императрицей.

Анна любила слушать байки придворных «баб». Сохранившаяся «записка о розданных деньгах» свидетельствует о единовременной выдаче специфическому окружению императрицы 4345 рублей. Самые большие суммы достались

ближайшей придворной даме (тысяча рублей) и духовнику государыни (500 рублей). Далее перечислены Маргарита (200 рублей), «Матера безножка» (100 рублей), карлицы Аннушка и Наташка (по 50 рублей), Федора (100 рублей), Власьевна (150 рублей), «Катерина юнфора» (30 рублей), безымянные «дворянка» (50 рублей), «поповна» (15 рублей), «пасацкая» (15 рублей), «горбушка» (20 рублей)^{427}.

«Наталья Ивановна, поищи в Переславле из бедных дворянских девиц или ис пасацких, которые бы похожи были на Татьяну Новокщёнову, а она, как мы чаем, скоро умрёт, то чтоб годны были ей на перемену. Ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые были лет по сороку и так же бы го-варливы, как та Новокщёнова или как были княжна Настасья и Анисья. И буде сыщешь хотя б девки четыре, то прежде об них отпиши к нам и опиши их, в чом они на них походить будут», — распорядилась Анна о присылке ко двору очередных мастериц «разговорного жанра»^{428}. Нам почти ничего о них не известно. Редким для той эпохи, скупой на эмоциональные оценки, представляется живое свидетельство Настасьи Филатовны, жены «управителя» дворцового села Дединова Якова Шестакова, 16 июня 1738 года побывавшей «в гостях» у Анны Иоанновны.

Судя по всему, небогатая и незнатная дворянка знавала императрицу в молодости — и та по старой памяти вызвала её в столицу. Явилась она прямо к Андрею Ивановичу Ушакову, а тот провёл гостью в Летний дворец и сдал на руки камер-лакею. Настасья Филатовна отобедала в компании Анны Фёдоровны Юшковой, двух «полковниц» — Анны Волковой и Анны Васильевой, княжны Голицыной, Прасковьи Калужкиной, неких Акулины Васильевой, Маргариты Фёдоровой и Марьи Возницыной, камер-юнгферы Матрёны Евтифьевны, «матери» Александры Григорьевой — иных не «упомнила». Настал вечер, и гостью отвели прямо в опочивальню государыни:

«...И много тешилась и изволила про своё величество спросить: “Стара я стала, Филатовна?” И я сказала: “Никак, матушка, ни маленькой старинки в вашем величестве!” — “Какова же я толщиною, с Авдотью Ивановну?” И я сказала: “Нельзя, матушка, сменить ваше величество с нею, она вдвое толще”; только изволила сказать: “Вот, вот, видишь ли?” А как замолчу, то изволит сказать: “Ну, говори, Филатовна!” И я скажу: “Не знаю, что, матушка, говорить; душа во мне трепещется, дай отдохнуть”. И ея величеству это смешно стало, изволила

тешиться: “Поди ко мне поближе”. И мне стала ея величества милость и страшна и мила: упала перед ножками в землю и целую юпочку. А ея величество тешится: “Подымите её”. А княгиня меня тащит за рукав кверху, я и пуще не умею встать. И так моя матушка светла была, что от радости ночью плакала и спать не могла. “Ну, Филатовна, говори!” — “Не знаю, матушка, что говорить”. — “Разсказывай про разбойников!” Меня уже горе взяло: “Я, мол, с разбойниками не жила”. И изволила приказывать, что я делаю, скажи Авдотье Ивановне. И долго вечером изволила сидеть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла к себе, а княгиня живёт перед почивальнею. А поутру опять меня привели в почивальную перед ея величество в десятом часу, и первое слово изволила сказать: “Чаю, тебе не мягко спать было?” И я опять упала в землю перед ея величество, и изволила тешиться: “Подымите её; ну, Филатовна, рассказывай!” И я стала говорить: “Вчера, матушка, день я сидела, как к исповеди готовилась: сердце во мне трепетало”. И ея величество тешилась: “А нынеча что?” — “А сегодня, матушка, к причастью готовилась”. И так изволила моя матушка светла быть, что сказать не умею. “Ну, Филатовна, говори!” И я скажу: “Не знаю уже, что говорить, всемилостивая”. — “Где твой муж и у каких дел?” И я сказала: “В селе Дединове в Коломенском уезде управителем”. Матушка изволила вспомнить: “Вы де были из новгородских?” — “Те, мол, волости, государыня, отданы в Невской монастырь”. — “Где ж де вам лучше, в новгородских или в коломенских?” И я сказала: “В новгородских лучше было, государыня”. И ея величество изволила сказать: “Да для тебя не отнимать их стать. А где вы живёте, богаты ли мужики?” — “Богаты, матушка”. — “Для чего ж вы от них не богаты?” — “У меня, мол, муж говорит, всемилостивейшая государыня: как я лягу спать, ничего не боюсь, и подушка в головах не вертится”. И ея величество изволила сказать: “Эдак лучше, Филатовна: не пользует имение в день гнева, а правда избавляет от смерти”. И я в землю по-клонила. А как замолчу, изволить сказать: “Ну, Филатовна, говори”. И я скажу: “Матушка, уже всё высказала”. — “Ещё не всё: скажи-тко, стреляют ли дамы в Москве?” — “Видела я, государыня, князь Алексей Михайлович учит княжну стрелять из окна, а поставлена мишень на заборе”. — “Попадает ли она?” — “Иное, матушка, попадает, а иное кривенько”. — “А птиц стреляет ли?” — “Видела, государыня, посадили голубя близко мишени, и застрелила в крыло, и голубь ходил на кривобок, а в

другой раз уже пристрелила”. — “А другие дамы стреляют ли?” — “Не могу, матушка, донести, не видывала”. Изволила мать моя милостиво спрашивать, покамест кушать изволила. А как убраться изволила, то пожаловала меня к ручке»^{429}.

Так и видишь скучающую Анну, которой не хочется возвращаться к бесконечным «репортам», докладам и челобитным. Императрице приятна встреча с постаревшей давней знакомой, нравится наблюдать её робость перед царским величием, любопытно и поболтать о том, как живут «простые» подданные. А «Филатовна» — может, и не вполне искренне, но умело — падает в ноги своей царице, тешит её своей простотой и лестью: мол, 45-летняя царица ещё очень даже молода и стройна — смотря с кем сравнивать. И к месту напоминает, как честно служит её муж. Анна же отечески внушает, сколь полезна бескорыстная служба, и тоже к месту вспоминает из притчей Соломоновых: «Не уполюзуют имения в день ярости: правда же избавит от смерти». И хотя «ея величества милость и страшна и мила», но в этот добрый час грозная Анна Иоанновна «светла»...

Гостье сильно повезло. Когда её супруг-управитель, оказавшийся не столь уж безупречным, в марте 1740 года привлёк внимание дворцовой следственной комиссии, в его бумагах были обнаружены вышеприведённые «мемуары» Настасьи Филатовны и переданы Ушакову. По его докладу Анна Иоанновна милостиво «соизволила указать»: «Следствие не производить, что из того важности не усмотрено»^{430}. Так бойкая Филатовна избежала близкого знакомства с ведомством Андрея Ивановича.

Но высочайшие шутки могли быть и не столь добрыми. В ноябре 1734 года государыня повелела генерал-лейтенанту князю Алексею Шаховскому посетить вдову умершего в 1728 году петровского дипломата и сенатора графа А.А. Матвеева и доложить, кого она родила, «и каков, о том о всём отпиши, а буде она после родов оправилась, то и с робёнком её сюда отправь», при этом приказала: «...когда будешь сюда об ней писать, то в одном письме напиши правду, а при том другое приложи фальшивое, чтоб было чему посмеяться, а особливо рабёнка опиши так, чтоб на человека не походил»^{431}. Великосветская публика должна была узнать, что ещё молодая вдова в украинской глуши произвела на свет «неведому зверушку», вдоволь «посмеяться», а потом с жадным интересом встретить прибывшую графиню... Кажется, императрица таким

образом решила высказать своё неодобрение Анастасии Ермиловне Матвеевой, когда-то бывшей дамой её курляндского двора.

Такой же не особенно умной, мелочной, суеверной помещицей выглядит Анна в её письмах, записочках, резолюциях. Перед нами как будто не переписка императрицы с главнокомандующим в Москве С.А. Салтыковым, а послания столичной барыни своему приказчику из провинциальной вотчины:

«Благодарю за присылку Голицына, Милютина и балакиревой жены. А Голицын всех лучше и здесь всех дураков победил. <...>

Как сие получишь, того часу изволь взять из дому Власовой сестры тётушки сундучок с письмами её амурными и как скорее сюды к нам прислать. <...>

...никому не сказывай, толко ко мне отпиши, когда свадьба Белоселского была и где и как отправляясь, и кнегиня Марья Фёдоровна Куракина как их принимала и весела ли была. <... >

У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны в Москве живёт одна девка княжна Палагея Афанасьева дочь Вяземская... её сыщи и отправь сюда. Толко чтоб она не испужалась, то объяви ей, что я её беру из милости, и в дороге вели её беречь. А я её беру для забавы, как сказывают, что она много говорит...»^{432}.

Анна могла приказать привезти ей из Успенского монастыря Александровской слободы бутылочку «деревянного» масла из лампы над гробом царевны Маргариты Алексеевны, отдать придворную «калмычку» «в дом Строгоновых для обучения», поспособствовать продаже двора жены Алексея Апраксина князю Куракину, купить в Москве «в лавке деревянных игрушек, а имянно: три кареты с цуками, и чтоб оне и двери отворялись, и саней и возков, также больших лошадей деревянных»; доставить ей необыкновенного скворца из московского «Петровского кружала», «который так хорошо говорит, что все люди, которые мимо едут, останавливаются и его слушают»^{433}. Она интересовалась различного рода «куриозами» — хотела посмотреть на «великорослых турок» из числа пленных,

старинные ткани и «истории прежних государей», голосистых певчих с Украины, «мужика, который унимает пожары»...

С течением времени дворцовые нравы несколько смягчились — при Анне уже никого принудительно не переодевали и не заставляли пить до безобразия при спуске нового корабля. Но щедрые пожалования придворным ещё не означали признания их личного достоинства, не говоря уже обо всех остальных подданных. В этом смысле Анна Иоанновна правила вполне патриархально и запросто могла отослать «служителя» в Тайную канцелярию не по политическому делу, а для телесного вразумления за какую-то провинность — совсем как барыня, отправлявшая дворового на порку. Но, к примеру, куда более галантная Елизавета Петровна после того, как неудачно покрасила волосы и их пришлось состричь, приказала придворным дамам обриться наголо и носить чёрные парики — не могли же они выглядеть лучше, чем всероссийская императрица!

И всё же российский двор не без влияния иноземцев постепенно становился проводником новых культурных традиций. При Анне Иоанновне во дворце читали — и даже задолжали за книги, доставленные из лавки Академии наук, 813 рублей. Сама государыня отбирала для себя сочинения из библиотеки покойного графа А.А. Матвеева^{434}.

Согласно составленному канцеляристом Кабинета, а затем секретарём государыни Аврамом Полубояриновым недатированному «реестру кабинетным книгам на российском языке», в «доме её императорского величества» находились Ветхий и Новый Завет и богослужебные книги, основные законы — Табель о рангах, Военский и Морской уставы, Генеральный и Духовный регламенты, Артикул военный, явно оставшиеся от Петра I пособия — «Блонделева книга» (Новая манера укрепления городов, учинённая чрез господина Блонделя, генерал-порутчика войск короля французского. М., 1711), «Кугорнова» (Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте... барона фон Кугорна, генерала артиллерии. М., 1710), «Алярдова» (Новое галанское карабельное строение, глашающее совершенно чинение карабля... снесено чрез Карлуса Алярда во Амстердаме на галанском языке. М., 1709), «Броуновы» (Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна капитана. М., 1710), «артиллерия Бринкина» (Описание артиллерии, в ней же сокращено написана всё, еже к

начинанию артиллерийского ведомства... чрез Тимофея Бринка. М., 1709). Имелись также весьма популярная в первой половине XVIII века «История Александра Великого» Квинта Курция, «Искусство недерлянского языка», «Алкоран», «Установление ордена Св. Екатерины», знаменитый труд немецкого учёного С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» (СПб., 1726), утверждавший, что государство есть продукт общественного договора. Среди рукописных сочинений — «описание царства абессинского», грамматика, житие Кирилла Белозерского, «Летописец руской», «Синагоги жидовские», «Разсуждение юридическое о конкубинате^[7]» — уж не был ли вызван интерес к этому трактату многолетней связью императрицы с Бироном? В сундуках хранились различные «ведомости», в том числе «ведомость, как к Королевце Пруском один поселянской мужик ножик проглотил и после выздоровел»^[435].

Набор книг дворцовой библиотеки можно считать хаотичным, но всё же типичным для не слишком просвещённой эпохи, когда девицы и дамы не проявляли интереса к чтению. Уровень придворных развлечений княжеских дворов Германии едва ли был выше. «Данашу я вашему высочеству, что у нас севодни все пияни; боле данасить ничево не имею», — писала в 1728 году из Киля, столицы голштинского герцогства, фрейлина Мавра Шепелева подруге-цесаревне Елизавете о торжествах по случаю рождения её племянника, будущего российского императора Петра III.

Вырабатывался универсальный европейский тип придворного. Изданный в 1737 году «учебник» искусству обхождения с сильными мира сего — «Истинная политика знатных и благородных особ» в переводе секретаря Академии наук Василия Кирилловича Тредиаковского — советовал «примечать обычаи, поступки и свойство нашего века», «розведывать дела», «удаляться от споров», «уметь приходить у всех в любовь», не укорять неблагодарных — иначе те «переменятся в ненависть», «искать милости великих лиц через изрядные дела, а не непотребные угождения», и предупреждал об опасностях: «Двор долженствует почитаться за неприятельскую страну, в которой премножество сетей поставлено, чтоб нас уловить»; придворному «надлежит быть некоторым образом непроницаему; там разумы столь остры, что чрез одно самое малое движение тела, чрез одно слово, чрез

один взгляд могут они познать то, чего бы мы не хотели им открыть»^{436}. С одной стороны, не рекомендовалось «всякому всё давать», с другой — отмечалось, что «отбиванием народу никогда в кредит притти невозможно». Надо было приобретать умения «не быть неприступным», вовремя польстить и вовремя быть правдивым, вести тонкую интригу и хранить верность очередному «высокому патрону», наслаждаться оперой или балетом, оценить сервировку стола, не обязательно непристойно выпрашивая или напиваясь.

Отличительной чертой двора Анны Иоанновны стала бьющая в глаза роскошь, разительно отличавшаяся от походно-делового стиля жизни Петра I. Министр и придворный историк Екатерины II князь М.М. Щербатов считал царствование Анны рубежом в истории императорского двора: «Двор, который ещё никакого учреждения не имел, был учреждён, умножены стали придворные чины, серебро и золото на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская серебром была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярия, и экипажи придворные всемогущее блистание с того времени возымели. Итальянская опера была выписана, и спектакли начались, так как оркестры и камерная музыка. При дворе учинились порядочные и многолюдные собрания, балы, торжества и маскарады».

Так же считали другие современники, отмечавшие «невыразимое великолепие нарядов» и роскошь балов и празднеств. Французский офицер, побывавший в Петербурге в 1734 году, выразил удивление по поводу «необычайного блеска» как придворных, так и дворцовой прислуги: «Первый зал, в который мы вошли, был переполнен вельможами, одетыми по французскому образцу и залитыми золотом... Все окружавшие её (императрицу. — *И.К.*) придворные чины были в расшитых золотом кафтанах и в голубых или красных платьях». Описание одного из зимних празднеств оставила жена английского резидента леди Рондо: «Оно происходило во вновь построенной зале, которая гораздо обширнее, нежели зала св. Георгия в Виндзоре. В этот день было очень холодно, но печки достаточно поддерживали тепло. Зала была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья образовывали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось много пространства для танцев... Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще — тогда как из окон были видны только

лёд и снег — казались чем-то волшебным... В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка и происходили танцы, аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в праздничных платьях... Всё это заставляло меня думать, что я нахожусь в стране фей».

Зоркий глаз адъютанта фельдмаршала Миниха заметил контрасты нового стиля петербургского двора: «Часто при богатейшем кафтане парик бывал прегадко вычесан; прекрасную штофную материю неискусный портной портил дурным покроем, или, если туалет был безукоризнен, то экипаж был из рук вон плох: господин в богатом костюме ехал в дрянной карете, которую тащили одры. Тот же вкус господствовал в убранстве и чистоте русских домов: с одной стороны, обилие золота и серебра, с другой — страшная нечистоплотность. Женские наряды соответствовали мужским; на один изящный женский туалет встречаешь десять безобразно одетых женщин. Впрочем, вообще женский пол России хорошо сложен; есть прекрасные лица, но мало тонких талий. Это несоответствие одного с другим было почти общее; мало было домов, особенно в первые годы, которые составляли бы исключение; мало-помалу стали подражать тем, у которых было более вкуса. Даже двор и Бирон не сразу успели привести всё в тот порядок, ту правильность, которую видишь в других странах; на это понадобились годы; но должно признаться, что наконец всё было очень хорошо устроено».

Так что можно говорить о продолжавшейся «европеизации» российского двора — в смысле приближения к «стандартам» немецких королевских и княжеских дворов того времени. Правда, мало кто из писавших о царствовании Анны не упоминал о варварских охотах императрицы и её пристрастии к ружейной пальбе, шутовских выходах придворных «дураков» или свадьбе шута в «Ледяном доме». Но при этом нужно помнить, что «образцы» придворной европейской культуры также были в ту пору далеки от утончённости.

Германские дворы эпохи «старого режима» благонаравием не отличались и жили по принципу «Der konig ist vergnugt, das land erfreut» («Когда король доволен, страна радуется»). Пить надлежало «в палатинской манере» — осушать стакан одним глотком; для трезвенников немецкие князья заказывали специальные ёмкости с полусферическим днищем, которые

нельзя было поставить на стол, не опорожнив. После одной-другой сотни тостов наступало непринуждённое веселье: почтенный князь-архиепископ Майнцский с графом Эгоном Фюрстенбергом «плясали на столе, поддерживаемые гофмаршалом с деревянной ногой», чем немало удивили французского дипломата.

«Мы провели 4 или 5 часов за столом и не переставали пить. Принц осушал кубок за кубком с нами, и как только кто-то из компании падал замертво, четверо слуг поднимали его и выносили из зала. Было замечательно видеть изъявления дружбы, которыми мы обменивались с герцогом. Он обнимал нас, и мы обращались к нему по-дружески, как будто знали друг друга всю жизнь. Но под конец, когда стало трудно продолжать пить, нас вынесли из комнаты и одного за другим положили в карету герцога, которая ждала нас внизу у лестницы», — восторженно описала французская дама тёплый приём у герцога Карла Ойгена Вюртембергского.

«Я есть отечество», — заявлял этот «швабский Соломон», кстати, такой же страстный лошадиник и охотник, как и Бирон с Анной. Карл Ойген содержал огромный двор в 1800 человек, оперную и балетную труппы, но при этом иногда порол своих тайных советников и хотел организовать полк, где все офицеры были бы его побочными сыновьями от сотни любовниц. В таком масштабном осчастливливании дам он был не одинок — баденский маркграф завёл себе целый гарем, за что и получил прозвище «его сиятельное высочество германский турок».

Пресытившись пьянством и «дебошанством», владыки брались за государственные дела — продавали своих солдат на службу Англии или Франции или торговали дворянскими титулами: за графское достоинство просили тысячу флоринов, за простое дворянство — 500. Герцог Брауншвейгский коллекционировал клавесины и спинеты, которыми никто не смел пользоваться, кроме его любимой кошки. «Серьёзная дискуссия началась на предмет объявления вне закона всех собак во владении князя... Все чиновники составляли подробные списки с указанием имён собак, их размера, возраста, породы и назначения. Руководствуясь этими списками, совет вынес резолюции о собаках Melac, Damit, Blanchet, Ouvre-L'Oeil, Empoigne. Обсуждение стало более оживлённым, когда очередь дошла до собаки Mordeur, поскольку это был настоящий породистый пинчер. Председательствующий предложил убить

его. Но первое лицо (князь. — *И.К.*), владелец брата названного пинчера, громко выступил в защиту великолепного животного. Начались разногласия», — свидетельствует запись прений в совете его светлости князя Оттинген-Валлерштейна, известного также тем, что принимал в советники лиц не менее шести футов ростом^{437}.

Как видим, аннинский двор вполне вписывался в эту картину. Но как бы ни были странны для потомков забавы императрицы, именно при ней многие культурные новации вошли в жизнь столичного общества. Начался долгий процесс создания русского литературного языка, у истоков которого стояли поэты и переводчики Антиох Кантемир и Василий Тредиаковский; последнего Г.К. Кейзерлинг принял в Академию наук переводчиком и обязал «вычищать язык русский, пишучи как стихами, так и не стихами», а заодно обучать «российскому языку» его самого.

Ещё недавно культурной новинкой при дворе были персидские «комедианты», скорее всего, вывезенные из оккупированных русскими войсками прикаспийских иранских провинций. Но мода сменилась, и «персиянские комедианты Куль Мурза с сыном Новурзалеем Шима Амет Кула Мурза да армяня Иван Григорьев и Ванис отпущены в их отечество». Россия впервые реально вступила в культурное сообщество европейских стран, в неё стали приезжать известные артисты и музыканты.

По «заказу» императрицы из Дрездена прибыл целый театральный коллектив под руководством директора и актёра-комика Томмазо Ристори: труппа комедии дель арте, музыканты и певцы. Первое представление состоялось в новом Кремлёвском дворце 9 марта 1731 года. «Отправляли прибывшие сюда недавно итальянские комедианты первую комедию при пении с великим всех удовольствием», — отметили «Санкт-Петербургские ведомости». Государыня лично приняла актёров, опасавшихся, что их привезли в «дикую страну», а на представлении, как рассказывал сам Ристори, «поднялась и, к публике оборотившись, биением в ладони призвала всех ею (постановкой. — *И.К.*) наслаждаться»^{438}.

В первую годовщину коронации Анны, 29 апреля 1731 года, русский двор впервые услышал во время праздничного обеда итальянскую кантату для сопрано, скрипки, виолончели и клавесина, посвященную знаменательному событию. Исполнила кантату по-русски певица Людовика Зейфрид. Как сообщал

саксонский посланник Лефорт, императрица выразила «большое удовлетворение» и за доставленное удовольствие подарила исполнительнице 200 дукатов. Имела успех и певица Розалия Фантази. Кантаты услаждали слух придворных во время обедов и органично вписывались в серию придворных развлечений. Шут Анны Иоанновны Пьетро Мира в 1736 году писал флорентийскому герцогу, что российская императрица всегда «веселится операми, комедиями, балами, интермедиями, приватною музыкою, фегерверками, катанием, преобразительными махинами и всеми теми приватными видами, каковы от их забав происходят»^{439}.

В январе 1732 года труппа отбыла из России, но на смену ей приехали другие европейские музыканты и певцы во главе с капельмейстером Иоганном Гюбнером. На придворных концертах гостей восхищали «певчая» мадам Аволано (с окладом в тысячу рублей в год) и «кастрат Дреэр» (его зарплата была и того выше — 1237 рублей) под руководством маэстро и его брата «композитера» Андреаса Гюбнера.

Летом 1733 года прибыла вторая труппа итальянцев, в составе которой был знаменитый танцовщик и непревзойдённый исполнитель роли Арлекина Антонио Сакки, а в 1735-м — ещё одна, во главе с актёром парижского Итальянского театра Карло Бертинацци и блиставшей на дрезденской сцене Джованной Казанова — матерью известного кавалера-мемуариста. В театральном зале Зимнего дворца итальянцы разыгрывали незатейливые спектакли, где герои дурачили друг друга. «Панталон, Венерою ряженный, Бригелл — Юпитером, Арлекин — Купидоном на алтаре стоят и говорят, что хотят жертвы пастухов и пастушек влюблённых похитить. Тогда те являются, молятся и яства кладут на алтарь. Боги притворно говорят, что всем удовлетворение дадут. Влюблённые уходят. Когда же Панталон, Бригелл и Арлекин священные дары хотят съесть, пастухи многократно возвращаются, понимают обман и поселян зовут, дабы под стражу тех взять. Панталон и Бригелл убегают, Арлекин схвачен остаётся», — анонсировалось содержание комедии «Аркадия очарованная» в 1734 году.

Другая постановка, «Смераддина кикимора», скорее напоминала фильм ужасов: «Силвий муж Смералдинин, влюбился в Диану и обещал взять её за себя, сказываясь не женатым быть. Это самое принудило его, чтоб убить свою жену. Для сего повёл он свою жену в лес и приказывает одному убийце

потерять её, а сам пошёл прочь. Убийца, в сожаление пришед по невинной, соблюл её живу и оставил её в лесу, где Смераддина, отчаянная, поручает себя адскому богу Плутону, который даёт ей одного духа приставного с полной властью оборачивать её в такой образ, каков она б захотела»^{440}. Прочие комедии были под стать — «Арлекин притворной принц», «Панталон щеголь», «Рогоносец по воображению», «Честная куртизан-на», «Перелазы через забор», «Переодевки Арлекиновы», «Коломбина волшебница» — и вполне соответствовали запросам тогдашней публики. Постановка обходилась недёшево — из соляных доходов императрицы певцам и музыкантам выплачивалась «годовая сумма 25 675 рублёв».

Европейское искусство «пошло в народ»: в 1738 году из Голландии в Петербург прибыли комедианты, «которые по верёвкам ходя танцуют, на воздухе прыгают, на лестнице ни за что не держась в скрипку играют, с лестницею ходя пляшут, безмерно высоко скачут и другие удивительные вещи делают». Они получили разрешение «в летнем её императорского величества доме, на театре игру и действия свои отправлять»; на представления допускалась и публика за немалые для простого человека деньги — «с первых мест по 50 копеек, с других по 25, а с третьих мест по 10 копеек с человека».

Стали популярными галантные песенки из переведённого Тредиаковским французского романа «Le voyage de l'isle d'Amour» («Езда в остров любви») — к примеру, «Плач одного любовника, разлучившегося со своей милой, которую он видел во сне»:

Ах! невозможно сердцу пробывать без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыта,
Без которого всегда принужден я быти...

Бирон, кстати, оценил новые культурные веяния, и на очередном празднике коронации 28 апреля 1734 года его маленький сын Карл, любимец государыни, поднёс ей экземпляр панегирической пьесы «Aria o Menuet» («Ария или менуэт») для сопрано и клавесина. Пожалуй, фаворит с высоты своего положения мог бы одобрить звучавшие в ней проклятия в адрес злополучной судьбы:

Иди же прочь, хитрая потаскуха!
Неверная судьба! Докучливое наваждение!
Ты не имеешь права впредь обезьянничать со мной^{441}.

Предпринимались и попытки познакомить двор с более серьёзным искусством — оперой. «Санкт-Петербургские ведомости» от 2 февраля 1736 года сообщили: «...в прошлой понедельник, то есть 29 числа сего месяца, представлена от придворных оперистов в императорском зимнем доме преизрядная и богатая опера под титулом “Сила Любви и Ненависти” к особливому удовольствию её императорского величества и со всеобщей похвалою зрителей». В 1737 году состоялась премьера «Притворного Нина, или Семирамиды познанной»; в 1738-м — «Артаксеркса».

Газета, кажется, несколько преувеличивала «всеобщую похвалу» — творчество придворного композитора Франческо Арайи было сложно для восприятия столичным бомондом. «В 1736 г., — вспоминал адъютант фельдмаршала Миниха полковник Манштейн, — поставлена первая опера в Петербурге; она была очень хорошо исполнена, но не так понравилась, как комедия и итальянское интермеццо». Даже при дворе Елизаветы Петровны зрителей ещё приучали ходить на представления штрафами в 50 рублей, но они уже дозрели до Шекспира — пусть и в переложении поэта и драматурга А.П. Сумарокова.

Театральные труппы приглашались на два года, сменяли друг друга и вносили в жизнь русского двора новые интересы. По свидетельству современников, «многие молодые люди и девушки знатных фамилий обучались в то время не только игре на клавикорде и других инструментах, но и итальянскому пению, добившись в короткое время больших успехов»; например, княжна Кантемир «играла не только труднейшие концерты на клавесине и аккомпанировала генерал-басом с листа».

В 1738 году танцмейстер Шляхетского кадетского корпуса Жан Батист Ланде получил императорский указ об основании по его предложению «Танцевальной её императорского величества школы» и выплате ему и его ученикам жалованья из «комнатных» денег. Так появилась русская труппа «обретающихся во обучении балетов российских 12 человек», включавшая первых отечественных балерин — «женска полу

девок» Аксиною Сергееву, Елизавету Борисову, Аграфену Иванову и Аграфену Абрамову.^{442}

Насколько сильна была тяга императрицы к высокому искусству и обсуждала ли она с Бироном достоинства «богатых» оперных постановок, нам неизвестно. Однако новый стиль жизни — дорогие дома с богатой обстановкой и мебелью, роскошные туалеты и аксессуары, щегольские экипажи — делал востребованными архитекторов и художников, обеспечивал работой каменщиков, плотников, портных, шорников, каретников, ювелиров, мебельщиков и прочих мастеров-ремесленников.

Охота, лошади, зверинцы...

И всё же любимое развлечение государыни было совсем не женское. «...Возымела она охоту стрелять, в чём приобрела такое искусство, что без ошибки попадала в цель и налету птицу убивала. Сею охотою занималась она дольше других, так что в её комнатах стояли всегда заряженные ружья, которыми, когда заблагорассудится, стреляла из окна в мимо пролетающих ласточек, ворон, сорок и тому подобных. В Петергофе заложен был зверинец, в котором впущены привезённые из Немецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тут нередко, сидя у окна, смотрела на охоту, и когда заяц или олень мимо пробежит, то сама стреляла в него из ружья. Зимой во дворце в конце галереи вставлена была чёрная доска с целью, в которую при свечах упражнялась она попадать из винтовки», — не без гордости за свою хозяйку сообщал Эрнст Миних.

Будучи уже немолодой, Анна ездила верхом и стреляла на скаку, когда собаки гнали оленя, участвовала в травле лисиц и зайцев «по английскому обычаю». В Петергофе устраивались большие охоты на птиц и зверей с призами — золотыми кольцами и бриллиантовыми перстнями. Но больше всего венценосная Диана предпочитала палить по зверью во время облав или на площадке перед охотничьей беседкой («Темплем») в приморском парке Петергофа (в XIX веке в честь императрицы Александры Фёдоровны он получил название Александрия). Стрелять должны были и придворные, в том числе и дамы, желавшие заслужить благоволение государыни. При выездах за пределы резиденции страдали поля мужиков; тогда императрица милостиво указывала: «деревни Красной Горки чюхнам за пожатую их недозрелую рожь» на том месте, где «поставлены были шатры и палатки для пришествия её императорского величества», выдать 39 рублей^{443}.

Порой же охота напоминала бойню: прямо под окнами Зимнего дворца валили кабанов, в Летнем саду сворой гончих травили медведей, волков, лисиц. По описи 1737 года главная охотница империи располагала 91 фузеей, 32 штуцерами, 54 винтовками, 30 пищалями, 11 мушкетонами, двумя мортирками и 46 парами пистолетов. Весь этот арсенал находился под надзором обер-егермейстера А.П. Волынского^{444}. Императрица знала толк в оружии, заказывала его через дипломатов в Европе,

но ценила и отечественное. 24 февраля 1735 года на Сестрорецком заводе ей поднесли охотничье ружьё с золочёным изображением двуглавого орла на казённой части и вырезанной над ним надписью: «Ея императорское величество у сей фузеи своими руками труд иметь изволили на сестрорецких заводах»; надо полагать, государыня символически «приложила руку» к собранному на её глазах нарядному оружию. Незадолго до этого она оценивала привезённые генерал-лейтенантом В. де Геннином с Сестрорецкого завода штуцеры и ружья и рассуждала, «как ручные гранаты шагов на 500 метать можно». 30 июля того же года Анна Иоанновна повелела кабинет-министрам изготовить пуд пороха по приложенной «пробе» (образцу), «чтоб он не марал ружья», и немедленно отправить ей в Петергоф^{445}.

За несколько лет на посту обер-егермейстера Волынский превратил руководимую им службу в самостоятельное придворное ведомство, впоследствии называвшееся Обер-егермейстерской канцелярией и Управлением императорской охоты. Первое штатное расписание 1740 года определило компетенцию и статус её персонала (егерской команды, «псовой», «зверовой» и «птичьей» охот, служащих зверинцев), размеры финансирования и количество содержащихся зверей, птиц, собак и лошадей. Летом 1740 года под началом обер-егермейстера состояло 96 человек в Петербурге и Петергофе, 185 собак, 52 лошади и 136 штук зверья — лисы, рыси, кабаны, американские олени, львы, зубры, медведи и слон. В Москве имелись 79 охотников и «служителей» с 148 собаками, 15 лошадьми, ловчими птицами и точно не подсчитанным звериным поголовьем — одних только зайцев содержалось 700 штук^{446}.

Волынский тешил императрицу с размахом; так, в 1740 году расходы на охоту превысили 8300 рублей. Обер-егермейстер был озабочен увеличением количества и разнообразия живности. В мае 1738 года он подал государыне доклад с перечнем зверей и птиц, «потребных в зверинцы и менажереи вашего императорского величества»: зубров, диких кошек, лошадей и быков, маралов, леопардов, тигров, фазанов, журавлей с берегов Терека и персидских куропаток. Анна список утвердила, и в губернии были отосланы её именные указы о доставке в Петербург лосей, оленей и рябчиков из Олонца, диких лошадей и «баранов с витыми рогами» из Сибири, лосей из Казани, оленей, «диких кошек» и сайгаков из Астрахани^{447}.

После других докладов Волынского появились указы о ежегодном «ловлении» и доставке ко двору двухсот куропаток и пятисот зайцев, о запрещении населению охотиться на лосей в Санкт-Петербургской и Новгородской губерниях (их надлежало отлавливать царским егерям и везти в столицу) и продавать «птиц соловьев» (их также следовало «объявлять при дворе её императорского величества»). Сенат должен был заботиться о «размножении серых куропаток» в окрестностях Петербурга и о том, «чтоб нынешнею весною, наловя в Москве соловьев до 50-ти, да в Новгородской губернии и во Псковской провинции до 50-ти же, и привезть в Санкт-Петербург за добрым призрением». Обер-егермейстер лично распоряжался доставкой ко двору редких экземпляров — белого кабана из подмосковного Измайлова и белой галки из дома покойного князя И.Ф. Барятинского. Кабинет-министрам пришлось объявлять жителям прилегавшей к городскому зверинцу улице, чтобы коров не держали, поскольку прибывшие из-за границы дикие быки-«ауруксы» сильно нервничали.

В любимом Анной с детства Измайлове в 1740 году содержалось 156 «борзых, гончих, меделянских, датских, лошых и других». В Северной столице на попечении Волынского числились 183 собаки, в том числе по 60 для травли оленей и зайцев, 19 борзых, 15 «русских различных родов», 21 большая меделянская (порода крупных собак, похожих на бульдога, исчезла в XIX веке), шесть такселей, две датских и две «трюфельных» (обученных по запаху искать трюфели), а также 52 охотничьи лошади. Подчинённые обер-егермейстера составляли подробные описания питомцев. О пополнении императорской псарни должны были заботиться и дипломаты. В 1740 году посланник Антиох Кантемир купил для государыни в Париже за 1100 рублей 34 пары бассетов, а князь Иван Щербатов отправил из Лондона к петербургскому двору 63 пары «малых гончих биклесов», борзых и собак других пород на 481 фунт стерлингов (2240 рублей по тогдашнему курсу).

Вольная охота в окрестностях обеих столиц запрещалась; как сообщал очередной указ, императрице стало известно, что дворяне «с охотами весьма многолюдно ездят и зайцов по 70 и по 100 на день травят»^{448} — так и для царской потехи могло не хватить. Но, видно, подданные сполна разделяли увлечение императрицы охотой — строгие предупреждения не помогали. Волынский жаловался Сенату: «Не взирая на оное запрещение,

партикулярные люди и ныне всяких родов птиц не только в дальних местах, но и около самого Петербурга стреляют и ловят сетками и силками и битых птиц продают в Петербурге на рынке, а некоторые тем отговариваются, что будто публикации о нестрелянии и неловлении птиц не слышали». Он требовал принять новый указ — уже не о полном запрете охоты, а о прекращении её на несколько месяцев, «понеже с мая месяца птицы сидят на гнёздах и выводят детей, и для того обыкновенно во всех в Европе христианских государствах все охоты и ловы и стрельба, а наипаче о птицах, кроме птоядных (хищных. — *И.К.*) и вредительных, майя с 1-го по август месяц запрещается»^{449}.

Современные защитники природы пришли бы в ужас от забав императрицы, но в ту пору так развлекались монархи всей Европы. Людовик XV иногда выезжал на охоту три-четыре раза в неделю. «Сегодня с дозволения императора, будет дано следующее представление: дикий венгерский бык, чьи уши и хвост украшены петардами, будет атакован блаухаундами. Затем на огромного медведя набросятся мастифы», — приглашала публику венская афиша в 1731 году. Тогда же в Берлине с неменьшим успехом проходили «бои» медведей с бизонами, одного из которых изволил лично застрелить его величество Фридрих Вильгельм I.

В Дрездене с королевским размахом гулял Август III, о чём сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» в марте 1740 года: «В высокий день рождения её императорского величества императрицы всероссийской изволил его королевское величество от своих министров и других знатных персон сам торжеством принесённые всепокорные поздравления принять; а потом с её величеством королевою, также с принцами и принцессами в провожании всего придворного стага в егерские палаты идти, для смотрения звериной травли, которая с девятого часу утра до первого часа по полудни продолжалась. Туда приведены были разные звери, а именно лев со львицею, бабр, леопард, тигр, рысь, три медведя, волк, дикой бык, два буйвола, корова с телёнком, ослица, жеребец, две дикие лошади и двенадцать превеликих кабанов. Лев с медведем того же часа на диких свиней напали и, убив их, стали есть. Леопард принялся за телёнка; а дикой бык ослицу рогами убил. Другой медведь атаковал волка и несколько раз кверху его так бросал, что волк, от него ушедши, к диким свиньям прибежал. Король после

того из своих рук рысь и медведя застрелил; а по окончании сей травли изволил его величество с принцами и принцессами в большой сале сего егерского дому за особливим на сорок персон приготовленным столом кушать».

Императрица периодически интересовалась экзотическими экземплярами фауны. «Пред несколько днями отдана к здешнему двору из Англии сюда привезённая великая птица струе или строфокамил (страус. — *И.К.*), которая ныне с другими птицами в императорской менажерии содержится. Третьего дня по обеде имел персидской посол у её императорского величества аудиэнцию. Потом приведён был индейцами и персианами пред Летний дом от Надыр шаха к её императорскому величеству в дар присланной остиндской слон в полном своём наряде. Её императорское величество изволила оного видеть и разных проб его проворства и силы более часа смотреть», — извещала столичная газета 19 мая 1737 года.

Зимой 1737 года Анна Иоанновна изволила «едва не ежедневно по часу перед полуднем... смотрением в Зимнем доме медвежьей и волчьей травли забавляться». Запас зверей для травли быстро подходил к концу, и Волынский докладывал Сенату о необходимости доставки ко двору новых медведей, поскольку имевшиеся уже затравлены или изранены настолько, что их «травить уже не можно», и сенаторам пришлось распорядиться о закупке зверей на Новгородчине. В другой раз императрицу беспокоило отсутствие куропаток и зайцев в Петергофе; первых срочно завезли с Украины, а вторых — из новгородских лесов, причём их добычей руководил вице-губернатор, которому предписывалось изловить сотню зайцев тенетами, посадить каждого в особый ящик и доставить «водой» в Петербург в канцелярию обер-егермейстерских дел^{450}. Так же собирали со всей России волков, кабанов, оленей, лисиц — прежде чем стать добычей придворных охотников, они содержались на «зверовых и охотничьих дворах» столицы.

Главный «зверовой двор» на месте нынешнего Михайловского замка в Петербурге занимал обширное пространство, обнесённое высоким деревянным забором. На дворе устроены были «покои» для животных с каменными фундаментами «для лучшей зверям теплоты». В одном из них обитали две доставленные из Англии львицы, в другом — два леопарда, в остальных — рысь, чернбуря лисица и три мартышки. В особом «остроге» со специально вырытым прудом

содержались четыре белых медведя, а их бурые собраты — на медвежьих дворах за Невой около Охты.

На берегах Фонтанки располагались Малый зверинец (там жили дикие козы и вывезенные из Англии индийские и американские олени — «малая американская дичина») и Слоновый двор с отапливаемым «амбаром». При слоне, доставленном из Ирана в 1737 году, состоял персидский «слоновый учитель», обязанный ухаживать за ним, в том числе прогуливать его по городским улицам. На корм великану полагалось в год «корицы, кордамону, мушкатных орехов — по 7 фунтов 58 золотников каждого сорта, шафрану — 1 фунт 68 золотников, сахару — 27 пудов 36 фунтов 4 золотника, пшена сорочинского (то есть риса. — *И.К.*) — 136 пудов 36 фунтов, муки пшеничной — 365 пудов, тростника сухого — 1500 пудов», а «для сугреву» — 40 вёдер виноградного вина и 60 вёдер водки. Однажды «слоновый учитель» пожаловался, что водка «к удовольствию слона не удобна, понеже явилась с пригарью и не крепка».

Истинной страстью аннинского фаворита были лошади. Он покупал породистых животных в Дании, Германии, Италии и даже в Стамбуле, откуда дипломат И.И. Неплюев сообщал цены на арабских жеребцов. Вышеупомянутый Иван Кирилов «имел прилежное старание о иноходцах», но нашёл только трёх достойных, которых и отправил Бирону из Уфы в марте 1735 года^{451}. Об увлечении фаворита знал и российский резидент в далёком Иране Семён Аврамов. «...как слышел, что ваше высокографское сиятельство соизволите охоту иметь к арабским и персицким конем, ис которых я яко раб вашего высокографского сиятельства и без повелительного об них высокомилоостивого писма двух кабылиц арапских сыскал да двоих жеребят, той же природы кабылицу и жеребца, но не знаю, как оные к вашему высокографскому сиятельству переслать. А ещё сколько моей возможности будет, искать как кабылиц, так и аргамаков арапских и персицких буду»^{452}, — сообщал дипломат в июне 1734 года из Исфахана, за старания прося немного — чтобы могущественный граф пожаловал его личным «отеческим писмом» да помог получить из казны недоплаченное жалованье и компенсацию за истраченные на службе собственные средства.

Доставкой ко двору лошадок и роскошных «конских уборов» занимался уже начальник Аврамова, главнокомандующий

русскими войсками в Северном Иране В.Я. Левашов. Ему же давались особо важные поручения — например, добыть персидских «аргамаков одношерстных ровных, чтоб в цук годны были»; таких ценных лошадей доставляли из-за моря с «великим бережением» и держали студёной зимой в тёплых конюшнях в Царицыне.

Однажды некие «обносители» шепнули Бирону, что самых лучших коней Левашов оставляет себе; он в ярости приказал обследовать конюшню в имении генерала и забрать утаённых красавцев. Донос не подтвердился; российский генерал-аншеф с облегчением писал: «...безумен был [бы], когда бы вашему высокографскому сиятельству не лучшими лошадьми служил»^{453}. Будь иначе — любовь Бирона к лошадям могла стоить карьеры одному из самых способных российских генералов.

Понимавшие страсть фаворита старались ему услужить: адмирал Гордон на своём корабле отправил двух жеребцов, прибывших из Англии, графу в Ораниенбаум, а новгородский вице-губернатор Бредихин лично занимался подрядом и доставкой четырёх тысяч пудов наилучшего сена «про обиход» конюшни Бирона^{454}. Зато герцог устраивал для гостей парад своих красавцев. Удостоенные чести присутствовать на нём пленные французские офицеры увидали в манеже Бирона «до сорока или пятидесяти лошадей, поразительных своей красотой и покрытых богатыми красными попонами, шитыми золотом. Во второй раз их провели перед нами без попон с роскошными чепраками и сёдлами, украшенными также золотым шитьём. Все эти украшения получены из Пруссии. Наконец, любезный хозяин приказал оседлать лошадей простыми манежными сёдлами, и наездники, вскочив в сёдла, показали нам всё искусство этих благородных животных». Внесённые в опись звучные имена герцогских кобылиц — Нерона, Нептуна, Лилия, Эперна, Сперанция, Аморета — кажется, подтверждают расхожее мнение, что к лошадям Бирон относился с большим расположением, чем к людям...

При Бироне наступил расцвет придворной конюшни. Её штат состоял из 393 служителей и мастеровых и 379 лошадей, содержание которых обходилось ежегодно в 58 тысяч рублей. Одних только сёдел по списку 1740 года хранилось 212 штук. Многие элементы сбруи представляли собой настоящие произведения искусства: «Седло турецкое с яхонтами и

изумрудами, при нём серебряные, вызолоченные стремяна с алмазами и яхонтовыми искрами, удило серебряное, мундштучное, оголов и наперст с золотым с алмазами набором, решма серебряная, вызолоченная, с алмазами, чендарь глазетовый, шитый серебром».

С кем поведёшься, от того и наберёшься: Анна по примеру фаворита пристрастилась к лошадям и, несмотря на возраст и величественную комплекцию, ездила верхом. В манеже была отделана особая комната, где она занималась делами и давала аудиенции. «Каких шерстей и скольких лет оные лошади, и сколь велики ростом», — требовала она в августе 1740 года подать подробную опись конюшни казнённого Волынского. Очень возможно, что именно для неё Бирон приобрёл драгоценный «конский убор, украшенный изумрудами», некогда хранившийся в Эрмитаже и проданный в начале 1930-х годов за рубеж всего за 15 тысяч рублей. Во всяком случае, это был бы презент вполне в его вкусе.

Глава пятая.

«ЗАСИЛЬЕ ИНОЗЕМЦЕВ»

Хотя трепетал весь двор, хотя не было ни единого вельможи, который бы от злобы Бирона не ждал себе несчастья, но народ был порядочно управляем. Не был отягощен налогами, законы издавались ясны, а исполнялись в точности.

М.М. Щербатов

«Старосветские помещики»

В глазах потомков Эрнст Иоганн Бирон порой затмевал и саму императрицу, и всё её царствование. Однако курляндский «немец» был не всемогущим тираном, а ближайшим к Анне человеком, чьи усилия в немалой степени помогали ей править страной. Императрица потому и могла спокойно царствовать и развлекаться, что с одной стороны её поддерживали министры Кабинета, с другой — фаворит.

В день коронации Бирон находился рядом с Анной уже как начальник придворного штата. Как объявлялось в соответствующем указе, новоявленный обер-камергер «во всём так похвально поступал и такую совершенную верность к нам и нашим интересам оказал, что его особливые добрые квалитеты и достохвальные поступки и к нам оказанные многие верные, усердные и полезные службы не иначе как совершенной всемилостивейшей благодарности нашей касаться могли», хотя сами эти «достохвальные поступки» не назывались. Кроме того, Бирон получил орден Александра Невского, а через день — орден Андрея Первозванного, от которого сначала отказался в пользу ландгофмейстера Курляндии Бракеля.

На возвышение новой фигуры при российском дворе отреагировал ближайший союзник. В июне 1730 года император Священной Римской империи Карл VI прислал Бирону диплом рейхсграфа и свой портрет, украшенный бриллиантами, ценой в 20 тысяч талеров.

Сама Анна несколько замешкалась с подарками: новый обер-камергер стал российским графом лишь в августе 1730 года, а осыпанный бриллиантами портрет благодетельницы получил в апреле 1731-го. Но уже летом 1730 года новоиспечённый обер-камергер стал крупным землевладельцем — Анна пожаловала ему солидные по прибалтийским меркам владения — три «мызы» в Лифляндии общей площадью в 41 гак ^{[8].{455}}. В ноябре 1730 года братья фаворита Карл и Густав были приняты на русскую военную службу. 1 октября сам Бирон был вторично пожалован орденом Андрея Первозванного и на сей раз уже не отказался.

Курляндские дворяне, ещё недавно не желавшие признавать Бирона, теперь внесли его род в «матрикулы»: в сентябре

1730 года камер-юнкер Корф привёз в Москву в позолоченном ящике грамоту о причислении фаворита и его

фамилии к курляндскому рыцарству. Затем дворяне Лифляндии и Эстляндии также приняли его в свои ряды. Зная страсть Бирона к лошадям, саксонский курфюрст Август II подарил ему четырёх «верховых лошадей необычайной красоты», а в качестве польского короля наградил его польским орденом Белого орла.

Иностранные дипломаты и придворные внимательно следили за восхождением новой «сильной персоны». Императрица же публично выказывала фавориту знаки внимания не только пожалованиями, но и трогательной заботой о его здоровье. В январе 1731 года Анна Иоанновна, по сведениям Клавдия Рондо, «во время болезни графа кушала в его комнате». В июле она отправилась на обед к сыну канцлера М.Г. Головкину вместе с Бироном, сопровождавшим её карету верхом. Лошадь, внезапно испугавшаяся, сбросила фаворита. Он отделался лёгким ушибом, но императрица приняла «это событие к сердцу» и не поехала на бал, поскольку помятый и, надо полагать, испачкавшийся граф «не мог обедать с ней».

Бумаги Тайной канцелярии дают редкую возможность увидеть Анну и фаворита глазами служащих Монетной канцелярии. Секретарь Яков Алексеев, узнав, что «государыня любит Бирона» и даже с ним «блудитца», не то чтобы осудил, но удивился и поделился своим открытием с сослуживцами: «Государыня де изволила итти во дворец в церковь положи руку свою на плеча графа Бирона и изволила говорить тихо»; летом 1731 года в дворцовом селе Хорошёве «таким же образом изволила с ним итти и изволила сказать такие слова: “Я твою палатку поставить велела”; и граф Бирон отвечивал таким словом: “Изрядно”». Камерир Филипп Беликов в январе 1732 года был более категоричен: увидев, что во время отъезда двора из Москвы в Петербург государыня и Бирон проехали вместе через Воскресенские ворота, он заметил: «Это де примета нехороша, что де он ровняетца», — и в сердцах обозвал Анну Иоанновну «курвой»^{456}. А строптивая княжна Пасковья Юсупова ещё в 1730 году сплетничала: «Ныне де навезено иноземцов, между которыми есть некакой выблядок, которого де государыня императрица весма жалуует, а сама де она скорбна боком».

Понятно, что возвышение не слишком знатного немца не могло вызвать восторга у придворных и чиновного люда. Но обратим внимание, что у Бирона в начале царствования Анны не было ни родственных связей, ни сложившейся — русской или

«немецкой» — «партии» сторонников. Поэтому в первые годы жизни в России обер-камергер неизбежно должен был стараться быть для всех приятным, сотрудничать с другими фигурами из окружения Анны, договариваться, уступать, интриговать — и учиться.

Наряду с ним на роль новой опоры режима претендовали сыновья барона Гергарда Иоганна Левенвольде, одного из противников шведского владычества в Прибалтике. Уже в 1710 году Петром I Левенвольде-отец был назначен русским уполномоченным («пленипотенциарием») в Лифляндии и приложил немало усилий для восстановления особого порядка управления (*Landesstaat*) — формирования ландтага, выборов ландратов и ландмаршала, устройства судов и полиции, подтверждения владельческих прав на имения, сбора казённых податей и пошлин, сдачи в аренду государственных имений. Он же стал обер-гофмейстером двора супруги царевича Алексея Петровича.

Старший и наиболее даровитый из его сыновей Карл Густав также сделал карьеру на русской службе — в годы Северной войны был адъютантом Меншикова, а затем генерал-адъютантом Петра. Не без помощи брата оказался при русском дворе и красавец Рейнгольд Густав — он стал камергером, графом и фаворитом Екатерины I и сумел при этом не навлечь на себя гнев всемогущего Меншикова. При Анне Рейнгольд вернулся ко двору обер-гофмаршалом, а Карл Густав стал обер-шталмейстером, генерал-майором, генерал-адъютантом и командиром нового гвардейского Измайловского полка. На российской дипломатической службе оказался и третий брат Фридрих Казимир.

Ходили слухи, что Карл Густав был конкурентом Бирона на предмет близости к государыне. Насколько они соответствовали действительности, судить трудно; во всяком случае, в московском дворце Анны имелись апартаменты не только Бирона, но и Рейнгольда Густава Левенвольде. Позднее, при Екатерине II, «вступление в случай» очередного объекта монаршей благосклонности станет привычной процедурой с получением чина флигель-адъютанта, занятием соответствующих комнат во дворце и правом беспрепятственного доступа к императрице — на придворном языке это называлось «ходить через верх». В первой половине столетия двор ещё не выработал столь чётких правил и не

практиковал официального доказательства интимных царских милостей. Но, кажется, Анна Иоанновна не очень подходит на роль кокетливой светской дамы, стремящейся удержать сразу нескольких поклонников. Однако если «случай» Карла Густава имел место, Бирону приходилось эту деликатную ситуацию терпеть — братья Левенвольде давно освоились на русской службе и превосходили его опытом и кругозором.

Бирон, в отличие от беззастенчивого Меншикова или глуповатого Ивана Долгорукова, играл свою роль уже по «европейским» правилам. «Не злоупотребляет своей силой, любезен и вежлив со всеми и ищет всевозможных случаев понравиться», — одобрял его поведение Лириа в 1730 году. «Он был довольно красивой наружности, вкрадчив и очень предан императрице», — признавал даже не любивший Бирона фельдмаршал Миних. «В обхождении своём мог он, когда желал, принимать весьма ласковый и учтивый вид, но большей частью казался по внешности величав и горд», — описывал его манеры Миних-сын.

Борьба за власть и влияние на императрицу шла примерно в течение двух лет. В 1730–1731 годах послы доносили о возмущении дворян тем, что «её величество окружает себя иноземцами». Позднее, когда расстановка сил стала ясна и делёж власти закончился, жалобы умолкли. Бирон вначале не слишком бросался в глаза, выступал прежде всего в качестве передаточного звена — доставил прощальные подарки неудачливому жениху Анны Иоанновны португальскому принцу Эммануэлю и выручил влезшего в долги Лириа. Английский резидент поначалу даже удивлялся, узнав, что Бирон — личность «едва известная» — получил ценные подарки от австрийского императора, но затем обратил внимание, что обер-камергер стал участником «тайных советов» у императрицы и она «решительно подпала влиянию своего фаворита».

Вскоре Бирону удалось одолеть обер-гофмейстера С.А. Салтыкова (оставлен в Москве), П.И. Ягужинского (в ноябре 1731 года отправлен послом в Берлин) и вошедшего было в милость Миниха. Военный инженер и боевой офицер Миних имел неуёмное честолюбие, был готов руководить чем угодно — армией, государством, императрицей; он не отказался бы занять место возле Анны — и, похоже, имел шансы: обладая импозантной внешностью, он, в отличие от придворного Бирона, блистал мужеством и статью генерала, с дамами был любезным

кавалером, а мужчин покорял «солдатской» прямотой. Бирон едва не проглядел соперника, зато его заметили другие. «Ныне силу великую имеют господин обер-камергер и фелтмаршал фон Миних, которые что хотят, то и делают и всех нас губят, а имянно: Александр Румянцев сослан и пропадает от них, так же генерал Ягушинской послан от них же и Долгорукие, и все от них пропали», — давал оценку властному раскладу удалённый от двора и посланный строить Закамскую укреплённую линию тайный советник Фёдор Наумов. Но амбиции и подвели фельдмаршала. Как рассказывал его адъютант Манштейн, желая «стать во главе управления», Миних насторожил Остермана и Левенвольде. Бирон же сделал так, чтобы стремительного военачальника вначале перевели на другую квартиру — подальше от дворца, а затем отправили командовать находившимися в Польше русскими войсками.

Жизнь фаворита или фаворитки вовсе не была беззаботным существованием среди удовольствий и наград. У семейства Бирон, по сути, не было нормального дома. В московском деревянном Анненгофе спальня обер-камергера размещалась через три небольших покоя от царской, а дальше располагались комнаты его жены и детей. Так же они жили и после переезда в Петербург.

Незадолго до того, в декабре 1731 года, саксонский посол Лефорт писал: «На будущий год на границах Ливонии и Курляндии, между Ригою и Митавою, построят загородный дворец и назовут его Аннабургом. Со временем здесь образуется местечко, затем город и, наконец, резиденция... Аннабург будет цветущим городом и резиденциею, достаточно близкою, чтобы во всякое время подать помощь избранному в мечтах герцогу курляндскому Бирону, в пользу которого царица откажется от всех своих притязаний на Курляндию и прусский двор тотчас же уступит ему права свои на это герцогство»^{457}.

Может быть, Анна и Бирон и вправду мечтали о жизни вдали от сурового и неуютного Петербурга? Но реальность не позволяла начать царствование со столь решительного шага. Да и своё положение Бирону надо было охранять. Отец и сын Минихи сообщали, что фаворит неустанно присутствовал рядом с Анной, «которую никогда не покидал, не оставив около неё вместо себя свою жену». Императрица постоянно обедала и ужинала с семейством Бирон и даже в комнатах своего фаворита. «В угождение ему сильнейшая в христианских землях

монархиня лишила себя вольности своей до того, что не только все поступки свои по его мыслям наиточнейше распоряжала, но также ни единого мгновения без него обойтись не могла и редко другого кого к себе принимала, когда его не было... Герцог с своей стороны всеми мерами отвращал и не допускал других вольно с императрицею обходиться, и если не сам, то чрез жену и детей своих всегда окружал её так, что она ни слова сказать, ни шага ступить не могла, чтобы он тем же часом не был о том уведомлен».

День за днём, год за годом находиться «при особе её императорского величества» и при этом не надоесть, не вызвать раздражения, нелегко. Реальные отношения при дворе не похожи на экранно-романные «тайны» и увлекательные приключения. Они включают не только интриги, но и будничные проблемы, и обязанности, в том числе прислуживание за столом, переезды, надзор за подчинёнными и слугами: не холодно ли в спальне императрицы, не заменить ли неловкого лакея, каких лошадей и карету подать завтра на выезд, кого из придворных взять с собой в Петергоф и всё ли там готово для переезда, каковы причины отсутствия одной из фрейлин, кого сегодня стоит допустить к государыне, а кого придержать под благовидным предлогом.

Через Бирона шли назначения на придворные должности, приглашения на дворцовые торжества, распоряжения о их подготовке; он вёл дела с «гоф-комиссарами» («поставщиками двора»), причём обычно торговался по мелочам. Он выполнял обязанности как обер-гофмейстера (Салтыков, формально сохранявший этот пост, остался в Москве), так и обер-шталмейстера, поскольку очень интересовался делами придворного конюшенного ведомства^{458}.

При этом нужно было всегда выглядеть свежим, быть одетым к месту, вовремя замечать перемены настроения государыни, развлекать её приятными сюрпризами. Так, в 1734 году во дворце, «к высочайшему удовольствию» императрицы, несколько раз показывались «острономические обсервации», а также «пневматические и гидравлические опыты», а в 1739-м фурор произвела «мужицкая жена» Акси́нья Иванова, обладавшая пышной чёрной бородой и усами. Придворные спорили, является ли Акси́нья женщиной, но академики рассеяли сомнения: путём научного «осмотрения» установили, что она — «подлинная жена

и во всём своём теле, кроме уса и бороды, ничего мускова не имела».

В течение многих лет фавориту надлежало подчиняться распорядку дня императрицы, её склонностям и даже капризам — и всё это время находиться под прицелом замечавшего любые промахи придворного общества, постоянно ощущая дыхание соперников в спину. Конкурентов нужно было устранять, но теперь уже отправляя не в Сибирь или на плаху, а на почётную должность вдали от двора, как Бирон сделал с Минихом и камергером Корфом. Нет оснований подозревать фаворита в неискренности, когда он рассказывал о своей «работе» на следствии в 1741 году: «Он в воскресные дни в церковь Божию всегда не хаживал, и то не по его воле, понеже всякому известно, что ему от её императорского величества блаженные памяти никуда отлучиться было невозможно, и во всю свою бытность в России ни к кому не ездил, а хотя когда куда гулять выезжал, и в том прежде у её императорского величества принуждён был отпрашиваться, и без доклада никогда не дерзал, и партикулярные его письма читывал он как в воскресные, так и в другие дни, когда он от её императорского величества отлучиться удобное время усматривал».

Фавориту надлежало входить в самые интимные подробности высочайшего самочувствия. Иногда это было сложно, так как императрица «свою болезнь сами всегда изволила таить, и разве ближние комнатные служительницы про то ведали». За два года до смерти у Анны появились симптомы заболевания — «в урине её императорского величества такая ж кровь оказалась, и тогда она урин свой чрез комнатную девицу Авдотью Андрееву изволила послать к обретающемуся тогда в Петербурге больному придворному доктору Лестениусу, который, высмотря той урин, сказал, чтоб её императорское величество от того не изволила иметь никакого опасения и пользовалась бы только красным порошком доктора Шталя». Бирон, «припадая к ногам её императорского величества, слёзно и неусыпно просил, чтоб теми от докторов определёнными лекарствами изволила пользоваться; а больше всего принуждён был её величеству в том докучать, чтоб она клистир себе ставить допустила, к чему её склонить едва было возможно»^{459}.

Можно представить, как герцог расспрашивал «комнатных девиц» об этих подробностях, а то и лично отправлял высочайшую мочу на анализ. Ему приходилось не только

уговаривать «особу её императорского величества» поставить клизму, но и сопровождать её к зубному врачу. Даже недоброжелательные к Бирону мемуаристы вроде Миниха-сына признавали, что его «служба» бывала тягостной: «Весьма часто многие слыхали, как он жаловался, что для своего увеселения ни одной четверти часа определить не может. Я сам чрез целые восемь лет не могу припомнить, чтоб видел его где-либо в городе, в беседах или на пиршествах, но дабы и других людей пример не возбудил в нём к тому охоты, императрица не только худо принимала, если у кого из частных особ весёлости происходили, но называя их распутством, выговаривала весьма колкими речами».

Опытный придворный Эрнст Миних даже полагал, что «сей неограниченный и единообразный род жизни естественно долженствовал рождать иногда сытость и сухость в обращении между обеими сторонами. Дабы сие отвратить и не явить недовольного лица вне комнаты пред чужими очами, не ведали лучшего изобрести средства, как содержать множество шутов и дураков мужского и женского пола». Тут мемуарист, скорее всего, ошибался. Едва ли целая команда шутов служила для того, чтобы императрица и её фаворит вымещали на них взаимное раздражение.

Повседневная жизнь Анны Иоанновны и семейства Бирон была дружной и размеренной:

«Она встаёт, как говорят, между семью и восемью часами утра, а летом ещё раньше, и жена обер-камергера, которую тотчас об этом уведомляют, входит к ней дезабилье с кофе или шоколадом. Иногда же императрица входит к мадам Бирон, если та не сразу готова, и там пьёт кофе, поскольку их спальни недалеко друг от друга, а императрица весьма расположена к сей даме. К девяти или половине десятого императрица одета, затем начинается утренняя молитва в придворной церкви, или же священник (так же, как всегда после обеда в воскресенье) приходит с группой певчих в приёмную и отправляет там богослужение.

Потом [императрица] принимается за дела или немного развлекается — это, смотря по времени года, бильярд, травля волков на внутреннем дворе, стрельба по птицам из окон обер-камергера, прогулки в санях или по саду и т. д., и т. п....

Равно в 12 она обедает с семьёй обер-камергера и за столом сидит недолго... В послеобеденное время императрица

предаётся краткому сну и немного развлекается, хотя бы с синьором Педрилло. Она также иногда посещает придворных дам или сыновей обер-камергера в их апартаментах. О том, что четыре вечера в неделю предназначены для приёмов и спектаклей, мы уже знаем. В 8 часов императрица садится за ужин, затем до десяти или половины одиннадцатого беседует с графом Бироном и его семьёй и удаляется»^{460}.

Похоже, такое «семейное» сосуществование императрицы и обер-камергера не оставляло места для серьёзных конфликтов. Несомненно, императрица имела к Бирону глубокую привязанность. В 1734 году, оправившись от очередной болезни, она призналась, что фаворит — «единственный человек, которому она может довериться». Даже язвительный моралист М.М. Щербатов воздержался от обличения монаршего греха, полагая, что Бирона и Анну связывала прочная дружба: «Она его более яко нужного друга себе имела, нежели как любовника».

Не слишком изысканный курляндский помещик сумел дать некрасивой, одинокой, бездетной московской царевне то же самое, что дала безродная холопка Марта Скаврнская Петру I — ощущение собственного надёжного и уютного дома. Анну, в отличие от Екатерины II, вряд ли прельщала большая политика со стратегическими планами, проектами реформ и миссией просветительницы страны. Зато, как свидетельствуют записки Миниха-сына, «никогда в свете... не бывало дружнее четы, приемлющей взаимно в увеселении и скорби совершенное участие, чем императрица с герцогом Курляндским. Оба почти никогда не могли во внешнем виде своём притворствоваться. Если герцог явился с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Если тот был весел, то на лице монархини явное отражалось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, тот из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену».

Мы не знаем, что происходило за дверями личных апартаментов государыни, как они с Бироном общались в интимной обстановке, о чём спорили и какие аргументы при этом использовали. Анна Иоанновна была не сентиментальной дамой, а властной, порой суровой помещицей. Однако не понимать и не ценить её душевную привязанность Бирон не мог — хотя бы потому, что сам от неё зависел. Этой зависимостью и повседневными обязанностями он время от времени тяготился, и

тогда в его письмах доверенному Кейзерлингу появлялись фразы об усталости и мечтах о тихом доме в родной Курляндии.

Не обременённый хорошими манерами и интеллектом обер-камергер пришёлся точно ко двору. Бирон и Анна веселились, навёрстывая упущенное в молодости. Долгая жизнь в курляндской глубинке не способствовала развитию вкуса и воображения: в круг пристрастий царицы и её друга входили нежная буженина, токайское (в меру), охота, карты, танцы, манеж, шуты. На месте Бирона при Анне трудно представить не только блистательного Потёмкина или утончённого Ивана Шувалова, но даже волокиту и охотника Григория Орлова или насмешливого и буйного во хмелю Алексея Разумовского — им было бы скучно с императрицей. Но и молодые и изящные «куколки»-фавориты Екатерины II едва ли подошли бы Анне — не было в них ни хозяйственной основательности, ни грубоватой власти провинциального немецкого дворянина.

Бирон казался грубым лишь с точки зрения нравов другой эпохи, в аннинское же время такая манера поведения была привычна. Вот как, например, сибирский вице-губернатор Алексей Жолобов вспоминал о своих встречах с будущим фаворитом императрицы: «В Риге при покойном генерале Репнине (генерал-губернаторе Лифляндии в 1719–1724 и 1725–1726 годах. — *И.К.*), будучи на ассамблее, стал оный Бирон из-под меня стул брать, а я, пьяный, толкнул его в шею, и он сунулся в стену»^[461]. Генералы и чиновники запросто выясняли отношения прямо во дворце: «Всемиловнейшая государыня! В день коронации вашего императорского величества... пришед... Чекин и толкнул его, Квашнина-Самарина, больно, отчего он, Квашнин-Самарин, упал и парик с головы сронил и стал ему, Чекину, говорить: “для чего-де ты так толкаешь, этак-де генералы-поручики не делают”. И без меня в тот час оный Чекин убил (то есть сильно побил. — *И.К.*) дворянина Айгустова, с которым у него, Чекина, в Вотчин[н]ой коллегии дело, а оный Айгустов в то число был у меня, а после того он же, Чекин, пошед к князь Ивану Юрьевичу и стал ему на меня жаловаться и бранил меня у него князь Ивана Юрьевича матерны и другими срамными словами».

Бирон такого себе не позволял и на фоне матерящихся и дерущихся во дворце генералов мог даже показаться джентльменом. Однако и на роли галантных любовников Бирон и Анна не подходят. Нравы эпохи ещё не освоились с приятной

лёгкостью и непринуждённостью таких отношений. Переведённый в 1730 году французский роман «Езда в остров любви» с его любовными песенками был встречен с осуждением, и Тредиаковский вынужден был отбиваться от обвинений, что он есть «первый развратитель российского юношества».

В этом смысле характерно признание, сделанное князем Михаилом Белосельским (любовником несколько более европеизированной и эмансипированной Екатерины Иоанновны): «Государыня-де царевна сказывала мне секретно, что-де Бирон с сестрицею живёт в любви, он-де живёт с нею по-немецки, чиновно». Такое «чиновное», по-своему добропорядочное сожителство, по-видимому, как раз и соответствовало складу характера императрицы. Анне действительно повезло с Бироном — до такой степени, что очевидный грех ей таковым уже и не представлялся, а выглядел «настоящей» степенной семейной жизнью, где всё общее — радости, заботы, болезни, дети...

Дела Тайной канцелярии содержат непристойные рассуждения об особе её императорского величества: «Един Бог без греха, а государыня плоть имеет, она де гребетца», «такой же человек, что и мы: ест хлеб и испражняетца и мочитца, годится и её делать». Бывало, обыватели спорили, с кем же «телесно живёт» государыня — с Бироном, «Левальдом» или фельдмаршалом «фон Минихиным». В 1732 году посадский Иван Мас-лов из анализа политической ситуации («государыня императрица соизволила наследником быть графу Левольде, да она же де государыня на сносех») сделал авторитетный вывод: «...и ныне де междоусобной брани быть». Толковали о тайных «чреватствах» (беременностях) и рождении детей («у государыни Анны Иоанновны есть сын в Курляндской земле»; «слышал он в народной молве, будто у ея императорского величества имеетца сын»). Но сами любопытствующие во дворце никогда не были, подробностей не знали и передавали именно «слухи и толки». Но всё же эти беседы не содержали такого осуждения, как демонстративные похождения красавицы Елизаветы Петровны.

Императрица и фаворит сходились и характерами, и вкусами. Бирон, как известно, был страстным лошадником и наездником, «...почти целое утро проводил он либо в своей конюшне, либо в манеже. Поскольку же императрица не могла сносить его отсутствия, то не только часто к нему туда приходила, но также возымела желание обучаться верховой езде, в чём наконец и

успела настолько, что могла по-дамски с одной стороны на лошади сидеть и летом по саду в Петергофе проезжаться».

Оба, памятуя тесные покои курляндских «мыз» и унижительную бедность, имели честолюбивое желание сделать свой двор самым роскошным. Теперь Анна требовала пышности — в соответствии со своими представлениями. «Тёмных цветов как она, так и герцог Курляндский нарочитое время терпеть не могли, — вспоминал Миних-сын, как во времена его придворной юности Бирон пытался стать законодателем мод. — Последнего видел я, что он пять или шесть лет сряду ходил в испещрённых женских штофах. Даже седые старики, приноравливаясь к сему вкусу, не стыдились наряжаться в розовые, жёлтые и попугайные зелёные цвета»^{462}.

На что же безбедно жил фаворит, который, правда, порой жаловался, что «не имеет и 50 000 рейхсталеров наличных денег»? После свержения и осуждения герцога его противники не стеснялись в описании нанесённого им России материального ущерба. «Были вывезены, — вспоминал Миних, — несметные суммы, употреблённые на покупку земель в Курляндии, постройку там двух скорее королевских, нежели герцогских дворцов и на приобретение герцогу друзей в Польше. Кроме того, многие миллионы были истрачены на покупку драгоценностей и жемчугов для семейства Бирона».

На следствии на стандартное для такой ситуации обвинение в хищении казённых средств Бирон отвечал: «Что ему от её императорского величества блаженные памяти вещми и алмазы дано, оное всё налицо и осталось при взятии его в Санкт-питербурхе, а другие из Шлютельбурга возвращены; токмо подлинно реестра оным вещам и деньгам не имеет и изустно памятовать не может. А которые деньги ему были пожалованы, и те держал в расход и на выкуп деревень его в Курляндии. А казны государственной он никогда в руках не имел и до казённого ни в чём не касался, в чём чтоб поведено было справиться в тех местах, где государственные деньги в ведомстве имеются. Которые же деньги 500 000 рублей её императорское величество, при заключении мира, ему изволила пожаловать, из оных денег только получил 100 000, а прочие и поныне в казне остались. Да будучи в Москве, её императорское величество пожаловала ему ассигнацию, по которой ему взять было несколько тысяч рублёв, токмо и по той ассигнации денег никаких не брал, что о несытстве и лакомстве его

свидетельствовать может. От партикулярных же людей никогда ничего не бирал, также и от чужих государей ничем не одарен, кроме римского цесаря, который ему в то время, как он графом объявлен, пожаловал 200 000 талеров; на которые деньги, прибавив из своих, купил в Шленской земле деревню, называемую Вартенберг; да прусской король дарил его, по приезде в Россию, Бигенским ам[п]том; а кроме вышеписанных на покупку вартенбергской деревни употреблённой суммы, он никаких денег и другого богатства вне государства никуда не отправил и отправить было нечего, понеже ещё долгу поныне на нём имеется: в Риге — Циммерману и Бисмарку 100 000, а брату своему Густаву Бирону — 80 000, Демидову 50 000 должен, не считая 500 000 р., которые он ещё в Курляндии долгу на нём имеется, также и тех денег, которыми Вермарну и Либману и Вулфу должен»^{463}.

Итак, фаворит указал источники своего благосостояния. Но, прежде чем его подсчитывать, надо отметить одно важное обстоятельство. Периодически в литературе всплывают сведения о вкладах отечественных деятелей, которые доднесь ждут наследников в сейфах европейских банков. Поиски этих счетов — занятие увлекательное, но требует серьёзного исследования коммерческой активности таких фигур и их финансовых операций, совершавшихся обычно через солидных доверенных купцов, которые, в свою очередь, имели надёжных деловых партнёров в Европе. Большинство действующих лиц того времени не стремились бежать с деньгами за границу и хранить их в швейцарских или английских банках, а вкладывали средства в покупку «деревень». Вельможа — не купец, критерий богатства для людей его круга — недвижимая собственность и души, постоянно приносившие доход и определявшие статус в обществе.

Так же поступал и Бирон. С самого своего появления в России он стремился обзавестись имениями. Как уже говорилось, первые мызы он получил ещё в 1730 году в Лифляндии. К ним добавились «копорские деревни» поблизости — в Ингерманландии, с годовым доходом в три тысячи рублей. Была приобретена собственность и в других местах. В переписке с Шаховским Бирон обмолвился, что покупает деревню у бунчужного Галецкого; однако число и размер таких покупок определить трудно, тем более что позднее герцог мог менять или продавать свои владения.

Однако едва ли такую собственность можно считать значительной. Самое существенное приобретение — графство Вартенберг — он сделал за границей в 1732 году по предложению австрийского императора и в значительной степени на его деньги, положенные в декабре в городской банк Вены. (Позднее императрица Мария Терезия и прусский король Фридрих I будут по очереди обещать это графство на территории Силезии Миниху; ему же Фридрих передаст «вотчину Биген» в Бранденбурге, когда-то подаренную его отцом Меншикову, а затем Бирону в бытность того герцогом Курляндским. Таким образом, можно, пожалуй, говорить о складывании традиции «наследственных» владений российских фаворитов и министров за границей в качестве дополнительных гарантий прочности заключённых союзов.)

Главной же целью Бирона были имения в родной Курляндии — на их приобретении он и сосредоточил усилия. Для Анны Иоанновны в качестве российской императрицы курляндские владения не представляли интереса. Она сначала передала Бирону 28 своих вдовьих и выкупленных Петром I имений (в том числе Вирцаву, где Бирон служил управляющим), а после избрания фаворита герцогом официально вручила ему все 46 своих имений в Курляндии и Лифляндии с ежегодным доходом в 32 848 талеров.

Таким образом, Бирон стал настоящим и довольно крупным помещиком и развернул активную деятельность по приобретению новых мыз. В одном из курляндских владений, Рундале^[9], Франческо Растрелли в 1736 году начал возводить дворец. До 1737 года на покупку и выкуп заложенных герцогских имений ушло 785 812 талеров (число приобретённых «деревень» нам неизвестно). Но по-настоящему Бирон развернулся после избрания в герцоги: за два с лишним года он выплатил почти полтора миллиона талеров и стал владельцем 99 мыз и «амптов»^{464}. Ещё несколько сотен тысяч талеров пришлось потратить на выплаты отступного прусским родственникам последнего герцога. За некоторые приобретения он не успел расплатиться до своего падения, и потом это делало правительство Елизаветы Петровны.

В июле 1737 года Рундальский дворец был уже подведён под крышу, началась его отделка. Но архитектор был спешно отозван для другой работы — строить в Митаве официальную герцогскую резиденцию, на которую только по смете было отпущено 300

тысяч рублей (новый Зимний дворец Анны в Петербурге должен был стоить 200 тысяч). Весной 1738 года в Митаву потянулись обозы с материалами, мастера, подсобные рабочие, которых герцог отправил на строительство нового дворца.

При этом фаворит обязан был своим видом поддерживать блеск императорского двора и делал это с успехом. «Обер-камергер всё же выделяется среди всех прочих, ибо по торжественным дням его орденский знак, звезда на груди, застёжки на плече и шляпе, ключ, шпага, пуговицы на сорочке и пряжки обуви сплошь усыпаны бриллиантами. Он должен иметь самые отборные камни, какие только продаются знати в С.-Петербурге», — отметил Берк. Опись конфискованного в 1740 году имущества герцога включает огромный список содержимого его гардероба и домашней утвари — мебели, серебра, фарфора, тканей, одежды. Французский посол маркиз де Шетарди отметил «изысканную и тонкую работу» серебряной посуды Бирона, «какую он показывал мне вчера в манеже, когда я там был, и которую он там расставил», а также «множество бриллиантов, каким обладает он вместе с герцогиней Курляндской».

На какие деньги приобретались роскошные безделушки? Официальное жалованье Бирона по чину обер-камергера составляло внушительную сумму — 4188 рублей 30 копеек (для сравнения: президент коллегии получал без надбавок от полутора до двух тысяч, губернатор — 809 рублей), но для вельможи такого размаха это пустяк. В 1730 году имения Анны в Курляндии давали всего 15 500 талеров, затем доходы стали расти. В 1735 году российский посол в Курляндии П.М. Голицын докладывал, что поступления с 1729 по 1735 год составили 198 805 талеров. Сумма уже приличная — но ни в какое сравнение с указанными тратами не идёт, тем более что расходовалась она экономно и даже не была целиком потрачена — в остатке имелось почти 80 тысяч. Даже если допустить, что какие-то доходы поступали из заграничных вотчин, их всё равно не могло хватить на роскошную жизнь.

Согласно сделанной после ареста Бирона описи его недвижимой собственности, в зените своей карьеры он располагал 120 «амптами и мызами» с ежегодным доходом в 78 720 талеров^[465]. Доход мог бы быть и больше, но герцогские имения раздавались в аренду в благодарность за поддержку на

выборах, в том числе Кейзерлингу, брату Густаву и другим дворянам.

Герцог оказался рачительным хозяином: освободил своих крестьян от почтовой повинности, одних управляющих награждал, от других со знанием дела требовал изыскать способы увеличения доходов. Нельзя ли поставить новую мельницу? Почему мало водки заготавливается и продаётся в корчме, стоящей на большой дороге? Почему у крестьян мало скота? Почему ещё не розданы в аренду имеющиеся пустоши? Почему не хватает ремесленников? Надо распорядиться отдать «хороших молодых парней» учиться столярному или каменщицкому делу. Герцог строил винокуренные и поташные заводы, в 1739 году пригласил в Курляндию несколько семейств силезских ткачей для основания мануфактуры и «обучения молодых людей ремеслу ткача». Как и многие другие прибалтийские помещики, Бирон использовал близость портов (благо ему пошлины платить было не надо): в 1738–1739 годах из его имений было экспортировано 1500 тонн хлеба.

Герцогские доходы Бирона (по оценке латышских историков, они вначале составляли примерно 70 тысяч талеров в год) выросли до 200 тысяч талеров к 1740 году^{466}, но и их всё равно не хватило бы, чтобы покрыть выросшие расходы.

«Следственная бригада» 1741 года предъявила Бирону претензии по поводу нецелевого использования казённых средств. Потомки добавили к ним обвинение в хищениях в особо крупных размерах в сочетании с насильственными действиями: «Посредством всевозможных понуждений взыскано недоимки, в первый год, более половины, да и на платёж процентов немалая сумма... И так каждый год доходы в приказ сей прибавлялись; а он, взыскивая, отсылал в Секретную казну, где, кроме казначея, о числе денег никто не ведал и как о приходе, так и о расходе объявлять под смертную казнь было запрещено. Большою частью казны сей воспользовался Бирон; однако ж так искусно, что ниже имени его во взятые не воспоминается, но все писаны в расход на особу её императорского величества... Сею хитростью доставил себе Бирон многие миллионы рублей, а государство вконец разорил», — «раскрыл» эту аферу историк конца XVIII века Иван Иванович Болтин.

В екатерининские времена Бирон представлялся уже закоренелым злодеем. Однако трудно украсть «многие миллионы», когда весь бюджет империи составлял восемь-

девять миллионов рублей, и обеспечить секретность дела, в котором должны были принимать участие десятки людей (сбор, хранение, отчётность, перевозка) и загадочное учреждение под названием «Секретная казна». Возможно, под ним подразумевалась «канцелярия сбора оставшимся за указными расходами денег» генерал-лейтенанта М.Я. Волкова, куда попадали как не израсходованные за год средства других учреждений, так и собранные недоимки из Канцелярии конфискации. Согласно ведомостям, подававшимся лично императрице, туда на 1 октября 1736 года поступили 1 973 393 рубля — но расходовались не на нужды двора (как это бывало при Елизавете Петровне^{467}), а по указам императрицы 1737–1738 годов выделялись на чрезвычайные «воинские расходы», в Кабинет, Монетную канцелярию и Адмиралтейство^{468}.

А главное — Бирону, как и любому другому фавориту, незачем было воровать. Конечно, основным источником его благосостояния были пожалования и подарки императрицы; по сути, Бирон с семейством находился у неё на содержании — как сказали бы сейчас, на иждивении российских налогоплательщиков. Но в России того времени доходы не слишком чётко, но всё же делились на собственно «государственные деньги» и личные, или «комнатные», средства монарха. Последние поступали из разных источников: это и оброк с дворцовых крестьян, и жалованье государя как полковника гвардии, и доходы от находящихся в его собственности предприятий. В 1731 году Анна Иоанновна передала контору, занимавшуюся торговлей солью, в ведение Кабинета, и с тех пор соляные доходы (в 1730-х годах они составляли примерно 700–800 тысяч рублей в год) поступали в личное распоряжение императрицы.

Эти-то «негосударственные» средства Анна и тратила на себя и родственников, в том числе на выплаты содержания сестрам и племяннице Анне Леопольдовне. В бумагах императрицы можно встретить и счета семейства Бирон: «... куплена по приказу ея сиятельства госпожи графини фон Бироновой 1 кисть жемчугу 63 р. 41 золотник 205 р. Куплено бралиянтов 6 крат по 45 руб. крата, а счётом 50 камней...»^{469} — но это уже сущие пустяки.

Дошедшие до нас ведомости Соляной конторы редко упоминают траты на фаворита и его семью. Так, например, майор Конной гвардии Карл Бирон в 1732 году удостоился

выдачи в две тысячи рублей, а в 1739-м — уже в десять тысяч. Тогда же младший сын герцога Карл получил в подарок тысячу рублей и для него был куплен зонтик за 50 рублей 30 копеек. В 1738 году герцогине Бенигне было выдано 2249 рублей 50 копеек за «яхонтовые камения да за крест и серьги бриллиантовые», в следующем году она взяла 200 рублей на «китайские товары». Однако в ведомостях нет сведений о выдаче денег самому Эрнсту Иоганну.

Официально он был награждён только один раз, в феврале 1740 года, по случаю заключения мира с Турцией. Анна пожаловала герцогу «золотой великой пакал с бриллиантами» и корявым почерком написала черновик указа о награде: «Светлейший, дружелюбно любезнейший герцог. Во знак моей истинной благодарности за толь многие ваши мне и государству моему показанные верные, важные и полезные заслуги презентую вам сей сосуд и по приложенной при сём осигнации пятьсот тысяч рублёв; и будучи обнадёжена о всегдашнем вашем ко мне доброжелательном намерении пребываю неотменно и истинно ваша склонная и дружелюбно охотная Анна». Из обещанной суммы он получил в августе 1740 года только 100 тысяч рублей^{470}. Это не означает, что других выдач не было — скорее всего, императрица просто не выделяла их в особую графу и все они проходили как расходы её величества.

Миних и Остерман имели, пусть и не слишком большие, счета в заграничных банках, куда переводили деньги при посредничестве известной петербургской фирмы Шифнера и Вульфа^{471}, но Бирон их клиентом не был. Конечно, фаворит мог иметь дело с другими купцами; но можно предположить, что ему просто нечего было переводить за границу — как всякий настоящий вельможа, герцог был кругом в долгах, часть которых он назвал на следствии, а других, в том числе Липману и Вульфу, «и сам подлинно не помнил». После ареста Бирона выяснилось, что он вынужден был заложить 11 своих имений купцам Ферману и Маркграфу и в 1740 году только по этому долгу выплатил 177 тысяч талеров.

Придворное счастье Бирона зиждилось на том, что по уровню интеллектуального развития, складу характера, привычкам властного, но заботливого помещика, наконец, по комплексу «бедного родственника», наконец-то обласканного судьбой, он идеально совпадал со своей незаконной «половиной». Он стал первым в нашей политической истории «правильным»

фаворитом, разыгравшим свою роль по правилам театрализованного века: бедная юность, фантастический взлёт, «падение» и ссылка.

«Благополучный случай», или Должность фаворита

Граф Священной Римской империи, кавалер орденов Андрея Первозванного, Александра Невского и Белого орла, владелец обширных имений (ему принадлежали город Венден в Лифляндии и бывшие владения Меншикова в Пруссии), герцог Курляндский и, наконец, официальный регент Российской империи — таков итог необычной карьеры этого человека к концу царствования Анны. Бирон сделался обер-камергером вслед за Меншиковым и Иваном Долгоруковым, но именно он сумел превратить эту должность в государственный пост.

В марте 1730 года Бирон из единственного и незаменимого во всех делах помощника вдовствующей герцогини превратился в одного из многих вельмож огромной державы, часто значительно превосходивших его знатностью, чинами, заслугами, да и внешним блеском. Награды и почести тешили самолюбие, но реально мало что означали, более того, могли стать прощальным подарком. При императорском дворе курляндцу вполне могла быть уготована роль объекта извинительной дамской прихоти, вроде породистой собачки (а у Бирона и с «породой» дела обстояли негладко — похоже, что его мать была простой крестьянкой), которую, конечно, следует приласкать, но с которой не следует считаться в серьёзных делах. Титулы и подарки соседних государей таили опасность превращения в получателя «пенсионеров», готового за 500 червонцев отстаивать интересы иностранного двора.

Привязанности Анны было недостаточно — Бирону, с его поверхностным образованием, незнанием языка, людей, обычаев, предстояло укрепить своё положение. Заботы митавского двора были несопоставимы с открывшимися перспективами наперсника повелительницы великой державы, но и ко многому обязывали. Конечно, можно было сосредоточиться на конюшенно-хозяйственных делах, празднествах и охотничьих развлечениях. Но тогда у Анны неизбежно появились бы иные советники в большой политике, а ему пришлось бы довольствоваться должностью завхоза при стареющей императрице. Эта роль подходила, к примеру, Рейнгольду Левенвольде — но не честолюбивому и волевому Бирону.

Правда, серьёзной оппозиции его выдвижению не было: российская аристократия, привыкшая жить службой и не имевшая прочных связей с родовыми владениями и провинциальным дворянством, и прежде не умела коллективно защищать свои права, а Петровские реформы способствовали притоку в её ряды отечественных и заграничных выдвиженцев.

Автор одной из первых (изданной в 1764 году) биографий Бирона Ф. Рюль, собирая высказывания современников, составил портрет герцога: «Среднего роста, но необычайно хорошо сложен, черты его лица не столь величавы, сколь привлекательны, вся его персона обворожительна. Его душе, которой нельзя отказать в величии, свойственна совершенно поразительная способность во всех событиях схватывать истину, всё устраивать в своих интересах и великолепное знание всех тех приёмов, которые могли бы пригодиться для его целей. Он неутомимо деятелен, расторопен в своих планах и почти всегда успешно их исполняет. Как бы велики ни были эти преимущества, их всё же омрачает невыносимая гордыня при удаче и доходящая до низости депрессия в противных обстоятельствах; посему Бирон снова погрузился во прах, откуда каприз удачи его вознёс. В общении живой и приятный, дар его речи, подчёркнутый необычной благозвучностью голоса, пленителен, каждое движение оживляет большая грация, таким образом, нельзя отрицать, что... у него не было недостатка ни в одном из тех качеств, которые создают превосходного придворного»^{472}.

Если оставить в стороне пассажи о величии души и исключительной способности «схватывать истину», то это портрет настоящего придворного — энергичного, гибкого, умеющего быть «обворожительным» и при том «всё устраивать в своих интересах». Однако за парадной стороной жизни фаворита — дворцовыми церемониями, блеском нарядов, титулами и прочими милостями — скрывалась другая, которая и сделала малопримечательного курляндского дворянина важным звеном в механизме верховного управления государством.

Неудивительно, что фаворита изображали ограниченным, алчным, жестоким, заносчивым, несдержанным, мстительным. «Этот человек, сделавший столь удивительную карьеру, не имел вовсе образования, говорил только по-немецки и на своём природном курляндском наречии; он даже довольно плохо читал по-немецки, в особенности же если при этом попадались

латинские или французские слова. Он не стыдился публично говорить при жизни императрицы Анны, что не хочет учиться читать и писать по-русски для того, чтобы не быть обязанным читать её величеству прошений, донесений и других бумаг, присылавшихся ему ежедневно», — характеризовал умственные способности фаворита его главный противник Миних. Однако Манштейн утверждал обратное: «В первые два года Бирон как будто ни во что не хотел вмешиваться, но потом ему полюбились дела и он стал управлять уже всем».

Какой смысл ежедневно присылать донесения, которые адресат не читает, потому что не знает языка? Можно ли в таком случае заниматься делами и «управлять всем»? Два года упомянуты не случайно — столько времени и потребовалось Бирону, чтобы освоиться в новых обстоятельствах, оценить новых людей и новые масштабы деятельности. К этому времени фаворит перевёз ко двору своих детей и определил цель — стать герцогом Курляндии, о чём осенью 1732 года сообщил саксонский посол И. Лефорт.

Имя Бирона редко появляется в бумагах Кабинета. Если бы в нашем распоряжении не было других источников, его вполне можно было принять за обычного придворного на посылках — он иногда передавал министрам бумаги с резолюциями Анны или далеко не самые важные распоряжения, получал затребованную информацию или особо интересовавшие императрицу вещи, например подаренные прусским королём штуцеры. Очень редко встречаются адресованные ему документы, так что даже непонятно, с чего бы магистрат польского Гданьска именно обер-камергера просил о снижении размеров наложенной Минихом контрибуции^{473}.

Столь же редко имя Бирона появляется в документах других учреждений. Например, в 1731 году Монетная контора определяет: представить во дворец образцы серебряных медалей «вследствие указа... объявленного обер-камергером графом Бироном действительному статскому советнику Татищеву». В 1733 году протокол Адмиралтейств-коллегии фиксирует, что вследствие объявленного графу Головину указа, «полученного через графа Бирона», адмиралу Сиверсу возвращается, «в случае уплаты им казённого долга, его дом, взятый для Главной полицеймейстерской канцелярии».

Однако, к радости исследователей, разрозненные части документации Бирона на немецком и русском языках (сметы

содержания вооружённых сил, различные проекты в области финансов, подаваемые Сенатом доклады о количестве решённых и нерешённых дел, ведомости доходов с дворцовых волостей и пр.) сохранились и ещё ждут своего исследователя^{474}. По ним можно судить об объёме работы, которую приходилось выполнять фавориту.

Новый придворный «кумир» приучил должностных лиц доставлять ему необходимую информацию в виде донесений «для препровождения до рук её величества». Хотя часть поступавших к фавориту бумаг была написана на немецком (или специально переводилась для него), но документы на русском преобладают. Бирон обзавёлся секретарями и канцеляристами для разбора корреспонденции и сочинения ответных посланий. Пришлось и самому учиться: тетрадка из архива Бирона — свидетельство того, что он изучал грамматику и лексику русского языка, несмотря на вполне возможную нелюбовь к нему^{475}.

Среди бумаг Бирона на первое место можно поставить «рапорты» и доклады различных «мест» и должностных лиц. Одним из первых П.И. Ягужинский начал в 1731 году посылать Бирону донесения из Берлина^{476}. Так обер-камергер вникал в хитросплетения большой европейской политики: посол знакомил его с причинами несогласий Австрии и Пруссии, рассказывал о событиях при берлинском дворе и прусской политике в Польше. Бывший соперник Миних теперь подавал рапорты о строительстве Украинской линии, о движении по Ладожскому каналу, о возвращении беглых солдат на службу, о вакансиях в полках и успехах учащихся только что основанного Шляхетского кадетского корпуса; во время Русско-турецкой войны он подробно отписывал «светлейшему герцогу» из походов^{477}. Из письма А.П. Волынского, адресованного Бирону (1732) выясняется, что Артемий Петрович, подавая «рапорт в Кабинет её императорского величества», послал копию «с того для известия» обер-камергеру; в другом письме (1733) с приложенным «экстрактом» своих доношений в Кабинет на немецком языке он просил «оный по милости своей приказать прочесть». По-немецки писал Бирону из Гааги российский посланник А.Г. Головкин — сообщал о дипломатических новостях, поздравлял обер-камергера с праздниками и благодарил его за дозволение выдать дочь замуж^{478}. Только что назначенный главой морского ведомства адмирал Н.Ф.

Головин отправлял фавориту «всеподданнейшие рапорты» о состоянии русского флота, отчитывался о количестве и вооружении кораблей, строительстве мостов через Неву и даже о собранных за проезд по ним деньгах. В.Н. Татищев докладывал о работе уральских горных заводов и конфликтах с частными владельцами, в том числе с могущественными Демидовыми. Купцы-компаньоны Шифнер и Вульф сообщали о продаже казённых товаров и полученных казной доходах^{479}.

Придворные отчитывались о выполнении поручений Бирона. «Сиятельнейший граф, милостивой государь мой!.. При сём доношу вашему сиятельству: по приказу вашему вчерашняго числа смотрел я на конюшенном дворе стоялых лошадей, а имянно: четыре агленские нововыводные почитай все без ног и на них вашему сиятельству никак ехать невозможно, а приказал готовить для вашего седла старую рыжую аглинскую; да из новых дацких две лошади, одна серая, а другая бурая, обе с просадом, и велел чистить и проезжать берейтору по всякой... день до вашего приезде, а лучше этих лошадей здесь никаких не имеется. Сие донесши, рекомандую себя в неотменную милость, и остаюсь со всенижавшим почтением», — докладывал камергер Борис Юсупов, отправленный Бироном проинспектировать придворную конюшню и распорядиться насчёт собственного выезда.

Командующие армиями Б. Х. Миних и П.П. Ласси и командир действовавшего в Иране корпуса В.Я. Левашов докладывали Бирону о ходе военных действий; с просьбами и донесениями обращались к нему губернаторы (С.А. Салтыков, Г.П. Чернышёв, Б.Г. Юсупов; И.И. Румянцев), военные чины (А.И. Тараканов, М.М. Голицын-младший, И.Б. Вейсбах). На имя обер-камергера поступали доклады и рапорты из Военной коллегии, Адмиралтейства, Соляной конторы, Медицинской канцелярии и других учреждений.

Переписка Бирона с находившимся на Украине генерал-лейтенантом князем Алексеем Шаховским демонстрирует уровень отношений фаворита с ответственным должностным лицом. Шаховской не упускал случая польстить, поздравить адресата-протестанта с православными Рождеством и Пасхой и уверял его, что «родшийся плотию на земли» Христос обеспечит «милостивому государю и патрону всегда мирные и славные имети лета». В июне 1733 года Шаховской через Бирона докладывал из Глухова о болезни гетмана Даниила Апостола и

намерении украинской «старшины» «взять правление Генеральной войсковой канцелярии», то есть самостоятельно образовать нечто вроде коллективного органа управления. Генерал считал это опасным, поскольку «одну персону легче поклонять», чем группу самолюбивых полковников. Петербург молчал, а Шаховской настаивал: следует временно «поручить правление» на Украине русскому министру при гетмане С.К. Нарышкину и поставить автора в известность «о намерении её императорского величества всемилостивейшей нашей государыни, быть ли гетману или не быть». В итоге выборы гетмана проводить не разрешили и было учреждено «Правление гетманского уряда», состоявшее из представителей старшины и русских чиновников.

Между делами Шаховской отправлял к столу фаворита «украинскую дичину» — кабанчика и трёх «коз битых» (вероятно, их удалось довести свежими, поскольку дело было в январе 1735 года), а для души — конечно, лошадей. Князь даже вступал в дискуссию с обер-камергером — тот считал, «якобы украинские кобылы очень большие и не можно их никак обучить, чтоб были смирны», тогда как Шаховской настаивал, что они простояли четыре месяца на его конюшне и стали «весьма смирны», а потому непременно «будут годны» такому знатоку, как Бирон. После разбора лошадиных статей князь вскользь просил: нельзя ли его племянника, поручика Конной гвардии, «переменить чином» — даже без жалованья, если пока нет вакансий?

Искусная прямота дорого стоит и создаёт репутацию, тем более что Шаховской был не в лучших отношениях с Минихом, командующим армией на Украине. Бирон отвечал корреспонденту регулярно и учтиво; подчёркивал, что ожидает, «дабы ваше сиятельство при нынешних своих важных делах какой-нибудь случай к моему услужению подать мне изволили, что я с моей прилежностью действительно показать не оставлю». Обер-камергер слово сдержал — Яков Шаховской получил чин ротмистра «до вакансии» — и обратился со встречными просьбами: «содержать в протекции» малороссийского генерального бунчужного Семёна Галецкого (Бирон в это время покупал у него деревню), а заодно поискать «гайдука немалого роста», за которого он «особливо будет должен».

Кроме того, Бирон информировал собеседника о важнейших политических событиях: русские войска окружили Гданьск,

французский десант «избит», флот с припасами и артиллерией из Петербурга. Такие известия, полученные из первых рук, увеличивали его «кредит» в глазах окружающих, когда генерал как бы между прочим доставал из кармана письмо от столь приближённой к императрице особы и сообщал о последних новостях из дворца.

Выполненные «комиссии» давали князю основание обратиться к Бирону с более серьёзной просьбой: нельзя ли получить «за бедные мои её императорскому величеству службы на Украине деревни»? Обер-камергер за подарки благодарил, с деревнями же вышла заминка: «Её величество имела что-то много о деревнях прошений; всем изволила объявить, что никому никакого двора отныне жаловать не изволит, дабы тем все челобитные успокоить». Но Бирон обнадёжил своего корреспондента: «Однако я ещё при благополучном случае припомнить не оставлю».

«Благополучный случай» и был главным орудием фаворита: вовремя подать документ, вовремя вспомнить фамилию — и чья-то карьера устроена. Или наоборот — подвести неугодного под «горячую руку» или дать острастку зазнавшемуся. Так и случилось с Шаховским-младшим — верным дядиным помощником, дублировавшим все донесения в Кабинет «также к герцогу Бирону». Явившись однажды на аудиенцию к фавориту, Шаховской изложил просьбу дяди — разрешить ему на некоторое время отбыть для лечения в Москву. Тут и ожидала его гроза, поскольку Бирон «от фельдмаршала Миниха будучи иначе к повреждению дяди моего уведомлен, несколько суровым видом и вспыльчивыми речами на мою просьбу отвечал, что он уже знает, что желания моего дяди пробывать ещё в Москве для того только, чтоб по нынешним обстоятельствам весьма нужные и время не терпящие к военным подвигам дела, ныне неисправно исполняемые, свалить на ответы других». Племянник пытался доказать несправедливость обвинений. «На сии мои слова герцог Бирон, осердясь, весьма вспыльчиво мне сказал, что как я так отважно говорю? ибо-де в сих же числах командуя войском фельдмаршал граф Миних государыне представлял; и можно ли-де кому подумать, чтобы он то представил её величеству ложно? Я ему на то отвечал, что, может быть, фельдмаршал граф Миних одного войска сам ещё не видал, а кто ни есть из подчинённых дяде моему недоброжелателей то худо ему рекомендовал; для лучшего же о

истине удостоверения счастлив бы был мой дядя, когда бы против такого неправильного уведомления приказано было кому-нибудь нарочно посланному оное казацкое войско освидетельствовать и сыскать, с которой стороны и кем те несправедливые представления монархине учинены?.. Таковая моя смелость наивящше рассердила его, и уже в великой запальчивости мне сказал: “Вы, русские, часто так смело и в самых винах себя защищать дерзаете”».

Присутствовавшие при начале этой словесной перепалки свидетели спешно удалились из комнаты, оставив молодого офицера оправдываться наедине с Бироном. Получасовой разнос неожиданно закончился: «Я увидел в боковых дверях за завешенным не весьма плотно сукном стоящую и те наши разговоры слушающую её императорское величество, которая потом вскоре, открыв сукно, изволила позвать к себе герцога, а я с сей высокопочтенной акции с худым выигрышем с поспешением домой ретировался»^{480}. На следующий день Шаховской-младший встретил у фаворита благосклонный приём — гроза миновала. «Высокопочтенная акция» — публичный разнос при незримом присутствии императрицы — была уроком, который должен был продемонстрировать Шаховским беспристрастие Бирона. Но племянник его выдержал (если, конечно, не приукрасил свою роль), а дядя не лишился доверия, к конфузу затеявшего эту интригу Миниха.

Неопубликованная переписка с Бироном начальника Тайной канцелярии Ушакова показывает отношения почти на равных. Андрей Иванович у Бирона ничего не просил — он слуга старый, доверенный, имевший прямой выход на императрицу; их корреспонденции — короткие и максимально деловые, без уверений во взаимной преданности. Ушаков, остававшийся в столице «на хозяйстве» во время отъезда двора в Петергоф, прежде всего докладывал Бирону для передачи императрице о делах своего ведомства — например, о поступившем доносе на откупщиков или точном времени казни Артемия Волинского: «Известная экзекуция имеет быть учинена сего июля 27 дня пополудни в восьмом часу». Кроме дел, касавшихся собственно Тайной канцелярии, Ушаков сообщал о других новостях: выборе сукна для гвардейских полков, погребении столичного коменданта Ефимова в Петропавловской крепости, смерти любимой собачки государыни «Цытринушки».

Бирон передавал ответы императрицы: донос является «бреднями посадских мужиков» и не имеет «никакой важности», а вопрос с сукном лучше отложить: «Не великая нужда, чтоб меня в деревне тем утруждать». Одновременно через него шли другие распоряжения Ушакову для передачи принцессам Анне и Елизавете или другим лицам. В иных случаях Андрей Иванович проявлял настойчивость — к примеру, предлагал всё-таки решить вопрос с закупкой сукна в пользу английского, а не прусского товара, в чём сумел убедить своего корреспондента^{481}.

Таким образом, Бирон и его «офис» исполняли функции личной императорской канцелярии, что позволяло разгрузить Анну от потока ежедневной корреспонденции. «Я должен обо всём докладывать, будь то хорошее или худое», — писал фаворит в 1736 году близкому к нему курляндцу Г.К. Кейзерлингу, называя в числе своих забот подготовку армии к боевым действиям в начавшейся войне с Турцией: «Теперь вся тяжесть по поводу турецкой войны лежит снова на мне. Его сиятельство граф Остерман уже 6 месяцев лежит в постели. Князя Черкасского Вы знаете. Между тем всё должно идти своим чередом. Доселе действовали с 4-мя корпусами, а именно: один в Крыму, другой на Днепре, третий под Азовом, а четвёртый в Кубанской области. Для их содержания всё должно быть доставлено. Здесь должен быть провиант, там обмундировка, тут амуниция, там деньги и всё тому подобное; границы должны быть также вполне обеспечены. Всё это причиняет заботы. На очереди иностранные, персидские и вообще европейские дела»^{482}.

Для «докладов» императрице и ведения корреспонденции требовалось как минимум понимание внутри- и внешнеполитического положения страны, для кадровых перестановок — способность разбираться в людях, для реагирования на бесконечные прошения и «доношения» с переплетением государственных и корыстных интересов — умение вести политическую интригу и продумывать каждый шаг, чтобы избежать «злополучной перемены». Как признавал Манштейн, курляндский охотник и картёжник через несколько лет «знал вполне основательно всё, что касалось до этого государства»^{483}.

В связи с работой комиссий, рассматривавших вопрос о содержании армии и флота «без излишней народной тягости»,

на столе Бирона оказываются переведённые на немецкий «Проект о содержании флота в мирное и военное время» из двадцати четырёх пунктов и смета расходов сухопутной армии на 1732 год с указанием количества собранных подушных денег и оставшихся в «doimke» (эквивалента этому обычному в России явлению переводчики не нашли^{484}).

Обер-секретарь Сената, энергичный чиновник Иван Кирилов весной 1733 года направил обер-камергеру свой проект освоения зауральских владений России, рассчитывая на его поддержку, хотя и здесь пришлось ждать «благоприятного случая». «Апробация» проекта Анной Иоанновной состоялась 1 мая 1734 года, после чего он стал основополагающим документом для организации Оренбургской экспедиции^{485}. Следующим шагом стало строительство Оренбургской крепости и линии укреплений, которая должна была сомкнуться с начатой при Петре I Иртышской линией, обезопасив новые российские владения на протяжении трёх тысяч вёрст.

Инициатор проекта, отправившийся в «киргиз-кайсацкие степи», в ноябре 1734 года информировал высокого покровителя о неотложных нуждах — его отряду требовались «пушечки» и «мартирцы лёгкие», мундиры и амуниция, а также специалисты — ботаник, аптекарь, берг-пробирер и химик. Кирилов регулярно сообщал о ходе операции: «Доношу, что в Уфу приехал 10 дня ноября и дожидаю лёгкой артиллерии из Казани, и коль скоро прибудет, то наперёд далее путь свой до казачья Сакмар-ского городка с правиянтскими обозами на первой случай из Уфы и Мензелинска отправлю... Также, государь, в драгунских офицерах нужды ради просил отправить одного артиллериского капитана или порутчика и двух штык-юнкеров. О том когда соизволите его сиятельству генералу фелтмаршалу упомянуть, то не залежитца в коллегии моё доношение».

Кирилов понимал, что государыню надо радовать рассказами о народной любви: «...служилые тарханы башкирские, служилые ж мешеряки, татары, а притом и ясашные башкирцы, со всякою радостью и охотою лучшие выбираютя и одни пред другими тщатся, в чём бы угоднее службу показать», — но от Бирона не скрывал, что не всё идёт гладко: «Подполковник Чириков с пятью ротами, отправясь, шёл... и воры башкирцы напали и его подполковника и несколько неслужащих и хлопцов, и драгун при обозе осмнадцать человек убили, и обозу первую частицу офицерскаго и прочего оторвали, и как увидели алярм назади

ехавшие драгуны и настоящий обоз построили, то более ничего им не учинили, и хотя после своим ружьём с лучишками и с копыликами нападали, но ни одного человека не убили, не ранили» (июль 1735 года){486}.

В результате на степном пограничье возник новый центр — Оренбург. На северо-востоке Азии продолжались грандиозные по размаху работы Великой Северной экспедиции Витуса Беринга по изучению и описанию северных владений России. В отчётах о её работе Бирон сумел найти интересующие двор детали, и Сенат через Ушакова был извещён о желании Анны Иоанновны немедленно прислать к ней двух спасённых после кораблекрушения японцев.

К помощи Бирона прибегал и другой известный деятель — Анисим Семёнович Маслов. Начав службу в 1694 году простым подьячим, он стал обер-прокурором Сената, затем «обретался у главных дел» в канцелярии Верховного тайного совета и сделался одним из лучших специалистов по финансам. Одновременно с назначением Ягужинского генерал-прокурором Сената в октябре 1730 года Маслов был вновь назначен обер-прокурором, а с отъездом Ягужинского в Берлин остался во главе прокуратуры. Ревностный в службе и преданный государственному интересу, он заставлял сенаторов регулярно являться на работу (даже предлагал обязать их приходить в присутствие дважды в день) и решать дела быстрее, опротестовывал незаконные сенатские приговоры. В числе его противников были президент Коммерц-коллегии П.П. Шафиров, «который во многих непорядках и лакомствах запутан», и сын канцлера М.Г. Головкин, за коим имелись «многие по монетным дворам неисправности». Маслов нажил врагов и среди провинциальных воевод, раскрывая их хищения, взяточничество, вымогательство и другие самоуправные действия.

Покровительство обер-прокурору со стороны могущественного фаворита было не случайным. Пожалованный в 1734 году в действительные статские советники Маслов занимался «доимочными делами» и имел право непосредственно докладывать императрице. Он стремился как можно скорее завершить растянувшуюся на долгие годы работу по составлению окладной книги налогов и сборов и по этому поводу подал Бирону в 1733 году особую записку («Erinnerung wegen kunftiger Einrichtung eines neues Oklad-Buches über alle Reichs-Einkunfte»), в которой жаловался на медленную работу Камер-

коллегии^{487}. Правда, здесь рвение обер-прокурора и даже влияние фаворита оказались бессильны.

Через Бирона Маслов докладывал и о других важных делах. В 1734 году в Сенат поступило «известие о худом состоянии крестьян в Смоленской губернии», тогда же Маслов подал проект о «поправлении крестьянской нужды». Обер-прокурор предлагал радикальную меру — государственное регламентирование размеров оброка и барщины, хотя и понимал, что оно вызовет протест дворянства. Он не дождался «такого полезного учреждения» (с проектом было велено «обождать») — скончался после тяжёлой болезни в ноябре 1735 года, зато избежал опалы, несмотря на разоблачения злоупотреблений различных, в том числе высокопоставленных, «управителей», пытавшихся, в свою очередь, обвинить его и даже впутать в «политические» дела. Именно Бирону он послал немецкий перевод своих объяснений на показания князя и княгини Мещерских, с помощью которых противники надоедливого разоблачителя пытались притянуть его к соучастию в деле сибирского вице-губернатора Жолобова. К покровительству Бирона Маслов прибегал не раз, выражая надежду «при всех обстоятельствах найти убежище у моего уважаемого отца и господина», и просил «не покидать и защищать».

Поддержка Бироном таких добросовестных слуг, как Кирилов или Маслов, не обязательно свидетельствует о его собственной честности или стремлении к процветанию России, но подтверждает, что верховная власть объективно нуждалась в патриотах, раздвигавших границы империи, обеспечивавших порядок в системе управления и особенно в финансах, разоблачавших промахи и злоупотребления других администраторов. Для них же фаворит являлся, по словам Кирилова, «скорым помощником», говоря современным языком — в высшей степени влиятельным лоббистом, который был в состоянии не только получить царскую санкцию, но и одним словом запустить механизм исполнения «полезных дел», чтобы нужные решения не «залежались» в очередной канцелярии.

С чем только не обращались к Бирону! Среди его бумаг можно найти проекты «о податях», то есть об улучшении системы налогообложения; «о различных учреждениях по части финансов», «о средствах увеличения доходов», об устройстве в России лотереи и о многих других предметах. Но чаще всего у него что-нибудь просили. «Сиятельный граф, милостивой мой

патрон! Покорно вашего сиятельства прошу, во благополучное время, милостиво доложить её императорскому величеству всемилостивейшей государыне, чтоб всемилостивейшим её императорского величества указом определён я был в указное число генералов, и определить каманду», — ходатайствовал о возвращении на военную службу Г.П. Чернышёв, оказавшийся негодным генерал-губернатором. Губернатор князь Б.Г. Юсупов подавал «рабственное прошение о жалованье моём, которого мне, с определения моего, в 738-м доныне ни откуда с 739 году не получал». «Покорно прошу сиятельство ваше, яко милостивейшего моего патрона и благодетеля, дабы предстательством своим исходатайствовать у её императорского величества всемилостивейший указ о додаче нам недостававшего числа дворов. Истинно бедно живём», — била челом княжна Мария Кантемир о «додаче» сорока дворов до пожалованной тысячи.

К «высокому патрону» обращались совершенно незнакомые люди: флотский лейтенант Виттен, армейский капитан Алексей Потапов, бургомистр Выборга, донской атаман Андрей Лопатин и множество других. Все они излагали заветные просьбы: определить на службу, уплатить невесть где залежавшееся жалованье, произвести ожидавшееся, но отложенное повышение в чине. Для учёта такой корреспонденции был даже изготовлен каталог поступавших к фавориту бумаг и прошений, в котором почётное место занимает переписка по поводу доставки ко двору лошадей^{488}.

Для подачи документов и личного общения с просителями появилось целое «присутствие» с приёмными часами и «аудиенц-каморой» с отдельными «палатами» для знатных и для «маломощных и незнакомых бедняков». Другим местом аудиенций стал манеж, возведённый в 1732 году в столице «на лугу против зимняго дому» и ставший, по мнению заезжих иностранцев, достопримечательностью Петербурга: «Манеж выстроен весьма регулярным, хотя и из дерева. С внутренней стороны имеется круглая галерея, а арена для верховой езды очень большая и с точным соотношением [ширины и длины] два к трём. У графа семьдесят прекрасных лошадей, по несколько из всех стран»^{489}.

Работа фаворита не бросается в глаза. Чьей просьбе дать ход, какую бумагу лучше «умедлить», а какую сразу отправить по инстанциям в официальном порядке? Бирон не желал

подменять собой высшие органы власти и в этом отношении был достаточно щепетилен. Сенат начал было отправлять ему свои доклады, но они «по приказу его сиятельства обор-камергера отданы в Кабинет». Фавориту не требовалось официально участвовать в текущем управлении, где нужно принимать решения, скреплять их своей подписью и нести ответственность за возможные ошибки, — он использовал другие возможности. Не всегда понятно, почему то или иное дело осталось «у обор-камергера в канторке». Вот Бирон сам пишет некоей Дарье Матвеевне — выражает соболезнования по поводу смерти её мужа и обещает помочь; вот как «всепокорный слуга» успокаивает другого просителя: «Я несколько раз её величеству докладывал, токмо ещё резолюции никакой не получил... однако не премину и впредь, усмотря благоприятное время, её величеству паки докладывать»^{490}. Вероятно, «благоприятное время» было найдено.

Но не всем так везло. Бирон любезно отказал сослуживцу по курляндскому двору камер-юнкеру Ивану Брылкину в просьбе оплатить его долги. Государыня велела передать: «Ежели за всех, которые будут должными себя объявлять, её величеству платить по их прозьбам, то у её величества столько не достанет». Брылкин с горя решил жениться, добивался дозволения на брак и опять прибегнул к посредничеству Бирона. Тот сообщил, что государыня женитьбу разрешила, но намекнул, что лучше повременить: «...и сами признаваете, что содержание ваше будет несвободное (невеста была не слишком состоятельная. — *И.К.*), то я так рассуждаю, что ещё вы не устарели». Не повезло и некоей Ирине Фёдоровне — её просьба о получении «процентных денег» была с ходу отклонена, ведь они уже были ей выплачены в прошлом году^{491}. Даже на просьбу родственника Анны обер-гофмейстера двора С.А. Салтыкова о заступничестве Бирон в 1732 году сухо ответил: «Я уповаю, ваше сиятельство, довольно сами можете засвидетельствовать, что я во внутренние государственные дела ни во что не вступаюсь, кроме того, ежели такая ведомость ко мне придёт, по которой можно мне кому у её величества помогать и услужить сколько возможно».

«Помогать и услужить» — это, собственно, и есть сфера «служебной» деятельности фаворита; вопрос в том, кому и зачем. Звезда Салтыкова закатилась — но Бирон всё же посодействовал ему: московский наместник получил милостивое

письмо императрицы. Теперь он называл обер-камергера не иначе как «милостивым государем отцом». С другими просителями Бирон не снисходил до объяснений: «В ненадлежащие до меня дела не вступаю»; прошение переправлялось в Кабинет или коллегия, и обер-камергера его судьба не интересовала.

Формально это выглядело корректно, но круг «надлежащих» дел и стоявших за ними лиц фаворит определял сам. В его «канторке» соседствовали бумаги о заготовке бочек «к купорному делу», назначении нового бухгалтера Придворной конторы (компетенция не обер-камергера, а обер-гофмейстера) и «при-пасех к городу Архангельскому»; «рописи пожиткам долгоруковским», тяжба по завещанию «*furst Boris Prosorovski*», донесение о капитан-поручике князе Сергее Кантемире, избитом ямщиками и впавшем от того в «ипохондрию».

Чтобы определить дела, за которые стоит взяться, нужна была постоянная информация обо всём происходившем в придворно-служебном мире. Как свидетельствовал Миних-младший, «когда быть страшиму и ненавидиму случается всегда вместе, а при том бесполезно во всякое время стараться сколько можно изведывать о предприятиях своих врагов, то герцог Курляндский... также избыточно снабжён был повсеместными лазутчиками. Ни при едином дворе, статься может, не находилось больше шпионов и наговорщиков, как в то время при российском». Это свидетельство можно считать достоверным, поскольку Бирон на следствии в 1741 году назвал самого Эрнста Миниха в числе своих главных информаторов. Именно придворные «наговорщики», а не какие-то «шпионы» обеспечивали фаворита подробными сведениями: что было сказано вчера за ужином, кто и против кого намерен «дружить».

Для этого им надо было попасть в число избранных. «Утром, пока императрица одевается и совершает молитву, к обер-камергеру приходят с визитами. По средам и пятницам собираются в его комнатах, и тогда круг присутствующих очень широк, он состоит из иностранцев, министров и других значительных особ, нуждающихся в дружбе или протекции обер-камергера и почитающих за особую милость, если он заговаривает с ними, так как видели, что порой он то и дело выходит, оставляя всю ассамблею идти своим чередом», — описал сложившийся к середине 1730-х годов порядок швед Карл Рейнгольд Берк.

Излишне самостоятельные администраторы могли вызвать неудовольствие. Василий Татищев с Урала был переброшен в новопостроенный Оренбург, где энергично подавлял восстание башкир, но не поладил с подчинёнными, которые написали на него донос Бирону. Фаворит тут же (в марте 1739 года) сообщил о полученном «сигнале» противнику Татищева графу М.Г. Головкину. Тот сразу понял важность дела и доложил Бирону: «Пред недавним временем изволил ваша светлость со мною говорить о Василье Татищеве, о его непорядках и притом изволил мне приказывать, что к тому пристойно, о том бы надлежащим порядком я представил, как в подобных таковых же случаях её величеству и вашей светлости слабым моим мнением служил. И по тому вашей светлости приказу наведывался, какие его, Василья Татищева, несправы, и разведал, что полковник Тевкелев вашей светлости о том доносил, того для я призывал его, полковника, и обо всём обстоятельно выпросил». Естественно, «непорядки» были выявлены, Татищев отрешён от должности и отдан под следствие^{492}. Формально Бирон оставался в стороне — дело «надлежащим порядком» вели совсем другие люди. Но из письма младшего Головкина явствует, что комбинации, когда адресованный Бирону донос становился поводом для расследования, случались не единожды.

Так, собственно, и действовал механизм «клиентских» отношений, дававший фавориту возможность использовать в своих интересах придворные «партии» и обеспечивать себе положение арбитра и посредника — но только до той поры, пока сам он находится «в силе», которую надо было сохранить любыми средствами. Своему ближайшему советнику Кейзерлингу Бирон откровенно советовал: «...крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтобы не воспоследовало злополучной перемены». Для этого нужно было всегда находиться «в службе её величества» и соблюдать «единственно и исключительно интерес её императорского величества». Эти правила касались и другой сферы деятельности обер-камергера — внешней политики.

Поначалу Бирона воспринимали скорее в качестве своеобразного «объекта», на который требовалось должным образом повлиять. Карл Густав Левенвольде, заключая договор в Берлине, запросил для Бирона 200 тысяч талеров за согласие на выборы курляндским герцогом сына прусского короля. Фридрих

Вильгельм I в личном письме обещал Бирону, что в случае избрания принца Августа Вильгельма «тотчас же я выплачу господину графу 200 тысяч местных денег здесь в Берлине единой суммой... для доказательства особого уважения и почтения, с которым я постоянно остаюсь к господину графу». Миних внушал Маньяну, что нужно подарить фавориту 100 тысяч экю, и французское правительство было готово их предоставить. Летом 1733 года в Петербурге польский дипломат Рудомино вновь передал предложение о союзе с Францией, за который Париж уже был готов заплатить Бирону «значительную сумму» без обозначения её точных размеров.^{493}.

Но Бирон не повторял Меншикова, готового брать деньги у кого угодно, — и не прогадал: саксонский курфюрст Август III за военную поддержку Россией его кандидатуры на польский трон обещал Бирону уже полмиллиона талеров и титул курляндского герцога. Неизвестно, получил ли он эти деньги; важно, что это предложение соответствовало не только желанию обер-камергера, но и внешнеполитическим целям самой России — не допустить утверждения французского влияния в Речи Посполитой и сохранить там шляхетские «свободы».

С весны 1732 года Бирон стал проявлять инициативу: встречался с иностранными послами и вёл беседы по интересовавшим их вопросам. В 1733 году английский резидент Рондо и саксонский посланник Лефорт докладывали об «обычае» посещать обер-камергера, который стали соблюдать члены дипломатического корпуса — сами авторы, австрийский резидент Гогенгольц, пруссак Мардефельд и др.^{494}.

Бирон и здесь выступал как частное лицо и отказался принять английского посла лорда Джорджа Форбса для официальных переговоров, что, впрочем, не помешало английским предложениям оказаться у фаворита на столе. Зато в ходе неформальных бесед Бирон показывал, что находится в курсе новостей, поступавших от русских послов за границей; помимо Ягужинского, ему посылали свои донесения А.П. Бестужев-Рюмин, Г.К. Кейзерлинг, К. Бракель, Л. Ланчинский, А.Г. Головкин. В письмах Кейзерлингу Бирон проявлял осведомлённость о «дурном состоянии дел» турок в войне с Ираном, аудиенции австрийского посла в Стокгольме, назначении канцлера в Речи Посполитой. Он знал о ведущихся между Францией и Австрией переговорах о завершении Войны за польское наследство; ему были известны военные планы

русского командования в начавшейся войне с Турцией и даже «точные сведения из неприятельского лагеря». Среди его бумаг имеются копии документов английского посольства в Стамбуле, рескриптов прусского короля послу Мардефельду и отчётов о переговорах великого визиря с голландским посланником Калкуном^{495}. На имя Бирона поступали предложения, экстракты, проекты дипломатических бумаг, справки-«промемотии». Фаворит мог предварительно прощупать почву для официального запроса правительства, высказывался по поводу беспокоивших русский двор обстоятельств, делился имевшейся у него информацией. Приведём несколько выдержек из депеш Рондо 1736 года:

«Граф в настоящее время, видно, очень недоволен венским двором, который не только не оказывает помощи России, но и даже не сознаётся в своём бессилии помочь ей при данных обстоятельствах» (17 августа).

«Сообщено мне графом Бироном, который относится ко мне весьма дружелюбно, но кажется не расположен открыть: думает ли государыня продолжать войну с турками, и думает ли она обратиться к посредникам в случае, если бы решилась приступить к переговорам в течение зимы. Граф ответил, что на данную минуту ответить он не готов» (11 сентября).

«На днях граф Бирон рассказал мне, как Мардефельд беседовал с ним по поводу северного союза и распространился, насколько такой союз нежелателен для России. Граф Бирон прибавил, будто на всё это он ответил, что царица вполне доверяет дружбе короля и уверяет, что в какие бы союзы Великобритания ни вступала, его величество не примет никаких условий, противных интересам России» (2 октября).

Бирон зондировал почву для инициатив (поддержка кандидатуры саксонского курфюрста Августа на польский престол, предложение заключить союзный договор с Англией), которые по той или иной причине могли быть отклонены, что ставило бы российских дипломатов в неудобное положение. Он информировал собеседника о принятых, но ещё не объявленных решениях (например, о намерении русского правительства заключить с Англией торговый договор или об отправке войск на Рейн в помощь союзной Австрии), разъяснял позицию России. При этом он умело расставлял акценты: в одних случаях подчёркивал, что говорит «от имени государыни» (и даже

однажды, как заметил Рондо, в её присутствии за занавесью), в других — что действует исключительно «как друг»^{496}.

При посредничестве Бирона проходили невозможные по официальным каналам «негоциации» — к примеру, о секретном займе одолеваемому кредиторами наследнику прусского престола (будущему Фридриху II) без ведома его отца-короля. Через саксонского посла кронпринц получил от «верного друга» Бирона три тысячи экю. В 1739 году он попросил уже 20 тысяч талеров. Анна потребовала от будущего короля предоставления личного гарантийного письма. Фридрих согласился на выдачу секретного займа через французских банкиров в Пруссии. Бирон даже собирался с этой целью продать свою прусскую «вотчину Биген»^{497}.

Поначалу англичанин Рондо, как и некоторые другие дипломаты, допускал, что фаворита «задаривают» Пруссия и Австрия, но в дальнейшем имел возможность убедиться, что подарки не могли изменить мнение Бирона, когда оно касалось главных задач российской внешней политики. Сам фаворит рассказал английскому дипломату о попытках Франции подкупить его в пользу отказа от союза с Австрией, предпринимавшихся через польского посла и герцога Мекленбургского; в последнем случае в августе 1734 года ему предложили миллион пистолей и имение под Страсбургом. Самому Рондо не удалось «отговорить» Бирона от начинавшейся войны с Турцией — на все намёки следовал ответ: «Дело зашло так далеко, что всякая попытка затушить его окажется уже поздною». Бирон первым проинформировал австрийского посла о неизбежном начале войны и необходимости «диверсии» против турок на Балканах.

При всём своём честолюбию фаворит осознавал границы своих полномочий. Рондо рассказывал, как в 1733 году обычно сдержанный Бирон «вышел из себя» и накричал на австрийского резидента, поспешившего передать в Вену его слова, что Россия не будет настаивать на вступлении австрийских войск в Польшу во время Войны за польское наследство. Фаворит разгневался не случайно: противники могли обвинить его в покушении на прерогативы монархии — а в данном случае он «высказал скорее воззрения, чем решения государыни»^{498}.

Подключение Бирона к дипломатическим контактам не умаляло значения Остермана. В разговорах с дипломатами «всемогущий» фаворит мог критиковать вице-канцлера и даже

принимать жалобы на медленное течение официальных переговоров; но, как замечал Рондо, в области внешней политики «все дела проходят через руки Остермана», который «много превосходит обер-камергера опытом и... умеет ошеломить его своим анализом положений». Но министр хорошо понимал значение Бирона — посылал ему письма с предложениями и любезно делал для него транскрипцию русских имён на заготовленном списке кандидатов на высшие должности в правительстве^{499}.

Собственно переговорный процесс по-прежнему находился в ведении Остермана, как и повседневное руководство Коллегией иностранных дел и составление инструкций послам. Бирону же оставались вроде бы приватные беседы, содержание которых потом находило отражение в официальных заявлениях российского двора.

Исключения бывали редко. Восстановление в начале правления Анны дипломатических отношений с Англией сделало актуальным заключение торгового договора, но Остерман оказался неуступчивым партнёром и заявил (что случалось с ним нечасто) послу Форбсу, что не считает условия договора подходящими. Проблема была не только в нежелании снижать пошлины на британские товары, чего добивалась английская сторона. Главной целью Остермана было заключение не только торгового, но и союзного договора, чтобы английская морская мощь гарантировала балтийские владения России от шведского реванша. Но этого обязательства Лондон не хотел на себя принимать — Россия оставалась для Англии прежде всего рынком сбыта и поставщиком промышленного сырья.

Переговоры затягивались, и тогда Форбс и Рондо решили обратиться к Бирону. В результате вместо Остермана переговоры возглавил президент Коммерц-коллегии П.П. Шафиров, который отказался от целого ряда требований, в том числе от права России самостоятельно торговать с английскими колониями в Америке и свободного найма в Англии специалистов (за «сманивание» по английским законам полагались 100 фунтов штрафа и три месяца тюрьмы). В итоге в декабре 1734 года договор был подписан.

Формально обе стороны имели равные права: свободный проезд граждан, торговля любыми незапрещёнными товарами, условия проживания, найма слуг и т. д. Но при этом англичане получали статус «наиболее благоприятствуемой нации»,

таможенные льготы при ввозе сукна (своего основного товара), право уплаты пошлин не талерами, а российской монетой, освобождение их домов от постоянной повинности и разрешение вести транзитную торговлю с Ираном, которого давно добивались.

К. Рондо получил от английской Московской компании 150 золотых гиней в награду за труды. С «гонораром» Бирона вопрос остаётся открытым. Английский исследователь выяснил, что восстановление дипломатических отношений с Россией обошлось английской казне в 32 тысячи фунтов для окружения императрицы, но в отношении Бирона ограничился только деликатным замечанием: «Нет основания полагать, что торговый договор являлся исключением из правила»^[500]. Однако заключение договора 1734 года едва ли можно назвать проявлением «антирусской деятельности иностранцев» в российском правительстве в годы бироновщины. Принципиальная проблема была не в степени «взяточёмкости» Шафирова или Бирона, а в слабости самого отечественного бизнеса. Англия являлась основным торговым партнёром империи, но при этом Россия не имела своего торгового флота и практически вся заморская торговля обеспечивалась западноевропейскими, прежде всего английскими, перевозчиками. Даже в середине столетия лишь 7-8 процентов экспорта приходилось на отечественные торговые суда, ходившие, как правило, только по Балтике. Российские купцы только начинали осваивать западный рынок, не имея ни надёжного банковского кредита, ни мощных торговых компаний, ни налаженных связей. В этих условиях отстаивать свои позиции, когда англичане грозились найти другие «каналы коммерции», было нелегко.

Надо признать, что английская сторона на переговорах выглядела более внушительно благодаря поддержке со стороны представителей бизнеса. Руководство Московской компании консультировало дипломатов, готовило проекты документов и соответствующую аргументацию. Благодаря заключению договора объём торговли между двумя странами стал увеличиваться, при этом Россия имела устойчивый активный торговый баланс.

В мае 1737 года на 82-м году жизни скончался герцог Фердинанд — династия Кетлеров в Курляндии пресеклась. Тем же летом Бирон достиг своей цели: 14 июня дворянством

Курляндии он был избран «объединёнными голосами и сердцами... вместе со всеми наследниками мужского пола герцогом Курляндским»^{501}. Тамошнее рыцарство просило Анну Иоанновну ходатайствовать об утверждении результатов выборов перед сюзереном Курляндии Августом III, и тот уже через месяц подписал диплом нового герцога.

Единодушное избрание стало результатом усилий как самого претендента, так и российской дипломатии. В игру вступила сама Анна Иоанновна: в послании курляндскому дворянству в 1735 году торжественно обещала соблюдать его права и вольности, но при этом заметила, что Россия не допустит, чтобы герцогство когда-либо «поступило в чужие руки» или изменилась «старая форма правления». Личные виды Бирона совпали с целями внешней политики России и её главной союзницы Австрии. Для сохранения удобных для соседей польских «свобод» нельзя было ни дать усилиться саксонской династии, ни допустить раздел Курляндии на «воеводства» польскими магнатами, и уж подавно незачем было «отдавать» её сыну прусского короля.

Так что фаворит опять пришёлся к месту. Но новоявленный принц знал цену собственной самостоятельности. В письмах Кейзерлингу он выражал беспокойство, как бы Анна не подумала, «не было ли то тайным домогательством с моей стороны; во-вторых, чтобы эта милость не слишком сильно привязала меня к интересам его королевского величества; в-третьих, не нашёл ли я этим путём средства освободиться от моей нынешней службы». Любая власть, даже в Курляндии, — это обязательства и ответственность. Герцог — фигура, конечно, менее могущественная, чем фаворит российской императрицы, зато публичная: он не может уйти от «ненадлежащих дел» или сослаться на «неблагоприятный случай». Надо было выстраивать отношения с дворянством и городами; думать об урожае, торговле, финансах; выработать линию поведения с соседями, чтобы не выглядеть откровенной марионеткой. При этом нельзя было удаляться из Петербурга — тогда «я должен опасаться, что навлеку на себя немилость её императорского величества». «Отлучение» от двора смертельно опасно: можно выпустить из рук налаженный механизм управления, потерять «клиентов» и, главное, утратить расположение государыни... Хорошо ещё, что Август III разрешил новому герцогу управлять страной из Петербурга.

Как бы то ни было, Эрнст Иоганн Бирон дорого обходился России — такова уж природа его специфической должности. Было бы, конечно, интересно оценить не только затраты, но и эффективность деятельности «скорого помощника», но для такого исследования ещё нет методики.

Бирону выпала судьба стать первым настоящим фаворитом в истории российской монархии — в ситуации, когда колоссальный объём власти оказывался сосредоточенным в руках монарха (монархини), не обладавшего уникальными способностями Петра Великого, выстроенный в ходе Петровских реформ политический механизм объективно нуждался в такой фигуре. Первым быть всегда трудно, тем более в эпоху, когда усваиваются новые культурные формы, язык, правила поведения. Но Бирон превратил малопочтенную роль ночного «временщика» в настоящий институт власти с неписаными, но чётко очерченными правилами и границами. Вероятно, в какой-то степени это можно рассматривать как определённый, хотя и несколько специфический шаг по пути «европеизации» России.

Ирония истории состояла в том, что фаворит Анны Иоанновны способствовал (разумеется, отнюдь не с целью бескорыстного миссионерства) укоренению петровских преобразований. Пресловутая бироновщина на деле означала не столько установление «немецкого господства», сколько создание лояльной управленческой структуры после политических шатаний 1730 года. Не без участия Бирона такая конструкция была сформирована, а сам он занял в ней важное и почётное место «патрона» со своей клиентелой (под которой надо понимать не только просителей должности или «деревни», но и государственных деятелей).

А что же с прочими немцами, которые, по словам В.О. Ключевского, «посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка»?

Открытие России

Как известно, без иноземцев в Московской Руси не обходились ни Рюриковичи, ни Романовы. Одни, как английские и голландские купцы, приезжали временно, другие оставались надолго. Число иностранцев, прежде всего выходцев из германских земель, стало возрастать с середины XVII века, когда московское правительство начало формировать воинские части по европейскому образцу. В полки «нового строя» старались принимать «знатных, прожиточных и семьянистых иноземцев», которые приезжали бы «на вечную службу и собою добры». Размер жалованья иностранных офицеров уже тогда превышал оклады командиров стрелецких полков, но и по уровню профессиональной подготовки немцы превосходили русских коллег.

Однако торговцы имели дело в основном с крупными московскими купцами, а офицеры концентрировались в полках «иноземного строя». В повседневной жизни чужестранцы (военные, врачи, переводчики, мастера) были отделены от московских подданных границами Новонемецкой слободы. В ней проживало примерно полторы тысячи представителей различных наций: шотландцы, датчане, голландцы, французы, англичане, итальянцы, шведы; большинство составляли немцы, и обитатели слободы объяснялись между собой преимущественно на немецком.

Массовое пришествие «немцев» (как известно, так называли всех иностранцев, не знавших русского языка, бывших для местного населения «немыми») из разных стран началось в первые годы XVIII столетия с петровскими преобразованиями. Именно тогда узкий круг специалистов увеличился до примерно десяти тысяч человек, вышел за рамки слободы и элитных частей и расширил поле их взаимодействия с коренным населением — конечно, исключая деревню^{502}.

Появление новых учреждений и введение европейской системы чинов открыли для иноземцев дотоле небывалые возможности. В XVII веке иностранец, даже ассимилировавшийся и принявший православие, не мог стать боярином или другим «думным» человеком. Теперь же в России утверждался, в первую очередь в офицерской среде, принцип индивидуальной службы, который был свойствен прежде всего выходцам из множества

германских княжеств, служивших во всех крупных европейских армиях. Закреплённый Табелью о рангах, обеспечивающей продвижение по лестнице чинов независимо от социального статуса, религиозной и этнической принадлежности, он открывал активным и образованным иноземцам путь в политическую элиту России через генеральский чин, должность вице-президента или графский титул.

В годы Северной войны офицеры-иноземцы находились практически во всех регулярных полках. Их численность не превышала 13 процентов офицерского корпуса, но именно они занимали командные места, и роль «немцев» в обучении войск и организации новых полков была выше их процентного соотношения. Реформа центрального управления привлекла на службу в коллегии квалифицированных иностранных специалистов — пусть и на должности «вторых лиц», но с получением достаточно высоких чинов V-VI классов и обретением немалого влияния в своей сфере. Выезжего «немца» теперь можно было встретить не только в полку или новом «присутственном месте», но и в школе, куда велено было отдать дворянского недоросля, на только что основанном заводе и просто на улице большого города — ремесленника, матроса, торговца, содержателя «герберга», трактира или «ренского погреба». Отсюда и обострившаяся неприязнь к ним — многие «подлые» люди, да и потомки древних фамилий видели в иноземцах главных виновников тягот государственной службы и потрясений привычного уклада жизни.

Далёкие потомки воспринимают Петровскую эпоху по учебникам, где реформы изложены в систематическом порядке с указанием их очевидных (для нас) плюсов и минусов, тогда как многие их современники ничего не слышали про Сенат или прокуратуру, не подозревали о новом таможенном тарифе — зато знали о рекрутчине и бесконечных походах, увеличении податей, разнообразных «службах» и повинностях, в том числе бесплатном труде на новых предприятиях. Даже российским дворянам, которым не привыкать было к тяжкой военной службе, пришлось хотя бы отчасти перекраивать на иноземный обычай свой обиход, осваивать в чужой стране премудрости высшей школы, не учась до того в начальной. В самой России отсутствовали квалифицированные преподаватели, методика и даже привычная нам школьная терминология. Недорослю XVIII столетия предстояло с голоса запоминать и заучивать наизусть:

«Что есть умножение? — Умножить два числа вместе значит: дабы сыскать третье число, которое содержит в себе столько единиц из двух чисел, данных для умножения, как и другое от сих двух чисел содержит единицу». Он вычерчивал фигуры под названием «двойные теналли бонет апретр» или зубрил по истории вопросы и ответы: «Что об Артаксерксе II знать должно? — У него было 360 наложниц, с которыми прижил он 115 сынов», — хорошо, если только по-русски, а часто ещё и по-немецки или на латыни. Неудивительно, что отправке в Париж или Амстердам отпрыски лучших фамилий предпочитали монастырь, а четверо русских гардемарин сбежали от наук из солнечного испанского Кадикса в Африку — правда, скорее всего, из-за проблем с географией.

Трудно представить себе потрясение традиционно воспитанного человека, повстречавшего в невяском «парадизе» полупьяного благочестивого государя Петра Алексеевича в «пёсьем облике» (бритого), в немецком кафтане, а то и в матросском костюме, с трубкой в зубах изъяснявшегося на жаргоне голландского портового кабака со столь же непотребно выглядевшими гостями в Летнем саду среди мраморных «голых девок» и соблазнительно одетых живых прелестниц. Возможно, поэтому едва ли не самый одарённый русский царь стал первым, на чью жизнь подданные — и из круга знати, и из «низов» — считали возможным совершить покушение. Иногда шок от культурных новаций внушал отвращение к жизни. При Анне Иоанновне в 1737 году служитель Рекрутской канцелярии Иван Павлов сам представил в Тайную канцелярию свои писания, где называл Петра I «хульником» и «богопротивником». На допросе чиновник заявил, что «весьма стоит в той своей противности, в том и умереть желает». Просьбу по решению Кабинета министров уважили: «Ему казнь учинена в застенке, и мёртвое его тело в той же ночи в пристойном месте брошено в реку».

В таких переменах подданные винили прежде всего «немцев». Но время шло, преобразования худо-бедно утверждались, а воспитанное в их атмосфере новое поколение (прежде всего шляхетство и городская верхушка) привыкало к вторжению в повседневную жизнь новой культуры. «Немцы» стали частью новых имперских структур, многие из них — лифляндские и эстляндские мужики, бюргеры и дворяне — из иностранцев превратились в соотечественников, соседей и сослуживцев.

В 1730-х годах «немцы» уже появились в крупных городах за пределами собственно «немецких» провинций. В столице в 1737 году они составляли восемь-девять процентов семидесятитысячного населения. Были налажены регулярные рейсы пакетботов из Петербурга в Гданьск и Любек (за три рубля в один конец), а в самом городе французские комедианты «безденежно» разыгрывали для всех желающих пьесу «Ле педан скрупулёз», что в переводе звучало как «Совестный школьный учитель».

Датчанин Педер фон Хавен был впечатлён разноголосием петербургских улиц: «Пожалуй, не найти другого такого города, где бы одни и те же люди говорили на столь многих языках, причём так плохо. Можно постоянно слышать, как слуги говорят то по-русски, то по-немецки, то по-фински... Нет ничего более обычного, чем когда в одном высказывании перемешиваются слова трёх-четырёх языков. Вот, например: “Monsieur, paschalusa, wil ju nicht en Schalken Vodka trinken. Izvollet, Baduska”. Это должно означать: “Мой дорогой господин, не хотите ли выпить стакан водки. Пожалуйста, батюшка”. Говорящий по-русски немец и говорящий по-немецки русский обычно совершают столь много ошибок, что их речь могла бы быть принята строгими критиками за новый иностранный язык. И юный Петербург в этом отношении можно было бы, пожалуй, сравнить с древним Вавилоном».

Первыми иностранными жителями Петербурга были голландцы, но во времена бироновщины наиболее влиятельной стала английская колония, куда входили богатые купцы и судовладельцы; англичане же преобладали среди моряков. Французы были представлены высококвалифицированным обслуживающим персоналом — поварами, парикмахерами. Самую многочисленную группу иностранцев составляли немцы. Немецкая колония состояла из разных социальных групп: офицеры, врачи и учёные-чиновники стояли ближе к власти и находились в привилегированном положении; быстрее и глубже входили в русскую жизнь ремесленники — ювелиры, каретники, мебельщики, слесари, столяры, брадобреи, сапожники, пивовары, портные, булочники-^{503}.

Одни спустя некоторое время покидали Россию — с прибылью или разорившись. Другие оседали на новом месте; женились, переходили в православие, хотя могли этого и не делать, поскольку петровские указы разрешали иностранцам

браки с русскими без смены веры. Иностранцы пользовались правом свободно заниматься избранным видом деятельности, беспрепятственно уезжать из России, отправлять богослужение по католическому или протестантскому обряду. Ко времени Анны Иоанновны в Петербурге действовали четыре протестантские общины — немецкая, голландская, французско-немецкая реформатская и шведско-финская. Патроном старейшей немецкой общины Святого Петра был вице-адмирал Корнелий Крюйс, а после его смерти почётный пост занял фельдмаршал Миних. На богослужениях в храме Святого Петра присутствовала сама Анна Иоанновна с другими членами императорской фамилии — например, в декабре 1737 года при освящении нового органа. Три другие евангелические общины получили в дар от императрицы участки земли для постройки своих храмов; 3 мая 1735 года был заложен первый камень в основание церкви Святой Анны, а завершено строительство в 1740 году.

В обыденной жизни Москвы незаметно, но прочно утвердились иноземные новшества. Дневник войскового подскарбия Якова Андреевича Марковича за 1728–1729 годы фиксирует удивительные для приезжего украинца, но уже обычные для москвичей детали: в Грановитой палате устраивались ассамблеи, можно было зайти в «кофейный дом», а о царских милостях и новостях из Лондона, Парижа, Вены и даже Лиссабона прочитать в газете. Летом и осенью 1731 года любопытствующие могли из «Санкт-Петербургских ведомостей» узнать помимо «официальных» сообщений о действиях коронованных особ, о других заграничных событиях:

«Из Парижа от 1 дня иуня... На прошедшей неделе осуждена в камморном суде некоторая богатая прикащическая жена из Пикардии, так что она прежде повешена, а по том сосжена, а ея 2 сына живые лошадьми разорваны быть имеют. Ея преступление состоит в том, что она некотораго слугу обеим своим сыновьям убить велела, понеже он у нея с угрожительными словами 500 ливров требовал, которые она ему за то, что он в ея соседстве некоторый двор зажѣг, обещала» (17 июня).

«Из Митавы от 29 дня августа. С прибывшею ныне сюда почтою получено известие, что 25 дня сего месяца в Кенигсберге военных и вотчинных дел советник фон Шлублут во всѣм уборе, в платье, башмаках и чулках на новой пред военного и вотчинного коморою нарочно к тому пристроенной виселице повешен. Здесь обнадѣживают, что притчиною его смерти суть захваченные от

него казённые денги. При сём приключилось и сие нещастие, что некоторый кузнечный подмастерье, смотря сию экзекуцию с высокого места, упал и до смерти ушибся» (23 августа).

«Из Парижа от 5 дня ноября... Близ Витра в Шампани найдена на высоком дереве дикая женщина около 18 лет, но как она туда пришла, не известно. Она не ест ни хлеба, ниже варёного мяса, но питается токмо осиновым листвием, лягушками и сырым мясом, которое она с великим желанием глотает. Она бегаёт как заяц и взлазывает на деревья в подобие кошки, о чём тамошний интендант королевскому двору известие подал» (22 ноября).

«Из Гаги от 14 дня ноября... Найденная во Франции дикая женщина есть зело хорошая обезьяна, которая пред несколькими годами от дука де Виллероа ушла, но помянутой женщине так подобна была, что разность между ними токмо по учинённом подлинном осмотрении изобретена...» (25 ноября).

Кажется, уже с момента появления в стране средств массовой информации «газетиры» стремились удивить читателя сенсациями и захватывающими подробностями уголовной хроники, напоминая, что вызывавшие живой интерес публики «экзекуции» имели место не только в «бироновской» России.

В повседневный обиход горожан вошли «Канарский цукор», оливки (четыре алтына за фунт), кофе (20 алтын за фунт). А вот доставляемый караванами из Китая чай был ещё дорог (шесть рублей за фунт) и несоизмерим по цене с таким нынешним деликатесом, как икра (пять копеек за фунт). Не только царедворцы, но и простые обыватели могли купить настоящую картину; натюрморт (как называли в то время, «битые птицы») шёл по 40 алтын. Менее искушённые в искусстве могли развлекаться карточной игрой «шнип-шнап» (немецкая колода предлагалась за восемь копеек). Для любителей более серьёзных занятий продавались учебники: первый отечественный курс истории «Синописис» (стоил 50 копеек), «Политика» Аристотеля, «книжка об орденах» и «коронные конституции» Речи Посполитой. Можно было присмотреть в тележном ряду «английскую коляску», купить для слуг «немецкие кафтаны» по 2 рубля 25 копеек, а для хозяев — китайские фарфоровые чашки (50 копеек), «померанцевые деревья с плодами» (пять рублей) и приборы «barometrum» и «thermometrum» (за оба — полтора рубля)^{504}.

Печатные каталоги предлагали россиянам тысячи наименований книг на любой вкус, изданных в Нюрнберге, Гамбурге и Лейпциге^{505}. В 1740 году из Москвы в другие города и на ярмарки купцы везли «немецкие» суконные камзолы (по 2 рубля), шубы (3,5 рубля), «штаны замшеные» (1 рубль 30 копеек), сапоги (50 копеек пара) и чулки, мужские туфли и башмаки с башмачными пряжками, кортики, шпаги, ножны, шляпы из заячьего пуха (45 копек штука), пуговицы «волочёные» (2 рубля пара), перчатки замшевые (40 копеек пара), «юбки фижмен-ные» (65 копеек), чепцы мишурные и камчатные с мишурой (8 копеек), парчовые (50 копеек) и бархатные с золотным позументом (40 копеек), капоры камчатные с серебряными сетками (35 копеек), золотые и серебряные сетки для причёсок, пудру^{506}. Не только в столицах, но и в провинции можно было приобрести селёдку «амбурку», заморский сахар (по семь рублей с полтиной за пуд) и даже готовые камзол со штанами на немецкий манер (за полтора-два рубля). В Петербурге появился модный трактир купца Иберкампа; «устерсы» стали популярной закуской, и купцы скоро сбили цены на них с пяти до двух рублей за сотню. В 1736 году купец Иоганн Дальман бойко торговал «цитронами» по три-четыре рубля за сотню и продавал бутылку отличного шампанского или бургундского вина по 50 копеек.

Как показала перепись населения Немецкой слободы 1745–1747 годов, немцы оставались самой многочисленной группой иностранных ремесленников Москвы: 30 из 60 ювелиров, работавших с золотом, и 20 из 27 серебряников; 20 из 26 портных и трое из десяти парикмахеров (в отличие от цирюльников, занимались изготовлением париков); сапожники, башмачники, перчаточники, шляпники, седельники, каретники, позументщики... В стихах Антиоха Кантемира упоминается модный портной из Берлина Рекс. Славилась также переплётчик из Гданьска Г. Реш, замшевый мастер саксонец И. Фриш, каретник И. Шредер. Возникли династии немецких ювелиров (Прейс, Рудолф, Мартене, Клосс, Вох, Сиверс), изготавливавших для продажи в Серебряном ряду через посредников (русских мастеров и торговцев) посуду как «на московское дело» (традиционной русской формы), так и по новым «немецким образцам»^{507}.

С потоком товаров и людей в Россию проникали не только книги и барометры, но и иные плоды цивилизации, в том числе

бордельный промысел. В 1750 году императрица Елизавета начала первую в отечественной истории кампанию против «непотребства». Тогда и выяснилось, что владелица фешенебельного публичного дома Анна Кунигунда Фелькер (более известная под именем Дрезденша) начала трудовую деятельность при Анне Иоанновне, когда явилась в Петербург «в услужение» к майору Бирону, брату фаворита^{508}. Утешив должным образом майора, бойкая особа вышла замуж за другого офицера, а когда тот оставил её без средств, занялась сводничеством, что в большом военном городе позволило накопить первоначальный капитал и открыть настоящее увеселительное заведение с интернациональным персоналом.

И всё же, несмотря на известные издержки, к 1730-м годам изменения стали необратимыми. Потребность в образованных людях была настолько велика, что по-прежнему предписывалось «имати в школы неволею». Основанные Петром I училища продолжали свою деятельность, невзирая на скудость отпускаемых средств и суровые порядки. По ведомости 1729 года в московских Спасских школах обучались 259 человек. Из них «бежали на Сухареву башню в математическую школу в ученики 4... из философии бежал в Сибирь 1, из риторики гуляют 3, из пиитики 2». Отставные гвардейские солдаты и унтеры под страхом военного суда давали подписку: «...в бытность в доме своём... будет носить немецкое платье и шпагу и бороду брить. А где не случитца таких людей, хто брить умеет, то подстригать ножницами до плоти в каждую неделю по дважды и содержать себя всегда в чистоте, так как в полку служил».

Перемены коснулись даже твердыни старообрядчества — Выговской общины, добившейся от правительства официального признания и самоуправления. Её наставник Андрей Денисов упрекал молодых единоверцев в склонности к своеволию и мирским радостям: «Почто убо zde в пустыне живёте? Пространен мир, вмещаай вы, широка вселенная, приемлющая вы, по своему нраву прочие избирайте места!»

А светские консерваторы ещё более энергично критиковали представительниц прекрасного пола:

Любят все холопей хамскую породу
Мирскую прокляту семсотого году.

...

Дуры глупые, бесчестны вы стали,

Хамы, вас бивши, руки изломали.
Смеютца, прокляты: «Палок уж де мало»;
Куцы, какая глупость к вам припала?
Бросьте их проклятых, зла эта порода,
Есть кого любить — мало ли народу?
Каналий, курвы, ни к чему не годны,
Образумьтесь, дуры! В том-то ли вы модны?[{509}](#)

Но «дурам глупым» почему-то нравились более европеизированные кавалеры:

Чтоб был бел да румян, по-французски убран,
Чтоб шляпа со блюмажом, золотой позумент,
Чтобы золотые пряжки со искарпами.

Надо признать, что выказываемое дамами предпочтение было вполне объяснимо: поколение «семсотого году» ещё не усвоило галантные манеры и допускало рукоприкладство. Если же отвлечься от дамского видения проблемы, то можно сказать, что у иностранцев было чему поучиться. Майор Данилов с благодарностью вспоминал свой класс в «чертёжной школе»: «... был директором капитан Гинтер, человек прилежный, тихий и в тогдашнее время первый знанием своим, который всю артиллерию привёл в хорошую препорцию». Его ровесник военный инженер Матвей Муравьёв с неменьшим почтением отзывался о «моём генерале» Люберасе, желавшем «зделать мне благополучие»[{510}](#). Нащокин искренне ценил своего командира, бывшего петровского генерал-адъютанта: «Как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и зело с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рождён быть может». Моряк и дипломат Иван Неплюев сохранил самые тёплые воспоминания об Остермане: «Я не могу отпереться, что он был мой благодетель и человек таковых дарований ко управлению делами, каковых мало было в Европе».

Народ же, как и раньше и много позже, видел в «немце» средоточие грехов, умеряемых или, наоборот, поощряемых «начальством»: «У нас немец онагдысь холеру по ветру на каланче пушал. С трубкой, значит. Возьмёт это, наведёт на звёзды и считает. Сколь сосчитает — столь и народу помрёт,

потому у кажинного человека свой андел, своя звезда. Ему, немцу, от начальства такое приказание, значит, вышло, должен сполнять. Много бы у нас народа померло, да, вишь, начальство смилостивилось по штафете, ну и ослобонили».

Конечно, вместе с инженерами и моряками в послепетровскую Россию прибывали и самоуверенные молодые люди, о которых в 1760 году с иронией писал учёный-историк Август Шлёцер: «Эти дураки представляли себе, что нигде нельзя легче составить карьеру, как в России; многим из них мерещился тот выгнанный из Иены студент богословия (Остерман. — *И.К.*), который впоследствии сделался русским государственным канцлером».

Однако и без них такое массовое столкновение традиций и культур должно было породить проблемы. При Петре российским «верхам» или даже более или менее затронутому реформами шляхетству было не до рефлексии по поводу иноземцев — темпы и размах преобразований в сочетании с железной волей и дубиной государя не оставляли для этого возможности. Со временем доля «немцев» не уменьшилась, а, пожалуй, увеличилась — не столько в количественном отношении, сколько в качественном: иноземцев было немного, зато самые квалифицированные и честлюбивые из них выдвигались на ключевые посты в управлении, военном деле и науке.

При этом поколение «семсотого году» уже считало себя элитой великой европейской державы. Но сами эти «величие» и «европейскость» выглядели в глазах новоприбывших иностранцев, не прошедших петровскую школу реформ и походов, достаточно сомнительными. Правда, их уже нельзя было игнорировать, как во времена Ивана Грозного, считать московских подданных лишь необразованными и нерадивыми варварами. Оказалось, что русский, даже неблагородного происхождения, «способен понимать всё, что ему ни предлагают, легко умеет находить средства для достижения своей цели и пользуется представляющимися случайностями с большою сметливостью». «Можно с уверенностью сказать, что русские мещане или крестьяне выкажут во всех обстоятельствах более смышлёности, чем сколько она обыкновенно встречается у людей того же сословия в прочих странах Европы», — признавал Манштейн, один из самых умных и вдумчивых мемуаристов той эпохи. При этом автор искренне сожалел, что «немногие иностранцы приняли на себя труд» изучить русский язык.

Такой противоречивый образ России, в основе которого лежали ещё представления немецких писателей и путешественников XVI–XVII веков (С. Герберштейна, А. Олеария и др.), запечатлён в уже упомянутом «Универсальном лексиконе всех наук и искусств» Генриха Цедлера, изданном в 1732–1754 годах в Лейпциге и Галле. В статьях о России говорилось о её природных богатствах; жители же, по мнению авторов, много пьют, «недоверчивы, высокомерны, склонны к предательству, упрямы и от природы угрюмы», но в то же время «способны в науках, упорны и внимательны». При царе Петре I появились просвещённые люди; но внедрение новых обычаев и законов «произошло слишком быстро, старые свободы были уничтожены». Однако Анна Иоанновна уже названа «правительницей всего культурного мира», хотя простой народ пребывал «в большой нищете» и невежестве, усугублённом «русским пьянством», и по-прежнему сопротивлялся европейскому влиянию, призванному превратить русских в «цивилизованных людей».^[511] В сочинениях и прессе появились высказывания, что реформы Петра I были направлены не на искоренение природного «варварства», а на использование технических достижений Запада против него же. Именно с XVIII века пошло сравнение русских с медведями, тем более актуальное, что, по мнению иностранцев, эти звери до сих пор ходят по улицам русских городов.

Эту картину новой России благостной не назовёшь, но она (даже если принять во внимание «политкорректность» по отношению к «просвещённой» Анне Иоанновне) уже лишена былой цельности, выводившей «москвитов» за пределы цивилизованного мира. Можно предположить, что таким же было отношение к России многих «немцев», приехавших в неё жить и служить. Конечно, не все прибывшие были способны оценить достижения России и её народа. Тот же Бирон в зените славы не считал нужным скрывать своё отношение. «Он презирает русских и столь явно выказывает свое презрение во всех случаях перед самыми знатными из них, что, я думаю, однажды это приведёт к его падению; однако я действительно считаю, что его преданность её величеству нерушима и благо своей страны он принимает близко к сердцу».

Внимательная леди Рондо, давшая Бирону эту характеристику, верно предсказала его будущее и, кажется, уловила в нём то же противоречие: русские, конечно, нация

непросвещённая и даже достойная презрения (а какую ещё оценку могло вызвать желание исконных русских аристократов «рабствен-но целовать» ему ноги?), но в то же время он — слуга великой империи и должен этой роли соответствовать. Поэтому Бирон и стал фаворитом «в службе её императорского величества», а не авантюристом, готовым набить карманы и исчезнуть. Он мог накричать на нерадивых сенаторов и обещать положить их вместо брёвен на неисправные мосты (обычный на Руси стиль общения с подчинёнными) — но понимал, что проявлять публичное неуважение к чужой культурной традиции нельзя. Он приказал брату Густаву, сражённому смертью любимой жены и не желавшему присутствовать при прощании с покойницей, «покориться обыкновению русских, представляя, что он как явный чужеземец лишится общего уважения».

Размывание комплекса превосходства у иностранцев сопровождалось процессом изживания противоположного комплекса и формирования национального сознания у русских. Этот сдвиг, происходивший подспудно, уловить трудно; к сожалению, мы не располагаем ни перепиской, раскрывающей мысли и чувства корреспондентов на сей предмет, ни обстоятельными мемуарами людей той эпохи — эти жанры войдут в обыкновение 40-50 лет спустя. Короткие памятные записи не дают возможности понять, замечали ли их авторы «немецкое засилье». Они служили рядом с «немцами», воевали, получали чины, женились, заботились о своём хозяйстве, подобно будущему адмиралу Семёну Мордвинову:

«В 1733 году в марте получил я указ, что флотские капитаны все одного полковничья ранга, лейтенанты — майорского, в том числе и я, мичманы — поручики; по именному указу пожалованы 1732 года в декабре.

В 1734 году в августе месяце по указу сменил меня капитан-лейтенант Нанинг, и я, отдав команду, поехал в Астрахань, а оттуда до Царицына водою, а из Царицына до Москвы и Санкт-Петербурга сухим путём; в Москву прибыл октября 17-го дня, а в Петербург ноября 1-го числа. По прибытии в Петербург отпущен в дом марта по 1-е число 1735.

1735 года по прибытии из деревни определён в кронштадтскую команду и тот весь год пробыл в Кронштадте.

В 1736 году в январе месяце подана от меня в адмиралтейскую коллегия книга о эволюции флота, сочинённая мною на российском языке («Книга о движении флота на море».

— И.К.). Января 16-го числа родился у меня сын Семён, 18-го дня крещён и того же дня умре и похоронен в Кронштадте у церкви Богоявления Господня, 20-го числа. В марте послан я для следствия, в силу именного указа, о недоимках в Новгород.

В 1737 году в усадище своём Мелковичах построил деревянную церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, заложена на Святой неделе, а освящена ноября 9-го числа.

В 1738 году для следствия в августе ездил я в Старую Руссу, а в декабре сменён лейтенантом Нащокиным и прибыл в Петербург 31-го декабря.

В 1739 году в январе определён я в Комиссариатскую экспедицию на должность советника.

В 1740 году был я на море на корабле, именуемом “Императрица Анна”, в 112 пушек, на котором был вице-адмирал; я тут был в должности капитан-лейтенанта, а потом за болезнь капитана и сам командиром, а по возврате с моря взят в Петербург и определён по-прежнему в комиссариат в должность советника.

Октября 17-го числа государыня императрица Анна Иоанновна скончалась. Ноября 4-го дня пожалован с прочими в капитаны 1-го ранга»^{512}.

Целое царствование прошло на глазах у автора, он многое повидал на суше и на море и во многих событиях участвовал, но из таких записей не понять его отношение к своему времени и его героям.

Однако немногие косвенные данные позволяют утверждать, что эпоха петровских преобразований, накануне и после смерти самого реформатора видевшихся тяжким испытанием, к концу правления Анны Иоанновны стала восприниматься шляхетством как время славы и благополучия. В частности, об этом свидетельствуют интересы столичных читателей. По данным «учётной книги» изданий Синодальной типографии 1739–1741 годов, особой популярностью пользовалась литература о Петре I и его семействе. Офицеры, чиновники и прочая публика покупали «Проповедь в день годишного поминовения» императора, «Похвальное слово», «Описание о браке» Анны Петровны, «Слово на погребение» Екатерины I.^{513}

Молодой Ломоносов из германского далека прославлял в «Оде на взятие Хотина» русские войска, ведомые не Минихом, а самим императором Петром Великим в компании с Иваном Грозным:

И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак смиритель стран Казанских?

Поэт уже предвидел грядущие победы русских героев («Обставят Росским флотом Крит; / Евфрат в твоей крови смутится») и был уверен:

Россия, коль щастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какия видишь красоты
При сем торжествованьи новом!

Однако обращение к недавнему великому прошлому неизбежно должно было вызвать сравнение — и здесь новые придворные светила, за исключением, может быть, бравого Миниха, явно уступали петровским «птенцам». Ни Остерман, ни Бирон, ни их окружение в герои не годились, и их присутствие во власти уже раздражало дворян, осознавших себя «новыми людьми» великой державы. «И лапатников и подводы даём, и кого де ни пошлём, назад не возвращаютца, явное разорение Московскому государству, — пересказывал дворовый Семён Жуков жалобы своего хозяина полковника Семёна Давыдова. — У нас фон Миних да Бирон, и им всё поверено...» С полковником был согласен его зять каптенармус Пётр Павлов: «Иноземцам-та и пожить! Рускова ныне в ыноземцах чрез десятова увидишь»^{514}. Однако изучение процессов Тайной канцелярии за всё царствование Анны Иоанновны выявило лишь восемь дел, где основным составом преступления была критика «немцев»^{515}. Наличие иноземных «конкурентов» вызывало грубую брань и ожесточение — но так ли уж вредно было на самом деле?

Немцы и русские на службе империи

Итак, «немцы» «понаехали» в Россию — и ко времени Анны Иоанновны некоторые из них заняли видные посты на военной и гражданской службе и при дворе. Точное число иноземцев, проживавших в то время в России, неизвестно — таких подсчётов не велось. Но можно попытаться хотя бы приблизительно посчитать более или менее видных «немцев».

Как уже отмечалось, при дворе их было немного. Но высшие придворные посты занимали именно немцы: обер-камергер Бирон и братья Левенвольде — обер-шталмейстер Карл и обер-гофмаршал Рейнгольд. Остерман играл первую скрипку в Коллегии иностранных дел и Кабинете министров; Б. Х. Миних с 1733 года возглавлял военное ведомство и командовал армией. В столичных учреждениях прочное место заняли немцы-чиновники, хотя и сравнительно немногочисленные: составленный в 1740 году «Список о судьях и членах и прокурорах в кол[л]егиях, канцеляриях, конторах и протчих местах» свидетельствует, что из 215 ответственных чиновников центрального государственного аппарата их было 28 (при Петре I в 1722 году — 30). Если же выбрать из этих служащих лиц в генеральских чинах (первых четырёх классов по Табели о рангах), то окажется, что на 39 важных русских «персон» приходилось всего шесть иностранцев (чуть больше 15 процентов) — намного меньше, чем в армии^{516}.

Наиболее широко они были представлены в Коллегии иностранных дел и Коммерц-коллегии, служба в которых требовала высокой квалификации, знания иностранных языков и «прав» иных государств. Камер-коллегия нуждалась в специалистах по финансам, а Юстиц-коллегия — в юристах, тем более что имела специальное подразделение «лифляндских, эстляндских и финляндских дел». Многие «статские» служащие также появились на русской службе во времена Петра I. В Коммерц-коллегии с тех времён трудились советник Иоганн Павел Бакон и ассессор Яков Гювит. Универсальным специалистом стал советник Андрей Кассис — с 1724 года он служил в Мануфактур-коллегии, Коммерц-коллегии, Юстиц-конторе и Монетной конторе. Бессменным с 1720 года вице-президентом Юстиц-коллегии был Сигизмунд Адам Вольф, бывший гофмейстер детей Меншикова и «тайный секретарь» Петра I; его

брат Яков Вольф известен как купец, банкир и основатель торговой фирмы.

Под началом С.А. Вольфа и его преемников трудились Иоганн Фитингоф, Иоахим Гагемейстер и швед Альбин Грундельшерн. Другой швед, Лоренц Ланг, с 1715 года совершил с торговыми караванами шесть путешествий в Китай, налаживал дипломатические и торговые отношения России с дальневосточным соседом, а с 1740 по 1752 год был вице-губернатором в Иркутске. Капитан морской артиллерии Андрей Беэр служил в Оружейной канцелярии и успешно руководил Сестрорецким оружейным заводом. На протяжении пяти царствований занимал должность вице-президента Штатс-конторы Карл Принценстерн, ценившийся за умение в нужный момент отыскивать деньги. За 42 года службы обрусел, получил дворянство и вотчины и в 1764 году был в очередной раз представлен к повышению 64-летний вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел Фёдор Иванович Эмме.

При Анне Иоанновне пост генерал-директора петербургской конторы Главной дворцовой канцелярии занял барон фон Розен; под его началом в качестве дворцовых управителей подвизались «доменс-советник» Фирек, ассессор Гохмут, комиссар Пеллинг. Француз Антон (Антуан) Кармедон возглавил тогдашний «Госстрой» — Канцелярию от строений.

На русской службе находились греки, итальянцы, поляки, турки, шведы, французы; выходцы из германских земель указывали свою национально-государственную принадлежность: «голштинцы», «курляндцы», «эстляндцы». Так, в Юстиц-коллегии служил ассессор Гейсон «из немецких шляхтичей», президент Академии наук барон Корф был родом «ис курляндских шляхтичей», советник академической канцелярии И.Д. Шумахер — «альзацкой нации», директор Петербургской почтовой конторы Ф. Аш происходил «города Бреславля из гражданского чину».

В 1736 году в Кабинет министров обратился саксонский камергер, обер-берг-гауптман барон Курт Александр Шемберг (Шомберг) с предложением своих услуг в качестве горного специалиста и обещанием привлечь на российскую службу других «горных людей». Предложение было принято, и барон прибыл в Россию вместе с четырнадцатью специалистами («обер-берг-амтовым актуариусом» Карлом Фохтом, «гистеншрейбером» Иоганном Леманом, штейгерами Иоганном Буртгартом,

Кристианом Пушманом, Иоганном Шаде и др.). Всех приехавших приняли на службу, а с самим Шембергом заключили «капитуляции» — правда, на менее выгодных условиях, чем он рассчитывал: вместо жалованья в шесть тысяч рублей в год положили только три тысячи^{517}.

Шемберг возглавил образованный вместо петровской Берг-коллегии Генерал-берг-директориум; выступая сторонником приватизации казённых предприятий, он добивался, чтобы процессом руководило это ведомство, а его подчинённые могли вступать в рудопромышленные компании и становиться владельцами заводов. Так и случилось: в марте 1739 года императрица оказала «всемилоостивейшую протекцию» — повелела отдать генерал-берг-директору присмотренные им богатые «рудные места» на Урале и в Лапландии со всеми строениями, лесами, правом держать «припасы» и вино; на условиях платы с каждого пуда выплавленной меди по рублю «вместо определённой в нашем Берг-регламенте с меди десятой доли»^{518}.

Для управления своим хозяйством Шемберг создал Благодатский^[10] обер-бергamt с нанятыми в Саксонии мастерами. Он добился расторжения контракта с агентом казны по продаже российского железа за границей — фирмой Шифнера и Вульфа — и получил право продать от пятисот до шестисот тысяч пудов металла. Фаворит императрицы согласился «быть порукою»^{519}. Однако коммерческих талантов «эксклюзивный дистрибьютор» не проявил — в августе 1740 года он уже был должен казне 138 655 рублей. Анна Иоанновна потребовала от Сената взыскать с Шемберга плату за предоставленные ему 239 тысяч пудов железа. Барон отдал лишь 90 тысяч и просил об отсрочке, но 3 ноября Сенат по указу уже регента Бирона повелел ему немедленно заплатить всю сумму^{520}. Вероятно, к тому времени герцог уже разочаровался в своём протекторе. В конце концов в 1742 году за долги заводы были возвращены в казну.

Скорее всего, это было не хищение в особо крупных размерах, а неудачный опыт приватизации с привлечением иностранных инвестиций и технологий. Трудно судить, как повлияли на организацию производства на российских заводах привезённые Шембергом саксонские специалисты, а вот обещанный им приток инвестиций вряд ли случился: мощных транснациональных корпораций тогда не существовало, иностранное купечество концентрировалось в столице, держало

в своих руках вывоз российской продукции и операции по продаже казённых товаров и, кажется, не желало вкладывать большие деньги в разработку уральских рудников.

Основания для передачи горной промышленности в частные руки имелись, но трудно признать эффективным соединение в одном лице государственного чиновника, призванного отвечать за развитие всей отрасли, и собственника, заинтересованного не в конкуренции, а в максимальной прибыли. Однако правительство Елизаветы Петровны в действиях Шемберга не обнаружило состава преступления; примерно половина из нанятых им саксонских специалистов продлили свои контракты и остались служить в России. Состоявшаяся же при самой Елизавете раздача казённых предприятий была проведена ещё хуже — металлургические заводы разошлись по рукам вельмож из окружения императрицы.

Что же касается собственно «немецких» территорий — Лифляндии и Эстляндии, то они по-прежнему сохраняли внутреннюю автономию — систему местных выборных учреждений и судов, но дополнительных привилегий не получили. Анна и её окружение не собирались принципиально менять имперскую политику ради сословных выгод прибалтийского дворянства. С 1730 года до февраля 1737 года не собирался лифляндский ландтаг, на ходатайства рыцарства Сенат отвечал отказом и даже потребовал объяснить, на каком основании ландтаги вообще собираются. Впоследствии положение изменилось только благодаря посредничеству вице-губернатора, родственника Бирона Лудольфа (Рудольфа) Августа фон Бисмарка^{521}.

Сдачей государственных имений местному дворянству ведал тот же вице-губернатор Бисмарк, однако известия о нарушениях правил аренды иногда доходили до самой императрицы. «Крестьяне, подданные наших мариенбургских маетностей, — извещал указ 1735 года по поводу одного из арендаторов, капитана Липгардта, — всеподданнейше жалобы к нам приносили, как о учинённых им от помещика несносных насильствах и утеснениях, также и о неполучении по прошениям своим у ландгерихта судебной расправы». Несмотря на то что за Липгардта вступились местные власти, он был признан виновным и лишён права аренды. Петербург требовал охраны казённых владений от разорения и напоминал местным властям о необходимости следить, чтобы «такими от арендаторов над

крестьянами насильствами и утеснениями наши маестности разорены и таким беспорядочным администрациям отданы не были». Немецкие бароны, недовольные такой политикой, искренне считали Бирона покровителем латышских мужиков и евреев.

Кстати, приток иностранцев на государственную службу продолжался и в «патриотичное» правление Елизаветы. Перепись чиновников 1754–1756 годов показала, что только в центральных учреждениях страны исправляли должность 74 иностранных специалиста-разночинца (не считая дворян), составлявшие уже 8,2 процента служащих.

Особым видом государственной службы для иностранцев было учёное поприще. При Анне продолжал работать в Морской академии один из первых призванных Петром I профессоров — британский математик и российский бригадир Генри Фарварсон. Под руководством И.А. Корфа в императорской академии трудились ботаник Иоганн Амман, химик Иоганн Георг Гмелин, зоолог Иоганн Дювернуа, астроном Луи Делиль дела Кройер, физик Георг Вольфганг Крафт, историки Готлиб Байер и Герард Миллер.

Президент Академии наук Корф умел выпрашивать у Анны Иоанновны деньги для своих подопечных. По его инициативе в академию были приглашены видные учёные: Я. Штелин, П.Л. Леруа, И.Ф. Брем, Г.В. Рихман, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт. Уже тогда некоторые научные изыскания имели практическое применение. Востоковед Георг Яков Кер состоял «профессором ориентальных языков» при Коллегии иностранных дел. Академик-математик Христиан Гольдбах стал главным специалистом российского «чёрного кабинета», организованного в 1742 году по инициативе вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина для систематической перлюстрации дипломатической почты; именно его усилиями были дешифрованы депеши французского посла маркиза де ла Шетарди^{522}. Иван Греч, прусский «профессор истории и нравоучения» и юстиц-советник V класса (предок знаменитого во времена Николая I консервативного издателя и журналиста Н.И. Греча), в середине 1730-х годов был приглашён в Митаву в качестве секретаря герцога Бирона, а затем служил в Петербурге в Шляхетском кадетском корпусе и даже побывал учителем великой княгини Екатерины Алексеевны — будущей Екатерины II.

В Шляхетском кадетском корпусе в 1738-м из сорока одного штатного преподавателя (от учителей точных наук до берейторов, танцмейстеров и капельмейстера) только трое (6,1 процента) были русскими: учителя математики Осип Горожанинов и Никита Подводил, обозначенный в штате как «письменный мастер российский», а также «подмастерье» рисования Матвей Муסיкийский. Фактически руководивший учебным заведением подполковник фон Теттау даже жаловался: «...а паче состоит нужда в учителях, кои обучены на российском языке, понеже многие кадеты за превзошедшими их леты других языков фундаментально обучаться не могли...» Однако количество российских преподавателей быстро росло, и в 1741 году в штате корпуса было только 17 иностранцев, из которых десять человек занимали офицерские вакансии и семь — преподавательские.^{523}.

Ещё одной профессиональной сферой, почти целиком занятой иностранцами, стала медицина. По инициативе нового лейб-медика и архиатера Иоганна Фишера императрица утвердила «Генеральный регламент о госпиталях и о должностях, определённых при них докторов и прочих медицинского чина служителей», впервые устанавливавший порядок работы русских больниц. По его же представлению Сенат в мае 1737 года повелел «в городах, лежащих поблизости от Санкт-Петербурга и Москвы, а именно во Пскове, Новгороде, в Твери, в Ярославле и прочих знатных городах, по усмотрению Медицинской канцелярии, для пользования обывателей в их болезнях держать лекарей». Так постепенно в русскую жизнь стал входить немец-доктор. В 1738 году в Петербурге был назначен специальный врач для бедных, обязанный ежедневно находиться при главной аптеке, «прописывать бедным и беспомощным лекарства и раздавать оные безденежно».

В провинции рядовые обыватели этого ещё не почувствовали, но в Петербурге солдат и матросов пользовали военные врачи Дамиан Синопеус, Даниил Мезиус, Льюис Калдервуд, Джеймс Маунси, Христиан Эйнброт, Иоганн Хатхарт и др. В 1736 году дантист Герман публиковал объявление, что у него можно не только лечить зубы, но и «в ванне мыться», и пользоваться «парами из лекарственных трав».

Поступивший в 1731 году на русскую службу Иоганн Якоб Лерхе успел побывать полковым врачом в прикаспийских провинциях, ходил вместе с русской армией по причерноморским

степям во время Русско-турецкой войны, боролся в Харькове с эпидемией чумы, во время войны с шведами участвовал в походе в Финляндию, ездил с русским посольством в Иран, короткое время служил «штадт-физиком» в Москве и долго работал в Медицинской канцелярии. Во время Чумного бунта 1771 года старый доктор издал правила профилактики страшной болезни.

Наивно было бы полагать, что зарубежные специалисты прибывали единственно с благородной целью помочь отсталой стране поскорее создать образцовый аппарат управления. Однако высокая квалификация делала их незаменимыми, да и служебной этикой они превосходили многих отечественных «выдвиженцев». Пройдя огонь, воду и медные трубы приказной службы, российский чиновник быстро усваивал нормы служения не закону, а «персонам» и собственной карьере, в случае удачи сулившей «беспородному» разночинцу дворянский титул и связанные с ним блага. Обратной стороной выдвижения новых людей были хищения, коррупция, превышение власти, которые не только не были истреблены грозным законодательством Петра I, но перешли в новое качество.

Недавно проведённое исследование криминальной деятельности петровских «птенцов» выявило не только вопиющие размеры «лакомств», но и их причину. Стремительная трансформация патриархальной московской монархии в бюрократическую империю вызвала возрастание численности бюрократии: только за 1720–1723 годы количество приказных увеличилось более чем в два раза. Результатами стали разрыв традиции гражданской службы и снижение уровня профессионализма при возрастании амбиций и appetитов чиновников.^{524} Проще говоря, дьяки и подьячие XVII века обворовывали казну и подданных умереннее и аккуратнее, а дело своё знали лучше, чем их европеизированные преемники, отличавшиеся полным «бесстрашием» по части злоупотреблений.

В записках вице-президента Коммерц-коллегии Генриха Фика приводится характерный портрет такого «нового русского» чиновника, с которым сосланному при Анне Иоанновне Фику пришлось встретиться в Сибири. «Молодой двадцатилетний детинушка», прибывший в качестве «комиссара» для сбора ясака, на протяжении нескольких лет «хватал всё, что мог», а на увещевания честного немца отвечал: «Брать и быть повешенным обое имеет своё время. Нынче есть время брать, а

будет же мне, имеючи страх от виселицы, такое удобное упустить, то я никогда богат не буду; а ежели нужда случится, то я могу выкупиться», — и просил его поучениями не утруждать, «ибо ему весьма скушно такие наставления часто слушать»^{525}.

Стоит обратить внимание и на то, что политические расправы во времена Анны Иоанновны осуществлялись русскими служащими Тайной канцелярии во главе с добродушным Андреем Ивановичем Ушаковым и формально одобрялись русским «генералитетом». Вынесенное в 1739 году смертный приговор князьям Долгоруковым «генеральное собрание» включало в себя кабинет-министров А.И. Остермана, А.П. Волынского и А.М. Черкасского, членов Синода архиепископа Псковского Стефана, епископа Коломенского Киприана и епископа Вологодского Амвросия, всех сенаторов, обер-штаб-майора А.Б. Куракина, гофмаршала Д.А. Шепелева, майоров гвардии И. Альбрехта, С.Ф. Апраксина, Д. Чернцова и П.Б. Черкасского, генерал-майоров П.В. Измайлова и С.Л. Игнатьева, президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Н.Ф. Головина, генерал-кригс-комиссара флота Ф.И. Соймонова и советника той же коллегии контр-адмирала З. Д. Мишукова; генерал-интенданта Головина, тайного советника Ф.В. Наумова, президента Ревизион-коллегии генерал-майора А.И. Панина, вице-президента Коммерц-коллегии И.Б. Алёнина, советника Юстиц-коллегии П. Квашнина-Самарина^{526}. «Немцы» были представлены только обрусевшим Остерманом и прусским служакой Альбрехтом.

Через несколько месяцев Волынского, Соймонова и Мусина-Пушкина судили люди того же круга: фельдмаршал И.Ю. Трубецкой, генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой, А.М. Черкасский, А.Б. Куракин, генералы Г.П. Чернышёв и А.И. Ушаков, генерал-лейтенанты В.Ф. Салтыков, М.И. Хрущев и С.Л. Игнатьев, тайные советники И.И. Неплюев, Ф.В. Наумов, А.Л. Нарышкин, В.Я. Новосильцев и ещё несколько чиновников, генералов и майоров гвардии.

И всё же двор, коллегии и конторы — это довольно узкий столичный круг. Провинциальные русские дворяне, купцы, а тем более мужики, скорее всего, ничего не знали о певице Людовике Зейфрид и никогда в жизни не имели дело с ассессором Коммерц-или Камер-коллегии, зато вполне могли столкнуться с немецким офицером на русской службе.

В боях и походах

Военная коллегия каждый год составляла «список генералитету, штаб- и обер-офицерам». По подсчётам сравнившего такие списки за 1729 и 1738 годы Е.В. Анисимова, в 1729-м 41 из 71 генерала полевой армии был иностранного происхождения, в составе генералов и штаб-офицеров (майоров, подполковников, полковников) — 125 из 371 (34 процента). В 1725 году лишь один из пятнадцати капитанов балтийской эскадры был русским. В 1738 году количество отечественных и иноземных генералов было уже почти равно — соответственно 30 и 31, а общее число иностранных генералов и штаб-офицеров — 192 из 515 (37,3 процента)^{527}. Увеличение доли иноземцев, как видим, незначительное, чтобы говорить о каком-то предпочтении, отдаваемом им при чинопроизводстве. Но эти подсчёты включали и тех генералов и офицеров, кто получил чины до 1730 года и продолжал служить при Анне. Кого же сделала генералами она? Об этом можно судить по спискам 1740 и 1741 годов.

В царствование Анны Иоанновны были назначены два из трёх имевшихся к 1740 году фельдмаршалов — Б. Х. Миних и П.П. Ласси, оба иноземцы; произведены 12 генерал-аншефов (среди них семь «немцев»); 21 генерал-лейтенант (11 «немцев») и 48 генерал-майоров (27 «немцев»). Таким образом, по всем названным категориям иноземцы преобладали, что при общем их количестве в русской армии как будто говорит о явном предпочтении.

Однако биографические данные показывают, что большинство офицеров-иностранцев поступили на русскую службу не в 1730-е годы, а много раньше, то есть чины получали «немцы» не «аннинские» и «бироновские», а бывшие капитаны, майоры и полковники армии Петра Великого. При Петре начали службу в России Миних и Ласси; при нём же и в первые годы после его смерти получили соответствующие чины шесть из служивших при Анне десяти «немцев» — генерал-аншефов, 13 из 21 генерал-лейтенанта и 29 из 42 генерал-майоров. Иные начали карьеру в России ещё при предшественниках Петра; к примеру, ветеран Вилим фон Дельден прослужил 50 лет. «Тяжко ранен, прострелен в грудь смертельным страхом и лежал между трупов, и от таких тяжких ран и десятилетнего полонного терпения

пришёл в глубокие тяжкие болезни и безсилие», — оправдывался он перед Анной за отказ принять губернаторскую должность. Другие (ирландец Пётр Ласси, немцы Матвей Витвер и Фёдор Балк, пруссак Иоганн Альбрехт) вместе с юным Петром были под Азовом и Нарвой. Швед-артиллерист Ульрих Спаррейтор в 1729 году в прошении о чине генерал-майора сообщал, что выехал на русскую службу поручиком ещё в 1696 году, сражался в рядах петровской армии под Азовом, затем воевал, строил укрепления, лил пушки, готовил русских учеников, получая половину «иноземческого» жалованья, и дослужился только до полковника, поскольку «ходатайствовать... за меня было некому», — и в следующем году, наконец, заслуженно получил генеральское звание^{528}.

До перехода на русскую службу немец Филипп Богислав фон Шверин и шотландец Отгон Дуглас в своё время служили Карлу XII, а Иоганн Кампенгаузен в чине капитана даже дрался в рядах шведов под Полтавой. Французы Пётр (Пьер) и Андрей де Бриньи, Александр Клапье де Колонг создавали инженерную службу, Миних прокладывал Ладожский канал, голландец-артиллерист Вилим де Геннин командовал казёнными уральскими заводами. Шотландец Иоганн Людвиг Люберас строил Ревельскую и Рогервикскую гавани, укрепления и док в Кронштадте, был вице-президентом Берг-коллегии, руководил комиссией по описанию и составлению карты Финского залива, заведовал при Анне Шляхетским кадетским корпусом, при Елизавете воевал со шведами, а в 1744–1745 годах находился с дипломатической миссией в Стокгольме.

В этом ряду «немцев»-генералов можно выделить, пожалуй, только трёх человек, чья карьера была связана с покровительством Бирона. Его братья одновременно поступили на службу, в 1737 году стали генерал-лейтенантами, а к концу аннинского царствования генерал-аншефами. Оба были настоящими солдатами и участвовали в походах Русско-турецкой войны, но по личным заслугам едва ли могли бы рассчитывать на столь быструю карьеру. Густав всю жизнь оставался исправным служакой, но отнюдь не полководцем. Карл был способнее (Миних вынужден был признать, что он «ревностен и исправен в службе, храбр и хладнокровен в деле»), но отличался жестокостью и надменностью, с командующим не ладил и после окончания войны ушёл в отставку, а вернулся на службу только

по настоянию брата-герцога и в октябре 1740 года был назначен генерал-губернатором в Москву.

Сын прусского генерала Бисмарк на родине дослужился до полковника, но вызвал неудовольствие начальства и решил искать счастья в России. В августе 1732 года фельдмаршал Миних объявил о принятии на русскую военную службу «генерал-маеором прусского полковника Людольфа Августа фон Бисмарка, с жалованьем по 3000 руб. в год» и назначении его в Петербург «для учреждения экзерциции по новому воинскому штату». В следующем году Бисмарк получил в команду расквартированный в столице Астраханский полк, стал генерал-лейтенантом и мужем свояченицы Бирона Тёклы Тротта фон Трейден. В 1734 году Бисмарк был послан с дипломатическим поручением в Англию, позднее участвовал в польской и турецких кампаниях, но отличился главным образом тем, что в 1737 году «страховал» своими полками «герцогские выборы» в Курляндии. К концу царствования свояк Бирона получил чин генерал-аншефа и пост вице-губернатора в Риге.

Имелись и другие выдвижения не по заслугам — например амбициозного и бездарного принца Людвигу Груно Гессен-Гомбургского, прославившегося не столько военными подвигами, сколько умением передёргивать карты, причём даже играя во дворце. Но в числе клиентов Бирона он не был и с воцарением Елизаветы сохранил положение при дворе.

Большинство же получивших генеральский чин при Анне заработали его ратной службой — с 1733 года империя постоянно вела военные действия, и награждать было за что. Фёдор Штофельн в 1738 году героически защищал Очаков от турок. Ирландец Юрий (Джордж) Броун, будучи командирован к союзникам-австрийцам, вместе с ними попал в плен; офицера три раза перепродавали на рынках Стамбула, пока ему не удалось бежать, захватив с собой важные документы турецкого командования. Ганс Юрген фон Иксуль погиб, а Иоганн (Иван) Альбрехт был ранен и потерял ногу в бою со шведами при Вильманстранде в 1741 году. Кстати, решение о начале этого сражения принял в августе военный совет, шесть из восьми участников которого во главе с главнокомандующим Ласси были «немцами». Служили в России и их дети — появились военные династии Штофельнов, Вейсбахов, Ласси.

Со времён Петра I иноземные специалисты занимали высшие должности в военном флоте: в царствование Анны Иоанновны им

командовали петровские адмиралы англичане Томас Сандерс, Томас Гордон, норвежец Питер Бредаль, швед Даниил Вильстер, немец Мартин Госслер; в должности обер-интенданта ведал строительством Балтийского флота английский конструктор Ричард Броун.

Сравнение сделанных при Анне назначений со списком генералов 1748 года показывает, что «национальное» правительство Елизаветы проводило точно такую же политику: из пяти полных генералов было два произведённых ею «немца», из восьми генерал-лейтенантов — четыре, из тридцати одного генерал-майора — 11.

Военная служба была наиболее престижной и предоставляла большие возможности для карьеры, особенно в условиях постоянных войн и открывавшихся «вакансий». Кроме того, многие офицеры из прибалтийских губерний вынуждены были служить в имперской армии — их небольшие имения не оставляли выбора. Подпоручиками и прапорщиками в полевые полки отправлялись и их дети — выпускники Шляхетского кадетского корпуса (в 1741 году — 21 «немец» из 71 «курсанта»), не получавшие никаких особых благ при распределении.

Так служил лифляндец Вилим Фелькерзам, начавший карьеру шестнадцатилетним бомбардиром, на полях сражений Семилетней войны ставший генерал-майором и вышедший в отставку генерал-аншефом. Кадет Карл Фелькерзам дослужился до бригадира; его однокашник Христофор Эссен, в 13 лет пойдя на службу рядовым, во время Семилетней войны получил чин генерал-майора и закончил боевой путь в боях против турок при Екатерине II. Вместе с ним сражались против Фридриха II бывший рядовой Конной гвардии Рейнгольд Вильгельм Эссен и бывший паж и поручик Иоганн Михель Бенкендорф — оба впоследствии стали российскими генералами. Рядовой Измайловского полка и участник Русско-турецкой (1735–1739) и Русско-шведской (1741–1743) войн Рейнгольд Иоганн Мейендорф на склоне лет был назначен комендантом, а затем вице-губернатором Риги. Родоначальниками плеяды российских офицеров и дипломатов стали Якоб и Людвиг Будберги и Георг Вильгельм Ламздорф.

В 1732 году в русской армии оказались ротмистр Марселет, капитан Капельн, поручик фон Меркельбах («в драгунские полки Украинского корпуса»), «бывшие на шведской службе» подполковник фон Штокман и майор фон Кафлер («в ландмилицкие полки»), бывший «на гессенской службе»

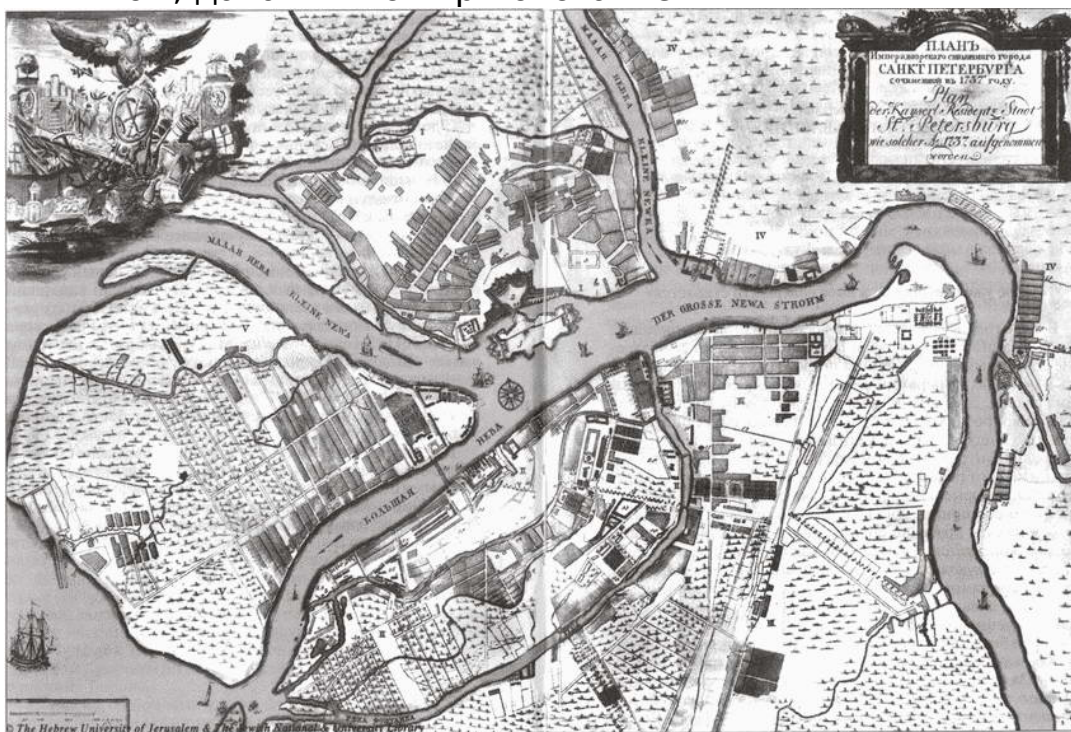
лифляндец капитан Радинг, генерал-майор Шпигель из «гессен-дармштадтской службы», «бывший в гессен-кассельской службе» полковник Я. Марин и его сын прапорщик С. Марин («теми же чинами... в Низовой корпус»), капитан Жан Батист де Турвиле («в армейские пехотные полки»). В 1737 году вместе с принцем Антоном Ульрихом Брауншвейгским на русскую службу поступил его паж, впоследствии знаменитый барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен; кстати, он стал корнетом Брауншвейгского кирасирского полка «по просьбе герцогини Бирон».

Согласно «Ведомости, сколько по резолюциям за подписанием господ кабинет министров принято в службу ея императорского величества иноземцов», таковых в 1735–1739 годах оказалось 149 человек; в чинах от полковника до корнета служили пруссаки, англичане, шотландцы, «цесарцы» (австрийцы), французы, шведы, датчане, выходцы из многочисленных германских княжеств, португальцы и уроженцы Сардинского королевства^{529}. Этот список не является исчерпывающим: иноземцев принимали на службу и обер-штаб-лейтенант К.Г. Левенвольде, и командующий армией фельдмаршал Б. Х. Миних. Набор не был обусловлен особой симпатией к иностранцам — во время тяжёлой Русско-турецкой войны армия несла большие потери и нуждалась в офицерских кадрах.

И до, и после Анны Иоанновны государство поощряло прибытие иностранных специалистов — по этому поводу на протяжении первой половины XVIII века издано 32 законодательных акта. Приток иностранцев был вызван нехваткой специалистов, хотя отчасти и перекрывал путь менее квалифицированным русским кадрам, тем более что до 1732 года иноземный офицер на русской службе получал вдвое большее жалованье, чем россиянин.

Но как раз с целью повысить профессиональный уровень офицерства при Анне был основан Шляхетский кадетский корпус. Один из его учеников, Карп Сытин, в 1736 году угодил в Тайную канцелярию за «пасквиль» на обер-профессора Иоганна фон Зихейма — но написал его как раз на немецком языке: «Высокопочтенный гуснсрот и обер-хлебной жрец! Долго ли тебе себя хвалить; всё то напрасно. Не ведаешь ты того, что ты природной осёл». За оскорбление преподавателя кадет был выпорот и посажен в карцер на хлеб и воду, но всё же оставлен в корпусе.

Именно при Анне «немцы» потеряли право на двойное жалование. Кроме того, в 1733 году было запрещено определять иноземных офицеров на службу без доклада императрице, в 1735-м они потеряли привилегию возвращаться на службу с новым чином, дававшимся при отставке^{530}.

**«План Императорского столичного города Санкт-Петербурга». Г. Унферцахт.
1737 г.**

Глава шестая.

ИТОГИ ПРАВЛЕНИЯ

*Россия, коль щастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какия видишь красоты
При сём торжествованьи новом!*

М.В. Ломоносов

«Иное уже совершила, а иное совершит старается»

В 1734 году в «Слове в день воспоминания коронации... Анны Иоанновны...» Феофан Прокопович назвал её правление достойным продолжением петровских деяний, рассыпаясь в похвалах императрице, которая «сама собою довольна, сама славна, сама видна, ясна и всем ведома». Проповедник задавал вопрос: «Хочем ли хвалити тебе всеавгустейшую монархиню нашу?» — и сам же отвечал: «Если сие делаем, то в море каплю пускаем». В том же сочинении он призвал с высоты птичьего полёта посмотреть на все «грады» и «страны» державы, которые находились «в лучшем и безопаснейшем от прежнего состоянии, когда варварство исчезает, хищения и разбои на суде праведно обличаются, и воровство во всяком месте искореняется, а наука воинская поощряется, и заводятся изрядные художества»^{531}. Едва ли бывалый Феофан вполне доверял им самим нарисованной идиллической картине; но мог ли он, посвятивший всю жизнь сознательному служению неограниченной монархии, признаться, что «самодержавство» может не быть движущей силой благих преобразований?

Кое-какими свершениями племянницы Пётр I был бы доволен. За время аннинского царствования в стране появились 22 новых металлургических завода. Ежегодно выплавлялось до тридцати тысяч пудов меди (в 1725 году — 5500 пудов). Россия медленно, но верно становилась частью европейского рынка, завоевав прочные позиции в торговле железом — его вывоз за десять лет увеличился в 4,5 раза. Рост экспорта пеньки (в среднем — по миллиону пудов в год), льняной пряжи стимулировал посевы технических культур^{532}.

Увеличился и импорт — стоимость товаров, доставленных из-за границы через Петербург и Архангельск, с 1725 по 1739 год выросла почти на полмиллиона — с 1 429 200 рублей до 1 928 800 рублей. Иностранные купцы ввозили сукно и шёлковые ткани, красители, цветные металлы (олово и свинец), колониальные товары (сахар, пряности, кофе, табак), вино, хрусталь, чулки и другие товары, потребные европеизированным россиянам^{533}. Активный торговый баланс и пошлины обеспечивали золотом и серебром российскую денежную

систему. При Анне Иоанновне было отчеканено золотых монет на 176 651 рубль 80 копеек и серебряных на 20 032 254 рубля.^{534}.

Экономическая политика стала более гибкой, чем в петровское время, но её принципы не менялись: государство оставалось главным покупателем, заказчиком и контролёром промышленной продукции. Это покровительство обеспечивало стабильный рост — даже в годы Русско-турецкой войны правительству уже не надо было прибегать к принудительной мобилизации экономики.

При этом «немецкое» правительство не стремилось ослабить русскую промышленность или подчинить её иностранцам. Берг-регламент 1739 года подтверждал право каждого обнаружившего залежи полезных ископаемых на их разработку, разрешал приписку казённых крестьян к частным заводам и освобождал промышленников от пошлин на продукты и припасы для предприятий. Правительство осторожно подходило к запросам иностранных дельцов. Так, в 1739-м Кабинет не разрешил отдать «в содержание» англичанину Мееру ряд сибирских заводов.^{535} Правда, в руках английской фирмы Шифнера и Вульфа оказался экспорт российского железа; зато многолетний контракт на его закупку стал стимулом для новой программы строительства уральских заводов, осуществлённой В.Н. Татищевым.^{536} В 1733 году было отказано в передаче казённых суконных мануфактур в Москве и Казани прусскому предпринимателю Иттеру.

Аннинские министры, продолжая петровскую традицию, стремились развивать собственное сукноделие; четыре из каждых пяти суконных мануфактур, возникших за двадцатилетие после смерти первого императора, были основаны в царствование Анны Иоанновны. Однако в 1730 году российские «фабриканы» готовы были поставить только 124 тысячи аршин сукна, тогда как Военной коллегии требовалось почти 400 тысяч. В 1735 году они дружно отговаривались объективными трудностями: «Рунной шерсти здесь в России и в Малороссии мягкой поярочной шерсти ж многова числа сыскать и купить негде».^{537} Приходилось непатриотично закупать шерстяные ткани за границей. Английское сукно качеством превосходило прусское, но товар «королевской прусской компании» Пелотье и Круземарка стоил на две копейки дешевле.^{538}

С прусской компанией был заключён контракт на 170 тысяч аршин по 58 копеек, ещё 136 тысяч аршин должны были поставить англичане и 112 тысяч — отечественные производители; но борьба за русский рынок продолжилась. В итоге английские купцы победили при активной поддержке резидента Клавдия Рондо — торговый договор 1734 года снизил на треть пошлины с английского сукна. Тем не менее, если при Петре I 70 процентов армейских мундиров были сшиты из импортного сукна, то при Анне Иоанновне — половина.

Подготовленный Комиссией о коммерции во главе с Остерманом новый таможенный тариф 1731 года отказался от крайностей петровской политики: снизил ввозные пошлины на импортные товары с 75 до 20 процентов, отменил запретительное обложение экспорта льняной пряжи, тем самым заставляя «фабриканов» конкурировать с иностранными производителями и восстанавливая традиционные статьи экспорта. В то же время для развития отечественного производства предусматривалась отмена пошлин на ввоз сырья и инструментов.^{539} Но, как и раньше, его рост достигался в первую очередь за счёт увеличения доли подневольного труда: закон 1736 года разрешал предпринимателям оставить в своём владении всех обученных ими свободных рабочих.

Именно при Анне Иоанновне Петербург стал превращаться в имперскую столицу. Согласно исповедным росписям 1737 года, его население составляли 42 969 мужчин и 25 172 женщины.^{540} Был, наконец, достроен собор Петропавловской крепости, а сама крепость перестроена в камне. В 1734 году было закончено начатое в 1722-м возведение здания Двенадцати коллегий, в 1732-1738 годах по проекту архитектора Ивана Коробова поставили первое каменное здание Адмиралтейства со шпилем и колоколом, возвещавшим о пожарах и наводнениях. После страшных пожаров 1736 и 1737 годов стал воплощаться созданный Комиссией о Санкт-Петербургском строении генеральный план застройки, в основу которого была положена трёхлучевая система улиц-магистралей: «перспективы» — Невская, Вознесенская и вновь прорубленная «Средняя» (нынешняя Гороховая улица), начинавшиеся от башни Адмиралтейства — пересекались кольцевыми магистралями.

В июне 1730 года Сенат перевёл гостинный двор, порттовую таможню и биржу на Васильевский остров. Деревянная одноэтажная биржа, судя по описанию видевшего её в 1736-

1737 годах шотландского врача Джона Кука, была не слишком презентабельна: «...не что иное, как очень большой деревянный помост, половина его построена на том рукаве Невы, который омывает восточный берег острова. Помост примерно 300 шагов в длину и соразмерно в ширину. Рядом с биржей стоит в высшей степени величественный склад для хранения товаров. Он построен квадратом из кирпича и имеет только одни ворота... Здесь денно и нощно несёт караул сотня солдат, дабы купеческим товарам не был причинён никакой ущерб. Купец может иметь [здесь] очень просторное помещение, платя 10 шиллингов в месяц. У ближней к реке стороны помоста на протяжении летнего сезона красиво стоят в ряд малые грузовые суда, обеспечивающие большее удобство в ведении дел».

Новая культура не только разнообразила придворные увеселения балами, фейерверками и труппами иноземных певцов. В полки выходили офицерами первые выпускники кадетского корпуса. В списках учеников менее привилегированной гимназии в царствование Анны Иоанновны встречаются преимущественно дети столичных немецких мастеров, лекарей, купцов, моряков, трактирщиков и придворных служителей. Но вместе с ними учились отпрыски обер-прокурора Анисима Маслова и капитан-командора Ивана Козлова, сын сенатора Филипп Новосильцев, сын вице-президента Коммерц-коллегии Иван Алёнин, сын воеводы Василий Квашнин-Самарин, сын подпрапорщика Преображенского полка Иван Сукин, капральский сын Алексей Дьяков, дворянские дети Иван Пущин, Владимир Корсаков, Сергей Козьмин, Пётр Бакунин, Иван Горчаков, Василий Измайлов, Александр Лермонтов^{541}.

Впервые с петровских времён в европейских университетах появились русские студенты: Пётр Нарышкин в Тюбингене и Пётр Бестужев-Рюмин в Лейпциге^{542}. Михайло Ломоносов, отправленный на обучение за границу из Славяно-греко-латинской академии, в 1740 году в саксонском Фрейбурге уже собирался в обратный путь. Российские студенты не только изучали механику, гидростатику, теоретическую химию, работали вместе со специалистами в штольнях и лабораториях, но и брали уроки танцев, французского языка, фехтования. Немецкие наставники отмечали, что они «чрез меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу». Пудренные парики, шёлковые чулки и танцы с последующими

драками в винных погребах обходились недёшево. В августе 1739 года три студента, за которыми числилось уже 1936 талеров долга, получили суровое предписание директора Академии наук Корфа прекратить «распутную жизнь»^{543}. Вся троица впоследствии прославилась: широта научных интересов Ломоносова хорошо известна; Дмитрий Виноградов стал выдающимся химиком-технологом и основателем Петербургской фарфоровой («порцелиновой») мануфактуры, Густав Райзер — горным инженером и профессионалом-администратором, бергмейстером Канцелярии главного правления заводов на Урале.

Основанная в Петербурге сенатским указом (1724) Академия наук развернула работу. В 1730 году её профессорами состояли известные европейские учёные — математик Яков Герман, астроном Луи Делиль, дела Кройер, физик Георг Бильфингер, филолог и историк Готлиб Байер, профессор логики и метафизики Христиан Гросс. В стенах академии математик и физик Даниил Бернулли подготовил один из главных своих трудов — «Гидродинамику»; работа его коллеги Леонарда Эйлера «Механика, или Наука о движении, изложенная аналитически» (1736) принесла автору общеевропейскую известность. Физик Георг Вольфганг Крафт состоял инспектором академической гимназии, писал учебники и читал публичные лекции по физике «для всех любителей добрых наук». В 1739 году при академии был основан географический департамент, который через несколько лет издал первый «Атлас Российский».

Вместе с учёными «немцами» и их первыми студентами службу российской науке несли официальные академические «монстры» — безрукий сын гарнизонного солдата Ивана Тимофеева и его товарищи Яков Васильев и Фома Игнатов в полагавшихся им мундирах зелёного сукна, а также умельцы-мастеровые, на которых жаловался начальник канцелярии Шумахер: в соседнем кабаке «пьянствуют и в том работы останавливают», отвлекаются на «непотребных жён», захаживавших прямо в «академические апартаменты»^{544}.

В Петербург прибывали молодые перспективные учёные. Ботаник Иоганн Амман создал в Северной столице ботанический сад и в 1739 году опубликовал труд «Изображения и описания редких растений, произрастающих в Российской империи». Другой сад основал в 1731 году в Соликамске промышленник и один из первых российских меценатов Григорий Акинфиевич

Демидов, переписывавшийся с начальником Медицинской канцелярии лейб-медиком Иоганном Фишером и директором московского «аптекарского огорода» врачом Трауготтом Гербером. «В намерении имею травы описать российскими именами и которую траву россияне от какой болезни употребляют и в каких местах растёт и в которые месяцы цветёт...» — сообщал он в 1740 году о своих планах.

Натуралисты Иоганн Георг Гмелин и Георг Стеллер, историк Герард Фридрих Миллер стали участниками Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, проходившей порой в тяжелейших походных условиях, и внесли вклад в изучение Сибири. В ноябре 1740 года, находясь на Камчатке, Стеллер докладывал главному командиру полуострова Петру Колесову, что студент Степан Крашенинников, проводя «метеорологические обсервации» в Нижнекамчатском остроге, «за скудостью бумаги записывает обсервации в берестяные книги»^{545}; так передовая европейская наука брала на вооружение средневековую практику. Сам Стеллер умер от внезапной болезни в Тюмени, а астроном Делиль де ла Кройер скончался от цинги во время плавания к берегам Америки.

Развитие науки стало приметой времени. Необразованная императрица особенно ценила те научные отрасли, которые могли приносить практическую пользу. Академики получали от неё ответственные задания. Так, в 1734 году она велела собрать учёное заседание в «зверовом дворе»: требовалось осмотреть и зарисовать «внутренние части» издохшего льва; в том же году профессорам Вейтбрехту и Дювернуа и историку Байеру было поручено «анатомировать и физически и исторически описать» тушу кита. А в 1738 году кабинет-министр Черкасский послал начальнику академической канцелярии Иоганну Шумахеру «рыбу, именуемую стерледь... дабы вы изволили приказать оную анатомировать и сделать, сняв кожу, чючило, так же и кости поставить на проволоки»^{546}. Физик Крафт по воле Анны сочинял гороскопы, провёл инженерные расчёты и составил «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома и находившихся в нём домовых вещей и уборов».

В мае 1740 года в книжной лавке при Академии наук всем желающим продавались «Краткое руководство к теоретической геометрии в 8 часть листа с гыдорованными фигурами на немецком языке» (стоило 35 копеек — за эти деньги можно было

купить двух барашков или восемь фунтов масла); на учёной латыни — «Очерк новой теории музыки Леонарда Эйлера, доступно изложенный согласно не подлежащим сомнению первоосновам учения о гармонии» (четыре тома за 1 рубль 25 копеек), четырёхтомник «Описание и изображение редких растений, произрастающих в Российской империи, составленное Амманом» (за 1 рубль 80 копеек), «Краткое описание наиболее важных физических опытов, составленное в помощь своим ученикам Георгом Вольфгангом Крафтом» в восьми томах (всего за 35 копеек); на французском — «Новые исследования о происхождении и основаниях естественного права, сочинение Фредерика Генриха Штрубе Пирмона» (за 45 копеек)^{547}.

Весьма дорогими были издания указов Петра I за 1714–1725 годы (четыре рубля), «Портрет ея императорского величества» (два рубля) и по указу Анны переизданные в академической типографии, соответственно в 1735 и 1737 годах, Генеральный регламент и Соборное уложение.

Кажется, Анна Иоанновна понимала, что без образования не обойтись даже дамам, а потому в 1731 году распорядилась обеспечить свою племянницу глобусами и атласами. Сама же Анна Леопольдовна с 1732 по 1741 год приобрела 290 различных книг, в том числе знаменитое сочинение Даниеля Дефо о Робинзоне Крузо, чувствительные романы («Мироновы любовные дела»), труды Плутарха и стихи Овидия^{548}.

Однако всё вышеназванное можно считать продолжением именно петровского курса, который нуждался в коррективах. Что же изменилось при Анне? Уже в июне 1730 года была объявлена программа действий. Серия именных указов — почти каждый отмечал, что является исполнением заветов «государя дяди нашего» — предусматривала скорейшее составление нового Уложения (при Петре I были предприняты три безуспешные попытки) с поднесением каждой завершённой главы на утверждение государыне, создание комиссий для «сочинения» новых штатов государственных учреждений. Предлагалось рационализировать деятельность Сената, разделив его на пять департаментов «для основательнейшего и скорого управления дел». Указ «о правосудии» требовал решения дел судьями «по чистой совести, согласно с данною присягою, не смотря на лица сильных». Наконец, ещё один именной указ предписывал сенаторам каждую субботу лично подавать государыне рапорта — о делах, решённых за неделю, и о тех, которые «без

собственного нашего (императрицы. — *И.К.*) решения и указа не могут быть отправлены»^{549}. Вероятно, инициировал эти указы Остерман, продолжая попытки облегчения податного бремени путём сокращения расходов на армию и флот, что намечалось ещё манифестом Екатерины I от 9 января 1727 года.

Ничего радикального эти указы не содержали — скорее напротив, были продиктованы стремлением завершить неоконченные «проекты» Петра I с учётом плачевного состояния финансов. Поэтому предусматривались сокращение расходов на армию и снижение налогов на крестьянство. Другим шагом должен был стать пересмотр штатов государственных учреждений для упорядочения их работы и определения суммы расходов с перспективой их сокращения^{550}.

Весной 1731 года намеченные меры были дополнены ещё несколькими. Созданная «комиссия о монете» предложила, а сенатский указ от 25 января 1731 года утвердил: для стабилизации финансов начать выпуск серебряной монеты 77-й пробы (вместо 70-й) и обменять выпущенные по решению Верховного тайного совета легковесные медные пятаки на новые «денежки и полушки... копейка за копейку» даже в убыток казне на 2,5 миллиона рублей^{551}. В октябре того же года состоялось слияние Берг-, Мануфактур- и Коммерц-коллегий. Началась работа по созданию новых структур и штатов Камер- и Вотчинной коллегий. На нескольких совещаниях с участием Остермана, Черкасского, Ягужинского говорилось о необходимости составления новой окладной книги с росписью доходов бюджета по территориям и статьям с включением косвенных налогов (таможенных, кабацких и канцелярских сборов); для основного прямого налога — подушной подати — по регламенту новой Камер-коллегии, утверждённому 23 июня 1731 года, планировалось иметь особые окладные книги. На упорядочение финансов было направлено и предложение о восстановлении Ревизион-коллегии — органа контроля за расходованием средств различными ведомствами.

В Сенате был поднят вопрос о необходимости проведения Генерального межевания. В июне два именных указа Анны Иоанновны повелели отправить сначала в Московскую губернию, а затем и в остальные (кроме Астраханской и Сибирской) назначенных из дворян межевщиков и специалистов-геодезистов для установления и документирования границ земельных владений и предотвращения бесконечных «споров и драк»^{552}.

Однако осуществить эти планы в полной мере не удалось. Статус великой державы, поддержка союзной Австрии и военные кампании в Польше и на юге не давали возможности снизить расходы на дипломатию и армию: планировавшееся почти десятипроцентное сокращение численного состава подразделений было компенсировано созданием новых частей. В 1735 году войска были выведены из завоёванных Петром I иранских провинций, и часть полков Низового корпуса расформирована. Но к 1736 году общая численность армии не уменьшилась, а увеличилась с 227 960 до 240 405 человек за счёт созданных для службы на пограничных Украинской и Ново-Закамской укреплённых линиях ландмилицких и драгунских полков из местного населения. Кроме того, были сформированы Уфимский и Оренбургский драгунские гарнизонные полки для охраны порядка на осваиваемых территориях и такой же полк в Сибири «из тамошних дворян, казаков и их детей»^{553}. Начало Русско-турецкой войны положило конец попыткам сдерживания военных расходов.

Советские историки давали реформам в послепетровской армии главным образом отрицательные оценки: «возвращение к прошлому», утверждение «плацпарадной муштры», копирование немецких образцов. В то же время военные историки XIX века оценивали их более дифференцированно. Бурхард Христофор Миних, образованный и способный офицер (хорошо знал латынь, французский язык, математику, инженерное дело), с шестнадцати лет служил во французской, австрийской, польской и нескольких германских армиях, сражался под знамёнами принца Евгения Савойского в Войне за испанское наследство. Пётр I взял его на службу в 1721 году генерал-майором, но Использовал в качестве опытного строителя. При Анне честолюбивый Миних получил возможность реально возглавить всю военную машину России.

Ему удалось объединить в рамках Военной коллегии громоздкую систему управления — семь канцелярий и контор. Основанный по его инициативе Шляхетский кадетский корпус стал не только школой подготовки офицерских кадров, но и одним из важнейших учебных заведений России той эпохи. На командные должности запретили назначать неграмотных, вновь открылись гарнизонные школы. Из артиллерийского полка был выделен самостоятельный Инженерный корпус, состоявший из сапёров, минёров и понтонёров.

Созданная в 1732 году Воинская морская комиссия вместе с Сенатом пришла к выводу о необходимости отказаться от петровской программы строительства больших военных кораблей в запертом Балтийском море. В сенатском докладе флоту отводилась более реалистичная вспомогательная роль — оборона побережья от наиболее вероятного противника, Швеции; «по пропорции опасности» строить надлежало преимущественно средние 66-пушечные корабли. Однако нельзя говорить о каком-либо упадке флота. Строительство кораблей шло при Анне интенсивнее, чем в последующее царствование Елизаветы; именно тогда была создана Архангельская военно-морская верфь — вторая кораблестроительная база флота. Всего же только для Балтийского флота было построено около сотни судов и галер^{554}. По «ведомости о корабельном флоте» от 23 октября 1740 года в строю находилось 22 170 моряков и 40 военных судов, в том числе стопушечный, семидесятипушечный, девять 66-пушечных и девять 54-пушечных линейных кораблей и десять фрегатов. А вот при Елизавете Петровне в 1750 году в море могли выйти только 17 военных кораблей^{555}.

Строительство укреплённых линий потребовало огромных средств и не всегда могло предотвратить татарские набеги — например зимой 1736/37 года на Украине. Новые правила предусматривали преимущественно обучение неприцельной стрельбе в ущерб штыковой атаке. Увеличение артиллерийского парка снизило его мобильность и привело к разномастности калибров пушек. Пожалуй, полезным нововведением стали только три гусарских полка. Миних считал, что решающую роль в победах Евгения Савойского над турками сыграла тяжёлая кавалерия (рейтары и кирасиры), поэтому в 1731 году переформировал три драгунских полка в кирасирские. Рослых лошадей для них ввозили из Германии. Появление кирасирских полков способствовало улучшению конезаводства, но обходились они весьма дорого и оказались бесполезными против турок и татар^{556}.

Названные меры вроде бы свидетельствовали о стремлении быстрее «европеизировать» русскую армию. Но это было не всегда разумно, как и введение новой формы и «пуклей с косами»: в армии появились манжеты, «штиблеты» (холстинные гетры); длинные косы светлых париков рядовые должны были оплетать чёрной кожей, офицеры — такого же цвета лентой. Для нижних чинов пудра на париках заменялась мукой, которую

накладывали, размешав в воде, чтобы при затвердевании она держала форму причёски. Введение прусских мундиров не учитывало климата. Кажется, на склоне лет это понял и сам Миних — вернувшись из сибирской ссылки, он советовал Петру III не вводить в русской армии прусские мундиры.

Так или иначе, эти реформы закрепляли взятый при Петре I курс на строительство военной империи. К концу правления Анны армия составляла почти семь процентов населения, в полтора раза превосходя по численности торговцев и ремесленников^{557}. Слабость русской экономики делала давление армии на государственный бюджет более тяжёлым, чем в любой другой европейской стране той эпохи.

Не удалась и реформа Сената. Образованные департаменты скоро превратились в канцелярские отделы для предварительной подготовки дел к слушанию, а уже в 1731 году вообще исчезли. Провозглашённое указами императрицы Генеральное межевание было свёрнуто не начавшись; возможно, правительство не смогло найти достаточного количества компетентных руководителей и исполнителей масштабной работы.

Безрезультатно завершились при Анне Иоанновне усилия по составлению новых штатных расписаний учреждений. Сенат обсуждал этот вопрос в 1732-м, потом в 1734 году, после чего он был отложен; только в 1739 году в Кабинет министров были переданы штатные расписания некоторых коллегий и контор. Кабинет вернул их на доработку, которая так и не закончилась до конца царствования. Как видно из сенатского доклада, централизация противоречила ведомственным интересам; Военная коллегия, Соляная контора, Генерал-берг-директориум, Медицинская коллегия и все дворцовые ведомства получили право самостоятельно утверждать свои штаты^{558}.

Правительственные решения воспроизводили уже опробованные меры: сокращение штатов в коллегиях, слияние учреждений (Берг- и Коммерц-коллегий), уменьшение жалованья «приказным» на треть, выдачу его «сибирскими товарами» или запрещение получать деньги до окончания расчётов с армией^{559}. Такое «удешевление» госаппарата замыкало порочный круг и оборачивалось проблемой хронической нехватки подготовленных кадров. Донесения больших и маленьких администраторов в Кабинет министров по-прежнему содержали жалобы на нехватку «подьячих». Чиновники еле-еле

могли обеспечить текущее управление и не имели возможности заниматься выработкой государственной политики — для этого приходилось постоянно создавать вневедомственные комиссии^{560}.

Выход из этого тупика обычно отыскивался по принципу тришкина кафтана: «приказных» забирали из одного места и перебрасывали в другое, где в данный момент нужда в них была самой острой. Поэтому случались ситуации, когда первые сановники империи лично перемещали подьячих из Ямской канцелярии в Тайную или решали, где именно надлежит работать секретарю Петру Зелёному, поскольку на него претендовали сразу две конторы. В итоге приняли соломоново решение: «...в Провиантской канцелярии... быть в неделю по 2 дни, а прочие 4 дня быть в Генеральном кригс-комиссариате»^{561}. Московский генерал-губернатор Г.П. Чернышёв оправдывал своё «слабое управление» прежде всего тем, что «секретари и подьячие лучшие разобраны, а именно, в Камор-коллегию и другие места взято сорок два». Новгородский вице-губернатор А.Ф. Бредихин просил о срочной присылке в губернию не менее сотни «приказных служителей», поскольку имевшихся постоянно забирают «в разные команды»^{562}. На подобные просьбы Кабинет отвечал отказом — присылать было некого.

Обычные наказания в виде штрафов, кажется, уже никого не пугали. Посланные для «понуждения» чиновников к скорейшему исполнению столичных приказов и «сочинению» необходимых справок и отчётов сообщали, что «секретари и приказные служители держатся под караулом без выпуску». Их начальникам приходилось платить немалые штрафы (по 50–100 рублей); но дело с места не двигалось: бывалые «подьячие» подобные начальственные наскоки «ни во что считали», а урезанное жалованье с лихвой восполняли за счёт всевозможных поборов.

Проблемой оставался и уровень квалификации чиновников. Составленные в 1737–1738 годах по указу Кабинета министров списки секретарей и канцеляристов центральных учреждений с краткими служебными характеристиками десятков низших чиновников дают возможность представить коллективный портрет российского «приказного». Конечно, в рядах бюрократии среднего и высшего звена были и люди заслуженные, прошедшие огонь и воду военных кампаний и бесконечных

командировок, например секретарь Военной коллегии Пётр Ижорин. Ему и другим чиновникам посвящены весьма похвальные отзывы: «служит с ревностью», «безленостно» и «в делах искусство имеет». Но рядом встречаются характеристики иного рода: «пишет весьма тихо и плохо»; «в делах весьма неспособен, за что и наказан»; «стар, слаб и пьяница»; «в канцелярских делах знание и искусство имеет, токмо пьянствует»; «всегда от порученных ему дел отлучался и пьянствовал, от которого не воздержался, хотя ему и довольно времени к тому дано» и т. п. Дружба с зелёным змием была «профессиональным недугом» канцеляристов, который начальство пыталось лечить с помощью батога. Особо отличались неумеренностью приказные петербургской воеводской канцелярии. Из служебных характеристик следует, что в пьянстве «упражнялись» двое из пяти канцеляристов, оба подканцеляриста и 13 из 17 копиистов; последние не только уходили в загул, но и «писать мало умели»^{563}. Сам начальник полиции империи вынужден был просить Кабинет министров прислать к нему в Главную полицмейстерскую канцелярию хотя бы 15 трезвых подьячих, поскольку имеющиеся «за пьянством и неприлежностью весьма неисправны»^{564}.

Но с чего им быть прилежными? Только старшие чиновники — секретари и обер-секретари — получали более или менее приличные деньги (400–500 рублей в год, а наиболее заслуженные, как упоминавшийся Пётр Ижорин, — 800), сопоставимые с доходами армейского полковника. Оплата труда канцеляриста составляла от 70 до 120 рублей; разброс в жалованье самой массовой категории, копиистов, был от 90 до 15 рублей (последняя сумма сопоставима с оплатой труда мастеровых, которым по причине её недостаточности полагался ещё натуральный паёк)^{565}. Выходом были «безгрешные» акциденции, «наглые» хищения и более сложные комбинации с участием чиновника в прибылях казны, компенсировавшие низкий социальный статус и убогое материальное положение бюрократии.

Пожалуй, только смоленский губернатор А.Б. Бутурлин не только заступился за подчинённых, но и принципиально поставил вопрос о порочности существовавшей системы управления и контроля. В конце 1739 года он прислал в Петербург два доклада. В первом губернатор объяснял: после того как в 1737 году коллегии и конторы получили разрешение

штрафовать местные власти, последние получили... 54 контролирующие инстанции, посылавшие «угрозительные повеления».

Выполняя одно, непременно приходилось откладывать другое; в результате у чиновников «нужнейшие дела из рук выходят и внутренним течением пресекаются»; можно было не выполнять ничего — штрафы всё равно были неизбежны.

Второй доклад Бутурлина можно назвать настоящим трактатом «о изнеможении счетов годовых сочинением». Прежде всего требовалось составить месячный «репорт», отправлявшийся в Камер-коллегию, Сенат и ещё несколько мест. Затем «приходчикам», ответственным за ведение счетов, необходимо было привести в порядок 16 книг («по форме» — все 19) по разным видам денежных поступлений, что «немалое мозголоводство приносит от состоящих вновь форм», после чего сдать преемникам ещё четыре книги (по недоимкам и по расходам на новый год) вместе с наличной «денежной казной»... и садиться сочинять годовой «репорт». Одновременно приходилось составлять отписки и справки по требованию вышестоящих инстанций и прибывающих с очередным «повелением» офицеров под угрозой штрафов и заключения под караул. В результате подведение финансовых итогов требовало не менее трёх месяцев, в течение которых запускались текущие дела^{566}. Но это — в лучшем случае, если ответственные за финансовые документы чиновники были живы и здоровы, не угодили под следствие и не были отправлены налетевшим из столицы гвардейцем решать какие-нибудь срочные дела.

Через руки подьячих с грошовым жалованьем проходили порой колоссальные суммы. Если цифры в счетах не сходились или возникало малейшее подозрение в нанесении ущерба казённому интересу, начиналось следствие, и виновными в итоге оказывались не начальники, а «стрелочники». Даже не отличавшийся милосердием Сенат просил простить копииста Алексея Михайлова, который в отчётности по сумме в 600 тысяч рублей допустил «прочёт» в 127 рублей и при этом был «нимало не корыстен», а ошибся исключительно «от великого приёма и раздачи суммы». Но Кабинет в снисхождении отказал^{567}.

Не менее страшно было для приказного вызвать гнев начальства. В 1739 году закончился суд над каширским воеводой Я. Баскаковым, виновным в убийстве канцеляриста; за то же был вызван к следователю воронежский вице-губернатор Лукин; в

том же обвинялся белгородский губернатор И.М. Греков. В Москве президент Вотчинной коллегии А.Т. Ржевский и секретарь Обрютин прямо в «ассессорской камере» избили палками и плетью канцеляриста Максима Стерлигова, после чего несчастного «содержали в цепях и в железах под коллежским крыльцом» за попытку разоблачения злоупотреблений чиновников Елецкой провинциальной канцелярии.^{568}.

Даже в столичной Коммерц-коллегии чиновники могли получить пощёчину или плевков в лицо от президента П.П. Шафирова; вспыльчивый барон лично бил секретаря Ивана Балбекова, протоколиста сажал «под караул», а прочих чиновников обзывал «плутами» и «ворами». Назначенные туда коллежские советники публично спрашивали начальника, «будет ли он до них милостив».^{569}.

Недовольные порой винили в своих бедах «немцев». «Вирой взял силу, и государыня без него ничего не делает, как всем о том известно; что де донесут ей, то де и зделаетца; всем де ныне овладели иноземцы», — жаловался советник Тимофей Тарбеев, но сам-то конкретно недоволен был «немилостью» своего русского начальника графа М.Г. Головкина и собирался жаловаться на него императрице.^{570}.

Работа над новым Уложением продолжалась в том же направлении, что и в царствование Петра I; новый проект сохранял ту же структуру, что и вариант 1725 года. Первоочередное внимание было уделено разработке «вотчинной» главы — она была подготовлена и обсуждена в 1731 году. Но затем «сочинение» Уложения затормозилось. Только в 1737 году состав Уложенной комиссии был обновлён и руководство ею было поручено компетентному сенатору В.Я. Новосильцеву. К 1739 году комиссия составила «судную» главу, но Сенат стал обсуждать её уже после смерти Анны Иоанновны — в июле 1741 года. Обе главы так и не были обнародованы.

Финансовые «камфузии»

В 1732 году Сенат подсчитал, что накопившиеся с 1719 года недоимки только по таможенным, кабацким и канцелярским сборам составили семь миллионов рублей^{571}. По-прежнему оставались запутанными финансовые отношения между учреждениями. 17 сентября 1732 года Сенат докладывал: Штатс-контора не считает возможным выдать деньги из Монетной конторы на жалованье служащим Ревизион-коллегии, «доколе та контора с Штатс-конторою возымеет счёт», а Штатс-контора вместе с Камер-коллегией не могут выплатить 270 430 рублей на содержание полков в иранских провинциях, поскольку эти чрезвычайные расходы поведено производить из таких же «не положенных в штат» доходов, а они, во-первых, в нужном количестве «никогда в настоящих годах не собираются», во-вторых, уже расписаны «по посланным указам» на другие нужды^{572}.

Расходы на Низовой корпус не прекратились после вывода его из Ирана, поскольку полки не были расформированы.

Военные требовали денег, и Кабинет распорядился их выплатить. Но в ответ Штатс-контора разъяснила, что сами же кабинет-министры велели содержать эти части за счёт «таможенных доходов», а также поступлений с Украины и других «остаточных» статей, однако теперь, согласно указам, «деньги в Штатс-контору не приходят»: доходы от продажи казённых железа и меди остаются в Коммерц-коллегии, от торговли ревенем — в Медицинской канцелярии; к тому же все свободные средства уходят на турецкую войну.

Министры на такое разъяснение обиделись («из того ничего подлинного выразуметь невозможно»), но смогли только порекомендовать «изыскать способы» совместно с Сенатом. Опытные сенаторы, постоянно сталкивавшиеся с подобными заданиями, выход нашли. В Петербурге обнаружили 15 тысяч рублей, из московских канцелярий и контор выгребли 35 тысяч, а затем взяли «заимообразно» из Монетной конторы ещё 50 тысяч — и обеспечили-таки необходимые текущие выплаты^{573}.

Несовершенство налоговой службы и децентрализация сбора и расходования средств постоянно порождали ситуации, когда все участвовавшие стороны были правы и найти виновного не

представлялось возможным. Опытный начальник Штатс-конторы Карл Принценстерн, несмотря на «наижесточайшие» указы и выговоры, возглавлял её с петровских времён до самой смерти в 1741 году — вероятно, как раз потому, что был способен ориентироваться в дебрях ведомственных касс и «доставать» необходимые суммы.

Неудивительно, что правительство Анны Иоанновны одной из приоритетов считало ликвидацию финансовой неразберихи. Прежде всего, оно намеревалось ужесточить сбор налогов и взыскать недоимки. В 1730 году перед Сенатом вновь была поставлена задача составить «государственную о всех доходах книгу». Ещё одним направлением «битвы за финансы» стали попытки проконтролировать прежние расходы путём проверки счетов всех учреждений.

Однако принципиальные основы петровской финансовой системы были сохранены и даже возобновлён сбор подати при помощи военных команд. Через год военные приступили к сбору недоимок: «В случае непривоза денег в срок полковники вместе с воеводами посылают в незаплатившие деревни экзекуцию». Но в 1736 году эта практика была опять отменена: вместе с недоимками росли поборы, взятки и злоупотребления сборщиков. Ужесточение сбора недоимок, помимо прочего, означало и наступление на интересы дворянства, поскольку виновными в неуплате по закону становились владельцы крестьян. Составленная в 1737 году по требованию Кабинета «Ведомость о имеющемся недобору на знатных и других» показала, что первыми неплательщиками оказались... сам кабинет-министр А.М. Черкасский (недоимки в 16 029 рублей), сенаторы (7900 рублей), президенты и члены коллегий (16 207 рублей), генералитет (11 188 рублей) и прочие «знатные» (445 088 рублей)^{574}. Кампания закончилась неудачей, усугублённой ростом недоимок в результате голодных 1733–1734 годов.

Сенат и Кабинет столкнулись с целой системой саботажа правительственных инициатив по наведению порядка в финансовой сфере. Ревизион-коллегия в мае 1732 года докладывала: коллегии и конторы прислали счёты «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Далее перечислялись уловки, используемые для достижения этого эффекта: чиновники ссылались на исчезнувшие документы или на отсутствие ответственного лица, давно скончавшегося или отбывавшего наказание; в других

учреждениях бумаги составлялись за подписью мелких клерков, а не руководства; третьи действовали по принципу «подписано — и с плеч долой» и категорически отказывались принимать «неисправные» документы обратно. Наиболее невразумительные отчёты поступали из самого затратного военного ведомства: «против прихода и расхода написаны недостатки, и в прочем одни с другими смешанные, отчего не только впредь, но ныне произошла камфузия»^{575}. Эти выводы надо признать справедливыми: при разборе архивных документов по финансовой отчётности уразуметь их смысл и систему подачи данных бывает порой весьма мудрено, а сопоставить с показателями других лет часто невозможно.

Так же тормозилось и составление «окладной книги». На требование Камер-коллегии подать «на каждое место и звание доходам от губернаторов по третям, а о подушном сборе в полгода подробные репорты» чиновники притворялись непонятливыми — или в самом деле были не в состоянии постичь правила бухгалтерской отчётности: «...о таможенных и прочих сборах месячные, а не третные репорты, писанные по прежним формам... а со штабных дворов земские комиссары присылают о подушном сборе полугодовые репорты не по посланным же формам». На посылку же «новых форм» на местах либо вообще не реагировали, либо оправдывались неполучением и действовали по «прежним указам», либо докладывали, что «в скорости сочинить никоим образом не можно, ибо за раздачами приказных служителей в разные команды и в счётчики осталось самое малое число». В итоге — о доходах «коллегия никакого известия не имеет, и для того генеральной ведомости сочинить не из чего»^{576}.

Завершение составления «окладной книги» было перенесено сначала на 1732 год, потом на 1733-й, а затем тянулось вплоть до конца царствования Анны, тем более что многие присланные с мест ведомости сгорели в московском пожаре 1737 года. В 1739 году императрица повелела завершить работу через год, но в августе 1740 года Кабинет признал, что с делом «исправиться невозможно», и точного срока больше не назначал, а лишь напоминал о необходимости окончить работу в обозримом будущем. Точка в истории сочинения «окладной книги» была поставлена уже в 1741 году^{577}.

Немногом лучше была ситуация с расходами. В 1732 году Сенат смог составить ведомость «окладным» и «неокладным»

тратам с 1725 по 1731 год, но приведённые в ней данные охватывали от половины до трети реального бюджета. Чиновники Штатс-конторы посчитали даже мелкие расходы — например на содержание «зазорных младенцев» или «за объявление монстров»; но зато не смогли указать траты по Военной коллегии и Коллегии иностранных дел за 1730 год и выдачи «в тайные и нужные расходы»^{578}.

Отсутствие контроля приводило к тому, что уже собранные средства и материальные ценности исчезали неведь куда. Хорошо, если такие вещи выяснялись сразу, как в Новгородской губернии, где по вине «верных сборщиков» в 1736 году пропали 11 тысяч рублей — хотя бы виновные были налицо^{579}. Когда же недостачи обнаруживались через несколько лет, спросить было уже не с кого. Например, фельдмаршал Миних докладывал, что по ведомству фортификационной конторы в Выборге кондуктор З. Маршалков допустил в 1733 году растрату казённой извести и прочих материалов на 4417 рублей. Выяснилось это только семь лет спустя, когда и сам виновный, и обер-комендант крепости генерал-лейтенант де Колонг уже умерли. Пострадали лишь наследники кондуктора, с которых казне удалось взыскать 65 рублей 15 копеек; за семейство коменданта вступился... сам Миних, оправдывая действия его покойного главы «единой простотой и не довольным знанием приказных порядков»^{580}.

Даже во дворце процветали бесхозяйственность и «наглые» хищения. Дворцовая счётная комиссия в декабре 1735 года обнаружила, что в ведомстве камер-цалмейстера Александра Кайсарова учёт денежных сумм был поставлен из рук вон плохо: записи в приходных и расходных книгах «помараны и приписаны», а на потраченные 18 789 червонцев и 317 207 рублей на нашлось никакой документации. Камер-цалмейстер отговаривался «простотою своею», которая, однако, не мешала ему использовать деньги «на домовые свои нужды» и разрешать делать то же подчинённым. Анна передала дело Ушакову; у Кайсарова был конфискован дом, а сам он вместе с четырьмя чиновниками своей конторы отправился в ссылку^{581}.

В 1740 году обнаружились «непорядки» в ведомстве к тому времени уже покойного гофинтенданта Антона Кармедона. Речь шла о сумме более миллиона рублей, по которой не было вообще никакой отчётности, поскольку «приходы и расходы многие чинили по словесным приказам его, Кормедона, и без расписок; и партикулярным людям деньги даваны были на ссуду»; то есть

гофинтендант распоряжался казёнными деньгами, как собственными, и ссужал их под проценты. Следователи сразу обнаружили недостачу около десяти тысяч рублей, но доложили, что для завершения «надлежит со 100 счетов сочинить, а за вышеписанными непорядками и неисправностями оных вскоре сочинить... ни по которой мере невозможно». В резолюции по докладу Анна отметила, что такие проверки «разве что в 10 лет окончаны быть могут», и велела ограничиться составлением тех счетов, «где можно отыскать виновных», которые «сами или их наследники имеют свои имения и, ежели явятся начёты, платить в состоянии»^{582}. А в Коммерц-коллегии даже не начальник, а простой кассир Акер был уличён в растрате двадцати семи тысяч «пошлинных ефимков», которые «принимал бесписьменно», а затем «в долги раздавал»^{583}.

Случайно раскрылось в 1736 году дело о воровстве и подлогах чиновников столичной Канцелярии от строений, уличённых во взятках с подрядчиков и приписках о якобы проделанных работах по благоустройству города. Императрица была возмущена даже не столько тем, что они «сие своё воровство чрез многие годы, не престаючи, продолжали», сколько просьбой Сената смягчить наказание и не взыскивать «взятков». Императрице было с чего сердиться. Попавшие под военный суд 17 обер- и унтер-офицеров были не злодеями-рецидивистами, а обычными русскими служивыми, ранее в финансовых «продерзостях» не замеченными. Действия же их отличались не изощрённостью, а, наоборот, какой-то бесхитростной простотой в отношении казённого добра. Бывший у строительства «Триумфальных ворот» капитан Дмитрий Долгой брал с подрядчиков взятки гвоздями, кирпичами и оловянной посудой и щедро раздавал казённые «припасы» подчинённым, а сколько — «того не упомнит». Поручик Фрол Бородин на строительстве Зимнего дворца, «не взяв ничего», приписал при приёме стройматериалов шесть лишних брёвен; за 200 пудов несуществующего алебаstra взял 20 рублей, а за отсутствующие гвозди — всего-то куль ржаной муки. Цейхквартер Павел Новосильцев, находясь «при строении фейверка», решил поживиться по-крупному — на четыре тысячи рублей, но поставщики его обманули и денег не дали; служивый добродушно согласился вместо целого состояния получить «питейные и съестные припасы», четыре пары сапог, 30 сажень дров и полтора аршина бархата^{584}.

Деньги можно было просто не платить. Опытные откупщики и иные держатели казённых статей докладывали, какой ущерб они понесли от карантина, военных действий или других непредвиденных обстоятельств, и просили уменьшить платежи. В других случаях спросить было не с кого. В 1739 году откупщик московских мостов Степан Буков жаловался Кабинету, что провоз казённых грузов не оплачивался и ему приходится возмещать «недобор» в десять тысяч рублей. Незадачливый откупщик сочинил по делу 85 (!) «доношений», но следствие погрязло в разборках между ведомствами и конторами.^{585}.

На практике составить точную картину состояния финансов оказалось невозможно. И дело было не только в хищениях. Деньги (с опозданиями и не полностью) приходили в разные кассы, куда (а иногда в совсем другие места) позднее доставлялись доимки за разные годы; порой это были весьма крупные суммы — например, 58 тысяч рублей, взысканные с Нижегородской провинции в 1738 году, или 400 тысяч, пополнившие флотский бюджет в 1735-м.

Далее вступала в действие система «заимообразных» зачётов, когда нужные средства изыскивались из сумм другого ведомства и затем годами не возвращались. В 1740 году за Штатс-конторой числился долг в полмиллиона рублей, позаимствованных двумя годами ранее в Соляной и Монетной конторах. Постоянно конфликтовала со Штатс-конторой Военная коллегия. В 1739 году генералы жаловались на невыплату «на полки персидского и ландмилицкого корпуса» 710 746 рублей, но штатские чиновники полагали, что должны только тысячу рублей, и платить отказались. Кабинет, не имея возможности рассмотреть дело по существу, как обычно, отправил бумаги обратно с требованием «учинить счёты» и найти деньги. И, как обычно, дело разрешилось компромиссом: Штатс-контора тут же отыскала где-то 200 тысяч рублей, а просьбу выдать недостающее переправила «наверх» — к императрице, предложив погасить долг из находящихся в её распоряжении средств Соляной конторы.^{586}.

Власти срочно создали Генеральную счётную комиссию, чтобы провести «ревизию» счетов всех правительственных «мест» начиная с 1719 года. Но гора родила мышь: к 1736 году комиссия вернула казне 1152 рубля, что, по официальной оценке, было меньше, чем зарплата её персонала за годы работы.^{587}. Указ 1735 года признал неэффективность работы

Ревизион-коллегии, в которую прочие учреждения вовремя не присылали счета. Не была преодолена и ведомственная разобщённость: от ревизии были освобождены гвардия и придворные службы; свои счётные экспедиции сохранялись в Военной коллегии, Камер-коллегии по таможенным доходам и при Генерал-кригскомиссариате.

Да и как было посчитать расходы? За год, удивлялся кабинет-министр Ягужинский, расходных книг «болше 10 тысяч быть имеет» и ещё столько же «счотных выписок». Аппетиты учреждений и соответствующие «неокладные» расходы постоянно возрастали, как можно убедиться на примере Коллегии иностранных дел. Дипломатическое ведомство в 1740 году указало, что его расходы «выходят более» установленного «оклада» в 20 тысяч рублей: постоянно требовались чрезвычайные суммы на презенты чужеземным послам и «пенсии» лицам, оказавшим русскому двору услуги. Немалые средства уходили на приём пышных восточных посольств. Так, приём в 1736–1739 годах послов иранского шаха Надира обошёлся в 110 тысяч рублей; в 1740-м на содержание и «отпуск» нового посольства Хулеф-мирзы было израсходовано 28 500 рублей^{588}. Крупные суммы шли на дворцовые увеселения — например, в 1740 году маскарад с «Ледяным домом» вместе с «привозом народов, зверей и скотов» стоил почти десять тысяч рублей^{589}. Количество «неокладных» расходов в 1732 году составляло, по данным обер-прокурора Сената А. Маслова, 2 740 947 рублей^{590} — около трети всего бюджета. Кроме того, имели место разного рода «чрезвычайные дачи». Только за четыре месяца 1740 года по именным и сенатским указам было выдано более полумиллиона рублей. При этом министры иногда выискивали деньги для личных нужд императрицы, а она, в свою очередь, распоряжалась о выдачах министрам или по доброте жаловала невинно пострадавших; так, секретарь Воронежской губернской канцелярии Кузьма Данилов получил тысячу рублей за «полонное терпение» — приравненное к плену сидение под арестом по делу об убийстве^{591}.

Наконец, центральный аппарат не имел реального представления о количестве и величине сборов, поступавших в казну. Недостатки подушной системы налогообложения сказались ещё при жизни её создателя. Но и с учётом других поступлений дело обстояло не лучше. Так, в 1737 году Камер-коллегия доложила, что не имеет сведений о количестве кабаков

и винокуренных заводов в стране по причине неприсылки соответствующих ведомостей. В ответ Анна выговорила министрам, что «самонужное государственное дело» тянется уже полтора года и конца ему не видно.

Сенатский доклад августа 1740 года, подводивший итог усилиям по составлению «окладной книги», указал на ещё одну важную причину чиновничьего саботажа: местные начальники не желали показывать «ясного о тех окладах и сборах обстоятельства», поскольку многими «не только в окладе неположенными оброчными статьями... сами владели, но и из окладных оброчных статей, противно присяге и должности, под видом откупов за собой держали»^{592}. Это означало, что имевшиеся в городах и уездах источники казённых доходов в виде мельниц, рыбных ловель, мостов и перевозов, «отдаточных» земель и т. д. были успешно «приватизированы» местными чиновниками, а официально значились сданными на откуп (за гораздо меньшую сумму) или просто лежащими «впусте».

Редкие дела, дошедшие до столичного расследования, показывают, что в присвоение этих средств была вовлечена буквально вся местная администрация во главе с губернатором. Одно такое расследование выяснило, что сумма оброка с казённых земель в 1482 рубля превратилась в 162 рубля 71 копейку — именно столько получило государство, остальное пошло в карман белгородскому губернатору И.М. Грекову, заодно «приватизировавшему» и обширные покосы. Порой даже гвардейцы, прибывавшие с «понуждениями», не знали, что делать в таких случаях: документацию от них прятали, губернатор отправлялся «в поле с собаки», а другие чиновники — «по хуторам своим»^{593}.

Установить реальную величину возможных налоговых поступлений можно было только путём повсеместной ревизии таких доходных мест: сколько их убыло и сколько прибыло, какие на деле лежат «впусте» и сколько денег можно реально получить от каждой сданной мельницы или другого откупного объекта. Но решить столь масштабную задачу правительство не имело никакой возможности. В итоге государство получало с таких оброчных статей хорошо если половину предполагавшегося «оклада»^{594}.

Вероятно, можно было бы даже поблагодарить «немецкое» правительство Анны Иоанновны, если бы ему удалось навести хотя бы относительный порядок в российских финансах. Но,

похоже, на финансовом поприще бироновщина потерпела поражение от отечественных «приказных». В бумагах Кабинета министров нам встретилось лишь одно упоминание об успехе: в 1739 году была составлена «генеральная табель» доходов и расходов на один только 1737 год, из которой следовало, что дефицит бюджета составлял 619 444 рубля^{595}.

В политической сфере новый государственный механизм оказался довольно устойчивым. Но на управленческом и финансовом поприщах бироновщина была столь же неэффективна, как и предыдущая администрация: попытка форсированной централизации наткнулась на отсутствие подготовленных для неё условий, незрелость государственных и общественных структур. Стремление преодолеть эту неготовность при помощи «строгости» было способно только дестабилизировать и без того слабую систему управления и контроля. Напрашивается даже непатриотическая мысль: может быть, для наведения порядка надо было импортировать больше немецких чиновников? Для достижения поставленной Петром Великим цели создания «регулярного» государства с более или менее эффективной финансовой системой понадобилась ещё целая историческая эпоха; только реформа системы управления при Екатерине II позволила, наконец, ежегодно составлять бюджетные росписи.

«Нихто в покое не живёт»

В 1730 году, вступив на престол, Анна Иоанновна отвергла и проекты нового государственного устройства, и поползновения дворянского «общенародия» на участие во власти — к примеру, предложения о выборности должностных лиц центральных учреждений и губерний. Однако государыня не могла полностью игнорировать содержащиеся в них требования дворян. Указом императрицы от 31 июля 1731 года был основан Шляхетский кадетский корпус для подготовки из дворянских «недорослей» офицеров и «статских» служащих. В «рыцарской академии» имелись четыре класса, причём низшим был четвёртый; в нём обучали русскому языку и латыни, чистописанию и арифметике; в третьем — геометрии, географии и грамматике; в старших — фортификации, артиллерии, истории, «в письме складу и стилю», риторике, юриспруденции, морали, геральдике. Изучались и «дворянские» науки — верховая езда, фехтование, танцы.^{596}

Был отменён вызывавший единодушное недовольство шляхетства петровский закон о единонаследии и сделан шаг по пути дамской эмансипации: указом от 17 марта 1731 года Анна Иоанновна повелела выделять дворянским вдовам часть недвижимого и движимого имущества, которым они могли распоряжаться по своему усмотрению: «После умершего мужа изо всего его недвижимого имения, какого бы звания за ним ни было, из жилого и из пустого, давать жене его со 100 по пятнадцати четвертей в вечное владение, а из движимого имения по Уложению; а собственным их приданым имениям, и что они, будучи замужем, куплею себе или после родственников по наследству присовокупили, быть при них, не зачитал того в ту указную дачу, что надлежит дать из мужня; а дочерям при братьях, как из недвижимого, так и из движимого против матери или мачехи вполы. А ежели после того ж умершего останется невестка, сыновня жена, и ей дать из той части, которая надлежала мужу её, со 100 по 15 четвертей».^{597}

Дворянки послепетровской эпохи стали проявлять всё большую активность в деловых вопросах — например, несмотря на полученное приданое, требовать долю отцовского наследства, покупать землю у своих мужей и даже самовольно продавать семейную собственность. В 1738 году некая Анна

Бартенева одной из первых подала в суд на мужа, заложившего её приданое имение, и выиграла дело^{598}.

В 1731–1734 годах крепостным было запрещено торговать в портах, брать казённые подряды и откупа, заводить суконные и «амуничные» мануфактуры. Развитие промышленности, рост городов, появление такого «потребителя», как постоянная армия, новый образ жизни дворян с соответствующими атрибутами означали, что барин-землевладелец стал больше нуждаться в деньгах, а у мужика появилась возможность их заработать. Прежние барщина и натуральный оброк стали совмещаться с денежной рентой — где 40–50 копеек на «тягло», а где и на 1–2 рубля.

А крепостные Нарышкиных из села Конобеева Шацкого уезда в 1730 году обратились в Сенат с жалобой на рост оброка, выросшего с 1690 года в 11 раз. Мужики плакались, что «от всяких напатков и от великой господской работы намерены все брести скитаться меж двор и кормиться милостынею», и просили отписать их от Нарышкиных в дворцовую волость. За эту челобитную крестьянские ходоки были биты кнутом в Шацке.

Часто приходилось отбывать барщину, нести «столовые припасы» и платить денежный оброк, что тяжело сказывалось на хозяйствах «скудных» и даже «среднестатейных» крестьян. В то же время на плечи мужиков ложилось бремя подушной подати, рекрутчины и конфискаций лошадей. Бегство на окраины и даже за границу стало серьёзной проблемой для помещиков и властей. В Смоленской губернии целые деревни оставались «впусте», поскольку крестьяне с семьями уходили в Польшу. Редкие драгунские форпосты на границе были бессильны остановить этот поток — приходилось привлекать полевую армию: в 1735 году воинскими частями было выведено из Польши «беглых русских крестьян 10 662 человека». Однако беглецы возвращались сами, если правительство соглашалось перевести их в разряд государственных крестьян. Крупные землевладельцы содержали собственные команды для розыска беглых. Министр А.М. Черкасский за 1732–1736 годы израсходовал на содержание такой команды почти пять тысяч рублей, но 3008 из 11 467 возвращённых опять бежали, а с ними ушло ещё две тысячи семей^{599}.

В то время служившие рядовыми или унтер-офицерами дворяне за провинности вполне могли отведать шпицрутенов. Но даже ревностный служака не был уверен в достойном «производении»: порядок получения чинов не раз менялся, к тому же влиятельному и обеспеченному офицеру было гораздо легче добиться повышения, отпуска или отставки^{600}.

Проблемы ожидали дворян и дома. Вместе с восстановлением военных команд для сбора подушной подати был возобновлён запрет помещикам без разрешения переводить крестьян в другое имение. В неурожайные годы хозяевам предписывалось снабжать крестьян семенами и не допускать, чтобы они «ходили по миру». В 1738 году власти даже указом осудили «всегдашнюю непрестанную работу», мешавшую крепостным исправно платить государственные подати^{601}. Наконец, реализация полученного в 1736 году права на отставку после двадцати пяти лет службы была отложена до окончания Русско-турецкой войны.

В таких условиях недовольство «шляхетства» проявлялось в появлении на свет проектов и записок, иные из которых дошли до нас. Среди бумаг московского губернатора Б.Г. Юсупова нами был обнаружен черновик одного такого документа, в котором его автор в конце царствования Анны Иоанновны выражал общие настроения «шляхетства». Юсупов писал, что манифест о 25-летнем сроке службы на деле не выполняется: после полученной отставки «ныне, как и прежде, раненые, больные, пристарелые... рассмотрением Сената определяются к штатским делам». В результате «никто в покое не живёт и чрез жизнь страдания, утеснения, обиды претерпевают». Автор был убеждён: «...без отнятия покоя и без принуждения вечных служб с добрым порядком не токмо армия и штат наполнен быть может, но и внутреннее правление поправить не безнадёжно», — то есть получившим «покой» служилым «свой дом и деревни в неисчислимо богатство привести возможно»^{602}.

Но правление Анны к «покою» не располагало. После трёх первых мирных лет армия готовилась к походу в Польшу. В 1733 году начался переход на воинские штаты военного времени и был объявлен рекрутский набор — по человеку со 102 душ вместе с «выбором» рекрутской недоимки за прежние годы. Вслед за тем правительство объявило принудительный сбор хлеба с крестьян Воронежской и Белгородской губерний по средней за несколько лет цене. Ещё более тяжёлым

экстраординарным налогом стал объявленный в октябре 1733 года сбор драгунских лошадей — по одной с 370 душ для крестьян и с 500 душ для купцов^{603}.

Эти поборы происходили на фоне начавшегося голода в результате масштабного неурожая. Уже в июне 1733 года оставшиеся в Москве сенаторы, получив известие о недороде в Смоленской губернии, приняли решение описать наличные помещичьи запасы и раздавать голодающим хлеб с гарнизонного склада. Но к весне 1734 года голод охватил и другие губернии. Толпы людей потянулись в Москву. Московская Сенатская контора не рискнула высылать их, отменила паспортный режим, обязала помещиков кормить своих пришедших в столицу крестьян и предписала торговцам установить фиксированную цену на хлеб. Но решить проблему в масштабе страны эти меры не могли. О бедствии заговорили даже во дворце. В январе 1734 года стоявший на карауле солдат Семёновского полка Никита Елизаров высказал товарищам: «Наша де всемилостивая государыня ныне от Бога отстала, здесь потехи... а в Руси плачут ис подушного окладу, а им помочи и лготы нет; с осени уже мякину едят, а на весну и солому уже станут есть» — а всё потому, что «Бирон себя богатит, а наше государство тощит». Один из сослуживцев, как полагается, донёс; Елизаров отговорился «простотой» — и заслужил вместо казни вечную каторгу в Охотске^{604}.

Именным указом от 26 апреля 1734 года Анна Иоанновна повелела помещикам и «управителям» дворцовых волостей и церковных вотчин «крестьян и людей своих в такое нужное время кормить готовым своим, привозя из других хлебных мест, или покупным хлебом», чтобы «по миру для милостыни ходить отнюдь не допускали и семенами снабдили неотложно». Она же утвердила доклад Сената с «пунктами» об описании у хлебных запасов и раздаче их «в займы», запрещении торговцам поднимать цену больше чем на гривенник с рубля, выдаче зерна из казённых «магазинов», направлении в пострадавшие районы хлеба из Орла и Нижнего Новгорода и беспошлинной покупке привозного из-за границы^{605}.

В Ревельской и Рижской губерниях было закуплено больше 50 тысяч четвертей. Летом и осенью 1734 года только из московского «магазина» раздали пять с половиной тысяч четвертей (около 700 тонн) зерна. Раздачи увеличили приток в города голодных крестьян окрестных деревень; в Москве было

официально учтено семь с лишним тысяч умиравших на улицах нищих. Власти не смогли остановить подорожание хлеба. Голод, «слёзные и кровавые подати» заставляли крестьян бежать в Польшу, в Иран и даже в «Бухарскую сторону». Правительственные указы признавали, что многие, «покинув свои жилища и отечество, за чужие границы ушед, живут».

Обер-прокурор Анисим Маслов в июле 1734 года подал императрице доклад «О худом состоянии крестьян Смоленской губернии и прочих мест», указав общие причины «бедности и несостояния» налогоплательщиков: во-первых, «за убылых, подушные деньги принуждены были платить оставшиеся»; во-вторых, помещики заставляли крестьян работать и собирали оброк «кто как хотел по своей воле», а при голоде не оказали им никакой помощи; наконец, при сборе подушных денег и наборе рекрутов офицеры не только не защищали мужиков от обид, «но паче сами многие утеснения и обиды изо взяток чинили». Маслов предложил сложить с крестьян часть подушной подати и «учреждение во всём государстве по состоянию мест учинить, дабы крестьяне знали, где поскольку (кроме государственных податей) доходов кому платить и работ каких исправлять, без излишнего отягощения», то есть впервые поставил вопрос о регламентации повинностей в пользу помещиков. При этом обер-секретарь понимал, что «сие в нашем государстве яко новое и необычное дело многим будет не без противности», но считал, что «впредь может быть в лучшую пользу»^{606}.

Анна Иоанновна приказала созвать совещание в Кабинете. 25–27 июля заседания проходили «по вся дни, не токмо поутру, но и после обеда». Министры сочли необходимым с помощью армии вернуть из Польши российских беглецов, учредить государственные хлебные резервы-«магазины» и отсрочить взимание подушной подати до начала 1735 года. Главное же предложение Маслова — о регулировании барщины и оброков — было оставлено без внимания. Анна утвердила всеподданнейший доклад министров, а 2 августа издала именной указ о прощении «вин» беглецов, но конкретно назвала лишь единственную льготу — отсрочку уплаты подушной подати^{607}.

Но 1734 год опять выдался неурожайным. В ноябре уже Сенат просил отменить по всей стране сбор подушной подати за первую половину следующего года, вывести из деревни правившие недоимки воинские команды, временно запретить винокурение во внутренних губерниях России и организовать для

неимущих общественные работы — рытьё каналов в Москве и «крепостное строение» в Смоленске.

Маслов пытался убедить в необходимости предлагаемых им мер самого Бирона. Секретарь Анны Авраам Полубояринов записал, что «хотел-де он (обер-камергер. — *И.К.*) послать по Маслова и говорить с ним сам»; он склонялся к необходимости «указом объявить, чтоб как возможно в прокормлении сами [помещики] старались, и дабы более на них жалобы не было; а ежели впредь то сыщется, то без всякой милости будут штрафованы, и для того велеть их непрестанно принуждать»^{608}. Так и было сделано: именным указом от 4 декабря 1734 года Анна вновь потребовала от помещиков и «управителей» кормить крестьян под страхом наказания кнутом и каторжными работами; «равное истязание» грозило не исполнявшим «смотрение» за землевладельцами воеводам и губернаторам^{609}. Отметить подушную подать ни министры, ни императрица не решились...

Государственное правление — тяжкое ремесло. Фаворит как будто не был бездушным и жестокосердным: он выступал за раздачу хлеба из государственных магазинов и в принципе не возражал против убавки оклада — но как обеспечить финансирование армии, ещё не закончившей операции в Польше? И как должны были реагировать на правительственные угрозы рядовые помещики, часто не имевшие достаточных запасов для «поправления» своих мужиков? В апреле 1735 года серпуховская провинциальная канцелярия сообщала, что многие дворяне сами «от голоду отощевают и от тощеты некоторые и помирают». Некоторые получили хлебные ссуды из московского провиантского «магазина», но когда эти раздачи, осуществлённые по приказу вице-губернатора П. Вельяминова-Зернова, были признаны незаконными, должны были зерно вернуть.

Маслов не отступил. Будучи тяжело болен, он нашёл силы подготовить на подпись императрице указы о выпуске медных денежек и полушек на два миллиона рублей и о «пожаловании» — отмене первой половины «подушных денег» за 1735 год и просил Полубояринова: «О известных указах для Бога аз, и как ты верной её императорского величества раб, ибо времени не терпит, я сколько можно её императорскому величеству о худом состоянии крестьян доносил, и представтельством его сиятельства милостивого графа обер-камергера её

императорское величество милость паче прошения нашего являть соизволит. Буде же в том известная остановка от господ министров продолжается, то истинно противу всех резонов...»

Двадцать первого января 1735 года обер-прокурор подал императрице экстракт из донесений нижегородского прокурора Полочанинова, в котором, между прочим, говорилось, что в вотчинах самого кабинет-министра А.М. Черкасского крестьяне питались лебедой и дубовой корой. Маслов понимал, что у государства нет возможности компенсировать неуплату подушной подати, но всё же главным считал спасение голодающих крестьян. Он умолял императрицу отменить подушный сбор — и добился своего: 27 января, накануне годовщины восшествия на престол, Анна Иоанновна повелела «сложить» подушную подать за первую половину года^{610}.

Но сам же Маслов, по должности отвечавший за сбор недоимок, стал инициатором указа от 23 января 1735 года о взыскании их в трёхмесячный срок с самих землевладельцев и об ограничении помещичьего винокурения. Нетрудно догадаться, как отнеслись к этим мерам дворяне, с которых Сенат приказал «доимку взыскивать и править на самих без всякого послабления; буде же и затем платить не станут, то каких бы оные чинов ни были, держать под караулом без выпуска»^{611}.

В том же году в Серпухове, где был расквартирован Сибирский полк, сидели под арестом ветераны — отставной майор Иона Прончищев, капитан Яков Селиверстов и два десятка поручиков, прапорщиков и прочих чинов. В Ярославской провинции в «полковых дворах» Кексгольмского и 2-го Московского полков в том же положении оказались мелкопоместные отставные штаб-, обер- и унтер-офицеры; вместе с ними сидели старосты и приказчики и жёны отсутствующих владельцев, а также вдовы помещицы — «вдова Анна Петровская жена Близ-някова», «вдова Лукерья Артемьевская жена Аверкиева». В Севске под охраной драгунов Пермского полка сидели «человек 3 двести»; полковое начальство рапортовало, что «ставит экзекуции» неплательщикам «мест во сто и болше» — но безуспешно, те всё равно не платили^{612}. Можно представить, сколь «непристойно» высказывались сидевшие «под караулом» в адрес придворных-«немцев», которые в данном случае были ни при чём...

У правительства было недостаточно ресурсов для раздач. Из-за ранней зимы 1734/35 года урожай в некоторых местах оказался под снегом, а начавшаяся Русско-турецкая война истощила южные земли России и Украины, которые могли бы компенсировать недород в центральных районах. В Смоленской губернии число умерших и бежавших достигало 38 процентов от ревизского числа душ; недоимки по подушной подати с 1735 года стали быстро расти. Последствия голода в наиболее пострадавших территориях ощущались до самого конца царствования Анны Иоанновны.

В 1733 году для охраны порядка в Новгороде, Киеве, Воронеже, Астрахани, Архангельске, Смоленске, Белгороде, Казани, Нижнем Новгороде, Пскове, Вологде, Калуге, Твери, Переяславле-Рязанском, Костроме, Ярославле, Симбирске, Орле были учреждены особые «полиции». Капитанов или поручиков местных гарнизонов назначали полицмейстерами, для караулов и содержания съезжих дворов им придавался унтер-офицер и 5–10 рядовых и канцеляристов; жалование им выплачивалось из гарнизонных сумм и «сборных денег, которые будут во взятых в тех полициях», то есть за счёт населения.

Брать штрафы полиция научилась быстро, а вот обеспечивать порядок — нет. Подходящих кадров для этого не было. В 1736 году Кабинет отметил, что в полицию приходится зачислять строевых солдат и офицеров, что в условиях начавшейся войны увеличивало некомплект в полках. Министры размышляли, не разумнее ли будет переложить эту обязанность на горожан. На практике так оно и было: обыватели сами по разнарядке выходили охранять свои дома от воров и грабителей.

Охрана «благочиния» была тем более актуальна, что начался наплыв в города нищих, подёнщиков, дворовых, слуг. Однако власти часто были бессильны перед шайками беглых крестьян или дезертиров. На Пасху 1735 года одна такая «разбойническая компания» из шести десятков человек разгромила купеческую пристань на реке Выше, захватив на таможне две тысячи рублей. Поделив «дуван», разбойники пошли на лодках вниз по реке — в селе Благовещенском «жгли» приказчика, в селе Конобееве перебили всех «вотчинных начальников» и разграбили или уничтожили барское имущество. В богатом селе Сасове шайка грабила уже всех подряд: «побито до смерти крестьян мужеска полу 10, женска 1, раненых и жжёных огнём 13 человек»; в кабаке молодцы взяли казённые деньги «тысяч с пять и больше».

Близ Сасова с разбойниками вступили в перестрелку шацкие гарнизонные солдаты, но некоторых сразу «подстрилили», другие «от того разбойнического страху» поспешно отступили. Лихие молодцы плыли не скрываясь, с песнями, при высадке заставляли местных попов служить у лодок молебны, «...имеютца вниз по реке Оке города Мурома в селе Карачарове. И в том селе розбили Павла Самарина, а ис того села куды оные разбойники поехали, о том неизвестны», — только и могли сообщить местные власти^{613}.

Другая шайка в это время гуляла под Калугой, где разгромила усадьбу помещика Домогацкого в селе Звегино. Три десятка человек «с огненным ружьём и рогатинами, с дубьём и ножами оный его дом разбили и пограбили», дворовых «били и мучили смертно» и, оставив связанными, «побрали разные его пожитки и деньги, подрали и пожгли выписи из писцовых и переписных книг и на его земельные дачи выписи и купчие на людей и на крестьян и все зделанные им записи, а также прочие письма». Один из лихих людей, беглый рекрут Ларион Телебиков, будучи пойман, рассказал: «...перед тем как выехать на разбой, был у нас спор. Беглые крестьяне Домогацкого Иван и Алексей Дмитриевы и есаул Осип Иванов кричали, что надо де Домогацкого изрезать в пирожные части, а я, Ларион, и другие мои товарищи не соглашались с ними; говорили им, не за что де резать его, надо только пожитки побрать». В муромских лесах били и грабили даже проезжих офицеров; в Алатыре, столице целой провинции, воевода «в имеющейся в ней (провинциальной канцелярии. — *И.К.*) денежной казне имеет от воровских людей немалое опасение» — охраняли её безоружные солдаты-инвалиды.

Отряд подполковника Реткина, в 1730 году посланный Сенатом в Нижегородскую губернию, восемь лет ловил волжских разбойников. В Московской губернии действовали команды секунд-майора Луцевина, в Казанской и Воронежской — гвардии поручика Зиновьева. В 1732 году по распоряжению начальника Тайной канцелярии Ушакова были созданы «непрестанные разъезды», обязанные «искоренять» ватаги беглых крестьян^{614}.

Но помогало это слабо. В 1735 году нападения вооружённых крестьянских «партий» в 30–40 человек были совершены на вотчины в Нижегородском, Арзамасском, Муромском, Симбирском и Балахнинском уездах. В 1739-м каширские

помещики С.А. Лихорев и А.А. Мещерский рассказывали о приходе к ним ночью тридцати человек: «...забрали разбоем всяких пожитков... на земли выписи и на людей, на крестьян крепости и отпускные, платёжные описи и паспорта... а князя Мещерского... топтали, мучили и били смертным боем»^{615}.

Впрочем, на большую дорогу выходили и дворяне. Одни совершали лихие наезды на имения соседей, как каптенармус Лабоденский в июле 1740 года на усадьбу отставного прапорщика Ергольского. «24-го того же июля Лабоденский с людьми и со крестьянами своими умышленно скопом приступали ко двору его в селе Которце с огненным ружьём, с дубьём и с кольем, и сам он, Лабоденский, по нём, и по жене, и по дочери из пистолета стрелял многократно, а крестьянин его Ермолай Васильев из фузеи палил. От стреляния его дочь его, Ергольского, девица Мария, со страху едва жива осталась», — жаловался пострадавший, которого местный воевода, приятель обидчика, засадил в тюрьму. Ещё один каптенармус, Пётр Коротнев, в 1736 году в «меленколии» повинился прямо на караульном посту в Тайной канцелярии в том, что три года назад подговорил своих мужиков «подвести» разбойников на брата, отказавшегося делить имение, «дабы те розбойники того ево брата Семёна убили до смерти». В июле 1734 года шайка из пятнадцати человек во главе с бурлаком-атаманом Терентием Плющевым налетела на барский дом и разграбила пожитки, а самого Семёна Коротнева закололи рогатинами.

Другие грабили уже всех подряд. «В 1739 году пойман был разбойник князь Лихутьев и в Москве на площади казнён; голова его была поставлена на кол. Сие для меня первое было ужасное зрелище», — вспоминал события своей молодости майор Данилов. «Шалили» даже духовные пастыри — в Ки-нешемском уезде в вотчине поручика Бестужева-Рюмина крестьяне «миром» повязали местных батюшку и дьячка, которые после обедни, разругавшись, стали в присутствии прихожан обвинять друг друга в разбое.

Правительство для борьбы с этим злом даже разрешило в 1732 году, «когда купечеству или шляхетству потребно для опасения от воровских людей, на казённых заводах продавать по вольным ценам» пушки. Однако власти не могли подавить разбои даже в столичных губерниях; Сенат в 1735 году распорядился, «дабы вора́м пристанища не было», вырубить лес по обеим сторонам дороги от Петербурга до Соснинской

пристани и расчистить леса по Новгородской дороге «для искоренения воровских пристанищ».

Горожан, как и при Петре I, заставляли нести всевозможные службы: заседать в ратуше, собирать кабацкие и таможенные деньги, работать «счётчиками» при воеводах. При Анне Иоанновне всем живущим в городах, но не записанным в посад «боярским людям», монастырским слугам и крестьянам было приказано распродать в полгода всё недвижимое имущество под угрозой отписать его на императорское имя. Но в это же время петровские новшества медленно, но верно проникали в повседневную жизнь не только столиц, но и провинциальных городков, органично сочетаясь с устоявшимся российским бытом. В начале XIX века старожил уездного города Ельца вспоминал:

«Елец около 1730 года очень мал, так что ныне столб на Московской дороге у дома Деева был край или основание угла, от коего шла стена к реке Ельцу и на восток к собору; очень скудно был населён...

В старину, когда бывал какой-нибудь торжественный день, тогда десятские ходили по приказанию начальства в дома жителей Ельца и собирали народ в церковь для слушания обедни... Лет сто тому назад или более, то есть 1700 или 1730 гг., в городе Ельце ходили старики в камзолах, длиною они были до колен, из пёстрого атласа или из другой какой-нибудь материи, назади с фалдами, а наперед с карманами и на боку с мелкими шёлковыми пуговками от плеча и до пояса; также ещё носили поддёвки с фалдами и подпоясывались. В то время шапки были большие с ушками, одним клином назад, а другим наперёд, которые назывались «карабличками»... Соболи и куницы покупались по 3 рубля за штуку, женщины ходили в юбках, без шейных платков, в кисейных сорочках, в жемчужных кокошниках и сборниках; в зимнее время они носили фуфайки, сарафаны и обыкновенные шубы...

В то время, когда город Елец весь выгорел, в нём было около 30 церквей, в городе было обыкновение выходить каждый день на улицу и спать на скамье. После пожара начал упадать и находился сколько-то времени без населения... Вокруг Ельца за 150 лет назад

был непроходимый лес и водились в нём олени, дикие козы, волки, лисицы и прочие»^{616}.

Государыня была по-старомосковски благочестива. Она весьма почитала своего престарелого духовника, архимандрита Троице-Сергиева монастыря Варлаама (тот начинал службу в 1669 году молодым священником при дворе её деда-царя Алексея Михайловича), жаловала ему «мызы», парчовые ризы, митру с рубинами и панагию с бриллиантами, украсила его епитрахиль, набедренники и палицу собственноручной вышивкой. Письма императрицы «батюшке» дышат неподдельной заботой о его здоровье и покое^{617}.

Тем не менее царствование Анны стало новым этапом в ужесточении контроля над духовенством и подготовке секуляризации церковных вотчин. В 1738 году по причине накопившихся недоимок в 40 тысяч рублей управлявшая церковными и монастырскими вотчинами Коллегия экономии была из ведения Синода передана в подчинение Сенату. Государыня, подобно грозному дяде, не обращая внимания на синодские представления, назначала архиереев: «...определить псковского Рафаила в Киев, переяславского Варлаама во Псков, суздальского Иоакима в Ростов, Илариона, архимандрита астраханского, посвятить в архиереи в Астрахань».

В июне 1730 года государыня отправила из Измайлова указ воронежскому вице-губернатору Е.И. Пашкову: «...Слышно нам стало, что воронежский архиерей, получив чрез тебя ведомость о Богом данной нам императорской власти и указ о возношении имени нашего с титулом в церковных молениях, не скоро похотел публичного о нашем здравии отправлять молебна и будто ещё некое подозрительное слово сказал. Какое слово было, и ты о том доносил ли куда надлежит?» За опоздание в отправлении «соборного о вступлении на престол её императорского величества молебствия» воронежский епископ Лев лишился архиерейского и монашеского чина и был по указу Анны Иоанновны заточён «неисходно» в келье Кийского Крестного монастыря, а три члена Синода уволены по подозрению в его покровительстве. Дела о неотправлении молебнов и поминовений возникали в массовом порядке; виновных ждали не только плети и ссылка, но во многих случаях и лишение сана. Тех же, кто по каким-то причинам не присягнул новой императрице,

рассматривали как изменников, и следствие по таким делам передавалось в Тайную канцелярию.

Жалованная грамота Анны Иоанновны Архангельскому собору Московского Кремля. 5 февраля 1737 г. РГАДА

Третьего сентября 1736 года Синод выслушал полученную из Сената меморию: «Синодальных и архиерейских дворян и монастырских слуг и детей боярских и их детей, также

протопопских, поповских, диаконских и прочего церковного причта детей и церковников, не положенных в подушный оклад, есть число не малое; того ради взять в службу годных 7000 человек, а сколько оных ныне где налицо есть, переписать вновь, и за тем взятием, что где остаётся годных в службу ж и где им всем впредь быть, о том определение учинить, дабы они с прочими в поборах были на ряду. Вышеописанных же чинов некоторых губерний у присяги не было более 5000 человек, из которых взять в службу годных всех, сколько по разбору явится».

Так начались и (продолжались несколько лет) «разборы» церковнослужителей и их родственников, которых власти немедленно отправляли в армию, чтобы восполнить огромные потери. Синод тогда отчитывался: в Тверской епархии «взято в службу 506 человек, в Казанской 464, в Нижегородской — 1233». Даже безропотные губернские власти доносили, что если взять дьячков и пономарей, то «в службе церковной учинится остановка»^{618}. Вскоре последовало распоряжение выявлять незаконно принявших монашество: «Прилежно везде испытать, кроме тех чинов людей, каковых указами блаженные памяти их императорских величеств велено, не постригали ли где в монахи и в монахини без указа». Поскольку монашество разрешено было принимать только вдовым священникам и диаконам, а также отставным солдатам, некоторые монастыри остались без насельников.

Государыня была возмущена, узнав, что её подданные, «угождая лености своей», не причащаются, а некоторые от слабого надзора впадают в раскол, и в феврале 1737 года потребовала от Синода привлечь на исповедь во время Великого поста всех православных от семи лет и «до самых престарелых». Батюшки обязаны были докладывать о неисповедавшихся, а также об упорно придерживавшихся двоеперстия. Сенат же для первых сочинил форму исповедной росписи, а вторым грозил штрафом от «светских командиров»^{619}. В 1736 году русские войска уничтожили Ветку — поселение русских старообрядцев на территории Речи Посполитой; уцелевшие жители — в основном беглые крестьяне — были вывезены в Россию. Разорению подвергся главный Покровский монастырь Ветки, а мощи его основателей иеромонахов Иоасафа и Феодосия по именному указу Анны были «непублично созжены, и пепел в реку брошен»^{620}.

Именной указ государыни от 11 сентября 1740 года открыл кампанию по христианизации «иноверцев магометанского закона» и язычников в Казанской, Астраханской, Сибирской, Нижегородской и Воронежской губерниях. Новокрещенской конторе под началом архимандрита Дмитрия Сеченова предписывалось обращать в православие «со всяким смирением, тихостию и кротостию» и использовать материальное стимулирование: новокрещёным полагалось выдавать «по кресту медному, что на персях носят... да по одной рубахе с порты и по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы, обувь чирюхи с чулками» и от полтины до полутора рублей.^{621}

От прочих попов синодальное начальство требовало вразумлять прихожан проповедями (это в первую очередь касалось столиц, поскольку было件件но, что добиваться таких усилий от провинциальных батюшек — дело безнадёжное) и порицало за самочинное объявление чудотворными «костей» подвижников, не признанных Церковью святыми, и службы в их честь. За не слишком большую провинность — венчание на Сырной (Масляной) неделе перед Великим постом — священник был выпорот плетью, а новобрачные посажены в тюрьму на год. Но те же архиереи штрафовали братию за недостаточное рвение в устройстве «латинских» школ и дозволяли строительство армянских храмов в Москве и Петербурге, а «лютерских капелл» — на Украине для служивших в армии иноземцев.^{622}

Зато «сворачивание» в иную веру наказывалось средневековому. Трагически завершилось дело отставного капитан-лейтенанта флота Александра Возницына. Его жена подала на супруга донос в московскую канцелярию Синода: «Оставя святую православную веру, имеет веру жидовскую и субботствует, и никаких праздников не почитает... молитву имеет по жидовскому закону, оборотясь к стене... а дружбу он имел с жидом Борох Лейбовым». По решению императрицы дело рассматривалось не в Синоде, а в Тайной канцелярии; купца-откупщика Лейбова допрашивали без пыток, а Возницына подвергли истязаниям. Но затем Анна лично предписала дело «отослать в гражданский суд, где с ними поступать по правам и указом», а 3 июля утвердила смертный приговор: «Понеже оные, Возницын в принятии жидовской веры, а жид Борох Лейбов в превращении его через приметные свои увещания в жидовство, сами повинились, и для того больше ими не разыскивать ни в чём, дабы далее сие богопротивное дело не продолжалось и

такие богохульник Возницын и превратитель в жидовство жид Борух других прельщать не дерзали, того ради за такие их богопротивные вины... обоих казнить смертию, сжечь»^{623}. Приговор был приведён в исполнение 15 июля 1738 года.

Тяготы и гонения вполне могли расцениваться как происки исконно враждебных православию «немцев». «Уже пять или шесть лет, как слышатся жалобы, во-первых, на слепую снисходительность императрицы к герцогу Курляндскому, во-вторых, на гордый и невыносимый характер последнего, который, как говорят, обращается с вельможами, как с последними негодяями; в-третьих, на его фаворита, еврея Липмана, придворного банкира, подрывающего торговлю; в-четвёртых, на вымогательство огромных сумм, частью истраченных на женщин, а частью на выкуп поместий герцога и на постройку ему великолепных замков; в-пятых, на сдачу трёх четвертей молодых людей в солдаты, которых убивают, как на бойне, вследствие чего поместья дворян обезлюдены и они не в состоянии уплатить общественных податей», — писал в 1740 году офицер-иностранец на русской службе^{624}.

Незнаменитые победы

Бироновщина успешно продолжила традицию имперской внешней политики. По мнению исследователей, с начала 1730-х годов можно говорить о новой доктрине, на полвека определившей внешнеполитический курс. Главным её содержанием стала смена основного направления: отказ от дальнейшей экспансии на Балтике во имя активного утверждения российского влияния в соседней Польше и наступательных действий против Турции и Крыма.

В начале царствования Анны российская дипломатия покончила с проблемой неудачливого родственника — голштинского герцога Карла Фридриха, в 1732 году Россия и Австрия подписали договор с Данией, оккупировавшей часть герцогских владений: последняя соглашалась выплатить герцогу миллион талеров компенсации за утраченные, в случае же отказа союзники больше не имели по отношению к нему никаких обязательств.

Изменилась и ситуация в европейском «концерте». В 1731 году Австрия добилась восстановления союза с Англией. Новая комбинация означала распад враждебного России и Австрии Ганноверского союза, в результате чего международную ситуацию на Западе всё больше стало определять соперничество двух крупнейших колониальных держав — Англии и Франции.

Проверкой для союзников стал кризис, разразившийся в Польше в связи со смертью в феврале 1733 года короля Августа II. При поддержке французских денег и дипломатии королём Польши во второй раз (впервые — по воле шведского монарха Карла XII) был избран Станислав Лещинский. Австрия и Россия, чтобы не допустить укрепления французского влияния в Речи Посполитой и сохранить там анархические шляхетские «свободы», поддержали претензии на польский трон сына Августа II, саксонского курфюрста Фридриха Августа, и заключили с ним союз. Тот, в свою очередь, признал за Анной Иоанновной императорский титул, обещал отказаться от притязаний на Лифляндию и попыток изменить «старый образ правления» в Польше и Курляндии.

В середине августа 1733 года русские войска пересекли границу Речи Посполитой. Под их защитой оппозиционная Лещинскому конфедерация шляхты избрала королём Августа III

(1733–1763). Сторонники Лещинского разгромили посольства России и Саксонии, после чего русская армия генерала П.П. Ласси взяла с боем польскую столицу, захватив королевские регалии. 17 января 1734 года Август III был коронован в Ченстохове. После нескольких месяцев осады Миних вынудил к капитуляции Гданьск, где укрылся со своими сторонниками Лещинский. Неудачливый король Станислав второй раз бежал из Польши, русские корабли обратили в бегство французский флот, двухтысячный французский десант после нескольких схваток капитулировал и был отправлен в Петербург. Большинство польских вельмож перешли на сторону Августа III.

В 1735 году впервые после Северной войны русская армия двинулась на запад — на Рейн, помогать терпевшему неудачи в войне с Францией австрийскому союзнику. В сражении ей побывать так и не пришлось: имперцы и французы сами решили прекратить распрю «за польское наследство», тем более что в Варшаве вопрос о власти был уже решён. Принц Евгений Савойский, которому подчинялись российские вспомогательные войска, отмечал, что в корпусе царила высокая дисциплина. Однако познакомившись в заграничной «командировке» с уровнем жизни на землях Священной Римской империи и обнаружив отсутствие там крепостнических порядков, солдаты (они исправно получали с имперских складов хлеб, мясо, гречневую крупу, дрова, свечи, постели и солому «ради ночного покоя») стали дезертировать в поисках лучшей, чем в отечестве, доли. Ласси из Силезии докладывал Кабинету министров: «Пред вступлением в Шлезию и по вступлении на первых днях бежало из всех полков салдат до 20 человек, ис которых несколько переловлено, и страха ради некоторым имеет быть смертная казнь учинена». Командованию пришлось делать объявления о поимке беглых «со обещанием... привотчикам по шести талеров за человека»^{625}.

Новые горизонты европейской политики и согласованные действия союзников подготовили следующий военный шаг — наступление на Турцию в качестве реванша за Прутский поход. Осенью 1733 года фельдмаршал Миних представил план подготовки к «предбудущей кампании» южного театра боевых действий, указав потребное количество складов провианта, осадного оборудования, транспортных средств. По сообщению английского резидента Рондо, русское правительство принципиально решило вопрос о будущей войне уже в начале

1734 года^{626}. Но она откладывалась — в Польше затянулись военные операции против сторонников Лещинского, к тому же надо было окончательно решить проблему закаспийских территорий и урегулировать отношения с Ираном, выходявшим из внутреннего кризиса. В иранском лагере под Гянджой в мае 1735 года русский посол князь С.Д. Голицын подписал окончательные условия мира: новый властитель Ирана Надир обязался быть постоянным союзником России и бороться с турками, а русская сторона в двухмесячный срок возвращала территорию западного побережья Каспия с Баку и Дербентом, полученную в результате Персидского похода Петра I (1722–1723).

Россия вышла из иранской и польской войн, чтобы немедленно начать турецкую. Уже осенью 1735 года генерал Леонтьев совершил первый, хотя и неудачный, поход во владения крымского хана. Затем началась долгая война, потребовавшая огромного напряжения сил и принесящая столь же огромные потери. Честолюбивый фельдмаршал Миних в письме Бирону рисовал триумфальные перспективы: «1736 г.: Азов будет наш; мы овладеем Доном, Днепром, Перекопом, ногайскими землями между Доном и Днепром вдоль Чёрного моря и, если Богу угодно, даже Крым будет принадлежать нам. 1737 г.: [Россия] полностью подчинит себе Крым, Кубань и закрепит за собой Кабарду. Она станет владычицей Азовского моря и гирл между Крымом и Кубанью. В 1738 её императорское величество без малейшего риска подчинит себе Белгородскую и Буджакскую орды по ту сторону Днепра, Молдавию и Валахию, которые стонут под игом турок. Греки обретут спасение под крыльями российского орла. 1739 год. Знамена и штандарты её императорского величества будут водружены... где? в Константинополе. В первой, древнейшей христианской церкви, в знаменитой церкви Св. Софии в Константинополе она будет коронована как греческая императрица и дарует мир».

В 1736 году русская регулярная армия насчитывала 240 тысяч человек (4,12 процента податного населения мужского пола). За десятилетие аннинского царствования в рекруты забрали 275,5 тысячи человек, около пяти процентов учтённого числа душ, ежегодно — в среднем 0,48 процента, что превышает показатели других царствований XVIII века, за исключением двух Русско-турецких войн при Екатерине II. Таким образом, при Анне Иоанновне рекрутчина являлась наиболее тяжёлой. В аннинское

царствование ежегодная убыль армии составляла более десяти процентов^{627}.

Весной 1736 года армия Миниха двинулась через степи на юг. Прорвав Перекопские укрепления, русские войска вторглись в Крым. У командующего и многих генералов не было опыта ведения далёкой от европейских канонов войны с мобильным противником на огромном пространстве безлюдных и безводных степей. Чтобы противостоять татарским атакам, Миних приказал армии двигаться одним большим каре. Под палящим солнцем по степи полз громадный четырёхугольник, в центре которого находился обоз из тысяч телег с провиантом и амуницией. «Маршировали мы весьма медленно: иногда в обозе что-нибудь изломается или в упряжке хотя малое что повредится, то вся армия должна была остановиться, следовательно, не можно было и 500 шагов перейти, чтобы паки не стоять полчаса и более», — вспоминал один из офицеров. Конница использовалась только для разведывательных целей, изредка — для преследования. Противника не уничтожали, а лишь отбрасывали.

Миних занял и сжёг ханскую столицу Бахчисарай, после чего русские войска вынуждены были повернуть обратно. Татарская конница угоняла лошадей и скот во время стоянок, нападала на фуражиров и обозы. Не хватало фуража и провианта — их приходилось брать с боем. Донимала жажда: «Великой был в воде недостаток, а особливо в последние три дни. Хотя солдатам, в каждый из сих дней, давали по чарке вина и велено им было свинцовую пулю во рту держать, а при ариергарде всегда было по бочке вина для ободрения тех, кои от жару, жажды и бессилия изнемогали; однако ж сии способы были тщетны». Непривычная еда и плохая вода вызывали массовые заболевания. Слава вторжения в прежде недосыгаемые владения хана обернулась огромными потерями: от болезней погибло 30 тысяч солдат и офицеров — более половины личного состава, тогда как боевые потери составили всего две тысячи человек.

Начались разногласия среди генералов. По свидетельству Манштейна, «принц Гессенский... увлѣкши несколько природных русских генералов, также генерала Магнуса Бирона, двоюродного брата обер-камергера и ничтожнейшего ума человека... со всеми этими господами, одинаково недалёкими, часто держал совет. Наконец, когда прибыли в Крым и подошли к Бахчисараю, принц сделал им предложение: если фельдмаршал велит идти далее, то не слушаться этого

приказания, а если он вздумает употреблять власть, то арестовать его и передать начальство ему, принцу, как самому старшему генералу армии». На такой шаг во время военных действий генералы пойти не могли и лишь высказали главнокомандующему свои опасения по поводу стремительного роста числа больных. Однако принц не уговорился — «втихомолку послал курьера с письмом к обер-камергеру. Этот же подлинное письмо обратил к графу Миниху. Можно себе представить, насколько этот случай усилил взаимную вражду обоих генералов, и удивительно ли, что они возненавидели друг друга смертельно».

Другая русская армия под командованием фельдмаршала П.П. Ласси в 1736 году захватила Азов. В следующем году Миних с ходу взял мощную турецкую крепость Очаков в устье Днепра. И опять он сначала слал победные реляции, а затем сообщал: «Армия не нуждается ни в чём, но климат убийственный: помимо 2 тысяч раненых, больных 8 тысяч; они умирают, как мухи, и всё от климата, который что в Венгрии — знойные дни и холодные ночи». В следующем письме Миних сообщил, что его армия покинула Очаков: «Засуха такая, что вода в Буге и Днепре позеленела, стала почти горячей — в течение двух месяцев едва три дождя выпало». А уже в сентябре он известил Бирона, что войска вынуждены вернуться на Украину из-за проливных дождей: «В августе и сентябре мы желали уж не дождя, а прежней пыли». Несмотря на тяжелейшие потери, Миних по-прежнему был уверен, что победа близка, «все зажиточные турки в Константинополе уже отправляют свои лучшие вещи в Азию и считают гибель своего государства неминуемою».^{628}.

Турки согласились на переговоры. В пограничный польский город Немиров императрица направила делегацию во главе с П.П. Шафировым, вторым послом был назначен А.П. Волынский, третьим — бывший резидент в Стамбуле И.И. Неплюев. Вручённая им инструкция предусматривала заключение мира на наивыгодных для России условиях — передачи ей Крыма и всего северного побережья Чёрного моря от Кубани до Днестра. Остерман допускал сохранение Крыма под властью султана, если он согласится выселить оттуда беспокойных татар и поселить на их место «другого закону подданных турецких». В случае дальнейшего «преуспевания наших военных действий» надлежало требовать у турок провести границу по Дунаю, а

Валахию и Молдавию объявить «удельными особливыми княжествами» под протекторатом России.

Но австрийцы после первых успехов в Сербии и Валахии стали терпеть поражения и оставили занятый ими Бухарест. Миних увёл из Очакова победоносную армию, таявшую от болезней. Австрийцы потребовали у Турции Боснию и большую часть Валахии. Начались раздоры среди союзников, чем не преминули воспользоваться турецкие дипломаты. На частной встрече с Волынским реис-эфенди (министр иностранных дел) заявил, что готов заключить мир, не дожидаясь известий из Стамбула, при условии, что Россия обязуется «после удовольствования от Порты по своему желанию отстать от союза с римским цесарем».

Дальнейшие переговоры показали, что готовность турок к миру являлась показной — они не желали отдавать России не только Крым и Тамань, но и Очаков, а австрийцам вообще ничего: «Пока все турки не пропадут и Порта не исчезнет, они ни четверти аршина земли им уступить не хотят». Шафиров и Волынский вынуждены сообщить в Петербург неутешительный вывод: «Из всех поступков турок ничего другого признать не можем, как что они у нас выведать хотят, чтобы мы им нагло открылись, а потом бы ваше величество с римским цесарем поссорить, ибо сначала и им (австрийцам. — *И.К.*) те же попытки чинили чрез молдавского князя Гику. Турки всячески простираются между нами холодность положить, в чём их весь авантаж состоит».

Турки «проволили» время, пока ситуация на фронтах не изменилась для них к лучшему — русские ушли из Крыма, австрийцы потеряли крепость Ниш в Сербии. Император Карл VI в конце августа согласился умерить притязания, но было уже поздно. Теперь реис-эфенди был согласен отдать России только Азов, и то с разрушенными укреплениями. 20 сентября на встрече с турецким переводчиком Волынский отказался от таких условий и пригрозил: «Ежели турки недовольны нашими умеренными требованиями, то мы будем далее войну продолжать. Но ежели пламень расширится, то, может быть, как он уповае на Бога, в будущую кампанию и сверх Очакова что турки потеряют; тогда им труднее и договоры быть могут»^{629}. Угрозы не помогли, Немировский конгресс завершился безрезультатно.

Летом 1738 года 108-тысячная армия Миниха переправилась через Буг и двинулась в направлении турецкой крепости Бендеры. Поскольку в Бессарабии свирепствовала эпидемия, Миних приказал идти через территорию Польши, нарушая таким образом её нейтралитет. В непрерывных боях с наседавшей турецкой и татарской конницей русские войска медленно продвигались вперёд. «А как пришли к реке Днестру, жары были великие и частое утруждение от неприятеля, от чего немалая слабость в армии стала показываться, а паче скот весьма ослабел», — вспоминал капитан гвардии Василий Нащокин.

Артиллерия уже открыла огонь по турецкому лагерю на другом берегу, но генеральное сражение так и не состоялось. Переправляться на крутой берег на виду у всей турецкой армии командующий не решился и приказал отступать. Обратный путь армии был тяжёлым, поскольку «неприятель от неё не отлучался, которым проводникам мы не очень рады были и от непрестанных тревог зело утруждены». Партии фуражиров подвергались нападениям; однажды налетевшие татары перебили и взяли в плен 700 человек, за что Миних разжаловал командира дивизии генерала Загряжского в драгуны, а командира разгромленного отряда приказал расстрелять. Гибель скота заставляла уничтожать «амуничные вещи» и прочее снаряжение, ядра закапывали в землю. Порой приходилось всей армии стоять в «безводных местах», отправив за водой внушительные силы в 10–12 тысяч человек. В армии, ослабленной длинными переходами, плохим питанием и жарой, начались болезни. Отступление к своим границам было, по выражению одного офицера, «подобно ретирade побитой армии». В довершение неудач этого года в завоёванном Очакове началась чума. Миних приказал взорвать крепость, а гарнизон отвести к днепровским порогам. Таким образом, кампания не только не стала победной, но и привела к потере опорных пунктов; в руках русских остался лишь Азов.

Неудачный ход войны заставлял Бирона нервничать. Фавориту вообще мешал темперамент. Как писал Манштейн, «он очень старался приобрести талант притворства, но никогда не мог дойти до той степени совершенства, в какой им обладал граф Остерман, мастер этого дела». Летом 1736 года Бирон был уверен в скорой победе над турками без помощи австрийцев и писал Кейзерлингу в Варшаву: «Мы и одни всегда справимся». Но в октябре 1738 года разразился дипломатический скандал. В

беседе с австрийским послом бароном Карлом Генрихом фон Остейном Бирон поинтересовался, отчего союзники теряют свои крепости (австрийцы незадолго до того сдали туркам город Ниш). Посол, обидевшись, ответил, что это русские постоянно преувеличивают свои успехи: «...подняли большой шум и убили трёх татар». Тогда Бирон заявил, что австрийцы и татар-то не видели, зато их доблестная армия смогла одолеть «пятерых евреев», после чего покинул комнату, не пожелав принять Остейна у себя на дне рождения и отказавшись вести с ним неофициальные беседы. Посол отомстил фавориту фразой: «Когда граф Бирон говорит о лошадях, он говорит как человек; когда же он говорит о людях или с людьми, он выражается как лошадь». Но поскольку с Бироном ничего сделать было нельзя, австрийскому двору пришлось отозвать Остейна и назначить на его место более деликатного маркиза Ботту д'Адорно.

Стремившаяся выйти из войны австрийская дипломатия пыталась в 1738 году столкнуть Бирона с Остерманом и вести дела с первым, игнорируя второго. Тут уж пришлось вмешаться Анне: в письме императору Карлу VI она заявила, что вице-канцлер пользуется её полным доверием и проводит согласованную с ней политику^{630}. На заключительном этапе войны именно Остерман принял предложение о посредничестве французской дипломатии, в то время как Бирон давал Рондо «честное слово его в том, что, доколе он сохранит какое-либо значение у её величества, никогда русский двор не войдёт ни в какие соглашения с Францией».

Только в 1739 году главнокомандующий наметил впоследствии оправдавший себя маршрут через Молдавию в турецкие владения на Балканах. В сражении у села Ставучаны турецкая конница была отброшена огнём пехоты и артиллерии. Затем двинулись янычары с саблями наголо, но и они были отбиты пушечным и мушкетным огнём. Неудачи подорвали дух турецких войск — они зажгли свой лагерь и в беспорядке отступили. Крепость Хотин была взята без сопротивления: большая часть гарнизона бежала вместе с отступавшей армией. Студент Михаил Ломоносов воспел славу русского оружия в «Оде на победу над турками и татарами и на взятие Хотина»:

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними,
Не смея в бой пуститься вновь,

Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих...

Реки, наполненные кровью, были поэтическим преувеличением — потери турецкой армии не превышали тысячи человек, а у русских пало всего 70.

Турки спешно отступили за Дунай. Через несколько дней армия Миниха вошла в Яссы; господарь Молдавии бежал, а его совет решил принять российское подданство. Однако как раз в это время австрийцы были разбиты под стенами Белграда и заключили мир ценой потери территорий, завоеванных в ходе предыдущей войны 1716–1718 годов, за что Карл VI бросил в тюрьму фельдмаршала Валлиса и подписавшего мир графа Нейперга. Но воевать в одиночку Россия не была готова, несмотря на возмущение Миниха, отказавшегося прекратить военные действия до ратификации мирного договора.

В случае неудачной для России летней кампании Швеция собиралась начать против неё войну. Необходимо было сорвать шведско-турецкий военный союз. В июне 1739 года был совершён опрометчивый шаг: по приказанию Миниха был выслежен и убит в Силезии шведский агент капитан Синклер, ехавший под чужой фамилией из Стамбула. Убийство дипломата получило резонанс по всей Европе и стало для шведского правительства дополнительным поводом к войне. Ожидание вторжения с северо-запада явилось одной из основных причин спешного заключения мира с Турцией.

По Белградскому договору 1739 года Россия не получила ни выход к Чёрному морю, ни право держать там свой флот — ей достались только Азов без права строить там укрепления и полоса степного пространства вдоль среднего течения Днепра. Торговля могла осуществляться лишь на турецких кораблях; русским паломникам гарантировалось свободное посещение Иерусалима.

Перемена внешнеполитического курса и переход на новый театр военных действий не могли пройти безболезненно. Иные условия ведения наступательной войны на огромных пространствах, необходимость координации действий на разных фронтах, учёт международной ситуации и состояния противника

— всё это требовало известного опыта, приобретение которого подготавливало почву для будущих побед. Только цена оказалась очень высока: походы 1735–1739 годов унесли жизни не менее 120 тысяч человек — примерно половины штатного состава русской армии, причём не более десятой части пали в боях, остальные погибли от жары, голода и болезней. Слава великих побед досталась следующим поколениям русских солдат и полководцев.

Стоит отметить и ещё одно последствие имперских амбиций: даже «мирная» внешняя политика также обходилась намного дороже — за счёт приёма многочисленных посольств и всевозможных чрезвычайных выплат. При Анне стало традицией делать прибывавшим ко двору «чужестранным министрам» подарки стоимостью от двух до шести тысяч рублей; в её царствование на эти выдачи было потрачено 83 тысячи рублей. Всего же на «чрезвычайные дачи» по Коллегии иностранных дел только за 1730–1734 годы ушла огромная сумма — 787 831 рубль^{631}.

На окраинах империи

После смерти в январе 1734 года старого украинского гетмана Даниила Апостола Анна и её министры, идя по стопам Петра I, решили ускорить интеграцию Украины в Российскую империю. 29 января совещание в Кабинете постановило ввести «правление гетманского уряда» с российским наместником во главе: «Гетману впредь быть не рассуждается, а быть правлению, вместо чина гетманского, в шти персонах состоящему, а именно из трёх великороссийских, из трёх малороссийских, и к тому представляется ныне, хотя на время, пока дело в надлежащий порядок приведено будет, князь Алексей Шаховской...» Императрица завизировала своей обычной резолюцией: «Опробуэца»^{632}.

Однако по сравнению с великим дядей Анна действовала мягче: новый орган работал с участием представителей украинской старшины, решения принимались коллегиально. Правительство не стремилось упразднить автономию и распространить на Украину российские правовые нормы, а, напротив, хотело создать там единый кодекс «малороссийских прав». Под руководством Шаховского была создана комиссия из представителей духовенства, войска и старшины, приступившая к работе в Москве, чтобы её члены не отвлекались на собственные дела и не испытывали давления с мест. По предложению генерального судьи Ивана Борозни в основу свода был положен Литовский статут, закреплявший привилегии «новых» украинских дворян.

Борозня и его единомышленники, докладывая Шаховской, желали восстановления гетманства и даже намеревались закрепить его юридически, но после решительных возражений покаялись и сами стали просить о введении на Украине норм российского законодательства: ссылались на петровский Духовный регламент, чтобы ограничить рост землевладения украинской Церкви, и ратовали за распространение на Украину закона 1736 года об ограничении срока дворянской службы и возможности оставить одного из сыновей вести хозяйство. Но работа затянулась. Только в 1744 году комиссия передала в Сенат проект документа «Права, по которым судится малороссийский народ», но он так и не был введён в действие^{633}.

Параллельно с «польским» и «турецким» направлениями активизировалась политика России на восточных рубежах для выполнения поставленной Петром I задачи: «...киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленной народ, токмо де всем азиатским странам и землям она орда ключ и врата; и той ради причины она орда потребна под российской протекцией быть»^{634}.

В октябре 1731 года в Коллегии иностранных дел батыр Младшего казахского жуза Сеиткул Куйдагулов и бий Среднего жуза Кутлумбет Коштаев объявили, что хан Абулхаир просит о вступлении в российское подданство на таких же условиях, на каких вступали башкиры: служить и платить ясак, а также возвратить всех захваченных в прежние годы российских подданных. Россия же должна была оберегать казахов от «обид» и «разорения» со стороны других находящихся в её подданстве народов, урегулировать их взаимоотношения с башкирами, а также помочь освободить казахских пленных из башкирских кочевий и пограничных русских городов. Предложение Абулхаира было утверждено Кабинетом 14 марта, но ещё 16 февраля Анна подписала «жалованную грамоту»:

«А мы, великая государыня, наше императорское величество, тебя, киргис-кайсацкого Абулхаир-хана, старшину и всё киргис-кайсацкое войско пожаловали, повелели по прошению вашему принять вас в подданство на вышеизображённых требуемых вами пунктах, и потому надлежит вам, хану и всему войску кайсацкому содержать себя всегда в постоянной верности к нашему императорскому величеству и к нашим наследникам. И когда по указу нашего императорского величества будет вам наряд куда на службу нашу с другими подданными российскими с башкирцами и с калмыками, тогда вас с ними вместе во определённые места ходить со всякою охотою; на башкирцев, и на яицких казаков, и на калмык, и на других русских подданных никаких нападений, набегов и обид весьма не чинить и жить с ними мирно и бессорно, такожде купцам, российским подданным, едущим из Астрахани и из других мест с караваном и особ к вам и чрез ваши жилища и кочевья в другие места, никакого препятствия и обид не делать, но наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в проездах их потребное вспоможение чинить»^{635}.

К хану отправился «переводчик ориентальных языков» Коллегии иностранных дел Алексей Иванович Тевкелев (крещёный мурза Кутлумухаммед). В октябре миссия под охраной конвоя из двух десятков военных и сотни башкир прибыла в ставку Абулхаира на реке Иргиз. Приём оказался неласковым: Абулхаир признался, что обратился к императрице без согласия других султанов и старшин и просил не принуждать казахов к присяге. Собравшиеся старшины молча выслушали царскую грамоту, после отбытия посла разделили подарки и решили убить нежеланного гостя. На новом съезде они «с великою яростию и гневом» спрашивали Тевкелева о цели его прибытия. Посол отвечал, что прислан по указу императрицы в ответ на просьбу Абулхаир-хана. Тогда старшины потребовали ответа от Абулхаира: «Для какой причины просил он, хан, подданства российского один без согласия их, киргизских старшин, и приводит их в неволю». Гордый Абулхаир заявил, что хочет не только носить титул «и избрал, яко лутчее есть, иметь подданство великого монарха». Старшины же ответили, что в подданстве быть не желают.

Ситуацию спасли красноречие посла и влиятельный старшина Букенбай-батыр, заявивший о желании подчиниться российской короне. Абулхаир, Букенбай и ещё три десятка старшин присягнули на Коране на верность императрице и были щедро одарены. Но «противные» казахи пытались убить посла — мол «прислан к ним в киргис-кайсачью орду для смотра их земли и воды, леса, что как можно их российским войскам, где способнее воевать и всю орду разорить». Ещё долго пришлось Тевкелеву уговаривать казахских старшин и «батырей»; он пережил немало приключений, включая покушение на его жизнь, пока, наконец, не выполнил свою задачу. Только в конце 1732 года посольство двинулось в обратный путь. В Петербурге Тевкелева считали погибшим либо находящимся в плену и даже послали в Уфу деньги для выкупа. 10 февраля 1734 года прибывший вместе с Тевкелевым сын хана Ирали-султан был принят Анной Иоанновной и вместе со своими людьми вторично присягнул ей. Тевкелев же с полным основанием заявлял: «...не щадя своего живота, единственно желая своему отечеству верную услугу показать, подвергая себя близ двух лет всегда смертельным опасностям, всю орду склонил, таким счастливым успехом и такое время в точное подданство привёл».^{636}.

Следующим шагом стало строительство системы укреплений, которая должна была сомкнуться с Иртышской линией в Сибири и очертить новые российские владения на протяжении трёх тысяч вёрст. Обер-секретарь Сената И.К. Кирилов докладывал в Петербург об основании крепости на степной границе: «...августа 15 с призыванием всемогущего Бога о утверждении, Оренбукская первая крепость о четырёх бастионах купно с цитаделью малою на горе Преображенской земляною работою заложена, и следует работа с поспешностию: в стенах казармы плетневая, кои обмазывают глиною с травою, и выбеляца, а с наружной стороны ров и вал присыпной к стене казармной; августа ж 30 в тое крепости соддацкая команда вошла; 31 дня, поутру, артиллерия со обыкновенного церемониею введена и по флангам, а на горе в цитадели поставлена, и того ж дня после службы Божий и проповеди слова его, на месте, которое по общему с ынженерными и штаба афицерами согласию избрано в самом удобном и ровном месте при Яике реке и устье Орском, с призыванием всемогущаго ж Бога о исполнении вашего императорского величества всякого благого намерения настоящий Оренбурх о девяти бастионах регулярно по ситуации места в самой окуратности одной пушки, горным зелёным и синим камнем, заложен и оставлен без работы до будущего года; а при том закладе были многие башкирцы, обретающиеся в службе вашего императорского величества при экспедиции и приехавшие вновь, да кайсаки меньшей и большой орд, и ташкенские сарты, и уфимские служилые мещеряки, которых каменя во изготовленой ров первого болварка носили и клали, а у первой крепости землю изова копали каждой изготовленными своими лопатками, на которых тамги вырезывали, представляя, дабы впредь об них знаемо, что они при закладе были; после того обретающихся штап и обер-афицеров трактовал, а солдатом и драгуном, и казакам по чарке вина, башкирцам, кайсакам, мещерякам вместо стола быки и вино дано, что за превысочайшую вашего императорского величества к себе милость причитали и торжествовали; и тако начаток учиня, из кайсаков оставил ханского сына Нирыли (Нурали — старший сын хана Младшего жуза Абулхаира. — *И.К.*), а протчих отпустил, и к Обулхаир хану письмо послал, чтоб он нынешнюю осень до будущей весны не приезжал, представя ему поздность времени, а в настоящем деле нужно прежде воров башкирцов искоренить,

а между тем здешнее строение первой крепости исправить...»^{637}.

Кирилов стремился дальше. В начале 1736 года он представил свой план проникновения в Среднюю Азию. Первым шагом должны были стать две пристани на Сырдарье — при её впадении в Аральское море и в урочище Куланлы-Тюбек; к их строительству надлежало привлечь работных из Сибири, которые должны были составить будущее население российских форпостов. Однако из-за вспыхнувшего в Башкирии восстания экспедиции не удалось продвинуться к Аральскому морю, а сменивший Кирилова во главе Оренбургской комиссии В.Н. Татищев посчитал поход к морю преждевременным^{638}. Зато он заложил в двух верстах от Яика «меновый двор» для торговли с казахами и среднеазиатскими купцами и отправил из Оренбурга в Ташкент первый торговый караван с казёнными товарами.

Встреча цивилизаций на границе Европы и Азии отнюдь не укладывалась ни в рамки «покорения» немирных аборигенов, ни в концепцию «добровольного вхождения» в состав России. Процесс был болезненным: установление новых порядков и имперские повинности ломали привычный уклад жизни местного населения и вызывали сопротивление. Русский генерал или чиновник не воспринимали «вольной» службы, а степные батыры не понимали, почему нельзя ограбить чужой караван или угнать баранов у соседей...

Плацдармом для продвижения на восток становились Башкирия, новооснованные Оренбург, Верхнеяицкая, Табынская и другие крепости. Посланцев башкир, недовольных нарушением их прав на землю, Кирилов бросил в тюрьму. Тогда на нескольких йыйынах (съездах) представителей волостей всех четырёх башкирских областей-«дорог» было принято решение о сопротивлении — началось восстание, которое продолжалось, то затухая, то вновь разгораясь, до конца царствования Анны Иоанновны. Его вождями стали мулла Кильмяк Нурушев, батыры Акай Кусюмов и Юсуп Арыков. Кусюмов, возглавивший повстанцев Казанской «дороги», являлся предводителем «бунтовщиков» в третьем поколении — его дед Тулекей был одним из вождей движения 1681-1684 годов, а отец Кусюм Тулекеев возглавлял повстанцев в 1707-1708 годах. Сам Акай не скрывал этого на допросе: «Дед ево и отец, Кусюм Тюлекеев, старинные башкирцы Уфинского уезду. И в прошлых годах дед ево в бунт Сеитовской был согласником, и за то в Уфинском

уезде по Казанской дороге повешен, а отец его Кусюм в бунте был Алдаровском и после того бунту умре в доме своём».

Повстанцы сражались с правительственными командами, срывали доставку продовольствия в Оренбург, нападали на крепости; так, в январе 1736 года Арыков вынудил гарнизон покинуть Верхояицкую крепость (нынешний Верхнеуральск в Челябинской области), после чего сжёг её.

В феврале 1736 года Анна Иоанновна одновременно подписала именной указ начальнику Оренбургской экспедиции и инструкцию по подавлению восстания. Первый документ был рассчитан на будущее — в нём предлагалось переселять в Башкирию выходцев «из Ташкента и из Туркестана» и отставных российских солдат и матросов с выдачей последним земли и ссуд; для процветания «коммерции оренбургской» отправлять караваны в Хиву и Бухару (с тайной разведкой «мест и путей» специально отобранными геодезистами), привлекать в город индийских купцов, а прочим выдавать займы из казённых средств под залог товаров.

Второй документ требовал навести порядок, по имперской традиции предписывая «отделять» от башкир «служилых мещеряков», «тептярей» и «бобылей» (последние состояли преимущественно из представителей финно-угорских народов — марийцев, мордвы, удмуртов), освобождать их от уплаты оброка башкирам-хозяевам и наделять башкирскими землями. Башкирские племенные объединения-«аймаки» облагались «штрафом» по 500 лошадей; застрельщики бунта и «винившиеся» в убийствах повстанцы подлежали казни; остальных ожидала ссылка: годных к службе — в «остзейские» гарнизоны, негодных — на каторгу в Рогервик. Прежние волостные старосты заменялись ежегодно избираемыми старшинами. Русские дворяне и офицеры получили право скупать башкирские земли, туда же предлагалось селить «охотников» из казаков и ссыльных^{639}. В соответствии с ещё одним указом в Башкирию направлялись пять драгунских, пехотный, четыре ландмилицких полка, две тысячи яицких казаков, три тысячи калмыков, столько же мещеряков и служилых татар и пять тысяч казаков и крестьян, набранных В.Н. Татищевым на Урале. Военным предписывалось «всякими мерами разорять» «бунтовщиков», а захваченных женщин и детей раздавать войскам «для поселения в русских городах»^{640}.

В 1736 году восстание полыхало на всей территории Башкирии. В июне башкиры Ногайской «дороги» во главе с Кильмяком Нурушевым атаковали лагерь двухтысячного отряда командующего войсками в Башкирии генерал-лейтенанта А.И. Румянцева; в ночном бою правительственные войска потеряли несколько десятков человек убитыми, многие были ранены, но и нападавшим не удалось отбить пленного батыра Акая. Отряды полковника Алексея Тевкелева и других командиров жгли башкирские деревни, истребляли жителей и раздавали «пленных» офицерам и чиновникам. В то же время строились новые города и заводы, укреплялись торговые связи между башкирами и русскими, с 1738 года через Оренбург началась торговля с казахами и ханствами Средней Азии.

Татищев вызвал хана Абулхаира в Оренбург, куда в августе 1738 года для принятия присяги съехались представители казахов. Степной правитель был принят с «довольным великолепством»: музыкой, салютом, почётным караулом из двадцати четырёх гренадеров перед шатром с портретом Анны Иоанновны. Увидя портрет, хан расчувствовался: «Человек живёт в свете и детьми память по себе оставляет, но сия память и скоту равна есть; а честь, приобретённая человеку, вовеки не умирает, и я тем ныне наиболее должен радоваться, что моё имя в таком великом и славном государстве есть известно...» В день принятия присяги Абулхаир и прибывшие с ним султаны и старшины прошли сквозь ряды выстроенных полков и целовали изготовленный по заказу Татищева «золотой» Коран. Присягу приняли около 150 представителей казахской верхушки, в том числе значительная часть правителей Среднего жуза. Торжество завершилось богатым обедом и салютом в честь императрицы и её новых подданных.

Татищев стал подготавливать принятие в российское подданство Старшего жуза — провёл переговоры с его ханом Юл-барсом (Жолбарысом) и влиятельными султанами Аблаем и Абул-Маметом. Уже были заготовлены подарки общей стоимостью 4674 рубля. Но весной 1739 года Татищев был отзван и отдан под следствие, а хан Юлбарс погиб. В августе 1740 года новый начальник Оренбургской комиссии Василий Алексеевич Урусов провёл вторую «великую присягу»: в верности России поклялись султаны и 120 родовых старшин Среднего жуза, а также 165 ранее не присягавших старшин Младшего жуза.

Правда, помянутые присяги не стоит воспринимать как присоединение территории Казахстана. В лучшем случае можно говорить о весьма ограниченном протекторате, выгоду от которого получили прежде всего казахские правители — они обеспечили себе тыл в войне с джунгарами и даже расширили границы кочевий за счёт зауральских территорий башкир и волжских калмыков. Российские же власти в то время не имели возможности для какой-либо эксплуатации казахских земель^{641}. Башкирский бунт не прекращался, а хан Абулхаир вёл свою игру и внушал башкирам идею перехода под его покровительство, обещая дать им в ханы своего сына. Перед смертью Анна Иоанновна успела получить известие о том, что «главнейший вор и возмутитель» Карасакал, объявивший себя башкирским ханом и укrywшийся в казахских степях, разбит и схвачен казахами, однако новые подданные так и не выдали его русским властям.

Продвижение вглубь Азии ставило новые проблемы. Столкновение могущественной в ту пору Китайской империи с западномонгольским Джунгарским ханством привело к тому, что оба противника стремились привлечь Россию на свою сторону. Китайские послы просили об отправке против джунгар находившихся в русском подданстве калмыков; джунгарский хан Галдан-Церен говорил русскому представителю в своей ставке о желательности военного союза с Россией. У обоих вариантов в России нашлись сторонники. Во всяком случае, основатель Оренбурга И. Кирилов и вице-губернатор Сибири Л. Ланг выступили за вмешательство в конфликт на стороне Джунгарии.

Бывший посол в Китае Савва Владиславич-Рагузинский в 1731 году подал доклад с оценкой ситуации на Дальнем Востоке. Опытный дипломат полагал, что Россия «могла бы в несколько годов... все земли, уступленные при мире Нерчинском, отобрать», но «сие учинить не весьма легко»; к тому же этот шаг привёл бы к прекращению всей «коммерции» с Китаем. Отставной посол считал, что лучше «с Китаем за малой причиной отнюдь войны не начинать, но обходиться по возможности přátельски и содержать мир»^{642}. Империя была амбициозна, но достаточно осторожна в своей национальной и окраинной политике. Рекомендации были услышаны, и российская дипломатия сохранила нейтралитет и мир на русско-китайской границе. В 1730 году напротив пограничной русской Кяхтинской

слободы появился китайский торговый городок Маймачен — нынешний монгольский райцентр Алтанбулаг.

На северо-востоке Азии продолжались грандиозные по размаху работы Великой Северной экспедиции Витуса Беринга. Она объединила несколько экспедиций, выполнивших огромный комплекс исследований территории севера Сибири от устья Печоры и острова Вайгач до Чукотки, Командорских островов и Камчатки. Лейтенант Степан Малыгин летом 1736 года на двух ботах прошёл через пролив Югорский Шар, на следующий год обогнул полуостров Ямал и описал побережье Северного Ледовитого океана от Печоры до Оби.

Лейтенант Дмитрий Овцын первым прошёл морем с Оби на Енисей на построенном в Тобольске боте. Описание побережья к западу от устья Лены выполнял отряд лейтенанта Василия Прончищева и подштурмана Семёна Челюскина. Дубель-шлюпка Прончищева «Якутск» дошла до реки Оленек. После зимовки отряд двинулся на север вдоль побережья Таймыра, пока не попал во льды, «которым и конца видеть не могли». Больной Прончищев приказал возвращаться и умер на судне, не успев достичь берега. Через несколько дней скончалась его жена Татьяна — первая полярная исследовательница.

Летом 1739 года работу, начатую Прончищевым, продолжил Харитон Лаптев. Потеряв раздавленный льдами «Якутск», он со своей командой по суше исследовал берега Таймырского полуострова. Один из отрядов во главе с Семёном Челюскиным вышел к самому северному мысу полуострова. «Сей мыс каменный, прирый, высоты средней, — записал Челюскин в путевом журнале. — ...Здесь поставил маяк — одно бревно, которое вёз с собою».

Брат Харитона, «лейтенант майорского ранга» Дмитрий Лаптев, в 1739 году спустился до океана по Лене, зазимовал на реке Индигирке и двинулся дальше на восток. Обследовав берег до устья Колымы, он дважды безуспешно пытался обогнуть Чукотку — путь преграждали сплошные льды.

Каждый из семи отрядов составил карту своего участка, а потом на их основе была выполнена «генеральная» карта. Имена героических участников экспедиции запечатлены в названиях открытых и описанных ими географических объектов: мыс Прончищева, море Лаптевых, бухта Прончищевой, мыс Хари-тона Лаптева и пролив Дмитрия Лаптева.

Как и раньше, продвижение на восток сопровождалось созданием российской администрации и происходило отнюдь не бесконфликтно. Первопроходцы были людьми отчаянно смелыми, инициативными, решительными, но далеко не сентиментальными и даже жестокими, привыкшими обеспечивать себя за счёт аборигенов и решать возникавшие проблемы с помощью насилия. Они шли в неизведанные места не ради открытий и даже не ради имперского величия, а ради чинов, должностей и, конечно, добычи. За назначения на сколько-нибудь важные должности давали взятки воеводам, а потом компенсировали расходы за счёт поборов с ясачных людей; коренное население должно было также выполнять работы (например, перевозить грузы) и обеспечивать гарнизоны рыбой, дровами, ягодами. Неэквивалентная торговля делала аборигенов должниками, а за неуплату долга у них забирали жён и детей, а то самих превращали в холопов. По словам немецкого учёного-натуралиста Георга Стеллера, на Камчатке ительмены «русского человека называют... “тэтах”, что на их языке означает “давай сюда”».

В ответ время от времени вспыхивали «бунты». В июле 1731 года отряд крещёного ительмена Фёдора Харчина разгромил несколько русских поселений, а затем внезапной атакой захватил Нижнекамчатский острог. Восставшие разграбили «все пожитки казачьи, нарядились в самое их лучшее платье, в том числе иные в женское, а иные в священнические ризы», устроили пиршество, пляски и шаманское камлание, «а Федька Харчин, как новокрещёной, призвав новокрещёна ж умеющего грамоте, приказал ему петь молебн в священном одеянии». Казачьи жёны и дети оказались в плену, причём женщины превращены в наложниц. Узнав об успехе соседей, другие камчадалы тоже стали нападать на русских, отрубать и поднимать на кольях руки ясачных сборщиков.

Разрозненные выступления были быстро подавлены небольшими отрядами казаков и военных, острог отбит, Харчин схвачен, и к осени восстание завершилось. Следствие выяснило, что оно было вызвано действиями камчатской администрации: «...как от воевод, так и от посланных для збору с ясашных людей ясаку камисаров и других зборщиков чинится ея императорского величества ясашным подданным как в платеже излишняго ясаку, так и от взяткам многое раззорение, наипаче ж приметками своими жён и детей отнимают и, развозя, перепродают».

В итоге наказали всех. Вместе с Харчиным и шестью его сподвижниками были повешены комиссар Иван Новгородов, ясачный сборщик Михайло Сапожников и пятидесятник Андрей Штинников; под кнут и плети пошли 63 русских и 44 ительмена. У всех русских на Камчатке были отобраны и отпущены на свободу холопы из аборигенов, было конфисковано в казну незаконно приобретённое имущество, в том числе пушнина^{643}.

Других аборигенов ещё предстояло «замирить» и «объясачить». Во времена Анны Иоанновны самая северо-восточная часть Сибири оставалась ещё «ни под чьей властью». Для её исследования и покорения была создана Анадырская экспедиция капитана Дмитрия Павлуцкого и казачьего головы Афанасия Шестакова. Шестаков, первым отправившийся в поход, жестоко взыскивал ясак с коряков, но в марте 1730 года на реке Егаче столкнулся с «немирными чукчами» и, не приняв во внимание большой численный перевес противника (его маленькому отряду противостояли почти две тысячи воинственных чукчей), был разгромлен и погиб. Чукчи захватили знамя и ружья и с отбитыми стадами корякских оленей ушли в свои кочевья. Тогда уже Павлуцкий с немалыми силами — 215 солдатами, 160 коряками и 60 юкагирами — решил утихомирить «изменников» и «неясашных и неплатёжных коряк». Коряки, засевшие в острожке на реке Парень, идти «в платёж ясаку» отказались, а когда крепостца была взята штурмом, убивали своих жён и детей и бросались в море. Павлуцкий сжег их юрты вместе с отстреливавшимися из луков людьми.

Дальше отряд отправился в «Чюкоцкую землю». Летом 1731 года пришлось выдержать три сражения с чукчами. «И на тех вышеписанных трёх боях волею всемогущего Господа Бога побили их, чюкоч, немалое число и отбили у них ясашных коряк Анадырского острогу полонных баб и робят сорок два человека, и те пленные женска полу отданы оным корякам, а мужеска полу единатцать человек объясачены, и взят с них на 731 год ясак... Да у них же при боях взято в казну ея императорского величества 136 лисиц красных с лапы и с хвосты», — докладывал Павлуцкий в Якутскую воеводскую канцелярию. На этот раз воинский порядок и оружие сделали своё дело: отряд потерял лишь троих служивых и пятерых «союзников» — коряков и юкагиров; ещё восемь человек умерли по дороге. Но, несмотря на победы, капитан Павлуцкий вынужден был признать: чукчей «в склонение и платёж ясака привести и уговорить ни по какой

мере было невозможно»; не помогал и захват заложников — «отцы детей, дети отцов своих отступаютца»^{644}. Начался затяжной конфликт, завершившийся только в 1764 году отступлением российских «командиров» с Чукотки.

Выход к берегам Тихого океана привёл к «открытию» Японии. Занесённые штормом на Камчатку торговец Содзаэмон и сын шкипера Гондзаэмон в 1733 году были привезены в Санкт-Петербург и представлены Анне Иоанновне в Петергофе; государыня искренне удивилась, что её гости уже научились говорить по-русски, и одарила их деньгами и одеждой. По «протекции» канцлера Г.И. Головкина японцы приняли православие — Содза стал Козьмой Шульцем, а Гондза — Демьяном Поморцевым — и были зачислены в штат Академии наук. Гондза составил пособие по изучению японского языка и словарь, который недавно был издан в Японии^{645}.

Первый визит в Японию совершили участники Второй камчатской экспедиции командора Витуса Беринга. Отправившись с Камчатки, корабль лейтенанта Уильяма Вальтона 17 июня 1739 года пристал к японскому острову Хонсю. Русские моряки впервые высадились на японский берег, запаслись водой и познакомились с японским гостеприимством, «...хозяин того дому встретил ево у дверей изрядно со всякой учтивостью и ввёл в свои покои и, посадя, подчивал ево и бывших с ним служителей виноградным вином ис фарфоровой посуды. И поставили им закуску на фарфоровой же посуде — шепталу (сушёные абрикосы с косточками. — *И.К.*) мочёною бутто в патоке и редис резаной. Потом поставили перед ними табак и трубки китайские...» — рассказывал корабельный штурман.

Командир Вальтона, капитан Мартин Шпанберг, на бригантине «Архангел Михаил» подошёл к берегу в другом месте, на высадку не решился и устроил торг прямо на палубе «со всякою дружескою ласкою» — раздавал в качестве сувениров серебряные рубли с портретом Анны Иоанновны. Но «наши толмачи курильские говорить с ними, японцами, не умели». Поднявшемуся на борт чиновнику капитан показал на карте страну, из которой прибыл, а японец жестами попросил гостей удалиться, поскольку действовали указы о запрещении вступать в контакт с европейцами^{646}. После появления большого количества японских кораблей капитан снялся с якоря и взял курс обратно на Камчатку.

В ожидании сукцессора^[11]

Племянница императрицы ещё девочкой оказалась в центре внимания придворных группировок и на перекрестье дипломатических интриг. Манифест от 17 декабря 1731 года не назвал имени наследника и вновь повелел присягать самой государыне «и по ней её величества высоким наследникам, которые по изволению и самодержавной ей от Бога данной императорской власти определены, и впредь определяемы, и к восприятию самодержавного российского престола удостоены будут». Одинокая Анна Иоанновна то ли не желала, чтобы племянница повторила её судьбу, то ли не видела в ней качеств, необходимых для «женского правления». Так или иначе, для продолжения династии нужен был равнородный брак. В том же году Остерман, как уже говорилось, подготовил доклад о потенциальных женихах маленькой мекленбургской принцессы Елизаветы Екатерины Христины, где признал «наиспособнейшими» кандидатами принцев «прусского королевского дому» и «бевернского дому» (немаловажно, чтобы кандидат был угоден и Австрии, и Пруссии)^[647].

На руку невесты с приданым в виде Российской империи сразу объявились претенденты. Одним из них стал пруссак Карл Фридрих Альбрехт Гогенцоллерн, маркграф Бранденбург-Шведтский, brave вояка и будущий генерал Фридриха II; его интересы отстаивал в Петербурге прусский посланник барон Мардефельд. Его саксонский коллега Лефорт выдвигал кандидатуру герцога Иоганна Адольфа Саксен-Вейсенфельсского — любимца польского короля и саксонского курфюрста Августа II. Англичанин Рондо считал, что и его правительству стоит поучаствовать в этом брачном конкурсе и предложить «нашего принца Вильгельма» — десятилетнего Уильяма Августа герцога Камберлендского, сына британского короля Георга II. Фигурировали в списке женихов и братья датской королевы — принцы Фридрих и Вильгельм Эрнст Кульмбах-Байрейтские.

Между тем царской племяннице нужно было дать достойное воспитание; при всём уважении к сестре государыня понимала, что герцогиня Екатерина на такие усилия неспособна, тем более что она то держала строгий пост, то, как отмечали дипломаты,

«сильно предавалась спиртным напиткам». В марте 1731 года у двенадцатилетней девочки появился свой придворный штат во главе с обер-гофмейстером князем Ю.Ю. Трубецким. Из Берлина были выписаны гувернантка (она же гофмейстерина) госпожа Адеркас и две фрейлины. Помимо них, в штате состояли француженки мадам Белман и «мамзель» Блезиндорф; русская «камер-медхина» Варвара Дмитриева и ещё четыре «медхины», мундшенк Андрей Шагин, лакей Карл Вильгельм Клеменс.

Как заметила жена британского резидента, наставница принцессы была дамой опытной и во всех отношениях приятной: «Она чрезвычайно привлекательна, хотя и немолода; её ум, живой от природы, развит чтением. Она повидала столь многие различные дворы, при большинстве которых ей какое-то время доводилось жить, что это побуждало людей всех званий искать её знакомства, а её способности помогли ей развить ум в беседах с интересовавшимися ею людьми. Поэтому она может быть подходящим обществом и для принцессы, и для жены торговца и подобающе поведёт себя с той и с другой. В частном обществе она никогда не оставляет придворной учтивости, а при дворе не утрачивает свободы частной беседы. При разговоре она ведёт себя так, словно старается научиться чему-то у собеседников, хотя я считаю, что отыщется весьма мало таких, кому не следовало бы поучиться у неё»^{648}. Принцесса совету последовала, но в несколько неожиданном направлении.

Седьмого декабря 1732 года императрица дала обед в честь четырнадцатилетия племянницы с участием дипломатического корпуса. Посланники с интересом рассматривали потенциальную наследницу и нашли, что она выглядела старше своих лет. Однако их больше занимали не внешность и другие достоинства юной особы. «Никто не может сообразить, кого же собственно её величество предназначает для своей племянницы», — посетовал под Новый год Клавдий Рондо^{649}.

Дипломаты недолго строили догадки — вскоре выяснилось, что счастливцем стал Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебург-Беве́рнский, второй сын союзника и генерал-фельдмаршала австрийского императора герцога Фердинанда Альбрехта II. Принц въехал в русскую столицу 3 февраля 1733 года, к именинам Анны Иоанновны. Отдохнув с дороги, он предстал перед российской императрицей: «Его светлость обратился к ней с не столь длинным, но зато весьма изысканным приветствием... и поцеловал ей платье и руку»^{650}. В тот же вечер за царским

столом гость встретился с российскими принцессами — четырнадцатилетней невестой и 23-летней красавицей-цесаревной Елизаветой Петровной. В блеске придворного праздника никто не мог предположить, что обе они сыграют в жизни Антона Ульриха роковую роль: одна станет неверной и нелюбящей женой, вторая навсегда превратит его в бесправного узника.

Антон Ульрих и брауншвейгский посланник Кништедт были счастливы. Ещё бы — Бирон, обычно никому визитов не наносивший, явился к принцу и пробыл у него около часа, сама российская императрица изволила милостиво хлопнуть принца по плечу, а вице-канцлер Остерман проводил его до дверей кареты. Антон Ульрих быстро освоился в российской столице. Обычно он начинал день в манеже, поскольку верховая езда и лошади были в особом почёте при Анне и Бироне. Потом надо было учиться русскому языку «у господина Тредиаковского» и военным наукам. Как у принца получалось говорить по-русски, неизвестно, но писать своё имя кириллицей он точно умел.

В апреле 1733 года принц поступил на русскую службу с чином полковника и несоразмерно огромным жалованьем в 12 тысяч рублей. В июне Анна Иоанновна назначила его «в новосочиняемой кирасирский полк», получивший название Бевернский кирасирский. Правда, сам полк ещё формировался вдали от столицы; чтобы утешить принца, фельдмаршал Миних пригласил его на смотр другого кирасирского полка; впечатлённый Антон Ульрих объявил, что «не видел ничего прекраснее этого полка». Что для настоящего воина может быть краше блестящих кирасиров на параде? А вот невеста, судя по письмам принца и брауншвейгских дипломатов, впечатления на них не произвела.

Двенадцатого мая 1733 года царская племянница перешла в православие и стала Анной Леопольдовной (хотя правильнее было бы называть её Анной Карловной). Она исполняла предписанную роль — танцевала с Антоном Ульрихом, играла с ним в карты, гуляла в саду. Внимательные дипломаты заметили, что она переболела корью. Тяжело хворала и её мать, неугомонная герцогиня Екатерина. Она уже не вставала с постели, но приглашала к себе жениха дочери, «позволяла принцу целовать себе не только руку, но и губы», просила Анну разговаривать с юношей только по-русски и обещала, что сама возьмётся его учить. Чему она научила бы брауншвейгского

молодца, большой вопрос, однако её дни были сочтены: 24 июня 1733 года Екатерина Ивановна скончалась. Её похоронили рядом с матерью, царицей Прасковьей, в Александро-Невском монастыре.

Узнав о смерти матери, Анна лишилась чувств; рядом с юной девушкой не осталось ни одного близкого человека, кроме властной и грубоватой тётки-императрицы. Казалось бы, её судьба — история Золушки. Бедная девочка, перебравшаяся с матерью из постылого Мекленбурга на задворки московского Измайлова, теперь жила во дворце, став почти сказочной принцессой с приданным в виде Российской империи и женихами из нескольких владетельных домов Европы. Французский посол Шетарди в 1739 году сообщал: при определении порядка его визитов к принцессам Остерман заявил, что официальное положение Анны Леопольдовны и цесаревны Елизаветы Петровны одинаково, однако «принцесса Анна настолько дорога для царицы, что всё относящееся к ней затрагивает непосредственным образом её царское величество, которая смотрит на эту принцессу, как на свою дочь».

Но у чудесного превращения Золушки в принцессу была и обратная сторона. Десятки и сотни глаз пристально следили за ней, обсуждались — и далеко не всегда с симпатией — каждый её шаг, слово, поступок, выражение лица, жест, платье. Например: «Принцесса Анна, на которую смотрят как на предполагаемую наследницу, находится сейчас в том возрасте, с которым можно связывать ожидания, особенно учитывая полученное ею превосходное воспитание. Но она не обладает ни красотой, ни грацией, а ум её ещё не проявил никаких блестящих качеств. Она очень серьёзна, немногословна и никогда не смеётся; мне это представляется весьма неестественным в такой молодой девушке, и я думаю, за её серьёзностью скорее кроется глупость, нежели рассудительность»; а ведь писавшая эти строки в 1735 году леди Рондо была вполне благожелательным наблюдателем.

Тем временем жених оказался не слишком завидным. Потомок древнего рода Вельфов, племянник супруги императора Священной Римской империи Карла VI и, соответственно, двоюродный брат наследницы австрийского престола Марии Терезии, шурина будущего прусского короля Фридриха II, щуплый и застенчивый Антон Ульрих в 18 лет выглядел четырнадцатипятилетним подростком и совсем не походил на красавца-

принца на белом коне. Саксонский посланник Лефорт в мае 1733 года доложил: «...уверяют, что принц беве́рнский не нравится принцессе». Английский посол лорд Джордж Форбс в сентябре высказался ещё более определённо: «Брака не будет»; мало того что принц не нравился невесте — у него были враги при дворе, и уже распространился слух, что он страдает «падучей» (эпилепсией)-{651}.

Намеченная на лето помолвка так и не состоялась. Впрочем, обошлось без скандала. Антон Ульрих являлся почётным гостем российского двора, а поскольку он формально прибыл для вступления «в службу её императорского величества», то и остался состоять шефом своего полка, расположенного на Украине, — до лучших времён, но без потери лица.

Судя по дальнейшим отношениям, вряд ли первое впечатление, произведённое на Анну-младшую принцем, которого ей предназначили в мужа, было благоприятным. Может быть, и у её тётки-императрицы дрогнуло сердце и она вспомнила свою, произошедшую почти четверть века назад, несчастливую свадьбу с таким же юным и слабым немецким принцем из Курляндии. Едва ли Анна-старшая мечтала о такой доле для племянницы. Вопрос о браке даже исчез на некоторое время из посольских реляций. Но Анна понимала, что теперь она, повелительница империи, должна руководствоваться не сантиментами, а государственными интересами. Государыня не отменила своего выбора — она решила подождать, пока молодые привыкнут друг к другу, а инфантильный принц несколько повзрослеет и продемонстрирует мужскую привлекательность.

Получилось, правда, наоборот. Антон Ульрих вёл себя примерно: учил русский язык и читал «нравоучительные книги». А юная Анна неожиданно обнаружила «темперамент», обратив неподобающее внимание на саксонского посланника графа Морица Линара. Выяснилось, что Анна Леопольдовна проводила некоторое время наедине с Линаром, а мадам Адеркас не только не препятствовала их свиданиям, но и поощряла увлечение воспитанницы, которая теперь уже стремилась избегать Антона Ульриха и давала понять, что он ей не очень приятен.

Пришлось срочно принимать меры. Под конвоем вежливых офицеров гвардии проштрафившаяся воспитательница была отправлена в Кронштадт и в тот же день выдворена на почтовом корабле в Любек, получив в качестве компенсации за потерю места при дворе 2900 рублей-{652}. Доверенный камер-юнкер

принцессы Иван Брылкин поехал в противоположную сторону — в казанский гарнизон. Проблема была в том, что проказника-графа не то что в Сибирь, но и обратно в Саксонию просто так выслать было невозможно — он являлся официальным представителем иностранного и к тому же дружественного государства. Кажется, их с принцессой роман был платоническим, но и возникших слухов было довольно, чтобы разрушить матримониальные планы императрицы. В раздражении Анна Иоанновна писала Ушакову: «А знаете вы причину бывшей гофмейстерины Адеркас с Ленартом (Линаром. — *И.К.*), а мы известны, что та корреспонденция продолжалась через Ленарта, и в ту пору надлежало бы, что[б] он был взят оттудова, а для важных резонов, о чём вы сами знаете, отложено было. А ныне, кажется, лутшего способа нет, что указ послать к Кейзерлингу, чтоб он старался добрым и тайным образом, чтоб он больше не был прислан». Дело надо было уладить таким образом, чтобы не повредить отношениям с Августом III, то есть удалить Линара, не выказывая ему неудовольствия: «...нам очень было [бы] приятно, ежели король ему какую милость явно покажет»^{653}.

Линар отправился в Дрезден. Сам Бирон просил саксонский двор не присылать более в Россию соблазнителя. «Принцесса была молода, а граф — красавец», — прокомментировал эту придворную драму Рондо, внимательно наблюдавший за положением наследницы русского престола. Понятно, что 33-летний блестящий дипломат-придворный в глазах юной девушки выглядел куда привлекательнее, чем замухрышка-принц. Увлечение было, по-видимому, искренним и сильным — судя по тому, что роман с Линаром имел продолжение после смерти тётки-императрицы; но при её жизни подобных приключений больше не было — за принцессой пристально следили. Это едва ли пошло ей на пользу. Неизвестный автор примечаний на записки Манштейна писал: «Принудительная жизнь, которую Анна Карловна вела с самых нежных лет, тщательный надзор за всеми поступками её и позволение видаться только с некоторыми известными особами сделали её задумчивой и поселили в ней такую склонность к уединению, что по вступлении в правление государством тягостно было для неё принимать к себе разных [лиц] и являться в больших собраниях двора»^{654}.

Тем не менее скандал удалось предотвратить, и дворцовая жизнь потекла по-прежнему: официальные выходы, праздники, балы, охоты, сезонные переезды из Зимнего в Летний дворец, а в июле — августе — в Петергоф. Решено было приохочивать Анну-младшую к любимой Бироном и императрицей верховой езде — в 1739 году для неё выстроили манеж в «зимнем доме», на который было отпущено 1200 рублей.^{655} День рождения принцессы (7 декабря) и её тезоименитство (9 декабря) при дворе праздновали, по словам Рондо, «чрезвычайно торжественно» — с поздравлениями от придворных и дипломатического корпуса, балом и ужином. Однако чем дальше, тем острее вставала перед императрицей роковая для российского престола в XVIII веке проблема престолонаследия.

На Русско-турецкой войне Антон Ульрих показал себя достойно, храбро действовал при взятии Очакова — и заслужил поцелуй в щёку от императрицы, уважительный визит Бирона и непонятную «переменчивость» невесты, то безучастной, то весёлой. «Такого рода перемены продолжаются всё время, так что ничего понять нельзя».^{656} — гадали брауншвейгцы. «Главное дело» не двигалось с места, и принц со свитой вновь отправился покорять южнорусские степи.

Матримониальные планы русского двора приобрели международную значимость. В августе 1738 года британское министерство располагало сведениями, что герцог Курляндский намерен выдать принцессу за своего старшего сына Петра, а дочь за принца Антона «с отступным» в виде звания российского фельдмаршала. Поскольку герцог в своё время помог англичанам заключить выгодный торговый договор с Россией, британское правительство такой «марьяж» одобряло; сообщить об этом фавориту было поручено британскому резиденту в России.^{657} Бирон благодарил за оказанное доверие, но заверял, что подобного и в мыслях не держал, чему Рондо несколько не верил...

Принцесса же проявила характер — отказалась выйти за неказистого жениха из Брауншвейга. Возможно, именно это обстоятельство подтолкнуло Бирона к действию. Однако в столь щепетильном деле фаворит оказался неискусным интриганом — он действовал излишне прямолинейно. Саксонский дипломат Пецольд передавал, что Бирон рекламировал мужские достоинства своего сына словами, «которые неловко повторить».^{658} С одной брауншвейгской фамилией герцог

справился бы, но на стороне простоватого принца Антона оказались особы более опытные и ловкие: вице-канцлер Остерман, кабинет-министр Артемий Волинский, австрийский посол маркиз Ботта д'Адорно и даже его собственный приятель Герман Карл Кейзерлинг, по словам брауншвейгского дипломата Гросса, передававший Остерману все сведения о словах и поступках герцога.

На принца работало и время. Чтобы сохранить корону за старшей ветвью династии Романовых, Анна-младшая обязана была обеспечить наследника старевшей императрице. Сыну Бирона же было всего 15 лет, и ждать, пока он возмужает, государыня больше не могла, тем более что рядом с её племянницей находилась в расцвете сил и красоты дочь Петра Великого.

В условиях цейтнота Бирон пошёл ва-банк — или был спровоцирован на опрометчивый шаг. Многознающая леди Рондо рассказывала: «...когда она (принцесса Анна. — *И.К.*) выказала столь сильное презрение к принцу Брауншвейгскому, герцог решил, что в отсутствие принца дело будет истолковано в более благоприятном свете и он сможет наверняка склонить её к другому выбору. В соответствии с этим на прошлой неделе он отправился к ней с визитом и сказал, что приехал сообщить ей от имени её величества, что она должна выйти замуж с правом выбора между принцем Брауншвейгским и принцем Курляндским. Она сказала, что всегда должна повиноваться приказам её величества, но в настоящем случае, призналась она, сделает это неохотно, ибо предпочла бы умереть, чем выйти за любого из них. Однако если уж ей надо вступить в брак, то она выбирает принца Брауншвейгского. Вы догадываетесь, что герцог был оскорблён, а принц и его сторонники возликовали»^{659}.

Леди Рондо относила эти события к июню — но вопрос со свадьбой государственного значения был решён раньше. Во всяком случае, уже 8 марта принц Антон известил брата, герцога Карла, о предстоящей женитьбе. А 14 апреля сам Бирон объявил резиденту Рондо о скором браке Анны Леопольдовны и брауншвейгца.

По указанию императрицы двор наследницы увеличился с двенадцати до восьмидесяти четырёх человек; теперь при Анне Леопольдовне состояли гофмаршал князь Черкасский, по два камергера и камер-юнкера, гоффурьер, два мундшенка,

камердинер, два камер-пажа и четыре пажа, из нижних служителей — два камер-лакея и 12 лакеев, четыре гайдука. У неё появились свои келлермейстер и келлершрейбер, своя кухня с пятнадцатью мундкохами, поварами, поваренными работниками, «конфектурный» мастер с учеником, шесть истопников. Дамский штат принцессы составляли гофмейстерина, четыре фрейлины, французенка-«мамзель», камер-фрау, две камер-юнгферы, кастелянша и шесть прачек. Делопроизводство двора вели секретарь, канцелярист, два подканцеляриста и два копииста^{660}.

Кабинет-министру Волынскому, уламывавшему Анну-младшую на брак с Антоном Ульрихом, она откровенно высказала свои чувства: «Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала», — заметив, что жених «весьма тих и в поступках не смел». Опытный царедворец галантно парировал укоры и разъяснял принцессе всю пользу такой ситуации, когда муж «будет ей в советах и в прочем послушен»^{661}.

Для самого Волынского этот успех стал началом конца, но герцог в «главном деле» проиграл. Принцесса, поставленная перед выбором, согласилась на «тихого», но породистого жениха. Двор готовился к свадьбе. «Всем придворным чинам и особам от первого до пятого класса оповещено, дабы они к означенному торжеству не только богатым платьем, но и приличным по их званию экипажем и ливреей снабжены были», — вспоминал камергер Эрнст Миних.

Начался предсвадебный переполох: выбор ткани и пошивка платья (с непременно разведкой, как обстоит дело с туалетами соперниц), подбор кареты, аксессуаров, драгоценностей, ливрейных лакеев, заказ новых париков, кружев, табакерок. Анна Иоанновна на радостях устроила в июле 1739 года пышные торжества. Посланник императора Карла VI маркиз Антонио Ботта д'Адорно на три дня принял высшее в дипломатической иерархии звание посла, чтобы формально от имени своего государя совершить сватовство. После театрального въезда в столицу (откуда он и не выезжал) маркиз со свитой явился на торжественную аудиенцию и в присутствии всего двора и дипломатического корпуса попросил руки Анны Леопольдовны для принца Брауншвейгского.

На немецкую речь посла императрица по-русски ответила согласием. Далее перед Анной Иоанновной предстал посланник

герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского, который, стоя у подножия трона с непокрытой головой, вручил письмо своего государя. По окончании этой сцены Анна Иоанновна допустила к аудиенции и принца — в приличествующей случаю форме тот «изъяснил о желании своём сочетаться браком с принцессой Анной». «Во всё это время в зале стояла столь глубокая, нарушаемая только речами, тишина, что можно было услышать, как упала булавка. Эта тишина вкупе с богатством одежд её величества, величественностью её особы и знатностью всего общества придавала церемонии особую торжественность и пышность», — отметила леди Рондо^{662}.

Обер-гофмаршал Р. Левенвольде и первый вельможа страны кабинет-министр князь А.М. Черкасский ввели принцессу; стоя против императрицы, она объявила о своём согласии на брак. Далее величественное зрелище превратилось в жалостное. «Принцесса обняла свою тётушку за шею и залилась слезами. Какое-то время её величество крепилась, но потом и сама расплакалась. Так продолжалось несколько минут, пока наконец посол не стал успокаивать императрицу, а обер-гофмаршал — принцессу. Её величество, оправившись от волнения, взяла кольцо у принцессы, а другое у принца и, обменяв их, отдала ей его кольцо, а ему — её. Затем она повязала на руку племянницы портрет принца и поцеловала их обоих, пожелав им счастья. Потом принцесса Елизавета подошла поздравить невесту, как теперь называли принцессу, и, заливаясь слезами, обняла. Но императрица отстранила её, и Елизавета отступила, чтобы другие могли подойти и поцеловать руку невесты, продолжавшей плакать. Принц поддерживал её и действительно выглядел немного глупо среди всего этого потока слёз»^{663}. — таким общим рёвом посреди поздравлений закончился торжественный акт.

Третьего июля в девять утра Антон Ульрих с небольшой свитой без особой пышности первым проехал в церковь Рождества Пресвятой Богородицы (находилась на месте нынешнего Казанского собора). Но следовавшие за ним знатные особы постарались блеснуть роскошью. Предоставим слово леди Рондо: «Их экипажи — и кареты, и ливреи слуг — были великолепны; перед каждой каретой шло по десять лакеев, а у некоторых было ещё по два скорохода и разнообразные ряженные на потеху публике. У одного экипажа, который мне очень понравился, двумя скороходами были негры, одетые в чёрный

бархат, так плотно прилегавший к телам, что они казались обнажёнными, и только, на индейский манер, были надеты перья». Здесь же пришлось присутствовать и Бирону, делая хорошую мину при плохой игре. Во время парадного шествия в церковь герцог выступил «в совершенно великолепной коляске, с двадцатью четырьмя лакеями, восемью скороходами, четырьмя гайдуками и четырьмя пажами — все они шли перед коляской; кроме того, шталмейстер, гофмаршал и два герцогских камергера верхами. У двоих последних было по своему лакею в собственных ливреях».

Далее двигался поезд государыни с племянницей — лакеи, скороходы, пажи, камергеры, высшие чины двора и, наконец, запряжённая восьмёркой лошадей карета Анны Иоанновны: «Императрица и невеста сидели в ней напротив друг друга: императрица — лицом по ходу, невеста — спиной. На невесте было платье из серебристой, вышитой серебром ткани с жёстким лифом. Корсаж весь был усыпан бриллиантами; её собственные волосы были завиты и уложены в четыре косы, также увитые бриллиантами; на голове — маленькая бриллиантовая корона, и множество бриллиантов сверкало в локонах». Следом ехали дамы «в каретах и со слугами, как и их мужья, проследовавшие перед императрицей. Богатство всех этих карет и ливрей было неопишным».

По окончании церемонии раздались пушечная пальба со стен Петропавловской крепости и Адмиралтейской верфи и беглый огонь выстроившихся полков. После венчания процессия двинулась в обратный путь в том же порядке, «с той лишь разницей, что невеста и жених ехали теперь в коляске вместе, а её и его двор, соединившись, следовали за ними сразу после императрицы». Потом были шествие во дворец, череда витиеватых поздравлений, обед, начавшийся только в восемь вечера. В десять часов открылся бал и продолжался до полуночи. Из окон можно было наблюдать праздничную иллюминацию и ликование народа, на радость которому три фонтана били вином.

Анна Иоанновна сама повела невесту в её апартаменты, пожелав, чтобы за ней следовали только герцогиня Курляндская, две русские дамы и жёны иностранных министров, дворы которых были родственны принцу. Удостоившаяся чести участвовать в этой процессии леди Рондо рассказывала: «Когда мы пришли в апартаменты невесты, императрица пожелала, чтобы герцогиня (жена Бирона. — *И.К.*) и я раздели невесту; мы

облачили её в белую атласную ночную сорочку, отделанную тонкими брюссельскими кружевами, и затем нас послали за принцем. Он вошёл с одним лишь герцогом Курляндским, одетый в домашний халат. Как только принц появился, императрица поцеловала обоих новобрачных и, простившись с ними самым нежным образом, отправилась в своей карете в летний дворец и приказала обер-гофмаршалу проводить меня домой, так как всё общество разъехалось, когда она увела невесту. Я добралась до дома около трёх часов утра, едва живая от усталости»^{664}.

На следующий день молодожёны обедали с императрицей в Летнем дворце, после чего переехали в Зимний дворец, куда вновь явились гости — но уже «в новых, не в тех, что накануне, нарядах». Там их ждали ужин и бал, а через день — маскарад. В субботу обед давали уже новобрачные, по старинному обычаю прислуживая за столом, а затем вместе с гостями отправились в оперу. В воскресенье в Летнем саду состоялся ещё один маскарад. Набережная Невы озарялась иллюминацией и фейерверками, в свете разноцветных огней по обеим сторонам от ангела с миртовым венком были видны аллегорические женские фигуры России и Германии под надписью «Бог соединяет их вместе». Леди Рондо по-дамски подвела не слишком утешительный итог великолепной свадьбы: «Все эти рауты были устроены для того, чтобы соединить вместе двух людей, которые, как мне кажется, от всего сердца ненавидят друг друга; по крайней мере, думается, это можно с уверенностью сказать в отношении принцессы: она обнаруживала весьма явно на протяжении всей недели празднеств и продолжает выказывать принцу полное презрение, когда находится не на глазах императрицы».

Академик Якоб Штелин в оде на бракосочетание ясно обозначил цель брачного союза: «Светлейший дом, дай желанный росток!» Однако Анне Иоанновне пришлось поволноваться: принцесса не беременела. Брауншвейгские дипломаты в депешах сообщали, что принц Антон настолько проникся важностью стоявшей перед ним политической задачи, что от усердия заболел и нуждался в «благотворных инструкциях» старших товарищей, чтобы «изрядно исполнять супружеские обязанности без ущерба здоровью»^{665}.

Много лет спустя находившийся в ссылке в Казани полковник Иван Ликеевич поведал приятелям, что медовый месяц главной супружеской пары России начался с конфуза: императрице

доложили, что «Антон Улрих плотского соития с принцессой не имел, и государыня на принцессу гневалась, что она тому причина. И после де того призывали лекарей и бабок, и Улриха лечили. И принцесса де с мужем своим жила несогласно, и она де его не любила, а любилась с другими»^{666}. За неуместные подробности Ликеевич в 1758 году был заточён в Свияжский Богородицын монастырь.

Скандалное начало супружеской жизни не улучшило отношений молодых и огорчило императрицу, желавшую как можно скорее получить наследника престола. А неудачливый Антон Ульрих постоянно попадал впросак: являлся во дворец в чёрном, хотя было известно, что Анна Иоанновна не выносила этот цвет; залезал в долги, ссорился с супругой. Бирон не замедлил доложить об этом императрице, она вызвала мужа племянницы и обвинила, что он более откровенен с чужими людьми, чем с ней, любящей его, как сына. Государыня уже не скрывала раздражения, и Бирон сообщил Кейзерлингу, что она не хочет допускать молодую чету к своему столу и намерена приказать им обедать в своих комнатах^{667}.

Супружеские ссоры открывали фавориту простор для интриги; но он срывался, в беседах с дипломатами отзываясь о принце довольно презрительно: «Всякий знает герцога Антона Ульриха как одного из самых недалёких людей, и если принцесса Анна дана ему в жёны, то только потому, чтобы он производил детей; однако он, Бирон, считает герцога недостаточно умным даже для этой роли». Герцог горячился и портил отношения с «молодым двором» и к тому же ошибся в оценке мужских способностей принца. Молодые исполнили династическую обязанность, и с этим Бирон ничего не мог поделать. Зато он отыгрался на претенденте на роль первого министра будущего царствования — Артемии Петровиче Волынском.

Дело Волинского

1740 год начался с череды торжеств. Двор, не успев отойти от новогодних праздников, 19 января отмечал десятую годовщину восшествия Анны Иоанновны. В её честь звучали тяжеловесные вирши. Приводим их образец в переводе с немецкого:

Благополучная Россия! посмотри только назад,
На прошедшую ночь давно минувших времён.
Вспомни тогдашнюю темноту,
Взирай на нынешнее своё цветущее щастие.
Удивляйся премудрости Великие Анны.
Рассуждай её силу, которая ныне твою пространную
империю
Славой своего оружия одна защищает.
Её величие везде и во всём равно.
То и двор её своим великолепием все протчие
превышает,
Свет её славы пленяет слух и сердце чужестранных
народов.
Они числом многим бегут сюда спешно, живут с
удовольствием.
Кто не её подданный, тот подданным быть желает.

Волинский потрафил вкусам императрицы масштабным действием — свадьбой шута в «Ледяном доме» с этнографическим карнавалом. Спустя восемь дней, 14 февраля, по случаю долгожданного мира с турками Анна Иоанновна принимала приветствие от имени «государственных чинов», поднесённое князем Черкасским и фельдмаршалами Минихом и Ласси; «иностранные министры», дамы и придворные были допущены к целованию руки императрицы. Анне были представлены пленные турецкие офицеры, после чего Волинский проводил их к угощению. После этой церемонии, по свидетельству французского посла, «два герольда верхами, в великолепном убранстве... отправились в различные кварталы города, возвещая о мире; при них находились два секретаря, которые читали договор, и четыре унтер-офицера, бросавших в народ

деньги». На следующий день при дворе состоялся маскарад, продолжавшийся далеко за полночь. 17-го числа в заключение торжеств императрица раздала золотые медали иностранным дипломатам и придворным, а потом «пошла в апартаменты принцессы Анны, выходящие на площадь, и сама стала бросать оттуда деньги в народ». Для «удовольствия» подданных было выставлено угощение, в том числе два зажаренных целиком быка; два фонтана били вином, наполняя огромный бассейн. Императрица со свитой «смотрением из окон веселитца изволили». Между тем пережить этот год было не суждено ни императрице, ни её министру...

Выходец из старой московской знати, Артемий Петрович Волынский принадлежал к младшему поколению петровских «птенцов», начинавших карьеру под гром пушек Северной войны. В 1704 году он стал рядовым гвардейского Преображенского полка, сопровождал государя в поездках, участвовал в знаменитых баталиях при Лесной (1708) и Полтаве (1709). В злосчастном Прутском походе (1711) он стал участником драматических переговоров вице-канцлера П.П. Шафирова с турецким визирем Балтаджи-пашой и доставил Петру турецкий экземпляр мирного договора. Едва ли тем июльским вечером Волынский и ехавший с ним немец-переводчик Генрих Иоганн Фридрих Остерман предполагали, что через 25 лет станут могущественными кабинет-министрами и соперниками. Затем были курьерские скачки в Карлсбад, Киев и Стамбул, где вместе с персоналом посольства Волынский был заключён в Семибашенный замок. Летом 1715 года 28-летний подполковник возглавил дипломатическую миссию в Иран, где добился заключения торгового договора и стал одним из самых горячих сторонников экспансии на юг: «Хотя настоящая война наша нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не токмо целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присоединить без труда можно, к чему нынешнее время зело удобно».

Волынский, назначенный астраханским губернатором, стал инициатором Персидского похода Петра I и первым отведаль царской дубины за большие потери при штурме селения Эндери. Причиной новой немилости стала непоставка в срок леса для строительства крепости. Смерть императора застала Артемия Петровича на выборах калмыцкого хана. Екатерина I сделала его

генералом, но после её смерти министры-«верховники» отправили честолюбивого Волынского в Казань; там он пересидел бурные события января — февраля 1730 года, но попал под следствие за откровенные поборы с местных татар. В личном письме императрице губернатор признался в сборе с «ясашных иноверцев» трёх тысяч рублей и просил «милосердного прощения». Прощение было получено — замолвил слово воспитатель Волынского С.А. Салтыков, да и сам он приходился Анне Иоанновне двоюродным племянником (его дед с материнской стороны был родным братом царицы Прасковьи Фёдоровны).

Последовал новый виток карьеры: генерал-адъютантство и «дирекция» над «учреждённой Конюшенной комиссией» — в знании лошадей и конезаводства Волынский не уступал Бирону, которому сумел понравиться и лично отбирал для него кобыл с Украины. Артемий Петрович поднимался по карьерной лестнице: возглавил Конюшенную канцелярию, стал обер-егермейстером «в ранге полного генерала», то есть, с учётом охотничьих пристрастий императрицы и Бирона, занял весьма важную должность.

Волынский зарекомендовал себя не только «конским охотником», но и «благонадёжным» слугой: в 1736 году он участвовал в суде над Д.М. Голицыным, а в 1739-м — над Долгоруковыми. Энергичный и усердный генерал представлялся наилучшим кандидатом в члены Кабинета министров после смерти Ягужинского и Шаховского, тем более что Остерману надо было противопоставить достойного оппонента. «Нам любезноверный обер-егермейстер наш Артемий Волынской чрез многие годы предкам нашим и нам служил и во всём совершенную верность и ревностное радение к нам и нашим интересам таким образом оказал, что его добрые квалитеты и достохвальные поступки и к нам показанные верные и усердные службы к совершенной всемилостивейшей благоугодности нашей служить могли. Того ради мы оного апреля третьего дня тысяча семьсот тридесят осьмого году, в наши кабинетные министры всемилостивейше пожаловали и определили»^{668}. — вот она, вершина карьеры!

При этом приходилось заискивать, исполнять повеления и показывать «ревностное радение» отнюдь не только в государственных интересах. Волынский заверял Бирона в своей преданности: «Увидев толь милостивое объявленное мне о

содержании меня в неременной высокой милости обнадёживание, всепокорно и низайше благодарствую, прилежно и усердно прося милостиво меня и впредь оные не лишить и яко верного и истинного раба содержать в неотъемлемой протекции вашей светлости, на которую я положил мою несумненную надежду... от всего моего истинного и чистого сердца вашей светлости и всему вашему высокому дому всякого приращения и благополучия всегда желал и желать буду, и, елико возможность моя и слабость ума моего достигает, должен всегда по истине совести моей служить и того всячески искать, даже до изъятия живота моего».

В этом письме 1737 года он как будто предсказал свою судьбу — «живот» был изъят как раз за недостаточное служение Бирону. Друзьями-«конфидентами» Волынского стали в основном «фамильные», но образованные люди: архитектор Пётр Михайлович Еропкин, горный инженер Андрей Фёдорович Хрущов, морской инженер и учёный Фёдор Иванович Соймонов, президент Коммерц-коллегии Платон Иванович Мусин-Пушкин, секретарь императрицы Иван Эйхлер и секретарь иностранной коллегии Жан де ла Суда. Компания собиралась по вечерам в доме Волынского на Мойке: ужинали, беседовали, засиживались до полуночи. Интеллектуальные беседы подвигли министра на сочинение проекта, который сам он на следствии называл сочинением «о поправлении государственных дел» или «генеральным рассуждением».

К сожалению, проект до нас не дошёл. Автор доделывал его вплоть до самого ареста — «перечеркивал тот проэкт... в неделю раза по два». Когда грянула опала, он черновики сжёг, а переписанную набело часть отдал начальнику Тайной канцелярии А.И. Ушакову; этот пакет исследователям найти пока не удалось. Некоторое представление о его содержании можно составить из обвинительного заключения и показаний Волынского и его друзей.

В «исторической» части проекта Волынский, как признались его друзья, «написал многие острые речи о несамодержавстве в Польше и Швеции и другие излишества», в частности, помянул о «супружестве» своего предка с дочерью Дмитрия Донского, а царя Ивана Грозного назвал «тираном».

Из сохранившихся упоминаний о планах министра можно понять, что он собирался сократить армию до шестидесяти полков (с экономией казне 1,8 миллиона рублей) и устроить

военные поселения-«слободы» на границах; однако неизвестно, связывал ли он эти меры с сокращением подушной подати с крестьян.

Волынский предлагал «облагородить» приходское духовенство — «в оный чин вестъ шляхетство», отправлять будущих попов в «академии» и обеспечивать их за счёт паствы: «самим не пахать, а чтоб приходским людям платить им деньги». Чиновников также надлежало «умножить к делам из дворянства»: назначать потомственных дворян на должности в государственных учреждениях, в том числе на канцелярские места, занятые выходцами «из самой подлости». Представителей благородного сословия следовало посылать обучаться за границу, чтобы «свои природные министры со временем были». Кроме того, он предлагал ввести для дворян монополию на винокурение, а для защиты купцов от произвола провинциальных воевод восстановить в городах магистраты.

Министр считал необходимым расширить состав Сената и повысить его роль за счёт перегруженного делами Кабинета министров, упразднить пост генерал-прокурора, «в гражданские чины вводить шляхетство учёных людей и в воеводы определять», последних же назначать «беспеременно», а не на один-два года, как практиковалось в те времена. В сфере «экономии» следовало бедные монастыри обратить в «сиротопитательные дома», сочинить «окладную книгу» (ропись доходов государства), сбалансировать бюджетные доходы и расходы, принять меры для «размножения фабрик и заводов», навести порядок в «таможенных и других сборах» путём борьбы с намеренным занижением декларируемых цен на ввозимые в Россию товары (конфисковывать их с выплатой владельцу этой низкой цены), запретить совместные торговые компании с иностранцами — возможно, чтобы помешать господству на внутреннем рынке крупных иностранных фирм под маркой фиктивных совместных торговых обществ^{669}.

Мы не можем сейчас утверждать, что этот краткий обзор полностью отражает содержание всех семидесяти «пунктов» обширного сочинения. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят, что Артемий Петрович был продолжателем именно петровской «генеральной линии». Расширение состава и полномочий Сената отвечало дворянским интересам, как и повышение образовательного уровня, и укрепление позиций шляхетства в администрации. Но при этом

Артемий Петрович предлагал сократить офицерские вакансии в армии, использовать дворян на непопулярной службе в канцеляриях и ещё хуже — в приходских попах; советовал «поубоже платье носить». Неизбежным следствием увеличения пошлин стало бы повышение цен на престижные заморские товары. Заветной мечтой Волынского было учреждение и содержание «шляхетством» конных заводов, «чтоб в завод было со 100 душ по кобыле, и в зборе на всякой год было по лошади», что стало бы для «благородного сословия» дополнительной тяготой. Как истинный представитель древнего рода он напоминал дворянам о их высоком призвании и считал делом государственной важности составление родословных «всему российскому шляхетству по алфавиту», чему положил пример изображением «картины» (генеалогического древа) своей фамилии.

В отличие от авторов дворянских проектов 1730 года, Волынский обходил проблему организации и прав верховной власти. Министр и прежде не сочувствовал её ограничению, а выступать с такими идеями в конце царствования Анны Иоанновны и подавно не собирался, тем более что собственных планов не таил и собирался представить своё сочинение «для доклада её величеству».

Предложения Артемия Петровича находились на столбовой дорожке развития внутренней политики послепетровской монархии. Сократить армию безуспешно пытался ещё в 1725 году Верховный тайный совет; при Анне предпринимались попытки «одворянить» государственный аппарат (устройство дворян-«кадетов» при Сенате) и сбалансировать бюджет; позже, при Елизавете Петровне, была введена дворянская винная монополия и восстановлены магистраты. Словом, проект трудно назвать крамольным — даже сочинители злобного манифеста о казни Волынского ограничились голословными обвинениями, что намерения автора касались «до явного нарушения и укоризны издревле от предков наших блаженныя памяти великих государей и при благополучном нашем государствовании к пользе и доброму порядку верных наших подданных установленных государственных законов и порядков, к явному вреду государства нашего и отягощению подданных».

Чтобы удержаться у власти, Волынскому надо было, как Бирону, Остерману или Миниху, уяснить предел своих возможностей, понять круг обязанностей, которые делали бы его

необходимым, и не посягать на чужой «огород». Но удалой министр своими амбициями насторожил всех. Выдвигаясь на первый план, он подрывал позиции не только Остермана, но и самого Бирона. К тому же у нетерпеливого Волынского не хватало умения приспособливаться; он горячился, в раздражении мог сказать, что «резолуции от неё (императрицы. — И.К.) никакой не добьёшься, и ныне у нас герцог что захочет, то и делает». В Кабинете министров Остерман постоянно представлял возражения на резолюции и проекты указов, составленные Волынским, подчёркивая их недостатки.

Очевидно, Волынский осознавал, что справиться с двумя ключевыми фигурами ему не по силам. Поэтому он решил вначале сосредоточиться на Остермане. Волынский показал Бирону специально переведённую на немецкий язык копию письма императрице с объяснениями по поводу жалобы «отрешённых» за какие-то «плутовства» шталмейстера Кишкеля и унтер-шталмейстера Людвига, обвинявших его в «непорядках» на конных заводах. Министр оправдывался, что служит «без всякого порока», а в доказательство своей честности упомянул свои «несносные долги», из-за которых мог «себя подлинно нищим назвать». Но на этом он не остановился — стал обличать не названных по именам, но отлично угадываемых подстрекателей (Остермана и его окружение), стремившихся «приводить государей в сомнение, чтоб никому верить не изволили и все б подозрением огорчены были».

Сам ли Бирон заподозрил министра в стремлении играть самостоятельную роль или в этом поспособствовал, к примеру, Остерман, не столь уж важно. Главное, Волынский был уверен в поддержке со стороны герцога; на следствии он даже рассказал, что Бирон рекомендовал вручить письмо Анне. Но послание пришлось не ко двору. «Ты подаёшь мне письмо с советами, как будто молодых лет государю», — выказала неудовольствие императрица.

Однако Волынский не унывал; дельный министр, бойкий придворный, краснобай, лошажник, охотник на редкость удачно вписывался в окружение Анны Иоанновны. Но именно этим он и был опасен Бирону, тем более что «забегал» ко двору императорской племянницы, где сам герцог потерпел поражение в попытке стать её свёком. Приятель Волынского кабинет-секретарь императрицы Иван Эйхлер ещё летом 1739 года предостерегал: «Не очень ты к принцессе близко себя води,

можешь ты за то с другой стороны в суспицию впасть: ведь герцогов нрав ты знаешь, каково ему покажется, что мимо его другою дорогою ищешь». Предостережения не помогли — Волынский не скрывал радости от провала сватовства сына Бирона к Анне Леопольдовне: при его удачном исходе иноземцы «чрез то владычествовали [бы] над рускими, и русские б де в покорении у них, иноземцов, были». Его не смущало, что брак мекленбургской принцессы и брауншвейгского принца трудно назвать победой русских. Вероятно, он рассчитывал на пост первого министра при младенце-императоре, родившемся от этого брака, и его неопытной матери, что было бы исключено, если бы принцесса породнилась с семейством Бирон. Брачные намерения герцога Волынский расценил как «годуновской пример».

Он всё реже являлся к Бирону, жаловался: «...пред прежним гораздо запальчивее стал и при кабинетных докладах государыне герцог больше других на него гневался; потрафить на его нрав невозможно, временем показывает себя милостивым, а иногда и очами не смотрит». «Ныне пришло наше житьё хуже собаки!» — сокрушался Волынский, заявляя, что «иноземцы перед ним преимущество имеют»^{670}.

Устранение соперника подготовил опытнейший Остерман. В 1741 году после ареста он пытался отрицать какое-либо отношение к делу Волынского и утверждал, что о том «не старался» и вообще ни при чём, а осудила виновного «учреждённая на то особливая комиссия». Но в бумагах вице-канцлера обнаружилось поданное императрице «мнение и прожект ко внушению на имя императрицы Анны, каким бы образом сначала с Волынским поступить, его арестовать и об нём в каких персонах и в какой силе комиссию определить, где между прочими и тайный советник Неплюев в ту комиссию включён; чем оную начать, какие его к погублению вины состоят и кого ещё под арест побрать; и ему, Волынскому, вопросные пункты учинены». На прямой вопрос следователя: «Для чего ты Волынского так старался искоренить?» — Остерман 15 декабря 1741 года ответил определённо, «что он к погублению Волынского старание прилагал, в том он виноват и погрешил». Он признал и сделанное по его инициативе назначение к следствию своего «приятеля» Неплюева, «ибо оной Волынский против меня подымался»^{671}.

Подготовил удар и Бирон. Возможно, каплей, переполнившей чашу его терпения, стал очередной конфликт с Волынским. На просьбу польского посла И. Огиньского о возмещении убытков, причинённых шляхте проходившими по территории Речи Посполитой русскими войсками, Бирон изъявил согласие, Волынский же подал мнение о недопустимости подобных уступок, вытекавших из «личных интересов» герцога Курляндии — вассала польского короля. Объяснение произошло публично, и взбешённый Бирон заявил, что «не возможно служить её величеству вместе с людьми, возводящими на него такую клевету». Этот инцидент послужил сюжетом для картины В.И. Якоби «А.П. Волынский на заседании Кабинета министров» (1875): Артемий Петрович разрывает бумагу с польскими претензиями, а за ним пристально наблюдают коварный Остерман и спрятавшийся за ширмой Бирон.

В поданной Анне Иоанновне челобитной (документ не имеет даты, но в бумагах следственной комиссии указано, что он приобщён к делу 16 апреля 1740 года^{672}) обер-камергер обвинил соперника в возведении «напрасного на безвинных людей сомнения» и прежде всего на него самого, кто «с лишком дватцать лет» несёт службу и «чинит доклады и представления». Заодно Бирон вспомнил, что кабинет-министр осмелился «в покоях моих некоторого здешней Академии наук секретаря Третьяковского побоями обругать». Волынскому ставили в вину не сами «побои», а нанесение их во дворце, что уже подходило под статью об оскорблении величества в духе «государева слова и дела».

Объединение двух мощных фигур сокрушило Волынского, хотя фавориту оказалось нелегко получить санкцию на расправу с соперником. Миних утверждал, что «был свидетелем, как императрица громко плакала, когда Бирон в раздражении угрожал покинуть её, если она не пожертвует ему Волынским и другими», а секретарь Артемия Петровича Василий Гладков на следствии дал показания, что Бирон, стоя перед Анной Иоанновной на коленях, говорил: «Либо ему быть, либо мне». Анну Иоанновну подталкивали к решению и другие царедворцы: давний противник министра обер-шталмейстер Куракин убеждал её, что Пётр I «застал Волынского уже на такой скверной дороге, что накинул ему петлю на шею». «Следовательно, если ваше величество не затынете петли и не повесите негодяя, то мне кажется, что в этом отношении желание и намерение великого

государя не будет выполнено», — пересказал его оригинальную аргументацию саксонский посланник Зум 9 апреля 1740 года [\[673\]](#).

Тринадцатого апреля Анна отрешила Артемия Петровича «от егермейстерских и кабинетских дел» и потребовала пресечь «всякое с ним, Волынским, сообщение», изъять его «проект» и прочие бумаги и поднять прощённое казанское дело 1730 года. Через три дня начались допросы в специально созданной «генералитете кой комиссии». Дело вели Ушаков и ставленник Остермана Неплюев.

Поначалу обвиняемый держался уверенно, критиковал тех, кто ему «вредил», надеялся на благополучный исход и просил себе другую должность, «понеже я в прежнее своё место не гожусь». Но вскоре он понял, что дело серьёзное, и решил поменять тактику. Он становился на колени, кланялся комиссии, просил не «поступать с ним сурово» и признавал, что «всё делал он по злобе на графа Остермана, Куракина и Головина и поступал всё против их, думал, что был министр, и мыслил, что он был высокоумен, а ныне видит, что от глупости своей всё врал с злобы своей».

Восемнадцатого апреля последовал указ о «крепком карауле» для главного подследственного. В доме Волынского заколотили окна и опечатали все комнаты, кроме одной, в которой опальный министр жил, как в тюремной камере, при свечах. Чтобы арестант «отнюдь ни с кем сообщения иметь... не мог», в «горнице» безотлучно присутствовали два вооружённых солдата. К детям Артемия Петровича, содержавшимся в том же доме, но отдельно от отца, был приставлен особый караул.

Следователи понимали, что придворные дразги и опрометчивое письмо Волынского, адресованное царице, политическими преступлениями не являлись. Надо было обнаружить что-то более серьёзное. Здесь кстати прийтись показания дворецкого Василия Кубанца. Несмотря на доверительное отношение Волынского, у холопа накопилось много претензий, да и погибать ради барина Василий не желал. Дворецкий вспоминал прегрешения хозяина, начиная с губернаторства в Казани: крупные взятки с татар, волчья шуба, полученная от сибирского вице-губернатора Бутурлина, кусок голубой парчи от мануфактуриста Гончарова, три штофа от симбирских купцов, 300 казённых брёвен, взятых на строительство дома министра...

Двадцать первого апреля Кубанца ознакомили с адресованным лично ему письмом Анны Иоанновны за её подписью: «Понеже ты объявил, что нечто донести имеешь, о чём однако ж, кроме нам самим, объявить не можешь, а нам тебя перед себя допустить нельзя, того ради повелеваем тебе то, еже нам самим донести имеешь, написать на писме и, запечатав, отдать асессору Хрущову, которой то нам самим за оною ж печатью подать имеет. Анна»^{674}. Перепуганный и одновременно обнадёженный доносчик принялся писать «пополнения» к первоначальным показаниям. Он вспомнил, что хозяин не только «прославлял фамилию свою», но и читал предосудительную книгу Юста Липсия, сравнивая при этом государыню со средневековой неаполитанской королевой Иоанной и античными Клеопатрой и Мессалиной и заявляя: «Женский пол таков весь»; желал «погубить» Остермана, себя «причитал к царской фамилии» и даже «тщился сам государем быть». Наконец, дворецкий заявил, что его господин одобрял польские порядки и «хотел в государстве вашего величества республику зделать»^{675}. Показания о «республике» не согласовывались с якобы имевшимся у Волынского намерением стать «государем» — но это уже не имело значения. Теперь можно было предъявить обвинения не только в служебных грехах, но и «по первым двум пунктам», то есть в государственном преступлении.

К государственным «видам» добавилась личная обида императрицы. Сочинение нидерландского гуманиста Юста Липсия «Увещания и приклады политические от различных историков» («*Monita et Exempla politica*») не являлось крамольным — его автор придерживался монархических убеждений, верно служил Габсбургам и не признавал никакого ограничения власти государя, за исключением его христианской совести^{676}. Другое дело, что он приводил, а Волынский использовал примеры дурного поведения «женских персон» у власти. Могла ли императрица допустить сравнение с неаполитанской королевой Иоанной I (1343–1382) — убийцей своего первого мужа, клятвопреступницей, отлучённой от Церкви и в конце концов задушенной по приказу своего же наследника? Анна помиловала и вознесла проворовавшегося холопа, а тот осмелился хулить свою благодетельницу и сравнивать её с неаполитанской блудницей. Напомнили Анне и о найденных в бумагах Волынского списках с «кондиций» и других проектов 1730 года.

Подозрительная императрица лично составила вопросы, которые надлежало задать бывшему министру о памятных событиях 1730 года:

«Допросит[ь]

1. Не сведом ли он от премены владенья, перва или после смерти государя Петра Второва, когда хотели самодержавство совсем отставит[ь].

2. Што он знал от новых прожектов, как вперот владеет русскому государству.

3. Сколка он сам в евом деле трудился и работал и прожект давал, и с кем он переписывался и словесно говаривал об етом деле.

4. Кто болше по эти прожекты ведал и с кем он советовал.

5. Кто у него был перемотчик в евом деле как писменно, так и словесно.

6. Где ево все писма и концепт, что косяца до етова дела и не исодрал ли их и в какое время»^{677}.

Раскрывавшееся дело контролировала и направляла сама императрица по ежедневным докладам Ушакова. Она повелела Волынского «со двора его взять в адмиралтейскую крепость», а затем в казармы Петропавловской крепости. Сам он по-прежнему отрицал какие-либо преступные «замыслы», однако его «конфиденты» Ф.И. Соймонов и П.М. Еропкин сделали страшное признание, что их «патрон» «может чрез возмущение владетелем себя сделать». Помогло следствию и показание Волынского, что при составлении «картины» (родословного древа) он «причитался свойством к высочайшей фамилии», а его дети или их потомки могли бы когда-нибудь стать «российского престола преемниками».

«Доказательство» стремления к «народному возмущению» было получено, и Анна дала указание пытать Волынского. 22 мая его на полчаса подняли на дыбу; после восьми ударов кнутом он повинился во взятках, «зловымышленных словах» в адрес государыни и «применении» к ней текста Липсия о королеве Иоанне, — но ни в каком заговоре против императрицы не признался: «Такого злого своего намерения и умыслу, чтоб себя чрез что ни будь зделать государем, никогда он, Волынский, не имел и не смеет», о возможности же его потомков взойти на

престол рассказывал только от страха, «боясь розыску, и такового умысла подлинно не имел»^{678}.

Но было поздно — главный обвиняемый следователей больше не интересовал. На две недели Волынского оставили в покое, а 7 июня вновь привели в застенок, где Ушаков и Неплюев в присутствии заплочных мастеров объявили, что показаниями «сообщников» он полностью «изобличён», и в последний раз предложили сказать правду о «злодейственных намерениях». Артемий Петрович опять признался во взятках, «противных указам поступках», «бессовестных и зловымышленных словах», даже в том, что хвалил «польское житие» и «причитал себя» к царскому дому — но, как и раньше, говорил: «Умысла, чтоб высочайшую власть взять и самого себя зделать государем или какое возмущение учинить, не имел». На этот раз он выдержал 18 ударов кнутом, но не признался ни в чём, кроме уже сказанного, и заявил, что «в том умереть готов»^{679}.

Девятого июня Анна Иоанновна повелела следствие «более розысками не производить» и подготовить «изображение о винах» преступников. Спустя неделю «экстракт» дела был передан императрице. Следственная комиссия перечислила «вины» Волынского: «питал на её величество злобу», «отзывался с поношением о высочайшей фамилии», «сочинил разная злодейския разсуждения и проект», «имел с своими сообщниками злодейские речи касательно супружества государыни принцессы Анны», «старался в высочайшей фамилии поселить раздор», «причитался к оной свойством» и т. д. Но обвинение в якобы готовившемся захвате власти пристрастное следствие так и не смогло доказать.

Императрица, похоже, колебалась: Волынский, безусловно, заслужил опалу; но как допустить на юбилейном, десятом году царствования позорную казнь толкового министра? Но в конце концов она решилась. 19 июня следственная «бригада» была преобразована в суд. Под началом фельдмаршала И.Ю. Трубецкого состояли генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой, кабинет-министр А.М. Черкасский, обер-шталмейстер А.Б. Куракин, генералы Г.П. Чернышёв и А.И. Ушаков, генерал-лейтенанты В.Ф. Салтыков, М.И. Хрущов и С.Л. Игнатьев, тайные советники И.И. Неплюев, Ф.В. Наумов, А.Л. Нарышкин, В.Я. Новосильцев и ещё несколько чиновников, генералов и майоров гвардии.

Судьи принадлежали к тому же кругу, что и подсудимые; хорошо их знали и потому сами могли быть обвинены в

содействии или сочувствии им — не случайно Анну Иоанновну интересовали связи Волынского с вельможами на предмет выявления «партии» изменника. 28 мая императрица лично беседовала с князем Черкасским и «слушала» в «адмиралтейском доме» допросы генерал-прокурора Трубецкого и президента Коммерц-коллегии сенатора графа Платона Мусина-Пушкина. Князь Черкасский убедительно «во всём запырался» и был от дальнейших допросов освобождён, а для графа «слушания» завершились арестом^{680}. С Трубецким государыня ещё раз побеседовала 4 июня (Волынский показал, что читал книгу Липсия вместе с ним) и только тогда распорядилась князя «более не следовать». Генерал-прокурор Трубецкой с негодованием отверг саму возможность чтения им каких-либо книг; в молодости, при Петре I, он «видал много и читывал, токмо о каковых материях, сказать того ныне за многопрошедшим временем возможности нет»; разговоры же с Волынским всегда вращались вокруг нескольких тем: «х кому отмена и кто в милости» у императрицы, о ссорах Волынского с другими сановниками, о назначениях.

Пятого июня Анна Иоанновна приказала допросить сенатора В.Я. Новосильцева. Тот в письменных показаниях поведал, что в дом министра «езживал для искания в нём, Волынском» и в конце декабря 1739 года хозяин показал ему проект, «чтоб Сенат умножить, понеже кабинет министры о умножении Сената не радят и не желают, тако ж и армии некоторую часть убавлял, а протчие полки назначил поставить по границам, и чтоб завести школы и в попы производить из учёных людей». Он признал, что предисловие к проекту написано «с явным предосуждением и укоризною прошедшего и настоящего в государстве управления», но оправдывался, что донести не мог, поскольку разговаривал с Волынским «наодин». Сенатор покался: «Будучи де при делах в Сенате и в других местах, взятки он, Новосильцев, брал сахар, кофе, рыбу, виноградное вино, а на сколько всего по цене им прибрано было, того ныне сметить ему не можно. А деньгами де и вещьми ни за что во взятки и в подарок он, Новосильцев, ни с кого не бирывал», — однако там же указал, что от симбирских купцов (которые наведывались и к Волынскому) принял «анкерок» вина, двух лошадей, по четыре аршина зелёного сукна и серебряной парчи «да два осетра и белуга да пол теши матёрой», что, с его точки зрения, «взятком» считать не стоило^{681}.

Анна Иоанновна поверила в политическую невиновность обоих, но Новосильцеву выговор всё же объявила — не за взятки, а как раз за чтение: «...видя такой противной проэкт и слыша предерзостные оного Волынского разсуждения, не доносил»^{682}. Обоим после допросов дали возможность оправдать монаршее доверие — сделали судьями по делу их недавнего собеседника.

Двадцатого июня был вынесен приговор: за «безбожные, злодейственные, государственные тяжкие вины Артемья Волынского, яко начинателя всего того злого дела, вырезав язык, живого посадить на кол; Андрея Хрушова, Петра Еропкина, Платона Мусина Пушкина, Фёдора Соймонова четвертовав, Ивана Эйхлера колесовав, отсечь головы, а Ивану Суде отсечь голову и движимые и недвижимые их имения конфисковать». Многими руководил страх. Зять Волынского сенатор Александр Нарышкин после суда сел в экипаж и потерял сознание, а «ночью бредил и кричал, что он изверг, что он приговорил невиновных, приговорил своего брата». Другой член суда Пётр Шипов признался: «...мы отлично знали, что они все невиновны, но что поделать? Лучше подписать, чем самому быть посаженным на кол или четвертованным».

Великодушная императрица пожелала «жестокие казни им облегчить»: Волынскому отсечь правую руку и голову, а его главным помощникам Хрушову и Еропкину — только головы; прочим же была дарована жизнь — их ждали кнут и ссылка «на вечное житьё» на окраины империи. Легче всех был наказан Мусин-Пушкин — всего лишь «урезанием» языка и ссылкой в монастырь. Сразу же по confirmации приговора его сообщили главному преступнику.

Волынский держался стойко: караульному офицеру пересказал приснившийся ему накануне вещий сон, будто исповедовать его явился незнакомый священник. Потом министр признался: «По винам моим я наперед сего смерти себе просил, а как смерть объявлена, так не хочется умирать». С приходившим священником он беседовал о жизни и даже шутил — рассказал анекдот, как один духовник, исповедовавший девушку, «стал целовать и держать за груди, и та де девка, как честная, выбежала от него вон». Но даже перед лицом смерти он не простил обиды давно покойному канцлеру Головкину и грозил «судиться с ним» на том свете^{683}. 25 июня он позвал к себе Ушакова и Неплюева, покался «в мерзких словах и в продерзостных и в непорядочных и противных своих поступках и

сочинениях» и попросил избавить его от позорного четвертования и не оставить в беде детей...

Поутру 27 июня 1740 года, в годовщину Полтавской баталии, преступников доставили на Сытный рынок. По прочтении высочайшего указа бывшему министру отрубили правую руку и голову, а вслед за ним обезглавили его товарищей Еропкина и Хрущова. Тела казнённых в течение часа оставались на эшафоте «для зрелища всему народу»; затем их «отвезли на Выборгскую сторону и по отправлении над оным надлежащего священнослужения погребли при церкви преподобного Сампсона Странноприимца».

Приговор касался и детей Волынского: «...сослать в Сибирь в дальние места, дочерей постричь в разных монастырях и настоятельницам иметь за ними накрепчайший присмотр и никуда их не выпускать, а сына в отдалённое же в Сибири место отдать под присмотр местного командира, а по достижении 15-летнего возраста написать в солдаты вечно в Камчатке». Анну Волынскую постригли в Знаменском девичьем монастыре в Иркутске под именем Анисья, её сестра Мария в 14 лет в Рождественском монастыре стала монахиней Марианной. Генералитетская комиссия была преобразована в следственную комиссию для разбора финансовых злоупотреблений Волынского и его «конфидентов» и продолжала работать по крайней мере до июля 1742 года.

При всей жестокости приговора Анна Иоанновна проявила милость к родственникам жертв — распорядилась оставить жёнам Хрущова, Соймонова и Мусина-Пушкина их недвижимое приданое; детям первых двух (у Соймонова их было пятеро, у Хрущова — четверо) оставили по 40 душ из конфискованных имений, отпрыски же Мусина-Пушкина получали всё дедовское имение^{684}.

В XIX веке Волынский, во многом благодаря сочинениям Рылеева и Лажечникова, стал восприниматься как истинный патриот и вождь сопротивления придворным «немцам». Однако он не был руководителем какой-либо «русской» группировки, да и никакой «партии» не создал — это была одна из причин его падения.

У других вельмож «партийное строительство» получалось лучше. Надёжные креатуры были у Остермана — дипломаты И.И. Неплюев, И.А. Щербатов (зять) и шурины Стрешневы, которых вице-канцлер продвигал «по долгу свойства». Миних прогибался

перед фаворитом, но, как показали дальнейшие события, слугой ему не стал. Зато он с успехом обзаводился связями: его сын Эрнст стал камергером и придворным «оком» отца, а тот присмотрел ему невесту — Доротею Менгден, чья сестра Юлиана была по совпадению лучшей подругой и фрейлиной Анны Леопольдовны. Кузен Юлианы и Доротеи Карл Людвиг Менгден, женившийся на племяннице фельдмаршала Христине Вильдеман, занял в 1740 году пост президента Коммерц-коллегии. Его брат Иоганн Генрих являлся президентом рижского гофгерихта и был женат на дочери Миниха Христине Елизавете, а ещё один, Георг (генерал-директор лифляндской экономии, ведавший управлением государственными имуществами), — на третьей из сестёр Менгден. Таким образом, образовался сплочённый клан, поддержка которого позволила Миниху после свержения Бирона стать на короткое время правителем России.

Волынский оказался слишком яркой личностью на фоне персон аннинского царствования. В 1720–1730-е годы с политической сцены сошли крупные, самостоятельные фигуры, старшие петровские выдвиженцы: А.Д. Меншиков, И.И. Бутурлин, А.В. Макаров, П.П. Шафиров, П.М. Апраксин, Р.В. Брюс, П.А. Толстой, старшие из братьев Голицыных, В.Л. и В.В. Долгоруковы, П.И. Ягужинский. Одни из них умерли или отошли от дел, другие были сброшены с вершины власти и ушли в политическое небытие. Они не были теоретиками, но проявили способность к решительным и дерзким действиям. К тому же практика Петровских реформ заставляла учиться или хотя бы иметь учёных помощников, подобных В.Н. Татищеву.

Все начинания Волынского, будь то планы продвижения России на Восток или реорганизация императорской охоты, требовали больших сил и средств, но возносили автора по карьерной лестнице, что неизбежно порождало зависть конкурентов и опасения быть оттеснёнными. При всей своей административной неразборчивости Волынский как государственный деятель был соразмерен Петру I, мыслил так же масштабно, как великий император.

Однако при Анне Иоанновне востребованными были не реформаторы, а верноподданные, а главной политической наукой стало умение учитывать придворные «конъюнктуры». Соперничавшие «партии», включавшие как русских, так и «немцев», боролись за милости с помощью своих ставленников и

разоблачения действий противников. В такой атмосфере карьеру легче было сделать людям другого типа — послушным, знавшим своё место и умевшим искать покровительство влиятельного «патрона». Теперь самым важным было, чья «партия» окажется в милости. Перестановки могли осуществляться либо путём интриг и «организации» соответствующего решения монарха, либо с помощью дворцового переворота. Так следователи и истолковали планы Волынского, поскольку «дружба фамилиарная» в придворной среде и общение единомышленников, сочинявших проект реформ, были тогда явлением необычным и казались Анне Иоанновне и её окружению признаками опасного заговора.

Борьба с Волынским впервые заставила Бирона выйти из рамок «службы её императорского величества» и роли «честного посредника», готового «помогать и услужить», но не являться стороной публичного конфликта. И хотя судили Волынского русские вельможи, ответственность за предрешённый приговор в глазах столичного общества лежала на герцоге, к тому же не побрезговавшем прихватить часть имущества опальных для своих родственников.

Придворная «победа» в стратегическом плане обернулась промахом Бирона, позволившим направить общественное недовольство не на государыню, а на завладевшего её волей «немца». Другой его ошибкой была жестокая казнь Волынского и его друзей. Правление племянницы Петра Великого заставило дворян забыть о попытках «вольности себе прибавить». Но оказалось, что даже признавшим правила игры ничего не гарантировалось: прочное, казалось бы, положение могло в любую минуту обернуться катастрофой — незаслуженно и оттого ещё более страшно и позорно. Летом 1740 года прусский посол Мардефельд сообщал в Берлин, что даже родственники императрицы Салтыковы, «завидуя огромному доверию, оказываемому герцогу Курляндскому... иногда искали забвения в вине и напивались до такой степени, что у них невольно вырывались оскорбительные слова, навлекшие на них негодование её императорского величества и его высочества». Эта хмельная «оппозиция» не была серьёзной; но, требуя от Анны голову Волынского, Бирон подрывал установленную в начале царствования стабильность.

Послесловие.

«БЕЗМЯТЕЖНЫЙ ПЕРЕХОД ПРЕСТОЛА»

В 1740 году императрица отбыла в Петергоф раньше обычного. «С 10-го июня по 26-е августа её величество, для особенного своего удовольствия, как парфорсною охотою (травлей. — *И.К.*), так и собственноручно, следующих зверей и птиц застрелить изволила: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 юлка, 374 зайца, 68 диких уток и 16 больших морских птиц» — сообщали об охотничьих подвигах государыни в последнее петергофское лето «Санкт-Петербургские ведомости». Первыми были перебиты зайцы, о чём доложил заместитель Волынского по охотничьей части полковник фон Трескоу. В царской резиденции специально выпустили куропаток, но охотники их «перестреляли и потравили»; разгневанная императрица потребовала запретить кому бы то ни было охотиться близ царских владений под угрозой отправки на каторгу.^{685}

Может быть, пальбой она пыталась отвлечься от невесёлых мыслей? Избавиться от них не удалось — в июле государыню осаждали челобитчики из ближайшего окружения; началась раздача домов, дворов и «мыз» Волынского и Мусина-Пушкина. Настала пора явить монаршую милость. 3 августа Анна «пожаловала» жену Платона Мусина-Пушкина — вернула ей собственный дом в Москве, правда, без конфискованного имущества. А потом все дела и заботы отошли на второй план: 12 августа 1740 года не отходявшая ни на час от племянницы Анна Иоанновна получила долгожданного наследника, названного по прадеду Иоанном. 3 сентября дни рождения и тезоименитства «внука её императорского величества, благоверного государя принца Иоанна» (29 августа — день усекновения главы Иоанна Предтечи) были вписаны в табель «высокоторжественных дней» в качестве официальных праздничных дат.^{686}

Будущее династии казалось определённым, и можно было вернуться к повседневным делам. 14 августа императрица назначала управителей дворцовыми волостями из числа отставных офицеров; 15-го пожаловала горнопромышленника Акинфия Демидова в статские советники; 16-го разрешила

выдать жалованье московскому губернатору Б.Г. Юсупову, 18-го с подачи Бирона сделала кабинет-министром амбициозного Алексея Петровича Бестужева-Рюмина в качестве очередного противовеса Остерману — свято место пусто не бывает. 25-го числа она повелела губернаторам и воеводам по месту службы «ни с кого и никаких векселей не брать» во избежание «взятков» и подтвердила жалованную грамоту царя Михаила Фёдоровича потомкам Ивана Сусанина — 27 зажиточных «беломестцев» из деревни Коробово Костромского уезда освобождались от всяких податей и повинностей в память славного подвига их предка. В сентябре Анна Иоанновна размышляла о назначении нового сибирского губернатора, президентов Вотчинной и Юстиц-коллегий, начальников Канцелярии конфискации, Судного и Сыскного приказов. Третьего октября она подписала ряд докладов генерал-прокурора, назначила Ивана Мелиссино ассессором Юстиц-коллегии и отправила в отставку с чином полковника московского губернского прокурора Ивана Камынина. Это был её последний рабочий день.

В воскресенье 5 октября 1740 года за обедом императрице стало дурно. Её сгубили камни в почках, вызвавшие воспаление и некроз. Кабинет-министры Черкасский и Бестужев-Рюмин после разговора с Бироном отправились к Остерману; «душа» Кабинета порекомендовал в первую очередь издать распоряжение о наследнике престола. Тем же вечером Анна Иоанновна подписала продиктованный Остерманом манифест:

«Назначиваем и определяем после нас в законные наследники нашего всероссийского императорского престола и империи нашего любезнейшего внука благоверного принца Иоанна, рождённого от родной нашей племянницы её высочества благоверной государыни принцессы Анны в супружестве с светлейшим принцем Антоном Улрихом герцогом Брауншвейг-Люнебургским, которому нашему любезному внуку мы титул великого князя всея России всемилостивейше от сего времени пожаловали. А ежели Божеским соизволением оный любезный наш внук благоверный великий князь Иоанн прежде возраста своего и не оставя по себе законно рождённых наследников преставится, то в таком случае определяем и назначиваем в наследники первого по нём принца

брата его, от вышеозначенной нашей любезнейшей племянницы её высочества благоверной государыни принцессы Анны и от светлейшего принца Антона Улриха герцога Брауншвейг-Люнебургского раждаемого, а в случае и его преставления других законных из того же супружества раждаемых принцов всегда первого таким порядком, как выше сего установлено»^{687}.

Казалось, что восстанавливается традиционный переход престола от «природной» государыни-бабки к законному внуку. Но в том же манифесте упоминался уничтоживший эту традицию петровский указ о престолонаследии 1722 года; это означало, что в важнейшем для монархии деле возможны неожиданные перемены. К тому же младенец управлять страной не мог, но о регентстве в документе не упоминалось. Уклонился от обсуждения вопроса и Остерман; Анну Леопольдовну он рассматривал лишь как родительницу законных принцев-наследников, но и о Бироне не сказал ни слова, предпочитая образование регентского совета. Эта идея герцогу определённо не понравилась. «Какой тут совет! — заявил он вернувшемуся от вице-канцлера Рейнгольду Левенвольде. — Сколько голов, сколько разных мыслей будет»^{688}.

Саксонский дипломат отмечал: «...в манере герцога было так управлять делами, которых он более всего желал, что их ему в конце концов преподносили, и казалось, что всё происходит само по себе». В составленной уже в ссылке записке «Об обстоятельствах, приготовивших опалу Э.И. Бирона, герцога Курляндского» сам бывший правитель утверждал, что в тот же день «нашёл у себя множество особ», в том числе фельдмаршала Миниха: «От него я узнал, что присутствующее у меня собрание — ревностные патриоты, которые, рассуждая по совести, кому бы приличнее было вручить правление на время малолетства императора в случае, если Господь воззовет к себе государыню, — после многих размышлений и единственно в видах государственной пользы нашли способнейшим к управлению Россией меня». Герцог, ссылаясь на «истощение сил» и домашние заботы, отказывался, чем глубоко опечалил собеседников. Однако они не сдались и через два дня, предводительствуемые Остерманом, явились в опочивальню больной государыни с просьбой назначить Бирона регентом и с заготовленным проектом указа.

Если верить Бирону, Анна Иоанновна несколько раз была готова пойти навстречу министрам, но он, «несмотря на продолжительные настояния её величества, отклонял её от такого исполнения». Тогда неугомонные просители «пригласили в собрание все чиновные лица до капитан-поручиков гвардии» (около 190 человек) и подали императрице прошение «в выражениях самых патетических». Сам Бирон, понятное дело, об этом ничего не знал и сутки спустя был застигнут врасплох утверждением акта о своём назначении, тогда как Анна Леопольдовна якобы капризничала, заявляла о своей болезни и тем обидела лежавшую на смертном одре тётку. В то же время герцог говорил принцессе Анне, что не огорчён утратой власти в России, поскольку у него остаётся «прекрасное герцогство», а принц Антон Ульрих был убеждён, что именно его супруга примет «главное участие в правлении»^{689}.

Другие действующие лица этого спектакля (прежде всего Миних и Остерман) в показаниях после своего ареста в 1741 году и мемуарах охотно уступали друг другу сомнительную честь выдвижения Бирона^{690}. Первый историк «эпохи дворцовых переворотов» А.Ф. Бюшинг описал, как фельдмаршал убеждал его в том, что именно Остерман и Черкасский «сделали» Бирона регентом, в то время как сам учёный располагал сведениями, что как раз Миних «ночи в одном покое с герцогом Курляндским проводил». Сын фельдмаршала выдвигал на первое место Черкасского и Бестужева-Рюмина^{691}, а тот после ареста называл «первым предводителем к регентству» Миниха, но в конце концов признал, что сам выдвигал Бирона и вечером 5 октября писал «духовную» Анны Иоанновны.

Антон Ульрих то посылал адъютанта разведать о происходившем в Кабинете министров сборе подписей, то отправлялся за советом к своему покровителю Остерману. Опытный царедворец почти буквально держал руку на пульсе: дипломат и президент Академии наук Карл фон Бреверн каждый день записками извещал его о состоянии императрицы. Министр намекнул принцу, что действовать можно только в случае, если у него есть своя «партия», а иначе разумнее присоединиться к большинству^{692}. Пруссак Мардефельд указал на отсутствие сплочённости сторонников Анны-младшей и сообщил, что Остерман советовал принцессе самой просить у императрицы регентства для себя, а та хотела, чтобы это сделали кабинет-министры^{693}.

Принцесса проявила характер — отказалась поддержать прошение о назначении Бирона регентом, учтиво ответив, что «никогда не мешалась в дела государственные, а при настоящих обстоятельствах ещё менее отваживается вступать в оные; что хотя императрица, по-видимому, в опасности жизни находится, однако с помощью Божией и учитывая её возраст, может выздороветь, и потому если её величеству представить об упомянутом, то сие значит снова напоминать о смерти, к чему она, принцесса, приступить отнюдь не соглашается; что если её императорскому величеству всемилостивейше благоугодно было принца Иоанна избрать наследником престола, то и нельзя сомневаться, чтобы её величество не соизволила сделать нужные и о государственном правлении распоряжения; потому всё оное и предоставляет она на собственное её величества благоусмотрение; а впрочем, не неприятно ей будет, если императрица благоволитверить герцогу регентство во время малолетства принца Иоанна»^{694}.

Началось приведение подданных к присяге; в честь «благоверного государя, великого князя Иоанна» был совершён молебен в Петропавловском соборе. Однако дело с назначением регента обстояло не так гладко, как рассказывал Бирон. Императрица не только не просила фаворита занять этот пост — но, наоборот, не завизировала и оставила у себя составленное А.П. Бестужевым-Рюминым (согласно его показаниям на следствии) «Определение» о регентстве Бирона, датированное 6 октября. Потерпев неудачу, Бестужев принялся за составление «челобитной» о назначении Бирона регентом, которую должны были подписать виднейшие сановники; писал её секретарь Андрей Яковлев, а помогал сочинять генерал-прокурор Никита Трубецкой. Одновременно Бестужев организовал ещё одну «декларацию» в пользу герцога и призвал более широкий круг придворных, включая старших офицеров гвардии «до капитан-поручиков», подписать её^{695}.

Чтобы избежать несогласия, кабинет-министр установил очередь, «впуская в министерскую человека только по два и по три и по пять, а не всех вдруг». Миних-младший упоминал о полусотне подписавшихся «понууждением»; по данным саксонского посла, под «декларацией» было собрано 197 подписей^{696}. Таким образом, помощники герцога подготовили обоснование для провозглашения его регентом даже в том случае, если бы умиравшая Анна отказалась это сделать. В

результате Бирон мог утверждать, что «верхи» империи «добровольно» выдвинули его на высший государственный пост, о чём сам он якобы узнал только спустя сутки.

В среду 15 октября фаворит использовал последнее средство — бросился в ноги к Анне. Позднее герцог признал, что был заранее извещён врачами о неминуемой смерти своей императрицы и желал любой ценой получить её санкцию на власть^{697}. В тот же день или (согласно полученной следователями в 1741 году собственноручной записке Бестужева) на следующее утро Анна подписала «определение» о регентстве. Если верить Мардефельду, то уже тогда, ещё при жизни Анны, регенту присягнули высшие чины империи^{698}.

Императрица держалась мужественно. Миних-младший описал её последние дни: «...час от часу в худшее приходила состояние своего здоровья, но несмотря на сие принимала она почти ежедневно посещения от великой княжны Елисаветы Петровны, принцессы Анны и её супруга и всеми вопросами и разговорами своими доказывала, что она имела ещё полное употребление своего рассудка. Семнадцатого числа октября по полудни почувствовала она, что у неё левая нога отнялась, и как ввечеру великая княжна Елисавета Петровна и принцесса Анна с своим супругом к ней вошли, то она с весьма спокойным духом с ними прощалась. В девять часов получила она конвульсивные припадки, и как потом её духовник, придворный священник и певчие, дабы дать молитву по греческому закону, в комнату позваны, то вошёл туда также отец мой, князь Черкасский и некоторые другие. Первого узнала умирающая императрица и вещала к нему: “Прощай, фельдмаршал!” — других не могла она больше различить, но спрашивала, кто они таковы, и они, быв по именам названы, сказала всем: “Прощайте!”». Анна Иоанновна скончалась между девятью и десятью часами вечера в полном сознании и успела ободрить своего избранника: «Небось!»

Анна Иоанновна умерла от того же недуга, что свел в могилу обеих её сестёр. Французский посол Шетарди сообщал о результатах вскрытия тела: «У ней в правой почке — я это узнал от самого гр. Остермана — камень более и длиннее большего пальца образовался в виде ветки кораллов. В том же боку было множество небольших камней, два в левой почке по величине были между этими средними. Первый, отделившись от почек, запер мочевой канал, что произвело антонов огонь, окончивший болезнь»^{699}.

За манифестом о вступлении на престол следовал «учинённый от любезнейшей нашей государыни бабки, блаженныя и вечнодостойныя памяти всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни Анны Иоанновны» «устав» о регентстве Бирона, датированный аж 6 октября. Эта дата дала основания заподозрить фальсификацию, о чём сразу же заговорили иностранные дипломаты^{700}. Очевидно, прямой подлог всё же не имел место, хотя подлинного рукописного текста распоряжения о регентстве у нас нет. Но вокруг умиравшей императрицы была сплетена столь густая сеть интриг, что если бы даже она отказалась исполнить волю фаворита или физически не смогла подписать документ, это едва ли изменило бы ход событий: в дело пошли бы заготовленные заранее выражения «общественного мнения». В нужный момент вступил в дело генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой, отдавший распоряжения Сенату: задержать почту, учредить заставы на выезде из столицы, вызвать гвардейские полки к восьми утра к «летнему дому», где лежало тело императрицы. Часом позже туда надлежало явиться сенаторам, членам Синода и особам первых шести классов. Не забыл генерал-прокурор распорядиться и о новом титуле «регент» для Бирона^{701}.

Позднее Бирон писал, что был в те дни безутешен, однако мемуары Миниха-младшего запечатлели иную картину: «Как скоро императрица скончалась, то, по обыкновению, открыли двери у той комнаты, где она лежала, и все, сколько ни находилось при дворе, в оную впущены. Тут виден и слышен был токмо вопль и стенание. Принцесса Анна сидела в углу и обливалась слезами. Герцог Курляндский громко рыдал и метался по горнице без памяти. Но спустя минут пять, собравшись с силами, приказал он внести декларацию касательно его регентства и прочитать пред всеми вслух. Почему когда генерал-прокурор князь Трубецкой с означенною декларациею подступил к ближайшей на столе стоявшей свече и все присутствующие за ним туда обратились, то герцог, увидя, что принц Брауншвейгский за стулом своей супруги стоял, там и остался, спросил его неукоснительно: не желает ли и он послушать последней воли императрицы? Принц, ни слова не вещав, пошёл, где куча бояр стояла, и с спокойным духом слушал собственный свой, или паче супруги своей, приговор»^{702}.

Извлечённый из ларца с драгоценностями документ гласил:

«...во время малолетства упомянутого внука нашего великого князя Иоанна, а имянно до возраста его семнатцати лет по данной нам от всещедрого Бога самодержавной императорской власти определяем и утверждаем сим нашим всемилостивейшим повелением регентом государя Эрнста Иоанна владеющего светлейшего герцога Курляндского, Лифляндского и Семигал[ь]ского, которому во время бытия его регентом даём полную мочь и власть управлять на вышеозначенном основании все государственные дела, как внутренние, так и иностранные, и сверх того в какие бы с коею иностранною державою в пользу империи нашей договоры и обязательства вступил и заключил, и оные имеют быть в своей силе, как бы от самого всероссийского самодержавного императора было учинено, так что по нас наследник должен оное свято и ненарушимо содержать»^{703}.

Обер-камергер двора и владетельный герцог Курляндии получал «полную мочь и власть» как «его высочество регент Российской империи Иоганн герцог Курляндский, Лифляндский и Семигальский» до семнадцатилетия императора. Родителям же Иоанна Антоновича отводилась лишь роль производителей «законных из того же супружества рождённых принцев», которые могли бы занять престол в случае его смерти. Завещание предусматривало и возможность устранения брауншвейгской четы от престола — регент имел полномочия начать процедуру выборов нового наследника:

«...или предвидится иногда о ненадёжном наследстве, тогда должен он, регент, для предостережения постоянного благополучия Российской империи, заблаговременно с кабинет-министрами и Сенатом и генералами фельт маршалами и прочим генералитетом о установлении наследства крайней-шее попечение иметь, и по общему с ними согласию в Российскую империю сукцессора избрать и утвердить, и по такому согласному определению имеет оный Российской империи сукцессор в такой силе быть, якобы

по нашей самодержавной императорской власти от нас самих избран был»^{704}.

«Безмятежный переход престола» на деле создавал новую «переворотную» ситуацию. Ещё никто не знал, что герцогу суждено править Россией только три недели, но секретарь Кабинета министров Андрей Яковлев запомнил слова генерал-прокурора Трубецкого, сказанные перед смертью Анны Иоанновны: «Хотя де герцога Курляндского регентом и обируют, токмо де скоро её императорское величество скончается, и мы де оное переделаем»^{705}. Шетарди в донесении от 21 октября отмечал недовольство сторонников отстранённых от власти родителей императора, а шведский посол Нолькен тогда же сообщал о нежелании офицеров гвардии подписывать «декларацию» о назначении Бирона^{706}.

Время Анны Иоанновны закончилось. Эрнст Миних искренне полагал, что у неё были качества, нужные для тяжёлой работы правительницы огромной страны: «Она не токмо ежедневно слушала предлагаемые ей дела с великим вниманием и терпеливостью, но не оставляла рачительно осведомляться об исполнении оных. Она любима была своими подданными, благоденствие которых, лучшее распоряжение внутреннего домоводства, приращение коммерции и умножение мануфактур составляли главнейшую заботу её сердца, но когда желание её не так, как должно, выполнялось, то всю вину надлежит относить частью к особенному интересу известных особ, частью же к прилеплению к некоторым худым старинным правилам».

Конечно, выросший при её дворе камергер, чья карьера после переворота 1741 года была сломана, вряд ли мог оценивать Анну Иоанновну иначе. Но справедливости ради надо признать: она была не лучшей, но и не худшей правительницей. Не получив практически никакого образования, не имея опыта правления, волею случая получив трон на унижительных условиях, она встала во главе огромной империи и оказалась способной не только царствовать, но и править.

Пресловутая бироновщина на деле означала не столько установление «немецкого господства», сколько создание лояльной управленческой структуры после политических шатаний 1730 года. Не без участия Бирона такая конструкция была возведена, а сам он занял в ней важное и почётное место «патрона» со своей клиентелой (под которой надо понимать не

только желавших получить должность или «деревню», но и государственных людей типа Маслова или Кирилова) и неофициального, но влиятельного дипломата. Можно ругать и придворных «немцев», и русских из ближайшего окружения императрицы (многие фигуры и вправду были грубые и несимпатичные), но с их помощью неопытной бывшей курляндской герцогине удалось создать более или менее стабильный, хотя отнюдь не всемогущий, механизм власти, вовсе не опиравшийся на какую-то «немецкую партию» с особыми «немецкими» интересами. Его важными звеньями стали императорский двор, Кабинет министров и фаворит, удачно дополнявшие друг друга при решении текущих вопросов и обеспечении лояльности знатных подданных путём пожалований, частых кадровых перестановок и репрессий.

Анна, Бирон, Миних, Остерман, Шаховской, Трубецкой, Волынский «доставляли» петровскую машину управления, в ходе ожесточённой борьбы за власть внося в конструкцию неизбежные коррективы. Победители сурово расправлялись с соперниками, но никакое выдвижение «немцев» не могло решить финансовые и управленческие проблемы, связанные с тогдашним уровнем государственной централизации и общественного сознания. Обеспечив политическую устойчивость режима, на управленческом и финансовом поприще бироновщина потерпела поражение от отечественных «приказных».

Ирония судьбы состояла в том, что Бирон и другие «немцы» способствовали (разумеется, отнюдь не с целью бескорыстного миссионерства) усвоению обществом петровских преобразований. Но по мере утверждения и осмысления этих новшеств иностранцы становились раздражителями формировавшегося национального сознания, что ослабляло достигнутую не без труда политическую стабильность аннинского режима. Сам же фаворит оказался плохим политиком: много лет находясь на вершине власти, он слишком легко её потерял. Сказались самоуверенность, грубость, раздражительность, а также неспособность подобрать «команду», увлечь своё окружение сколько-нибудь серьёзной целью. И в качестве фаворита, и в качестве регента он оставался прежде всего курляндским дворянином (в отличие, например, от Остермана, который, будучи немцем по рождению, стал крупным российским государственным деятелем), явно недотягивая до

уровня фаворитов следующих царствований — Шуваловых при Елизавете или Потёмкина при Екатерине II.

Выйдя из тени Анны Иоанновны, он стал восприниматься как «злой гений» её царствования, сыграв роль «громоотвода», чем оказал ещё одну услугу своей государыне и помог спасти «имидж» послепетровской монархии. «Немец» оказался идеальной фигурой для концентрации общественного недовольства, которое сполна испытал на себе: за три недели регентства он заплатил двадцатью годами ссылки. Далее произошло неизбежное: Россия «переболела» немцами. Находившиеся у власти иноземцы (например, Екатерина II, урождённая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская) стали естественно чувствовать себя не курляндцами или мекленбуржцами, а государственными деятелями великой империи, а природные русские дворяне уже не смущались присутствием иноземцев на всех ступенях служебной лестницы. На уровне массового сознания «немец» постепенно приобрёл облик рачительного и аккуратного, но скуповатого хозяина, мастера на все руки, смешно искажающего русские слова, учёного, но не знающего простых вещей. Полностью обрусевший Денис Фонвизин не только изобразил в комедии «Недоросль» бездарного учителя Вральмана, но и во время поездки в Западную Европу в 1784 году написал: «У нас всё лучше, и мы более великий народ, чем немцы».

В грубое аннинское царствование продолжилось усвоение петровских преобразований и не изменился вектор развития страны: вхождение в Европу сопровождалось утверждением жёстко централизованного «самодержавства», опиравшегося на бюрократию и армию, и крепостнических порядков. В день смерти Анны Иоанновны в записной книге Юстиц-коллегии был зарегистрирован привычный документ: «...порутчик Степан Васильев сын Турицын, в роде своём не последней, продал... Коллегии экономии канцеляристу Герасиму Петрову сыну Безсонову и жене ево и детям и наследником ево впрок бесповоротно крепостную свою дворовую девку Ирину Иванову дочь. А взял он, Степан, у него, Герасима, за ту свою дворовую девку Ирину денег три рубля...»^{707}.

Но странное дело: современные антропометрические исследования свидетельствуют, что в царствование Петра I средний рост новобранцев-рекрутов уменьшился, а с 1730-х годов стал увеличиваться и в годы правления Анны Иоанновны и

первое десятилетие лет правления Елизаветы Петровны приблизился к показателям рубежа XVII–XVIII веков. Пока трудно объяснить, чем это было вызвано: то ли, вопреки распространённому мнению, податная реформа привела к уменьшению налогового бремени; то ли власти не так строго взыскивали недоимки^{708}; в любом случае утверждение о разорении населения при Анне Иоанновне выглядит уже не так однозначно.

В аннинское время подрастало новое поколение дворян с иными, нежели у предшественников, интеллектуальными запросами и чувством собственного достоинства. В бумагах Шляхетского кадетского корпуса сохранились характеристики выпускников, судьба которых была различна. Обидевший «немца»-профессора Карп Сытин («с начала вступления своего в корпус находился в непристойных поступках») отправился солдатом в армию — и навсегда исчез со страниц «большой» истории. Зато окончивший курс 25-летним прапорщиком Василий Лопухин («геометрию и фортификацию знает, нарочито говорит и пишет хорошо по-немецки, рисует отчасти, обучался верховой езде, танцевать и фехтовать, причём и очень доброго состояния») отличился в войне с турками, заслуженно стал генерал-аншефом и в 1757 году с честью пал при Гросс-Егерсдорфе в первом победном для русской армии сражении Семилетней войны.

Другой прапорщик, Иоасаф Батурин, воинскими подвигами не отличился, но зато замыслил произвести дерзкий дворцовый переворот — в 1749 году предложил племяннику и наследнику императрицы Елизаветы великому князю Петру Фёдоровичу возвести его на престол: «Заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, а в ком не встретим себе единомышленника, того изрубим в мелкие части»^{709}, — потом почти 20 лет просидел в заключении, был отправлен на Камчатку, откуда совершил побег на захваченном мятежниками судне и умер в 1772 году посреди океана по пути в Европу.

Капрал Николай Рославлёв в науках не преуспел («никаких языков, тако ж и геометрии понять не мог, а умеет отчасти рисовать; обучался фехтовать и танцевать»), но оказался удачливее — попал служить в Измайловский полк, вместе с другими заговорщиками свергал Петра III и сажал на престол Екатерину II, за что получил 600 душ и чин генерал-майора, побывал в непродолжительной ссылке, а в отставку вышел

генерал-поручиком. Подпоручик князь Михаил Волконский, наоборот, учился прилежно («до тригонометрии и фортификации дошёл, говорит и пишет совершенно по-немецки, говорит изрядно по-французски и понимает французских авторов, обучался истории и географии, тако ж верховой езде, танцевать и фехтовать и притом особливо доброго поведения»), отличился в Семилетней войне, стал генерал-аншефом и вышел в большие персоны Екатерининской эпохи — был послом в Речи Посполитой и московским главнокомандующим.

Изящный отличник, подпоручик Адам Олсуфьев («сочиняет латинские, немецкие и французские письма весьма изрядно и переводит с немецкого на французской язык екстемпре^[12] хорошо, универсальную историю окончал и отвечал изрядно, а при том знает и специальные истории, в географии прошёл все карты и знает преизрядно, рисует миниатюрою...») выбрал «статскую» карьеру — и не прогадал: сделался чиновником Коллегии иностранных дел, тайным советником, управляющим Кабинетом Екатерины II и сенатором^{710}. Алексей Обресков при Екатерине стал послом России в Константинополе, тайным советником и членом Коллегии иностранных дел. Алексей Мельгунов получил чин действительного тайного советника и много лет служил генерал-губернатором Ярославской и Вологодской губерний. Юного Петра Румянцева когда-то сама Анна определила в солдаты гвардии; потом неусидчивый парень безуспешно пытался стать дипломатом при посольстве в Берлине, затем ненадолго попал в кадетский корпус, и уже регент Бирон 27 октября 1740 года приказал выпустить кадета Румянцева «в армейские полки в подпоручики» — навстречу воинской службе и славе одного из крупнейших полководцев России.

За ними было будущее — аннинские кадеты творили историю «золотого века» империи. А не слишком яркое царствование Анны Иоанновны осталось «приготовительным классом» в их школе жизни.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

1693, 28 января — в Москве родилась вторая дочь царя Ивана Алексеевича

и его жены Прасковьи Фёдоровны Анна.

1696, 29 января — смерть отца.

1710, 21 июня — помолвлена с курляндским герцогом Фридрихом Вильгельмом Кетлером.

31 октября — отдана дядей Петром I замуж за курляндского герцога.

1711, 13 января — овдовела.

1713–1730 — пребывала в Курляндии с наездами в Россию.

1723, 13 октября — смерть матери.

1727 — начало фавора Эрнста Иоганна Бирона.

1730, 19 января — избрана Верховным тайным советом российской императрицей с ограничением её власти «кондициями».

25 января — подписала доставленные в Курляндию «кондиции».

15 февраля — торжественно вступила в Москву.

25 февраля — разорвала «кондиции» и объявила себя самодержицей.

4 марта — упразднила Верховный тайный совет.

6 марта — возвела Бирона в придворный чин обер-камергера.

10 апреля — издала указ о государственных преступлениях.

28 апреля — короновалась в Успенском соборе Московского Кремля.

22 сентября — учредила лейб-гвардии Измайловский полк.

31 декабря — учредила лейб-гвардии Конный полк.

1731, 31 июля — подписала указ о создании Шляхетского кадетского корпуса.

8 октября — смерть сестры Прасковьи.

12 октября — учредила Кабинет министров. Приняла Младший казахский жуз в российское подданство.

1732 — переезд двора в Санкт-Петербург.

1733, 14 июня — смерть сестры Екатерины.

2 июля — переход в православие племянницы Елизаветы Екатерины Христины с именем Анны Леопольдовны. Начало Второй камчатской экспедиции.

1733-1735 — Война за польское наследство.

1734, 1 мая — утвердила проект обер-секретаря Сената И. Кирилова о строительстве Оренбурга.

1735, 9 июня — подписала закон о праве Кабинета издавать именные указы за подписями трёх министров.

1735-1739 — Русско-турецкая война.

1736, 7 января — подписала указ о прикреплении наёмных рабочих к частным мануфактурам.

Апрель — август — поход в Крым русской армии под командованием фельдмаршала Миниха.

31 декабря — подписала манифест об ограничении срока обязательной службы дворян двадцатью пятью годами.

1737, 2 июня — избрание Э.И. Бирона курляндским герцогом.

2 июля — взятие турецкой крепости Очаков.

1739, 3 июля — свадьба Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебург-Беве́рнского.

17 августа — победа русской армии над турками при Ставучанах.

18 сентября — Белградский мир.

8 ноября — казнь князей И.А., В.Л., И.Г. и С.Г. Долгоруковых.

1740, 6 февраля — шутовская свадьба в «Ледяном доме».

14-17 февраля — празднование мира с турками.

Апрель — опала, арест и начало следствия над А.П. Волинским и его «конфидентами».

27 июня — казнь Волинского.

12 августа — рождение внучатого племянника Ивана Антоновича.

5 октября — подписала манифест о престолонаследии.

15(?) октября — подписала «определение» о регентстве Бирона.

17 октября — умерла в Летнем дворце.

23 декабря — похоронена в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.). Л., 1991.

Беспярых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.

Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. / Под ред. А.Н. Филиппова: В 12 т. // Сборник РИО. 1898–1915. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.

Законодательство императрицы Анны Иоанновны: Сборник/ Сост., вступ. ст. В.А. Томсинова. М., 2009.

Империя после Петра 1725–1765 /Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998.

Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997.

Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. 1730–1740 / Сост. Л.М. Старикова. М., 1995.

Литература

Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией 1736–1739 гг.: В 2 т. СПб., 1906.

Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета Анны Иоанновны. М., 1913.

Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.

Корсаков Д.А. Воцарение Анны Иоанновны. Казань, 1880.

Кургатников А.В. Год 1740. СПб., 1998.

Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011 (серия «ЖЗЛ»).

Курукин И.В. Бирон. 2-е изд. М., 2014 (серия «ЖЗЛ»).

Курукин И. В., Плотников А.Б. 19 января — 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.

Павленко Н.И. Анна Иоанновна: немцы при дворе. М., 2002.

Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб., 2001.

Семевский М.И. Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из русской истории XVIII в. Л., 1991.

Строев В.М. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. М., 1909; Ч. 2. Вып. 1. М., 1910.

Титлинов Б.В. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильно, 1905.

Феррацци М. Комедия дель арте и её исполнители при дворе Анны Иоанновны. 1731–1738. М., 2008.

Черникова Т.В. Государево слово и дело во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Анна

Мать Анны царица Прасковья Фёдоровна. И. Никитин. Не позднее 1716 г.

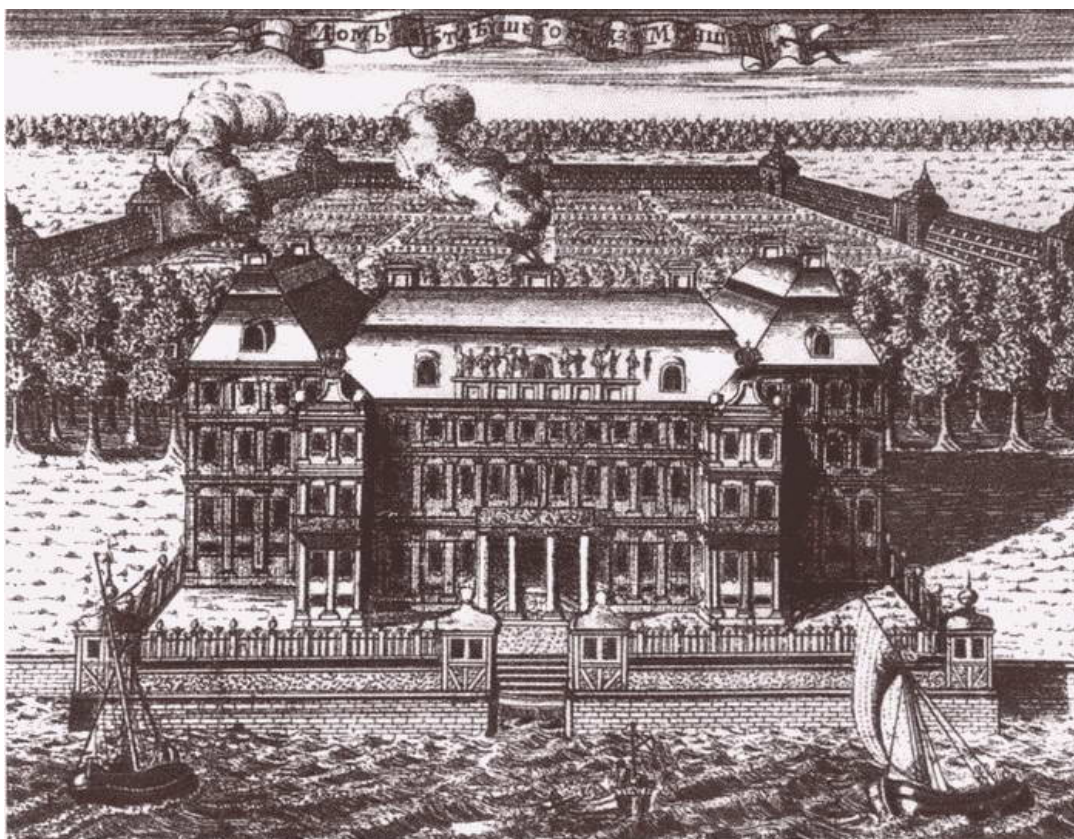
Сестра, царевна Прасковья Ивановна. И. Никитин. 1714 г.

Девические годы Анна провела в подмосковном селе Измайлове. Гравюра И. Зубова. 1727-1728 гг.

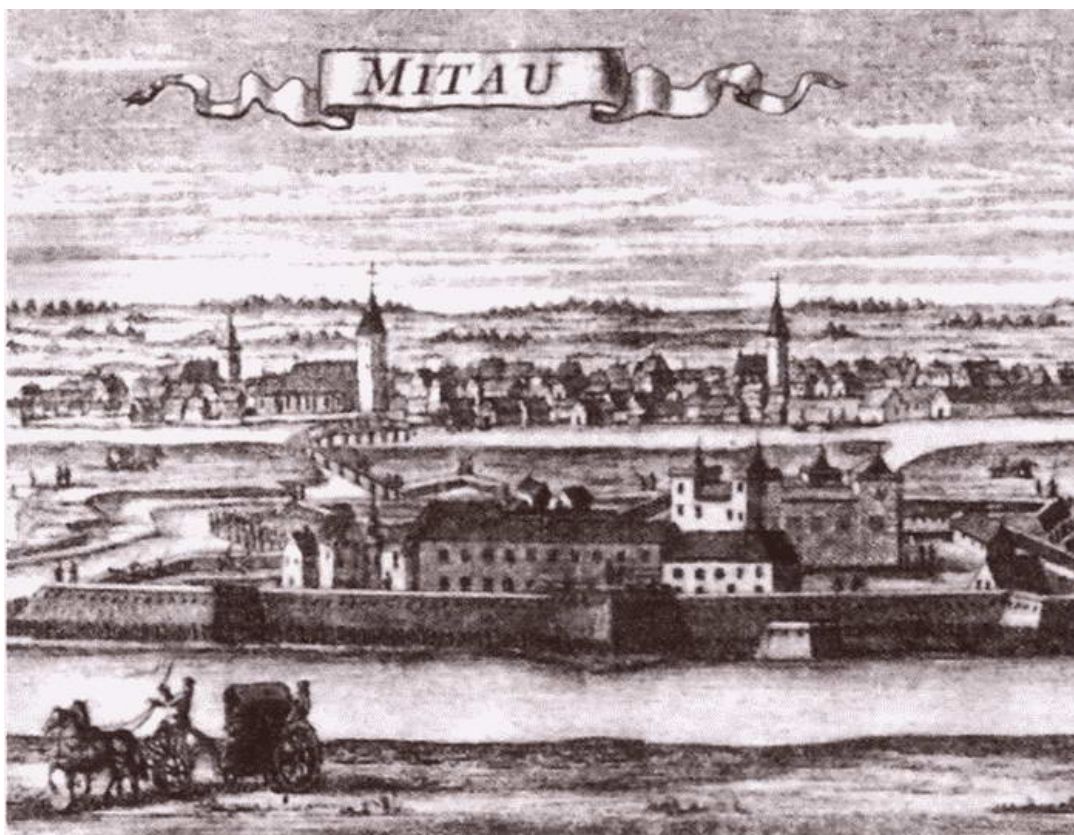
Курляндский герцог Фридрих Вильгельм Кеттлер. Гравюра И. Сисанга

Во дворце Меншикова на Васильевском острове в 1710 году состоялась свадьба Анны с Фридрихом Вильгельмом. Гравюра А. Ростовцева. Начало XVIII в.

***Граф Мориц Саксонский — претендент на руку вдовствующей герцогини.
Гравюра И. Вилле по рисунку Г. Риго. 1745 г.***

В курляндской столице Митаве Анна провела 17 лет. Гравюра 1720 г.

***Герцог Мекленбург-Шверинский Карл Леопольд и герцогиня Екатерина
Ивановна. XVIII в.***

Герцогский замок Шверин. Немецкая гравюра 1850 г.

Император Пётр II. Гравюра А. Зубова. 1734 г.

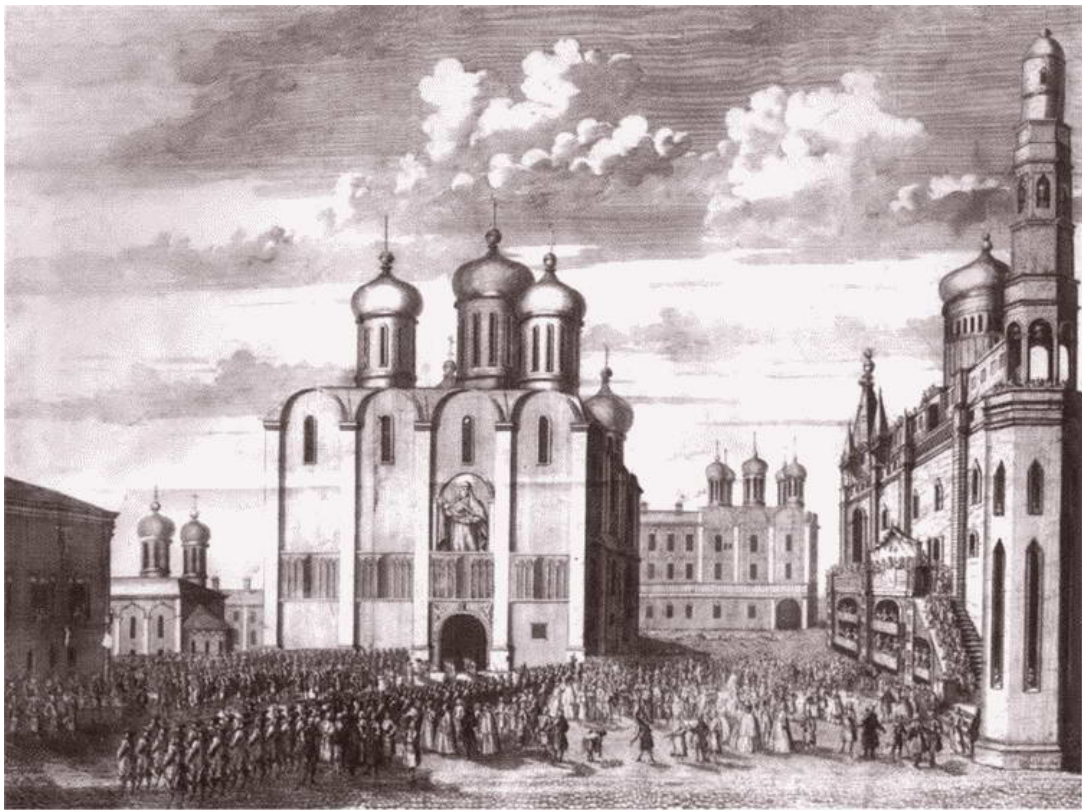
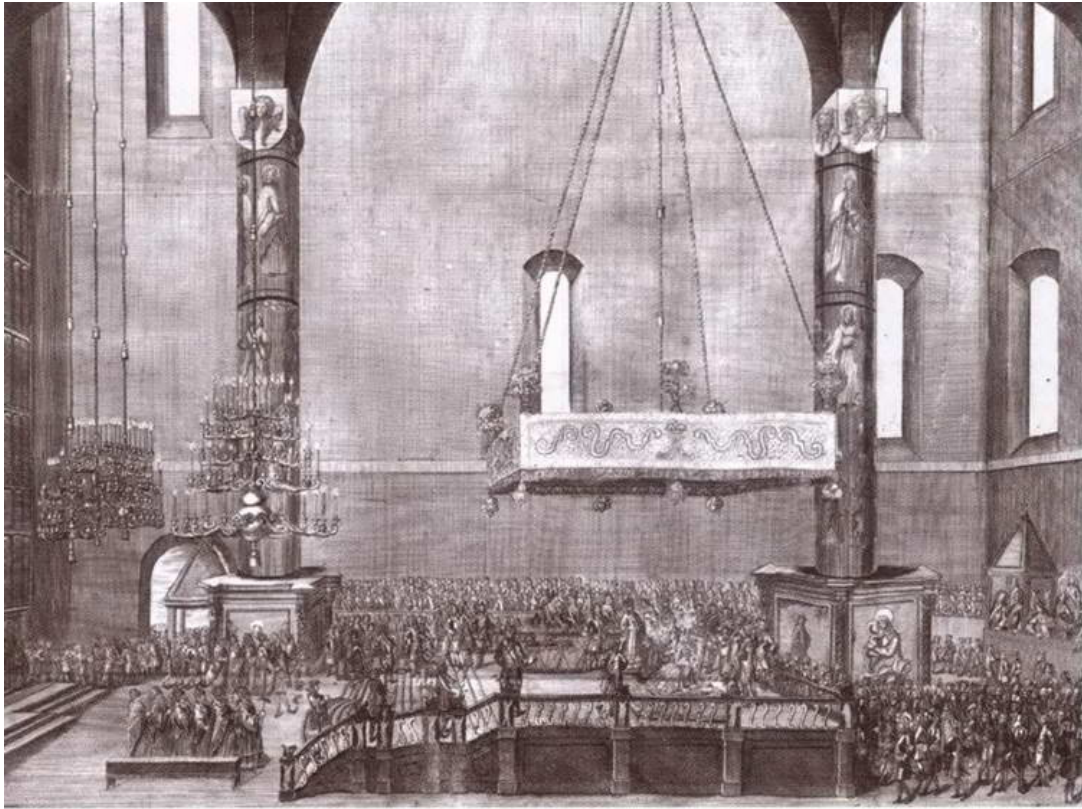
***Члены Верховного тайного совета князь Василий Лукич Долгоруков, князь
Дмитрий Михайлович Голицын, фельдмаршал князь Михаил Михайлович
Голицын***

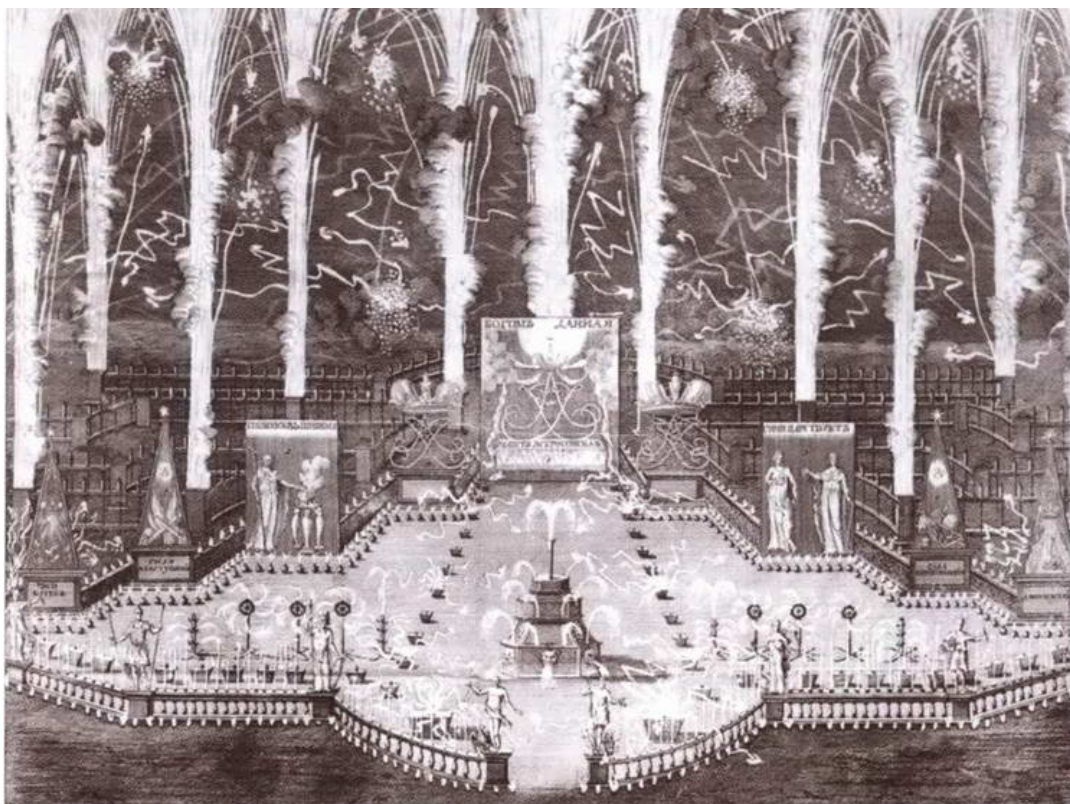

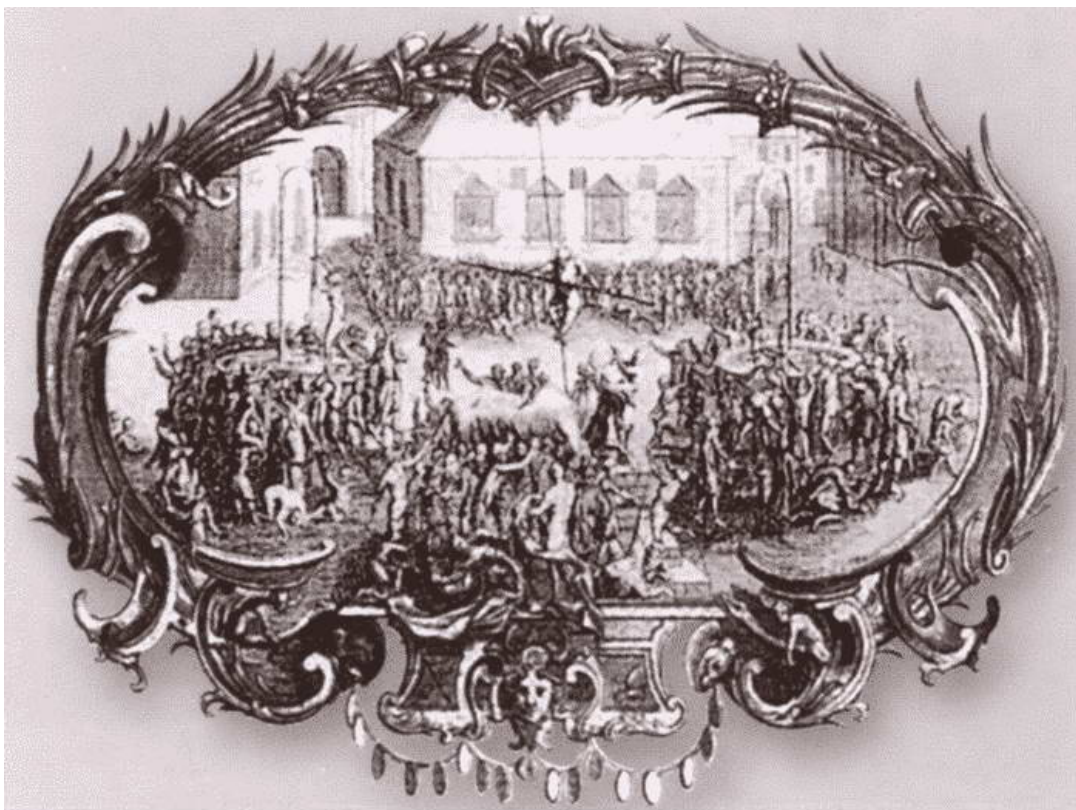
Сторонники восстановления самодержавия новгородский архиепископ Феофан Прокопович, князь Антиох Дмитриевич Кантемир, Семён Андреевич Салтыков

Церемония коронации императрицы Анны Иоанновны 28 апреля 1730 года в Московском Кремле. Гравюры Х. Вортмана по оригиналам Л. Каравака. 17

Фейерверк в честь коронации Анны Иоанновны 30 апреля 1730 года. Гравюра Х. Вортмана по оригиналу Л. Каравака. 1730 г.

***Народный праздник в честь коронации Анны Иоанновны. О. Эллигер. Гравюра
1731 г.***

***«Душа» Кабинета министров вице-канцлер граф Андрей Иванович Остерман. И.
Бер. 1730-е гг.***

*Первый кабинет-министр канцлер граф Гавриил Иванович Головкин. И.
Никитин. 1720-е гг.*

«Тело» Кабинета князь Алексей Михайлович Черкасский. И. Аргунов. 1760-е гг.

Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский. Г. Гзель. 1720-е гг.

Обер-камергер Эрнст Иоганн Бирон — символ аннинского царствования

Обер-гофмаршал граф Рейнгольд Густав Левенвольде

Аллегория Российской империи. На троне Анна Иоанновна, крайний слева — Бирон. Гравюра М. Энгельбрехта по рисунку П. Декера. 1730-е гг.

Дипломат и президент Академии наук граф Герман Карл Кейзерлинг

Придворный шут Ян Лакоста

«Засилье иностранцев» своеобразно и доходчиво отражено в народном искусстве. Лубок XIX в.

Анна, императрица и самодержица Всероссийская. Гравюра Х. Вортмана по оригиналу Л. Каравака. 1740 г.

Парадный портрет императрицы Анны Иоанновны. Л. Каравак. 1730 г.

Генерал Петр Петрович Ласси. Гравюра 1730-х гг.

Польский король и саксонский курфюрст Август III. Л. де Сильвестр. Около 1737 г.

***Осада русскими войсками Данцига в 1734 году. Гравюра Г. Буша по оригиналу
Д. Шульца. 1730-е гг.***

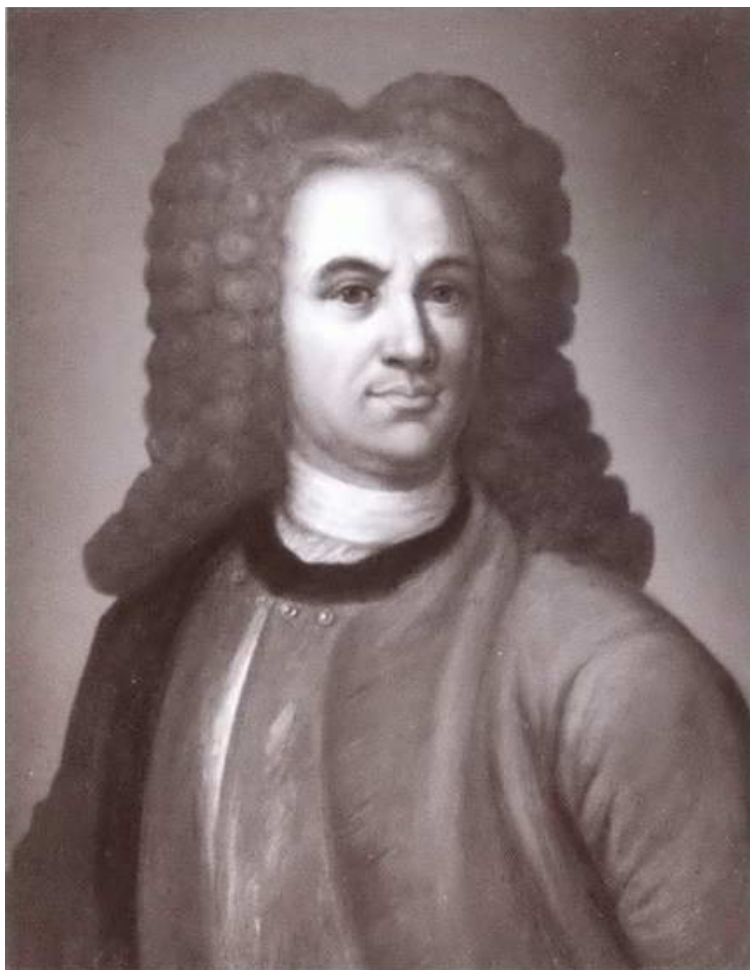
Фельдмаршал граф Бурхард Христофор Миних. Гравюра 1730-х гг.

Турецкий султан Махмуд I

Осада русскими войсками турецкой крепости Очаков в 1737 году. Гравюра XVIII в.

Глава Оренбургской комиссии Василий Никитич Татищев приводил в повиновение российской императрице народы Приуралья

Месторождение магнитных руд, открытое на Урале в 1735 году, Татищев назвал в честь императрицы горой Благодать. Фото конца XIX в.

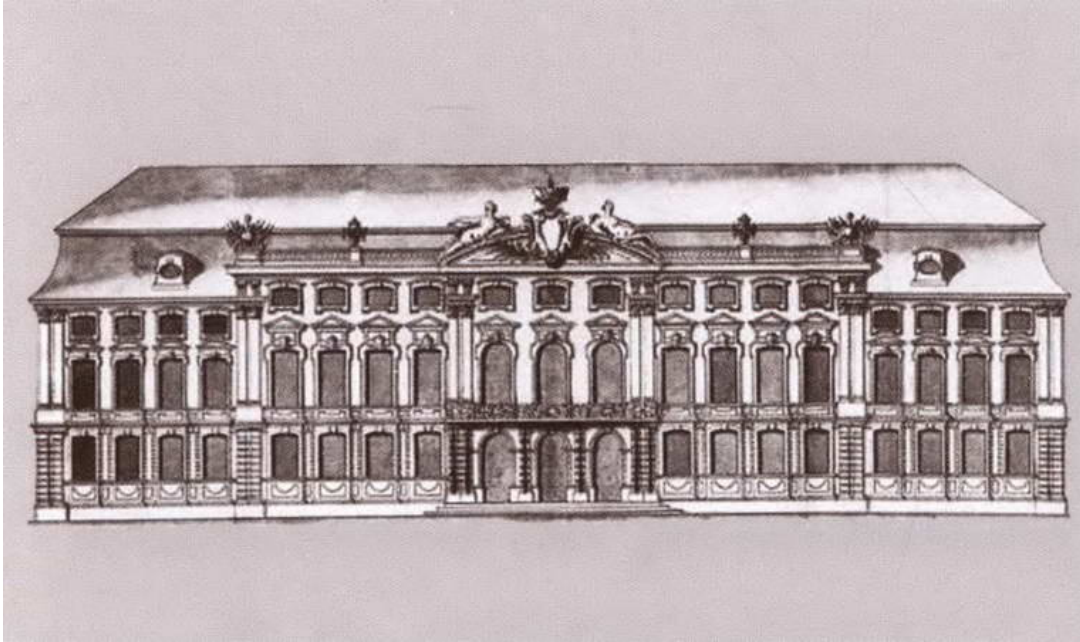
Генерал-прокурор князь Никита Юрьевич Трубецкой и глава Канцелярии тайных розыскных дел Андрей Иванович Ушаков обеспечивали спокойствие в государстве

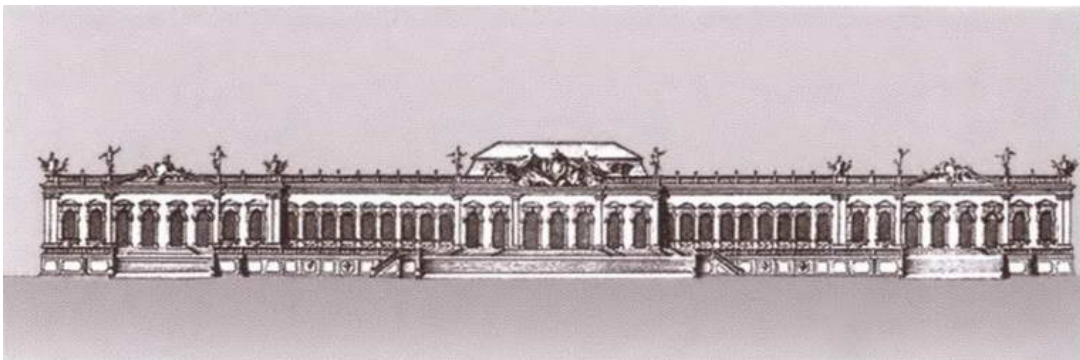
Вид Петербурга с церковью Исаакия, наплавным мостом и зданием Двенадцати коллегий. Гравюра О. Эллигера. 1730-е гг.

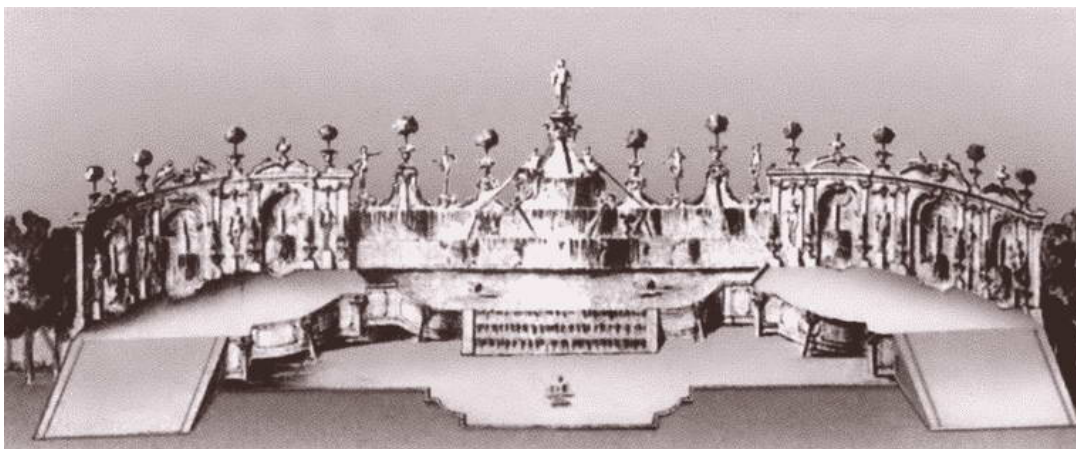
Придворный архитектор Бартоломео Франческо Растрелли. Л. Пфанцельт. Не позднее 1754 г.

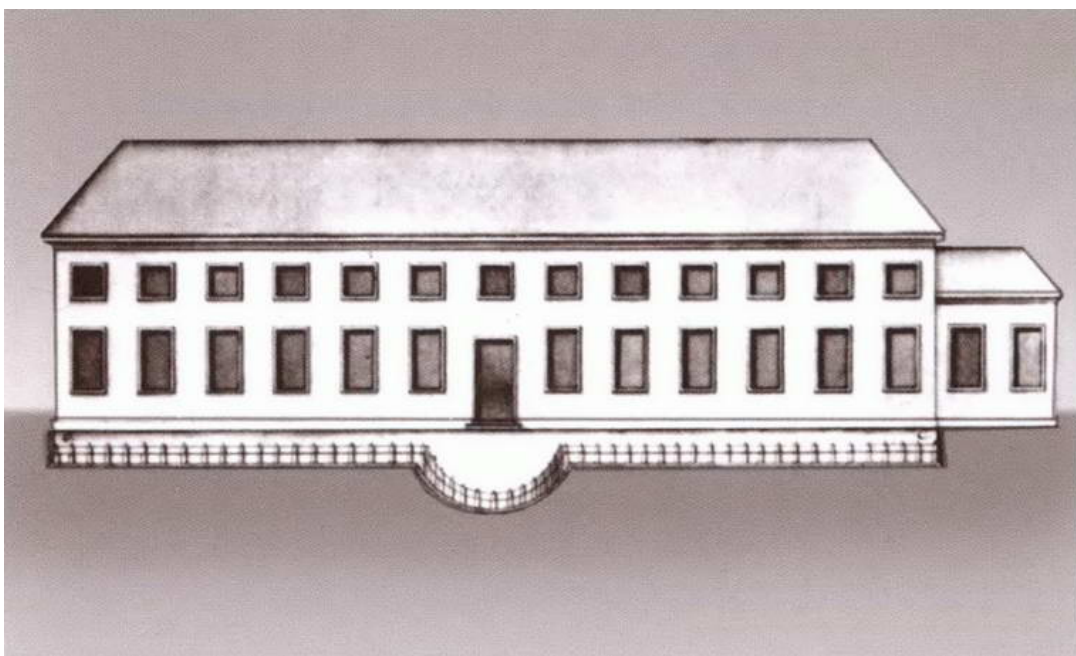
«Зимний каменный дом» императрицы Анны Иоанновны возведён по проекту Растрелли в 1732-1736 годах. Чертёж 1740-х гг.

Летний дворец Анны Иоанновны в Летнем саду построен по проекту Растрелли в 1732 году

Амфитеатр в Летнем саду с каскадом и «Коронным» фонтаном сооружён по проекту Растрелли в 1734-1738 годах

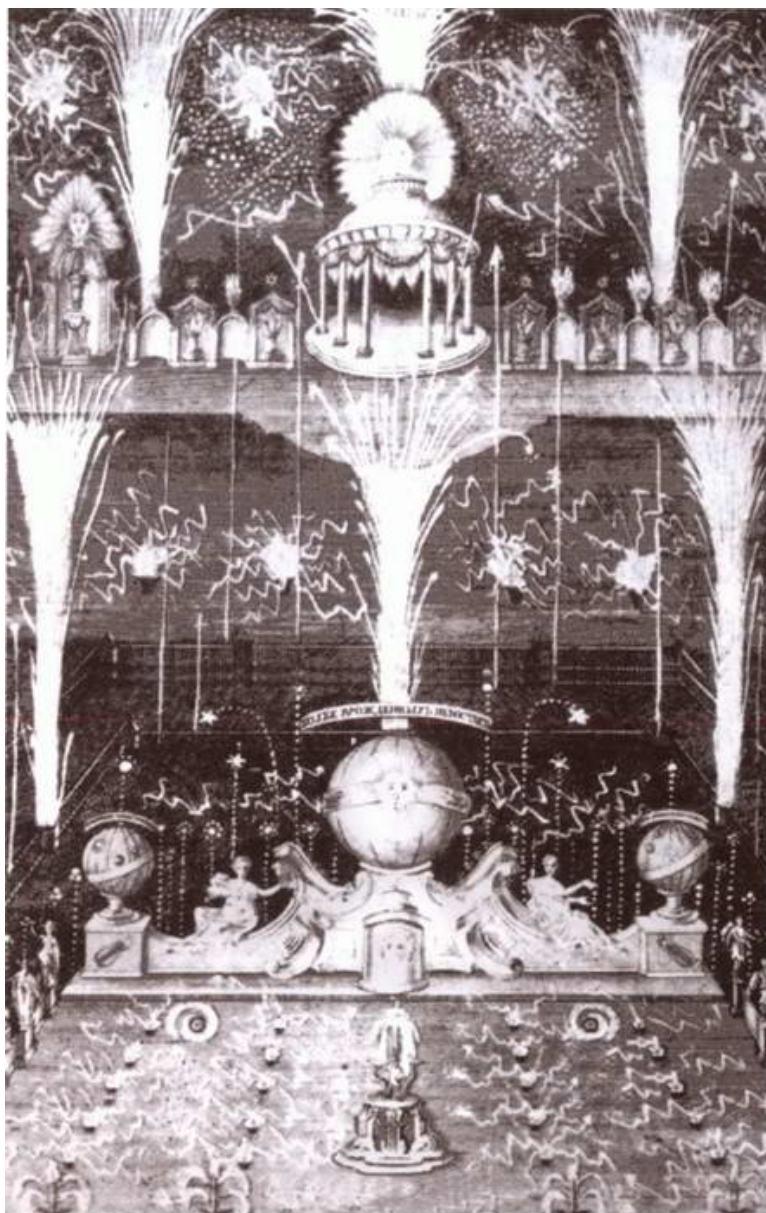
В 1732 году в Летнем саду построено первое театральное здание Петербурга — «комедия деревянная» у Карпиева пруда

Новогодняя иллюминация Петропавловской крепости в 1735 году. Гравюра по рисунку И. Тремера. 1736 г.

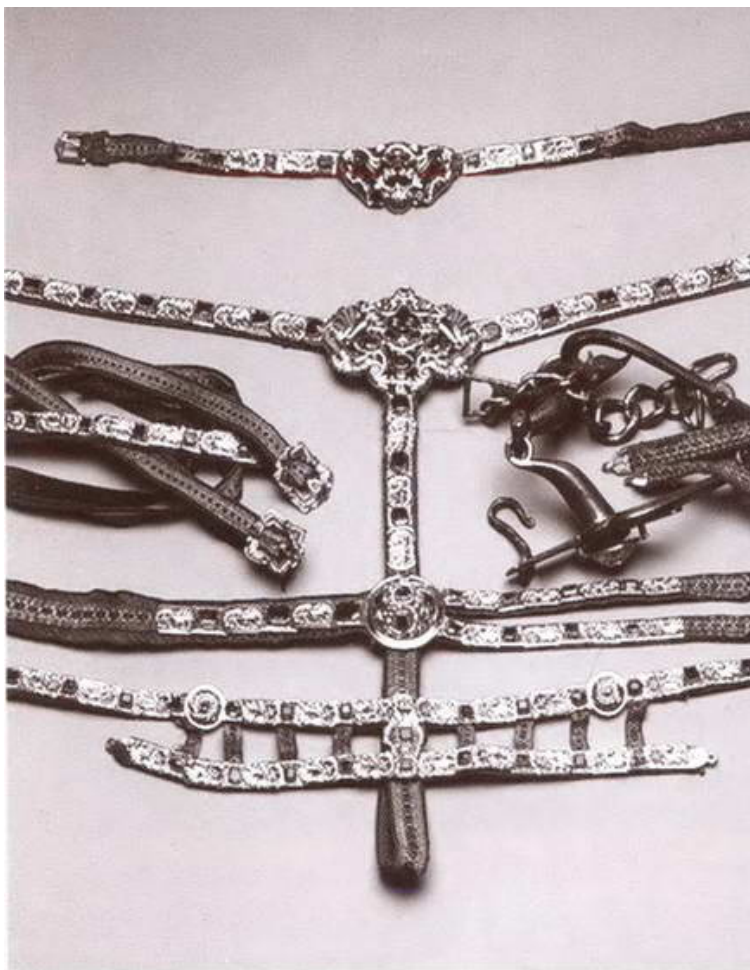
Шествие слонов, подаренных персидским шахом, по Дворцовой площади. Ф. Воробьёв. Не позднее 1737 г.

Фейерверк 28 января 1735 года в честь 42-летия императрицы. Гравюра О. Эллингера. 1742 г.

Охотничье ружьё с гравированной надписью: «Ея императорское величество у сей фузеи своими руками труд иметь изволили на сестрорецких заводах». 1735 г.

Конская сбруя, украшенная золотом и изумрудами. Около 1730 г.

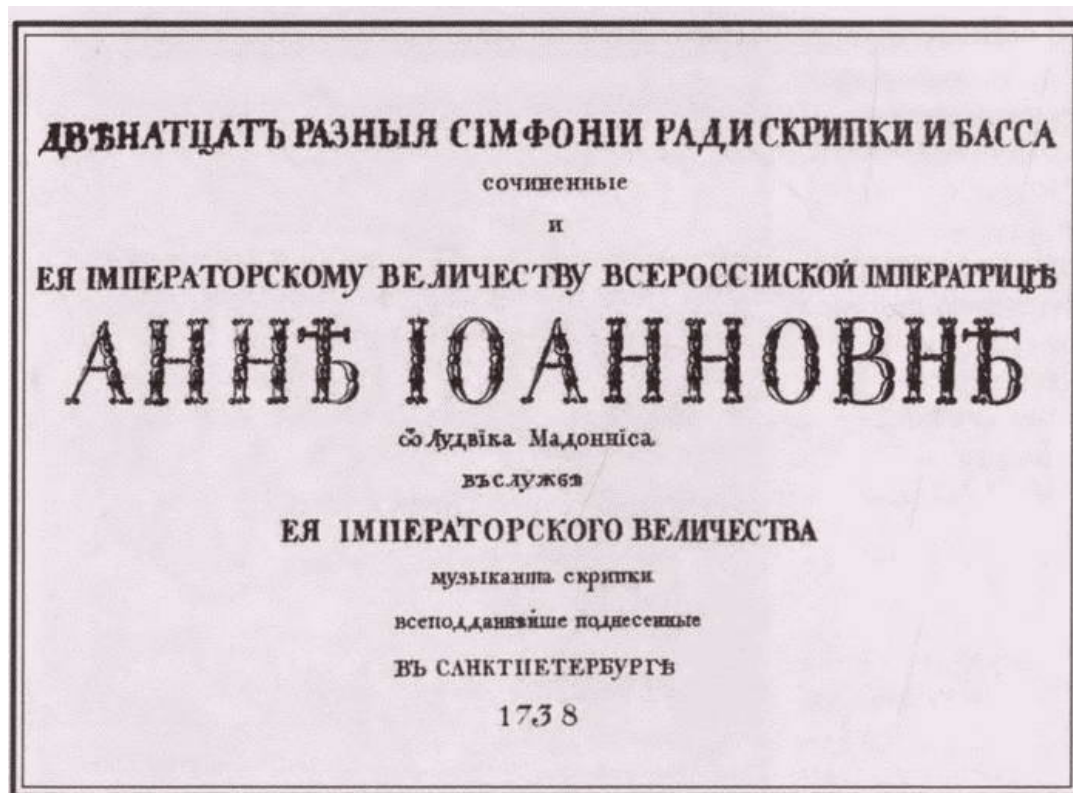

Грозная государыня была не чужда маленьких женских слабостей. Вверху — коробочка для хранения «мушек» с бриллиантовым вензелем Анны Иоанновны. 1730-е гг.

Внизу — вещи из золотого туалетного прибора императрицы, включавшего 46 предметов. И. Биллер. 1736-1740 гг.

Благодаря итальянскому композитору и дирижёру Франческо Арайе Россия в 1736 году познакомилась с оперным искусством

Альбом симфонических пьес итальянского композитора и скрипача Луиджи Мадониса, посвящённых Анне Иоанновне. 1738 г.

Архитектор Пётр Михайлович Еропкин в 1740 году создал проект «Ледяного дома», а поэт Василий Кириллович Тредиаковский написал вирши для шутовской свадьбы

Этнографический карнавал на шутовской свадьбе в «Ледяном доме»

По профилям на серебряных монетах видно, как менялись прически, украшения и фасоны одежды императрицы.

Вверху — рубль 1732 года, внизу — рубль 1739 года

Племянница императрицы Анна Леопольдовна. И. Ведекинд. Не позднее 1736 г.

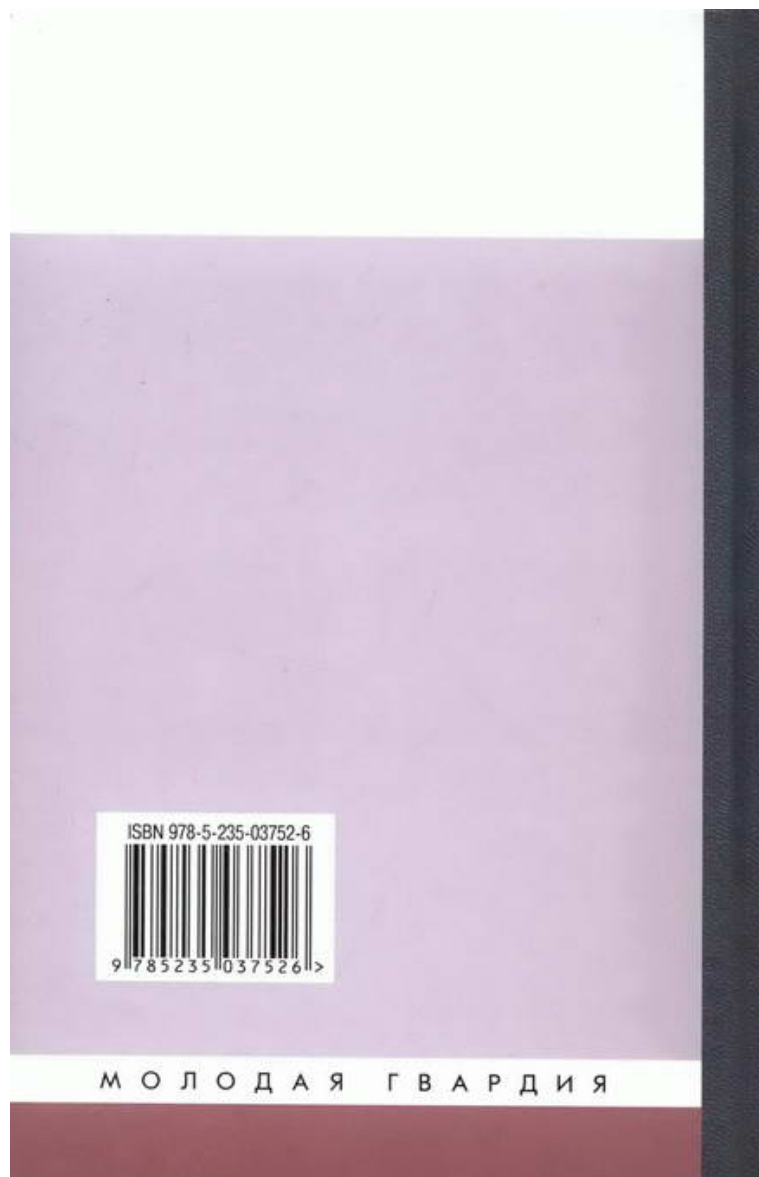
Принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебург-Беве́рский

Наследник российского престола великий князь Иван Антонович

Анна Иоанновна с арапчонком. К. Растрелли. 1741 г.

notes

Примечания

Автор, являясь сторонником употребления буквы «ё», позволил себе вольность использовать её и в документах XVIII века, когда она ещё не была введена в русский алфавит, для более точной передачи фонетики.

Мундкох (от нем. *Mund* — рот и *kochen* — готовить) — придворный, ведавший кухней, мундшенк (от нем. *Mundschenk* — виночерпий) — винным погребом.

Троюродный брат Петра I генерал-аншеф Михаил Афанасьевич Матюшкин (1676–1737) в 1730 году подписал «проект пятнадцати» и прошение о восстановлении самодержавия. В том же году был назначен киевским генерал-губернатором, а затем сразу отправлен в отставку. Не вполне ясно, о каких связях с Италией идёт речь, поскольку считалось, что род Матюшкиных татарского происхождения.

Камер-юнгфера (нем. *Kammerjungfer*), камер-медхен (нем. *Kammermädchen* от *Kammer* — комната, кладовая, *Mädchen* — девочка, девушка) — камеристка, горничная, девушка для прислуживания при одевании.

От нем. *Tafel* — доска, стол; *decken* — покрывать.

6

Доктор и больной (*фр.*).

Конкубинат (от лат. *con* — вместе, *cubo* — лежу) — в римском праве фактическое сожительство мужчины и женщины без заключения брака.

Гак (от нем. *Haken* — «соха») — единица поземельного налогообложения на территории Прибалтики, размер которой зависел от качества земли. Самым распространённым был так называемый крестьянский гак, составлявший в Северной Эстонии 8-12 гектаров посевной площади.

По-немецки — Руэнталь (Ruhenthal) — «Долина спокойствия».

В 1735 году на восточном склоне Уральского хребта было открыто крупнейшее месторождение магнитного железняка. Посетивший его в сентябре того же года Василий Татищев в честь императрицы дал магнитной горе название Благодать (*др.-евр.* Анна).

11

Сукцессор (фр.*successeur*,англ.*successor*) — преемник, наследник.

12

Искаж. лат. «ex tempore» — «по мере надобности».

comments

Ссылки

См.: Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799. С. 174–177.

Цит. по: *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности: В 5 т. Т. 2. М., 1859. С. 5, 6.*

Цит. по: *Пекарский П.П.* Собственноручная записка Екатерины II об ошибках в государственном управлении после кончины Петра Великого// Русская старина (далее — РС). 1880. № 12. С. 1047.

См.: *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 342.

См.: Перевоороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С. 441, 445–449.

«О повреждении нравов в России» кн. М. Щербатова и
«Путешествие» А. Радищева. М., 1985. С. 95.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 38.

См.: *Арсеньев К.И.* Царствование Екатерины I. СПб., 1856; *Вейдемейер А.В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1832; *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1840. С. 232-236; *Он же.* Русская история: В 5 ч. Ч. 2. СПб., 1855. С. 116, 129, 165, 169.

Масальский К.П. Регентство Бирона: Повесть: В 2 ч. СПб., 1834. Ч. 2. С. 77, 78.

См.: *Ильинская И.У.* истоков русского исторического романа // Нева. 1969. № 12. С. 174.

11 См.: *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1845. С. 56.

См.: *Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 10. М., 1993. С. 258, 261, 636, 644; Кн. 11. М., 1993. С. И.

См.: *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 272–27'4.

См.: *Попов Н.А.* В.Н. Татищев и его время. М., 1861; *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. СПб., 1873; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Шубинский С.И.* Граф Андрей Иванович Остерман (1686–1745). СПб., 1863; *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880; *Титлинов Б.В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильно, 1905; *Байов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией 1736–1739 гг.: В 2 т. СПб., 1906.

См.: Донесение московского генерал-губернатора гр. С.А. Салтыкова императрице Анне об отобрании драгоценных вещей у кн. Долгоруких // Русский архив (далее — РА). 1866. № 1. С. 46–48; *Герман Э.* Царствование Анны Иоанновны. Из истории русского государства // Там же. № 1. С. 1–38; № 2. С. 137–171; № 5. С. 661–674; № 10. С. 1349–1372; № 11/12. С. 1508–1538; Дело о кн. А.А. Черкасском (сосланном в Сибирь). Бумаги императрицы Анны и графа Остермана // Там же. 1871. № 2. С. 035–070; Для биографии герцога Бирона // Там же. 1867. № 3. С. 469–473; Письмо Бирона к его дочери // Там же. 1871. № 11. С. 1906–1913; Черты из частной жизни императрицы Анны Иоанновны // Там же. 1873. № 9. С. 1631–1672; *Леонид (Кавелин), архим.* Архимандрит Варлаам, духовник Анны Иоанновны // Там же. 1874. № 3. С. 568–588; Дело о поступках бывшего Курляндского герцога Ивана Бирона // Там же. 1900. № 4. С. 481–485; Переписка московского главнокомандующего графа С.А. Салтыкова с императрицей Анной Иоанновной и её духовником Варлаамом // Там же. № 8. С. 417–441; Черты из домашней жизни Анны Иоанновны // Там же. 1904. № 3. С. 523–526; Из переписки Бирона с князем А.И. Шаховским // Там же. 1916. № 1–3. С. 256–270; № 4. С. 381–396; Несколько собственноручных писем Анны Иоанновны // Оснадацатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым: В 4 т. Т. 3. М., 1869. С. 151–156; *Корсаков Д.А.* Суд над князем Д.М. Голицыным // Древняя и новая Россия (далее — ДиНР). 1879. № 10. С. 126–152; *Шубинский С.Н.* Арест и ссылка регента Российской империи, герцога Курляндского Бирона // РС. 1871. № 5. С. 537–562; *Он же.* Императрица Анна Иоанновна: Придворный быт и забавы // Там же. 1873. № 3. С. 336–353; *Бюлер Ф. А., Максимов Н.Я.* Э.И. Бирон, герцог Курляндский, регент Российской империи // Там же. № 1. С. 52–61; Записки дежурства генерал-адъютанта Салтыкова. 1735 // Там же. № 7. С. 51–54; *Есипов Г.В.* Князя Долгоруковы в 1730–1740 гг. // Там же. № 12. С. 735–746; *Брикнер А.Г.* Русский двор в 1728–1733 гг. По донесениям английских резидентов // Исторический вестник (далее — ИВ). 1890. № 10. С. 36–63.

См.: Письма русских государей и других особ царского семейства: В 5 т. Т. 2. М., 1862; Общий архив Министерства императорского двора: В 2 т. Т. 1. СПб., 1888; Т. 2. СПб., 1892; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век: В 3 т. СПб., 1875–1878; Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семёну Андреевичу Салтыкову. 1732–1742 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1878. Кн. 1; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731–1740 гг.: В 12т./ Под ред. А.Н. Филиппова // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник РИО). Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146; Сенатский архив. Т. 2. СПб., 1889; Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отд. 1. Т. 2. СПб., 1910; Т. 3. СПб., 1915; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 11–20. СПб., 1903–1915.

См.: История Правительствующего Сената за двести лет. 1711-1911: В 5 т. СПб., 1911. Т. 2; 200-летие Кабинета его императорского величества. СПб., 1911.

См.: *Малышев М.Ю.* К вопросу об иностранном засилье в правление Анны Иоанновны: Историографический обзор // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск, 14-15 января 1999 г. Ижевск, 1999. С. 27-33.

См.: *Строев В.М.* Бироновщина и Кабинет министров: В 2 ч. Ч. 1. М., 1909; *Бондаренко В.Н.* Очерки финансовой политики Кабинета Анны Иоанновны. М., 1913.

См.: *Донников А.В.* Правление Анны Иоанновны в отечественной историографии: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2003. С. 18, 19.

См.: *Сёмин М.* Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 25–39; История СССР: В 3 т. М., 1939. Т. 1. С. 664, 665; Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. М, 1957. С. 247–251; История СССР / Под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. М., 1979. Ч. 1. С. 371–375; История СССР с древнейших времён до конца XVIII в.: Учебник/ Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 322.

Анисимов Е.В. Анна Иоанновна // Вопросы истории (далее — ВИ). 1993. №4. С. 19–33.

Он же. Анна Иоанновна. М., 2004. С. 356.

См.: *Павленко Н.И.* Анна Иоанновна: Немцы при дворе. М., 2002; *Павленко Н. И., Андреев И. Л., Кобрин В.Б.* История России с древнейших времён до 1861 г.: Учебник для вузов. М., 2003. С. 300.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001; *Черникова Т.В.* «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5. С. 155–163.

См.: *Curtiss M.* A Forgotten Empress. Anna Ivanovna and her Era. N. Y., 1974.

См.: Законодательство императрицы Анны Иоанновны / Вступ. ст., сост. В.А. Томсинов. М., 2009; *Курукин И. В., Плотников А.Б.* 19 января — 25 февраля 1730 г.: события, люди, документы. М., 2010.

См.: Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е гг.) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л., 1991; Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825 / Вступ. ст., коммент. М.А. Бойцова. М., 1991; Перевороты и войны; Империя после Петра. 1725–1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998; Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000; Юность державы / Фридрих Берхгольц. Геннинг Бассевич. М., 2000.

См.: *Беспяхых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997.

См.: *Старикова Л.М.* Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны: Документальная хроника. 1730–1740. М., 1995; *Она же.* Штрихи к портрету императрицы Анны Иоанновны: Частные развлечения в домашнем придворном кругу // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв.: Очерки истории и теории. СПб., 2000. С. 99–142; *Корсакова Т.Н.* «Немецкое» барокко Анны Иоанновны // Антиквариат. 2008. № 11. С. 4–14.

См.: *Малышев М.Ю.* Сословная политика правительства Анны Иоанновны (дворянство, крестьянство, духовенство): Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 1997; *Донников А.В.* Указ. соч; *Савельева Е.Н.* Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: Автореф. дис. канд. ист. наук. М, 2004.

См.: *Кром М.М.* Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. 2001. Вып. 4. С. 374.

См.: *Карнович Е.П.* Значение бироновщины в русской истории // Отечественные записки. 1873. № 10. С. 542, 560, 570–577; № 11. С. 95, 121–127; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. L., 1982. P. 107; *Lipski A.* A Re-examination of the «Dark Era» of Anna Ioannovna // American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. № 4. P. 477–488; *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. 1725–1740. СПб., 1994. С. 424–479; *Он же.* Россия при императрице Анне Иоанновне (проблема «бироновщины») // A Window On Russia: Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteen-Century Russia. Gargano, 1994; Roma, 1996. P. 51–56.

См.: *Завадская З.М.* Дочь царя Ивана: Царствование Анны Ивановны. М., 2008. С. 48, 121, 256; *Красногорская И.К.* Похождения Стахия, телохранителя герцогини Курляндской Анны, волонтера: Исторический роман. Рязань, 2007. С. 18, 19, 67.

Горбик Ф.Э. Диана на троне: Царица Анна Иоанновна: Роман. Кемерово, 2003. С. 173, 260.

См.: *Буровский А.М.* Россия, которая могла быть. М., 2005. С. 252, 255, 258, 285, 294.

См.: *Гримберг Ф.И.* Династия Романовых: Загадки. Версии. Проблемы. М., 2006. С. 108; *Коняев Н.М.* Подлинная история Дома Романовых. М., 2007. С. 242, 251–253.

Буганов В. И., Зырянов П.Н. История России. Конец XVII–XIX в. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: профильный уровень. М., 2010. С. 49.

Левандовский А.А. История России XVIII–XIX вв. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: базовый уровень. М., 2011. С. 49.

Данилов Д. Д., Павлова Н. С., Рогожкин В.А. Российская история нового времени XVI–XVIII вв: Учебник для 7 класса основной школы. М., 2006. С. 219; *Павленко Н. И., Ляшенко Л. М., Твардовская В.А.* История России. XVIII–XIX вв.: Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 2003. С. 61.

См.: *Андреев И. Л., Данилевский И. Н., Кириллов В.В.* История России с древнейших времен до конца XIX в. 10 класс (базовый уровень): Учебник для общеобразовательных учреждений / Под ред. И.Н. Данилевского, О.В. Волобуева. М., 2011. С. 183–185.

См.: *Щепетов К.П.* Немцы — глазами русских. М., 1995. С. 88–90; *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1996. С. 218; *Орлов А. С., Георгиев В. А., Полунов А. Ю., Терещенко Ю.Я.* Основы курса истории России. М., 1997. С. 182; *Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т.А.* История России. М., 2001. С. 145–147; *Моряков В. И., Фёдоров В. А., Щетинов Ю.А.* История России: Пособие для старшеклассников и абитуриентов. М., 2003. С. 147.

См.: *Курукин И.В.* Фаворит на десять лет: Незлобивое слово о герцоге Эрнсте Иоганне Бироне // *Родина*. 2000. № 9. С. 37–42; *Он же.* Из истории складывания режима «бироновщины» // *Отечественная история*. 2003. № 2. С. 3–19; *Он же.* «Нагло казну разворовывать...»: Финансовые «камфузии» при Анне Иоанновне // *Родина*. 2004. № 4. С. 46–49; *Он же.* Немилость властелина: Необыкновенная судьба обыкновенного вельможи в эпоху «бироновщины» // *Там же*. № 9. С. 66–71; *Он же.* Бирон. М., 2006; *Он же.* Опасная картинка Епафродита Ивановича: Политическая «оттепель» в зимней Москве 1730 г. // *Родина*. 2009. № 2. С. 11–15; *Курукин И. В., Плотников А.Б.* Указ. соч.

См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф-7. Оп. 1. № 744. Л. 5 об.-9.

Рождение империи / Дневник избиения московских бояр. И. Корб. И. Желябужский. А. Матвеев. М., 1997. С. 152.

См.: *Семевский М.И.* Царица Прасковья. 1664–1723: Очерк из русской истории XVIII в. Л., 1991. С. 25, 26, 28, 29.

См.: *Топычканов А.В.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII в. М., 2004. С. 36–42.

Бруин К. де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 68.

Лавры Полтавы / Юст Юль. Отгон Плейер. М., 2001. С. 112.

Там же. С. 189,190.

См.: Сборник РИО. Т. 39. С. 432; Т. 50. С. 115.

Лавры Полтавы. С. 180, 181.

Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. Т. 10.
М., 1976. С. 315.

Походный журнал 1710 г. СПб., 1854. С. 22, 23.

Цит. по: Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг.//РС. 1882. № П.С. 306.

Лавры Полтавы. С. 217–219.

Там же. С. 223.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 2.
М., 1977. С. 365.

См.: *Стродс Х.* Курляндский вопрос в XVIII в.: В 2 ч. Рига, 1993.
Ч. 1. С. 68-72.

См.: *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 54.

См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 29. Л. 4.

См.: Там же. Ф. 4. Оп. 1. № 54.

Письма русских государей и других особ царского семейства.
Т. 4. М., 1862. С. 88–89.

Несколько собственноручных писем Анны Иоанновны. С. 152.

См.: *Семевский М.И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс, 1692–1724: Очерк из русской истории XVIII в. Л., 1990. С. 98.

Неистовый реформатор. С. 469.

См.: Сборник РИО. Т. 52. С. 294, 324, 359.

См.: РГАДА.Ф. 2. Оп. 1. № 42.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1. №63. Л. 2.

Цит. по: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 74.

См.: РГАДА Ф. 11. Оп. 1. № 217. Л. 2, 5.

Письма русских государей и других особ царского семейства.
Т. 2. С. 155.

Перевороты и войны. С. 34, 35.

См.: *Ланцманис И.* Фрагменты жизненного пути Эрнста Иоганна Бирона в отражении исторических источников // Эрнст Иоганн Бирон. 1690–1990: Выставка в Рундальском дворце: Каталог. Рига, 1992. С. 11; *Он же.* Резиденции Эрнста Иоганна Бирона в Курляндии // Там же. С. 79.

См.: *Bilmanis A.* A History of Latvia. Princeton, 1951. P. 208.

Юность державы. С. 251.

Расписка Бирона // Осмнадцатый век. Т. 3. С. 157.

См.: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 130; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. №55. Л. 2, 2 об.

См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 55. Л. 1, 4, 5.

См.: *White J.* Marshal of France. The life and times of Maurice, comtede Saxe. Chicago, 1962. P. 63.

Цит. по: *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 131.

См.: Там же. С. 133; *Он же*. Полудержавный властелин. М., 1988. С. 275.

Цит. по: *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М., 2004. С. 72.

Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 131.

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 3. Картон 344. № 54. Л. 6, 7.

См.: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 134.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 444. Л. 23 об., 24.

См.: *Огурцов В.* Случай с бароном Ашем // Родина. 1999. № 4. С. 50-53.

См.: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. № 37. Л. 2, 3.

См.: *Шубинский С.Н.* Княгиня А.П. Волконская и её друзья // И.В. 1904. № 12. С. 944–949, 953–955; РГАДА.Ф. 6. Оп. 1. № 162. Л. 6, 9 об. 10 об., 24об., 25 об., 34 об.

Несколько собственноручных писем Анны Иоанновны. С. 153.

См.: РГАДА.Ф. 9. Оп. 5. № 55. Л. 3, 3 об.

Там же. Ф. 11. Оп. 1. № 224. Л. 1-2.

См.: П.М. Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье // Р.А.
1904. № 1. С. 21.

Цит. по: *Курукин И. В., Плотников А.Б.* Указ. соч. С. 118–120.

Цит. по: Там же. С. 157.

См.: РГАДА.Ф. 156. Оп. 1. №202. Л. 1-18.

См.: Перевоороты и войны. С. 27, 35; *Соловьёв С.М.* Указ. соч.
Кн. 10. С. 317.

РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. № 202. Л. 94-96 об.

Цит. по: *Курукин И. В., Плотников А.Б.* Указ. соч. С. 205–208.

См.: Там же. С. 64, 65. Данные результаты уточнены по сравнению с приведёнными в работах, опубликованных в 2001–2003 годах: *Курукин И.В.* «Время, чтоб самодержавию не быть»: Генералитет, дворянство и гвардия в 1730 г. // Отечественная история. 2001. № 4. С. 3–18; № 5. С. 12–21; *Он же.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 183–191.

РГАДА.Ф. 286. Оп. 1. № 108. Л. 50 об., 84 об.

См.: Там же. Л. 29, 35, 59, 64, 68, 70, 93, 94, 98, 132, 162, 178, 192, 192 об., 227, 270, 271.

Там же. Ф. 6. Оп. 1. №213. Л. 48.

Там же. Л. 51 об.

См.: Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1719 г. № 15. Л. 31, 31 об. ; *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX в. М., 2005. С. 124.

Цит. по: *Корсакова В.Д.* Дипломатические депеши посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. №2. С. 281.

РГАДА.Ф. 7. Оп. 1. № 449. Ч. 1. Л. 1 об., 12 об., 128.

См.: *Корсакова В.Д.* Указ. соч. // РС. 1909. № 2. С. 292; Сборник РИО.Т. 5. С. 351; *Dukes P., Meehan-Waters B.* A neglected Account of the succession crisis of 1730: James Keith's Memoir // Canadian-american Slavic studies. 1978. Vol. 12. № 1. P. 177.

См.: Календарь или месяцеслов исторический и генеалогический на лето от Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1730. СПб., 1729.

См.: Записная книга И.М. Грязнова 1730–1752 // Щукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 20.

См.: *Седов С.А. Д.М. Голицын (1663–1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1996. С. 10–15; РГАДА.Ф. 7. Оп. 1. №126. Л. 14, 15, 58.*

Сборник РИО.Т. 66. С. 158, 159.

Посошков И. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 58.

Цит. по: *Корсакова В.Д.* Указ. соч. // РС. 1909. № 2. С. 283.

Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол блаженныя и вечно достойныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837. С. 18.

См.: РГАДА.Ф. 286. Оп. 1. № 108. Л. 230.

Великие и достохвальные деяния российских государей, полководцев, гражданских чиновников и других людей. СПб., 1803. С. 102-104.

Цит. по: *Курукин И. В., Плотников А.Б.* Указ. соч. С. 58, 59.

Цит. по: Там же. С. 226, 227.

См.: Письма о России в Испанию дюка де Лирия, бывшего первым Испанским посланником в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Семнадцатый век. Т. 3. С. 30, 35.

Цит. по: РС. 1875. № 2. С. 388. Подлинник записки см.:
РГАДА.Ф. 10. Оп. 1. №361.

См.: *Лотман Ю.М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX в. // Из истории русской культуры (XVIII — начало XIX в.). М., 1996. С. 51.

См.: *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 148.

См.: Сборник РИО.Т. 5. С. 355; Письма о России в Испанию... С. 42.

Цит. по: *Dukes P., Meehan- Waters B.* Op. cit. P. 178.

См.: Российский государственный военно-исторический архив
(далее — РГВИА). Ф. 2583. Оп. 1. № 154. Л. 13, 14, 15, 15 об.

Болотов А.Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Тула, 1988. Т. 2. С. 9, 10, 15, 16.

Подсчёты произведены по поданным в Верховный тайный совет «перечневым ведомостям» за 20-26 февраля 1730 г. (РГАДА.Ф. 16. Оп. 1. № 101. Л. 1-110).

Там же. Ф. 1292. Оп. 1. № 97. Л. 445 об.

См.: Сборник РИО.Т. 15. С. 414; Т. 75. С. 466, 467; *Корсакова В.Д.* Указ. соч. // РС. 1909. № 2. С. 283.

См.: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 211.

См.: Сборник РИО.Т. 101. С. 457–522; РГАДА.Ф. 3. Оп. 1. № 5. Л. 59–64.

См.: РГАДА.Ф. 3. Оп. 1. № 5. Л. 65.

См.: Сборник РИО.Т. 5. С. 367; Т. 66. С. 153, 168.

РГАДА.Ф. 1292. Оп. 1. № 97. Л. 449 об., 450.

См.: Письма о России в Испанию... С. 53.

Цит по: *Курукин И. В., Плотников А.Б. Указ. соч. С. 142.*

См.: Письма о России в Испанию... С. 53.

См.: Курукин И. В., Плотников А.Б. Указ. соч. С. 178, 179.

См.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 7. Л. 1–76.

См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 126; *Петрухинцев Н.Н.* Указ. соч. С. 43.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е:
В 45 т. (далее — ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 8. № 5509, 5517.

См.: Там же. №5518.

См.: Там же. №5521, 5522.

См.: *Голицын Н.В.* Феофан Прокопович и воцарение императрицы Анны Иоанновны // Вестник Европы. 1907. № 4. С. 525.

См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. СПб., 1875. № 3730, 3732, 3733, 3754, 3759.

Перевороты и войны. С. 336.

См.: О роде князей Юсуповых. СПб., 1867. Ч. 2. С. 210, 211; РГВИА.Ф. 2583. Оп. 1. № 152. Л. 1; Письма о России в Испанию... С. 58.

См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 3743, 3744, 3751; ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5532.

См.: *Макарий, еп.* Последние дни кн. В.Л. Долгорукого в Соловецком монастыре//ЧОИДР. 1880. Кн. 3. Смесъ. С. 19–32.

См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 3758; РГАДА Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 10; Гофмейстерины, статс-дамы и фрейлины русского двора XVIII и XIX вв. С. 2.

Цит. по: *Корсакова В.Д.* Указ. соч. // РС. 1909. № 3. С. 552.

См.: Описание коронации её величества императрицы Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 28 апреля 1730 году. М., 1730. С. 10.

См.: Там же. С. 30.

См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 13. Оп. 13/1. № 4. Л. 3-5.

См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 3795.

См.: *Корсакова В.Д.* Указ. соч. // РС. 1909. № 3. С. 549;
Кудрявцев А. Книга записная имянным письмам и указам
императрицы Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны С.А.
Салтыкову // ЧОИДР. 1878. Кн. 1. С. 2.

См.: АВПРИ.Ф. 13. Оп. 13/1. №4. Л. 9-0, 12-13, 20-21.

См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1701-1740). СПб., 1888. С. 99; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. №3818; РГАДА.Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 86. № 41985. Л. 37 об.

См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. № 1777. Л. 177–179.

См.: *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 59.

См.: Сборник РИО.Т. 106. С. 364, 367, 446, 530; РГАДА.Ф. 1239.
Оп. 3. № 35237. Л. 4-8.

165

См.: РГАДА.Ф. 248. Оп. 17. № 1084. Л. 27-113.

См.: Там же. Ф. 20. Оп. 1. № 61. Л. 15-26, 40-44, 119-120.

См.: Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 90. № 45502. Л. 6 об; РГВИА.Ф. 2583. Оп. 1. №154. Л. 22; Ф. 2584. Оп. 1. №82. Л. 11-400.

См.: РГАДА.Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 65. № 30693. Л. 98-100.

См.: Материалы для истории Императорской Академии наук:
В 10 т. Т. 1. СПб., 1885. С. 643.

РГАДА.Ф. 11. Оп. 1. № 596. Л. 4.

См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 3779, 3805, 3835, 3847, 3861, 3879, 3890-3892, 3895, 3915, 3919.

Цит. по: Хакобо Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика.
Донесение о Московии в 1731 году// В.И. 1997. № 5. С. 81.

См.: Бумаги Елизаветы Петровны // Архив князя Воронцова: В 40 кн. Кн. 1. М., 1870. С. 23.

См.: Сборник РИО.Т. 104. С. 92, 93, 134, 135.

Цит. по: Записка Бирена // *Хмыров М.Д.* Указ. соч. С. 314, 315.

См.: РГАДА.Ф. 3. Оп. 1. № 8. Л. 1-7 об.

Цит. по: Записка Бирена. С. 315, 316.

ПСЗРИ-1. Т. 8. №5909.

См.: Голицын Н.В. Указ. соч. С. 525; Cracraft У. The Succession Crisis of 1730: A View from the Inside // Canadian-american Slavic studies. 1978. V. 12. №1. P. 80, 81.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5566, 5570.

См.: История Правительствующего Сената за двести лет. Т. 1.
С. 552.

См.: Там же. С. 558, 634.

См.: *Веретенников В.И.* Проект уничтожения Сената в XVIII в.
// Ученые записки Харьковского университета. 1913. № 2. С. 5–9.

См.: *Le Donne J.* Ruling families in Russian political order in 1689–1725 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1987. Vol. 28. № 3/4. P. 298.

См.: Сборник РИО.Т. 81. С. 157, 158; *Сергиевский Е.Н.* Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С. 232, 233; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т. 1. С. 139.

См.: *Российский М.А.* Очерк истории 3 пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала М.М. Голицына полка. М., 1904. С. 110; Сборник РИО.Т. 104. С. 96.

См.: РГВИА.Ф. 8. Оп. 1/89. № 489. Л. 1-10.

См.: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны.
С. 301.

См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1988. С. 313.

См.: Русский биографический словарь. Т. «Вавилов — Вельяминов». N. Y., 1991. С. 479, 480.

См.: *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны.
С. 208.

См.: РГАДА.Ф. 6. Оп. 1. № 171. Л. 1-2 об., 3 об. - 4 об., 184 об.

См.: Сборник РИО.Т. 104. С. 81, 87; Т. 106. С. 334.

См.: Материалы для истории Императорской Академии наук.
Т. 1. С. 635.

См.: Сборник РИО.Т. 104. С. 106; Т. 106. С. 188.

РГАДА.Ф. 286. Оп. 1. № 112. Л. 194.

Цит. по: *Чистович И.А.* Дело Салникеева // ЧОИДР. 1868. Кн. 3. Смесь. С. 119, 120; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 4050.

См.: РГАДА.Ф. 286. Оп. 1. № 112. Л. 214 и далее.

См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 154. Л. 2 об., 53; № 164. Л. 22.

См.: *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882. С. 8. Списки состава см.: РГАДА.Ф. 248. Оп. 17. № 1088. Л. 385 и далее.

См.: *Панчулидзе С.А.* История кавалергардов: В 4 т. Т. 1. СПб., 1899. С. 215–221.

См.: *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849. С. 4, 15; Списки состава см.: РГАДА.Ф. 248. Оп. 17. № 1088. Л. 362385; Ф. 20. Оп. 1. № 69. Л. 3-46; Сборник РИО.Т. 104. С. 67, 83, 450.

См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 443, 444.

Перевороты и войны. С. 161.

Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семёновского полка Александра Алексеевича Благово 1739 и 1740 гг., 1750 г. // Щукинский сборник. Вып. 2. М., 1903. С. 388, 390.

РГВИА.Ф. 2583. Оп. 1. № 184.

См.: Там же. № 210. Л. 47-63.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6468; Т. 10. № 7707; *Валькович А.М.*
Золотой век российской гвардии: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 163.

Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семёновского полка... // Щукинский сборник. Вып. 2. С. 425.

Там же. С. 417, 430.

Там же. С. 386.

См.: Сборник РИО. Т. 120. С. 15–17; Империя после Петра. С. 257.

Цит. по: *Валькович А.М.* Указ. соч. С. 166.

См.: Там же. С. 170.

Империя после Петра. С. 21.

Там же. С. 256, 257.

ПСЗРИ-1. Т. 10. №7707.

См.: РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. № 210. Л. 29, 29 об.

См.: Там же. Ф. 2584. Оп. 1. № 240. Л. 5-6.

См.: Там же. Ф. 2583. Оп. 1. № 159. Л. 158-159 об., 163-164, 173-174, 175-176.

См.: Там же. №148. Л. 7.

См.: Сборник РИО.Т. 124. С. 200, 299, 303, 484, 493.

См.: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 240. Л. 13-14; Сборник РИО. Т. 146. С. 545.

РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 240. Л. 2-4 об.

См.: Там же. Л. 21; Ф. 2583. Оп. 1. № 210. Л. 70 об.

См.: Там же. Ф. 2584. Оп. 1. № 240. Л. 19.

См.: Сборник РИО. Т. 111. С. 276, 277.

Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семёновского полка... // Щукинский сборник. Вып. 2. С. 406, 411, 415.

См.: *Беспых Ю.Н.* Указ. соч. С. 64, 230.

232

См.: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. № 78. Л. 9, 9 об.

Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семёновского полка... // Щукинский сборник. Вып. 3. М., 1904. С. 74.

См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 282. Л. 5; № 286. Л. 6, 23 об.

ПСЗРИ-1. Т. 8. №5528.

Там же. № 5535.

Там же. №5727.

См.: Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2003. Т. 1 (Осьмнадцатое столетие). С. 132, 133.

239

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 273. Л. 5 об. -9.

См.: *Williams A.* The Police of Paris. 1718–1789. Baton-Ruge, 1979. P. 230.

241

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 275. 4. 1. Л. 170.

См.: *Переладов К.Г.* Секретные политические узники в имперской России XVIII столетия// Исторические источники и литературные памятники XVI-XX вв.: развитие традиции. Новосибирск, 2004. С. 109.

Подсчитано нами по: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 272. Ч. 1. Л. 1–39.

Подсчитано нами по: *Переладов К.Г.* Указ. соч. С. 112, 113.

245

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 345. Л. 2, 12, 25.

246

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 272. Ч. 2. Л. 405 об.

Там же. №736. Л. 2-8.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6506.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 1. Л. 53; № 266. Ч. 1. Л. 18.

См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. С. 329; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. №338. Л. 19-22 об.

251

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 350. Л. 2 об.

252

См.: Там же. №549. Л. 1-10 об.

См.: Там же. № 367. Ч. 1. Л. 114 об., 115, 120, 329, 476; Ч. 13. Л. 162.

Там же. №292. Л. 3об.

255

См.: Там же. № 269. Ч. 1. Л. 53; № 649. Л. 4 об., 29.

256

См.: Там же. № 501. Л. 2 об.

См.: *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 184, 185.

258

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 281. Л. 6 об.

См.: Там же. № 266. Ч. 2. Л. 75–77.

См.: Там же. № 379. Л. 7, 7 об., 53, 88; Сборник РИО. Т. 104. С. 220.

261

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 916. Л. 3-13, 21, 22.

См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук: В 54т. Т. 9. СПб., 1872. С. 109–113.

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 299. Л. 3-23; № 272. Ч. 1. Л. 23 об.

См.: Там же. № 395. Л. 1, 88 об., 97, 97 об., 161.

265

См.: Там же. №503. Л. 3а.

См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. № 361. Л. 1-8; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее — ПСПРВПИ). Т. 10. СПб., 1911. С. 24, 32, 33.

267

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 266. Ч. 1. Л. 122–128 об.

См.: *Веретенников В.И.* Из истории тайной канцелярии. 1731–1762 гг.: Очерки. Харьков, 1911. С. 14–16, 22.

См.: *Есипов Г.В.* Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова // Русское слово. 1862. № 3. С. 22; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 1. Л. 19, 43.

270

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 1. Л. 5, 5 об.

См.: Там же. № 339. Л. 1-42.

См.: Там же. №309. Л. 4 об., 8, 15, 101-111, 126, 167, 185.

См.: Там же. № 269. Ч. 1. Л. 12-13.

См.: *Есипов Г.В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880. С. 416-444.

Цит. по: Там же. С. 439.

См.: *Усенко О.Г.* Арабские «принцы» и скопинский мужик: галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // *Родина*. 2008. № 5. С. 70; *Он же.* Бродяги с видами на трон: галерея лжемонархов от Смуты до Павла I // Там же. 2008. №9. С. 48, 49.

См.: *Он же. Иван, испугавший Анну: галерея лжемонархов от Смуты до Павла I*/Там же. № 11. С. 56, 57.

Донос на откупщиков и компанейщиков, расхищающих казну и спаивающих народ, императрице Анне Иоанновне // ЧОИДР. 1866. Кн. 1. Смес. С. 7-13. Подлинник см.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 183.

Цит. по: *Андросов С.О.* Живописец Иван Никитин. СПб., 1998.
С. 123.

Цит. по: *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 284.

281

См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 179. Л. 8-12.

См.: Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 430.

См.: *Михневич В.О.* Две невесты Петра II // И.В. 1898. № 2. С. 597.

Миранда Ф. де. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 266.

См.: *Переладов К.Г.* Указ. соч. С. 109–111.

286

См.: Там же.

См.: Черникова Т.В. Указ. соч. С. 158.

См.: *Феофан Прокопович*. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные: В 4 ч. Ч. 3. СПб., 1765. С. 207, 211.

См.: Черникова Т.В. Указ. соч. С. 157.

290

См.: РГАДА. Ф. 349. Оп. 3. № 7568. Л. 23, 23 об.

См.: Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 446. Л. 3, 23, 109, 121.

См.: Там же. № 5. Ч. 1. Л. 288–292 об.

См.: *Переладов К.Г.* Указ. соч. С. 121.

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 7. Л. 18, 19, 19 об., 21; Ч. 8. Л. 8, 11, 24.

См.: *Клочков М.В.* О тайном архиве при Сенате // Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. Казань, 1913. С. 189.

См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 317. Ч. 1. Л. 661-663, 666 об., 667 об., 674, 684 об., 834 об.

Сборник РИО. Т. 5. С. 427, 428.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Указ. соч. С. 50–65; Письма о России в Испанию... С. 63; Сборник РИО. Т. 5. С. 382; Т. 66. С. 232–234, 239–241, 468–471; Т. 81. С. 86–88.

См. незавершённую работу С.Д. Шереметева «Князь А.М. Черкасский и его дочь»: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. № 4879.

Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные: Ч. 2. СПб., 1761. С. 73.

Там же. С. 71.

См.: Там же. С. 75.

См.: Там же. С. 334, 335, 389.

Там же. С. 63.

Там же. С. 107.

См.: Там же. С. 291.

Там же. Т. 111. С. 344, 345.

См.: Там же. С. 237, 277, 278, 295, 314, 367-369, 380, 381; Т. 124. С. 299, 303, 432, 433.

310

Подсчитано нами по: Сборник РИО. Т. 104, 111, 120, 124.

311

См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 105. Л. 16.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6745.

См.: Там же. № 6744, 6746, 6749, 6750, 6752, 6760, 6761, 6770, 6773, 6789, 6792.

См.: РГВИА. Ф. 2. Оп. 13. № 18. Л. 50–52.

См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 10; № 16; № 28. Л. 1-27; Ф. 342. Оп. 1. № 8. Л. 20, 21; Переписка императрицы Анны Иоанновны с московским губернатором графом С.А. Салтыковым // Р.А. 1878. № 9. С. 1647-1672; Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семёну Андреевичу Салтыкову. С. 1-236.

316

РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. № 4. Л. 8.

См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 280.

318

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 30. Л. 1, 1 об.

Там же. Т. 108. С. 280.

321

См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 45; Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. № 1; 1736 г. №6.

См.: Там же. Ф. 177. Оп. 1. 1739 г. №7. Л. 14-21 об., 32-37 об.

Несколько собственноручных писем Анны Иоанновны. С. 154, 155.

См.: Сборник РИО. Т. III. С. 245, 246; Т. 120. С. 156–158.

См.: *Бондаренко В.Н.* Указ. соч. С. 8.

326

См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736г. №4. Л. 1-13; 1737г. №4. Л. 1-15; 1738 г. №3. Л. 1-5 об.

См.: Сборник РИО. Т. 120. С. 383.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 10. № 7589, 7600, 7604, 7610, 7611, 7630, 7635.

См.: Записки дежурства генерал-адъютанта Салтыкова. С. 51–54 (журнал ошибочно датирован 1735 годом, но в тексте упоминается визит Анны Иоанновны к сестре Екатерине, которая скончалась в 1733-м).

330

См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. № 5. Л. 1, 2.

Там же. Т. 111. С. 80.

См.: Там же. Т. 111. С. 355; Т. 124. С. 484.

См.: Там же. Т. 104. С. 448, 449.

Там же. Т. 124. С. 477.

336

См.: РГАДА. Ф 177. Оп. 1. 1735 г. № 4. Л. 4, 4 об.

См.: Там же. Оп. 2. № 79. Л. 1-13.

См.: Там же. Л. 175–185.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. N9 6949, 7142.

Сборник РИО. Т. 117. С. 51, 52.

См.: Сборник РИО. Т. 130. С. XXXV–XXXVII, 140, 209, 211, 212, 226, 247, 250, 251, 263, 288, 318, 364, 403, 465, 472, 483, 500, 520, 521, 543, 554, 595, 620.

Там же. Т. 126. С. 139.

См.: Там же. Т. 104. С. 130, 224.

См.: Там же. Т. 104. С. 328; Т. 111. С. 283, 317, 337, 348, 410.

См.: Там же. Т. 108. С. 142, 175, 201; Т. 114. С. 468.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6725; Сборник РИО. Т. 111. С. 310, 311.

347

См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 29. Л. 14, 14об.

См.: Сборник РИО. Т. 111. С. 218; Записки дежурства генерал-адъютанта Салтыкова. С. 52.

См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 496–498, 538; Т. 111. С. 343.

См.: Там же. Т. 104. С. 85, 227, 287, 329, 546; Т. 138. С. 108;
ПСЗРИ-1. Т. 8. № 6119; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 8. Л. 2.

См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 189, 190.

См.: Там же. С. 281, 343; Т. 138. С. 137.

См.: Исторические рассказы и анекдоты, написанные со слов именитых людей П.Ф. Карабановым// РС. 1871. № 11. С. 583; *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 50; *Семёнова Л.Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 187; *Серов Д.О.* Прокуратура Петра I (1722–1725): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002. С. 25.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 208. Л. 18 об. См. также: *Анисимов Е.В.* Дыба икнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 515.

355

См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 8. Л. 25.

356

См.: Там же. Л. 60б.

357

См.: Там же. Ф. 248. Оп. 110. № 237. Л. 1-143.

Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 208. Л. 7.

359

См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. №8. Л. 20.

360

См.: Сборник РИО. Т. 146. С. 320, 344; Опись высочайшим
указам и повелениям... Т. 2. № 7853.

361

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. № 215. Л. 93-96.

362

См.: Там же. № 234. Л. 1-329.

См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 22. М., 1914. С. 1079, 1080.

См.: Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны в Санкт-Петербург 16 января 1732 года // Р.А. 1867. С. 339, 340.

Безвременье и временщики. С. 261, 262.

Там же. С. 210; *Беспятых Ю.Н.* Указ. соч. С. 439.

Безвременье и временщики. С. 210; Хакобо Джиме Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 г. С. 80.

Перевороты и войны. С. 391, 392.

Цит. по: *Фосс Ю.* Образ России в немецких энциклопедиях XVIII в. // Русские и немцы вXVIII в.: встреча культур. М., 2000. С. 16, 17.

Мион А. де. Путешествие в Московию, или Исторический дневник замечательных событий // И.В. 1899. № 11. С. 719.

371

См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. № 74. Л. 471–486 об.

См.: *Агеева О.Г.* Императорский двор России, 1700–1796 гг. М., 2008. С. 90–92.

См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 55. Ч. 1. Л. 88-89.

См.: Сборник РИО. Т. 101. С. 321, 322; РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 19. Л. 157, 174-175; №160. Л. 2.

См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. С. 236.

См.: *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 69, 70.

См.: *Агеева О.Г.* Указ. соч. С. 99–101.

См.: *Волков Н.Е.* Указ. соч. С. 145–210; *Фрейман О.Р.* Пажи за 185 лет. СПб., 1897. С. 13–16; Высочайшие повеления по придворному ведомству. С. 87–95.

См.: *Волков Н.Е.* Указ. соч. С. 40, 41.

См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 55. Ч. 1. Л. 89; *Агеева О.Г.* Указ. соч. С. 107, 108, 110.

См.: *Duindam J.* Vienna and Versailles: The Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550–1780. Cambridge, 2003. P. 67, 88.

См.: *Агеева О.Г.* Указ. соч. С. 110, 111.

383

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6745, 6773.

384

См.: *Корсакова Т.Н.* Указ. соч. С. 7, 8.

385

Подсчитано нами по: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 182. Ч. 1. Л. 1-93;
Ч. 2. Л. 2-7 об.

См.: Сборник РИО. Т. 106. С. 579, 580.

387

См.: РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 403.

См.: *Stern S.* The court jew. A contribution to the history of absolutism in Europe. New Brunswik, 1985.

См.: Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 2827, 3099, 6426, 6478, 6999, 7000, 7238, 7465; Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отд. 1. Т. 3. Ч. 1. № 2159, 2886, 4150; Сборник РИО. Т. 146. С. 17.

См.: Сборник РИО. Т. 5. С. 435; Т. 20. С. 121; Т. 85. С. 375; Т. 96. С. 161; Т. 108. С. 94; Т. 120. С. 5; РС. 1870. Т. 1. С. 58, 59; *Строев В.Н.* Указ. соч. С. 26, 27; Еврейская энциклопедия. СПб., 6. г. Т. 10. С. 224, 225; Петербург. История банков. СПб., 2001. С. 45.

См.: Записка о комнатных расходах // Общий архив Министерства императорского двора. Т. 1. С. 111, 113; РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. № 4717. Л. 115.

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 8. Л. 62.

Записки придворного брильянщика Позье о пребывании его в России // РС. 1870. № 1. С. 55, 56.

394

См.: ГАРФ.Ф. 728. Оп. 1. № 81. Л. 8 об., 9.

См.: История Правительствующего сената за двести лет. Т. 1.
С. 556, 557.

Перевороты и войны. С. 387.

См.: Сборник РИО. Т. 106. С. 11, 12, 97, 202, 224, 313, 334, 579;
Т. 108. С. 16, 40, 94, 412.

398

Записка о комнатных расходах. С. 106.

399

См.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. № 335. Л. 2об., 3.

400

См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 276. Ч. 1. Л. 4, 6–7 об., 9.

Переписка императрицы Анны Иоанновны с московским губернатором графом С.А. Салтыковым. С. 1658, 1664, 1665.

См.: Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции: В 3 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 27.

Беспятых Ю.Н. Указ. соч. С. 142, 143.

Перевороты и войны. С. 156, 157, 390.

См.: *Епатко А.Ю.* Летний дворец императрицы Анны Иоанновны // История Петербурга. 2007. № 5. С. 89, 90.

См.: *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII в. СПб., 2008. С. 252.

407

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 596. Л. 20.

408

ГАРФ.Ф. 926. Оп. 1. № 386. Л. 3.

409

РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. №38. Л. 1.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1739 г. СПб., б. г.
С. 6; Сборник РИО. Т. 76. С. 479.

См.: *Погосян Е.А.* Пётр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 358–363.

412

См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. №30. Л. 15, 15 об., 19, 57.

413

Там же. Ф. 1272. Оп. 1. № 36. Л. 1.

См.: Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции: В 2 кн. Кн. 1. М., 1880. С. 362-401.

Указы и рескрипты Анны Иоанновны лифляндским генерал-губернаторам // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 4. С. 272.

Цит. по: *Порошин С.А.* Указ. соч. С. 159.

См.: *Duindam J.* Op. cit. P. 234.

См.: *Феррацци М.* Комедия дель арте и её исполнители при дворе Анны Иоанновны. 1731–1738. М., 2008. С. 46, 268.

Цит по: Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. М., 1918. 4. 2. Вып. 1. С. 71.

420

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 29. Л. 35.

См.: *Петров П.И.* Иван Алексеевич Балакирев // РС. 1882. № 10. С. 168, 169; Сборник РИО. Т. 104. С. 448, 449; Т. 106. С. 364, 367; Т. 111. С. 135, 177, 428, 429.

422

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 19. Л. 1 об., 2.

Сборник РИО. Т. 130. С. 552, 553.

См.: *Старикова Л.М.* Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. С. 672–678.

См.: *Успенский Б.А. ВокругТретьяковского: Труды по истории русского языка и русской культуры*. М., 2008. С. 534, 535.

Империя после Петра. С. 258.

427

РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 44. Л. 1-2.

428

Там же. Ф. 9. Оп. 5. № 19. Л. 4 об.

Анна Иоанновна во внутренних своих покоях. Рассказ
Настасьи Филатьевны Шестаковой // Р.А. 1873. № 9. С. 1644–1646.

430

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 719. Л. 5.

Книга записная имянным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семёну Андреевичу Салтыкову. С. 35, 66, 138.

Переписка императрицы Анны Иоанновны с московским губернатором графом С.А. Салтыковым. С. 1651, 1655, 1657, 1658, 1660, 1669.

См.: *Хотеев П.И.* Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII в. СПб., 2008. С. 180, 181.

435

См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 26. Л. 2-4.

Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1737.
С. 164, 180.

См.: *Fauchier-Magnan A.* The small german courts in the eighteenth century. L., 1958. P. 47, 54, 82, 199-202.

438

См.: *Феррацци М.* Указ. соч. С. 33, 34, 245.

См.: *Огаркова И.А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора. XVIII — начало XIX в. СПб., 2004. С. 48, 49.

Цит. по: *Феррацци М.* Указ. соч. С. 121, 235.

См.: *Старикова Л.М.* Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. С. 48, 54, 79; *Огаркова Н.А.* Указ. соч. С. 19.

См.: *Старикова Л.М.* Первая русская балетная труппа // Памятники культуры. Новые открытия. 1985. Л., 1987. С. 103–107.

См.: ГАРФ.Ф. 926. Оп. 1. № 386. Л. 1.

444

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1086. Л. 311 об.

См.: Сборник РИО. Т. 111. С. 287.

См.: Опись придворного охотничьего хозяйства от 4 сентября 1740 года см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1086. Л. 397-407.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 10. № 7581, 7989, 7990, 7992–7994.

См.: Материалы для биографии А.П. Волынского // Старина и новизна. Вып. 6. СПб., 1906. С. 280–284; ПСЗРИ-1. Т. 10. № 7147, 7188, 7561, 7575; Т. 11. №8141.

Цит по: Кутепов Н.Н. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII в. СПб., 1902. С. 39 (примечание), 76, 77.

450

См.: Там же. С. 45, 75, 76; РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1086. Л. 375.

451

См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 529. Л. 4, 4 об.

452

Там же. №522. Л. 1-2.

453

См.: Там же. №610. Л. 1, 1 об. ; № 484. Л. 4-5, 11-12, 17.

См.: Там же. № 515. Л. 24, 26–27.

455

См.: Там же. Ф. 16. Оп. 1. № 3. Л. 85 об.

456

Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 583. Ч. 1. Л. 259; Ч. 2. Л. 26 об., 27.

См.: *Строев В.Н.* Указ. соч. Ч. 2. Вып. 1. СПб., 1910. С. 164.

Цит. по: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым. С. 163–165.

Беспятых Ю.Н. Указ. соч. С. 159–160.

Цит. по: *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. С. 344.

Перевороты и войны. С. 391.

Цит. по: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым. С. 172, 173.

См.: *Стродс Х.* Указ. соч. Ч. 2. С. 29, 39–45; *Овсянников Ю.М.* Франческо Бартоломео Растрелли. Л., 1982. С. 50.

465

См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. №290. 4. 1. Л. 26; Ч. 4. Л. 1-2.

466

См.: *Стродс Х. Указ. соч. Ч. 2. С. 59.*

См.: 200-летие Кабинета его императорского величества. С. 342.

468

См.: РГАДА. ФИ- Оп. 1. № 617. Л. 39, 47, 50, 53, 57, 62.

469

Там же. Ф. 9. Оп. 5. №31. Л. 113.

470

См.: Там же. Ф. 19. Оп. 1. № 182. Ч. 1. Л. 96. Автограф указа о награждении см.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 50. Л. 1.

См.: *Курукин И.В.* Гульдены барона Остермана: Дело о беглых капиталах вице-канцлера // *Родина*. 2002. № 9. С. 16–21.

[*Ruhl F. J.*] Geschichte Ernst Johann von Biron, Herzogs in Liefland, zu Curland und Semgallen, in verschiedenen Briefen entworfen. Frankfurt; Leipzig, 1764. S. 26, 27.

См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 298, 299; Т. 106. С. 130, 481; Т. 111. С. 256, 513; Т. 114. С. 193; Т. 124. С. 337.

См., например: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. № 86; Ф. 11. Оп. 1. № 562 (опись бумаг из кабинета Бирона на немецком языке); № 494 (документы по судебным делам придворных).

475

См.: Там же. Ф. 9. Оп. 5. № 31. Л. 144–152.

476

См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. №598. Л. 1-83.

См.: Там же. № 429. Л. 8, 23, 194, 211; Ф. 177. Оп. 1. 1739 г. № 149. Л. 1-436.

См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. №533. Л. 1-63.

См.: Там же. Ф. 21. Оп. 1. № 40. Л. 1-12 (доклады Н.Ф. Головина); Ф.И. Оп. 1. № 498. Л. 11 (отчёт Шифнера и Вульфа); *Пекарский П.П.* Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 32, 33 (письма В.Н. Татищева).

Империя после Петра. С. 16–19.

481

См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 360. Л. 4-14.

Письма Э. Бирона посланнику Герману Кейзерлингу // Сборник РИО. Т. 33. С. 484.

Перевороты и войны. С. 35, 36.

484

См.: РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. № 34. Л. 1-12; Ф. 20. Оп. 1. № 80. Л. 1-4.

См.: Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1730–1733. Ч. 1. Морские отряды. М., 2001. С. 388, 389; ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6571.

Исторические бумаги XVIII в. // Русская беседа. 1860. Ч. 2. С. 198-205; РГАДА. Ф. 11- Оп. 1. № 529. Л. 2-3, 7-9.

См.: Русский биографический словарь. Дополнительный том «Маак — Мятлев». М., 1999. С. 107, И.3.

488

См.: РГАДА-Ф.П. Оп. 1. № 515. Л. 1-137.

Беспых Ю.Н. Указ. соч. С. 57.

490

См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 498. Л. 37, 73.

491

См.: Там же. № 526. Л. 2; № 498. Л. 41.

См.: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 641, 642.

См.: *Герье В.И.* Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С. 52; Сборник РИО. Т. 81. С. 512, 513; *Sutton J.* The King's Honor and the King's Cardinal. The War of the Polish Succession. Lexington, 1980. P. 58.

См.: Сборник РИО. Т. 5. С. 459, 461, 463, 478, 482; Т. 66. С. 482, 497, 551, 574; Т. 76. С. 69.

495

См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. № 44. Л. 74-82, 279.

См.: Сборник РИО. Т. 66. С. 574; Т. 76. С. 19, 20, 34, 47, 50, 61, 64–66, 74, 88, 89, 96, 105, 115, 125, 131, 132, 141, 161, 164, 183, 190, 196, 239, 240, 262, 272, 280, 301, 316, 380, 406; Т. 80. С. 17, 87, 88, 241, 253, 416, 417, 459.

См.: *Белов Е.А.* Отношения Фридриха II до вступления его на престол к русскому двору с 1737 по 1740 г. //ДиНР. 1875. № 8. С. 377-380; *MacDonogh G.* Frederick the Great. A life in deed and letters. N. Y., 1999. P. 111.

Сборник РИО. Т. 76. С. 69, 70.

499

См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. №477. Л. 1, 1 об.; Ф. 15. Оп. 1. №48. Л. 2-12.

См.: *Reading D.* The Anglo-Russian Treaty of 1734. L., 1938. P. 146-177.

См.: *Стродс Х.* Указ. соч. Ч. 2. С. 16–24.

См.: *Кабузан В.М.* Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII–XX вв. М., 2003. С. 30.

См.: *Беспярых Ю.И.* Указ. соч. С. 360; *Семёнова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб., 1998. С. 18.

См.: Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Т. 1. С. 212, 235, 245, 275-277, 282, 289, 291, 299, 300, 308, 309, 311.

505

См.: *Хотеев П.И.* Указ. соч. С. 120, 121.

См.: *Шпилов А.В.* Русская бытовая культура: пища, одежда, жилище (с древнейших времён до XVIII в.). Воронеж, 2007. С. 332.

См.: *Ковригина В.А.* Немцы в ремесле и промышленности Москвы второй половины XVII — первой половины XVIII в. // Немцы в России: Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 243, 245.

См.: Семёнова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга. С. 125.

Цит. по: *Поздеев А.В.* Рукописные песенники XVII–XVIII вв. М., 1996. С. 212.

Безвременье и временщики. С. 312; Записки М.А. Муравьёва // Российский архив. Вып. 5. М., 1994. С. 27.

См.: *Белобородова И.Н.* Этноним «немец» в России XVII–XX вв. (к проблеме формирования русской национальной идентичности) // *Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности*. М. 2001. С. 178, 179; *Ермасов Е.В.* Образ «русского варварства» в сочинениях немецких публицистов XVI — первой половины XVIII в. // Там же. С. 15–27; *Фосс Ю.* Указ. соч. С. 28–44.

Мордвинов С.И. Родословие фамилии адмирала Мордвинова // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 2. С. 24-27.

См.: *Раскин Д.И.* Некоторые черты психологии народных масс России XVIII в. // Наука и культура России XVIII в. Л., 1984. С. 230; *Симони П.К.* Сказки о Петре Великом в записях 1745–1754 гг. // Живая старина. 1903. № 1/2. С. 225–227; РГАДА Ф. 7. Оп. 1. № 894. Л. 4, 4 об.; *Луппов С.П.* Кто покупал книги в Петербурге второй четверти XVIII в. // История книги и издательского дела. Л., 1977. С. 135–137, 140, 142, 144–146, 148, 150, 151, 153.

514

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 679. Л. 8, 8 об.

См.: *Черникова Т.В.* Политические процессы 30-х гг. XVIII в. в России: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1989. С. 12.

516

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1155. Л. 520-522 об., 542-577.
Ср.: Там же. Оп. 14. № 768. Л. 141-149.

517

См.: Там же. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. № 43. Л. 11-23.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 10. №7767.

См.: Сборник РИО. Т. 126. С. 562, 563; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 7055. Поручную запись Бирона от 22 июня 1739 г. см.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. № 82. Л. 32; записки и «мемории» Шемберга в бумагах Бирона см.: Там же. № 73. Л. 1-4, 5-6, 17-18, 27-30.

См.: Сборник РИО. Т. 146. С. 369; Сенатский архив. Т. 2. С. 82, 183.

См.: *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 165, 166.

См.: *Соболева Т.А.* Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII — начала XIX в.). М., 1994. С. 99–107.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1740 гг. // Первый кадетский корпус во дворце Меншикова: К 275-летию основания: Материалы научной конференции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 37. СПб., 2007. С. 142; *Бенда В.Н.* Особенности организации учебного процесса в Сухопутном кадетском корпусе в первой половине XVIII в. // Клио. 2009. № 4. С. 125.

См.: *Серов Д.О.* Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 14.

Цит. по: *Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточной Сибири в первой половине XVIII в. //Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. С. 28, 29.

526

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 182. Л. 2, 2 об.

См.: *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М., 2004. С. 295.

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 388. Л. 295–296.

529

См.: Там же. Ф. 154. Оп. 2. № 577. Л. 2-6.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5864; Т. 9. № 6404, 6789; *Киров А.Н.* Иностранцы в России: законодательство первой половины XVIII в. // Немцы Сибири: история и современность. Омск, 1995. Ч. 2. С. 87-91.

См.: *Буранок О.М.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII в. Самара, 2002. С. 165–172.

См.: *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII в. М., 1962. С. 462; *Kahan A.* The plow, the hammer and the knout. An economic history of eighteenth century Russia. Chicago, 1985. P. 110, 188; *Козинцева Р. И.* Русский экспорт сельскохозяйственной продукции в первой половине XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Вып. 9. М., 1980. С. 234, 239; *Богатырёв Э.Д.* Государственная политика в области эффективности производства в России в первой трети XVIII в. // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2007. Вып. 4. С. 47.

См.: *Репин Н.Н.* Импортный товарооборот
Архангелогородского и Петербургского портов в 1700–1762 гг.:
объём, структура, ассортимент// Рязанский историк. 2008. № 7. С.
3–17.

534

См.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. № 43. Л. 6 об., 7 об.

См.: Сборник РИО. Т. 106. С. 309; Т. 130. С. 629.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* «Дипломатия английского сукна» // Родина. 2003. № 5/6. С. 49, 50.

537

РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 400. Л. 1035-1038.

См.: Там же. № 388. Л. 28, 547, 547 об., 708–709.

См.: *Козинцева Р.И.* От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 189-216.

См.: *Маркова М.А.* Источники по истории населения Санкт-Петербурга и столичной губернии // Материалы церковного учёта населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 116.

См.: Список ученикам академической гимназии с 1726 по 1731 г. // Учёные записки Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. 3. Вып. 4. СПб., 1855. С. 562–565; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1886. С. 262, 263.

См.: *Хотеев П.И.* Русские студенты в университетах Германии в первой половине XVIII в. //XVIII век. Сборник 24. СПб., 2006. С. 79, 81.

См.: Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII в. СПб., 1865. С. 261, 276, 305.

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2.
СПб., 1886. С. 64.

Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. М., 1998. Т. 1. С. 360.

См.: Каминская А.Г. Художники Георг и Доротея Гзель в Петербурге // Из истории петровских коллекций. СПб., 2000. С. 99; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 3. С. 675.

См.: *Кургатников А.В.* Год 1740. СПб., 1998. С. 58.

См.: *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время 1725–1740. Л., 1976. С. 205, 206.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5565–5568, 5570, 5571.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 71.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5677, 5684.

552

См.: Там же. № 5775, 5793.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 180, 181.

См.: *Он же*. «А самых больших кораблей нам строить трудно...» // *Родина*. 1996. № 7/8. С. 19; *Он же*. Царствование Анны Иоанновны. С. 278; ПСЗРИ-1. Т. 8. № 6035; История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 191.

555

См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. № 123. Л. 1, 1 об.; Ф. 21. Оп. 1. № 13. Л. 380.

См.: *Масловский Д.Ф.* Записки по истории военного искусства в России. СПб., 1891. Вып. 1. С. 181, 182; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1987. Ч. 2. С. 208, 209.

См.: *Миронов Б.Н.* Социальная структура городского населения России в 1737 г.: опыт реконструкции // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 123.

См.: Сборник РИО. Т. 146. С. 301.

См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 236; РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. № 661. Л. 68, 71.

См.: *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х гг. М., 1999. С. 93, 94.

561

См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 413; Т. 114. С. 121, 195; Т. 146. С. 519.

Там же. Т. 104. С. 474; Т. 117. С. 602, 603.

563

См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 203. Л. 546, 546 об.

См.: Сборник РИО. Т. 130. С. 535.

См.: Семёнова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 134, 135, 143.

См.: Сборник РИО. Т. 130. С. 610–612, 687–690.

567

См.: Там же. Т. 124. С. 23.

См.: Там же. Т. 130. С. 163, 507-509, 609, 681.

569

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 56. Л. 18, 29, 76, 76 об., 96–97 об., 99.

570

См.: Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 583. Ч. 2. Л. 23.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6412; Сборник РИО. Т. 106. С. 55.

См.: Сборник РИО. Т. 104. С. 410, 411.

См.: Там же. Т. 117. С. 118, 121, 137, 138, 219-221.

См.: *Троицкий С.М.* О дележе феодальной ренты между помещиками и государством // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 130.

575

См.: Сборник РИО. Т. 106. С. 110; РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. № 229.
Л. 270-273 об.

Сборник РИО. Т. 104. С. 414, 415.

См.: РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. № 194. Л. 240–251; Сборник РИО. Т. 138. С. 286; Т. 146. С. 448.

578

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. № 826. Л. 710–766.

См.: Сборник РИО. Т. 114. С. 79.

См.: Там же. Т. 146. С. 482, 483.

581

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 473. Ч. 1. Л. 182, 186 об.; № 5. Ч. 2.
Л. 124 об.

Сборник РИО. Т. 146. С. 245, 246.

583

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 56. Л. 103-104.

584

См.: Там же. Оп. 17. № 1099. Л. 831–832.

См.: Сборник РИО. Т. 130. С. 118, 119.

См.: Там же. Т. 126. С. 192, 193.

См.: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 465.

См.: Сборник РИО. Т. 146. С. 108-111, 347, 432.

См.: Там же. С. 73, 80, 81, 91, 92.

590

См.: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. №11. Л. 6.

591

См.: Там же. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. № 60. Л. 7 об.

Сборник РИО. Т. 146. С. 445.

См.: Там же. Т. 130. С. 681–683.

См.: *Троицкий С. А.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С. 192, 193.

См.: Сборник РИО. Т. 126. С. 249.

См.: *Бенда В.Н.* Указ. соч. С. 123.

ПСЗРИ-1. Т. 8. №5717.

См.: *Маррезе М.* Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009. С. 46, 47, 130.

См.: *Алефиренко П.К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х гг. XVIII в. М., 1958. С. 72, 73, 107.

См.: *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 57–74.

См.: *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870. С. 182, 183, 216, 296, 324.

602

РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. № 32. Л. 1-2 об.

603

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6490, 6507, 6497.

604

См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 384. Л. 3 об., 26.

605

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6569, 6570.

607

См.: ПСЗРИ.Т. 9. № 6609, 6612.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Голод 1733–1735 гг. и правительственная политика по борьбе с ним // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л.В. Милова: к 80-летию со дня рождения. М., 2009. С. 229–232.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6653.

610

См.: Там же. №6681.

611

Там же. №6674, 6675.

612

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. № 400. Л. 219-220, 237, 237 об.,
239-241, 244-246 об.

См.: Там же. Л. 386–389.

См.: *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 395-397; Калужская провинция во второй четверти XVIII в. // Р.А. 1913. № 2. С. 252-254; *Гессен В.Ю.* Нападения беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20-30-х гг. XVIII в. // В.И. 1954. № 12. С. 106-110.

Цит. по: *Алефиренко П.К.* Указ. соч. С. 120.

Записки старожила Ивана Ивановича Исаева о городе Ельце // Труды Орловской учёной архивной комиссии. Орёл, 1895. Вып. 2. С. 43-45.

См.: *Леонид (Кавелин), архим.* Указ. соч. С. 575; Переписка московского главнокомандующего графа С.А. Салтыкова и императрицы Анны Ивановны с её духовником архимандритом Варлаамом. № 8. С. 431-441.

См.: *Титлинов Б.В.* Указ. соч. С. 56, 64, 65, 188, 209, 231;
Малышев М.Ю. Сословная политика правительства Анны
Иоанновны. С. 21.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 10. №7226.

См.: *Петрухинцев Н.* Разгром Ветки // Родина. 1999. № 7. С. 41–44.

621

См.: ПСЗРИ-1. Т. 11. №8236.

622

См.: ПСПРВПИ.Т. 10. С. 62, 105-110, 304, 305, 342, 343, 349, 418, 426.

623

См.: РГАДАФ. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 7. Л. 8об.; ПСЗРИ-1. Т. 10.
№7612.

Цит. по: Литературные источники XVIII в. М., 2003. С. 752.

См.: *Нелипович С.Г.* Дезертирство из российской армии, находившейся в Западной Европе в 30-40-х гг. XVIII в. // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 77-85.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6512; Сборник РИО. Т. 76. С. 166.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 181–184.

См.: *Кочубинский А.А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 188, 225, 227, 229.

См.: Там же. С. 212–218, 298–301, 305–309, 336–341; *Шульман Е.Б.* Вопрос о Молдавии и Валахии на Немировском конгрессе // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинёв, 1984. С. 28–32; *Уляницкий В.А.* Из документов Немировского конгресса // ЧОИДР. 1894. Кн. 2. Смесь. С. 1–22.

См.: *Roider K.* The Reluctant Ally. Austria's Policy in the Austro-Turkish War 1737-1739. Baton-Ruge, 1972. P. 53, 126, 128, 129, 146, 148.

См.: *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С. 233.

См.: Сборник РИО. Т. 108. С. 22, 23.

См.: *Петрухинцев Н., Смирнов А.* Уложение для Украины // Родина. 2003. № 2. С. 92, 93.

Цит. по: *Аломова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948. С. 188.

Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.
С. 364, 365.

См.: *Лебедев В.* Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. 1936. № 5. С. 198-201; *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М., 2009. С. 154-158.

«Отправили для Нашего интереса в Наши подданные земли...»: Доношения И.К. Кирилова из Оренбургской экспедиции. 1734–1735 гг. // Исторический архив. 2002. № 1, С. 213, 214.

См.: Голикова Н.Б. Из истории изучения Приаралья во второй четверти XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1993. № 3. С. 5; «Чтоб на Аральском море город построить»: Подготовка начальником Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым экспедиции в Среднюю Азию. 1738–1739 гг. // Исторический архив. 2009. № 6. С. 191, 192.

См.: ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6889, 6890.

См.: Материалы по истории России: Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Оренбург, 1900. Т. 2. С. 199, 200.

См.: *Петрухинцев Н.Н.* Время собирать караван: Первый шаг к Казахстану// *Родина*. 2004. № 4. С. 53, 54.

Цит. по: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1888. С. 373, 374. См. также: *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII — середины XIX в. Хабаровск, 1986. С. 132, 133.

См.: Зуев А.С. Камчатский бунт 1731 года: Из истории русско-ительменских отношений // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2007. Вып. 3. С. 108-190.

См.: *Он же*. Промемории Д.И. Павлуцкого о деятельности Анадырской партии в начале 1730-х гг. // Вестник НГУ. 2003. № 2. Вып. 2. С. 135-137.

См.: *Илышев П.* Гондза и Содза: «культурная миссия» в России // Япония сегодня. 2009. № 2. С. 20, 21.

См.: Ю.Г. Год 1739. Первые русские на японской земле // Там же. 2007. № 2. С. 28, 29.

647

См.: РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. № 8. Л. 1–7 об.

Безвременье и временщики. С. 243.

См.: *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С. 40, 41.

См.: Сборник РИО. Т. 5. С. 470; Т. 66. С. 101.

См.: Там же. Т. 66. С. 413, 414.

653

Несколько собственноручных писем Анны Иоанновны. С. 156.

Перевороты и войны. С. 474.

См.: Общий архив Министерства императорского двора. Т. 1.
С. 119.

656

См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С. 56, 57.

657

См.: Сборник РИО. Т. 80. С. 346.

658

См.: РГАДА. Ф. 1292. Оп. 1. № 95. Л. 668 об.

Безвременье и временщики. С. 247. Перипетии брачной истории см.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С. 50, 51, 60–67.

660

См.: *Агеева О.Г.* Указ. соч. С. 114.

Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 657, 658.

662

Безвременье и временщики. С. 248.

663

Там же. С. 249.

Там же. С. 250-252.

665

См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С. 66, 67.

666

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 5. Ч. 3. Л. 143.

667

См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С. 67.

668

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 278.

См.: *Готье Ю.В.* Проект о поправлении государственных дел А.П. Волынского//Дела и дни. 1922. №3. С. 20, 23–27; *Петрухинцев Н.Н.* Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» Волынского // В.И. 2006. № 4. С. 38–41.

670

Цит. по: *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 10. С. 655.

671

Цит. по: Там же. Кн. 11. С. 132.

672

См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 210. Ч. 2. Л. 109.

Цит. по: *Шишкин И.* Артемий Петрович Волинский // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 118.

674

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 9. Л. 19.

675

Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 198. Л. 27 об., 47-48 об., 59 об., 60, 62, 64 об., 70, 70 об.

См.: *Новикова О.Э.* Липсий в России первой половины XVIII в. // *Философский век: Альманах. Вып. 10.* СПб., 1999. С. 158; *Она же.* Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547–1606). МЛ, 2005. С. 183–187, 193, 202.

677

Исторические бумаги XVIII в. С. 179. Подлинную
недатированную записку Анны Иоанновны см.: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1.
№ 37.

678

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 199. Л. 220–223.

Там же. Л. 226-229 об.

680

См.: Там же. №211. 4. 1. Л. 101, 102, 106, 110

681

См.: Там же. № 206. Л. 2-5 об., 7-14.

См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. № 211. Ч. 1. Л. 108, 109, 111, 173; Ф. 7. Оп. 1. №269. 4. 9. Л. 32-33, 41.

683

См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. №211. 4. 1. Л. 193–194; Записка об
Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. С. 164.

684

См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 211. Ч. 3. Л. 19.

См.: Сборник РИО. Т. 146. С. 133.

686

См.: Внутренний быт Русского государства... Кн. 1. С. 2;
ПСПРВПИ.Т. 10. С. 29.

Цит. по: *Пекарский П.И.* Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 гг. М., 1862. С. 620, 621.

Цит. по: *Он же.* Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым. С. 228.

См.: *Хмыров М.Д.* Указ. соч. С. 321–327 (другую публикацию см.: Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 12–36); *Есипов Г.В.* Депеши прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДиНР. 1876. № 6. С. 199; № 7. С. 284.

См.: Дело о курляндском герцоге Э.И. Бироне // ЧОИДР. 1862.
Кн. 1. Смесь. С. 85; Перевоороты и войны. С. 300.

См.: Перевороты и войны. С. 383; Архив князя Воронцова. Кн. 25. М., 1882. С. 31; РГАДА-Ф-6. Оп. 1. №287. 4. 1. Л. 154.

См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 402. Л. 32 об.; *Герман Э.* Указ. соч.
// Р.А. 1867. № 2. С. 162.

См.: *Есипов Г.В.* Депеши прусского посла... //ДиНР. 1876. № 7.
С. 284.

Перевороты и войны. С. 386.

695

См.: *Хмыров М.Д.* Указ. соч. С. 325; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 288.
Л. 182 об.

См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово (далее — НС). 1896. № 4. С. 139, 140; Перевороты и войны. С. 385; РГАДА. Ф.1292. Оп. I. № 95. Л. 679.

См.: Сборник РИО. Т. 86. С. 568; *Брикнер А.Г.* Падение Бирона
// Н.С. 1896. №4. С. 134.

См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым. С. 194; *Есипов Г.В.* Депеши прусского посла... // ДиНР. 1876. № 6. С. 200.

Цит. по: *Пекарский П.П.* Маркиз де-ла-Шетарди в России. С. 151.

См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Н.С. 1896. № 4. С. 145, 146; Сборник РИО. Т. 92. С. 6, 14.

701

См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. № 1197. Л. 180, 180 об.

Перевороты и войны. С. 392.

Цит. по: *Пекарский П.П.* Маркиз де-ла-Шетарди в России. С. 625, 626.

Манифест о кончине Анны, «Устав» о регентстве и присяга были опубликованы в специальных «Примечаниях на ведомости ч. 87 и 88» от 28 октября 1740 г. В ПСЗРИ «Устав» не включён.

705

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 312. Л. 30 об., 31.

См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Н.С. 1896. № 6. С. 26;
Сборник РИО. Т. 92. С. 4.

707

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. № 558. Л. 158.

См.: *Миронов Б.Н.* Когда в России жилось хорошо? Эпизод первый. XVII — первая половина XIX в. // *Родина*. 2008. № 4. С. 18, 19.

См.: *Барсуков А.П.* Рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1885. С. 14, 15; *Соловьёв С.М.* Указ. соч. Кн. 12. М., 1993. С. 162, 163.

См.: Имянной список всем и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб, обер офицерам и кадетам. СПб., 1761. Ч. 1. С. 16, 17, 19, 26, 27, 55.